

ВОЙНА...
ПОЭЗИЯ
ВСЕРЬЁЗ

Поэты, чьи произведения представлены в антологии, сказали своё слово не только о самой Великой Отечественной войне (1941–1945), но и о памяти этих событий в последующих поколениях. Они – люди разных возрастов и национальностей. Среди них те, чьи имена уже 75 лет связаны воедино со словом «война» на страницах учебников, и не менее значительные авторы, по воле судьбы оставшиеся на втором плане – так сказать, в тени «славных» товарищей.

Показать многоголосье, разноплановость в творчестве не только внутри одного поколения, но и в исторической перспективе – вот одна из задач, которую мы попробовали решить, вдохновляясь словами А.Т. Твардовского «Война всерьёз. Поэзия... всерьёз».

Три поколения русской поэзии... Мы условно назвали авторов отцами, детьми и внуками. Впервые их творчество собрано и представлено столь широко и полно, объединённое одной темой – Великой Отечественной войны и памяти о ней. Хотя правильнее будет сказать – темой войны и мира. Неразрывное единство этих противоположностей пытались осмыслить поэты, а мы – собрать под одной обложкой, чтобы современники и потомки никогда не забывали опыт своих героических многострадальных предков, защитивших не только нас, живущих сегодня в России, но и всё человечество от фашизма.

Мы бы не справились с этой работой одни – без помощи наследников авторов, писателей-подвижников, краеведов, библиотекарей и многих-многих людей, равнодушных к русской культуре и памяти народа-победителя.

Низкий благодарственный поклон всем соратникам.

БОРИС ЛУКИН
ПОЭТ

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН
ПОЭТ

Литературный фонд
«Дорога жизни»

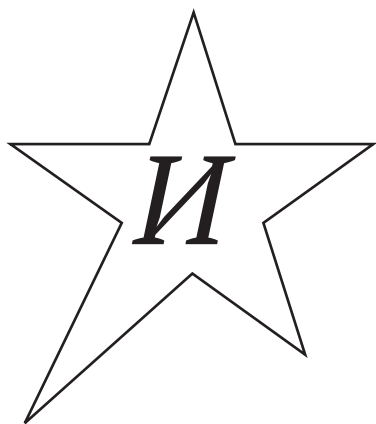
Санкт-Петербург, 2020

ВОЙНА

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
(1941–1945)

В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX–XXI ВВ.

АНТОЛОГИЯ

МИР

Книга IX / Т-Я

Авторы с 1927 по 1945 г.р.

УДК 821.161.1 (082.2)
ББК 84(2=411.2) 6-я43
В 65

ВОЙНА И МИР
АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ
НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Издатель: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»
(президент – Д.А. Мизгулин)
Идея проекта: Д.А. Мизгулин
Руководитель проекта: Д.А. Мизгулин
Главный редактор и составитель – Б.И. Лукин

В 65 **ВОЙНА И МИР**. Антология: Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI вв./ Идея проекта: Дмитрий Мизгулин. Главный редактор, редактор-составитель: Борис Лукин. В 15 книгах. Книга IX (Дети; Т-Я; дополнения к VI–VIII книгам, авторы с 1927 по 1945 гг.). – 2020. – 736 с.

ISBN ***_*_*_*_*_*_*_*_*_*_*_*

«Война и мир» – фундаментальная антология русской поэзии в 15 книгах, посвящённая подвигу народов многонационального Советского Союза в Великой Отечественной войне. В книги включены стихи, созданные не только в 1941–1945 годах, но и в послевоенные десятилетия XX–XXI веков.

Данная мемориальная книга жизни народа, издающаяся в честь 75-летия Победы, впервые столь полно представляет объединённое общей темой творчество поэтов различных поколений нашей страны. Большинство представленных произведений давно стали классическими, многие дождались своего часа и также войдут в сокровищницу русской литературы.

В антологии впервые целно прослежена работа трёх поколений писателей, условно названных нами отцами, детьми и внуками. Тома составлены по возрастному принципу: в I–V книгах – творчество писателей, родившихся до 1927 года (тома изданы в 2015–2016 гг.), в VI–IX – с 1927 по 1945 год, в X–XII – с 1946 по 1955 год, в XIII–XIV – после 1956 года, XV – дополнительный. Для удобства поиска фамилии авторов в каждой возрастной группе расположены по алфавиту.

Неоспоримо историческое значение собранных в антологии произведений участников боёв и труженников тыла, чьи строки сполна оплачены кровью, слезами и потом, детей войны, переживших грозное лихолетье, внуков, в чьи судьбы война вторглась лишь эхом, но грозным эхом генетической памяти. Антология дополнена фотографиями поэтов и биографическими данными.

УДК
ББК

ISBN 978-5-9288-0300-1

ISBN ***_*_*_*_*_*_*_*_*_*_*_*

- © Мизгулин Д.А., идея проекта, 2015–2020
- © Мизгулин Д.А., руководитель проекта, 2015–2020
- © Лукин Б.И., редакция, составление, обложка, оформление, тексты, 2015–2020
- © Авторы, наследники, тексты, 2020
- © Вёрстка, 2020

ГЛАЗАМИ ВСЕХ СОЛДАТ, ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ,
Я ВИЖУ ЭТУ ДАЛЬ И ЛЕС ЗА ПОВОРОТОМ,
И БЕЛЫЕ СНЕГА, ГДЕ ЧЁРНАЯ ПЕХОТА
ПРОШЛА ЕЩЁ ВЧЕРА И СКРЫЛАСЬ В ВЫШИНЕ...

Майя Никулина

ТАЗОВ ВЛАДИМИР / 1938–1995

ПАТЕФОН

Екатерине Родионовне, матери моей

Помню, у нас ночевали минёры.
Отгрохотал на окраине день.
Ветер забился в сугробные норы,
Снегом занёс у окошка сирень.
Видимо, тошно было на сердце
И у солдат, и у мамы моей:
Разве в такую войну отогреться,
Разве собрать довоенных друзей?
Ставили на уцелевшую скатерть
Флягу, обшитую серым сукном.
– А, не горюй, Азаренкова Катя, –
Старший сказал, – патефон заведём.
И полдесятка блестящих иголок
Втайне берёг уголок выдвижной,
И оказалось, что вечер недолог,
И не такая докука со мной.
О, этот вечер! Я с ним не простился.
Свет каганца*, завыванье пурги.
Хоть на апрелевской** старой пластинке
Уже и уже сходились круги,
Но – освещая прокуренный воздух –
Никелированная пчела
Этот нектар музыкальных бороздок,
Тихо качаясь, пила и пила.

ТЮНИНСКИЙ*** АИСТ

Заслоня коптилку,
Что одна на блиндаж,
Сбив пилотку к затылку,
Очинил карандаш.
Буква лепится к букве,
Словно так им теплей.
Плащ-палатка набухла,
Та, что вместо дверей.
Голос детства, скитаясь,

* Каганец – светильник в виде черепка, плошки с фитилём, опущенным в сало или растительное масло.

** Производства Апрелевского завода грампластинок.

*** Тюнино – село в Рогнединском р-не Брянской обл.

Слышен с передовой:
«Это тюнинский аист
Прилетел за тобой.
И пока до подъёма
Спят солдаты твои,
Побываешь ты дома,
Позабыв про бои.
Там никто не поранен,
И не кровь над травой, –
Земляничной поляны
Тёплый дух земляной».
Дождь сочится по стенкам,
Воздух сырью пропах.
С болью пишет Рыленков*
О родимых краях,
Где тропинка, теряясь,
На пригорок бежит
И над липою аист
Одичало кружит.

ТАЙДАКОВ ВИКТОР / 1942

ПОБЕГИ

Вода точила крепкий камень,
А ветер горы шлифовал.
Война тугими кулаками
Людей сшибала наповал.
Но в мире нашем, столь суровом,
Младая поросль к свету льнёт,
И в неожиданном и новом –
В том месте, где бессилён гнёт:
То на кирпичной красной кладке
Многоэтажной высоты
Листвой зазеленеют сладкой
Сирени редкие кусты;
То пробивает мостовые
Травинка, слабая на вид;
То вдруг вспорхнут цветы живые
На серый камень-монолит.
Как неожиданно соседство

* Н.И. Рыленков – поэт. Получив начальное образование, учился в Тюнинской трудовой школе.

И взгляд вдовы –
 ответы на вопрос.
Они как дополнение к той славе,
Что русский человек
 с войны принёс.

ТАКАЛА РЕЙЁ / 1931–1989

МАТЕРИ

Отрывок

...Мы жили двое. Трудно было.
И в этом не твоя вина:
Из-за опушки леса была
Прямой наводкою война.

Собрав соседских ребятишек,
Спускалась с ними ты в подвал,
Пока не становилось тише
И враг стрелять не уставал.

Я помню детские глазёнки,
Ведь на полгода старше был.
Чужие братья и сестрёнки,
Мы вместе уезжали в тыл...

Я помню твои развалины,
дымящиеся ещё.
От улиц – одни названия,
воронкам потерян счёт.
И баржи, огнём охваченные,
и ужас в глазах людей,
фугасные,
предназначенные
для женщин и для детей.
Я помню. И все мы помним,
Кто оставлял свой дом,
тот давний
сентябрьский полдень,
дымящийся за бортом...

ТАПХАЕВ ЛОПСОН / 1940–2007

МАТЕРИ

Отрывок

Прозвенела войной
Роковая година,
В удивлённых застыла глазах...
Ты придёшь покормить
Несмышлёного сына,
А похлёбка – на вдовьих слезах.

И когда уже сковано
Дрёмой селенье,
Ты придёшь, и в остывшей печи
Загудят, затрещат
Смоляные поленья,
Чтобы нам не замёрзнуть в ночи.

И наступит тогда
От хлопот передышка,
И наступит минутка одна –
Ты задремлешь.
Но вздрогнет над чайником крышка –
Ты очнёшься от смутного сна.

Мне ещё не понять,
Что сиротскую долю
Получил я в наследство вчера.
Ты навстречу идёшь
По широкому полю,
Погоня худого одрá*.

Ты идёшь, ты идёшь
Каждодневно за плугом,
Упадая порой в борозду,
И остывшее солнце
Идёт полукругом,
Равнодушно смотря на беду.

* Одрёр – кляча, скверная лошадь (от «драть», «ободрать», в смысле – на живодёрню пора).

Всю округу обула,
Одела, обшила
И вязала зимой за двоих.
Согревалось в одежде твоей
Треть аила*,
В тёплых варежках, в унтах твоих.

А под осень
Изба покосилась убого.
И в углах загулял ветерок.
И шептала ты:
«Не простудись, ради бога,
Ты послушай маму, сынок...»

Наяву ли, во сне ли
Я слышал ночами
Бормотанье твоих веретён,
Или вещие птицы
Вращали очами,
Прогоня навязчивый сон?

Оттого, что до света
Ты спать не ложилась
С отрешённым и бледным лицом,
Наша юрта
С кроватью и с печкой кружилась
И ходила в ночи колесом.

И опять ты уже –
За позёмкой холодной,
И пути различимы едва.
Жду тебя у окошка,
Больной и голодный,
И кружится моя голова.

Вот уже не видать
Ни дороги, ни неба.
Чтобы не было скучно в тепле,
Я рисую буханку
Желанного хлеба
И тебя на морозном стекле.

* Аил – посёлок кочевого или полукочевого типа, обычно состоявший из родственников различных степеней.

Но не скоро ещё
Скрип послышится санный,
Впереди не один перевал.
Ты из сумки своей
Хлеб достанешь желанный,
Что усердно я так рисовал.

А какие стояли
Морозные зимы!
А какие метели мели!
Но казалось, вобрал
Этот хлеб магазинный
Ароматы весенней земли.

Только запахи хлеба
Военного вспомню,
Только вспомню – и слюнки бегут,
Только маму,
Уставшую в поисках, вспомню,
Только вспомню – и слёзы бегут.

И не годы одни
Пред тобой виноваты,
Пред тобою полмира в долгу.
Мама, мама!
Как пальцы твои узловаты...
Мне б их выпрямить.
И не могу.

Перевод В. Бояринова

ТАРАСОВ ГЕННАДИЙ / 1938

СТАРЫЕ СОЛДАТЫ

*Матвею Ивановичу Ныркову,
ветерану Великой Отечественной войны*

Вас осталось на земле немного,
Словно после шквального огня.
Признаюсь пред вами, как пред Богом,
Вы ещё дороже для меня.

Я при виде старого солдата
Низко-низко голову клоню,
Будто перед вами виноватый,
Что ни разу не был я в бою.

С той войны полвека пролетело,
Времени не вынесла броня.
Да и вас не много уцелело,
Тем вы и дороже для меня.

1995

МАМЕ

Знаю, ты хватила горя с лишком,
Раздели – так хватит на село.
Только нам, военным ребятишкам,
Было всё же с мамою тепло.

Закипала на плите картошка,
На стене плясала свечки тень.
Мама хлеб делила понемножку.
Если был, конечно, хлеб в тот день.

И во взрослой жизни так бывало,
Лихо-зло дыхнёт в моё лицо,
Душу ото льда отогревало
Мамино – особое – словцо.

Годы быстротечны – скоро старость,
Не всегда с изюмом пироги!
Главное теперь у нас осталось –
Нашим мамам возвратить долги.

Не рублём, не золотом, конечно:
Обласкать, пригреть её ладом.
Так красуйся добрым миром вечно,
Сердцу милый старенький наш дом!

1986

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Доброй вестью Русь объята,
Смех – и копоть от махорки.
Возвращаются солдаты,
Ордена на гимнастёрках.

По земле идут герои,
Дышат воздухом целебным.
Было поле – полем боя,
Стало поле – полем хлебным.

2001

ТАРБА НЕЛЛИ / 1934–2014

УВИДЕЛА ТОЛЬКО СЕЙЧАС...

*Памяти абхазских поэтов, погибших
в Великой Отечественной войне*

Увидела только сейчас
ваши портреты.
Увидела свет ваших глаз,
братья-поэты!

Как будто одна у вас мать –
так вы похожи!
Вам юности не занимать,
куда уж моложе!..

Вы все – из далёкой весны,
из предвоенной.
О как ваши взгляды ясны
и вдохновенны!

Война не оставила след,
след на портретах.
Конца вашей юности нет,
братья-поэты!

Мир остановился для вас
в одно мгновенье,

молнией вспыхнул – и погас!
Нет продолженья...

И рухнули вы в пустоту,
не вскрикнув даже...
Чтобы вы прошли по мосту
гибели вашей!

И дошли до грядущих дней,
самых светлых.
А вы там, внизу, средь корней,
ни птиц, ни ветра...

Сколько недописанных строк,
песен неспетых!
Слишком коротким был срок,
братья-поэты!

Вчитываюсь в ваши слова –
не все в могиле!
Одни – как седая трава,
огонь – другие!

Огнём этим озарена,
смотрю вам в лица.
Верю: проклятая война
не повторится!

Увидела только сейчас
ваши портреты!
Я давно уже старше вас,
братья-поэты.

И я замыкаю вдали
круг свой конечный...
Юные, вы на щеке Земли
родинкой вечной!

ПИСЬМО МАТЕРИ

*Земляку Гицбе Д.Р., погибшему
на Великой Отечественной войне*

Окончилась война,
победа стала нашей –
прошли с тех дней года,
дороги пролегли.
От многих ран страна
оправясь, стала краше,
но скольким им всегда
зиять в душе Земли!

Сквозь радости покров
мерцают звёзды горя,
но вера матерей
стремится к чудесам,
и материнских слов
летят, с ветрами споря,
живые лепестки
наперекор годам:

«Единственный сын мой Датикуа в 1938 году
был призван в армию. Там его и застала война.
С тех пор – ни весточки от него.
Прошу Вас, если знаете, где он, сообщите мне.
Мать его, Гицба Минуца.
Май 1956 года. Село Дурипш».

Над пропастью времён,
как мостик, веры сила:
пусть меры нет беде –
сын продолжает жить.
Где похоронен он,
ответить не просила –
находится он где,
просила сообщить.

Летело то письмо,
светясь в пути надеждой,
живым цветком цвело
на письменных столах.
Картонные с тесьмой
в архивах папки вежды

вздыхали тяжело
на пристальных делах.

И наконец, ответ –
военная страница,
где почерк сух и строг,
где как свинец слова.
На крыльях тяжких лет
судьба к ней в дом стремится,
неумолимых строк
вращая жернова:

«Ваш сын, Гицба Датикуа Рашидович,
принадлежит к числу первых погибших
за Советскую Родину.
Погиб в ноябре 1941 года».

...Немало лет прошло.
Зарубцевались раны.
Приветливо горят
по сёлам очаги.
И, право, тяжело
знать про такие страны,
где пушки говорят
о том, что есть враги.

Той матери уж нет,
и лишь письмо осталось,
бедой опалено,
перенесло
немыслимый груз лет.
Но, потемнев, состарясь,
по-прежнему оно
хранит её тепло.

«...Единственный сын мой, Датикуа...
Если знаете, где он...»

ТАРУТИН ОЛЕГ / 1935–2000

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Отец белил и напевал:

«...Эй, баргузин, пошевеливай вал...»*

А мама ушла в магазин.

А я в этой песне не понимал,
кто такой Баргузин.

Я пошевеливал палкой в ведре,
задумывался над словом.

Мальчишек ещё я не знал во дворе,
мне нравилось быть с отцом.

Отец откуда-то с потолка
кричал:

– Эгей, берегись! –

И стукали капли в газетный колпак
и в нос мой, задранный ввысь.

Отец протягивал кисть:

– Держи,

давай перекурим, брат!

А помнишь, как в этой комнате жил?

Забыл небось Ленинград? –

Немного, что я помнил о нём,
мне злой вспоминалось зимой...

Ещё вспоминался мне метроном,
тревожный, грозный такой.

А в комнате гулко;

углы пусты;

настил довоенных газет...

Потом я с окна отдирал кресты,

докуда в одиннадцать лет

достать я сумел.

Я был рослый пацан.

Отец говорил мне – «брат».

О гулкая комната,

песня отца

и счастье, что – Ленинград!

* Слова из русского романа «Славное море – священный Байкал» на основе стихов сибирского поэта Д.П. Давыдова. Музыка неизвестных заключённых с Нерчинских рудников, поэтому песня считается народной. Баргузин – северо-восточный ветер, дующий в средней части озера Байкал.

ТАРХАНОВ АНДРЕЙ / 1936–2017

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Отцу, Семёну Прокопьевичу Тарханову

Глаза земли задумчивы и кари,
А щёки в конопушках земляник.
Поляна детства мне раздумье дарит,
И к ней душою
я сейчас приник.

Там – голоса.
Я чую запах гари.
Гранаты рвутся,
Вечный бой идёт.
В горячих бликах
близкого пожара
Отец в атаку поднимает взвод.

Ты оглянись, отец,
и я запомню
Твои черты,
ведь я не помню их.
Скажи о том солдатам запылённым,
Чтоб я запомнил и солдат твоих.

Но вы спешите.
Голоса стихают.
Я поднимаю голову –
Вокруг
Оранжевые бабочки летают,
Глухарь смешно оттачивает звук.

Мир на земле.
И нету выше блага,
Чем это –
слышать небо и траву.
По всей стране
жива отцов отвага,
И потому, наверное, живу.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Памяти отца – Тарханова Семёна Прокопьевича

Третий год как в России пылает война.
В каждом сердце оставила след свой она.
Был апрель. И за окнами вербы цвели.
Как шары золотые, летали шмели.
Мать грустила в избе, день весны торопя.
И предчувствие жило в ней, словно дитя.
Вот оно встрепенулось –
и сжалась рука.

В это самое время в тылу у врага
Сын-разведчик таился за корнем сосны.
Вражьи цепи облавы солдату видны.
Впереди луговина. Не скроет она –
Справа, слева чернеет фашистов стена.
Выручай, автомат!
Но тревожна душа.

И граната последняя в дело пошла.
А последняя пуля... Она – для себя...
И предчувствие вскрикнуло, словно дитя.
Мать рукою за сердце схватилась, бледна.
«Что-то с сыном...» – едва прошептала она.
Был апрель. И за окнами вербы цвели.
Как шары золотые, летали шмели.

2003

*Памяти бабушки Матры –
Матрёны Александровны Тархановой*

Ты одна в этой тихой и скорбной избе,
Одинока по самой жестокой судьбе.
Сын погиб на Карельском в 43-м году.
Братья пали в боях в сталинградском аду.
Внуки учатся.
Сына дыханье тая,
Ты живёшь будто память под крышей жилья.
На сноху не в обиде, она далеко.
Расставание с ней.
Как озвучить его?!..

«Тут все корни...
и буду я здесь помирать...» –
Прошептала ты,
слёзы пытаюсь унять...
И однажды увидели поле, изба,
Как ушла ты от них,
и с тобою судьба.
Получив извещение, приехали мы,
Опоздав из-за грозных метелей зимы.
Знай, за детство и ласку навеки любя,
Мы по-прежнему слышим и видим тебя.

2013

ОДИН

Деревня лет военных,
Хромает мужичок.
Глядит он дерзновенно,
Для баб он нынче – бог.

Он, раненный на финской,
Негож для мировой.
Он – вроде обелиска,
Но царственно живой.

Единственный мужчина
Среди мальцов и вдов,
Среди старух старинных
И хмурых пареньков.

Он у сельчан в почёте.
Он – вроде мудреца.
Как ни крути, он – вроде
И брата, и отца,

Любовника, и мужа,
И стража по ночам.
А тем, кто занедужил,
Дрова привозит сам.

Встаёт он раньше Пети,
Горлана-петуха.
Спешит от Лизаветы,
Подальше от греха.

Мычат ему коровы,
И хряк бежит вослед.
На плечи взвалит снова
Мешок забот рассвет.

Порой он цепенеет –
Как вспомнит, что один...
И сам себя жалеет –
И раб, и господин.

2011

ТАШЛИНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ / 1944

Седой человек одинокий
В квартире напротив живёт.
Он китель с наградами носит,
При встрече мне честь отдаёт.

При том произносит шутливо:
«Приветствую вас, генерал!»
С улыбкой такую счастливой,
Что кажется, горя не знал.

А жизнь его гнула и била,
Была она огненный ад.
Ему испытаний хватило:
И плен, и жестокий штрафбат.

Он выжил, хотя изранен,
Он видел победный салют.
Я слышу: «Давай помянем
Солдат, что уже не придут...»

Потом он альбом откроет,
Покажет фото друзей.
О, грустная эта повесть
Тяжёлых боёв и потерь!..

Память его тревожит,
Память лишает сна.

Из дома уйти не может
Непрошенная война.

На пиджаке блестели ордена
И седина белела из-под кепки.
Добрёл он до заветного окна
И протянул приёмщице рецепты.

Чуть пробежав мудрёную латынь,
Она сказала с равнодушным видом,
Что нет лекарств, и вы тут не один,
А ветеран заплакал от обиды.

Дрожали, возмущаясь, ордена,
И вздрагивали плечи у солдата,
Да помнит ли великая страна,
Кто спас её в далёком сорок пятом?

Уходит восвояси ветеран,
Уходит без скандала и укора,
И покатались, не попав в карман,
Из тюбика таблетки валидола.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

О, этот невозвратный миг,
Когда и плакали, и пели,
Когда с улыбкой фронтовик
Нёс малыша, прижав к шинели!

Когда босая детвора
Неслась по улице весенней,
И было звонкое «ура!»,
Казалось, слышно всей Вселенной.

Шёл в парк восторженный народ,
Спешил на самый главный праздник,
Народ, уставший от невзгод,
От горьких лет и лет ужасных.

Не помню я победный май,
Не видел праздничное небо.
Я не ходил, был слишком мал –
Была великою Победа!

Снова волнуется сердце...
Утро далёкого дня.
Друг мой из давнего детства,
Генка окликнул меня.

Здесь вот, у старых сараев,
Наш безмятежный приют.
Генка назвал его раем,
Местом счастливых минут.

В шумной мальчишье ватаге
Каждый рассказчик – актёр.
Были в рассказах атаки
И про войну всякий вздор.

Наши отцы воевали.
Многих война отняла.
Стали взрослее медали,
Что так тревожно звенят.

Словно хотят прикоснуться
К памяти. Столько потерь...
Генкин отец не вернулся.
Нет уж и Генки теперь.

Нету и старых сараев,
Где был мальчиший приют.
Генка назвал его раем,
Местом счастливых минут.

ТЕЛЕГИНА ВАЛЕНТИНА / 1945–2017

БЕЛОЙ НОЧЬЮ НА ЛАДОГЕ

Белой ночью на Ладогe плачут кукушки
Да звенят по кустам комары...
Поутру распахнут свои ставни избушки,
Поутру застучат топоры.

Горизонты прозрачны, ветра шаловливы,
И такая вокруг тишина,

Словно в этих болотах, лесах и разливах
Никогда не гремела война.

У степенной старушки попросишь напиться,
Её взора робея слегка.
Она вынесет ковшик студёной водицы
Или с погребца молока.

И покуда ты пьёшь, той старушке охота
Рассказать – нестерпимо, до слёз! –
Как погиб её мальчик на этих болотах
И водицы никто не принёс...

Материнское сердце рвалось, да куда там!
Вражья сила вилась – вороньё.
Был мальчишкой, остался навеки солдатом...
Тут рассказ оборвётся её.

И уже по-домашнему ласково спросит,
В разговоре учтивость любя,
Кто ты сам и чего тебя по свету носит,
Есть ли мать и отец у тебя.

Будет ласково слушать, поддакивать чинно.
А под лёгким платком – седина.
А в задумчивом взоре – такая кручина!
И такая вокруг тишина...

И застынет слеза на щеке у старушки,
Как смола на морщинах коры.
...Белой ночью на Ладоге плачут кукушки
Да звенят, всё звенят комары.

СТАРЫЕ ИЗБЫ

Всё дальше тот суровый час,
Его удары глуше.
А избы старые у нас
Похожи на старушек.

Они, как вдовы, в мир глядят
Окном подслеповатым.
От этих изб, от жён, ребят
Ушли в поход солдаты.

А вдовы, подперев рукой
Увянувшие щёки,
Навеки позабыв покой,
Глядят в простор далёкий.

Погожим утром, ясным днём
Они живут в надежде,
Что их притихший старый дом
Взволнуется, как прежде!

Что вот шагнёт через порог,
Через времён границу,
Мужской обветренный сапог
По свежей половице.

И снова жизнь пойдёт на лад,
Махоркой дом пропахнет,
И тот солдат – уж не солдат,
А просто мирный пахарь...

А в непогожий, хмурый день
При сумрачном закате
На лица вдов ложится тень –
Об умершем солдате.

Ничем тоску не заглушить,
Она приходит снова:
Уж не ласкать и не любить
Ушедшего, родного...

И бесконечен этот миг,
И вслед за журавлями
Стремятся взоры вдов седых
Над мирными полями.

ТЕРЁХИН ЛЕОНИД / 1930–2001

Ищу могилу своего отца.
Читаю имена на обелисках
подолгу от начала до конца –
и не встречаю ни в одном из списков.

Трещат цикады в зарослях овса.
Ищу могилу своего отца.

Здесь 271 могила
и 30 238
за нашу землю воинов погребло
в ту грозную и огненную осень,
когда на Тульщине краснел не листопад –
кровоточили раны у солдат.

И возле каждой, онемев, стою.
Желтеют жёлуди в траве, как пули,
и – новобранцами – дубки в строю,
застывшие в почётном карауле.
И синевы слепящие мазки
окажут качают тихо васильки.

Не заживает боль... И, не устав,
ждут матери, солдатки и невесты
бойцов, погибших безымянно. Стал
и мой отец солдатом неизвестным.
Последнее письмо: «Вступаем в бой!»
И продолженьем этих строчек – боль.

Оборвалась его дорога здесь.
Теней солдатских изваянья встали,
чтоб каждый шаг наш, каждый час и день
дорог отцовских продолженьем стали.
Стираю слёзы с пыльного лица.
Ищу могилу своего отца.

1968, г. Венёв (Тульская обл.)

ТЕРЕХОВ ВЛАДИМИР / 1937–2016

Через остров Русский в Сивашах
проходила переправа советских войск
в Крым весной 1944 года*

Степь да соль. И ни души.
Солнце ест глаза.
Остров Русский. Сиваши.
Суши полоса.

Остров Русский. Сиваши,
Топи да вода.
Хоть спеша, хоть не спеша,
Взрыв – и ни следа.

Только чайки. Даль пуста,
Будто настезь дверь.
Остров Русский. Можно встать,
Под ногами твердь.

Остров Русский. Можно лечь,
Выкопать окоп.
И чугунная картечь
Не достанет в лоб.

Остров Русский. Даль болот
На виду страны.
Передышка и оплот
Посреди войны.

Ах, как вёсны хороши!
Но случись беде –
Остров Русский, Сиваши,
Вспомним о тебе.

Первым выйдешь ты на смерть
Средь кровавых сеч.
Победить ли, умереть,
Переправой лечь.

* Сиваш, или Гнилое море – залив на западе Азовского моря, отделяющий Крымский полуостров от материка.

ТЕРЕЩЕНКО ВАЛЕНТИН / 1937–2011

ДЕТИ ВОЙНЫ

Это имя ударит под дых
И весомее всякой медали...
Только чудом оставшись в живых,
Как мы насмерть ещё голодали!

Много больше, чем сока берёз,
Нам от горечи всей перепало,
Но и позже от смеха до слёз
Только этого звука хватало.

Встаньте, вслушайтесь:
Д е т и в о й н ы...

Только эти два скорбные слова
Сорок лет мне коверкают сны,
Мира образы путают снова.

Сорок третий... Слезами давлюсь.
Память злее трофейной кобылы...
Гей ты, лышенько, Кыйивська Русь,
Що ж ти німци з тобою зробылы?!

Не разграбили что, так сожгли;
А костями мостили воронки;
И, надумав лишить нас земли,
Чернозём вывозили подонки.

Да не вывезли весь, не смогли,
Подавились в канавах навеки.
Только дети сквозь мўки земли
Прорастали, как горькие вехи.

И не квиты мы с немцем, о нет!
Слышу, братские стонут могилы.
Может, сам я затем лишь поэт,
Что взывать не хватило им силы.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕТРО-РОМЕНСКОМ СПЕЦДЕТДОМЕ

(село Розбышевка, 1946–1947 гг.)

Такие – однако – нам выпали судьбы –
Что – скуден наш добрый язык –
И немощны скрипки-литавры и трубы –
Чтоб Истины образ возник –
Где хлеб наш – войны жерновами размолот –
Чернее был чёрного дня –
А голод – один только голод –
Страшнее свинца и огня...
Случалось – от мук его спятив поскольку –
Что искры в душе не сыскать –
Младенца зимою несла на помойку
Иная безумная мать...
А в нашем детдомовском скорбном приделе
Под утро голодной весны
Грудные подкидыши жалко ревели
В дремучих кустах бузины...
Их на руки брали – в промокших завёртках
Вносили в церковный наш зал –
И долго там сборище ангелов кротких
Наш хохот и рёв оглашал.

Приют-то – для взрослых – уж многим – по восемь –
Нам попросту можно сказать –
Нет хлеба! – и хлеба мы больше не просим –
А этим нужна ещё мать...
Кормить-то их нечем – поить-то их нечем –
Помилуй Господь! – упаси! –
С последним добром человеческим –
Вращеньем вселенской оси...

1968

ОТЕЦ МОЙ – ГРИГОРИЙ ДАНИЛОВИЧ

Ко мне приходит иногда
Отец с гремящими вещами...
И угощает калачами! – с войны –
Какая ерунда...
Я понимаю и во сне –
Что – нет – не может быть такого –
Давно я выучил толково –
Что он остался на войне...

А всё ж выходит – что не все
Частицы разума смирились –
И вот отец – скажи на милость! –
Идёт в обмотках – по росе...
Кладёт на лавку вещмешок –
Винтовку ставит у порога –
И говорит мне: «Слава Богу!
Однако – вырос ты – Сынок...»

1968

ТЕР-МАРКАРЬЯН АРШАК / 1938

ЗАРУБКИ ПАМЯТИ

Я столько помню о войне!
Ржавеют в миске рыбы жабры...
И – в напряжённой вышине
Летают тени дирижаблей...
И с кукурузным хлебом жидким
Живу в подвале... без жиров...
Ожесточённо бьют зенитки
В прицельный крест прожекторов.
Какую весть несёт сорока,
Садясь пугливо на кусты?
Война на снеговой сорочке
Шьёт деревянные кресты...
Лязг танков. Плач и взрывы...
Косо
Коптилка освещает гроб...
Синеет на небесной коже
Почти предательский озноб...
Земля – расплавленная магма,
Ползёт, горит...
Сквозь крик огня –
Бежит израненная мама,
Чтоб заслонить собой меня!
Сверкает гильзовая россыпь...
Махорки дым...
Спать не хотим...
И – оседает солнце в роще,
Как будто в душах никотин...
Ещё отец умрёт за Прут...

Боёв суровые аккорды!
...Вдвоею запряжённый плуг
Перекопал
уже окопы...

Шёл сорок третий. У болота
Война в окопы залегла.
Как цепи вражеской пехоты,
На город наступала мгла.
И бомбы
бахали.

Белели
В сугробах декабря кресты.
Обозы.
Баржи.
Батареи.
Бараки.
Беженцы.
Бинты.
И до сих пор я слышу крики
За рубежом взрывной волны.
И надо мною, словно крылья,
Шуршат погоны старшины.
Лежу. Вокруг – яры крутые.
Охрипший оклик: «Хлопчик, цел?»
И слёзы матери скупые
На обмороженном лице.
Потом подводы нас качали,
Везя куда-то под Казань.
И стали от большой печали
У мамы –
чёрными глаза!
Уже какой по счёту город!
Нас письма ищут – не найдут...
Шёл сорок третий...
Очень скоро
Отца из бронзы отольют!..

КОЧАРИ

Батя горестно пел...
Восемь душ – забота!
В месяц дважды хмелел,
Приходя с завода...

Танец считает...
...Кочари, Кочари...
...Мек, ерек, ерку... –
Ори!

ТЕРПУГОВА АЛЕВТИНА / 1942

ИСКРЫ ПАМЯТИ

Поэма. Отрывок

Пролог. Крещение

Я рождена в суровый год военный
В бараке, в тесной комнатке убогой,
Где на ночь, по обыкновенью,
Постель стелили даже у порога.

До церкви не добраться всё едино –
Нашлась старушка, помнящая Бога,
Она «во имя и Отца, и Сына,
И Духа Святого» меня крестила строго.

Барак – ковчег – строителей обитель.
Роддома нет. Не знаю: был ли врач-то?
Отец опять в «отсидке» как «вредитель»,
А мать свалилась в родовой горячке.

Я выжила без всяких детских кухонь,
Без молока грудного, модных смесей,
Спасается, как видно, Святым Духом,
И наш барак мне не казался тесен.

Добру меня учили «добры люди»
И в горький час, и в редкий миг веселья.
Барак тот никогда не позабуду:
Ни в радости, ни в пышных новосельях.

Когда однажды белый свет померкнет,
Я думаю, Господь карать не станет,
Что крещена я не в соборной церкви,
А русской бабкой – в цинковой лохани.

1. Музыка Победы

Из репродуктора гремели марши,
И голос Левитана рокотал...
«Конец войне!» – кричал братишка старший.
Слепой танкист с гармошкой танцевал...

Мелодия обрушилась внезапно.
Сверкал «неотразимый» геликон*.
Пожарная команда троекратно
Сыграла туш – и сразу вальс-бостон.

Столы накрыли бабы в честь Победы.
«Картоха», винегрет да холодец.
Из свёклы бражка – приношенья деда.
И собралось застолье наконец.

Взвились над полигоном три ракеты!
«Директор приказал. Какой смельчак!
А может, получил команду где-то», –
Гудел от возбужденья весь барак.

Доставили подарки от завода:
Коробку пастилы, бесплатный морс.
Спроворил кто-то с салом бутерброды,
Сам военпред во фляжке спирт принёс.

Запели все про тонкую рябину,
Потом «Катюшу» и про ямщика.
А мне всего три года с половиной.
И «похоронки» не было пока...

Отец вернётся – справим именины...

* Геликон – низкий по звучанию медный духовой инструмент семейства саксгорнов. Используется преимущественно в духовых оркестрах.

ТИМИН ВЛАДИМИР / 1937–2015

ХЛЕБ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Очередь длинна.
Стою с другими.
Только б до весов добраться мне б.
На тарелке лёгонькие гири,
На другой –
Такой тяжёлый хлеб.

Хлеб...
Он умещался на ладошке,
И покуда ты идёшь домой,
С этой пайки
Оберёшь все крошки
Да чуть-чуть отлочишь от самой.

Нас, ребят,
Бомбёжки не будили,
Но мы знали все –
Идёт война!
«На-ше де-ло пра-во-е», –
Твердили,
Словно песню,
Как и вся страна.

Женщины хвалили нас:
«Родные,
Дружно собирайте колоски.
Победим –
Не только что ржаные,
Белые спечём вам колобки».

Дни войны,
Ребятчи наши годы.
Сумка с хлебом,
Рваные пимы.
Преодолевали все невзгоды
Наравне со взрослыми и мы.

Перевод Г. Пагирева

ТИХОМИРОВ АЛЕКСАНДР / 1941–1981

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ (ВАДИМ)

Отрывок из поэмы

...Все разговоры около закуски,
О том,
Что рюмка первая колом...
Но грелась печь,
Был столик очень узкий,
И быстро зашумели за столом –

Мы все недавно посмотрели фильм
О тонкостях Нюрнбергского процесса –
Фильм был, конечно,
Не для простофиль,
И в тупике вдруг оказалась пресса.

Я очень долго убеждал Вадима,
Что если нам история не врёт –
Любое преступление судимо,
И может быть ответчиком народ!

Что все тоталитарные системы
Заслуживают приговор один...
– Фашистское решение проблемы, –
Меня тихонько перебил Вадим.

Дым коромыслом...
Записи Брассенса*.
По тонкой свечке воск бежит ручьём...
И помню,
Что к Вадиму я бросался
И каялся –
«Народ – он ни при чём!»

Из дневника Вадима (запись сна)
«...Мерцает ночью старенький комод;
И вот – стоишь перед кухонной полкой,

* Жорж Брассэнс – французский поэт, композитор, автор и исполнитель песен.

И кажется, уже который год
Всё зимняя луна за синей шторкой...

Со лба рубашкой вытираешь пот,
И воду пьёшь, что кажется прогорклой,
И всё не смочишь пересоший рот...

Я после ночи форменный калека –
Мне снилось поле, побуревший лёд,

Бредут два полуголых человека
И за собою тянут пулемёт...

Ночь холодна, луны кривой огрызок –
Мы погибаем, мы сдаёмся в плен –
Щадят одних киргизов и киргизок,
А мы молчим и не встаём с колен...

И вдруг – ко мне – «Ты нам идейно близок,
И потому пойдёшь на кладку стен!»

Как правило, во снах мы все нестойки,
А я так вовсе разум потерял,
Не зная, для чего же нужен стройке –
Как каменщик, иль как стройматериал?»

ТИХОНОВ ИГОРЬ / 1928–1996

БАСТИОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Белоголовому мальчишке
В глухом берёзовом краю
Узнать пришлось лишь понаслышке
Про славу прежнюю твою.
Но вздрогнул Киев под бомбёжкой,
В ружьё поднялся утром Брест,
Лесной просёлочной дорожкой
Война дошла до наших мест.
С повесткой первой военкома
И хлебной карточкой пришла,
Все будни с толку сбила дома,
Отца на запад увела.
Гудели зло и незнакомо

По деревням колокола.
...Сметали бабы сено в грудь,
Копя не бабью злость в беде.
В тот год грибы росли повсюду,
А соли не было нигде...
Уже бои гремели в Минске,
Мы все выросли той порой
От слёз горячих материнских
И сводок Совинформбюро.
А враг всё пёр в дыму и пыли,
Ломая русские штыки.
Старухи на небо крестились,
И крыли в бога старики:
– Неужто сгинула Расея,
Страна Советов и свобод?! –
Но, страхи горькие отсеяв,
Ты встал у черноморских вод
Каменноглавою твердыней,
По-русски грозно сдвинув бровь.
Сапун-гору открыв в овине,
Мальцы кричали: «Кровь за кровь!»
И пусть в дыму тонули дали,
Все стали на руку легки:
Старухи варежки вязали,
Тесали ложа старики...
Я слышал в слове «Севастополь»
Тяжёлый топот двух времён:
Кремнёвок* залпы над окопом
И шелест огненных знамён.
С тех давних пор я словно видел
Вне времени и перемен
У моря в солнечной Тавриде
Громаду неприступных стен.

И вот я еду в этот город,
Балладой ставший для меня.
Встают приземистые горы
В накрапах солнечного дня.
Мелькнул терновник низкорослый,
Вот вспыхнул белым цветом сад,
И шпалы морем, точно вёсла,
Запахли, уносясь назад.

* Кремнёвка – старинное ружье с кремнёвым запалом.

Всё так, всё было так, как надо,
Таким и виделся он мне...
Но где же грозных стен громада,
Что дважды рушилась в огне?..
Где знаменитых бастионов
Седой прославленный гранит?
...Звон буферов. Асфальт перрона,
Дома в убранстве ярких плит.
Красавец город! Кто заспорит!
Шагаю по Большой Морской,
Смотрю в распахнутое море,
Вдыхая силу и покой.
Встают дымки над Корабелкой
И пишут в небе вензеля,
Сияет свежее побелкой
Тавриды древняя земля.
Умолкли птицы в круглых кронах,
Над Графской вспыхнули огни.
Но где же чудо-бастионы,
Скажите, люди, где они?..
Доносит с моря отзвук склянок
От разворотливых судов;
Как будто жёлтенький подранок,
Скользнул прожектор вдоль кустов.

... Бетон чеканя гулким шагом,
Проходит флотский экипаж.
Шуршанье лент, как шёпот флага...
Не в камне прадедов отвага!
Вот бастион бессмертный наш!..
Морским ветрам открыты груди,
И плеч просторен разворот.
Надёжной силою орудий
Их наделил родной народ.
Идут вдоль улиц величавых
На штормовые корабли
Наследники солдатской славы
И бастионы сей земли.

ВСТРЕЧАЮТ РЕБЯТИШКИ ЭШЕЛОН...

Рейхстаг мы штурмовали на гумне.
Как не играть – пришёл конец войне!
Вернуть отцов с закатной стороны
Нам поезда солдатские должны.

И с криками победными «ура!»
Снопы колола палкой детвора.
Потом, пугая шапками ворон,
Встречали ребятишки эшелон.
Он запахи привёз нездешних трав,
Цвёл кумачом, на полустанке встав,
И пряча вздохи, слышал паровоз,
Как целовались люди у колёс.
А мы поодаль встали: я и мать,
Нам с нею было некого встречать.
Одним – тепло долгожеланных встреч,
Другим – сейчас хоть под колёса лечь.
Чуть слышно где-то плакала гармонь
О тех, кого спалил войны огонь.
Собрав в кулак свои пятнадцать лет,
Я песни пел, я не заплакал, нет!
Год сорок пятый. Рельсов чёткий звон,
Встречали ребятишки эшелон...
С тех пор прошло пятнадцать с лишним лет.
Мой сын, пострел, сегодня встал чуть свет.
Увёл мальчишек к старому гумну,
Штурмуют там сейчас они Луну.
И мне немного грустно и смешно:
Ах, детство, детство, ты, как жизнь, – одно.
Взгремела труб торжественная медь,
Везде мальчишкам надобно успеть.
Игра игрой, от взрослых не отстав,
Встречать примчались праздничный состав,
Что вёз, как тот, пятнадцать лет назад,
К нам демобилизованных солдат.
Снег хрусткий тает в зареве знамён,
И радостью людскою окрылён
Навстречу солнцу, песням и ветрам
Несётся поезд вешним громом к нам.
Горяч, как пекло, дышит паровоз,
Целуются родные у колёс.
И первыми, нахлынув на перрон,
Встречают ребятишки эшелон.

ТОБОЛКИН ЗОТ / 1935–2014

В Америку съездить бы, что ли?
Давно я хотел побывать.
Но держит ведь русское поле,
Ругает обиженно мать.
«Зачем тебе эта чужбина?
Ты дома почаще бывай!
Три года не видела сына,
Заплесневел мой каравай.
Три года, я вся уж седая.
И ноги не носят меня.
Куда-то всю жизнь убегают
Кормильцы мои – сыновья.
Да зря я вас, что ли, рожала?
Зря грудью вскормила своей?!»
Замолкла. Слеза набежала.
От матери милой, ей-ей,
Он всё-таки взял и уехал –
Америка парню милей.
У каждого в жизни утеха,
Лишь нету утехи у ней.
А годика на три попозже –
Другая беда, пострашней:
В чужом и неведомом поле
Зарыли других сыновей.
И весточка горькая: «Сын ваш...»
А позже – другая, и вновь...
Ну что ж, позвала их Россия.
И не удержала любовь.
Рожала-рожала – осталась
Былиночкой хрупкой она.
Подруги – лишь слёзы да старость.
И страшное эхо: «Вой-на-а-а».
Быть может, есть матери лучше.
Но мне бы свою воскресить.
Пускай поворчит и научит,
Как жить.

Май суров. Рассветы холодны.
День Победы. Снег же – только тает.
Я забыл, как было в дни войны, –
Люди о печальном забывают.
День Великий. Праздник всей земли,
Но, конечно, праздник больше русский.
Многие оттуда не пришли.
Ну и брат мой где-то лёг под Курском.
Кто-то ликовал. Рыдала мать...
Впрочем, я не раз писал об этом.
Только не устану вспоминать
До тех пор, пока живу на свете.
А на днях услышал соловья.
Холодно, а он ликует в роще.
Рощица понравилась моя.
Где же он проводит свои ночи?
Отыщу пристанище его,
Пухом простелю, от ветра скрою.
Пусть весёлый птах в тепле живёт.
Лета ждёт. Оно не за горою.

Старая Русса. Достоевский.* Бои.
Там полегли земляки мои.
Где-то под Курском лежит брат.
Теперь не спросишь, кто виноват.
Но у нас в деревне живёт герой.
Уцелел один из ста.
История его жизни проста:
Спрятался за печною трубой.
Потом свалился и затрясло.
Говорили, наелся белены.
Это его и спасло
От войны.
И в каждый праздник
Надевает френч:
Весь в значках, даже есть медаль.
Звать героя, кажется, Фред.
И он рассказывает, что в тылу
Повидал.

* В г. Старая Русса Новгородской обл. на набережной реки Перерытица находится Дом-музей Ф.М. Достоевского.

В очень далёком сибирском селе,
Где дети, вдовы и старики.
И он, живущий в сытости и тепле.
И дни его, как кошачьи шаги.
Сам тоже кот. И праздников ждёт,
Чтобы снова поведать о себе.
О несостоявшейся подлой судьбе.

ТОКАРЕВ ВАЛЕРИЙ / 1945–2018

Культяпые плотники строят бревенчатый дом.
Их руки остались под Ригию и под Одессой,
А жить-то ведь надо: хоть как-то обуться, одеться
И выстроить для тёти Тани бревенчатый дом.

Мы им топоры привязали к культяпкам худым,
Мы им положили бревно, и они застучали.
И тётя вздохнула: «Как руки у них наскучали!
Давайте-ка, бабы, поможем, бревно подадим...»

Какая же сила сокрыта в народе моём,
Коль плотники эти, остыв от последней атаки,
Нашли в себе силы для будничной горькой отваги!
Культяпые плотники строят бревенчатый дом...

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ЯБЛОКИ

От довоенных яблонь пни
Дичками проросли над травами.
Колючей буйною оравую
Царили надо мной они.

Я и не знал, что есть ранет
На свете,
И не ведал зависти.
Вполне довольствовался завязью
Дичков послевоенных лет.
Холодных лет, голодных лет...

С их горечью мне в кровь входила
России горькая година,
А крепче этой связи нет.

ЗИМА 1948 ГОДА

Этот старый серый дом
Удивительного действия,
Где идёт-проходит детство,
В общем-то, обычный дом.

Срубленный как все дома
Пятистенные в деревне,
Скрип калитки скрыт в деревьях.
За калиткою – зима.

Старый дом скрипит негромко,
Ёжится, насквозь продут,
И сутулые сугробы
Вдоль по улице идут.

Толькоходишь из сеней:
Запах горя и герани...

В траурной сосновой раме
Дядя Вася на стене.

Мама о войне не вспоминает
И военных песен не поёт.
Спицами она перебирает,
Внука нянчит, полет огород.

Трудно и представить, что когда-то
Девочка из тихого села
Маленькой медичкой медсанбата
До Варшавы от Москвы прошла.

Мне бы так. Постичь её науку.
Мне бы, как она, на жизнь глядеть,
Чтобы от одной улыбки внука
Сразу лет на двадцать молодеть!

НА КЛЮКВЕННОМ БОЛОТЕ

Я знаю, никакой моей вины...

А. Твардовский

И снова предо мной просёлок,
Сухие стебли щавеля,
Сосняк, где рыжиной иголок
Прикрыта скудная земля.

За что, скажите, это счастье:
Пройти бредняк*, присесть на пень?
А мог бы, мог бы не начаться
И этот путь, и этот день,

Когда бы мама в сорок первом
На фронт медичкой не ушла.
И больно стеганёт по нервам,
И ужаснусь я: «Ну дела!»

И без меня бы проходило
Всё это счастье без затей,
Когда б она не полюбила
Среди немислимых смертей.

Жизнь, как бы ни было мне тошно,
Ты всё-таки всему венец.
Я понял много, даже то, что
Не знаешь ты меня, отец...

Не слышно ни пальбы, ни стонов,
Лишь рядом лось грызёт кору.
Погибло двадцать миллионов,
А я вот клюковку беру.

И души тех, кто к звёздам взвился,
Не могут не пребыть со мной.
Какой ценою я родился!
Какой ценой! Какой ценой!

* Деревья или кустарники семейства ивовых.

ТОРОПОВ ИВАН / 1928–2011

БЕСЕДА С ОТЦОМ

Вот и мне, отец, тридцать четыре –
Столько лет исполнилось в тот час
И тебе, когда в гремящем мире
Жизнь твоя в бою оборвалась.

Вот, отец, мы сверстниками стали,
Будто мы двойняшки на часок.
Будто в гости ты зашёл, усталый,
И спросил: «Ну как живёшь, сынок?»

Уходил ты в середине лета,
Говорил: «Мы к осени придём...»
Ах, отец мой, брат мой, видно, это
Не прогулка к озеру с ружьём...

Ты унёс с собой и наше детство –
С мамой мы недолго были все:
Билась, билась, да куда ей деться? –
Как лучинка сирая в светце...

Догорела. Разбрелся по свету
Выводок, покинутый тобой.
Дом родимый, сколько долгих лет он
Гнил один, холодный и пустой!..

Не пропали!.. Крылья оперились,
И хоть тропка всякому своя,
Не искали тени, не ленились –
Все твои при деле сыновья.

Нефть из недр один по трубам гонит,
«Наш парторг!» – услышишь о втором,
Третий, может, выстроил уж город,
Ну, а я работаю пером.

Так-то вот... И род наш стал полнее,
Да и жизнь – сравнишь ли с той, бывлой?
Ты б теперь залюбовался ею,
Если б не могилка под звездой...

И ненавидеть так же, как солдаты,
И Родиной гордиться, как они!

Победный день! Как пахнет свежей краской!
Скрипенье блоков слышно без конца.
И в поредевших парках Петроградской
Сажают молодые деревца.

Наш Ленинград в знамёнах и плакатах,
И музыка плывёт над мостовой.
Дай руку, друг, и в день победной даты
Пойдём бродить по городу с тобой!

1945

Среди саженцев, а не садом,
Среди грома – не тишины,
Мы идём с тобой Ленинградом,
Но мальчишками: до войны.

Как безмерно мы беззаботны!
Приглашением для игры
Наши Тюшина* и Обводный**,
Наши лиговские***дворы.

Мяч ракетой уходит в дали,
В поднебесную высоту, –
Мы в твоём дворе показали:
Вот как надо играть в лапту!..

А в моём – не шутя, степенно,
На глазах огольцов-зевак –
Мы выигрываем в пристенок****:
Ты пятак, я тоже пятак...

Кинотеатров районных зданья –
Развлечение и урок.
А какие у них названья:
«Большевичка», «Молот», «Гудок»!

* Улица в центре Санкт-Петербурга.

** Крупнейший канал в Санкт-Петербурге.

*** Лиговка – простонародное название Лиговского проспекта и прилегающих к нему кварталов в Санкт-Петербурге.

**** Азартная игра с монетками.

Мы подходим к билетной кассе,
Мы с тобою сейчас спешим,
Чтоб успеть на такой прекрасный,
На такой довоенный фильм!..

Нас от города укачало,
Мы в ларьке покупаем квас,
Мы решаем, что мы – начало
Этой жизни: всё в первый раз.

Нам в мальчишеском том круженье
Не даётся ещё секрет:
Не начало мы –
Продолжение
Жизни – лучшей из эстафет!

ТОРШХОЕВ ИБРАГИМ / 1942–1996

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Матери

Отца не помнит сын, отец
Лежит в краю чужом,
Надел его травой зарос,
И пуст родимый дом.

Тогда в соху впряглась она,
Чтоб только вырос сын.
Взгляните – сгорблена спина,
Лицо – в сети морщин.

Увидите мозоли рук
От вспаханной земли
И тучи горя, что в глазах
Навеки залегли.

Увидите у рта её
Задумчивую боль.
В её морщинах навсегда
Печали горькой соль...

Но вырос сын. Стал крепким он –
В отца пошёл точь-в-точь.
На поле, что пахал отец,
Он пашет день и ночь.

Он неустанно от страды
Работал до страды.
Настала осень. Урожай –
Награда за труды!

А гости шумные сидят
За праздничным столом
И хвалят сына: «Молодец,
Хранит он отчий дом!»

А сын пред матерью своей,
Не сдерживая слёз,
Встал на колени, первый хлеб
Своих трудов поднёс...

Перевод В. Цыбина

ДЕТСТВО МОЁ

Чёрным пеплом, золой накормила война,
Плащ-палаткой тебя укрывала страна,
Детство моё...

Детство, громче кричи, пламя прошлой войны
Погасить мы с тобою навечно должны,
Окликай людей!

Каждой детской обидой, сиротским словцом,
Каждым камнем, летевшим в тебя, и свинцом
Окликай людей!

Будоражь, призови, собери, опали,
Чтобы люди неправду с планеты смели,
Потрясённый потомок в себе не носил
Безутешную скорбь безымянных могил.

Чтобы не было судеб военных калек,
Безотцовщины дети не знали вовек,

Окликай людей!
Поднимай людей!

Перевод И. Слепнева

ТРЕГУБОВ НИКОЛАЙ / 1940

ДРУГУ КОЛЬКЕ

1.

Война к весне ушла от нас далече,
Но каждый дом бедой с лихвой оброс.
Друг Колька мину отыскал под вечер
И, не таясь, во двор её принёс.

Ту мину долго мы в руках вертели,
Друзьями шумно наполнялся двор:
Рассматривали чудище, сопели
И вынесли ей смертный приговор.
На пустыре костёр огромный ожил,
А мы, сойдясь подальше от огня,
Тянули молча жребий – выбор божий,
И мина оказалась у меня.

Но медлил я, стоял, переминаясь,
И Колька догадался – я боюсь.
– Она моя, – сказал он, усмехаясь,
Взял в руки мину и шагнул к огню.
Огонь плясал по хворосту тревожно,
Из-за камней смотрели на него,
А Колька мину сунул осторожно,
Махнул рукой, подвинул на огонь
И побежал – заря пылала ало,
Остановился, крикнул мне:

– Ложись!
Взрыв грохнул – закачались этажи
И друга Кольки рыжего не стало.
И показалось, что сорвало крышу,
И стёкла вылетали, дребезжа,
Помчался я...
И ныне Кольку слышу,
И жизнь к нему бежать –
Не добежать...

2.
Нам детство трудное досталось
Среди осколков ржавых кирпичей,
О детских шалостях мечталось,
Но не было ни кукол, ни мячей.
Патроны, мины и гранаты –
Богатый выбор,
Смерть всегда вольна.
Немало сверстников взяла ты
Оставленным оружием, война.
Потери эти не вносились в списки
Солдат, погибших на самой войне,
Не ставились над ними обелиски.
Не потому ли больно мне вдвойне?

КАМУШКИ ВОЙНЫ

Никому не нужные, забытые,
Обрастая мохом и травой,
Надолбы, осколками избитые,
Полыхнули давнею войной.
Почему-то душу растревожили,
Появилась в сердце снова боль,
И нежданно детства годы ожили:
За икону мама прячет соль.
Мы с братишкой с печки подсмотрели,
Мама вышла в сени – на пол шасть.
У самих себя тогда сумели
Ловко соль последнюю украсть.
Воровского не имелось стажа,
Старший, посмекалистей из нас,
Чтоб не обнаружилась пропажа,
Брат похожих камушков припас.
На печи украдкой пировали –
Соль смоктали, словно леденцы,
Что мы в жизни нашей понимали,
Трёх- и семилетний огольцы...
На востоке небо грохотало,
То фашисты рвались в Сталинград,
И стекло в окне, звеня, дрожало
Беспрерывно третий день подряд.
Поздно ночью воду пили часто –
Мама проверяла узелок:
– Что же это с вами?
Вот несчастье!

Нервничала:
– Что с тобой, сынок?

Утром порасселись по ранжиру,
От стола поднять не смея глаз.
– Ну, хлебайте, нынче не до жиру:
Соль, ребята, кончилась у нас.
Заканючил первым самый меньший:
– Не солё... – и принялся реветь.
– Ничего, прогонят скоро немцев,
Слёзкам, сына, нужно ль солонеть? –
Камушков росла крутая горка
Посреди скоблёного стола,
А виновных ожидала порка.
– Я от вас такого не ждала, –
Мама нас верёвкой лупцевала,
Повторяла:
– Господи, прости! –
Вместе с нами горестно рыдала
И сжимала камушки в горсти...
Никому не нужные, забытые,
Обрастая мохом и травой,
Надолбы, осколками избитые,
Полыхнули давнею войной.

1945-Й, МАЙ

Облака уходят,
Город обстреляв, –
В нашем огороде
Мокрая земля.
Ручеёк связала
У крыльца весна.
Мама мне сказала:
«Кончилась война».
В тишине, как музыка,
Частая капель,
Наклонился к лужице
Вымокший кобель,
Синеву лакает –
Сладкая она.
Мне штаны латает
Мама у окна.
Солнечные пятна
Прыгают в подол.

Розовые пятки
Наследили пол.

ТРЕТЬЯКОВ АНАТОЛИЙ / 1938–2019

Отгорят на западе закаты,
И тогда по краю тишины
По ночам домой идут солдаты,
Столько лет идут домой с войны!

По туманам, по хлебам несжатым,
В лунной серебрящейся пыли
По ночам домой идут солдаты,
К миру, за который полегли.

И по ним не выплаканы слёзы,
И любовь, и молодость светла...
Как седая женщина, берёза
Ждёт кого-то на краю села.

СТРАННИКИ

*Родичам из деревни Солдатово**

Убегает дорога с бугра на бугор.
И идёт он по ней, опираясь на посох.
И котомка его за плечами, как горб.
А вокруг всё поля – то в туманах, то в росах.
А куда он идёт, этот странник седой?
Пропылённый и степью цветущей

пропахший?

И с какой он в пути разминул бедой?
Для кого этот странник родной,

но пропавший?

Столько странников видел я после войны!
Через детство моё шли они, исчезая.
Лишь закрою глаза – эти люди видны.
А куда все они подевались – не знаю...
Сколько, ветер, их было у нас на Руси?
Грустно он просвистел: ты не требуй ответа.

* В Минусинском р-не Красноярского края.

– Где же странники те? – я у неба спросил.
– Ты спроси у земли! – мне ответило небо...

Как будто я снова из дома навек ухожу.
Стою в ожидании первого поезда.
И цепь из свинцовых кусочков – к ножу
В карман убегает от пояса.
...Наутро в окне промелькнёт незнакомая степь.
К таким же, как я, пацанам, подвигаясь на братство,
Отдам самодельную, мною сплетённую цепь –
Единственное богатство!
И будут вокзалы не тёти, а дяди для нас...
Те дяди, что после войны нам отцов заменили.
И будет такое!..
Но будет впоследствии – класс,
Учитель, тетрадки и цепкие руки в чернилах...
Я путь повторил бы, но мы повторять не вольны.
Я всё повторил бы...
Чтоб не было прежних вагонов.
Я всё повторил бы, чтоб сын мой не видел войны.
И чтоб он не делал
Свистки из остывших патронов.

ПОВЕРКА

И у тебя есть главная минута –
Когда вдруг высота берётся круто...
И у тебя есть главная строка,
Которая пока – не на века...
Но ты на фланге, а не на краю.
Ты видишь грудь четвёртого в строю!
В одном строю,
Но всё же не равны:
Поэты, не прошедшие войны,
Поэты, не пришедшие с войны...

ЗАКАТ

Закат, как кровь, размазан по стеклу.
Синеет снег. А ветер сатанеет.
Оклад иконы чуть блестит в углу.
Ещё немного – и совсем стемнеет.

Огонь в печи, как бес, пустился в пляс!
И отблески его по стенам скачут.

Нет радио. И даже свет погас!
Грущу я у товарища на даче.

Грущу, а не гощу – ошибки нет!
Опять один. Лишь ветер за стеною.
Я не люблю закаты. С детских лет –
Они всегда мне памятны войною.

Что говорить об этом? Всё вдали...
Сижу. Любуясь огненной пляской...
Ревёт мотор! Сосед наш, инвалид,
Снега штурмует вновь мотоколяской.

Ему, как мне, закат не по душе –
Его снаряд мог разорвать на части!
Он в стену костылём стучит уже
И весело кричит: «Гостей встречайте!»

Блины не выходили комом –
В те годы не было муки,
И, как закрытые райкомы,
Молчали в сёлах старики.

...Сибирь была бела, бела,
Стоял в ней госпитальный запах.
Сквозь снег мы видели, как запад
Закатным пламенем пылал.

Ходили с ворожкой цыганки,
Лечили души, как врачи.
Безрукий капитан в сигарки
Табак сворачивать учил.

Война в душе, война в характере,
И как непросто стать другим,
Когда победа – слёзы матери:
Враз похоронный марш и гимн.

Но чувство радости, я знаю,
Мне вдруг покажется простым –
Я только в сорок пятом, в мае,
Увидел первый раз цветы.

ТРОФЕЙНАЯ ГАРМОШКА

Нас гармошка немецкая ссорила.
Так на ней серебрился оклад!
Мы гармошку губную мусолили,
Как детишки теперь шоколад.

Подбирали «На сопках Манчжурии»,
И «Тачанку», и песни войны.
Но гармошка свистела, как жулик,
То хрипела от общей слюны.

Ни грустиночки нет, ни задора –
Её участь была решена
Справедливым одним приговором:
Не умеет по-русски она!

ТРОФИМОВ МИХАИЛ / 1936–2019

ГРАЧИ

Сестре Марии

Помнишь ли, Маруся,
К нам грачи прилетали,
На ободранных берёзах отдыхали,
Из калюжин снеговую воду пили
И за плугом бороздой ходили.

На коровах бабы зябь пахали,
Тонкой хворостинкой погоняли,
Плакали, бурёнок обнимали –
Плуг тянуть тяжёлый пособляли.

Потерпи, кормилица, немного –
Бьют фашиста да в его берлоге.
Мужики ушли как на медведя –
В орденах охотнички приедут.

Станут соболя стрелять да белку,
Нас ласкать, да и пахать не мелко –
А грачи летали и кричали,
Возвращенья всем не обещали.

Мы с тобою, дошколята-крохи,
Собирали прошлогодние картохи
В зябкие холщовые торбинки,
Пили под кустом из рыжей крынки.

Бывает, и теперь ночами снится –
Летят на север траурные птицы,
Усталые, кричат над полем нашим,
А мама на Бурёнке землю пашет.

ГДЕ ЗЕЛЁНАЯ ДЕРЕВНЯ

Там, где радуга над полем,
Где зелёная деревня,
Где гуляют грозы в ливнях
По берёзовым лесам,

Жил мальчишка синеглазый,
Белобрысый и вихрастый,
Никого он не боялся,
Птичьи гнёзда разорял.

На руках от грязи цыпки*,
Брюхо щавелем набито.
Без седла и без уздечки
Он на лошади верхом.

Хлюпает босой ногою,
Крепко держится за гриву –
Через речку скачет бродом
Во зелёные луга.

В заливных лугах пасутся
Нестреноженные кони,
Морды в росах, гривы смолю –
Золотые табуны.

Он идёт по мокрым травам,
В волосах его репейник,
А за пазухой зайчонок,
Тоже мокрый от дождя...

* Мелкие трещинки, шершавость и краснота на коже, появляющиеся от грязи, обветривания и переохлаждения.

За крестьянской работой
Он подсолнухом тянулся,
И девчонка подарила
Первый робкий поцелуй.

Но, гонимые войною,
К нам в Сибирь грачи летели
И, притихшие, глядели
На чужой суровый край.

Мать колосья собирала —
По полям пустым ходила,
Пироги с калиной горькой
На дороженьку пекла.

На войну ушёл парнишка,
Никогда он не вернётся
В ту забытую деревню
Над уснувшей водой.

У плетня растёт крапива,
Зеленеют крыши мохом,
Так же, кланяясь колодцу,
Воду достаёт журавль.

Дремлет старая дорога,
И слепой под солнцем дождик...
Да кукушка на раките
Не устанет куковать.

ТРЯПША ВАЛЕРИЙ / 1939

Бесконечно, устало и глухо
Веет ветер у самого уха,
В пальцах вех,
валунов и теней.
Дождь пролился,
но звонко и сухо,
И скликает на ужин старуха
По ту сторону спящих детей.

А в очах
всё луга да овраги,
И в свечах на булыжниках Праги
Отпечатки ушедших сынов.
Да из дальних годов не дозваться,
Может, сыном ей буду казаться,
Как и тот,
что вернётся из снов.

Ветер веет у сизого брода
Над столами большого народа,
Где довольно незанятых мест.
Видно, ждёт,
что поднимутся всё же
Победители с мёртвого ложа
И оглянутся молча окрест.

И отзвякают рюмками гости,
И уйдут по старушечьей горсти,
По морщинам,
по тёмным буграм.

К новым далям
и к новым победам,
И живые поднимутся следом
К неизвестным и долгим мирам.

Сколько бюстов на родине нашей,
Сколько бронзовых тёмных имён,
Нераспаханных брошенных пашен,
Неразвёрнутых красных знамён!

Словно штык у бойца молодого,
За горою сверкает река.
Я из детства запомнил худого,
Кровью харкающего мужика.

Он вперёд всё выбрасывал руку,
Вспоминал броневойную смерть.
И твердил, что достанутся внуку
Это небо, и звёзды, и твердь.

Не сказал ни хулы, ни обиды
В дом принёсший лишь кульги от ног.

Его бюста нигде я не видел,
Отыскать и могилы не смог.

Платки у смуглых женщин расписные,
А руки женщин стылые в мороз.
У мола волны плещут как шальные,
И слышит их задумчивый завхоз.

Егоров Павел. В куртке тёмно-рыжей.
Негладко выбрит, гладко не подстрижен.
Но с орденскими планками на лацкане.
В своём дому излишне не заласканный.

Пустой рукав за поясом недвижим,
Но так сгребёт он и одной рукой!
Он потому, наверное, и выжил,
Что знает море в шторм и в непокой.

Он медленно расскажет мне о лове,
О ягодах, грибах не умолчит.
Но я-то знаю, что за каждым словом
Война отпыхавшая кричит!

Полемика столетья, ты жестока:
Кто – за, кто – против,
Среднему не быть.
И надо жить так просто и высоко,
Чтоб ничего, как он, не разлюбить.

Сильна страна, когда такое смеют
Её сыны: над люлькой замирать,
Варить чугуны,
В лицо смеяться смерти,
Пройдя войну,
Её не забывать!

КОГДА ЗАЦВЕТАЛИ ВИШНИ

На родину прах солдата
Вывести не смогли.
И память в светлую дату
Встала из-под земли.

К востоку она шагнула,
В родное зашла село,
Где спину отца согнуло
Скорбной жены лицо.

Вокруг зацвели вишни,
Смеялись внуки вокруг.
К невидимому не вышли,
Не заключили в круг.

Шумно справлял у вётел
Праздник Победы люд.
Прахом пропахший ветер
Был неуместен тут.

Его подхватили крылья
И унесли сквозь быль.
Красный цветок раскрылся
Там, где оставлен был.

Но не хватает былей
Ему среди ситцев дня.
И срезанного навывлет
Курского соловья.

Я вспомнил вдруг состав колёсный,
В степи затерянный вокзал.
Там на стене старик обозный
Поляну росную писал.

А сухой вьюгой дымился,
Ни говорить, ни продохнуть.
Состав на запад торопился,
К свинцу развёртывая грудь.

И утомлённые солдаты
От зноя и от духоты
С подножек спрыгивали в гвалте,
Бежали к стенам, где цветы.

Но те не пахли и не зрели,
Но всё же были под рукой.

ОТЧИЙ ДОМ

Отчий дом в жестяной кепке рыжей
Даже в зной не ищет холодка.
Подобравшись к солнышку поближе,
Греет он ребристые бока.
Он в земле по самый подбородок,
А за домом, за его спиной,
Зреют огурцы на огородах
И, как в детстве, пахнет бузиной...
Помнишь ли меня ты? Не забыл ли
Ставшего солдатом паренька?
Посмуглевший от дорожной пыли,
Я к тебе иду издалека.
Не иду, а птицею лечу я.
Слышишь ли, как голос мой дрожит?..
Отчий дом меня уже почувал
И вот-вот навстречу побежит...

ТУРБИН МИХАИЛ / 1941

ИЮЛЬ 1944 ГОДА

Памяти отца

Суровый год, июльский зной,
Огонь прямой наводкой.
Идут солдаты – пеший строй –
Со скатками, в обмотках.

Идут голодные, без сна,
Сжимая гладь прикладов.
И белорусская сосна
Как будто шепчет: «Надо...»

Вчера был бой, вчера был полк
И дым до небосвода.
Но сохранили красный шёлк,
Осталось меньше взвода.

Стихает день, спадает зной.
Привал – и скатка снята.
Блестит победною звездой
Сапёрная лопата.

В ПОСЛЕВОЕННОМ ДОМЕ

Памяти моей старшей сестры Иры

Запахи сырости, чада,
Верх – потолочный горбыль.
В лампе из гильзы снаряда
Чад выделяет фитиль.
Пол земляной и холодный,
Печка-временка, верстак.
В двери подсвинок голодный
Жалобно тянет «пятак».
Девочка – сушья Золушка –
Хочет в тетрадке прочесть,
Что накарябала пёрышком
С номером 86*.
Шуруется, в буквы пялится.
Гаснет фитиль, как назло.
Скоро, как фея, появится
Мама, и будет светло.

ИЗ ПРОШЛОГО

Будоражат память мне детства отголоски,
И змеится, вдаль скользя, колея повозки.

Ось колёсная с утра дёгтя переела –
Густо мажется трава следом то и дело.

Город скрылся позади в мареве и саже,
Лишь торчат клыки руин от ударов вражьих.

Мамин голос надо мной ласковый и сладкий,
Но зачем мы едем с ней вдоль лесопосадки?

И о чём поёт, взлетев, беззаботно птица?
Слышал, едем у селян чем-нибудь разжиться.

Может, легче там, в тиши, за лесной сторожкой,
Наши тряпки обменять на мешок картошки?..

Я ответить не могу – помню то, что было,
Память детская войну пеленой закрыла.

* В перьевых ручках учениками начальных классов для каллиграфии использовалось длинное металлическое перо номер 86.

И споткнулось время здесь – никуда не скачет,
Мирно село отдыхать на хребте у клячи.

И себя не вижу я, но стоит телега,
На лужайке гуси спят, как остатки снега.

Да лошадку овод злой атакует бодро.
Кожа бурая дрожит, обнажая рёбра.

И громадные глаза над остатком в торбе
Отражают целый мир в неподдельной скорби.

ТУЧКОВ ИВАН / 1936–2005

УРОКИ ИСТОРИИ

В те дни, богатые на порох,
С трудом учились мы писать:
Флакон чернил – рублей под сорок!
Тетрадь в косую – пятьдесят!

Но жажда знать сильнее всех тягот,
И жизнь брала свои права.
Мы на газетах соком ягод
Писали первые слова.

Они нечётко выходили –
Печать глушила бледный сок.
Зато меж строк «катыши» били,
Фашисты падали меж строк.

И мы в мечтах к отцам спешили,
И сохло на весу перо.
Историю мы изучили
По сводкам Совинформбюро.

МОЛОДОСТЬ СЕВАСТОПОЛЯ

Словно полит волшебной
Живою водой,
Встал из пепла и щебня
Город мой молодой.
Молодые акации,
Молодые дома.

Самым старым – лет двадцать,
Самым юным – дня два.
Где-то под небесами
Антенны поют.
Облака парусами
В стёклах окон плывут.
Листья трепетно машут
Вслед их стае стремительной...
Это молодость ваша,
Ветераны-строители!
Лишь умолкли раскаты
Орудийной тоски,
Шли вы к стройкам, солдаты,
Смастерив мастерки.
Стиснув накрепко раны
Госпитальным бинтом,
Вы не ждали стройкранов –
Обходились ведром!
Но вставали не хаты –
Поднимались дворцы,
Потому что солдаты
По натуре – творцы!..
Не водою волшебной –
Полит потом крутым,
Встал из пепла и щебня
Город мой молодым!

ТЕЛЬНЯШКИ

*Морзаводцам – защитникам
и освободителям Севастополя*

Кто был матросом русским бит,
Тот навсегда запомнит наших.
В глазах врага ещё рябит
От севастопольских тельняшек.

Нас не обманет тишина:
Мы начеку в запасе даже!
И наши сёстры, как одна,
Все – Севастопольские Даши*!

* Даша Севастопольская (Дарья Лаврентьевна Михайлова, по мужу Хвѳростова) – одна из первых военных сестѳр милосердия, героиня обороны Севастополя в Крымскую войну 1853–1856 гг.

Надели многие из нас
Сугубо мирные рубашки,
Но про запас,
На грозный час
Мы бережём свои тельняшки!

ПРОСЕКА

Звезда в лесу
Над бугорком солдата –
Большой войны едва заметный след:
Звезда из жести,
Две полярных даты
И чёрточка длиной в семнадцать лет.
Здесь он упал, как срубленная сосенка,
Ещё не став ни мужем, ни отцом, –
И род людской
Насквозь пробила
Просека,
И время вздрогнуло,
Пронзённое свинцом.
Давным-давно отгрохотали пушки,
В окопах – сорок третья лебеда.
Но и сегодня здесь молчат кукушки:
Здесь некому считать свои лета.
Звезда в лесу – о подвиге известие.
Ты с ней наедине хоть миг побудь.
Звезда в лесу...
А по стране – созвездия
Бесчисленные,
Словно Млечный Путь.

ТЮЛЬКОВ БОРИС / 1936–2014

ПРИЗЫВ

Во дворе военкомата
Пляшут парни под гармошку,
Разговаривают матом
И хмелеют понемножку.

Каблуки гремят-грохочут
Без охоты, без опаски.

И до ночи, и до ночи
Эти пляски, эти пляски.

А гармонь поёт и плачет,
А в сторонке плачут мамы.
А ребята лихо пляшут
И грохочут каблуками.

А они ещё мальчишки,
А они ещё безусы,
Им ещё читать бы книжки
Да дарить девчонкам бусы,

Покупать себе обновы,
Одеваться не в шинели.
Но война парней давно уж
Тихо держит на прицеле.

Для чего войне вот эти
Расхорошие ребята?
Отчего на белом свете
Всё солдаты да солдаты?

Автоматы да гранаты
Над землёй плывут, качаясь...
Ах, зачем, зачем, война, ты
Не кончаешься, кончаешься?

И куда нас на вокзале
Провожают наши мамы?
И зачем не приказали
Провожать не со слезами?

И зачем же до заката,
Целый день без передышки
Во дворе военкомата
Пляшут пьяные мальчишки?

ТЮРИН АРКАДИЙ / 1930–1992

ВСЁ В ТЕБЕ ДОРОГО

Родина милая! Родина светлая!
Всё в тебе дорого: песня заветная,
Зори лучистые, росы хрустальные,
Детства тропинки и станции дальние...
Дорог твой хлеб и вода родниковая,
И доброта, всему миру знакомая.
Ленты туманов в берёзовой проседи,
Радости всплеск на взволнованной площади.
Дороги думы твои и дерзания,
Подвиг военный и созидание...
А как нам дороги слёзы священные –
Женские слёзы – гнева кипение.
Слёзы войны той – слёзы вокзальные,
На похоронке, как наказание,
При расставанье без встреч, всем понятные,
Слёзы в ночах, как прощанье с солдатами,
Камень тяжёлый в сердце у матери,
Женские слёзы на праздничной скатерти,
Слёзы, которым мы жизнью обязаны,
И навсегда с ними памятью связаны.
Дороги слёзы о жертвах войны,
Как оценить их? Да нет им цены!

ТЯПАЕВ АНАТОЛИЙ / 1928

ВНУК

Сколько радости деду во внуке!
Десять фунтов внук потянул,
Он лежит на спине, а руки
Прямо к солнышку протянул.

Пусть над ним не заводят метели
Снеговые песни свои,
Пусть слетятся к его колыбели
Все мокшанские* соловьи.

* Мокшане – этническая группа мордвы; иногда выделяют как отдельный мордовский народ наряду с эрзянами.

Вот лежит он, таращит глазки.
Богатырь – видать по всему.
Только самые добрые сказки
Вы, леса, расскажите ему.

Славный внук родился у деда,
Только деда-то рядом нет.
Оставался шаг до победы,
Когда рухнул на землю дед.

Сбитый пулей самой последней
На последней военной заре
И навеки тридцатилетний,
Он лежит в немецкой земле.

Все живые вернулись солдаты,
Не пришедших уже не ждут.
А часы, что носил он когда-то,
Всё идут без него, всё идут.

Под бомбёжкой, в перестрелке –
Всюду с ним побывали они.
И по-прежнему движутся стрелки,
Не ему отмеряя дни.

А над ним земля вместо неба,
Остановлен времени ход,
Но литые колосья хлеба
Продолжают его поход.

И, как памятник, над могилой
Огнекрылый цветок встаёт.
А вдали, в Мордовии милой,
Славный внук у деда растёт.

Он земле прибавил два глаза,
Небу две звезды подарил.
Дед не видел его ни разу,
С ним ни разу не говорил.

Но зари цветной полушалок,
Шум листвы, над избою дымок –
Это всё от деда подарок
Новорожденному на зубок.

Нынче в доме гости собрались,
Позу* пьют да песни поют.
А часы, что от деда остались,
Всё идут, всё идут, всё идут.

Перевод Е. Храмова

БЕРЁЗКА

Отрывок из баллады

В глаза деревьям хлынул яркий свет.
Он лился меж стволов, он был повсюду, –
Берёза, как светящееся чудо,
Шла по следам давно минувших лет.
Раздвинулись ряды густых теней,
Казалось, время бег остановило,
Деревья расступились перед ней,
И – свет упал на братские могилы.
Как дорог ты ушедшим в смертный бой,
О ясный свет берёзового края!..
Кто не мечтал, в той битве умирая,
В последний раз увидеться с тобой?

И, может быть, у каждого была
Своя берёзка на краю села...
В далёкой роще... У крыльца... Над речкой
Дошёл бы к ней солдат дорогой млечной,
Когда бы в землю сила не ушла!

Ветер улетает на восток,
Унося берёзовый листок.
И слеза стекает по стволу,
И летит звезда в ночную мглу,
Где тяжёлым сном солдаты спят –
Пусть солдатам снится звездопад
Над землёй, где нет военных гроз...
Пусть им снится свет родных берёз.

Перевод Л. Дубаева

* Пóза – слабоалкогольный напиток мордовской кухни.

УВАРОВ ЮРИЙ / 1944

Капель свисала с крыш,
Как бахрома
Со скатертей столов послевоенных,
Когда вторая мирная зима
Вслед за колоннами военнопленных
Из города на север уходила.
Крутился в небе голубиный гон.
А мы катались на реке на льдинах,
Приделав к шапкам звёздочки с погон.
Гордились перешитыми пальто
С остатками шинельного покроя.
Просвечивало небо голубое
Сквозь парусину цирка шапито –
Чемпионат борьбы
В течение года...
А по стране иная шла борьба.
Кумач над проходной автозавода
«Не пожалеем силы и труда!»
И музыка:
«...Сверкая блеском стали»*, –
Неслось из репродукторов к Оке.
Пусть мы не очень быстро подрастали
На карточном и рыночном пайке,
Пусть музыка,
И песни,
И плакаты
Ещё хранили отзвуки войны,
Но жизнь вела
От мая в сорок пятом
Иной отсчёт для детства и страны.
Иной отсчёт –
Стропила новой школы.
Иной –
Росли из пепла города.
Я ростом недостаточно высоким
Горжусь сегодня,
Как страдал тогда.
О, виадук железный над перроном,

* Слова из песни 1938 г. «Марш советских танкистов», впервые прозвучавшей в фильме «Трактористы». Музыка братьев Покрасс, стихи Бориса Ласкина.

Усиженный шпалерами калек...
Где человек с медальным пустозвоном,
А где с медалью получеловек,
Как разобрать,
Когда блатные песни
Военной темой женщин и детей
Смутили.
Но не зря пилот Маресьев
Над собственной трагедией взлетел.
Не просто так сапожник дядя Федя
(С одной медалью,
Без обеих ног)
На башмаки детишкам двух подъездов
Бесплатно латки ставил сколько мог.
Его слова пойму я много позже,
Такое понимается не вдруг:
«Заплат не хватит –
Собственную кожу
Сдеру, но не ходи на виадук».
Ну, а пока –
Как высшая оплата, –
Почти взрослея от таких забот,
Подшипники
От новых самокатов
К его тележке детство отдаёт.

РЫБАЛКА В НОЧЬ НА 21 ИЮНЯ

1.
Снова двадцать первое число.
Ночь сложила лилию щепоткой.
Примостил скрипучее весло
Коростель на песенную лодку.
Темень села у воды на камень,
На колени голову склоня...
Как живцы на жерлицах* – кругами
Ходят разговоры у огня.
Отмеряют жестами пространство,
Чем длинней – крупнее чешуя.
В приступе рыбацкого шаманства
Кружками и песнями шумят.

* Жёрлица – живцовая снасть для ловли хищных рыб.

Но кто узнает –
От каких ночей
На лапах елей
Провисает влага?
От жаркого дыханья волчьих ягод
В овраге задышается ручей.

3.
Не испугай,
Едва дыша,
Твои движенья повторяю,
Когда, как дым, твоя душа
Над нами у костра витает.
Когда так тихо и серьёзно
Висит роса на волоске...
Перед рассветом
Так позвёздно
Ночь отражается в реке.
Ты ж повторяешься во мне,
Я голос твоего молчанья...

Лежит крылато за плечами
Тень человека на земле.

4.
Смотри. Покуда не проснулся ветер,
Такая высота над головой!..
Земля моя –
Равнина на рассвете,
Омытая росой и тишиной.
Рассветный час –
Неумолимо время.
Но памятью
В прошедших временах,
Соединяя судьбы поколений,
Мальчишка привстаёт на стременах.
Смелей, пацан!
Последняя тревога.
Труби!
Мы знаем цену тишине.
Горчайший путь –
Военная дорога,
Священный долг –
Солдатская шинель.

Где шли они
С боями
До Берлина
Дорогами сороковых годов,
Где души обожжённых городов
Глазницами руин глядели в спины,
Где брачилось* над ними вороньё
В предчувствии трагических пирушек...
Зарницы,
Будто вспышки старых пушек,
Вновь высветят сознание твоё.

Самолёты над бором сосновым
Пронеслись,
Распоров небеса
До сверкающей снежной основы...
В двух местах к полосе полоса.
Только тяжкое эхо форсажа**
Вмяло в землю листву и полынь.
Но взлетел,
Как над пламенем сажа,
Старый ворон в небесную стынь.
Поднялся – так спокойно и просто,
Прокричал – так наотмашь и зло.
Одиночество или сиротство
Опалило вороньё крыло.
Как он кружит,
Откуда он взялся?
Что в растрёпанных перьях несёт?
Чёрным креном по ветру вписался
Контур крика его в небосвод.
В предзакатный,
Предзимний,
Осенний,
Расползающийся на глазах,
Как устал от больших потрясений
Этот мир на крови и слезах!
Эта вросшая в землю деревня
На заволжской моей стороне

* Бра́читься – жениться, заключать брак.

** Форса́ж – режим работы некоторых реактивных двигателей, применяемый для временного увеличения тяги в случае необходимости (взлёт, разгон до сверхзвуковой скорости, манёвр воздушного боя).

Потеряла
(Кто нынче поверит!)
Двести душ на прошедшей войне.
Вот и плой старикам на приметы...
«Тулку»* вместе с гвоздём –
Со стены,
И долой эту погань со света.
Больше, бабка, не будет войны.

УГРЕНИНОВ ГЕННАДИЙ / 1938–2016

В ЛЕСУ ПРИФРОНТОВОМ**

Победный вальс – трофейный скак,
Неприхотливый слог,
Зато составы – на восток,
А там уж... кто как смог.

Сквозь эти чёрные платки,
Линялый бок трибун
Пробьёт судьба свои витки
Навылет, наобум.

Но вальс не знает ничего,
Чертя круги свои,
И, плача, слушают его
Родители мои.

1966

ЗАГОРОДНЫЙ ГОСПИТАЛЬ

Он шёл сквозь ельник островерхий,
Потом вдоль поля по стерне
И ставил ноги, точно вехи,
И вынимал их, как во сне.

А солнце плавилось и никло,
Он уходил от нас, как день,
И удлинившаяся тень
Косыми ножницами стригла...

*

** «Тулка» – двуствольное ружьё производства Тульского оружейного завода.
Песня 1942 г. Музыка М.И. Блантера, слова М.В. Исаковского.

Но, в общем, было всё не так:
Включали лампочку в палате,
И он лежал в бинтах и вате,
В свой гипс затиснутый, как в танк.

Уже смеркалось на дворе,
От потолка тянуло стужей,
И жизнь покачивалась тут же
На голом ламповом шнуре.

И примолкали доктора,
На фоне стен неразличимы,
И наконец-то не лечили,
И это значило: пора...

Уже не видя в нас родни,
Он уходил без лишних жалоб,
И только тень за ним бежала,
Хваталась за его ступни.

1967

ВЯЗЬМА

Мотались вётлы, руки врозь расставив,
Чтоб не упасть и выйти из пурги,
И на ветру постреливали ставни,
И мне опять приснились сапоги.

Как будто грязь, и отсветы пожара,
И прошедшая – но вот она! – война,
И сапоги на выстрелы бежали,
И мёртвая вставала тишина.

Но вновь они, простроченные дратвой,
Ещё черны от крови и воды,
Шагали – два родных кургузых брата,
Печатая текучие следы...

И я кричу, проламываюсь, вязну:
Там дождь не дождь – пещерный сталактит,
Пласты огня – раздавленная Вязьма,
И даже дым не тает, не летит.

Там пуст рукав и пуст почтовый ящик,
И только неба рваная броня,
И тот солдат, идущий, уходящий,
Ушедший, не услышавший меня.

1971

ИЗ ЦИКЛА «СЛОБОДА»

Слобода жила чуть-чуть в сторонке:
Обучалась жизненным наукам.
Но уже носили похоронки,
Правда, по соседним переулкам.

А потом в артельную шарашку,
Навсегда забывшую о модах,
Навезли вдруг шапок и фуражек
В дырах и коричневых разводах.

И теперь у крёстной голосили,
Чёрные платки свои кусали.
Почтари носили и носили,
Писаря писали и писали...

Уж ломало время и морило,
Брало за грудки, за отвороты,
Только в сорок пятом одарило –
Костылями стукнуло в ворота.

1986

УКАЧИН БОРИС / 1936–2003

УЧЁБА

В детстве,
Не знавший сахара,
Его я путал с горькой солью,
Боялся в рот положить.

Сиротливое детство моё,
Полное горького горя...
Холодно-жгучий снег,
По которому бегал я

Мужественно –
Красными босыми ногами...

А военной весною,
Чтобы с голода не умереть,
Я выкапывал корни
Диких трав,
Мясо жёлтого суслика ел
И мясо слепого крота...

Если быть кратким –
Науке жить-выживать,
Что, где и как добывать,
Учила меня жизнь сама.

Затем я сам,
Хоть и с большим опозданием,
Чтобы смысл жизни познать
(Его до сих пор не постиг я),
Начал жадно учиться,
В слово складывать буквы
И книги читать.

И сейчас,
Чтобы людям сказать
Своё слово
О таинстве жизни –
Книги учусь я писать...
Как какой-то отшельник,
Склоняясь над бумагой,
Днём и ночью колдую,
Как сумасшедший,
Сам с собой говорю,
Вторю
Еле слышному ритму губами,
Как камни ворочаю
Сотни, тысячи слов,
Выбирая самое нужное
Слово...

Словом, я продолжаю
Трудную эту работу –
Учиться жить...

1986
Перевод С. Дыкова

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОВ

...А когда затуманятся сумерки над облаками
И на землю прохлада прольётся с небесного крова,
С выменами тугими, с торчащими остро сосками,
Разномастные, тихо домой возвращались коровы.

Наша – белой была! Помню всё: издалёка, бывало,
Я средь пёстрых и рыжих её отличу и отмечу.
К нашей юрте потом подходила она, подплывала,
Мама с белым подойником к ней поспешала навстречу.

С ней, конечно, и я подбегал обязательно рядом.
Приближалась корова, мычала и шумно вздыхала.
А потом я стоял и следил зачарованным взглядом,
Как в подойнике облако белое пенно взбухало.

А потом, как положено, к ней подпускали телёнка.
Покрывалась тотчас его мордочка «инеем» белым.
А потом в нашей юрте смотрели мы – я и сестрёнка, –
Как вскипало, шумя, молоко в казане закоптелом.

...Вновь у юрты стою. И как будто бы всё неизменно.
Так же сумерки снова подсвечены бледным закатом.
И коровы цепочкой шагают неспешно, степенно,
И мычат, возвращаясь к хозяйкам своим и телятам.

Только мама не выйдет уж, как бы ни звал я, ни плакал,
Далеко моя бедная матушка – не докричаться,
И подойник знакомый навеки отзвякал, отбрякал,
На серебряной дужке не будет он больше качаться.

И не бросятся нынче коровам навстречу ребята –
Им давно уж не в радость старинные радости эти,
В чём-то всё же они не такие, какими когда-то
Были сверстники наши, войны деревенские дети.

Вновь коровы мычат... Возле юрты стою и тоскую:
Может быть, их мычание что-нибудь всё-таки значит?
Обещает ли счастье? Беду ли пророчит какую?
Я не в силах понять, но болит моё сердце и плачет.

Перевод И. Фонякова

Встрепенитесь, честные сердца,
Содрогнись, земля джигитов смелых:
Сын-алтаец старого отца
Оставляет в доме престарелых.

Взор не затуманит ни на миг –
Дескать, слёзы не к лицу мужчинам!
Комнату, в которой жил старик,
Вымыл, вытер, окурил арчином*.

Радовался: «Будет наконец
У меня подобье кабинета!
Власть Советов защищал отец –
Пусть и кормят старого Советы!»

Слушай, время, прокрутись назад,
Хоть такого не было вовеки!
Раненым с войны пришёл солдат.
Свататься ли к девушкам калеке?

Но не жизнь на свете одному
Воину, до времени седому!
Думал-думал – и решил: «Возьму
Сироту-мальчишку из детдома».

И привёл в свой холостяцкий дом,
Гладил по вихрам рукой беспалой,
Думая: «Вдвоём не пропадём,
Вырастет – опорой будет малый!»

Ах, как приходилось нелегко
В ту послевоенную эпоху!

* Арчин – можжевельник. По мнению алтайцев, обладает очистительными и целебными свойствами. Зажжённой веточкой арчина окуривают больного, очищают жилище, колыбель, очаг.

Но пока есть хлеб и молоко
Для парнишки – всё не так уж плохо.

Ну, а сам потерпит как-нибудь,
Вдоволь в жизни съевший горькой соли...
Вместе поутру пускались в путь:
Школьник-сын, отец – учитель в школе.

Год за годом – за горой гора,
Перевал вослед за перевалом.
Тот, кто был мышонком лишь вчера,
Длинноногим вымахал маралом.

Он – учёный, кандидат наук,
Он известен в областях Союза.
И почувствовал однажды вдруг:
Для него старик – одна обуза.

«Ты мне не отец, ты мне чужой», –
Благостная сброшена личина.
Разве человек с такой душой
Стал мужчиной? Это ли мужчина?

Это непосильно для ума,
Это и для сердца непонятно,
Это – будто на Алтай зима
За весной нагрянула обратно!

Но прекрасен край мой, как всегда,
И весна выдерживает сроки.
Пенится весенняя вода,
Серебрятся буйные потоки.

И стоят в сиреновом дыму
Наши горы, солнцем залитые.
Как понять, когда и почему
Очерствели души золотые?

Перевод И. Фоякова

На крышу низенькой нашей избушки
В детстве я забирался.
Мамы, с работы домой идущей,
Подолгу я дождался.

Низенькой нашей избушки уж нет,
Она сгнила и с землёй смешалась.
Нет мамы, спешащей с работы ко мне.
Она в моём сердце живую осталась!

Перевод С. Дыкова

МЫЧИТ БЕЛАЯ КОРОВА

Слышу мычанье – и год забытый
Шевелится в моём теле.
Ползут ко мне с зелёных джайлау*
Тягучие песни старухи Янчи.
...Белая корова, да, белая корова
Тогда гремела над всем Алтаем.
У неё умер белый телёнок.
Белое молоко струило вымя.
Несчастливая корова рыдала...
Старуха Янчи сделала чучело,
Положила перед коровой,
Стояла молча и смотрела.
Белая корова, не уставая,
Гремела над всем Алтаем.
Вдруг она понюхала чучело
И начала лизать и лелеять
Белое чучело, как живое.
Старуха Янчи подсела к корове
И запела...
Струя песни густой, тягучей
Ударила в землю.
(Может быть, старуха хотела
Смягчить горе коровы?
Может быть, она изливала
Своё горе –
Откуда понять мне, мальчишке?
Когда мычала белая корова,

* Летние пастбища в горах Средней Азии, Алтая, Кавказа.

Чёрное горе рычало над миром –
Такое тяжёлое, что согнулись
Плечи земли под этим грузом.)
Люди говорили,
Что сыновья старухи
Далеко-далеко, в суровой войне,
Кровавом краю.
А где этот край,
Откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыданье,
Запевает старуха,
Только сядет к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
А красный, красный закат вечерний
Дрожит, качается от мычанья.
«Если сыны мои будут живы, –
Запевает старуха, –
Будущей весной они вернуться,
Когда золотыми голосами
Кукушки запоют над весной».
...Много раз прилетали кукушки
И на ветвях качались.
Много раз уходило лето.
Но из кровавой страны «Война»
Не возвратились сыновья старухи...
Слышу мычанье – и год забытый
Шевелится в моём теле,
И давние песни старухи
Проплывают сквозь долгие годы,
Звенят печально и горько
И до меня доплывают.

1966

Перевод Б. Слуцкого

ДЕТИ ВОЙНЫ

На войне мы не были. И всё же
Мы – твои участники, война...
Чёрный голод – аж мороз по коже –
Отравил нам кровушку сполна.

Поколение – больше половины –
Не родившись, в никуда ушло.

Их отцы, мальчишески невинны,
Жутким пеплом пали тяжело!

Мы прошли сквозь стену, точно пули,
Боли и Стенанья сыновья...
Мы своё сиротство оттолкнули
Посреди сожжённого жнивья.

Детство было как сплошная рана.
Мы, однако, движемся вперёд!
...Только вот уходим слишком рано,
Оставляя маленьких сирот...

Быть живыми – дивная удача,
Жизнь – неповторимая стезя...
Дети Смерти, Голода и Плача,
Нам до срока уходить нельзя!

Перевод Т. Бек

УЛАХОВИЧ ДМИТРИЙ / 1939

Дома, дома – и вдоль, и поперёк,
и наискось поставлены на поле.
Здесь ветер,
 знавший всё и наперёд,
не зашумит густой пшеницей боле.
Он грудь свою –
 задиристый, лихой –
о каменные стены обдирает
и саженцы
 заботливой рукой,
как струны гитарист,
 перебирает.
А те, в зелёных каплях стебельки,
отмеривают вежливо поклоны
туда,
 где на скамейках старики
вновь быт свой обсуждают батальонный.
Они ведут неспешный свой рассказ,

а в нём
иной раскрой былого поля,
иные ветры, знавшие приказ
«Вперёд!» –
и ничего другого боле!

1978

МАЙ 1995-ГО

Проф. Гольденбергу Льву Моисеевичу,
проф. Ильенко Сакмаре Георгиевне***

Глаза бывалого воителя
Вонзились в прожитую даль.
Дрожит в ладони Победителя
Его последняя медаль.
Она мерцает яркой искрою,
А по лицу утюжит тень:
Война, далёкая и близкая,
В один спрессованная день,
Где в Сталинграде бой неистовый,
Где воды красные Днепра,
Где по погону золотистому
Скатилась юности пора...
И зазвучали песни грустные
Про огонёк и жёлтый лист,
И про землянку: их без устали
Играет вечный гармонист.

1995

Едва на фото гляну – стужа
Вновь кажет злобный норов свой:
Она пронизывает тут же
Меня насквозь и с головой.

* Л.М. Гольденберг (1921, Одесса – 2003, Санкт-Петербург) – профессор, доктор технических наук, заслуженный деятель науки РФ; войну закончил командиром батальона связи, участник Сталинградской битвы, форсирования Днепра, сражения на Сандомирском плацдарме.

** С.Г. Ильенко (1923 г.р., Оренбург) – профессор, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН; во время Великой Отечественной служила на звукоулавливателях слушачом.

Отец и крошечка-сестрёнка
Глядят в сегодняшнюю даль,
Где мне, блокадному ребёнку,
Вручают Памяти медаль.

Медаль за то, что выжил, выжил!
Что, не прервав живую нить,
Сумел среди жулья и выжиг
Честь Ленинградца сохранить.

И оттого на диске тонко
Сияют в радуге колец
Улыбкой детской сестрёнка
И мудрой вечностью отец.

1995

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

*Памяти Сабира Рахимова
и Андрея Улаховича,
не вернувшихся с войны.*

«За Отвагу» три медали,
«За Победу» – верхний ряд
о солдате – не устали –
мирным звоном говорят.

Пять медалей – это много?
Он плечами лишь пожал.
Всю военную дорогу
воевал как воевал.

Чтоб потом Святой Победе
смело мог в глаза взглянуть,
а награда... где объедет –
обойдёмся как-нибудь!

На рожон не лез, как в драку,
и не кланялся огню,
«на ура» ходил в атаку
не единожды на дню...

И случилось, что в траншею
первым в роте заскочил –

там сломал фашисту шею...
И «Отвагу» получил.

А вторую – за кордоном...
И сказал себе в упрёк:
– За разведку, ту, в которой
друга – ох! – не уберёт.

Лишь успел плечо подставить,
чтоб прикрыть его собой,
но застыла кровь густая
на улыбке молодой...

А потом в монгольском крае,
благо парень дюжий был,
он квантунских самураев,
как положено,
разбил.

Пять медалей – мало? много?
Это – честные дела.
К ним военная дорога
их владельца привела:

«За Отвагу» три медали,
«За Победу» – верхний ряд
о солдате – не устали –
мирным звоном говорят.

А солдату и не снилось
о наградах на войне,
что навеки поселилась
в нём, а значит,
и во мне!

1983

УЛЗЫТУЕВ ДОНДОК / 1936–1972

БРАТЬЯ

Отрывок

Вас было восемнадцать парней,
Мы вас провожали в дорогу.
Дорога к далёкой войне
Вела от родного порога.

Всех вас мановеньем руки
В предвиденье долгой разлуки
Напутствовали старики
И благословляли старухи.

Я помню – не плакала мать,
В молчанье смотрела на брата,
Поскольку, прощаясь, рыдать
В обычае нет у бурятов.

Я помню сухие глаза
И горе за твёрдостью этой,
Поскольку в народе слеза
Считалась плохой приметой.

Но каждому стало сдержать
Рыданья вдвойне тяжелее
В тот миг, когда русская мать
Повисла у сына на шее.

Но каждый крепился и знал,
Что матери русского можно рыдать.
И никто не сказал
Ни слова кричавшей истошно.

Остриженные наголо,
Не мальчики и не мужчины...
В молчанье глядело село,
Как тронулись тихо машины.

Дорога тянулась в пыли,
Петляла, из виду скрывалась...

А мы, помолчавши, пошли.
И с этой поры мне казалось,

Что там, где гора Алхана*,
Где скрылась дорога, петляя,
Уже начиналась война,
Граница её роковая.

Я быстро влезал на забор,
Глядел и внимательно слушал,
И летних громов разговор
Казался мне залпами пушек.

Душою мальчишек война
В те дни овладела без края,
И бегали мы допоздна,
В недетские игры играя.

И отзвуки дальней войны
Стояли на каждом пороге,
Внося в безмятежные сны
Следы мятежа и тревоги.

Ты письма домой присылал,
Мы с матерью еле читали.
Когда же я всё понимал,
Мы вновь их читать начинали.

На этой великой войне,
Священной, как в песне поётся,
Ты не забывал обо мне
И спрашивал, как мне живётся...

Однажды, когда ожидать
Устала какой-нибудь вести,
К гадалке отправилась мать,
Но карты – ни слова о смерти.

Гадалка спросила про сны,
Сказала, чтоб ждали ответа.
Гадалке поверили мы,
И нам помогла наша вера.

* Гора Алханай (бур. – Алхана) расположена в Забайкалье.

Контуженный, полуглухой,
Израненный вражеской миной,
Ты вскоре вернулся домой,
В улус* возвратился родимый.

Но воздух любимой земли
Целебней лекарства любого,
И очи прозрели твои,
И уши слышали снова.

А вскоре вернулись друзья,
И их золотые погоны
Вконец поразили меня,
И слушал я их восхищённо.

Но ты о войне не хотел,
Казалось, вести разговоры.
Спокойно на небо глядел,
На землю, на снежные горы.

Перевод С. Куняева

УЛЬЯНОВА ИРАИДА / 1934–1976

РОДИНА

Просторная, как русская душа,
Печь русская – мой заповедник детства,
Где я внимала сказкам, не дыша...
Печь русская – от всех напастей средство!

И ссылка за безгрешные грехи,
И зыбка... и спасение от буки,
От маминой карающей руки,
От насморка, от кашля и от скуки...

Наш зимний клуб, парные кирпичи,
Где мы сухарь ржаной делили дружно,
Уральцы, киевляне, москвичи.
О, наш ковчег в ночи и стуже вьюжной!..

* Улус – населённый пункт, село (*бур.*).

– Сестрёнка!.. – он крикнул,
Пилоткой махая. –
Привет, молдаваночка!
Вот ты какая!..

...Машины прошли
Вереницею длинной...
Ты жив ли, мой «крёстный»?
Дошёл до Берлина?..
Вернулся ль на Волгу
(Откуда ты родом, поговору судя)
С победным исходом?

Не знаю...
Но помню я голос солдата,
Меня молдаванкой
Нарёкший когда-то.

Родной мой,
И что бы с тобою ни случилось,
Я русской была,
Я русской осталась,
Но чту тебя памятью
Смуглой девчонки –
Твоей «молдаванки»,
Сестры наречённой.
Я чту тебя памятью
Девочки русой,
Такой же, как ты,
Сероглазой и русской.

УРУКОВ ВАЛЕНТИН / 1935–1978

БЫЛОЕ

Обочь просёлочного тракта
У полувьсохших берёз
Людьми забытый старый трактор
Тяжёлой глыбой в землю врос.

За пашней, вздыбленной бугристо,
Сияет золотом стерня,

А дядю Тиму – тракториста
Снесла на кладбище родня.

И председатель тётя Даша
Сказала у могилы речь:
– Был Тимофей – надёжа наша,
Да не сумели уберечь.

Вот уж беда! На фронте кабы,
Как мой иль, Аграфена, твой...
Кто ж нам пахать-то станет, бабы?
Самим придётся – вой, не вой.

И бабы, серые от горя,
К своей нужде пошли домой.
А полоса на косогоре
Чернела траурной каймой.

А у просёлочного тракта,
Где лист берёзовый слинял,
Военных лет трудяга-трактор
Как скорбный памятник стоял.

И от деревни было видно
Его за целую версту.
И было мне до слёз обидно,
Что так я медленно расту.

СОРОКОВЫЕ

Не по рассказам вас я знаю,
Как житель города иной, –
Брусника, ягода лесная,
И запах сосен смоляной.

И над озёрами туманы,
И комариный звон в ночи,
И бор, в котором рано-рано
Весной токуют косачи.

Там за околицею волки
Зимою выли на луну.
Но одностволки и двустволки
Изъяты были в ту войну.

Видала крайняя избёнка
Да равнодушная луна,
Как волки съели жеребёнка,
Отбив его от табуна.

Я помню, как недетской злостью
В ребячьем сердце кровь кипит,
Когда глядишь на эти кости
Среди разбросанных копыт.

В глухих болотах обитая
На деревенскую беду,
Гуляла вольно волчья стая
В том сорок... памятном году.

И шёл крестьянский харч на убыль,
Как ветер сквозь худой плетень,
И ничего не стоил рубль,
Как и колхозный трудодень.

Росли железные мозоли
На нежной девичьей руке,
В рубашках больше было соли,
Чем в потребиловском ларьке.

По колоскам собирать пшеницу
Пришлось девчатам по весне.
И предлагали им жениться
Ребята разве что... во сне.

И проходил по сердцу шваброй
Тот неумолчный бабий крик,
Когда бумажку «смертью храбрых...»
Вносил в избу почтарь-старик.

А почтальона звали Титом.
И, откровенно говоря,
Вся ребятня была сердита
В тот год на деда-почтаря.

Он, к нашим каверзам готовый,
Нёс молчаливо тяжкий крест.
Кричали матери и вдовы,
Невесты плакали окрест...

Ах, сорок пятый, сорок пятый!
И ты в душе оставил след.
Нужда вручала нам лопаты,
Нам, ребятишкам в десять лет.

Что ж больше – отдано иль взято?
Крутой прослеживая путь,
Твержу себе: в семидесятих
Сороковые не забудь!

ВОЕННЫМ ЛЕТОМ

Июль медовый был на склоне
В тумане, на исходе дня,
Паслись невидимые кони,
Далёким боталом звеня.

Подол ракиты узколистой
Купала тёплая река,
И полон был печали чистой
Вечерний посвист кулика.

Тучнели росы и густели,
Трава от них белым-бела.
Скрипели где-то коростели,
И фыркали перепела.

Рыбачить было мне отратно!
Потом среди родных полей,
Не торопясь, идти обратно
Со свяслем пёстрых пескарей.

Идти босым, русоголовым,
Девятилетним мужичком
С самостоятельным уловом
Шагать уверенным шагком.

Шагать и слышать в сердце трепет,
Что, может, девочка одна
Пускай на улице не встретит,
Так хоть посмотрит из окна.

Иду к избушке на горушке,
К родному крову моему,

И удивляюсь, что старушки
Вперёд меня спешат к нему.

И сразу – горем незнакомым
Крик из распахнутых дверей,
И встали слёзы в горле комом,
И уронил я пескарей...

Неужто что на фронте с папкой?
А может, с дядькой что с моим?
Обнявшись, плачут мамка с бабкой,
И ничего не нужно им.

Стою потерянно в сторонке,
А в этом плаче, в полумгле
Белеет листик похоронки
Перед родными на столе.

СЕСТРА

Когда свинец атаки взбесится,
Я поднимаюсь и бегу.
С крестом и красным полумесяцем
Мелькает сумка на боку.

А по берёзам пули щёлкают,
А впереди – разрывов мгла,
Где под огнём за ближней ёлкою
В снегу пехота залегла.

Бегу рывком, бегу без роздыха,
Не укрываясь от огня.
И не хватает сердцу воздуха,
И тают силы у меня.

В глазах колышется пожарище.
И полушубок мне велик.
Но кровь упавшего товарища
Остановиться не велит.

Ещё не скоро воспалённые
Мне губы снег запорошит.
Держитесь, парни батальонные, –
Сестра на помощь к вам спешит...

Дам командиру отделения
Из фляги горло промочить.
А треугольник с поздравлением
Я не успею получить.

...Звонит капель – весны предвестница,
И тает в поле зимний след.
Встречай свой день, моя ровесница, –
Девчонка в восемнадцать лет.

Как подобает юной женщине,
Ты платью лучшее надень.
А я убита на Смоленщине
В Международный женский день.

Но если вновь атака взбесится –
Ты знай: я рядом побегу.
С крестом и красным полумесяцем
Запляшет сумка на боку.

ПАМЯТЬ

На божничке, где икона
Встала накосо, врасшат,
Вместе с письмами погоны
С сорок третьего лежат.

А в сторонке от иконы,
На простенке меж окон –
Сам хозяин их законный
В гимнастёрке без погон.

Чуб навыпуск, бровь в изломе,
Синева в глазах густа.
На матерчатом шеломе
Пятипалая звезда.

В озорных глазах и добрых,
Напоённых синевою,
Отразился сам фотограф
У землянки фронтовой.

Мы нигде его не встретим –
Мужа, брата и отца.

Он остался в сорок третьем
По-над берегом Донца.

Он остался, распластался,
Не прикрыв усталых глаз,
И навек таким остался,
Как на карточке у нас.

Пусть живём не в ту эпоху,
Я икону не сниму –
Бабка молится не Богу.
А солдату своему.

УРУШЕВА ЛИДИЯ / 1938–2018?

Заглядываю в книги о войне,
Сличаю факты, сравниваю мнения...
Там ни словечка лично обо мне,
И в полстроки – о нашем поколенье.

Меня многострадальная страна
Спасти от смерти отыскала средство.
И всё же лично мне должна война
Моё несостоявшееся детство.

Обид сиротских непомерный счёт,
Он не оплачен, не предъявлен даже.
Он сквозь года непризнанный течёт,
Всевидящую память будоража.

И если даже мы твердим о том,
Что только мир грядущее пророчит,
Он вдруг напомнит о пережитом
И явственно проступит между строчек.

УСТИНОВ ВАЛЕНТИН / 1938–2015

БОЛЬШАК

Всю ночь мы уходили большаком.
Горел июль.
Навстречу шла пехота.
Дымились паром мстинские* болота.
Дымил большак растоптанным песком...

Всю ночь мы уходили в тишину –
мальчишки и девчонки из детдома.
И слушали огромную войну.
И путали её с протяжным громом.

Мы только начинали жить тогда.
И первые мои воспоминанья:
в помятый чайник бьющая вода
на маленьком разъезде без названья.

Там, над холмом, на семь ветров страны
расправив сучьев крепкие суставы,
вздмался дуб, от грозной вышины
укрыв собой обозы и составы.

Внезапный свист.
И вмиг (как смерть нага!)
земля распалась в рыжем смерче взрыва.
И рядом в небе, вздыбленная криво,
качалась вехой конская нога.

Состав чадил.
Треща, пылали брёвна.
По щепьям дуба густо лился сок.
Наш воспитатель Ксения Петровна
пыталась встать – и падала в песок.

Она шептала – пот катился градом –
прерывисто, клокочуще дыша:
– Не ждите... Уходите... Эти рядом...
Веди их, слышишь?!
Ты теперь большак...

* Мста – река в Тверской и Новгородской обл.

Потом умолкла.
Помню только ком
песка в ладони – бурый, тёплый, клейкий...
Потом мы шли июльским большаком
в прожжённых, взрослых, жарких телогрейках...

Тогда большак шёл только на восток.
Над ним дождём осколки моросили.
Концом пути казался нам исток.
Но мы уже узнали: мы – Россия.

У эшелонов клянчили погоны,
выспрашивая взрослых о войне.
Рвались назад – влезая под вагоны,
мотаясь бесприютно по стране.

На полустанках с голодухи пухли,
тая в глазах горячечную боль, –
и чёрные угрюмые старухи,
жалая, забирали нас с собой.

По большаку –
в разбитые деревни,
где что ни дом – то щели да беда,
где что ни сад – то чёрные деревья,
где что ни стол – то жмых да лебеда.

Мы вместе с ними осенью вставали
и, взяв мешки, корзины, тески,
шли по жнивью.

И молча собирали
опавшие при жатве колоски.

Опорки* расплзались на ногах.
Терпели всё, друг друга убеждая,
что каждый новый колос урожай –
ещё обойма в сторону врага...

И час настал: большак повёл на запад.
И снова я себя запомнил там –
на полустанке,

* Остатки стоптанной и изодранной обуви, едва прикрывающие ноги.

где взрывчатки запах
не весь истлел, растёкшись по кустам.

Увидел дуб, расколотый ударом,
когда швыряли «юнкеры» громы.
И замер я.
И понял, что недаром
его с Отчизной сравнивали мы.

Ещё обломленные ветки слиться
с землёю не успели до конца –
янтарный сок,
целебная живица,
врачуя, заслезилась по рубцам.

И в час, когда растаявшие снега
рванулись ввысь, туманы зазмеив,
вокруг рубцов проклюнулись побеги,
погибший дуб собою заменив.

И меж дубков, познавших боль и сталь,
я ощутил себя частицей силы –
той, что зовётся испокон – Россией...
И предо мною жизнь раскрыла даль.

УШАКОВ ДМИТРИЙ / 1932–2011

ДЕТСТВО

Ты помоги мне, сердце,
Уведи –
В те давние года,
В сторонку дальнюю,
Где о былом леса шумят печально,
Где я не знал, что будет впереди.
Там дедова горбатилась избёнка,
Плёл сеть свою паук под потолком...
А в кузнице, играя молотком,
Выковывал кузнец подковы звонкие.
Так чисто пели птицы по весне,
Река бугрилась, лёд ломая шаткий.
Посверкивала в синей вышине
Церквушки позолоченная шапка.

Бывало, с братом к лесу убежим,
Придумаем такое, что не снилось...
В ручье не камень вовсе, а налим,
И не коряга – щука притаилась.
Там, в чаще – корневище, как медведь,
Сейчас взревёт! А ну, отсюда ходу!
В избу влетаем, лезем на поветь*
Перележать дождливую погоду.
Ударит гром. И молния, остра,
Стрелою прошивает твердь земную...
Я помню, как любили из костра
Таскать картошку нежно-золотую.
Всё было безраздельно нам дано:
Озёр молчанье, пенистость речушек,
Полянки, где грибов полным-полно,
Болота с воркованием лягушек.
И репа, что всегда сладким-сладка
(То важно, что с чужого огорода),
И баня с влажным привкусом парка
Да с печкой, что жарка без дымохода.
Но в наше детство ворвалась война.
Хотя она не подходила близко,
А всей деревне горестно видна
Поставленным навечноobeliskом.
Среди погибших и мои дядя,
И те, кто был постарше той весною...
Вот почему и небо голубое,
И детство навсегда запомнил я.
И сердце вновь прошу я:
Уведи
В те давние года,
В сторонку дальнюю,
Где о былом леса шумят печально,
Где я не знал, что будет впереди.

ВЕРА

Ввечеру затихнет у скворечни
Воркотня накормленных скворчат.
И пойду я, человек нездешний,
По мосткам, что жалобно бренчат.

* Поветь – пространство под самой крышей, чердак.

Ляжет путь к далёкой водокачке,
Что стоит над омутом глухим...
К ней мальчонкой потаскал я тачки
С угольком, до крайности сырим.

Не родня меня здесь привечала,
А война забросила сюда...
Водокачка день и ночь стучала,
Подавая воду поездам.

Поезда, всего-то на минуту
Вставшие на станции попить...
Я тогда работал так, как будто
Без меня врага не победить.

С той поры промчалось тридцать с лишком,
Но всё чаще я бываю тут,
Чтобы вспомнить хлипкого мальчишку,
Оценить его тяжёлый труд.

О себе подумать для примеру
Да прикинуть – всё ли нынче так?
И опять его зажечься верой,
Пред которою бессилен враг.

ПРОЖИТЫЙ ГОД

Я чту закон, который вечно свят, –
Не надо тостов, громких слов не надо...
Молчанием помянем тех солдат,
Что не пришли с полей войны когда-то.

А я был мал. И не был на войне.
Так тяжело слушать мне о ней рассказы...
Но я, живущий в мирной тишине,
Всей жизнью не дожившим им обязан.

Как горек миг! Как звёзды холодны!
Как блики от луны темны на крышах...
На целый год мы дальше от войны.
На целый год к солдатам павшим ближе.

ФАЙЗУЛЛИН РАВИЛЬ / 1943

ОТЕЦ

Философом не был мой юный отец!
Но, с вечною мудростью дружен
И зная, что я человечеству нужен,
Женился на маме мой юный отец.

Он не был учёным, мой скромный отец,
Но, голосу разума внемля,
Хотел по науке возделывать землю.
Ах, как он учился, мой скромный отец!

Он не был певцом, мой весёлый отец,
Но, радуясь чуду свирели,
Мычал у моей колыбели.
Он пел как умел, мой весёлый отец!

Художником не был усталый отец.
Но радугу видеть в росинке,
Повисшей на гибкой травинке,
Меня научил мой усталый отец!

Он не был поэтом, мой тихий отец,
Но здесь, под родительским кровом,
Делились как хлебом приветливым словом –
Он знал ему цену, мой тихий отец!

Он не был героем, мой старый отец!
Но – память о штурме Варшавы –
Два шрама багрово-шершавых
Скрывал от домашних мой старый отец.

Он ангелом не был, мой грешный отец.
Не зная ни славы, ни чина,
Он прожил своё как мужчина –
Он просто отцом был, мой добрый отец!

Перевод В. Кузнецова

ФАЙН РОМАН / 1938

ОСЕНЬ 1941 ГОДА

Паровоз загудел. Поезд тронулся.
Пассажиры к вагонам бегут.
На перроне солдатики строятся.
Ждёт их дальний и долгий маршрут.

Из Хабаровска едут, родимые,
Чтоб Москву от фашиста спасти,
Ведь нельзя же столицу любимую
На разор этим катам отдать.

Вы со славой вернётесь, с Победою
Иль домой похоронка придёт?..
В сорок первом об этом не ведали...
Отправлялись теплушки на фронт.

ШИНЕЛИ

*В годы Великой Отечественной войны
Биробиджанская швейная фабрика
шила военные парашюты
и ремонтировала простреленные шинели.*

Мы не слышали взрывов снарядов,
Нам о смерти здесь пули не пели,
Но война проходила рядом
Сквозь простреленные шинели.
Их везли прямо с поля боя
На восток, в наш далёкий тыл.
Запеклась на них кровь героев
(Тогда каждый героем был).
Их в холодной воде стирали,
И рыдали бабы взахлёб,
Когда дырочки зашивали,
Обновляя шинели, чтоб
Их другие бойцы надели,
Фронтвые эти шинели.

ФАЛИКОВ ИЛЬЯ / 1942

Детства не было. Было неявное
соглашение с водой и травой,
что живёт существо своенравное
и мотает большой головой.
Детства не было. Не было адреса,
где живёт Святогор-великан,
совершенно отсутствовал Андерсен,
потому что он Ганс христиан.

Мы безбожники, с честными лицами
без билетов влетаем в кино,
только что мы разделались с фрицами,
дома холодно, в цирке смешно.
У подъёмного крана такое же
имя, лестница к башне крута,
с поднебесья тоскую по корюшке,
извлечённой из чрева кита.

Не в китовой очнулся утробе я,
не наелся ни пышек, ни сдоб.
Перекатная голь ксенофобия,
ни-двора-ни-кола-ксенофоб.
Вьётся, вьётся, петляет верёвочка,
наша Золушка ходит с пажом.
Оказалось, что имя Дюймовочка
тоже сделано за рубежом.

2008

ЕВГЕНИЮ РЕЙНУ*

Рождён за десять дён до Рождества
в кинотеатре. Мать, едва жива,
не донесла кричащего еврея
до Рождества, навеки молодея.
Идёт кино, и я туда приду.
Я прибегу в завьюженном году
среди теней на жёлтом фотоснимке
на фильм о человеке-невидимке.

* Е.Б. Рейн – советский поэт и прозаик, сценарист.

Отечественное идёт кино
по всей России, то-то и оно, –
к нему амбивалентно* притерпелся
плохой читатель Герберта Уэллса.
Идёт кино, а я не киноман,
но досмотрю его, когда в шалман**
нас занесёт навстречу новой жизни
в такой безукоризненной отчизне.

Пока стреляют где-то над Невой,
пока великий некогда немой
подавится костистым даром речи, –
перевари свой торт, включая свечи,
которых много, ибо стоит свеч
парнасская*** игра, о том и речь.
К тому же мы, возможно, не устанем
следить за новых юношей ристаньем****.

Их норов дик, и неоправдан риск.
Кто дальше всех запустит звонкий диск?
Для финалистов в их самообманах
я два венка имею в двух карманах.
Они двоятся, видимо, не зря –
нет первого, по правде говоря.
Обласканным Фортуной для начала
ещё бежать сто стадий до финала.

Что лавры? Лавров много. Будь здоров,
работая раздатчиком слонов.
Три порции борща хлеща под водку,
потребуй олимпийскую красотку.
Большой ходок, сомнительный еврей –
сын Каллиопы*****? Ты, всего скорей,
сын девушки с веслом от дискобола,
твоя наука – смешанная школа.

Над столиком нависнув всей губой,
изобразившей форменный прибор,

* Амбивалентность – двойственность отношения к чему-либо.

** Низкопробное питейное заведение.

*** Гора Парнас в древнегреческой мифологии считается местопребыванием муз, упоминается в культуре как символическое местообитание поэтов и вообще деятелей искусства.

**** Ристание – состязание (книжн., уст.).

***** Каллиопа – в древнегреческой мифологии муза эпической поэзии, науки и философии.

ты из морского шума выйдешь снова
величественней шейха нефтяного.
Не в море фонтанирует финвал –
ты о Фонтанке недоумолчал
на холостой пирушке с молодыми.
А в Питере палят не холостыми.

На ледяном блокадном берегу
положенного мне не избегу,
фантомом оживающего труп
вставая с санок медленно и тупо,
и та, которая меня везла,
окаменеет около весла,
разбитого в щепу у Малой Невки
на топливо – в конце десятидневки.

2001

ФАТЕЕВ ГЕННАДИЙ / 1934–2005

ВСЕ ЭТИ ТРИДЦАТЬ ОТ БЕССМЕРТЬЯ ЛЕТ...

Молчат сурово мраморные плиты,
И надписи уже едва видны.
Однажды навестить друзей убитых
Пришёл солдат из дальней стороны.

Он тридцать лет в степном посёлке не был,
Хотя душой здесь каждый день бывал.
Шагал солдат и узнавал лишь небо,
А больше ничего не узнавал.

Вот где-то здесь он со своим отрядом
Поклялся не покинуть рубежи.
Друзья легли в могиле братской рядом,
И лишь ему врачи вернули жизнь.

Стоял солдат, оплакивал, как близких,
Односельчан, оставленных в бою.
И вдруг он прочитал на обелиске
Среди других фамилию свою.

«Да жив я, жив!» – в висках свинцом стучало.
«...жив!» – повторяло эхо, как ответ.
И даже смерть друзей не разлучала
Все эти тридцать от бессмертья лет.

НА СТАНЦИИ ТИХОЙ

В окошке вагонном – то поле, то речка,
То город далёкий, то роща мелькнёт.
У станции с тихим названьем «Овечка»*
Состав замедляет стремительный ход...

А люди живут здесь, такие земные,
Растят урожай и ждут поезда.
И помнят, какую бывает стихия,
И знают, какую бывает беда.

Пылали цистерны, и клубы густые
Высокое небо закрыли собой.
Но мирные люди – сельчане простые –
С бедою смертельною вышли на бой...

Листовою шумят серебристые вербы,
Мальчишки бегут босиком по росе.
В той битве суровой огонь был повержен,
Да только домой воротились не все.

В окошке вагонном – то поле, то речка,
Над братской могилой пылает звезда.
На станции тихой с названьем «Овечка»
В минуте молчанья стоят поезда...

Над мирными крышами ласточки вьются,
И мирное солнце встаёт за рекой.
И в наших сердцах навсегда остаются
Отдавшие жизни за этот покой.

ТРЕУГОЛЬНЫЕ ПИСЬМА

Шли солдаты на запад
По дорогам войны.
Выпадал среди залпов,
Может, час тишины.
И тогда на привале,

* Ж/д станция недалеко от одноимённого села (ныне с. Заветное Кочубеевского р-на Ставропольского края).

Опустившись в окоп,
Люди письма писали
Тем, кто был далеко.
Писем белые стаи
Прилетали на Русь.
Их, волнуясь, читали,
Знали их наизусть.
Эти письма поныне
Не теряют, не жгут.
Как большую святыню,
Сыновьям берегут.
А бывало, что письма
Сочинял батальон.
Губы горестно стиснув,
Их вручал почтальон.
И рыдали в сторонке
Все соседки подряд.
На мужей похоронки
Вдовы вечно хранят.

...Изо всех мемуаров
О минувших годах
Треугольникам старым
Предпочтенье отдам.
Пусть их чаще читают
Роты юных бойцов.
Пусть те письма считают
Завещаньем отцов.

ФЕДАНОВ ВАСИЛИЙ / 1939

Когда нет сил за жизнь бороться
И настроенье на нуле,
Я вспомню маму у колодца
И борщ горячий на столе.

И песни, что мы хором пели, –
Все о любви да о войне...
Не стихнет боль в уставшем теле,
Но чуть полегче станет мне.

Парни сеяли, пахали
И снимали урожай.
На войну их всех забрали
Там убили. Страшно. Жаль.

Вот так парни все пропали,
Им бы просто жить, любить...
На столе стоят бокалы,
Только некому с них пить...

Тётъ Феша вымыла раму,
Отставила раму в сторонку.
От мужа ждала телеграмму,
А ей принесли похоронку.

И волосы тёмные Феши
Вмиг стали белее, чем сода.
Тётъ Фешу никто не утешит,
Шёл май сорок пятого года.

ФЕДОРИН ИГОРЬ / 1935

ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Нас вихрь войны от игр отвадил.
Тут не до игр: забавы – прочь!
Что у тебя, малец, в тетради?
Одно и то ж: зима и ночь.

Не пушки-танки – снег, дорога,
Да под луною злющий волк.
И выводил он подпись строго,
Как мастер, знавший в деле толк.

Глухая ночь. Страна от стужи
Дрожит. Война в любой судьбе
Творит, что хочет, сеет ужас.
И... волк привиделся тебе.

Ты как шифровки гнал без толка
Рисунки в глушь. Ответа нет.
И твой отец – добыча волка?
Его затерян где-то след.

Тревогой детской неуёмной
Меня война не обошла.
И о поре той – долгой, тёмной –
Замет осталось – нет числа.

...Вновь вижу волка на дороге,
Пейзаж плачевен и горяч.
Один лишь месяц тонкорогий
На землю смотрит из-за туч.

БАБУШКА САША

Бабушка Саша. Эвакуация.
В дальних снегах потонувшая станция.
Кто надоумил с соседкой податься
По белу свету поехать скитаться?
Дочь-то, родная кровинушка, рядом –
Не удержала ни словом, ни взглядом.
Ты и решила: в дому не излишек,
Нянчить поеду соседских детишек.
Холод и хворь доконали дорогой.
Холмик в степи – и чужой, и далёкой.

Дети состарились. Им и поныне
Совестно: мать померла на чужбине.
Съедутся, вспомнят, вздохнут о потере:
Мол, не списались, недоглядели.
Дескать, война, дескать, эвакуация...

Как ты зовёшься, далёкая станция?

НЕТ ДАЛЕЙ ДЛЯ ВОЙНЫ

Не воевавший, но хлебавший
Баланду тех военных лет,
Голодовавший, холодавший,
В пугач реальный порох клавший:
Глубок на детстве, горек след.

Щелей, траншей, бомбоубежищ
Сполна познал я бытиё.

Шальной осколок так же режущ,
Как пули шалой острие.

Бывало, с мамой к «Маяковке»
Бежим и ждём в ночи отбой
На рельсах-шпалах, в бестолковке,
Но веря в щит над головой.

Затем скитанья по России
В товарняках – где приютят.
Уральцы щедрые пустили,
Хоть сами с выводком ребят.

Но эхо битв и здесь сказаться
Смогло: нет далее для войны.
В горах учили новобранцев:
Далёко выстрелы слышны.

Мы подбирали гильзы следом
И мастерили пугачи.
Покой в семье нам был неведом:
Не время греться на печи!

Куда бы детство ни бросало –
За ним война шла по пятам.
То вестью с фронта огорчала,
То свет надежд дарила нам.

Навек в душе рубцы остались,
Нам те года – как в горле кость.
И семьи всюду распались,
И без отцов расти пришлось.

Но живо наше поколение
Не добычным – «купи-продай»,
Осталось к светлому стремленье,
И состраданье, и терпенье,
И в мыслях – вовсе не раздрай.

ФЕДОТОВ СТАНИСЛАВ / 1938

ФОКУСНИК

Бурлит толпою вечевой
Толкучка – рынок вещевой.
А над страной – сирены вой:
Пикирует сорок второй.

Кто знает, что там завтра будет!
Но сутки голода длинны,
И на толкучку сносят люди
Всё, что имели до войны.

Что было радостью без меры,
Что было счастьем без границ,
Сегодня – на крючке безмена*,
В чужих руках... Посторонись!

И отдают, скрывая жалость...
А деньги... деньги – как вода...
Но что-то всё же оставалось,
Что не продается никогда.

Я помню: женщина стояла,
Дрожала с перстеньком рука.
Его сменять бы – не сменяла
На полбутылки молока.

– Нигде ты больше не получишь, –
Молочник ей своё долбил.
Его дразнил цветастый лучик,
Что, как фонтан, из перстня бил.

Но женщина туда глядела,
Где на скамейке у ворот
Солдат-калека то и дело
Смешил собравшийся народ.

Был инвалид великий мастер
С бечёвкой фокусы крутить,

* Безмён – простейшие рычажные весы.

Гадать желающим «на счастье»
И шутки старые вострить.

Вокруг судили да рядили,
Покачивали головой
И заворóженно следили
За юркой тонкой бечевой.

– Как, бабка, сына кличут? Павел?
Скручу для Павла два кольца.
В одно из них поставь-ка палец...
Жди, бабка, с фронта письмаца.

А что, малец, выходит ловко?
Гадай без очереди. Ну!
На папку можно без рублёвки...
Прикончит папка твой войну!

А вы, мадам, на что хотите?
Для антиресу? Просто так?
Тогда пятёрочку гоните:
Вам пять карбованцев* – пустяк!

Супруг, наверно, в интендантстве?
Для вас я петельку совью...
Как говорится, айнундцванци**,
Без антиресу вы, адью!..

Он под фуфайку спрятал плату,
Небрежно смяв рубли в комок...
И женщина пошла к солдату,
Неся в ладони перстенёк.

Лежала на лице усталость.
Седая прядь текла со лба...
И перед нею расступалась,
Стихала шумная толпа.

(Толпа такие знала лица,
Как знала цену всех утрат.)

* Карбóванец – рубль.

** «Айн унд цванцих, фир унд зибцих» – повторяющаяся фраза из спектакля Ленинградского театра миниатюр (ныне РГТ «Сатирикон» им. Аркадия Райкина) «Любовь и три апельсина» (1962), например: «Как говорили древние зулусы, айн унд цванцих, фир унд зибцих...» Einundzwanzig, vierundsiebzig (нем.) – двадцать один, семьдесят четыре.

– На что хотишь гадать, сестрица? –
Ещё смеясь, спросил солдат.

Но смех молчанье погасило...
И, перстень протянув, она
Спросила (вся толпа спросила!):
– Когда закончится война?

Солдат сурово брови сдвинул:
– Гадать я не берусь о том,
Но верю: вскорости к Берлину
Мы обязательно придём.

И снова пошутил:
– Ей-богу,
Я до рейхстага доскачу
И за оторванную ногу
Всем гитлерам башки скручу.

А перстенёк твой мне не нужен.
Ещё пропью: душа свербит.
Небось, на свадьбу дарен мужем?
Храни до встречи!

– Муж... убит...
– Тем более храни, а то ведь
И потерять легко...
Пока!
Пойду я костыли готовить –
В Берлин дорожка далека.

...Его я видел в тот же вечер.
Он, отдираясь от земли,
О крепкий столб костыль увечил,
И слёзы пьяные текли.

Он не кричал и не ругался.
Он только пот стирал со лба.
И щепками костыль взрывался
Под серою бронёй столба.

Он затихал, теряя силы...
И долго, жалости полна,

Его прохоякая крестила:
– Когда же кончится война?!

ФЁДОРОВ НИКОЛАЙ / 1931–2011

ОГНЕННОЕ ЛЕТО

Что было нажито трудами –
Дотла спалил пожар войны.
Огонь метался над садами,
И ветки яблонь увядали,
Нещадно им опалены.

В деревне все дома сгорели.
Мы, не найдя жилищ своих,
Срывали яблоки и ели, –
Они печёные висели.

И я не помню, в самом деле,
И слаще их,
И горше их.

ДРОВА ПОРЫ ВОЕННОЙ

В прифронтовой испуганной тиши,
В остекленевшей от мороза рани,
Старухам помогая, – малыши,
Мы в белый березняк тащили сани.

Брели гуськом, поддерживая строй,
Сыпучий снег безропотно месили.
И спотыкались, падали порой,
И думали: «Неужто не осилим?..»

И, добираясь, утирали пот,
Уткнув лицо в солдатские ушанки.
А впереди желанный разворот,
В обратный путь нацеливаем санки.

И вот опять увязаны возы.
Устал ли, нет ли, а дорогой шаткой
Свой воз по рыхлой колее вези
Упрямо и понуро, как лошадка.

И взгляда отрешённо не поднять
От тяжести, от голода, от муки.
Лишь надо посильнее зубы сжать,
Сцепить покрепче на верёвке руки...

Ну а потом – пускай ещё во мгле,
Но я душой мальчишескою вижу
Остаток дня в спасительном тепле,
Ещё на день к весне желанной ближе.

ФИЛАТОВ АЛЕКСАНДР / 1943–1988

Я ВИДЕЛ УХОДЯЩЕГО ВРАГА. 1943

Я видел уходящего врага
И в нём признал недобрые стремленья
По скрипу ледяного сапога
И неприкрытым жестам отступленья.
Новорождённый, знал ли я в тот миг
Ту силу, что дарила мне природа,
Но я издал свой самый первый крик,
И враг побрёл по кромке огорода.
Мгновение!
А кажется, века
Оставили зазубрину на сердце.
Повторный крик. И шелест ветерка.
И март вошёл в распахнутые сенцы.

ХАТЫНЬ

Ветром ли качнуло три берёзы
Или голоса из глубины?
Или белорусские морозы
Так и продолжают с войны?
Я не знаю. Уши заложило.
И трещит от боли голова –
Это серый камень старожил
Предъявил извечные права:
«Жить хочу». И эхо повторило:
«Жить хочу». И голосом полей
Повторила братская могила:
«Жить хочу и видеть журавлей.
Жить хочу и видеть, как цветенье
Полонит родную Беларусь.

Жить хочу во имя возрождения –
В этом присягаю и клянусь».

Слышал на братской, как внук произнёс:
«Здравствуй, могилушка дедова!
Всё у нас ладно, братишка подросток...»
Мне показалось – с живым он беседовал.

Слышал на братской слова не слова,
Стонув плетёное кружево –
Камню кричала больная вдова:
«Что ж ты, могилушка мужава?!»

Слышал на братской, как старая мать –
Вечная боль деревенская –
Камню шептала: «Пришла помирать!
Примешь, могилушка детская?»

В МАГАЗИНЧИКЕ «ИГРУШКА»

Пестрота восточного базара,
Треск и шум – сплошная колготня!
Предложила Зура или Зара
Скакуна – татарского коня.
Предложила шашку, и винтовку,
И кинжал, всамделишный на вид...
И, смеясь, швырнула упаковку,
И шепнула: «То-то, не джигит...»
И шепнул я девушке: «Родная,
Я родился в тихой стороне...»
Лишь себе тайком напоминая,
Что ещё родился – на войне.

НАКАНУНЕ. ИЮНЬ 1941

Ещё ничто не предвещало
Налёта западной грозы,
Ещё лазоревка трещала
В зелёных зарослях лозы.
Ещё в соцветьях эспарцета*
Кипели сочные меды.
Ещё, ещё... Но было лето,
И было близко от беды.

* Эспарцёт – растение из семейства бобовых.

Так близко было! Так беспечно
Гудел скворечник на шесте...
И страшно было в этой вечной,
Лишённой смысла суете.

К.П.И.

Последний памятник войне
Ты сам поставил на пригорке,
Соединив в одном окне
Четыре гибельные створки.
На стёклах выклеил кресты.
И силой боли незаёмной
Расставил чуткие посты
По всей округе чернозёмной.
И силой собственной беды
Предотвратил на дни и годы
Распад живительной воды,
Разлад в механике погоды.
И, разгадав на миг секрет
Борьбы с невиданным недугом,
Ты не окно смещал, а свет
По направлению к фрамугам,
Чтоб преломлённые лучи,
Взлетев мучительно и круто,
Дробились в пасмурной ночи
Подобно россыпям салюта.

ПАМЯТЬ

Ёлка на четвёртом этаже –
Плавно бродят милые старушки...

Ёлка в прокопчённом блиндаже –
На ветвях бумажные игрушки...

Звон стаканов, запах пирога,
Страшная картина маскарада:
В небесах – весёлая пурга,
На земле – осколки от снаряда...

1954-Й

Отец меня к ночи баюкал
«Землянкой»* – других не певал,
С друзьями былыми в разлуке,
О чём-то он шумно вздыхал...

Я утром ловил удивлённо
Пушистых зайчат на стене.
На улице клён наш зелёный
Таинственно кланялся мне.

Открытыми настезь глазами
Встречал я весну у крыльца –
Жуки на макушку влезали,
И сыпалась в руки пыльца.

Ещё не вчитались мы в книжки –
Мы чаще играли в «войну».
А мир был такой же мальчишка:
Ведь было лет девять ему.

ФИЛАТОВ ВЛАДИМИР / 1934–2011

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Кто-то в детстве мяч гонял ногами,
Кто-то плакал от больших утрат...
Боль мою делил я с голубями,
Тишину встречая по утрам.

Белые и сизые взлетали
И кружились грустно над войной.
Но тогда я понимал едва ли,
Сколько в птицах доброты земной.

Понял это в майский День Победы,
В день, когда под радостный салют
Их бросали и мальцы, и деды
В солнечное небо и в зарю.

* Советская песня времён Великой Отечественной войны. Музыка Константина Листова, стихи Алексея Суркова.

Белые и сизые летели
И, кружась, опять спускались к нам,
Будто нас обрадовать хотели
Тем, что всё же кончилась война.

ФИЛИППОВ АЛЕКСАНДР / 1932–2011

БЕРЕГ ОЧИЩЕНИЯ

Л.Н. Фенину

Что-то время понапрасну трачу,
Суета заела дочиста;
Лучше поищу свою удачу,
То есть небезрыбные места.

Утром солнце светлое засветит,
И роса прохладно опадёт.
Ой, как хорошо на белом свете,
Если даже рыба не клюёт!

Рыбаки, когда момент приспичит,
Дома на цепи не усидят,
Соль возьмут, буханку хлеба, спичек
И пошёл – куда глаза глядят.

Карасей гоняют по излучке,
Всякую другую чепуху.
У костра подлещики и щуки
Угодят в вечернюю уху.

Хорошо рыбацкому народу
От шумихи городской вдали.
О таком роскошестве природы
Не мечтали даже короли.

Соберу рыбацкие игрушки,
Уподоблюсь нынче рыбаку
И в траве на берегу речушки
Вволю поваляюсь на боку.

– На рыбалке, точно, всё «до фени»,
Без рыбалки жизнь моя – табак, –

Говорит Лев Николаич Фенин,
Самый удивительный рыбак.

Очень он доволен... Даже если
Одного поймает пескаря,
Закричит, как заново воскреснет:
– Значит, жизнь потрачена не зря!

Фронтовик, выдавший смерть в санбате,
Бешено стрелявший по врагу,
Он не любит нежиться в кровати,
Любит полежать на берегу.

Звёзды светят, ночь ползёт немая,
Плещется в бессоннице река –
Вся природа, как и я, внимает
Медленным речам фронтовика.

Здесь вольготно, ничего не надо,
Лишь бы дрожь бежала по крови.
Наглотившись утренней прохлады,
У костра сидим как короли.

Понапрасну время не потратил,
Снова я со свежей головой
Мог бы встать с матросами на катер
Иль идти с шахтёрами в забой.

Напоследок наберём брусники,
Кинем по копейке в камыши.
Провожает рыбаков с грустинкой
Берег очищения души.

Никогда нас не переиначить.
Даже если рыбы не поймать,
Всё равно прекрасно... Вот что значит
На рыбалке с другом побывать.

ФИЛИППОВ РОСТИСЛАВ / 1937–2006

Да, сибиряк – душа живая –
хранит с суровым прошлым связь,
беду и радость принимая
с достоинством, не суетясь.

И как судьба ни распалялась,
как ни рубила, как ни жгла,
но крепость духа оставалась.
Она в традицию вошла.

С тех дней традиция хранится,
когда повдоль Аргунь-реки
беречь российские границы
образовались казаки.

Потом японское светило,
надменно излучая зло,
над нами было восходило...
Штыки сверкнули – и зашло.

И мне великая отрада,
что в дни, когда война была,
Сибирь Москве и Сталинграду
надёжной силой помогла.

О том мне многие твердили,
и даже маршал боевой:
сибиряки опорой были
Почище гвардии иной.

И в книге памяти народной
с особой пишутся строки –
побатальонно и поротно –
мои сибирские полки.

Историк, друг ты мой любезный!
К тебе давно уже идут
благословить твой труд полезный,
твой чёрный, но священный труд.

Идут с далёкой и недалней,
с любой советской стороны,
идут, торжественно-печальны,
погибших воинов сыны.

Идут их матери и вдовы,
несут, светлея, письма их,
чтоб зазвучало снова слово
из «треугольников» простых.

А в них – бои, надежды с болью,
страна, родные имена,
и тот особый треугольник,
где он, она да к ним война...

Историк-друг, конец не близок
упорным розыскам твоим.
Ведь как он длинен – скорбный список
всех, кто ушёл в огонь и дым.

Тот похоронен, тот без вести
пропал, и не узнать никак,
в каком лежит печальном месте
российский воин, мой земляк.

Ты, поколение молодое,
живи в цвету, но не забудь
всех, кто бывал на поле боя –
всех! – поимённо помянуть.

Пишите в школьных сочиненьях –
мне их не раз читать пришлось –
слова «За нас ушли в сраженья!»
не для отметки. А всерьёз.

И вместе с вами я ликую,
когда весеннею порой
идёт на площадь городскую
Победы праздник дорогой.

И марши медные упруги.
И ветвь багульника красна.
И, словно кольца у кольчуги,
позвякивают ордена.

Вот, опалённые ветрами
пространств, походов и боёв,
идут в колоннах ветераны.
Идти за ними я готов!

И я иду за ними следом.
Мы чувством спаяны одним.
И осеняет нас Победа
горячим знаменем своим...

ВОЕННЫЕ ВЕСТИ

Эти вести,
как взрывы ночные
под окнами дома.
Это резкие вести –
так кричат часовые
даже близко знакомым...
Что ж!

Я с домом прощусь,
затеряюсь на тропах войны...
А сюда я вернусь,
может, просто письмом,
может, криком жены.
Я ушёл молодой-молодой,
я рассчитывал жизнь не так –
был открытым я, как ладонь,
стал суровым –

как сжатый кулак.
Я ушёл молодым-молодым...
Пусть не встречу победного срока,
пусть я стану
бурьяном седым,
пусть я стану
от бомбы воронкой –
ничего не боюсь!
Только хочется мне напророчить,
чтобы умные выжили,
с мерзавцами счёты сведя.
Чтобы тихою стала земля,
как сосновая роща,
чтобы стала спокойной,
как озеро после дождя.

ФИЛИППОВА ИРИНА / 1935–2009

ДОЧЕРИ

В моём краю война не бушевала,
И даже не было госпиталей,
Но горя горького на всех хватало,
И мамы провожали дочерей.

Да, дочерей, я не оговорила,
Ушли давно мужья и сыновья.
Не веря в Бога, матери молились,
Жила в тревоге каждая семья.

Да что там голод, дыры и заплаты?!
Такое время – некогда форсить.
Вернулись бы защитники-солдаты,
А остальное можно пережить.

Всё пережили, но не каждой маме
Детей встречать живыми довелось.
Глядят со стен портреты в чёрной раме,
Да память больно вдруг пронзит насквозь.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ГОРЬКИЙ ХЛЕБ

Он был не очень многословен,
Седой усталый ветеран.
Не вспоминал он реки крови
И не считал наград и ран.

Назвать геройством неприлично
Тех дымных будней долгий ряд:
Атаки, раны, боль – привычны,
На то война, а он солдат.

Зато другое вспомнить страшно:
Село, поверженное в прах.
И полоса ползёт по пашне,
А пашут... нет, не на волах.

Худые, чёрные, как тени,
(Четыре года в погребях).
И кто ползком, кто на коленях
Плуг тащат. Тащат на ремнях.

И что бы там ни говорили
О диких ужасах тех лет,
Он видел, помнит, как растили
Послевоенный горький хлеб.

То поле видит он и в праздник,
Вот в этот светлый день весны.
И кажется вопросом праздным
«Хотят ли русские войны?»*.

ФИЛЬШТЕЙН МИХАИЛ / 1930

ВОЕНРУК

А военрук наш весел был,
И юн, и ростом мал.
И боевой мальчиший пыл
Душою понимал.

Он выводил в метельный двор
Ребячий непокой.
И ловко пробовал затвор
Единственной рукой.

Он был для нас ещё бойцом.
Привычно с нами пел.
Но задышался. И лицом
Вдруг становился бел.

Он замолкал, белей зимы,
В искрящейся пыли, –
Не то что мы, не то что мы,
Когда колонной шли.

Та белизна в зрачках росла,
Текла по синеве,
Как будто это смерть жила
В зашитом рукаве.

* Цитата из одноимённой песни, впервые исполненной М. Бернесом в 1961 г. Слова Е. Евтушенко, музыка Э. Колмановского.

ФИЛЮШКИНА СВЕТЛАНА / 1936

ОТЦОВСКИЕ ПИСЬМА

В потемневшие окна заглядывал вечер,
И тогда, соскочив потихоньку с крыльца,
Я бежала вдоль леса, накинув на плечи
Довоенную старую куртку отца.

Здесь у пня, опушённого мохом зелёным,
Под корявыми ветками хмурой сосны,
Я ждала и ждала старика-почтальона,
С толстой сумкою писем, пришедших с войны.

Приминая ногами густой подорожник,
По тропинке в село проходил почтальон.
И, поймавши мой взгляд, не по-детски тревожный,
Мне письмо фронтовое протягивал он.

Я сжимала листок в запылённом конверте,
Я под хмурой сосною стояла одна:
Может быть, извещение о папиной смерти
Жёстким почерком мне написала война?!

Выходили из леса холодные тени,
Подымались туманы по сонным прудам...
Положив дорогие листки на колени,
Я по письмам училась читать по складам.

Эти чёткие, чуть торопливые строки...
Освещённые отблеском тёплой зари,
Эти письма отца из сражений далёких –
Мои первые азбуки и буквари.

ФИРСОВ ВЛАДИМИР / 1937–2011

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Ни кола, ни двора и ни хаты –
Вся деревня под снегом живёт.
Эти годы, что были когда-то,
Горечь детства забыть не даёт.
Память вывернута наизнанку.

Проплывают далёкие дни...
Припорошена снегом землянка,
Пухнут с голоду братья мои.
Нам бы хлеба и чуточку ласки
Да онучи для новых лаптей!..
Заменяли нам ласку
Салазки,
Улетающие в метель.
Снежный ветер хлестал
По спинам,
Пели редкие петухи.
Заменяла нам хлеб мякина,
Ну а сахар – льняные жмыхи.
Мы великих дел не вершили
И по трижды чужой вине,
Как солдаты,
В землянках жили,
Умирили,
Как на войне.
Я остался в живых
И смело
Говорю, что обязан жить:
Ведь в могилах заиндевельных
Восемь братьев моих лежит.
Не за них ли
Сейчас в наступленье
Мы идём по просторам весны,
Неизнеженное поколение,
Поредевшее в годы войны?
Это мы отправляемся в небо
Сквозь созвездия млечной пурги,
Чтоб колосья тяжёлого хлеба
Не топтали ничьи сапоги.
Наши руки, не зная покоя,
Рубят избы, возводят мосты,
Чтоб вставали сады над рекою
Небывалой ещё красоты...
Будут дети отцами гордиться,
Будут знать их дела наизусть!..
Скоро сын у меня родится,
Если дочка – не огорчусь.
Им хорошую жизнь по наследству
Я оставлю во имя любви,

Слыша голос далёкого детства:
– Ты, братишка, за нас поживи!..

ПИДЖАК

Жизнь состояла из отрезков.
И был в одном из них
Пиджак,
Что в дни войны в родном Смоленске
Мне отдала вдова за так.

На переполненном вокзале
Она сидела у огня
И неизбывными глазами
Глядела с грустью на меня.

Пилотки и платки рябили.
Вокруг – узлы и костыли.
В старинной песне о рябине
Вдруг всколыхнулась боль земли.

Её под сводами вокзала
Носило эхо чёрных дней...
Я пел
Для женщины
С глазами
Осиротевших матерей.

Когда же я закончил песню,
Она вздохнула горячо
И тихо так – со всеми вместе –
Сказала:
– Спой, сынок, ещё...

Я пел.
Я знал, что души тронет,
И верил сам в минуты те,
Что вот умру – и похоронят,
Да только неизвестно где.

Я пел и видел,
Как в печали
Слёз не скрывали старики.
И лишь глаза вдовы молчали,
Как замершие родники.

А после
Я сидел у печки,
И рядышком была она.
И всё шептала мне:
– Сердечный!
Ишь как умаяла война...

И сквозь меня, сквозь даль глядела,
Достав залатанный пиджак...
– Смотри, сынок.
Продать хотела,
Да, знать, судьба – отдать за так...

Я, не нуждаясь в уговорах,
Надел его без суеты.
– Ну, так и знала, будет впору,
Ведь мой такой же был, как ты...

И пусть сегодня дни иные,
Пусть годы горя вдалеке,
Себя я чувствую
И ныне
В том самом, вдовьем, пиджаке...

И я пою,
Как на вокзале,
Как в дни беды страны моей,
Для этой женщины
С глазами
Осиротевших матерей.

Она во мне признала сына...
И в наши дни –
Пред ней в долгу –
Я без неё
Судьбу России
Уже представить не могу!

ЛЕТО СОРОК ПЯТОГО

Нет ни соли, ни хлеба,
Только синь-лебеда,
Да холодное небо,
Да в колодце вода...

На глухих полустанках –
Суета, нищета.
В станционных землянках –
Темнота, духота.

Полустанки России
По дорогам бредут,
Где мальчишки босые
Подаяния ждут;

Где недавно устало
Грохотали бои;
Где по новеньким шпалам
Мельгешат воробы;

Где, лицо по-монашьи
Укрыв до бровей,
Ищут женщины наши
Своих сыновей;

Где мелькают котомки,
Все в дорожной пыли;
Где гремят не винтовки –
Костыли, костыли...

Я бродил неустанно,
Словно жизнь познавал.
На глухих полустанках
С ребятнёй бедовал.

Мы все беды сносили,
Потому что не раз
Полустанки России
Были домом для нас.

Были домом,
В который
Вновь хозяйка вошла,
Деловито с котомкой
Примостясь у стола,
И негромко спросила:
«Как дела, малыши?»

Шла хозяйкой Россия
По смоленской глуши
И глядела устало
На холодный закат,
На глухих полустанках
Встречала солдат.
Шла за плугом уныло,
Поднимала сады
И на братских могилах
Высевала цветы.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Памяти А.А. Коваленкова

Я помню сожжённые села
И после победного дня
Пустую
Холодную школу,
Где четверо, кроме меня,
Где нам однурукий учитель
Рассказывал про Сталинград...
Я помню
Поношенный китель
И пятна – следы от наград.

Он жил одиноко при школе
И в класс приходил налегке.
И медленно
Левой рукою
Слова
Выводил
На доске.

Мелок под рукою крошился.
Учитель не мог нам сказать,
Что заново с нами
Учился
Умению ровно писать.
Ему мы во всём подражали –
Таков был ребячий закон.
И пусть мы неровно писали,
Зато мы писали, как он.

Зато из рассказов недлинных
Под шорох осенней листвы
Мы знали
Про взятие Берлина
И про оборону Москвы.

Дымок от землянок лучился
Жестокой печалью земли.
– Любите, ребята, Отчизну,
Её мы в бою сберегли...

И слово заветное это
Я множество раз выводил.
И столько душевного света
В звучанье его находил!

А после
Поношенный китель
Я помню как злую судьбу –
Лежал в нём
Мой первый учитель
В некрашеном светлом гробу.

Ушёл, говорили, до срока,
Все беды теперь позади...
Рука его
Так одиноко
Лежала на впалой груди!

Могилу
Землёй закидали.
И женщины
Тихо рыдали.
И кто-то негромко сказал:
– Медалей-то, бабы, медалей!
Ить он никогда не казал...

Мой первый учитель!
Не вправе
Забывать о тебе никогда.
Пусть жил ты и умер не в славе –
Ты с нами идёшь сквозь года.

Тебе я обязан
Всем чистым,
Всем светлым,
Что есть на земле,
И думой о судьбах Отчизны,
Что нёс ты на светлом челе!

ПОХОРОНКИ

Плачут вётлы и ракиты
Осенью и по весне...
Плачут вдовы
По убитым,
По забытым на войне.

Заросли травой воронки
На виду у тишины.
Но, как прежде,
Похоронки
Пахнут порохом войны.

Пахнут порохом,
Слезами,
Дымом дальних рубежей
И лежат
За образами,
За портретами мужей.

Похоронки! Похоронки!
На груди моей земли
Поросли травой воронки,
Вы быльём не поросли.

Вам и верят и не верят,
Хоть прошло немало лет.
По ночам открыты двери,
Ждёт кого-то в окнах свет.

Что там годы
За плечами
Деревень и городов!
Безутешными ночами
Вас тревожат руки вдов.

Вы, как прежде, руки жжёте.
– Не придёт! – кричите вы.
К сожаленью, вы не лжёте,
Вы безжалостно правы.

Потому кричите громко,
Что ничто не изменить...
Похоронки, похоронки,
Как бы вас похоронить!

ФОКИН ВЛАДИМИР / 1944–1991

В ГОСТЯХ

А я-то выпалил некстати:
«У вас по-графски стол накрыт!»
И сразу сникла тётя Катя
И вдруг заплакала навзрыд.

Ей вновь припомнилась блокада:
Сирены вой, дома без крыш.
«Не надо, мамочка, не надо!
Не умирай!» – кричал малыш.

А ей бы только хлеба ломтик.
Глаза затягивала мгла.
Она в асфальт вбивала локти,
Но приподняться не могла.

Который год у тёти Кати
Стоит в ушах тот детский крик...
А я-то, дурень, так некстати:
«У вас по-графски стол накрыт!»

КОСТЫЛИ

О, жизнь отца,
Нелёгкою была ты!
С изрытою осколками спиной
С войны сквозь госпитальные палаты
На костылях вернулся он домой.

Среди сельчан –
Гражданских сплошь сограждан –

Он ободрялся, словно молодец.
Страдал он тяжело –
Это видел каждый.
А всё без дела как-то не сидел.

Однажды, помню, шли мы за грибами
Колдобистой дорогой полевой.
От боли батя скрежетал зубами,
Но жалоб я не слышал от него.

Занудный шкет, я всё канючил сдуру,
А он за день, пока мы шли и шли,
Лишь сделал два коротких перекура.
Поскрипывали только костыли.

А в перекур под липою кривою
Он неуклюже повалился с ног
И, в папоротник ткнувшись головою,
Всё повторял:
– Жить здóрово, сынок!

Он и лишенья принимал без жалоб,
Молчал при этом, словно был немой.
Теперь лишь понял:
Держится держава
Вот на таких, как мой отец родной.

Я рано потерял отца и друга,
Так далеко до тех счастливых дней...
И всякий раз, когда бывает туго,
Я слышу скрип отцовских костылей.

ФОКИНА ОЛЬГА / 1937

Я помню соседей по тем временам,
Которым короткое имя – война.
Короткое имя, а память – долга...
Безмолвна деревня – по трубы в снегах.
Огромную тяжесть держа на весу,
Ни встать-отряхнуться, как ёлке в лесу,
Ни охнуть-вздохнуть ей, ни чем шевельнуть.

Застыла зловещая белая жуть.
Огромное блюдо линялых небес
Всё вычерпано, как отдел райсобес.
И новою, праздною ложкой пустой
Вращается солнышка круг золотой.
Всё помнятся ложки, которые мать
Под матицу* вешала – там досыхать,
Чтоб краской не пахли, и целые дни
На них мы глазели – гони не гони.
Потом, получая, пятнали: моя!
Щербинки выкусывали по краям...
И солнышко дразнится: выкуси на!
Там где-то война. А у нас – тишина!
Как тесто, поднявшееся из квашни,
Как белые хлебы, сугробы пышны.
Зайдёшь на задворки – до самых лесов
Насорен-насыпан всё сахар-песок.
И так же блестит он, и так же хрустит!
Вот только ни капли во рту не сластит.
Вот только не сладко в сугробе тонуть
И за уши валенок мамин тянуть:
«Великий, да дикий! И старый, а глуп!
Упёрся: в сугробе остаться ему б!
Разинул, дырявый, голодную пасть
И сахаром-снегом насытился всласть».
Упрашиваю. Не сдаюсь. Волоку.
И чую, как грузнет сума на боку.
Дрожащую руку в суму, как во сне, –
В руке в колобочек сжимается снег.
...Идти по деревне куски собирать
Мы сами решили: страшно умирать.
И мать, наклонясь над грудным малышом,
Сказала спокойно: «Ну что ж, хорошо!»
(Что стоило это спокойствие ей,
Я знаю, пожалуй, получше людей.
Была моя мама добра, но горда:
За спичкой в соседи – и то никогда!
За спичками – стыдно. За солью – вдвойне.
По пятеро нас накопилось к войне.
Кормилец – в могиле, малец в подолу.
Верёвка для петли – в поветном** углу.)

* Матица – потолочная балка или бревно, являющаяся перекрытием и основой для крыши и стропильной системы.

** Повётъ – хлев, сарай.

Дала нам она по суме из холста,
Велела просить, поминая Христа.
(Безбожница-мама! Колхозный актив!
Тебя не виню я, ты – тоже прости:
Ослушаться смела и, где ни была,
Я имя Христа помянуть не могла.
Зачем поминать? Для кого поминать?
Соседи и сами должны понимать.)
Я криком кричала, молчанье храня:
– Подайте, коль можете, ради меня!
И ради братишек, таких же, как я! –
И руку выпрастывала из тряпья.
У каждого дома я помню крыльцо.
И помню ворота. И помню кольцо.
И тёмные сени (а чьи-то – светлей).
И двери тугие (а чьи-то слабей).
И помню пороги: одни – высоки.
Другие – пониже. И помню куски.
И помню глаза подававших людей...
Я вечный должник у деревни моей.
Перила-краюшки, ступеньки-ломти –
Без этой бы лесенки мне не взойти,
И самую лучшую песню мою
Я людям, соседям моим, отдаю.
Но помню и этот, один изо всех,
Не сдержанный, к корке добавленный смех.
Безжалостный, сытый, ехидный смешок,
Он ранил навывлет, сквозь душу прошёл.
И тем, что живу я, и тем, что дышу,
Я этому смеху, наверное, мщу.

1970

...И была у меня Москва.
И была у меня Россия.
И была моя мать жива,
И красиво траву косила.
И рубила стволы берёз,
Запасая дрова по насту,
И стоял на ногах колхоз –
Овдовевших солдаток братство.
И умели они запрячь,
Осадить жеребца крутого,

И не виданный сроду врач
Был для них отвлечённым словом.
И умели они вспахать
И посеять... а что ж такого?!
И – холстов изо льна наткать,
И нашить из холстов обновы!
Соли, сахара, хлеба – нет.
И – ни свеч. И – ни керосину.
...Возжигали мы в доме свет,
Нащепав из берёз лучины.
И читали страницы книг,
Протирая глаза от дыма,
Постигая, как мир велик
За пределом избы родимой.
Но начало его – в избе,
В этой – дымной, печной, лучинной,
Где в ночи петушок запел
Без малейшей на то причины.
Мы хранили избы тепло,
В срок задвижку толкнув печную...
Неторопкое время шло,
Припасая нам жизнь иную.
И распахивались пути,
Те, которым мы были рады,
И, отважась по ним идти,
Мы стучали под своды радуг.
Сердце пело. Играла кровь.
Справедливость торжествовала.
И возвышенная любовь,
Словно ангел, меж нас витала.
И копились в душе слова,
И копилась в народе сила:
Ведь была у людей – Москва!
Ведь была у людей – Россия!

ФОНЯКОВ ИЛЬЯ / 1935–2011

Оптимизму учили меня
Не с трибун, по конспектам,
ораторы.
Оптимизму учили меня,
Лет военных
коровьи оратаи.

Оптимизму учили меня
Над слезами смеясь непросохшими,
Тех пронзительных дней ребягня,
Беспризорщина и безотцовщина.

Оптимизму учили меня
Новобранцы, в машинах и пешие,
На рассвете холодного дня
Про войну про священную
певшие.

Я живу, эту веру храня!
Пусть на долгие годы растянется,
И со мной никогда не расстанется
И останется после меня...

ДЕТСТВО. ЭВАКУАЦИЯ

Сонет-воспоминание

Эскадра в море, в небе эскадрилья,
Спалённой степью скачет эскадрон.
Войны проклятой морда крокодила
Вломилась в нашу жизнь со всех сторон.

Здесь, впрочем, тыл. Комарья камарилья.
Нас приютил Макушинский район*.
Торчат на грядках редкие будылья:
Наш огород разграблен, разорён

* В Курганской обл.

Голодными детдомовцами. Сами
Едва ли мы сытей под небесами,
С которых льются нудные дожди.

Ждёшь не дождёшься скудного обеда.
Но можно жить: ведь впереди – Победа.
А что у нас сегодня впереди?

Слепой солдат пришёл с войны,
Лицо – ожог сплошной.
Но был, как был, он для жены
И милый, и родной.
Навстречу бросилась с крыльца,
Склонилась перед ним...
Растёт мальчишка – весь в отца,
В красивого, каким
Ушёл на фронт! И неспроста
В миру идёт молва:
Не умирает красота,
Когда любовь – жива!

ПАРТИЗАН

Про жизнь и смерть.
Ущелья пахли дымом,
Он уцелел – один из двадцати.
И, прозванный стократ «неуловимым»,
В тот раз подумал:
«Не уйти».
Кольцо сжимал всё туже неприятель,
А он засел в окраинной избе,
Десяток пуль расчётливо потратил
И приберёт последнюю – себе.
Я слышал, на Балканах есть могила
И некролог из трёх коротких фраз:
«Не смейся, смерть! Лишь раз ты победила,
Он побеждал тебя – десятки раз!..»

БЫЛО МНЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Помню этот день, стократ воспетый, –
День, когда окончилась война.
Хлопнув по плечу меня, «С Победой!»
Мне сказал какой-то старшина.

Промолчал в ответ я, потрясённый,
После – гордый целый день ходил,
Словно бы в борьбе, святой, бессонной,
Я со всеми вместе победил.

Матери и жёны волновались,
Плакали от счастья старики,
Но ещё надолго оставались
В прежней силе карточки, пайки.

Небеса в проломах голубели.
Грезившийся в громе и в дыму
Мир лежал дитятей в колыбели –
Были сутки от роду ему.

В честь его крылатые трубили
Гении с дворцовых старых стен.
Как младенца, все его любили,
Ничего не требуя взамен.

Мне помнится город мой после войны –
Пайки, ордена и в окошках фанера.
Отчаянно были жилища тесны,
Но всюду селились надежда и вера.

И странно подумать, как сильно с тех пор
Понятия многие переменились:
Ценились не тихие окна во двор –
На площадь, на улицу окна ценились!

ФОТЬЕВ НИКОЛАЙ / 1927–2010

Не счесть ушедших на тот свет
В течение злых военных лет.
Не счесть всех душ развоплощённых,
Творцом над нами вознесённых
Туда, где им житьё дано.
И, может, там они в одно
Слились – и сделались большой,
Весь мир объёмлющей душой.

И, может быть, она на нас
Влияет как-то всякий раз.

Во цвете лет погиб отец... О Боже!
Он ныне в сыновья годился б мне.
Он вдвое был меня моложе,
Когда погиб на проклятой войне.

ТЫ ПОМНИШЬ...

Брату Льву

Ты помнишь: на плотике маленьком,
У нас назывался он саликом,
Плывём мы по Бие до Бийска.
А это непросто, неблизко.

Где нужно – толкаем шестами,
Где можно – сидим да глядим,
Какой поворот перед нами
И что там маячит за ним.

Вода серебрится на солнце,
На косах пищат кулички,
А мы вниз по Бие несёмся,
По гребню реки.

Вода так светла, что под нами
Мы видим порою всё дно –
Сверкая дресвой и камнями,
Летит нам навстречу оно.

Нам любо движенье! Приволье!
Но думаем всё ж о своём:
В родной отучились мы в школе
И в город учиться плывём!

А слева и справа вдоль Бии –
То ленточный бор, то село.
Мы всё это видим впервые,
Впервые сюда занесло.

И город, в который мы едем,
Где будем науку мы грызть,

Нам тоже пока что неведом,
Не знаем мы, что там за жизнь.

Мы выросли в дикой глубинке,
Под сенью медвежьей тайги.
У нас на ногах не ботинки –
Мужицкие сапоги.

На нас одежка убога,
И руки у нас в мозолях.
Мы с детства работали много
До боли-ломоты в костях.

Недавно война отгремела,
Кругом гольтьба да нужда,
А мы из родного предела
Направились – вон аж куда!

Ты помнишь... Несладко нам было,
Но всё ж поднялись на крыло.
И память ничто не затмило,
Хоть столько воды утекло!

ВОЙНА

Война ходила по сердцам,
Как горькое пророчество,
И оставляла пацанам
В наследство только отчество.

К мальчишкам приходил во сне
Отец, совсем не виденный,
Делились с ним наедине
Последними обидами.

Но жизнь вела отсчёт годов,
И одиночки-матери,
Чтоб сделать из сынов отцов,
До дна себя растратили.

Росли в бараках крепыши
И вкладывали, гордые,
В любое дело злость души,
Чтоб стать отцами добрыми.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЁЛКА

Ещё в очередях стояли разных,
И номера синели на руке...
Решил нам ЖЭК на новогодний праздник
Устроить ёлку в красном уголке.

В вельветках, в перешитых гимнастёрках
В украшенном подвале детвора
Кружилась, изумлённая, у ёлки,
Вокруг на ней висящего шара.

Хоть дома ждал нас рыбий жир аптечный –
Единственный в то время витамин, –
Детей мы африканских так сердечно
Жалели и сочувствовали им...

Несытым нам прибавил праздник силы,
В сердцах зажёл цветные огоньки.
С собой мы веру в завтра уносили,
С подарками бумажные кульки.

ХАЛЗАНОВ БАРАС / 1938–1993

Когда не вернулись солдаты с войны,
охотничьи их собаки ушли из деревни
и скрылись во мраке.
Тоскою глаза их полны
по юным хозяевам, павшим в атаке.

По кличкам двуногих друзей называя –
пёс Рваное Ухо, а этот – Алмаз, –
мы слышим лишь эхо собачьего лая,
лишь запахи их долетают до нас.

На запад ли скрылась та верная свора,
где тленье и гарь обедневшей земли?
Искали собак мы в ту давнюю пору,
искали – да только нигде не нашли.

Доныне мне помнится лай их счастливый,
когда возвращались с охоты они,
и наши мальчишеские призывы,
когда они сгнули в горькие дни...

Перевод О. Шестинского

СОРОК ТРЕТИЙ ГОД

Человеку полгода.
А отец уж убит на войне.
И не знает об этом дитя.
Только в непогодь плачет во сне.
А при солнышке спит,
сладко спит в тишине.
Когда мальчик узнает,
что отец его пал как герой,
зарастёт на чужбине уже
могила густою травой.
Чуток сон колыбельный мальчика,
вырастает он вместо отца.

Перевод О. Шестинского

1944

Полегло из деревни сто солдат-земляков.
Было нам в это лето всего шесть годков.
Однорукий солдат выводил нас с зарёй
на колхозное поле и выравнивал строй.

– Рассчитайсь! – он командовал, согнут и сед.
Было нам, малышам, всего-то шесть лет.
Выкликал по фамилиям старый солдат.
– Здесь я!
– Есть! – откликались ему невпопад.

Как цыплята, за ним мы по полю брели,
шаг старались печатать в холодной пыли.
– Молодцы! – ободрял он на поле ржаном
и лицо утирал пустым рукавом.

Перевод О. Шестинского

ХАЛОВ ПАВЕЛ / 1932–1999

Где-то в братских могилах великой войны
Наши детские игры погребены.
Безмятежные сны... Безмятежные дни...
Мы в двенадцать забыли, какие они.
Мы отцов провожали в дорогу без слёз.
Нас полуторки мчали в притихший колхоз.
Мы долбили траншеи в промёрзшей земле,
Обдирая ладони на грубом кайле.
На газетных полях в этот тягостный год
Упражненья писали мы: «Враг не пройдёт!»
Каково же смотреть нам и слушать теперь,
Если люди, не нёсшие наших потерь,
Если люди, не знавшие нашей беды,
Если люди, не евшие нашей еды,
Надевая сейчас дорогое пальто,
Говорят, улыбаясь ехидно: «Не то...»
Слишком резко, мол, делим
На «друг» и на «враг»,
Узколобо мечтаем и любим не так,
Мол, и песни у нас, словно стёртый пятак.

Мне отец, что под Оршей в атаке убит,
Если я промолчу, никогда не простит.

ХАЛУПОВИЧ ВАДИМ / 1932

ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

Т. Х.

Нам от памяти детской никуда не уйти,
Хоть мы взрослые «тёти» и «дяди»...
Таня Хейфец, лишь стоит секунде пройти –
Ты в блокадном опять Ленинграде.
Я – в голодной деревне жую колосок.
Пухнет с голоду Галя Смирнова.
Апатовский – он старше – пайковый кусок
У станка заработает снова.
Вновь крыловой Ларисе в колеях ледяных
Берег Ладоги виден яснее...
Из очисток лепёшки, дуранда и жмых –
Этих яств что на свете вкуснее?!..
Артамонова Вера шестнадцати лет
Всех фашистов по-снайперски судит.
А трёхлетний скелетик, прозрачный на свет,
Ильиною когда-нибудь будет...

Я, от памяти этой мудрей становясь,
Времена и эпохи смещаю –
Дорогие мои, вижу прежними вас,
Вкус дуранды во рту ощущаю.
Я, встречающий вас каждый день столько лет,
Причащаюсь из горестной чаши:
Сквозь морозное время вновь вижу рассвет,
Отогретый дыханием вашим...
Дорогие мои, как бы нам не стареть?
Токи времени сдержим тугие...
В небе зимний рассвет продолжает гореть.
Дорогие мои, дорогие...

ХАНЖИН СЕРГЕЙ / 1939

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

*Женщинам-фронтовичкам Кушвы
посвящается...*

Сидит женщина сутуло,
Гладит старенький альбом.
Пиджачок на спинке стула
Отливает серебром.

Тихо шепчет, нежно гладит
Пожелтевшие листки –
Там девчонки «при параде»,
Жизни нежные ростки.

Сапоги не по размеру,
Гимнастёрки в талию
Ремешком стянули в меру.
Кое-кто с медалями.

Все живы ещё на фото –
Молодые, юные.
До конца войны – три года,
Долгие и трудные.

Нацепив очки вторые,
Так уже привыкшая,
Гладит лица молодые
Санитарка бывшая.

Вездесущим военкором
Много-много лет назад
В промежутке между боем
Снят гвардейский медсанбат.

Тут подружки боевые
Комсомолочками стали.
Все по званию рядовые,
А в бою-то – генералы.

Посылали в бой другие,
«Насмерть стой», – приказы были.

Они, хрупкие такие,
С поля раненых тащили,

С поля раненых спасали,
Животы и жилы рвали.
Под снарядами – искали,
А под пулей – бинтовали.

Приложила к сердцу фото –
От обиды сводит скулы.
Ведь сейчас заметит кто-то:
«Ну куда вы лезли, дуры!»

Сколько их, послевоенных
Тех заумных подлецов,
«У войны, – твердят степенно, –
Ведь не женское лицо»...

Кто лицо увидел в войнах?
Никакого у войны
Нет лица – лишь маска боли,
Маска смерти – сатаны.

Они ж ангелом спасенья
Разлетались по полям.
И святое вознесенье
Было им наградой там.

Сколько пало их в сраженьях,
Нецелованных порой,
Не рожавших в продолженье
Своей жизни молодой!

И сама душой остыла,
Как ушёл победный год, –
Женихов-то мало было,
А невест – наоборот.

Так, с подружками в альбоме,
Прожила всю жизнь одна.
На чужих внучат в их доме
Любовалась из окна.

Нынче в школу пригласили –
Про войну всё, что да как.
Тихо звякнул орденами
Её старенький пиджак.

Только сердцем не расскажешь –
Душа памятью больна,
Как судьбу девчонок наших
Изломала та война.

ХАРАБАРОВ ИВАН / 1938–1969

БРАТ

Он прибыл домой ненадолго, из госпиталя,
Большой, но больной и слабый.
Старухи молились, шептали: «О господи»,
Плакали горько бабы.

Был сорок третий, военный, суровый.
Всюду – и холод, и голод,
Всюду – поля, леса да сугробы,
В избе нашей – плач и говор.

Люди сбежались в избу и в сени,
Чтоб посмотреть на братца.
А я, малыш, оставленный всеми,
Не мог до него добраться.

Но вот я в руках его – крепких, солдатских, –
Радостный и счастливый.
А он глядит с любовью и лаской,
Колется жёсткой щетиной...

Он говорил про Красную Армию,
Про фронт и про наступленье.
Мороз крепчал за оконными рамами,
Трещали в печи поленья.

А утром, когда ещё крепко спал я,
Ушёл он, став светлую сказкой.
Я спал, и мне снилась – летящая, алая
Звезда на шапке солдатской...

ПОДАРКИ С ВОЙНЫ

Вернулся из Берлина побеждённого
К себе в село Непомнящих Иван.
Вернулся, а жена уже не ждёт его –
От горьких слёз в глазах её туман:

Недавно получила похоронку.
Бывают же ошибки – ну и ну!
А он – живой, а он – непокорённый,
Не без вести пропавший, не в плену.

Народ сбежался к ним со всей околицы,
Нестройный бабий хор заголосил.
Распросы и объятия. А вскорости
Сосед практичный у него спросил:

– Иван, а в чемоданах этих кожаных
Небось привёз берлинское добро?
Излишки-то продашь соседям, может быть?
– Ну что ж, – сказал солдат ему, – добро!

Стал доставать он белую, лощёную
Бумагу небывалой чистоты,
Выкладывал по-детски удивлённо он
Блокнотики, тетради и листы.

Карандашами – красными, зелёными –
Был и другой наполнен чемодан.
Переглянулись люди удивлённые,
Решив: наверно, чокнулся Иван.

Лишь только мы, как будто заколдованные,
Глядели – ребятишки, мелкота:
В деревне нашей за семью кордонами,
В глуши лесов – такая красота!

Мы знали, что сражалась с силой чёрною
Страна за нас, советских малышей,
Не до бумаги было ей лощёной,
Не до цветных таких карандашей.

И вот сейчас, как в сказке, нас одаривал
Всех поровну солдат от всей души:

– Вам это, детвора, от нашей армии,
Учитесь хорошенько, малыши!

Случилось так, что сам я малограмотный,
Так вы уж доучитесь за меня.
И знайте, что бумагу не нагабил я,
А с бою взял. Вот так-то, детвора!

И как довёз он – по дорогам тряским,
Через Европу, через всю страну
Сюда, в тайгу, не деньги и не тряпки –
Бумагу эту чистую одну!

...Прошли года,
И вот – когда работаю,
Когда пишу, раскрыв свою тетрадь, –
Одной и той же мучаюсь заботою:
Подарок тот бесценный оправдать!

ПОРТРЕТ

В деревушке, в глуши Красноярского края,
Где нашли мы ночлег, заблудившись в ночи,
Где хозяйка нас потчевала караваем,
Прямо вынутым с пода русской печи,
Я внезапно увидел портрет генерала
Средь семейных реликвий на белой стене.
«Это брат мой, – мне тихо хозяйка сказала, –
Это брат мой Андрюшка, погиб на войне.
Был в семье самый младший...» –

И смахнула украдкой

Набежавшую разом слезинку она,
Торопливо склонилась над капустною кадкой,
Чтоб минутная слабость была не видна.
Здесь в избе, где пестрели на окнах герани,
Пахло луком, укропом

из открытых дверей,

Было странным мне видеть
портрет генерала

В окруженье родни деревенской своей!
Я смотрел на него,

и мне виделось лето,

Задремавшие травы на росных лугах,
И парнишка, за стадом шагающий следом,

Загорелый и с цыпками* на ногах.
Над цветами склоняется он беззаботно,
Вешний ветер ласкает раскрытую грудь...
Да, от изб деревенских, от цехов и заводов
Генералов советских не праздничный путь!
Сокрушить нас надеясь, раздавить одним махом,
Через пепел селений и пожар городов
Шли по нашей земле офицеры вермахта –
Прусской выучки, старых военных родов.
Выпадали в России кровавые росы,
И лицо застилал ей смертельный туман,
И казалось, незыблем был «план Барбаросса»,
С педантичностью прусской составленный план.
Но все планы надменных стратегов тех били,
Все секретные планы перепутали их
Генералы России
 незнатных фамилий,
Из простых мужиков,
 из семей трудовых!

ХАРИН ИВАН / 1942

День настал. Проснулись ветры.
Пыль летит под облака.
И мелькают километры
Под ногами рысака.
Под пятою бледнолуныя
Тех глашатаев не счесть,
Кто в трагическом июне
Нам несёт шальную весть.
Мчатся кони влево, вправо –
От села до хуторка...
И пока позор и слава
Не коснулись мужика.
Но со всех сторон открыто
Ветер горечью подул:
Стук тяжёлого копыта
Перелил в набатный гул.
В каждый дом ворвался с ходу,

* См. примечание на стр. 60.

Ошарашил, закружил.
И теперь беду народа
Разрешить не хватит сил
Ни Верховному, ни Богу...
Оттого, не скрыв тоски,
Собираются в дорогу
Дорогие мужики.

На поле – мать, отец – на поле брани.
И мы вдвоём в бревенчатой избе,
Где терпко пахнут пухлые герани
И воет ветер в глиняной трубе.

Ручонками схватившись за понёву*,
Давясь слезами, у пустой печи,
У бабушки больной я клянчу снова
Обещанный пирог и калачи.

И стиснув зубы от знобящей боли,
Иду туда, где плавно над стернёй
Спешит, шатаясь, перекасти-поле
Наперерез дороге столбовой.

* Понёва – женская шерстяная юбка.

ХАРИС РЕНАТ / 1941

ПОБЕДИТЕЛЬ

Отрывок из поэмы

Скажи-ка, дядя, ведь недаром...

М.Ю. Лермонтов. «Бородино»

Извещение № 91 от 3 марта 1944 года.

Ваш сын – красноармеец Ахметзянов Мирза-Габдулла Харисович – уроженец Буинского района деревни Чирки-Коцаково – в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 1 февраля 1944 года. Похоронен в деревне Кошкино Кингисеппского района Ленинградской обл.

Подполковник Дроздов

Чуваш, мой друг, письмишко написал,
чтоб знали дорогие сердцу люди:
«Ваш сын Мирза живой... и скоро будет...»

Да только адрес мой не указал.

Дошло, дошло его известье до Казмы*.
Конец апреля... Вечер... По соседям
Бежал отец... «Мирза живой... Приедет!..
А мы-то... сколько убивались мы!»

Казма – а в ней за сотенку домов –
десятки раз и день и ночь рыдала;
один другого утешал немало...
А кто Казму утешить был готов?
Ушли на фронт сто тридцать молодцов,
а многие ль вернулись с поля брани?..
Победа песнь свою сейчас затянет,
а много ль подпоют
в Казме ей голосов?
Всего лишь три... Да и домов теперь
десятков шесть; деревня – убывает.
Солдаты к братьям павшим отбывают,
и ветерок с полей захлопывает дверь...

* Казма – село в Буинском р-не Татарстана.

...До этих смутных перетрясок, перестроек
успел я в Кингисеппе* побывать
и у своей могилы постоять,
и постоять перед бывшим солдатским строем.
И на гранит, где имя есть моё,
ложились с плачем тень моя печально,
и тут её окликнул голос дальний:
«Скажи-ка, каково
сейчас в стране житьё?
В почёте ль вдовы?.. Дети как живут?»
Попробуй, не кривя душой, ответить...
Унёс я тень свою на тёплый ветер,
цветы ж мои остались зябнуть тут...

А как-то прибыл к нам учёный человек...
Осколок дал ему листообразный,
сказал, проверь-ка, брат, его, заразу,
всё нипочём ему – ни ржа, ни долгий век!
Металл ли благородный... Не пойму никак.
Коль ценный он, сваргань мне брошку, что ли...
И вот письмо... Я застонал от боли.
Осколок-то – «родной» ведь мне, земляк!
Жена влила силком мне в рот валокордин...
Ах, Нурия!.. И громко мне сказала:
«О войнах без ошибок не слыхала!
А бомба знала, чей ты гражданин.
Была б немецкой – разве б жить тебе?
А наша – пожалела, дуралея...
А так-то – я с тобой, тебя жалею...
Пускай твоей завидуют судьбе».

«А как же овцы, стельная корова?..»
Как видно, быть с хозяйством мне до гроба;
летят да щёлкают на счётчике года...
Вот-вот Победы нашей громкий юбилей;
фронтовиков в Казме всего-то трое...
Без телефонов... Это же герои!..
Скажи, как разобраться с этим поскорей?
Для счастья много надо ли? Чуть-чуть совсем:
дорогу протянули до мечети;
к родителям легко приедут дети;
Коль не обманут, то наступит в Казме рай!

* Кингисепп – город в Ленинградской обл.

Живи себе, живи, как можешь долго...
А может, захотим другого толка?
Ещё, ещё нам благ побольше подавай.

...Не суждено, однако, было дяде стать
главой застолья в яркий День Победы...
Не устоял – не те уж были лета, –
пришлось позиции в бою последнем сдать.
А он-то чуял, чуял свой последний час,
всех посетил родных и попрощался,
В речах ещё героем он казался,
но не было уже того сиянья глаз...
Заторопился в Казму, мол, пора, пора,
тоскую, мол, по овцам и корове...
Душа зарницею – алее крови –
июньским утром вознеслась к иным мирам.
Осталось только серое перо; оно,
прозрачную обёрнутое плёнкой,
хранится в сундуке – старинном, звонком, –
там драгоценное хранить заведено...

Перевод И. Тертычного

ХАРЛАМОВ ЕВГЕНИЙ / 1941–2010

Я не был сам на той войне
И не участвовал в сраженьях,
Но проявлялась жизнь во мне
В её кровавых измереньях.

Но слышал вой снарядный я
И видел лица супостатов,
И целили в меня
Стволы зловещих автоматов.

И через шесть десятков лет
Война мне видится во многом,
И застыл взрывы белый свет,
Никак не защищённый Богом.

И наблюдаю я с тоской,
Как недруг недруга неволит,
Как понапрасну род людской
О милости Господней молит.

ХАРЛАНОВ ЕВГЕНИЙ / 1942–1993

ПРЕДГРОЗЬЕ

Из поэмы «Оппенгеймер»

Ещё любилось, плакалось и пелось
по-старому.
Война была не в счёт.
И мир свою томительную зрелость,
как женщина, не признавал ещё.
Но в горле, как проглоченный хрусталик,
уж стыл разрыв, холодный и пустой...

В прекрасном девятнадцатом остались
Ван Гог* и Спенсер**, Максвелл*** и Толстой.

Над старой Русью мёртвою планетой
кружился Бунин в сумерках тоски.
И пафос золотого эполета
уже сменила будничность хаки.

Век довершал тяжёлую работу,
не мучась над отделкою дверей.
Багрово, душно польхало что-то
над тем, что было родиной царей.

И мир не знал, какой она проснётся,
шестая часть мятущейся земли.
Там был Восток, там поклонялись солнцу
и жертвы человеческие жгли.

Там смутно из картофеля и ситца
проглядывала новая страна.

* Нидерландский художник-постимпрессионист.
** Герберт Спенсер – английский философ и социолог.
*** Д.К. Максвелл – британский (шотландский) физик, математик и механик.

Ещё ей предстояло расплатиться
за тот Восток, где строилась она.

Казалось, что заплачено Европой
за новый век, сулящий тёплый свет,
кроваво-грязной похотью окопов
и смертью в пулях, певших, как в листве.

С дождями перешёптывались кровли,
от старых сплетен сотрясая мох...
Что будущее розово от крови
войны грядущей, знать никто не мог.

Почти был прав осоловевший опыт,
очередной лелея силлогизм:
в конечном счёте варварство Европы
приятней, чем восточный гуманизм.

В конечном счёте правда не в почёте
ни там, ни здесь. Так боги завели...
Никто не знает, что в конечном счёте,
пока два мира счёты не свели.

Пока всего лишь прозвучало слово,
а дело... Что же, человек не бог,
всё на земле всегда не так уж ново,
как кажется сначала. Мерен слог
истории. У нас иная мера,
но даже ритмы сдвигов мировых
переложимы на язык Гомера,
и громы их – на шелестенье книг.
Кому бы там прорваться не терпелось
на век вперёд любой ценой,
А здесь
ещё любилось, плакалось и пелось
по-старому...
Но тонко зрела месть.

Где Вагнер* жил, пережидая ливень
и редкие слюнявя волоски,
природа стала старчески болтливой
от затаённой и глухой тоски.

* В.Р. Ва́гнер – немецкий композитор, дирижёр и теоретик искусства.

Не Фауст* с пламенеющей душою
пришёл, чтоб руку истины поймать,
а лысый Вагнер, старый шут дешёвый,
сел пухлым задом на её кровать.

Искал подвижник смысл неизречённый,
всё целиком бросая на авось,
а Вагнер уступал по крохам чёрту,
да вышло, что дешевле обошлось!

Без божества, любви и вдохновенья
придя к невесте павшего в бою,
он у неё ощупывал колени,
как фельдшер, изучающий свинью.

О, Вагнер, ты истории основа!
Твой толстый зад! Им греется страна.
Ты – пиво нации, моча Христова,
а это больше крови и вина.

Твоё благополучье перекисло
в тончайший яд и химию смертей –
Германия превыше всех идей,
она превыше мирового смысла.

Отныне в ней провозглашён закон,
что истина – преступная растрата,
коль не родит Германии солдата
раз в год по долгу всех арийских жён.

И должен муж внушать капризной фрау,
что для неё отныне навсегда
от Фауста осталось только «фау»**.
Неважно, три, четыре или два.

* Фауст – герой одноимённой трагедии И.В. Гёте, по мотивам которой Вагнер намеревался создать симфонию, но написал только концертную увертюру.

** Фау – произношение названия латинской буквы V в немецком языке, которая использовалась для обозначения ряда проектов в рамках программы нацистской Германии «Оружие возмездия»: самолёт-снаряд «Фау-1» (V-1), его пилотируемая версия «Фау-4» (V-4), баллистическая ракета «Фау-2» (V-2), многокамерное артиллерийское орудие «Фау-3» (V-3).

ХАРЧИКОВ АЛЕКСАНДР / 1936–2010

ОСЕНЬ

На костылях сюда из-под Варшавы
Добрался он, старея понемногу.
За Родину, а не во имя славы
Отдал Европе молодую ногу.

С тех пор он знал, что жизнь – борьба и мұка.
Но никого не клял за эту рану.
И вот стоит он над могилой внука,
Погибшего в горах Афганистана.

Три залпа прогремели над могилой.
Три клёна догорающих оглохли.
И были слёзы матери и милой.
Родные – вечны, у любви – просохли...

И ветер шевелил седые пряди.
И думал он: «Всё повторилось снова...
Но почему, зачем, чего же ради
Прервался род Ивана Иванова?»

И поднял он три листика кленовых
И вышел на широкую дорогу.
«В России, – думал, – много Ивановых...
И среди них Иванов – тоже много...»

ХАТИЛИН ИОСИФ / 1936–2017

Открытки, письма, фотокарточки,
почт полевых угловики
состарившимся адресатчикам
ещё хранят тепло руки...

Ничто, ничто не позабыто
за далью лет. Летит, летит
метель над тем, вчера убитом,
позавчера – живым, как ты...

Ещё под Керчью в катакомбах
матрос последний жив... Ещё
черёмухи Колодни помнят
сплот пепла с жжёным кирпичом...

Ещё на индевелой наре
«теплушняка» – фланелев, нем –
младенец, братец мой... Всё наво*.
Мертвее нет, чем мёртвый снег.

Ещё из Гатчины наводят
жерла на Аничков... Ещё
блокадным утром тени бродят
перед замёрзшею свечой...

Ещё у комполка в землянке
шипит походный патефон
магнолией пропахшим танго**,
счастливым довоенным сном...

Ещё гудит, горит, грохочет
со всех сторон... Ещё кричит
кому-то справа Ваня Кочкин:
«Не подгуляй, костромичи!..»

И бруствер с враз обникшим телом
ничком упавшего... И тот
гвоздящий небо парабеллум
в прекрасный сорок пятый год.

1981

ХЕМПЕТТИ ПАВЕЛ / 1941–2000

Фейерверков цвели букеты
В небе мирной голубизны.
В наше детство входило лето,
Исцелённое от войны.

* Иногда, порой.

** Танго «Магнолия» – одна из известнейших песен А.Н. Вертинского, русского поэта и певца, написанная в 1931 г.

Только мама сказала: «Бедный...»
Лист бумажный на стол упал...
Ослепительный День Победы,
Почему ты так опоздал?

По-ребячьи за всё, что было,
Никого ещё не виня,
Я одно был понять не в силах –
Столько радости всюду было,
Разве это не для меня?

ХОВИВ ЕФИМ / 1928–2003

ПАМЯТИ МАМЫ

Военный год. Зима в Чебаркуле*.
Военный хлеб пайковый на столе.
Ну до чего он вкусен был и свеж!
Казалось, сразу полбуханки съешь.
А мать его делила на три дня.
Себе – поменьше, больше – для меня.
Делила так, как может
только мать.
Я это поздно начал понимать.
Нам жить, страну хранить,
детей растить.
А будет трудно –
так же хлеб делить.

ХОДАРЕВ ВИТИСЛАВ / 1939–2013

ИЗ ДЕТСТВА

Брату Виктору

Мне день далёкий вспомнился сейчас.
Была война, фашисты песни пели...
Из хаты с братом вышли мы в тот раз –
Мы поиграть, побегать захотели.
На большаке – машины. Словно рой,

* Чебаркуль – город в Челябинской обл.

Они гудели хрипло перед нами.
Нашли мы камни и пошли, как в бой,
На те машины с чёрными крестами.
И в первой же мы выбили стекло.
И, ничего ещё не понимая,
Мы вновь искали камни, как-то зло
Их над собой в ручонках поднимая.
Меня схватил за шиворот солдат,
В лицо ударил, что-то дико взвизгнул.
И, как щенка, швырнул в соседний сад –
Вот так я познакомился с фашизмом.
Забывать такое?
Нет, я не забыл.
И горд я тем,
что я стекло разбил.

БЫЛЬ

День. Бричка. Перина. Сено...
Налёт самолётов...
Кресты...
Они налетели мгновенно
И бросились с высоты.
Нас четверо в бричке было,
Гнедые в галоп пошли.
Несли нас – в глазах рябило,
Сквозь комья и пыль земли.
Храпели в испуге кони,
Несли нас – и без дорог!..
И вот – кувырки на склоне...
И нас уберёт лишь Бог.
Тот день не забыт поныне –
От немцев пришлось бежать...
Четыре осколка в перине
В тот день отыскала мать.

ПАМЯТИ МАЙОРА

Баллада

На войне погибают, умирают там редко.
А погибшие вечны в солдатском строю.
В них стреляла война и упрямо, и метко.
И остались они в том, последнем бою.

...Под Берлином погиб наш сосед в сорок пятом.
Откружило над полем войны вороньё.
Без отца подрастали Смирновы ребята,
Приняв жизнь, как была, не ругая её.

Годы шли. Было трудно до крика Петровне.
Три мальчонки в избе! И ни каши, ни щей...
Пустовали без хлеба и стол, и жаровни.
Трудно было Петровне поднять малышей.

Но Петровна растила, рыдая ночами,
И корила войну – не советскую власть.
Как могли, помогали соседи харчами...
И откуда у женщины сила бралась?!

Вырос Вовка. Последыш. И смелый, и ловкий.
Из родного гнезда улетел, как птенец.
И гордились в семье – будет лётчиком Вовка!
Говорила станица: какой молодец!

Через годы Владимир в майорских погонах
Принял полк под Кабулом и вспомнил отца:
Он услышал в бою, как взрывается порох.
И дохнул на него смертный запах свинца.

...Он не знал, что его будут целые сутки
Безуспешно и долго хирурги спасать.
На могиле героя растут незабудки.
Как же трудно Петровне цветы поливать!

ПЕСНЯ

Немало лет мне душу жжёт
Та песня, всем знакомая.
Она и нынче нас зовёт:
«Вставай, страна огромная!»

Та песня шла сквозь смерть и страх
От города до города.
Да и теперь слезой в глазах
Вскипает песня гордая.

Не раствориться песне той,
Не отзвучать мелодии.

Она – как гимн страны родной,
Как вечный плач истории.

ХОДУНКОВ КОНСТАНТИН / 1929

ИЗ ДЕТСТВА

Я был главным поэтом
На всей улице нашей,
Где врастали в планету
Семь приземистых хаток.
Говорила соседка:
«Ой, какой же смышлёный,
Башковитый на редкость
У Арины ребёнок!
А какие он письма
Всем на фронт сочиняет,
Даровитый мальчишка,
Дюже в грамоте знает».
«Да, мальчишка толковый, –
Старики подтверждали, –
Не зазря ж ему в школе
Задарма обувь дали...»
Я не раз потом слышал:
«Даровитый ребёнок,
Дал сиротке Всевышний
Светлый разум с пелёнок...»
И писал всем подряд
Я, как мальчик смышлёный,
Для неграмотных баб,
Для парней и девчонок.
И стишки сочинял,
И припевки-частушки,
И хвалили меня
Старики и старушки.

ХОЛОДОВА КЛАВДИЯ / 1943–1976

БАБА ФРОСЯ

Она прежде меня кормила,
Вытирала клеёнчатый стол

Да льняную скатерть стелила,
Не спеша подметала пол.

А потом суетливо и робко,
Так, что ныло сердечко моё,
Торопилась она к гардеробу,
Чтоб сокровище вынуть своё.

– Мне читали, да вдруг неверно?
Ты – ребёнок...
Святая душа... –
Словно листья, ложились конверты
По-осеннему зашуршав.

Не с экранов,
Не с книжек занятных –
С этих писем открылась война,
С похоронки (куда её спрятать?) –
Так враждебно чернела она....

Мать солдатская – боль России,
Через годы, жалея, любя,
Я целую тебя, как сына,
И за сына, и за себя.

И за дочь свою, что, наверно,
Семенит уже вслед за мной.
Сохрани для неё конверты,
Те, написанные войной.

Пусть однажды она прочитает
Те солдатские письма.
Пусть она твою боль узнает
Да почует, как рана больна.

Потрясённая, пусть заплачет,
Пусть поймёт у твоих дверей,
Что за счастье её заплачено
Одиночеством матерей.

ХОМУТОВ ГЕННАДИЙ / 1939–2020

САМОДЕЛЬНЫЕ ЧЕРНИЛА

Скорей, скорей оттаивайте,
Чернила наши самодельные.
И ничего вы не утаивайте
Про тыловые дни метельные,
Про наши беды неисчётные,
Про будни строгие и хмурые...
Скорей оттаивайте, чёрные!
Оттаивайте, красно-бурые!
Из бузины и жирной сажи,
Из бурой свёклы и из глины!
И мы напишем, мы расскажем
Свои житейские былины!
И нам чернила намекали
(Так нам казалось всякий раз),
Как будто перья мы макали
В траншейную слепую грязь,
В огонь и дым больших пожаров
Той, фронтовой родной земли.
И строчки чёрные бежали,
И строчки красные текли.
А до Победы долго топтать
Солдатам нашим до Берлина...
В чернилах копать, копать, копать,
Огонь и дым, и кровь, и глина...

Валерию Кузнецову

С сорок первого года пусты закрома,
С сорок первого года до сорок шестого.
Вот я в школу иду вдоль забора пустого,
Вот я в школу иду. Там – еда задарма.
Вот налево сады, а направо – склады.
– Эй, склады! – заору я в окошко худое.
И голодное эхо и, наверное, злое
Спросит коротко:
– Это ты?
Это я!
Это я на учёбу иду.
Это я тороплюсь и шагаю, шагаю.

Повторяю короткий стишок на ходу.
Но о школьной похлёбке не забываю.
Там сейчас повара над едою мудрят.
Чтобы мы хорошо продолжали учиться,
Чёрным хлебом накормят ребят
И похлёбкой дадут насладиться.
О! Спасибо вам всем.
Вы смогли наскрести
На ребячьи обеды в те годы далёкие,
Оставалось нам самое лёгкое –
Только ложки с собой принести.

ОГОНЬ

А сколько спички стоили, кто скажет?
У нас в тылу во времена войны?
Да их тогда и не было в продаже,
И значит – спичкам не было цены.

Простые спички нам огонь хранили.
Далёкая военная пора...
А если в доме печи протопили –
Над жаром колдовали до утра.

Когда ж огонь из дома упускали
И в топке холодела головня,
Тогда меня с жаровней посылали:
– Иди к соседям и займи огня.

Мне в жизни видеть приходилось всякое,
Но мысль одна таится у меня:
Когда в душе моей огонь иссякнет –
Пойду к народу и займу огня.

ТЕТРАДИ

Сорок пятому году не досталось тетрадей –
За войну всю бумагу похоронки истратили.
Мы в школу с собой притащили тома.
И они пригодились для урока письма.
Между строчек классических, строчек печатных,
Между строчек весёлых и строчек печальных,
Над которыми в юности будем мы плакать,
Над которыми будут гореть ночники,
Мы сидим и старательно пишем каракули –
Палочки и крючки.

Наши беды предвидели беллетристы с поэтами.
И для нас между строчек оставляли просветы.
Катерина Ивановна ходит по классу.
Катерина Ивановна наблюдает урок,
А ей помогают учить нас Некрасов,
Горький, Гоголь и Блок.
Эй, товарищ музей!
Наш урок посети.
С нами рядом за партами посиди.
Посмотри, как мы учимся, посмотри, как мы пишем,
Посмотри, как на пальцы холодные дышим.
Мы подарим на память тебе наш урок.
И тетради.
Надёжней их спрячь в уголок.

ХОРОШАВЦЕВ ГЕННАДИЙ / 1942–1996

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

В День Победы, выстраданно алый,
Постарайся, сын, понять меня.
Мы пойдём с тобой к мемориалу.
Постоим у Вечного огня.

У тебя был дед – меня моложе,
Щёки – вроде ласковых ежат.
Сколько ж дедов, на него похожих,
Ради нас с тобой в земле лежат!

Их число я знаю. И немею.
Подводил итоги грозный май.
Ты, малыш, уже считать умеешь,
Так попробуй-ка, пересчитай.

Каждая колонка – это взводы
Касок, бескозырок и папах.
...Время пережёвывает годы,
И скрипят секунды на зубах.

ИЮНЬСКИЕ НОЧИ

Ночи июня! Нету светлее, чем вы, и короче.
Как вы похожи на жизни солдатские, белые ночи!
Как вы похожи на губы любимых перед восходом –
Тёплые губы любимых в садах сорок первого года.

...Вспыхнуло с запада двадцать внезапное, двадцать второе.
Пусть вам над Бугом земля будет пухом – спите, герои!
Мамам со стен улыбаются ваши ясные лица.
Многим из тех, кто вкусил вашей «каши», – ох, не спится.

Снам довоенным в старых квартирах некому сниться,
Всё потому, что где-то в четыре – чу! – половица!
...Вдовьи сердца, ещё веря, колотятся часто-часто:
Парни убитые в двери забытые будто стучатся!..

СОЛДАТЫ

Простят ли потомки наш век за такое:
Мишени встают в океане травы...
Солдаты, солдаты! Вам нету покоя,
Но все сознают, что покой – это вы.

Вас ночи тревожат не мирными снами.
Солдаты, от маршала до рядовых,
Простите за то, что не все ещё знают
Высокую цену погон полевых.

По улицам гулким тугими рядами
Шагаете с песнями вы строевыми.
И лишь понимают седые рубаки,
Как плакать беззвучно умеете вы.

И вот вспоминают притихшие мамы
Про тех, что ушли, не склонив головы...
Солдаты, солдаты! Вы бронза и камень.
Вас нет неизвестных. Есть вечные вы.

ХОХЛОВ СЕРГЕЙ / 1927–2013

ЗИМА 41-ГО ГОДА

Теплушка с зябнущими стенами.
Закат. Я помню и сейчас,
Как мама долго и растерянно
Всё пересчитывала нас.

А мы, напуганные, серые,
Сидели молча по углам.
Нас было с нею только семеро,
А остальные – были там.

Я понимал, что, нас подсчитывая,
Она всё думает о тех...
И по ночам не спал, сощипывая
На стенках выступавший снег.

ОСКОЛКИ

Расскажет Старшинов
Про ад – не зло, не колко,
Хоть столько жёстких лет
Несёт с войны осколки.
Несёт, куда их деть?
И денешь – боль не смолкнет.
Сказал он: «На тот свет
Возьму свои осколки...
Другого места нет».

СОЛДАТ

Солдат, ты смелый человек...
Ты был и сытый, и голодный.
Ты знаешь и горячий снег,
И чёрный край земли холодной.

– Война – как пули рваный след, –
Сказал твой кореш по окопу. –
Придут немногие в Европу,
Идут всё больше на тот свет.

Туманна времени река.
Сто молний с тьмою в ней смешались.

Но, жизнь схватив, твоя рука
Так и сегодня не разжалась.

Держись за землю, человек...
Глагол не будет твой бесплодным:
Ты знаешь бездны край холодный
И знаешь ты горячий снег.

ХРАМОВ ЕВГЕНИЙ / 1932–2001

БАБЫ

Той деревни за Красновидовом*
было горя как следует выдано:
не вернулся никто с войны.
И Ефремовы, и Королёвы –
только вдовы,

вдовы

и вдовы,

ни мужья не пришли,
ни сыны.
Председатель колхоза – баба.
Счетоводом колхоза – баба.
Лошадей запрягает – баба.
На гармошке играет – баба!
Но работали в общем неслабо,
хорошо даже, можно сказать.
О другом я хотел написать:
как умели они веселиться,
озорницы и мастерицы,
песни петь и кадрили плясать.

До чего же у бабки Олёны
были все частушки солёны!
Вот опять через года
память та воскресла:

«Как была я молода!
Как была я резва...»
«Посади меня на трактор,
попрошу милого...»

* Красновидово – деревня в Можайском городском округе Московской обл.

Не пропустит тут редактор
дальше ни полслова.
«Вся осыпалась малина,
ничего на ветке нет!..»

Гармониста
звать Марина.
Гармонисту – сорок лет.
Ну, а как они горевали,
расскажу об этом едва ли.
В одиночку.
Глухо.
Темно.
Занавешенное окно.
Только можно представить это.
Как пустыньны были рассветы,
как лежали бабы лежмя,
вспоминая, слёзы глотая,
как смотрели на них, не мигая,
с увеличенных фотографий
нестареющие мужья.
Той деревни нету давно.
Та деревня ушла на дно.
Голубая над ней вода.
Там теперь Можайское море.
Утопило ль оно их горе –
я не знаю.
Может быть, да.

1972

РОДИНА

*Н. Старшинову**

Шли женщины, и на плечах – лопаты:
окопы рыть под городом Москвой.
Страна
 смотрела на меня с плаката**,
седая,
 с непокрытой головой.
Она звала меня глазами строгими,
сжав крепко губы, чтоб не закричать.

* Н.К. Старшинов – поэт, переводчик и редактор. Участник Великой Отечественной войны.
** Речь о знаменитом плакате 1941 г. «Родина-мать зовёт!» художника И.М. Тоидзе.

И мне казалось, что похожа Родина
на тётю Дашу из квартиры пять.

На тётю Дашу,
рядом с нами жившую,
двух сыновей на запад проводившую,
да, на неё, вдову красноармейскую,
усталую,
 упрямую
 и резкую.

А я хотел участвовать в десантах,
кричать в эфир: «Тюльпан»! Я «Резеда»!..»
Мне шёл тогда едва второй десяток,
меня на фронт не брали поезда.
И я смотрел с серьёзностью недетской
в её лицо с морщинками у губ
и лишь на двойки отвечал немецкий,
чтоб выразить презрение к врагу.

Она звала меня глазами строгими,
сжав губы крепко, чтоб не закричать.
И мне казалось, что похожа Родина
на тётю Дашу из квартиры пять.

1956

ЖЕНИХИ МОЕЙ СЕСТРЫ

Женихов моей сестры
Разбомбило под Ростовом.
Пронеслись над ними с рёвом
Чёрно-белые кресты,
Пушки били у Днестра,
Кровью набухала Припять –
Оттого моя сестра
Не сумела замуж выйти.
Женихи моей сестры
В ночь уходят, день встречают.
Их московские дворы
На рассвете замечают.
Запечатаны уста,
Срублен тополь, срезан колос...
«В бой! За Родину! За Ста...»
Пуля – и оборван голос.

Как погасшие костры –
Только пепел да уголья,
Женихи моей сестры
Из подполья, исподлобья
Молча смотрят сквозь туман.
Взмах руки. Крыло платочка.
«Дан приказ на запад...» Дан!
Дан и выполнен, и точка.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

22 июня сорок первого года
на дачу, что мы снимали в это лето на Сходне,
ещё ни о чём не зная,
съехалось всё семейство:
отцы, и дети, и внуки.
Стол был ещё довоенный:
праздничный, изобильный,
с мраморной ветчиною,
весёлым промытым луком,
нежно мерцавшей сёмгой
и крутобокой редиской.
И довоенная водка
Добродушно желтела* в графине...

И все за столом сидели.
Младшие – мы с сестрою.
Старшие – дед и бабка,
а в середине их дети,
наши дядья и тётки
с жёнами и мужьями.
Уже седой Пётр Павлыч,
ещё не убитый Костя
и мамин брат дядя Саша –
со шпалами в алых петлицах.

И сначала всё было тихо,
и все говорили негромко.
А после громче и громче
и как-то... развеселились!
Как будто что-то прорвалось,
выяснилось, разрешилось!
(Наверное, было жутко,
жутко и непонятно

жить с фашистами в мире,
а теперь всё стало на место.)

И отец мой – он был самый штатский:
инженер-капитан запаса –
померанцевой* выпил и крякнул:
«Ну, через месяц – в Берлине!»

А впрямь до Берлина было
от новой границы рядом:
шестьсот с небольшим километров,
как раз на месяц похода...

1979

ХРИЛЁВ ВАДИМ / 1934–1998

В ДЕРЕВЕНСКОЙ БАНЕ

Камни выли, злые от веселья.
Дядька сыпал: «Жив курилка, жив».
Словно бык на выгоне весеннем,
Пар ревел, потёмки оглушив.
«Пар, племяш, для ревматизма смазка,
Всё равно что дёготь для колёс...»
Из котла я черпал старой каской,
Из дыры-пробоины лилось.
«Не жалея, поддай ещё немного.
Ну, уважил. Ну, попарь теперь!»
Проклиная всех чертей и бога,
Вышибал я низенькую дверь.
Охмелев от банного разлива,
Я сбежать хотел куда-нибудь,
А в окно заглядывали ивы,
Словно норовили подмигнуть.
Бородёнку глядя, в хлопьях мыла,
С листьями на розовой спине,
Дядька ухал: «Боль в ноге томила...
Дай-ка, Димка, рукавицы мне!»
Рыжий, битый, словно жердь, костлявый,
В шрамах, что кричат который год:

* Померанцевая – водка, настоящая на цедре грейпфрута. В СССР промышленным способом производились померанцевая горькая и померанцевая жёлтая настойки.

Этот – полоснуло под Любовой,
Этот – у Полибинских высот.
Белый пар – берёзовая кладезь.
«Растерял дружков в одном году,
За дружка Терентия попарюсь,
А ещё за Федю Лободу».
По худым плечам носился веник.
«Всей хворобе фронтовой капут!»
Баня, приподнявшись с четверенек,
С маху плюхнуться хотела в пруд.
Солнце, плаваясь, по садам катило,
Рыжий дядька кричал: «Благодать!»
Раскалённый дядька, как светило,
Выходил из бани подышать.

ХРОМОВ АЛЕКСАНДР / 1936–2004

ИСПЫТАНИЕ

У женщины гордой
Девять детей.
Горя – по горло,
Радости – по горло
С ними ей.

Растила...
Как спросишь:
Где силы взяла?
Выросли...
Рослые парни,
Русоволосые –
Гордость села.
Мать смотрела,
Ахала:
«Добрые пахари!»

Поздно ли,
Рано ли,
Грозно
Война грянула.

Мать взглянула грустно.
Обняла русских.

Без слёз.
У берёз.
Где слов наберёшь?

Пыль золотая
Следы заметала...
За летом – осень,
За осенью – зима.
Погибли восемь –
Война взяла.

Чёрную почту
Ей принесли.
Ноги
Точно
К полу приросли...

Терпи, мать.
Береги силы.
Встречай, мать,
Девятого сына.

Бросилась обнимать.
Отставил костыли:
– Умой меня, мать,
Постель постели...

Постелила постель.
Окно открыла.
За рекой коростель
Мял синеву о крылья.
Мирно и вольно
Пелось птахе.

Уснул сын
Воином,
Проснулся пахарем.
Светло и устало
Положила мать
На стол руки.
...И были у старой
За все её мўки
Внуки.

ХУДАЙЗАРОВ БЕРДЫНАЗАР / 1927–2001

ОТ ИМЕНИ СВЕРСТНИКОВ

Чингизу Айтматову

Что ж, нам уже за пятьдесят сегодня –
Как будто за спиной легла черта.
И как мираж – косынки тех девчонок,
Что в школу с нами бегали тогда.

Давно в печах тутовники сгорели,
Стоявшие у вод Амударьи.
Растят внучат ровесницы, чьим песням
Внимали мы порой, как в забыти.

Мы помним горьковатый сок кореньев
На рукавах изорванных рубах.
Мы помним драгоценные остатки
Муки – в тугих скатёрочных узлах.

Видна сердцам зима сорок второго,
Едва лишь мы оглянемся назад:
От вдовьих слёз в нетопленных кибитках
До костылей вернувшихся солдат.

Видна нам вновь фигура почтальона
С тяжёлой чёрной сумкой на боку.
Мои ровесники о том, что было,
Не позабудут на своём веку.

Нам, юным, не доверили винтовки –
Доверили лопаты и серпы,
Чтоб рыть колодцы, чтоб срезать колосья,
Чтоб не зависеть от слепой судьбы.

И чудилось, что в нас любая жилка
Звенит струне натянутой под стать.
Мы жили трудно, как в правдивой сказке, –
Нам, право, было некогда скучать.

Нас не манили тихие местечки.
Мы, прятаться стыдясь за матерей,
Не убавляли – прибавляли годы,
Чтоб взрослыми считаться поскорей.

И, не болтая попусту о долге
Перед просторами родной земли,
Во всём под стать мужчинам настоящим
Мы стать ещё подростками смогли.

Теперь за пятьдесят нам.
Что ж, и это
Проходит день за днём, за часом час...
Но до тех пор, пока тобой мы дышим,
Надейся, наша Родина, на нас!

Перевод В. Савельева

ЦАКУНОВ ОЛЕГ / 1936–2000

НА РАДИО

Ну что ты помнишь: был – под стол пешком.
Ну что ты мог – ребёнок из детсада?
Ответь, мальчишка с голубым лицом,
Что в центре ледяного Ленинграда
У микрофона главного стоял
По стойке «смирно».
Громко, с выраженьем –
«Вот не забыть, не сбиться бы» –
Читал
В концерте для бойцов стихотворенье.
Потом сказали, что не подкачал.
А сбился б – не беда, не слова ради.
Звучащий детский голос означал,
Что живы, живы малыши в блокаде!
По радиоволнам, по проводам
Заиндевелым,
Сквозь огонь жестокий
Подмогою к сражавшимся отцам
Стремилась эти тоненькие строки...

Весь город в праздничных букетах,
Весь – наклонившийся к проспектам,
Как бы привставший на носки, –
Идут гвардейские полки!

В глазах бойцов «катюш» зарницы,
У них загар из-за границы,
Оружье, ордена, значки –
Идут гвардейские полки!

Поток отцов, мужей и братьев
Ждут берега в весенних платьях,
Ждут похоронкам вопреки –
Идут гвардейские полки!

А я-то чей?
Но воин понял
Мой жадный взгляд
И лихо поднял

Над колыханием реки –
Идут гвардейские полки!

Со мной на уровне знамени,
Я озираюсь изумлённо,
И сердце рвётся на куски –
Идут гвардейские полки!

Ну что им праздничные арки
Ворот Московских* или Нарвских**?
Им нынче небеса низки –
Идут гвардейские полки!

ЦАРЁВ ДМИТРИЙ / 1928–2018

СОЛДАТ

Помню, провожала сына мать
Землю от фашистов защищать.
Плакала, махала вслед рукой –
Возвратится ли сынок домой?

Сорок первый – битва под Москвой.
Дым и грязный снег – жестокий бой.
Лезут танки, самоходки бьют,
Бомбы с визгом землю в клочья рвут.

Мечется в окопе парень тот –
К пушке он снаряды подаёт.
Вот упал наводчик лицом в снег –
Отслужил солдат свой краткий век.

Жизнью заслонял страну солдат.
Шагу не ступил в боях назад.
Не вошёл в Москву заклятый враг –
Реет над кремлём советский флаг.

Возвратился паренёк с войны.
Недовоевал – в том нет вины.

* Московские триумфальные ворота – Триумфальная арка на пересечении Московского и Лиговского проспектов на площади Московские Ворота в Санкт-Петербурге.

** Нарвские триумфальные ворота – памятник архитектуры стиля ампира в Санкт-Петербурге; расположен на площади Стачек вблизи станции метро «Нарвская».

Обнял мать он левою рукой,
Правый был его рукав пустой...

Помню, как окончилась война –
Ликовала вся наша страна.
В горле горький ком сглотнул солдат,
Уловив девичий грустный взгляд.

ЦАРЕГОРОДЦЕВ ВИТАЛИЙ / 1935–2009

ОТЕЦ

Был под бронью* он, как под бронёю,
Но, махнувший рукой на бронь,
Недосеявший поле ржаное,
С трёхлинейкой** шагнул под огонь.
Труд крестьянский с трудом солдатским
Неразрывным узлом связал.
То, что «вятские – люди хватские»,
Не единожды доказал.
Воевал, как пахал, – любо-дорого,
Как на пашне, в боях уставал.
Но однажды, схватившийся с ворогом,
В чём-то, видимо, сплоховал.

...Всходы ржи не от солнца рыжели,
Люди глохли не от тишины...
Отработал своё подо Ржевом
Земледелец, защитник страны.
...Запечалились выгоны, гоны,
Замолчал на рябине скворец...
Мир, покой тебе, Дмитрий Семёныч,
За Отчизну принявший свинец,
Мой отец.

* Бронь – отсрочка от призыва на воинскую службу во время всеобщей мобилизации.

** Трёхлинейка – русская трёхлинейная (7,62-мм) винтовка Мосина образца 1891 г. Название происходит от калибра ствола винтовки, который равен трём линиям (устаревшая мера длины, равная одной десятой дюйма, или 2,54 мм).

ЦВИРКА КАСТУСЬ / 1934

ПЕСНЯ ПАРТИЗАНА

Ты думал, фашист,
что, бросив моё голое тело
в хлад подземелья,
Ты все у меня отобрал:
рубашку –
от смерти холодной защиту;
мой край,
что аистом серым над вербой ветвистой клекочет,
мою речь белорусскую – слово родное,
что веками журчит, не смолкая, живую криницу в хатах;
волю,
что крылья даёт для самых высоких полётов.
Но ты просчитался:
забыл ты о песне,
что в сердце моём осталась.
И песня мне эта сполна всё вернула:
рубашку –
от смерти холодной защиту;
мой край,
что аистом серым над вербой ветвистой клекочет;
мою речь белорусскую – слово родное,
что веками журчит, не смолкая, живую криницу в хатах,
волю,
что крылья даёт
для самых высоких полётов.

Перевод И. Бурсова

ЦЕЛИЩЕВ АЛЕКСАНДР / 1941

ДВЕ ЗАРИ

В двадцать три –
Стала мама моя вдовой...

Две зари
Словно связаны бечевой.

Память ей
Красит алым зарю одну.

Соловей
За рекой восхвалял весну.

Шёл туман
С финской северной стороны:

Цел, без ран
Возвратился отец с войны.

Сыновей
Выше крыши взметнул с крыльца.

Соловей
Всю весну прославлял отца.

Год – как день –
С кручи в омут: круги рябят.

Набекрень
Небо съехало на закат.

Чёрный дым
От заката поплыл в рассвет.

Молодым –
Путь на запад – иного нет.

Шёл отец
На вторую свою войну.

Цвёл чебрец,
Рожь на грудь – за волной волну.

Звал июнь
На заречный покос в луга.

Ветер, сдунь
Чёрный дым, загони в лога.

Дыма нет –
То заря почернела вдруг.

Меркнет свет.
Мама, мама, под сердцем – стук.

Две зари –
Только красный да чёрный тон.

Изнутри,
Из-под сердца чуть слышный стон.

Две зари
Словно связаны бечевой.

В двадцать три –
Стала мама моя вдовой.

ЛЫСАЯ ГОРА

Лысая гора^{*}, как и Мамаев курган, – символ мужества защитников Сталинграда. В ходе боёв за эту высоту погибли десятки тысяч человек. Так обильно была полита кровью Лысая гора, что на вершине её из года в год растёт камыш.*

Жёсткий, не улыбочивый камыш,
Листья, как штыки, – мерцают грани.
Сердце, сердце,
Что ты так болишь,
Словно я здесь был когда-то ранен?
Словно этот остров высоты
Был моею кровью заболочен.
Строго смотрят рыжие кусты
С придорожных стоптанных обочин.
Это жизнь глядит через года:
– С чем идёшь?
С судьбой отца или брата?
А пришёл бы ты, как шли тогда,
Зная, что обратно нет возврата?
Встал камыш на яростной горе:
Это души павших прорастают.
На вечерней пламенной заре
Души оживут, к утру растают.
Над землёй зелёной дремлет тишь.

* Мемориальный комплекс «Лысая гора» – памятник военной истории, расположенный в Советском р-не г. Волгограда.

Поклонюсь я павшим низко-низко.
Растревожил сердце мне камыш –
Памятней и выше обелисков.
Ты священна, скорбная гора.
Боль твоя – и наша боль сквозная.
С чёрной кромкой красная заря
Горько приклонилась, словно знамя.

ЦИРЛИНСОН АЛЕКСАНДР / 1935

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Как трудно осмыслить такое соседство:
и сводки войны, и букварь на уроке.
Ах, дальняя память! Ах, память-наследство.
И сроки твои – бесконечные сроки.

И дальняя память покоя дороже.
Пока я дышу – не считаюсь с годами.
Пока, словно совесть, живёт и тревожит
далёкий мальчишка с моими глазами.

Как вспышки пронзительно-яростных молний,
те годы оставим потомкам в наследство,
чтоб каждый живущий взволнованно помнил
про наше суровое, взрослое детство.

1.
А эта тишина подобна передышке.
Как задремавший гром. Как лёгкая волна.
Ещё шумит весна... Веснушчатый мальчишка –
забавный милый гном – укрыт завесой сна.

Пока он мирно спит. Он видит сны лихие:
вот поднялась волна. Вот пробудился гром...
А мир в страстях кипит – грядут сороковые,
и тёмная война вползает в светлый дом.

2.
А ёлка стояла высокая, стройная.
Как чудо лесное, как облако хвойное.
И ёлка сверкала, играя игрушками,
шарами цветными, дождём и хлопучками.

И мы веселились – кружились и пели.
А где-то разрывы.
Снег, смешанный с кровью.
И наши усталые мамы глядели
на нас с затаённой надеждой и болью.

3.
Придёт с работы мама ночью.
На кухне примус разожжёт.
Она снаряды фронту точит.
Всё точит их – четвёртый год.

Лишь по ночам я вместе с нею.
Засну. Прижмусь к её плечу.
Я в нашей жизни всё умею,
но плакать иногда хочу.

4.
Я сплю. И снится мне бомбёжка.
Горят вагоны. Крики. Страх.
И братик – маленький Серёжка –
застыл у мамы на руках.

И я кричу. И крик свой слышу
во всех концах большой страны.
И мамин голос: «Тише, тише...»
И жуткие уходят сны.

5.
Пел песни дружный наш отряд.
А рядом, за стеной
В палате умирал солдат,
Подкошенный войной.

Ещё косила та коса.
Но весело и в лад
звучали наши голоса
во славу всех солдат!

6.
Я перед ним всегда робел.
Был молчалив сосед.
Я знаю – в танке он горел.
Огонь оставил след.

Он шёл – медали в два ряда
позвякивали чуть.
И было страшно мне
тогда
в лицо ему взглянуть.

7.
Я мальчик. Я тайком курю.
Глотаю горький дым.
О, как я мысленно парю!
Как жажду быть большим!

А мир кромсается войной.
Здесь каждый боль испил.
Мне повезло: я вот такой
чинарик* подцепил!

8.
В который раз иду на «Два бойца»**.
В который раз в святое чудо верю,
что вот сейчас, за этой самой дверью
увиду на экране я отца.

Я каждый кадрик знаю назубок.
И всё-таки сквозь шквал огня и стоны
отец кричит: «Держись! Живи, сынок!
Нас – два бойца!
И рядом – миллионы...»

9.
И не поможешь тут словами.
Да и слезами не поможешь.
Украли карточки у мамы.
Несут соседи, кто что может.

Придёт, придёт за всё расплата.
Проплачет мама втихомолку.
На юбку новую заплатку
пришьёт блестящую иголкой.

* Окурок (жарг.).

** Художественный фильм 1943 г., снятый режиссёром Л.Д. Луковым во время эвакуации в Ташкенте.

И новый месяц ждать мы станем.
Мы в этой жизни не сорвёмся!
До новых карточек – дотянем.
Да и отца с войны дождёмся.

10.

Когда победные салюты
войне отметили конец,
считали дни, часы, минуты,
когда придёт с войны отец.

Средь ликования и стона
впервые поняли тогда,
что не боимся почтальона,
что миновала нас беда.

Ложилась пыль от страшной битвы.
И нежность трогала сердца.
И были мамины молитвы
и за меня, и за отца.

ЦИРУЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР / 1937

СТИХИ О НЕЗЫБЛЕМОСТИ

Есть тихие селения в России,
Привычные, невзрачные на вид.
Вдоль улиц дети бегают босые.
И что-то там, на большаке, пылит.
И кажется, ничто не потревожит
Обыденности каждого двора.
Но вдруг – когда Россия занеможет,
Когда нагрянет трудная пора,
Они встают сплочённо, нераздельно,
Не в силах оставаться в стороне.
И вот уже в военных сводках Ельня
Звучит с самой Москвою наравне.
Негромким, захолустным, неизвестным
Их именам бессмертье суждено.
И вот роднятся в славе стены Бреста
И старое село Бородино.
Несут потери и в болотах вязнут,
И кровью обливаются в бою.

И вся Россия свято верит в Вязьму,
В мужицкую незыблемость свою.
Приходит мир, и улочки косые
Обычный свой приобретают вид.
И вновь мальчишки бегают босые,
И что-то там, на большаке, пылит.

ЦЫБИН ВЛАДИМИР / 1932–2001

О ЗЕМЛЕ

Все четыре года убивал
Землю
И не мог убить металл,
Все четыре года, всю войну
Убивал он ширь и глубину,
Дали убивал и облака,
Чтобы только пепел на века,
Землю с каждой каплей дождевой
Всю –
От пограничного столба
С вечною и талою травой,
С запахом пшеничного снопа,
С каждой её балкой, с каждым пнём –
Бил навывлет и сжигал огнём,
Но Земля была сильнее металла –
Из земли подлески поднимала
И солила первой же весной,
Как краюху хлеба,
Их росой.
Из земель неведомых в апрель
Серы гуси глухо пролетают.
Крылья, как свистящая шрапнель,
Облака навывлет пробивают.
Вместе с моей памятью,
Со мной
Кружится спокойно шар земной,
Тихо возле Волги, возле Вислы
Встали над бессмертьемobeliski.
Все четыре года убивал
Землю
И не мог убить металл, –
Столько пустырей на ней и швов,

Сколько, может быть,
Солдатских вдов!
Как ей руки нежные нужны
Тех,
Кто не пришёл назад с войны!
А земля пускала снова ветви,
Тяжелела от дождей и рос.
И жила.
И мы на ней бессмертны,
Пусть хоть пядь её всего,
Хоть горсть.
Слышу – тихо дышит подо мной
Тёплой своей
Мякотью грибной,
И от тишины до тишины –
Словно от войны
И до войны!..

В больнице умер инвалид,
и три солдатские медали
за то, что не был он убит,
теперь в ногах его лежали.

Чист пиджачишко, и чиста
на нём рубашка, галстук – криво.
Так обрядила медсестра
его для смерти суетливо.

Под плач привычный двух старух
прощался этот мир с солдатом,
и тополиный влажный пух
накрыл его,
как маскхалатом.

Один. Давно в земле жена.
А дети? Кто их знает – дети.
Она ещё жива, война,
с тех пор так и идёт на свете.

Так и не смог никто из нас
припомнить, воскресить слезою,
что он в прощальный, строгий час
любил забытую душою...

ГЛАЗА

Ночью к слепому
яркие, как гроза,
ночью к слепому
приходят его глаза,
те глаза, что залиты
солнцем и синевой,
те глаза, что зарыты
в землю взрывной волной!
Висят в изголовье ливнями
и исцеляют тьму,
и солнце рыжее,
дивное
приносят они ему!
И, словно подснежник щуплый,
качается свет тугой,
и хочет слепой пощупать,
ощупать его рукой.
И там,
за далёкой замятью*,
вьюги ходят, трубя.
Но видят слепые памятью
и в ней узнают себя –
молоденьких и узкоплечих,
восемнадцати лет всего...
Стоят над слепым,
как свечи,
живые глаза его.
И пух голубой, как иней,
улитки почек сухих
и след на волне гусиный –
вся вселенная в них!
И снова слепого несмело
уводит память из сна
туда, где с глазами истлела
в жестокой земле война...
А утром... уходит с глазами
солнце в радуге рос.
И слепому охота плакать,
но у слепых не бывает слёз.

* Замять – метель, пурга, буран (*диал.*).

ЧАКЛАЙС МАРИС / 1940–2003

ДЕТСТВО

Горечь военных обид
сердце не вдруг забывает.
Мальчик на небе сидит
и на свирели играет.

Ах, ничего, ничего,
что не на небе, – в сарае.
Музыка лечит его,
образы горя стирает.

Музыка льётся рекой,
луг оmyвает и рошу.
Птицы волшебной такой
музыкой горло полощут.

И облака, облака...
Каждое блещет и тает.
Кажется, издалека
будущее проступает.

Как одуванчик блестит!
Масленный, он вместо масла.
Горечь военных обид
в музыке летней погасла.

Радость и боль на весах
взвешены, жизнь зацветает.
Мальчик сидит в небесах
и на свирели играет.

ЧАШЕЧНИКОВ ЛЕОНИД / 1933–1999

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Бредут, как странники босые,
К обрыву у степной реки;
Сквозь взгляды злобные, косые,
Сквозь слёзы, крики, матерки.

Они – и молоды, и яры,
Они надеются пока.
Ещё течёт под крутояром
В урёму* тихая река.

Ещё полвздоха и полшага.
И прозвучит команда: «Пли!»
И вздрогнут на краю оврага
И купыри**, и ковыли...

И я проснусь. И станет жутко.
И вырвется из горла стон
На том нейтральном промежутке,
Где явь – не явь и сон – не сон.

В тот миг, подаренный судьбою,
В миг избавленья ото сна,
Не вдруг поймёшь, что над тобою
Стреляет почками весна.

Что просто память виновата
В том, что из вешней тишины
Идут пленённые солдаты,
Идут – и не придут с войны.

ПАМЯТЬ

Мне казалось, прошло, поросло-заросло повиликой,
Взорвалось и осело дорожною пылью у ног.
Есть у каждого в прошлом такое, что лучше не кликать,
Только разве на память навесишь амбарный замок?..
Как закрою глаза – вижу дальний покос, клеверище
И духмяные запахи низко присевших стогов,
Смолокурню в тайге, неказистое наше жилище,
Где в углу, вместо вешалки, ветви лосиных рогов.
У меня эта память – глубокая старая рана:
Чем я старше годами – тем чаще тревожит она.
Словно детство сиротское сходит с большого экрана
Кинофильмом, где в титрах зловещее слово «Война!».
Что мне фильм про войну! Мне в достатке пришлось наглядеться
На голодных сирот и на вдов измождённых, в слезах.
Что мне фильм про войну, если сына беспечное детство
Превращается в юность сейчас у меня на глазах.

* Урёма – пойма, низменная долина реки (*рег.*, *устар.*).

** Купырь – род травянистых растений семейства зонтичные.

Мой взрослеющий сын, хорошо, что твой мозг не отмечен
Тяжкой памятью слов и навязчивых снов о войне.
Только мне неприятны твои бесшабашные речи,
Что, мол, сны про войну оставляешь досматривать мне.
Что не видел воочью – во сне никогда не приснится.
Пусть тяжёлая память со мною уйдёт навсегда.
Пусть на бранных полях колосятся ячмень и пшеница,
Пусть растут на могилах чабрец и степная трава-лебеда –
Пусть всё с нами уйдёт! Мы на наших детей не в обиде.
Грех завидовать счастью и ставить потомкам в вину
То, чего не успел, не узнал, не увидел.
Об одном вас прошу: берегите родную страну!
Будет всякой она: часом – доброй, порою – немилой,
Справедливою будет, как исстари было, всегда.
Берегите Россию! В ней тесно солдатским могилам,
На которых цветы и степная трава-лебеда.
Ну, а если придётся однажды в шинели одеться
И уйти, как когда-то отцы, от любви, от весны,
Оплатите наш счёт за сиротское трудное детство,
За погибших солдат и за вдовьи тревожные сны!

ЧЕБЫКИНА НАТАЛЬЯ / 1941–1992

Детство, детство! Город госпитальный.
Было зло, а помнится добро.
Вырастали не под звон пасхальный,
А под сводки Совинформбюро.

Очереди мокли и молчали.
Застывали редкие слова.
Дожидались. Хлеб свой получали.
Грубый и колючий, как трава.

Мы картошку мёрзлую искали.
Пистики*, чтоб в кашу истолочь.
Мы работали, мы промышляли,
Чтоб хоть чем-то матери помочь.

* Пёстики (или пистики, как говорят коми) – незрелые верхушки генеративных побегов обычного полевого хвоща.

Мы во всем быть взрослыми старались.
Жизнь была сурова и проста.
На одно лишь только обижались –
На чужое слово «сирота».

ЧЕБЫШЕВА МАРГАРИТА / 1932–2014

ОТ ИМЕНИ...

Из поэмы «Была война»

1.
Сорок второй. Морозы к сорока.
В непроливашках лёд, а не чернила.
Пар изо рта. И язычки коптилок.
И дребезжанье школьного звонка.

Тот медный колокольчик извлечён
Бог весть откуда школьной сторожихой,
Седой старушкой, ласковой и тихой,
От беззаботной жизни отлучён.

Мы были большеглазы и бледны,
На переменах быстро уставали,
Друг к другу прижимаясь, согревались.
На корточках усевшись у стены.

А в классе засыпали иногда,
Склонившись на тетрадки из газеты,
И снились нам, наверно, солнце, лето
И бесконечно тёплая вода.

И за собой не чувствуя вины,
Нас не будила Марья Фоминична,
Ходила между партами неслышно,
Как будто сторожила наши сны.

...

3.
Был в новой школе госпиталь. И там
С дверей табличек старых не снимали,
Палаты, словно классы, называли,
И помогать в них разрешалось нам.

Гордились мы: не в качестве гостей
Дежури́м по утрам в «своей» палате.
Спасибо мудрым взрослым: часть халатов
Медсёстры перешили для детей.

И доверяли нам мензурки мыть,
Писать солдатам письма под диктовку.
Мы очень скоро научились ловко
Катать бинты и раненых кормить.

И без педагогических затей
Науку сострадания постигали.
Спасибо взрослым: не оберегали
От горя всенародного детей.

...

5.

...

Мы не были несчастными тогда –
Ведь и от нас зависела победа.
И полной мерой нам пришлось изведать,
Что значит всенародная беда.

Что из того, что жизнь была скудна,
Горька, трудна, что лет нам было мало!
Зато любимой нашей песней стала
Суровая «Священная война».

Мы древней правды постигали суть:
Чтоб одолеть – всем миром навалиться,
Куском последним и теплом делиться
И жить по правде, а не как-нибудь.

Всё это без высоких громких слов
Мы постигали буднично и просто.
Нам, маленьким, уже была по росту
Единственная к Родине любовь.

...

7.

Как в пионеры принимали нас,
Я с гордостью сегодня вспоминаю:
Над головой коптилки поднимает
Стоящий у стены девятый класс.

Все, несмотря на холод, без пальто –
Десятки красных галстуков на белом.
И блики на стенах заиндевелых,
И холода не чувствует никто.

Стоит дружина, как военный строй,
И мы даём торжественную клятву,
Как будто мы не дети, а солдаты,
Как будто после этой клятвы – в бой.

Я это чувство помню до сих пор,
Оно, наверно, самое святое.
И если я чего-то нынче стою,
Всё потому, что тот дружинный сбор,

Салют мой первый, красный галстук мой
Оплачены немислимой ценою,
Защищены великою страною,
Освящены Священной войной.

ДЕТИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Нищету мы и горе видели,
нас назвали детьми войны.
Стали мы детьми Победителей
под крылом победившей страны.
С этим именем мы уйдём,
не оставив его мишенью
для насмешек и поношенья,
превративших страну в дурдом.
Но спасибо за то, что я
разделила с ней всё, что было,
от высокого бытия
до нередко страшного быта,
что я с ней в её горький час,
как могу, защищаю правду.
Шавок, твякующих на нас,
презираю. Имею право.

ЧЕРКАСОВ НИКОЛАЙ / 1938–1993

ВДОВИЙ КРИК

Мой отец погиб за Ленинград
рядовым солдатом без наград,
похоронен был в окопе тесном
на пригорке, ныне неизвестном.

Он погиб по-будничному просто,
даже слова не успел сказать.
над его безвременным погостом
не скатилась ни одна слеза.

Но кричала мать на всю округу
безысходным криком русских вдов
так, что осыпáлись с перепугу
голуби с церковных куполов.

И беда усерднее набата
повторяла крик её стократ
в деревнях, похожих на солдаток,
в городах, похожих на солдат.

Тем истошным криком бабьей доли
до сих пор душа моя полна,
и, пока он жив во мне, дотопле
для меня не кончится война.

ВОЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ

На фотографии военной
парнишка снят в семнадцать лет
в шинели выцветшей бесмемной,
которой век износа нет.
Глядит он строже полководца,
всю душу высветив до дна.
В его глазах, в глазах-колодцах,
войны трагедия видна,
боль в отрешении солдатском
от права «жить или не жить»,
как будто он могиле братской
уже давно принадлежит.
Как будто мы эпохи дети
одной и той же грозной, но

мне жизнь и смерть его на свете
вовек постичь не суждено.

ШЁЛ ПО УЛИЦЕ СОЛДАТ

Шёл по улице солдат
демобилованный –
на груди медалей ряд,
сапоги кирзовые.
Шёл солдат, печатал шаг,
но уже по-штатскому.
Пела тенором душа
песню залихватскую
о судьбе его,
войной
крученой и верченой,
что остался он живой
и непокалеченный,
что вернулся он в края,
на чужбине гревшие,
где речушка есть своя,
хоть и обмелевшая,
где покамест не жена,
но и не окольная,
есть девчонка, что ждала
письма треугольные.
Шёл солдат навеселе,
в такт медали звякали...
В этот день во всём селе
долго вдовы плакали.

Помню военное лето,
вкус молодой лебеды
да за околицей где-то
поступь неясной беды.

Детство моё голубое –
смутная сказка, а в ней –
жмых, отвоёванный боем
в яслях колхозных свиней.

Нет, не забыть, не отринуть,
не обойти стороной

то, что сумеет остынуть
только лишь вместе со мной.

Хриплые звуки шарманки,
скорбные песни слепца,
шёпот гадалки цыганки
про удалого бойца.

Слёзы покрепче рассола.
Волчье истошьё во мгле.
Голос запевки весёлой
как преступленьё в селе.

ПЛЯСАЛИ БАБЫ

Плясали бабы в День Победы,
плясали,
шаткий пол дробя,
забыв про горести и беды,
забыв на миг самих себя.
Мелькали радостные лица,
теснились дети по углам,
и ничего,
что половицы
грозили лопнуть пополам.
На балалайке с красным бантом
пацан «Подгорную»* играл,
я вдохновенней музыканта,
пожалуй,
в жизни не видал.
Старик с бородкою сусальной
шептал старухе горячо:
«Четыре года не плясали,
а погляди-ка, деют чё!..»
Плясали бабы,
с жалким звоном
стаканы падали из рук...
И Богородица с иконы
смотрела горестно на круг.

* «Подгорная» – русский народный плясовой наигрыш.

ЧЕРКАШИН ВАЛЕРИЙ / 1941–2015

ЗВЕЗДА ОТЦА

По глазам хлестнул горячий ветер,
вышиб землю из-под ног удар...

Но не закатилась в сорок третьем
красная отцовская звезда
и среди пожаров и обломков
продолжала свой крутой полёт.

Побратимы подняли пилотку
с красною звездою –

над землёй,
над победным маем в небе чистом,
над водой днепровской голубой,
посреди степей над обелиском,
над моей дорогой и судьбой.
Тишине не верю на рассвете,
не застанет нас врасплох беда –
мне она тревожным светом светит,
красная отцовская звезда.

В ТРАНШЕЕ

Может, было иначе,
Может, вовсе не так:
Бился ветер горячий
О штыки контраatak.
И в цепи поределей
Выл прицельный свинец.

...Я хочу переделать
Эту схватку, отец.
Есть иное решение
На твоём рубеже.
Я вот в этой траншее
Был солдатом уже.

Отраженьем атаки
Рога начала бой.
– Танки! – слышалось.
– Танки
Пропустить над собой!

Под грохочущим днищем,
Задыхаясь в дыму,
Мы мгновения ищем,
Чтоб гранатой – в корму!

И землёю дрожащей,
Жаром боя дыша,
Рота ринулась дальше
С твоего рубежа.

ЧЕРНОВА ЛИЛИЯ / 1941–2016

СВЯЩЕННЫЙ ДЕНЬ

Сквозь пули, шрапнели и грозы
Отец улыбается мне.
Расправили листья берёзы,
Трава зелена на земле.

Мой внук шестилетний в тетради
Выводит: «Победа! Ура!»
Он правнук майора гвардии,
Кого поглотила война.

Сурова, безжалостна правда.
Держись, пострелёнок, живи!
Пусть мир тебе будет наградой,
Признанием в вечной любви.

ПАМЯТЬ

В лихие, горькие минуты
Всплывают в памяти моей
Ночная печь, ведро с мазутом
И стайка белых голубей,

Кружащихся над нашей крышей,
И мамин голос: «Посмотри!
Ты видишь, дочка, слышишь, слышишь!
Нам папка шлёт привет с войны!»

И долго-долго взгляд лелеет
Крылатых почтарей с небес.

И губы шепчут: «Не посмеет
Фашист убить тебя, отец».

ЧЕРНОСКУЛОВ АНАТОЛИЙ / 1940–2012

БАБЬЯ РОЩА

Анатолию Калинину

Трещал мороз, помолвленный с бедой,
Людской бедой, такой, что нету горше!
И к маю не осталось ни одной
Берёзы в заповедной Бабьей роще.

Там до войны не рай ли был земной:
Цвели цветы, кукушки куковали,
И парни под притихшею листвою
До петухов девчонок миловали.

Но что же делать, коль беда пришла,
Коль нечем обогреть детишек стало?
И женщины рубили для тепла
Деревья там, где юность их осталась.

Но не одним же бедам гнёзда вить!
Когда осели годы горевые,
Решили люди рощу возродить,
Чтоб к небу ветки вскинулись живые.

Так пусть их беды будут миновать,
Пусть на века кукушки напророчат,
Чтобы парням девчонок миловать,
Чтобы не стала Вдовьей – Бабья роща.

Была избушка на курьих ножках,
Осталась просто – о двух окошках.
А где же ножки, коль были, где?
Вначале прятались в лебеде.

Ну а когда лебеду мы съели,
То ножки тоже прибрать сумели:

Не их ли бабка к крапивным щам
В кастрюлю бросила – нам, внукам?

Да и навар от них с пользой лёг,
Коль сквозь войну прорасти я смог!

ЧЕРНУХИН ИГОРЬ / 1930–2017

ЧЕТЫРЕ ГОДА

Четыре года гуси плакали,
Узрев однажды с вышины
Дома, пылавшие, как факелы,
Дымы багровые войны.

Четыре года гуси видели
Внизу на поле не жнивье,
А танки мёртвые, как идолы,
Пришельцев трупы, воронье...

Четыре года скрежет стали,
До облаков сплошной пожар.
А гуси всё же прилетали,
Как и положено, весной.

1963

ПИСЬМА

Мама писем ждала
От отца с войны –
Четыре тяжёлых года,
Четыре весны.
Ждала молчаливо,
Не плакала
И не кляла судьбу,
В те годы
Четыре морщинки
У мамы легли на лбу.
Четыре тайных тревоги,
Четыре боли жены,
А письма шли
Очень медленно,
Медленно шли с войны.

Читал я письмо отцово
И прятал в ящик стола,
А мама была на службе,
На службе мама была.
Она приходила поздно,
Одетая по-военному,
И горько вздыхала:
«Господи!
Голоден ты, наверное...
Опять задержали в госпитале –
Пришёл эшелон из-под Ельни...»
И пахла она лекарствами,
И еле держалась, еле.
Я ей улыбался лукаво,
Письмо извлекал на свет,
И мама слегка бледнела
И слепо брала конверт.
Она становилась слабой,
Как маленькое дитё,
И на плечах погоны
Вздрагивали у неё.
Я грыз концентрат солдатский
И чай с сахарином пил.
Потом меня мама укладывала
И говорила: «Спи!..»
Когда ж, засыпая, я грезил
Новым отцовским письмом,
Почтовым казался мне ящиком
Наш под железом дом.

1963

ХЛЕБ ПОБЕДНОГО ГОДА

Что может быть слов этих проще,
Вздыхал председатель в те дни:
– Не бык ты, Матрёна, не лошадь,
Не очень-то лямку тяни!..
И сам подпрягался в постромки,
Кривою ногой ковылял
И, кончив делянку, негромко
Командовал:
– Девки, привал! –
А в поле осот да крапива,
Да в рост малышне – лебеда...

Ещё над израненной нивой
Кружилась как ворон беда.
Курил председатель и горько
Вздыхал непонятно о чём.
В нашивках его гимнастёрка
Парила на нём горячо.
Дымились пласты чернозёма
И жадно ловили зерно
Под грохот осеннего грома,
Под дождик, что не был давно.
Был хлеб того самого года
И труден, и горек, и мал,
Но был он надеждой народа,
И каждый его поднимал.
И каждый, себя не жалея,
Со всеми тянул борозду
И рад был увидеть в апреле,
Как озимь цветёт на виду.
Уже говорили о дате,
Когда соберут урожай,
Как вдруг занемог председатель
И умер внезапно под май.
А май был победным, ядрёным,
Все ночи в полнеба с луной...
Но плакала тихо Матрёна
Одна за глухою стеной.
А хлеб по полям колосился
И сил набирался, дыша,
И мир в этот Мир воротился,
И пела о жизни душа.

1984

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Две женщины встретились в центре города –
Одна в чёрном, другая – в белом.
Та, что в чёрном, безмолвно и неподвижно
Замерла у огня, бегущего из-под мраморных плит.
Та, что в белом, осторожно двигалась
Вдоль мраморного квадрата.
Падал снег, густой и тёплый
На женщин, на огонь, на мрамор...
Женщина в белом остановилась у одной из плит.
Сняла рукавичку и бережно смела снег

С латунных букв.
– Звание неизвестно... –
прочла женщина медленно и глухо...
Лицо её стало отрешённым и скорбным,
Как у той, бронзовеющей от огня,
Что стояла напротив.
...Печальные тени возникали из огня и снега,
Кружились над женщинами и уплывали в ночь,
Как память сурового сорок третьего...
И только бронзовый мальчик,
сын женщины в чёрном,
Играл беспечно рядом,
не замечая повзрослевшей ровесницы в белом –
Живой и красивой, осторожно сметавшей снег
С латунных букв.

1968

В ТОТ ГОД

И я,
Пожалуй, видел всякое.
И я на трудностях мужал...
В тот год
Надрывно бабы плакали
По уезжающим мужьям.
А мы,
Пострелы босоногие,
Стесняясь чувств,
Стесняясь слов,
Руками маленькими трогали
Шинели новые отцов.
Мелькали котелки и кружки,
Гудел
И замирал перрон,
И плыли медленно теплушки
За дальний синий перегон.
И я,
Пожалуй, видел всякое.
В тяжёлый год
Взрослел, мужал...
Входила в сумрачную слякоть
В наш дом тяжёлая нужда.
И суп делила несолёный,
Делила пресный хлеб пайка,

Стелила жёсткую солому
Под наши детские бока.
А ночью
Залпы били глухо,
И, протыкая тьму насквозь,
На нас в окно глядела сухо
Горсть раскатившаяся звёзд.
Мы, дети,
Свой мирок разрушив,
Впервые видя смерть и кровь,
В тот год
Сердцами сводки слушали
Советского информбюро.
И помню,
Мы, войдя без спроса
На митинг
В многолюдный зал,
Стояли в полный рост
Со взрослыми
И пели «Интернационал».
И, может быть,
В тот год тяжёлый
Мы научились понимать
И вкус воды,
И сладость соли,
И в полном смысле слово –
Мать.
Не белоручками росли мы,
Навстречу выходя ветрам...
В тот год
Советская Россия
Вручала будущее нам!

Проверка. Застыли курсантские роты.
– Убит подо Ржевом!
– Под Курском!
– Берлином!
Горят и дымятся глухие болота,
Дрожит одиноко во поле осина.

Проносится ветер тяжёлый над бором.
И птица кричит на железном заборе.

И носятся в воздухе вместе с сиреной
Тревожные запахи красной сирени.

Горячий цветок распустился на плато...

– Убит в сорок первом...

– Убит в сорок пятом...

ЧЕРНУХО ВИТАЛИЙ / 1930

БАЛЛАДА О МОРСКОМ ДЕСАНТЕ

Над Балтийской косой закаты

Плавают медь в полосе прибоя.

И не верится, что когда-то

Этот берег был полем боя!

Нет следов пулевых отметин,

Время оспу воронок смыло,

Лишь балтийский солёный ветер

Рассказал, как всё это было...

...Занимался рассвет над пляжем,

Даль покрасив багровым кантом,

А из мглы к побережьям вражьи

Подожли катера с десантом.

Враг зажат был тогда в Пиллау*,

Бой гремел уже в цитадели.

На косу начав переправу,

Там спастись нацисты хотели!

Им отрезать пути отхода

По косе наш десант был должен.

И пошла морская пехота,

И казалось, что всё несложно.

Поначалу всё шло как надо,

Но потом будто сглазил кто-то.

Оказалось, что путь десанту

Преградил вдруг огонь из дота.

* Пиллау, с 1946 г. – Балтийск, город в Калининградской обл.

Заметался свинцовый ветер,
По морпехам зло стеганул он!
Настоящая пляска смерти
Завертелась на пляже с гулом.

Справа стоны, и слева стоны.
Погибают друзья-балтийцы.
Бьёт кинжальный огонь упорно
Из подёрнутой мглой бойницы!

Весь десант здесь как на ладони,
Пляж матросскую кровью полит.
Кто-то сзади протяжно стонет,
Иногда матерясь от боли!

Дольше медлить нельзя нисколько!
Вот ещё вскрикнул рядом кто-то.
Подползти бы поближе только
К смертоносной глазнице дота!

И метнуть бы туда гранату
Или пару их для начала.
Сразу всем боевым ребятам
От такого бы полегчало!

Но всё круче огонь из дота,
Всё опасней к нему дорога.
По глазам льются капли пота,
Но осталось ползти немного!

Эти метры он полз не даром
В непрерывных раскатах гула!
Вдруг тяжёлым тупым ударом
По рукам и плечу хлестнуло.

А бойница совсем уж рядом,
И огонь из неё всё злее.
Он подняться не даст ребятам,
Даже тем, кто лежит правее!

Заглушить амбразуру надо,
Или будет десанту плохо.
И нет сил приподнять гранату,
И боль яростней с каждым вздохом!

Занемели уже ладони,
И разжать невозможно веки...
В грудь вонзились десятки молний,
Но противник умолк навеки!

И десант поднялся, как лава,
Всё с дороги своей сметая,
Путь по берегу из Пиллау
Окончательно отсекая!..

...Над Балтийской косою закаты
Плавают медь золотистого цвета.
Спят над морем в земле солдаты,
Не дожившие до Победы!

Рядом с дотом видна могила,
На которой Звезда Героя.
Обо всём, что здесь в прошлом было,
Ветер шепчет под шум прибоя.

Море слушает чаек крики
И в раздумии хмурит брови.
На могильной плите гвоздики
Здесь всегда словно капли крови!

ПАМЯТНИК

Стремительно рвётся
в простор с пьедестала
Торпедного катера стройное тело.
Как будто промчавшихся лет
не бывало
И снова по курсу горячее дело!

Гранитный бурун у него за кормою,
В бетонные складки,
как в пену, одетый.
И смотрят сурово, готовые к бою,
Из труб аппаратов стальные торпеды!

Он замер на миг в искромётной атаке,
И волны к нему тянут цепкие руки!
Пробоин едва различимые знаки,
Как шрамы, бугрятся
на скошенной рубке.

земля откликнулась вокруг.
А небо стало синим-синим,
ни тучки-облачка вдали,
как будто вдовы всей России
глаза оттаяли свои.

Уже смеялись, целовались,
на площадь шли со всех сторон,
а гостя так и не решалась
мальчишеский тревожить сон.
Но зайчик солнечный метнулся
из-за оконного стекла,
и я проснулся.
Улыбнулся.
И я спросил её:
– Пришла?

ЧЕРНЯК ВАДИМ / 1934–2008

А порох пахнет
горелым хлебом
от века...
Когда-нибудь
слух подведёт,
откажут глаза.
На простой вопрос
не найду простого ответа.
Лица путать начну,
цвета, голоса.
Долго не вспомню, как звали:
Борисом? Глебом?
Пылью последней
припорошит виски...
Но то,
что порох пахнет
горелым хлебом,
это навечно –
до гробовой доски!

1961

Я вспомнил холодные годы,
по карточкам выданный хлеб
и длинные серые роты,
их песни, летящие в степь.

И клуб «Интернационала»
с пролётами чёрных стропил,
где нам боевые журналы
безногий механик крутил.

Гремели орудия в зале,
светился экран,
а потом
врагов мы легко побеждали
за школою в сквере пустом.

Ур-ра!..
Но колёсами пушек
был путь до вокзала изрыт,
и грохали двери теплушек,
и плакали бабы навзрыд.

1964

ГОЛОС

– Какое вам дело
до мёртвых моих друзей?
Оставьте, пожалуйста,
их имена в покое.
Отдайте конверты родным,
шинели – в музей.
Я сам был убит,
я знаю, что это такое.

Всё просто,
и ваш батальон словно платит налог.
Вы белое поле
представьте себе, а на белом
сначала разрыв,
и каска съезжает на лоб,
и долго потом
душа расстаётся с телом.

Не надо о мёртвых,
я вам расскажу, если что.
Вы можете ночью
поднять меня, честное слово!
Я как по тревоге,
вот только накину пальто.
Ну что вы, не бойтесь,
я очень похож на живого...

1965

Закончили Вторую мировую.
Утёрли пот. Пошли на мировую.
В стальные сейфы спрятаны дела.
Голубка мира в небе проплыла...

Солдат на номерном заводе служит,
работает с зари и до зари
(такие деньги, что ни говори!),
готовит сына в сменщики. Не тужит.

Лишь сухари на всякий случай сушит,
на всякий случай сушит сухари.

1965

ЧЕЧУЛИН АЛЕКСЕЙ / 1943–1995

Когда тревога крыльями замашет,
Когда уже совсем неумогу,
Я возвращусь, где памятники нашим
Звезда к звезде, чрез каждую версту.
Здесь всё ещё дымится в перекрестьях
Ревущая от ярости броня,
Здесь шестьдесят процентов неизвестных
И сто процентов павших за меня!

ОКРАИНА

Так бывает необъяснимо:
Как на выдохе, вдруг замрёшь.
Сколько раз пробегал я мимо
Огородов этих и рощ!

Ну, окраина городская.
Ну, посёлочек заводской.
И окраина небаскáя*,
И посёлочек небаскóй.

Но дорога меня однажды
Завела невзначай сюда.
Здесь на каждой избе,
На каждой,
В честь погибших
Горит звезда.

Сколько их, молодых и старых,
Не пришедших с войны домой,
Здесь,
На улице Сталеваров!
Здесь,
На улице Заводской!

Эта женщина пожилая,
Что окучивала рядки,
Мать солдата, вдова ль седая,
Смотрит в дали из-под руки.

Так, наверное, и глядела
Эшелонам военным вслед.
Так, наверное, и седела
Эти долгие тридцать лет.

Что ей видится в летней сини?
Ты куда, тропа, завела?
Как цветы полевые в России –
Звёзды, звёзды...
Им нет числа.

* Некрасивый, невзрачный (*диал.*).

ИЛЬЯ

Он жил по соседству, сапожник Илья.
С утра молоток – тук-тук...
У дядьки и пенсия, и семья.
Он всем закадычный друг.

И знал весь двор наизусть рассказ
О том, как в мадьярской* земле
Илья командира от смерти спас,
За это – медаль Илье.

Он обувь тачал на любой фасон
Рукой, привычной к добру.
Вдовам – за так, приговаривал он:
– С солдатских жён не беру.

И бабы платили ему молоком,
А мужики – махрой.
Но всё неуверенней молотком
Стучал чеботарь седой.

Всё реже он вспоминал старину,
Всё чаще он повторял:
– Всего-то сходил на одну войну,
А две ноги потерял.

ЧИБИРЕВ ВЛАДИМИР / 1940

Есть в памяти моей такая дата:
За то, что голод приказал украсть,
Избили в кровь безногого солдата
И бросили к забору в грязь.
Толпа в сто пастей поносила вора,
И кто-то тыкал в рёбра сапогом,
И чьи-то руки рвали грязный ворот
И две тесёмки узких от погон.
Над ним глумилась тыловая гнида,
Висел туманом ненависти гам.
За пайку хлеба били инвалида...

* Мадьяры – самоназвание венгров.

О, лучше бы его убили там,
Где звал он в бой охрипшей в гари глоткой
Товарищей, священной мезтью горд.
Он был герой... А повернулось вот как:
Валялся у забора жалкий вор.
Он корчился в грязи, травой проросшей,
И повторяя: «Братцы, виноват!»,
Глотал в руке оставшиеся крошки
И озверелый многослойный мат.
Тот день апрельский бьёт во мне набатом,
Нет, не набатом, а как вражий дот.
Есть в памяти моей такая дата:
Россия. Голод. Сорок пятый год.

*Светлой памяти мамы моей,
Любови Александровны Чибиревой*

А мама уезжала на подножке,
Последние пожитки увозила.
В чужой деревне за ведро картошки
Седую грязь под окнами месила.
А ездили на пригородном. В холод.
Немели руки, в поручни вцепившись.
А в сорок первом был в России голод:
Буханкой хлеба золото ценилось.
А мама плакала и тихо гасла.
Давно до нитки все пожитки вышли.
В последний раз на полбутылки масла
Она сменяла плюшевого мишку.
А я был мал, не понимал ни грамма.
В большом окне тогда метели бились.
И я не знал, что в эту зима мама
Впервые в жизни Богу помолилась...

ЧИКИН ЛЕОНИД / 1927–1994

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Война кончается.

Дымится

Берлин

и корчится в огне...

Наш поезд мчится, мчится, мчится
по забайкальской стороне.
Гремя, летит состав в глубоком
тылу нетронутом страны,
чем ближе к Дальнему Востоку,
тем дальше от большой войны,
от той, что в нас жила годами,
не покидая ни на час,
от той, чьё взвихренное пламя
издалека касалось нас.
Война, бои, походы, слава
и с гимнастёрок блеск наград...
А нас от той войны кровавой
Везли который день подряд.
Туннели, сопки, речки, хаты.
И стон колёс, и рельсов звон.
Так – восемь дней.
А на девятый –

Хабаровск...

Воинский перрон
забит ликующим народом,
над ним – невыцветший кумач,
что берегли четыре года,
и чей-то смех, и чей-то плач.
И, понимая наши взгляды, –
мол, что за смех и праздник тут? –
Кричал калека нам:
– Ребята!

Ребятюшки!

Войне капут!

Победа!

Слышите, славяне?!

А завтра праздник – пей и пой!..
Но в день Победы утром ранним –
«Равняйсь!» –

и замер строгий строй.

И тихо, будто по секрету,
сказал нам замполит полка,
что это лишь одна победа,
другая – впереди пока.

1946

Мы играли в войну. Мы вставали с рассветом.
Кто командовал ротой. Кто вёл батальон.
А полковником – Генка. И должности этой,
нам казалось, вполне соответствовал он.

Он высок и плечист. Был спортсменом прекрасным.
Он прикажет – попробуй не выполнить в срок!
Он командовал голосом зычным и властным
и водить нас в походы по компасу мог.

Но зимой, когда вьюжный белые кольца
размело по сибирским просторам седым,
он ушёл – «комполка» – на войну добровольцем,
чтоб в жестоком сражении стать рядовым.

Мы о нём прочитали в центральных газетах...
Когда пенился взрывами поднятый Дон,
был наводчиком Гена. И должности этой,
как писали, вполне соответствовал он.

Там была не игра. Между светом и тьмою
шёл извечный, огнём разрешаемый спор.
Там его батарея наводкой прямою
по приземистым танкам стреляла в упор.

...А потом, под Берлином, призывный и звонкий
плач ребёнка меж двух воевавших сторон.
И товарищ наш Генка
навстречу девчонке
полз...
Но встретился с пулей негаданно он.

Он лежал недвижимо. Ни крика, ни стопа...
На нерусской земле среди каменных глыб
наш «полковник», носивший сержанта погоны,
человека спасая, героем погиб.

Я судить не берусь, что он сделал для века,
будет, нет ли в бессмертие возведён,
но высокому званию Человека –
это точно! –

вполне соответствовал он.

Упал на травы зной густой,
нигде спасенья нет...
Всё было так, как в песне той
моих военных лет:
«Я уходил тогда в поход
в далёкие края.
Платком взмахнула у ворот
моя любимая...»*

Скатилась по щеке слеза,
чиста и солоня...
– Ну, мне пора, – я ей сказал.
– Иди! – в ответ она.
Сказал я:
– Жди меня, приду,
не сгину на войне.
Я отыщу тебя, найду
в родимой стороне...
Мы вышли с нею за село.
– Прощай!
И – шире шаг...

Всё так, конечно, быть могло,
но было всё
не так.

Что уходил – так было, да!
Что мне шестнадцать лет –
и это правда.
Но тогда
не шла она мне вслед.
Ещё не тронув бритвой щёк,
я шёл к своей судьбе.
А наши девочки ещё
учили «А плюс Б».

И мы не знали тех, своих,
с которыми – всю жизнь.

* Песня «Моя любимая» композитора М.И. Блантера и поэта Е.А. Долматовского написана в начале 1941 г. как воспоминание о походе Красной армии в Западную Белоруссию осенью 1939 г.

И мы придумывали их,
чтоб все мечты сбылись.

Я шёл... Пылал июльский зной,
но что мог значить он,
когда весь мир, весь шар земной
пожаром раскалён,

тем, что сердца и души жёг
жестокостью своей,
что сморщил кожу вдовьих щёк,
но слёзы высушить не мог
на лицах матерей.

Мне далеко ещё идти,
чтоб вновь прийти домой.
Всё вспоминались мне в пути
слова из пени той:

«И чтоб мечты мои сбылись
в походах и боях,
издалека мне улыбнись,
моя любимая...»

ЧИКОВ АНАТОЛИЙ / 1928–1996

ЛУБОЧНАЯ КАРТИНКА

На насилье нет закона.
Воин, пахаря не тронь.
На картинке у дракона
Изо рта летел огонь.

Гибло всё, что было в силе.
Застил солнце едкий чад.
Громко жёны голосили,
Бабки прятали внучат.

Приближался час расплаты.
Вплоть до утренней зари,
В крепкие одевшись латы,
С гадом бились плугари.

Но один, что всех сильнее,
Широко взмахнув, сплеча,
Срезал головы со змея
Острым лезвием меча.

Не напрасно без заминки
Кровь стекала в воду рек.
Гад, поверженный в картинке,
Ожил в наш двадцатый век.

В страшный час невыносимый
Он спалил при свете дня
Людный город Хиросиму
Вихрем грозного огня.

На насилье нет закона.
Воин, пахаря не тронь.
В горле нового дракона
Спрятан гибельный огонь.

РОЖЬ 1941 ГОДА

Моё терзанье – рожь несжатая.
Взволнованный, я к ней бегу.
Она кричит, как виноватая,
Мол, вся достанусь я врагу;

Людьми российскими взращённая,
Я честно встречу грозный час...
Казнилось сердце возмущённое
И вдруг услышало приказ:

«Ещё не выбит враг в потылицу*,
А хлеб оставлен на корню.
Повелеваю: рожь-кормилицу
Предать немедленно огню!»

Я испытал, дитя невинное,
Как сердце мне терзала дрожь,
Когда я с факелами длинными
Со всеми жёг живую рожь.

* Потылица – затылок (устар.).

Нигде ей не было спасения.
Водило пламя хоровод.
И дым застыл от потрясения,
Вцепившись в чёрный небосвод.

Друг, не гляди самонадеянно.
Не дай настать лихому дню,
Не дай похитить, что взлелеяно,
Тому священному огню.

Комок подкатывает к горлу.
В глухом тылу я помню щех.
Я уставал, ломались свёрла,
И не давался мне успех.

Я не ворчал, что жизнь плохая.
Не в том спасение моё,
Что, с плеч невзгоды отряхая,
Я верил в лучшее житьё.

А в том оно, что, от тротила
Меня упрятав в сердце тыла,
Не упрекая, не кляня,
Отчизна жизнями платила,
Спасая малого меня.

ЧИСТЯКОВ ЛЕВ / 1938

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Победы достаются трудно!
Передний край кривой траншеей
Пролёт под скальпелем хирурга
У моего отца на шее.
Но было поздно... До конца
Он жил минутами атаки,
Вновь жёг в бреду чужие танки –
Таким запомнил я отца.
И койка у окна в палате,
Где он лежал в бинтах и вате,
Осталась сумрачно-пустой.
...Здесь был его последний бой!

ОТЦОВСКИЕ ПИСЬМА

Пожелтевшие строчки,
А за ними встают
И тревожные ночи,
И тот первый салют,
И квадратики неба,
И квадраты огня,
Вкус голодного хлеба,
Боль минувшего дня.

Треугольники писем –
Штемпелей не понять.
Стынут горькие мысли
В моём сердце опять.
Набежавших морщинок
Не прогонишь с лица,
Но я вырос мужчиной
И похож на отца.

Буквы падают косо,
Как бойцы на бегу.
Материнские слёзы
Поразмыли строку.
Отгремевшее – ближе,
И трубя, и скорбя,
И не верю, и вижу –
Ты глядишь на меня.

ЧИСТЯКОВА ГАЛИНА / 1941

«РОДИНА-МАТЬ ЗОВЁТ!»*

Вы помните этот плакат,
Где женщина смотрит с плаката?
Так строг её пристальный взгляд,
Как будто я в чём виновата!
Ну в чём я виновна, скажи?
Под взглядом тяжёлым немею.
Я только вхожу в эту жизнь,
Я даже читать не умею.
Но время настанет, кольцо

* См. примечание на стр. 182.

Однажды в цепи разорвётся –
И строгое это лицо
В одно с материнским сольётся.
О, эти слова повторять
Всегда я готова упрямо:
И громкое – Родина-мать,
И ласково-нежное – мама...

ЧУЕВ ФЕЛИКС / 1941–1999

В этом мире ненастном, тревожном,
не одну пережившем беду,
человек с героическим прошлым
умирает на лавке в саду.

Не гудят над страной валторны,
не дрожит привокзальная медь.
Человек умирает, который
до сих пор не успел умереть.

Сколько вас, комиссаров безвестных,
полияных, как выцветший стяг,
ни в каких не в парадных подъездах,
ни в каких не торчавших дверях!

Вашу скромность и ваше геройство
не заметила в буднях страна –
не страна, не Россия, а просто
писаря погребли ордена.

Воздаю вам особую почесть.
Да к чему вам такая она?
В ней при жизни нуждались не очень,
а теперь и совсем не нужна.

Уже послы живут в тылу глубококом,
Уже в Москве наркомов не видать,
И панцирные армии фон Бока*
На Химки продолжают наступать.

Решают в штабе Западного фронта –
Поставить штаб восточнее Москвы,
И солнце раной русского народа
Горит среди осенней синевы...

Уже в Москве ответственные лица
Не понимают только одного:
Когда же Сам уедет из столицы –
Но как спросить об этом Самого?

Да, как спросить? Вопрос предельно важен,
Такой, что не отложишь на потом:
– Когда отправить полк охраны Вашей
На Куйбышев? Состав уже готов.

Дрожали стёкла в грохоте воздушном,
Сверкало в Александровском саду...
Сказал спокойно:
– Если будет нужно,
Я этот полк в атаку поведу.

Мой отец был действия, а не около,
По шерботому небу неровно скользя,
Мой отец был сталинским соколом,
И его переименовать нельзя.

Из песни можно выкинуть слова,
Да что слова – и целые куплеты!
Но я-то слышал их тогда, сперва,
В застолье том, в предчувствии Победы.

* М.А.Ф.Ф. фон Бок – немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Командующий группой армий «Центр» во время вторжения в СССР. Командовал наступлением на Москву осенью 1941 года.

Мой день рожденья, сорок пятый год,
Себя я только помнить начинаю.
Год сорок пятый, ты начнёшь отсчёт
Всему, за что я лично отвечаю.

Какие люди были за столом,
Какие песни пели эти люди!
Звенели песни форточным стеклом,
Как ярость наших праведных орудий.

Роскошные, в погонах золотых,
Пилоты, уцелевшие в сраженьях...
Я с батиных колен глядел на них
Не то что с уважением – с наслаждением.

Запомнились так ясно и так чисто
И замполит с кулёчком монпансье,
И за Победу тост, и за Отчизну,
И тост ещё, когда вставали все...

Такая святость в душу мне вошла,
Такая сила наполняла душу,
Как будто я поклялся у стола,
И клятвы той вовеки не нарушу.

1972

*За проявленную отвагу в боях за Отечество,
за стойкость, дисциплину и организован-
ность, за героизм личного состава преобра-
зовать 1-й авиационный полк ГВФ в 120-й
Отдельный гвардейский авиационный полк
ГВФ. Полку вручить гвардейское знамя.*

Из газет военного времени

...Мне было три года. В любую погоду
на фронте летал он в леса.
Апрель Приамурья. Мне ровно три года,
И праздничный день у отца.

О, если б сегодня – расспросы, вопросы
во весь поэтический пыл!

А так – не видал у него папиросы,
он только на фронте курил.

Да помню, он встретил ещё инвалида
и долго его угощал,
и этого нищего, полубандита,
из личной беды выручал.

Совсем незнакомый, чужой, но, однако,
его называл он «Сашок».
На рынке, в углу, обитал, как собака.
Четырнадцать «юнкерсов» сжёг.

Тогда на такого никто и не взглянет,
да что, на него ль одного?
Был тонкою медью на дырках затянут
нелатанный китель его.

И пятна темны – ордена снимали
(«Да в этом ли счастье, Сашок?»),
и только искрился отбитой эмалью
гвардейского знака флажок.

Такой и отец мой носил не снимая,
на всей гимнастёрке – один.
О, как я отца своего понимаю
теперь, как мужчина и сын!

Я знаю – обязан глазам, воспалённым
лучами наполненных дней,
что равнодушен я к ратным знамёнам
и к славе державы моей.

1984

Юрию Бондареву посвящается...*

Не просто так, не просто так
Земли израненное тело
В пылу ударов и атак
Горело, мучилось, терпело.

* Ю.В. Бондарев – известный писатель и сценарист, во время Великой Отечественной войны – капитан, командир батареи.

И вы солдат, и я солдат,
За мною в небе след отцовский,
За вами стойкий Сталинград,
Горячий снег и Рокоссовский.

За вами воины стоят,
А не убийцы-демократы,
За вами русский Сталинград
И Красной армии солдаты.

Припомнит Русь своё лицо,
И улыбнётся ей удача,
И операцию «кольцо»
На карте снова обозначит.

Но я горжусь, что знаю вас,
Когда и жить-то неохота,
Но в невесёлости у нас
Есть незагубленное что-то.

И.В. Сулимову

Он забыл, что он был командиром полка,
что осталась на Западном фронте рука.

Он не просто забыл – он закончил полёт,
в мирном мире без неба забот достаёт.

Где-то служит майор вдалеке от небес,
где-то скромно живёт, на высоты не влез.

Как связной поколений, стою перед ним.
Он отца моего знал пилотом своим.

Он задания крутые ему доверял
и забытой рукой иногда козырял.

1981

ЧУПРОВ ОЛЕГ / 1939

Село, в котором я родился,
Дом с покосившимся крыльцом...
Я снова вспомню, как гордился
С войны вернувшимся отцом!
Ну у кого ещё похожий –
На все на сто дворов окрест! –
Был вот такой, обитый кожей,
Никелированный протез?
Теперь пригрезится,
Сквозь мýку,
Как я отца не раз просил
Снять металлическую руку –
Перед ребятами форсил!
И он снимал...
Глядел в окошко.
Блестели тускло ордена.
И, словно мёрзлая картошка,
Катилась по небу луна.
Потом... отцовская могила
И скудный хлеб
Тех трудных лет.
И тихо мама говорила:
«Учись, сынок! Ученье – свет!»
Но, пережив и с ней разлуку,
Увижу вновь,
Как станет мать
Ты – словно бы живую – руку
К груди иссохшей прижимать...

ШЁЛ СОЛДАТ К ПОБЕДЕ

Шёл солдат к Победе
Много вёрст и дней.
В медсанбате бредил
По ночам о ней.
Кружит лихолетье,
Друг отстал в пути...
Шёл солдат к Победе
И сумел дойти!

Он в окоп вжимался,
В чистом поле мёрз.
Но в атаку рвался
Первым – в полный рост!
Долг один на свете –
Отчий дом спасти...
Шёл солдат к Победе
И сумел дойти!

Росчерк на рейхстаге!
В роще соловьи...
Повесть об отваге,
Верности, любви!
В трубы звонкой меди,
Майский день, свети!
Шёл солдат к Победе –
И сумел дойти!

То, что в памяти сберёг,
Я придумкой не нарушу.
Детства жаркий уголёк
Вновь мою тревожит душу!
В звонком горле тишины
Задрожит воспоминаньем:
Мой отец с большой войны
Воротился утром ранним!
Керосинка зажжена,
Плачет и смеётся мама...
– Папка, кончилась война?
– Потерпи, осталось мало...
Так, к себе меня прижав,
Как провидец, он ответил.
Лишь потом пустой рукав
У шинели я заметил...
Я поверил, я терпел,
В жмых вгрызался я охотно,
Над рисунками корпел,
Где фашистов бил бесщётно!
И с бедой – к лицу лицом –
Жил, как все, три года с лишним,
Чтоб на улицу с отцом
Мы на равных в Мае вышли!

МАЙ СОРОК ПЯТОГО ГОДА

Памяти отца

Целых пять мне было, целых пять
В этот год, великий для народа!
Рассиялась светлая погода,
А людей, людей! – не сосчитать!
Папка мой совсем помолодел,
Раньше хмурый был, а нынче весел!
Ордена на грудь свою повесил,
А протез сегодня не надел...
Я бегу, в кого-то целюсь: «Пли!»
Я кричу: «Фашистов побороли!»
А у мамы (маленькая, что ли?)
Слёзы почему-то потекли...
Было пять всего мне... Шёл, сопя.
Но, видать, отцовская порода:
Маленькой частичкою народа
Я, пацан, почувствовал себя!
Он всё дальше, дальше – этот год,
День же этот – ближе, ближе, ближе!
Лишь глаза закрою – ясно вижу:
Мой отец – сияющий! – идёт!
Он ли только? Праздничен любой!
Все мы победили! Даже дети...
На моей рубашке голубой,
Будто орден, солнце ярко светит!

ПАТЕФОН

Памяти ушедших

Чёрный диск,
Словно лодка без вёсел,
Покачнётся и поплывёт...
И судьбу на семьдесят восемь
Оборотов* – вновь повернёт!
Чуть потрескивает пластинка,
Сквозь мембрану трудно дыша...
Просочившаяся слезинка,
Пробудившаяся душа...
Жизнь стремительно мчит к закату!
Ритмы – жёстко – со всех сторон!

* 78 оборотов в минуту – скорость вращения первых грампластинок при воспроизведении записи.

...Спой про «синий платочек»* солдату,
Прощайся с ним, патефон...

ЧУХИН СЕРГЕЙ / 1945–1985

Она давно живёт одна.
Помолится неслышно Богу –
И смотрит, смотрит из окна
На онемелую дорогу.
Надеялась – не дождалась.
Пережила какие грозы!
...Четыре года кровь лилась,
И тридцать лет, как льются слёзы.

Горька у старика судьбина.
А всё проклятая война!
Дала медали, ордена,
Но отняла жену и сына
И навсегда лишила сна.
Выходит ночью на крылечко,
Потом достанет самосад,
И долго дымные колечки
Седыми нимбами стоят.

Д.А. Ускову

Посреди семейства и родни
Голову-то низко не клони,
Дорогой мой Дмитрий Алексеич!
Посмотри-ка, гости все уселись,
Так давай, гармошку растяни,
Да spoём про яблони и груши**,
Про бойцов, шагавших под огнём.
Распотешим песней наши души
И ещё по маленькой нальём.
Посмотри-ка на красавиц дочек,

* «Синий платочек» – песня 1940 г. Музыка Ю.Я. (Ежи) Петербургского, слова Я.М. Гольденберга (Галицкого).

** Речь о популярной советской песне «Катюша» 1938 г. Музыка М.И. Блантера, слова М.В. Исаковского.

Посмотри-ка на своих парней!
Что же ты ещё от жизни хочешь?
А ведь ты немало видел в ней:
Потянул и ляжку фронтovou,
И ломил в колхозе столь годков...
Вот за что тебя я поцелую,
Я, кто не целует мужиков!
Ничего, что я тебе не ровня
И велик в годах у нас провал.
Я тебя не знал ещё, не помнил,
Но что есть такие люди – ЗНАЛ.

Позабыл и дом родной, и детство,
Но ржаные помню калачи
И само торжественное действие
Около растопленной печи.
Это мне потом известно стало,
Как меняла старенький сатин
Мать моя на дрожжи и на сало
В дни международных годовщин.
Позабыл заветные полянки,
Лопухов размашистую тень,
Позабыл и рыжие поганки
На дощатых крышах деревень.
Это мне потом известно стало
Про послевоенную беду,
Что в деревне хлеба не хватало,
Что в деревне ели лебеду.
Что ночами плакала украдкой
Мать моя – узнал через года.
Мне тогда спалось ночами сладко,
А теперь не спится иногда.

ЧУХНО ОЛЕГ / 1937–2009

РИСУНОК

Дождь со щебнем играет в классы.
Воробьи воруют макуху.
Я черчу отчаянно красным
43-го чёрный угол.
Я рисую красные танки.

Перед ними – красные взрывы,
Убегают фашисты в панике
Червяками чёрными криво.
А за окнами тлеют развалины.
Мама кашляет на кровати.
Истекает, тоскою ранена,
Самодельная плошка на вате.
Накрест – рамы. И накрест – раны.
Как победа – любовь и смерть.
Я рисую зло и упрямо
Угол дома, которого нет.

Я спрыгну с подножки звезды
На серую глыбу асфальта,
К змеиной губе пригвоздив
Дымок сигареты летальный...

Родные, встречайте меня!..
Две тени военной зарницы
Я в сердце – сжимаю, обняв
Прозрачные светлые лица.

Сумятица слипшихся слов.
Вопросы. Вопросы. Ответы.
На месте отцовских часов
Забилось горячее лето.

Бурьян переплёлся с огнём.
Дыра как орудие. Грохот...
С родными. Под землю. Идём.
Целую. Целую. С Богом!

Я поднимаюсь на свет.
Мальчишка. Совсем как я.
Даю ему вместо конфеты
Крест звёздного острия.

1968

ЧУХОНЦЕВ ОЛЕГ / 1938

ПОСЛЕВОЕННАЯ БАЛЛАДА

– Привезли листовое железо.
– Кто привёз? – Да какой-то мужик.
– Кто такой? – А спроси живореза.
– Сколько хочет? – Да бабу на штык.
– И хорош? – Хром на оба протеза.
А язык – пулемёт. Фронтовик.
– Да пошёл!..

– Привезли рубероид.
Изразцы привезли и горбыль.
– А не много? – Да щели прикроет.
Ты вдова, говорит, я бобыль. –
А глазищами так и буровит.
– Ну-ка, дьявол, держись за костыль,
а не то...

– Привезли черепицу.
– Убирайся! – Задаром отдам.
Разреши, говорит, притулиться
инвалиду ко вдовым ногам.
Я не евнух, и ты не девица,
ан поладим с грехом пополам.

.....
Дом стоит. Черепица на крыше.
В доме печь: изразец к изразцу.
Кот на ходиках: слушайте, мыши.
Сел малыш на колени к отцу.
А дымок над трубою всё выше,
выше, выше – и сказка к концу.

Ах, не ты ли – какими судьбами –
счастье русское? Как бы не так!
Сапоги оторвало с ногами.
Одиночество свищет в кулак.
И тоска моя рыщет ночами,
как собака, и воеет во мрак.

ЧУШКОВ ВЛАДИМИР / 1940–1971

ОБЕЛИСКИ

В каждом городе, в посёлке и в селе
Каждым именем священи и велики
Обелиски, обелиски по земле,
Словно боль, окаменевшая на вскрике.

Я за прошлое не чувствую вины.
Но склоняюсь у подножий виновато.
Им, в бессмертие ушедшим из войны,
Ни молитв моих, ни клятв моих не надо.

Омывают их зелёные ветра.
Осыпают голубые звездопады.
Звездопады, звездопады до утра,
Как за подвиг невручѐнные награды.

В каждом городе, в посёлке и в селе
Каждым именем священи и велики
Обелиски, обелиски по земле,
Словно боль, окаменевшая на вскрике.

ПАМЯТЬ

Давно запаханы траншеи...
Земля цветѐт и хорошеет,
И жаждой будущих свершений
Полны мальчишеские сны.
Былого горя нет в помине,
Нет в хлебе привкуса полыни,
Но в каждом доме и поныне
Ждут не вернувшихся с войны...

ШАБАНОВ ВАСИЛИЙ /1938–1975

ДОНОРЫ

*Женщины-доноры московского
комбината «Трёхгорная мануфактура»
сдали за годы войны 1600 литров крови*

1.
О, женщины «Трёхгорки»,
Бессильна слов листва,
Закаменели в горле
Нежнейшие слова.
Я знаю, как он лечит,
Целительный бальзам.
А цифра жжёт и хлещет,
Как ветер по глазам.
У смерти
В длинных списках
Не заняты места.
У крови материнской
Особенный состав.

2.
...И дочери внимали
Тревогам матерей
И в очередь вставали
У донорских дверей.
В Москве и в Приднепровье,
У Волги, у Двины
Двойной платили кровью
За каждый шаг войны.
Но пополнялись списки
Шагавших на рейхстаг.
У крови материнской
Особенный состав.

3.
О те, кто воевали,
Кто выжил кровью их,
Вы их нашли, узнали,
Спасительниц своих?
Наташ, Галин, Агафий,
Без званий и наград,

Что с давних фотографий
Бесхитростно глядят.
О люди душ кристальных,
Не ваша ль доброта
Из ампул госпитальных
По венам разлита?
В Якутске, в Риге, в Горьком,
На Шилке* и на Цне**.
Ты бьёшься, кровь «Трёхгорки»,
По всей моей стране,
Сердцам навеки близкой,
Необходимой став.
У крови материнской
Особенный состав.

Этих слёз не вытрешь насухо,
Эту боль не соскresti.
И выходят бабы к насыпи,
Руки горькие скрестив.
Шали чёрные.
Страданием
Брови круто сведены.
Обелиски Ожидания
Не вернувшихся с войны.
Сапоги пристынут к гравию,
Стынет в доме тишина.
Перепутала все графики
Чёрный стрелочник – война.
Как немой печали наросты,
Вы стоите в холода.
И девчонки дуют на руки,
Провожая поезда...

Нынче мало дедов на селе,
В нашем детстве
Дедов было больше.
Спят они
Солдатским сном в земле
Где-нибудь в Германии
Иль в Польше.

* Шилка – река в Забайкальском крае, левая составляющая Амура.

** Цна – река в Тамбовской и Рязанской обл., левый приток Мокши (бассейн Волги).

Им звенят спасённые хлеба,
Солнцем мая
До краёв прогреты...
А в России каждая изба
Бережёт солдатские портреты.

ШАЛЬНЕВ БОРИС / 1936–2019

СНЫ

Памяти отца

Растеряли сверчки в потаённых углах
Вековые свои неизменные ритмы...
И во сне я в отцовских бегу сапогах,
И опять я в кругу нескончаемой битвы.

Этот ранний рассвет снова в сизом дыму,
Опясано взрывами алое поле.
Неужели не мне, неужели ему
Умереть от сквозной обжигающей боли?

Мой отец! Мы не виделись тысячу лет.
Я не мальчик уже. Мы теперь одногодки.
Не серчай, я принёс тебе поздний привет,
«Беломором» тебя угощу – не махоркой.

Покури. Так давно мне хотелось с тобой
Разрешить по-мужски непростые вопросы...
«Через десять минут начинается бой...
Больно слабые куришь, сынок, папиросы...»

Я встаю во весь рост – и шагаю вперёд,
Задыхаясь от едкого жгучего дыма.
Только чувствую: пуля меня не берёт,
Только вижу: снаряды проносятся мимо.

Я удачи такой не прощаю себе,
Прямо сердцем чужой пулёмёт закрываю...
...Просыпаюсь в отцовской просторной избе.
В сердце – рана сквозная...

ШАМШУРИН ВАЛЕРИЙ / 1939

ДЕТИ ВОЙНЫ

Смех и ласку знали мы,
Только помнится поныне:
Паровозные дымы
Стлались рвано по равнине.

Пушки били вдалеке
И пылало пол-России.
На восток в товарняке
От войны нас увозили.

Набивался в щели снег,
В щели свет сочился робкий.
Двое суток хлеба нет,
Двое суток нет похлёбки.

Не до сказок, не до сна.
Лютовала стужа очень,
Хоть буржуйка докрасна
Раскалялась среди ночи.

И до самого утра –
Скрежет дерева и стали.
И гремели буфера,
И колёса грохотали.

Всё угрюмей, всё острей
Нам высвечивало пламя
Лица наших матерей,
Обожжённые слезами.

Словно призраки, бледны,
Мы крепились – не кричали,
Дети страшной той войны,
Дети гнева и печали.

Музыка Л. Сивухина

ШАНБАТУЕВ МИХАИЛ / 1938

ЗЕРНО ДОБРА

Храни, судьба моя, храни
Родную праведную пашню,
Где я живу,
Приняв от павших
Зерно добра
В огне войны.
Тепло крестьянских рук
С зерном
Передаю я нынче пашне
И горький опыт
Дней вчерашних
Во имя будущих времён.
Земля моя, не поскупись,
Ты слышишь
Мой негромкий голос?
Наполни верой
Каждый колос,
Чтобы тревоги улеглись.

БРАТСТВО

Под небом холодным и грустным,
Деля и нужду, и успех,
Служили татарин и русский,
Эстонец, калмык и узбек.

И русый, и рыжий, и чёрный,
У самой полярной волны
Мы были, как в колосе зёрна,
Во всём безупречно равны.

Нас стужа одна обжигала,
Вела нас надежда одна,
Одна за спиною лежала
Согретая братством страна.

ШАНИН ЕВГЕНИЙ / 1933–2014

ПРОСТИ МЕНЯ, МОЙ ДЕТСКИЙ ДОМ

Прости меня, мой детский дом, –
Приют в ту горькую годину...
Я обещал писать потом,
Коль в круговерти лет не сгину.

Ты приласкал нас и согрел,
Ты проявлял о нас заботу,
По силам подбирал работу...
А я всегда домой хотел.

И разве в том ты виноват,
Что полем шла война до неба,
Мне вспоминался запах хлеба,
И на войне был старший брат.

И безысходною тоской
Спустились ночи на подушку,
И снились детские игрушки,
И сенокос, и водопой...

Я оживал только во сне –
Картины дома проносились,
Друзья, родные ночью снились,
А утром было больно мне.

Мне снился довоенный дом,
Скрипенье половиц и печка,
И луг, и лес, и наша речка,
И молотилка за гумном.

Не оставались мы без дел –
То дворники, то дровосеки,
То чтение вслух в библиотеке...
А я всегда домой хотел.

Так больно память теревить,
Но ты мне призраком являлся,
Я должен был тебя любить,
А я забыть тебя старался.

Судьба счастливой не казалась,
И будущее – как во сне,
И жизни линия ломалась,
Углами раня сердце мне.

Я в жизни не ловил удачу –
Мне всё казалось по плечу...
Но по ночам я часто плачу –
Я и сейчас домой хочу.

Ноябрь 1985 г.

СОЛОВЬЁВА ПЕРЕПРАВА

Соната. Фрагмент

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Бой от станции Свищёво
Был невдалеке.
Слух прошёл такой: ещё, мол,
Можно налегке
К Соловьёвой переправе
Быстро добежать.
Там убитых в адской лаве
Всех не сосчитать.
Как легли, мол, так остались
В мерзлоте лежать,
От фашистской чёрной стали
Не успев сбежать.
Сапоги, шинели, шапки
Можно с мёртвых снять...
Бог простит: бери в охапку –
Что ж им пропадать.
А у матери нет силы,
Чтоб детей одеть...
И соседку попросила
Избу доглядеть.
И всю ночь, и на рассвете
Не сомкнула глаз,
Пока спали её дети,
Быстро собралась.
Взяв мешок, угнула плечи –
Зашагала в мать:
Хоть идти и недалече,
Но как страшен путь!

Открываться тяжело векам –
Не сойти б с ума –
Тыщи холмиков под снегом
Погребла зима...
«Перед Господом, конечно,
Невиновна я.
Вас весною всех навечно
Приберёт земля.
Этот вот, – к нему нагнулась, –
Будет мой как раз...»
Снег с лица лишь не смахнула,
Чтоб не видеть глаз.
Малых деток, боже правый,
Как обуть-одеть...
И скорее с переправы,
Чтобы не глядеть...
Ночью снилось: ветер гонит
Снежную струю,
Сын Алёша в стыни стонет,
Кличет мать свою:
«Мама, мамочка родная,
Вот уж целый день
Я, раздетый, замерзаю,
Ты приди, одень.
Горячо мне очень было
В адском том бою...
И зачем ты остудила
Так судьбу мою?
Мёрзнут ноги, мёрзнут уши
В ледяном огне...
Кто теперь согреет душу
И ладошки мне?
Люди письма ждут, приветы,
Хоть и пройден путь,
Я же тут, тобой раздетый,
Не могу уснуть».
Подхватилась. Тишь глухая
И ночная мгла,
Лампу, тягостно вздыхая,
На столе зажгла.
Свято в угол поклонилась –
«Упаси, Христос», –
Впопыхах перекрестилась,
Не сдержала слёз.

На полати посмотрела –
Дети ещё спят,
Фуфайчоночку надела,
Вышла – и от хат
В поле по снегам горбатым
Санки повезла,
Там раздетого солдата
Сразу же нашла.
Снег с лица его смахнула –
«Ох, сыночек мой...»
Труп на саночки втянула...
«Ну, пошли домой».
Сына в санки уложила,
В них пурга впряглась...
И пока пурга кружила,
Зорька занялась.
На сугробах-бугорочках
Саночки скрипят.
Полозочки – два следочка –
Путь из ада в ад...
Уложила и обмыла,
Свечечку зажгла
И весь день и ночь от сына
Глаз не отвела.
И кому какое дело,
Где был рай, где ад...
Сапоги, шинель надела,
Словно на парад.
И рогожкой прикрыла
Горького его...
Дети ждут, не понимая
Ровно ничего.
И на кладбище от дома
Сына повезла...
Снег царапала солома –
В сторону сползла.
«Ты в земле своей родимой,
Ты в родном краю,
Спи, сыночек, спи любимый,
Баюшки-баю».
Только сын её не знает
Нынче ничего...
Над могилой тень витает
Матери его...

Дети в горнице притихли,
За окном мороз,
И глаза у них распухли
От горячих слёз.

Конец октября 1991 г.

ШАНТГАЙ ЕКАТЕРИНА / 1936

ВETERАН

Он из стакана воду пил.
Не потому, что не любил
Весенних струй игру живую.
Не потому, что страсть земную
Высоким разумом смирил.
Не потому, что птичья песнь
Его не трогала нимало.
Не потому, что не хватало
Желанья или было лень
Дойти до мшистых берегов,
Склониться, опустить ладони,
И зачерпнуть воды бездонной,
И пить, и пить... Он был готов
Остаток дней отдать за это.
Он вспоминал: в тот день пекло
И жарко разгоралось лето,
Пылало русское село.
Он полз к ручью сквозь дымный смрад –
За метром метр по дну оврага.
Овраг простреливался с фланга,
И враг стрелял не наугад.
Стонал комбат сквозь гром и вой.
Невероятно изувечен,
Он тихо бредил Чёрной речкой*,
Её светящейся водой.
За нею надо доползти,
Обратно двигаться с опаской,
Чтоб воду не пролить из каски,

* Чёрная речка – распространённое название многих небольших рек на Карельском перешейке, а также вообще распространённый гидроним на северо-западе России. Название характеризует свойства грунта и воды: чёрные речки берут своё начало, как правило, из торфяных болот.

Во что б ни стало – донести.
Вот берег, и не видно дна,
И сразу гул, глухой и грозный,
И кто-то звонко крикнул: «Воздух!» –
И взрыв, и тьма, и тишина...
И в этой тихой темноте
За годом год и раз за разом
Он повторяет, что обязан
Прийти к намеченной черте.
А вдоль оврага пушки бьют,
От пороха чернеют лица,
И влага светлая струится,
И он опять ползёт к ручью.
Ползёт по выжженной траве,
Ползёт упрямо, молчаливо –
И, как тогда, грохочут взрывы
В седой усталой голове...

ШАПОВАЛОВ МИХАИЛ / 1942

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Какой-то хищник, «тигр» или «пантера»,
От времени проржа́вевший насквозь,
Откроется вдруг взгляду, как химера
Былой войны...

Лежит зловещий гость,
Ствол уронив в бурьян пожухло-серый,
Без гусениц, без башни...

Довелось
И мне рассматривать его останки,
Представить позабытый этот бой,
Где бьют в упор из ПТР по танкам,
Где танки бьют, смешав людей с землёй...
Потом пройти польнюю к обелиску
Под солнцем юга, выцветшим, степным,
Читать подряд фамилии по списку
И задыхаться жаром вековым.

ПЛЕННЫЙ

Когда он играл на гармошке губной,
Взор угасший как будто в себя обратив,
Понимал или нет – ведь немецкий мотив
Пахнет только что кончившейся войной?

Но лилась над дворами «Лили Марлен»*,
Надувалась натужно худая щека...
А в понурой фигуре сквозила тоска,
Невесёлая штука – трёхлетний плен.

Побеждённый, голодный,
 быть может, больной,
Он пришёл к нам из лагеря под выходной.
И никто выступления его не пресек.
Подавали в пилотку ему кто что мог:
То картофель варёный, то хлеба кусок...
Был не враг этот страждущий человек.

ШАПОШНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ / 1935–2012

ОБЕЛИСК

Была деревня. Нет деревни.
Нет ни кола и ни двора...
Здесь только старые деревья
Встречают нынче вечера...
Крестьянский быт ушёл отсюда
По плану укрупнения сёл.
Все ближние деревни в груды
Как будто вихрь могучий смёл.
И здесь осталось только эхо
Былых надежд, тревог, бесед,
Страданий, песен, плясок, смеха.
Остался свет. Разящий свет...
Вечерний грач в полёте низко
Свет этот резкий отразит.
Гранёный столбик обелиска
Свечой забытою горит...
Горит над гривами полыни,
Над островками лебеды,

* Немечкая песня, ставшая популярной во время Второй мировой войны как у солдат вермахта, так и у солдат антигитлеровской коалиции; переведена на 48 языков.

Хотя всё гуще вечер синий
Вокруг сварной его звезды,
Вокруг его горящих граней,
Его фамилий и имён.

Лишь звёздочки какой-то ранней
Ответный свет над ним зажжён...

ШАРАБАРИН ДМИТРИЙ / 1937

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

У конторы ходили кони.
Майский ветер в тайге бродил.
Председатель на подоконник
Ящик – радио – взгромоздил.

Здесь, где время идёт не скоро,
До столицы, как до луны,
Левитана победный голос
Возвещал о конце войны.

В небе коршун тревожно реял.
Позабывшая про дела,
Вестью поднятая деревня
Ковыляла,
 бежала,
 шла...

У конторы скопились.

Тише!

Голос плыл над шатрами крон,
Над людьми, над конторской крышей –
Сквозь пространство и крик ворон...

Как на бурных волнах качаясь,
Под весенний напев тайги,
То слабея, то вновь крепчая,
Широко расплескался гимн!

Шелестя над конторской крышей,
Пламенел на ветру кумач.

И разговаривала мама
С ней нежно-нежно, нараспев.

Костёр чадил. Заря горела.
Дымок стелился по траве.
А Зорька на меня смотрела,
Вздыхая, словно человек.

Она как будто понимала
Всё, что творится на земле...
Живёт во мне, не унимаясь,
Боль-память тех военных лет.

Я выжил в хмурой жизни горькой,
Где долго таяли снега.
От голода спасала Зорька
Да вечно хмурая тайга.

Когда орудия устанут
И вся земля вздохнёт легко,
Пусть стратегическая Ставка
Учтёт парное молоко.

Как за победы в рукопашных –
За жизни! – в страшные года,
Я, не жалея, Зорьке б нашей
Отечественный орден дал!

Посмертно. Без вести пропавшей, –
Когда черёмуха цвела
И дымный пар стоял над пашней,
Со стадом Зорька не пришла.

Взгляну в простор: у горизонта –
Тем временам не устареть! –
Всё ищет,

ищет

дом наш Зорька

В тайге вечерней
на заре.

ШАФЕРАН ИГОРЬ / 1932–1994

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...*

Ещё до встречи вышла нам разлука,
И всё же о тебе я вижу сны.
Ну разве мы прожили б друг без друга,
Мой милый, если б не было войны!

Наверно, я до срока стала старой,
Да только в этом нет твоей вины.
Какой бы мы красивой были парой,
Мой милый, если б не было войны!

И снова ты протягиваешь руки,
Зовёшь из невозвратной стороны.
Уже ходили б в школу наши внуки,
Мой милый, если б не было войны!

Никто калитку стуком не тревожит,
И гложу я от этой тишины.
Ты б старше был, а я была б моложе,
Мой милый, если б не было войны!

ШЕВЕЛЁВ АЛЕКСАНДР / 1934–1993

ЭВАКУАЦИЯ

1.
В глазах – обоз,
в ушах – обоз.
И плач как скрип.
И скрип как плач.
И,
как фотограф,
старый грач
стоял один
среди берёз.
И
ничего не понимал,
как будто фокуса смещение.

* Слова к песне на музыку М.А. Минкова из к/ф «Приказ: огонь не открывать» (1981).

Он терпеливо выжидал,
чтоб было мягким освещенье.
Хотел отснять
обоз,
людей
на фоне красного заката,
чтоб снимки этих долгих дней
оставить
в памяти солдата.

2.
Шёл дождь всю ночь,
холодный,
проливной.
И лошади, и дети
сбились вместе,
напуганные криками,
войной
и темнотой
чужих предместий.
Мы ждали утра,
чтобы раздобыть
еду
и место,
где бы было сухо...
Но никогда мне, видно,
не забыть
глядящую сквозь дождь
старуху.
Она вселяла веру
и покой,
преодолев
и горе,
и тревогу,
придерживая узкою рукой,
как ленту,
чёрную дорогу.

1943 ГОД

Солдат увозят поезда,
и многих – навсегда...
Идут двухосные вагоны
в сырую даль по сентябрю.
Я на солдат

смотрю с перрона,
а ночью –
сны про них смотрю.
И ничего не понимаю:
проснусь в тревожной тишине
и в страхе
маму обнимаю,
и вижу зарево
в окне...

СТИХИ О САПЁРНОЙ ЛОПАТЕ

Как оспой,
ржавчиной изрыта,
лежит сапёрная лопата,
навьлет пулею пробита,
быть может,
спасшая солдата
в бою под Ельней,
иль Смоленском,
или –
под Вязьмою в бою...
Её в утиле
деревенском
я отыскал в родном краю.
На рукоятке имя
«Коля»,
волнуясь, смог я различить,
кусочек глины
с поля боя
или с могилы,
может быть...

СЕРЕДИНА ЛЕТА

1.
Снова липа
торжественно, чисто
на забытой усадьбе
цветёт,
и труба
молодого горниста
в школьном лагере
звонко поёт.
Не для нас этот
праздник крылатый,

пионерского марша
полёт...

Вспоминаем с тобой
сорок пятый –
возмужания нашего год.

2.
Самолёт серебристый
пролетит вдалеке,
заглушая горниста,
отражаясь в реке,
над вершинами леса,
где колеблется свет,
паутиною лета
долго тянется след.

БАЛЛАДА О ЛОШАДЯХ

Я знаю: лошади умны,
те, что трудились в поле,
пусть неуклюжи, нестройны
иной не знали доли,
как от темна и до темна
пахать, работать без обеда...
А где-то впереди война,
И далека ещё победа.
Они косы, и вдоль спины
на спинах их виднелись шрамы;
но были лошади умны,
нам зарабатывая граммы
не первосортного зерна,
а так, мякину и отходы...
А где-то шла ещё война
И были дальними походы.
Я вспоминаю и сейчас
Их, невесёлых, некрасивых,
Их доброту печальных глаз
И седину в их потных гривах.

ШЕВЧЕНКО ГАЛИНА / 1939

ДЕД АКИМ

Рвались фашисты к Волге, к Сталинграду,
повсюду сея ужасы войны.
И гнали на восток коровье стадо
колхозные подростки. Пацаны!..

Был дед Аким у них за командира.
Мальчишки не перечили ни в чём.
Дед грозным был скорее для блезирю,
ночами согревались первачом.

Сияло солнышко напропалую,
и жаворонок весело звенел...
Нежданно – гул! И дед, налёт почуяв,
«Ложись!» – срывая голос, прохрипел.

На бреющем фашисты проносились.
Дед сам сгонял в укрытие коров.
Мальчишки в пыль дорожную зарылись,
не поднимая от земли голов.

Над ними жутко выли самолёты,
Кромсая землю вихрями свинца.
Смерть изрыгали вражьи пулемёты,
и нет, казалось, этому конца.

Всё стихло, пацаны засуетились –
их дед Аким лежал не шевелясь,
глаза его бесцветные закрылись,
и струйка крови по лицу лилась...

Долбили грунт, заглатывая слёзы,
осознавая дедушкину смерть, –
героями становятся без позы,
а памятник герою – просто жердь.

ШЕВЧЕНКО МИХАИЛ / 1929–2010

Я в детстве был обманут ясным небом...
Не позабуду солнечного дня,
Когда неожиданно, с завыванием свирепым,
Оно обрушило фугаски на меня...

Война давно прошла.
Но часто в день погожий,
Как много-много лет тому назад,
Внезапно сыпанёт мороз по коже –
Почудится, что «юнкеры» гудят...

1942 ГОД

Ты говоришь – ровесники мы.
Ты прав. Но, понимаешь,
Мне часто снятся бомбёжек дымы,
Ты их, к счастью, не знаешь.
Тебя я этим не упрекну.
Просто скажу мимоходом:
– Я старше тебя на седину
Сорок второго года.

СТРЕЛОЧНИЦА

Вечером она придёт с работы,
Стрелочница нашего депо.
В сенцах у порога снимет боты,
Чтоб мазутом не запачкать пол.
Сядет у плиты. Зажжёт поленья.
Борщ и чай поставит на огонь.
И, облокотившись на колени,
Голову положит на ладонь.
И в спине заговорит усталость,
Стрелочница глубоко вздохнёт.
Сорок пять... Не за горами старость.
Может быть, в кино... Но не пойдёт.
Чай попьёт. Приляжет на диване.
И уснёт тяжёлым сном одна.

Ночь. Рассвет далёк...
Её Ивана
Тыщу лет назад взяла война.

ШЕВЧЕНКО ОЛЕГ / 1939–2007

ПЕТРИЩЕВО

Найду?

Дождусь ли –

Слова Наивысшего,

Чтоб звуки плоть и душу обрели?

Как выскажу тебя,

село Петрищево,

Слеза святая на лице моей земли?

Я шёл к тебе.

Я шёл все тридцать лет.

И вот – пришёл,

А девочки той – нет.

Зачем печальным ветром занесло

Меня к тебе, печальное село,

Зачем как бы в предчувствии беды

Всё размывает дождь мои следы?

Зачем, по грунту мокрому скользя,

Иду туда, где дважды быть – нельзя!

Где площадь

(да, та самая!),

Где дом

(тот самый дом!)?

Ах, что же я не плачу,

Когда обычно столько слёз я трачу

Над малостным каким-то пустяком?..

Дом перекрашен в странный жёлтый цвет,

И в доме женщина живёт безбедно

(Мне говорили, что она бездетна,

А впрочем, правда это или нет,

Я у неё не спрашивал). Мы с ней

Стояли у скрипучего колодца,

И с медленных разлапистых ветвей

Сползала в воду ржавая короста.

Я той воды не знаю солоней

И той слезы невыплаканной горше.

Мне никогда не быть уже моложе,

А девочке – вовек не быть взрослей.

Все тридцать лет она идёт по снегу,

И, склонившись к нему на грудь головой,
Всё шептала жена: «Хорошо, что живой...
Хорошо, что пришёл, вот и снова вдвоём.
Мы, Петруша, с тобой как-нибудь проживём!..»

Возвратился солдат, возвратился с войны,
Он пришёл без ноги, зато руки целы.

ШЕСТАЛОВ ЮВАН / 1937–2011

САЛЮТ НАД НЕВОЙ

Лишь светлый вечер синевою
Коснётся улиц на ходу –
Я, как мальчишка, над Невой
Салюта праздничного жду.

И он встаёт в полнеба снова
Раскатом грома надо мной –
То золотистый, то багровый
В огромной радуге цветной.

Как будто в огненное чудо
Вдруг превратились все цветы
Моей родной весенней тундры –
И расплескались с высоты.

Огни налево и направо –
Как будто празднично-светло
Над городом великой славы
Сиянье Севера возшло.

Цветёт торжественно и броско
Над всей ликующей Невой,
Над Стрелкой василеостровской
И над «Авророю» родной.

Встаёт над вечными огнями,
Над Петропавловкой седой –
И, рассыпаясь лепестками,
Соединяется с водой.

Салют, как солнечная птица
В высоком звёздном вираже,
В глазах восторженно искрится
И отражается в душе.

И кто-нибудь сумеет разве
Когда-нибудь остановить
На улице советской праздник,
И жажду вечную – творить!

И как за подвиги награда
Нам после вахты трудовой
Гремит салют над Ленинградом,
Гремит над гулкою Невой!

И вижу я сквозь расстоянья
Средь светлых праздничных шагов
Моё ямальское сиянье
Над белой памятью снегов!

Перевод А. Аквилёва

ШЕСТИНСКИЙ ОЛЕГ / 1929–2009

ДРУЗЬЯМ, ПАВШИМ НА ЛАДОГЕ

Я плыву на рыбацком челне,
Холодна вода, зелена...
вы давно лежите на дне,
отзовитесь, хлопцы, со дна!
Борька Цыган и Васька Пятак,
огольцы, забияки, братцы,
я – Шести́на из дома семнадцать, –
вы меня прозывали так.
В том жестоком дальнем году,
чтоб не лечь на блокадном погосте,
Уезжали вы – кожа да кости –
и попали под бомбу на льду.
Неприглядна в путину вода,
не проснуться погодкам милым,
Их заносит озёрным илом,

На года,
на века,
навсегда...

1958

Мы в мир огня вошли со всеми,
тех дней до смерти не забыть,
нас, мальчиков, учило время
лишь ненавидеть и любить.

Потом порос цветами бруствер,
сраженья канули во тьму,
и вот тогда иные чувства
открылись сердцу моему.

Но до сих пор при каждой вспышке
отваги, гнева, прямоты
я снова становлюсь мальчишкой,
тем, что не прятался в кусты,

что жизнь, наверно, узко видел,
не думая, сплеча рубил,
и лишь фашистов ненавидел,
и только Родину любил.

1984

Я песни пел,
Осколки собирая,
В орлянку меж тревогами играл.
А если неожиданный налёт,
А если в расписание мой черёд,
То, с кона взяв поставленный пятак,
Я шёл с противогазом на чердак.
А было мне всего тринадцать лет,
Я даже не дружинник,
Просто – шкет,
Но «зажигалку» я щипцами мог

Схватить за хвост
И окунуть в песок.

1954

ВОСПОМИНАНИЕ О БЛОКАДЕ

Когда блокадный город вымер
И выжег этажи пожар,
Одна лишь церковь князь Владимир
Звала последних прихожан.
И бабушка сквозь колокольный,
Как бы заиндевелый глас
Брела под купол сердобольный,
Молилась обо всех о нас:
О дядях, бравых офицерах,
О младшей дочери – враче,
О внуках, с голодухи серых,
О пище грезящих вотще.
И в замороженном притворе
Внимал, чтоб беды обороть,
Ей, не ханже и не притворе,
А мученице, сам Господь.
Я верю этой страстной были,
Дошедшей из блокадной тьмы, –
Ведь офицеры победили,
И чудом сохранились мы!
И нынче жизнь под чёрным крепом,
Но никого нет из родни,
Кто мог бы так общаться с небом,
Как бабушка в святые дни...

1996

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Мальчишкой с умом откровенным,
Забывшим про голод и страх,
Я встретился с военнопленным
На Кировских островах*.

Сновал он у груды кирпичной,
Нисколько не схожий с врагом,

* Острова (также с 1934 г. Кировские острова) – исторический район Санкт-Петербурга, группа из трёх островов (Крестовского, Елагина и Каменного, в советское время носившего название острова Трудящихся), находящихся на севере Невской дельты и омывающихся Финским заливом и рукавами Невы – Большой и Малой Невками.

И ловко рукою привычной
Орудовал мастерком.

Ледящий он был, не ядрёный,
С подсиненной кожей скул, –
И завтрак я свой немудрёный
Зачем-то ему протянул.

Молчал ошарашенный немец,
Прилип к его нёбу язык.
И, гневно взглянув: «Отщепенец», –
Мне бросил прохожий старик.

А может быть, я в самом деле
Какую-то чушь сотворил, –
Не этот ли парень в апреле
Снарядом автобус накрыл?

О каменщике в кителе драном,
Дробившем дома и мосты,
И мысли неслись ураганом,
И были раздумья чисты.

Я дал ему хлеб и не отнял,
Не как лопухий телок,
А словно бы ношу я поднял –
Ту, что не поднять я не мог.

О пленном являя заботу,
Словами не бью, не кляню
И этим по высшему счёту
Его подтверждаю вину.

Услышит ли он, не услышит,
Поймёт ли моё торжество, –
Я был беспощадней, был выше
И был человечней его.

1977

Я жизнь свою помню с огня и печали,
Со звона декабрьской земли,

Когда динамитом кладбище взрывали,
Чтоб мёртвые в землю легли.

Что было,
То было,
Что было
Не сплыло
Из памяти цепкой моей –
Я жизнь свою помню с блокадного тыла,
С морозного скрипа саней.

Мои деревянные старые сани
Далёкой осадной зимы,
Скрипели вы горестно в утренней рани
Среди городской полутьмы.

В них воду возили в кастрюлях жестяных
С проруби рек ледяных,
И мёртвых дружков в простынях полотняных
От морга тащили на них.

Сограждане гибли в осаде.
И разве
Могу я забыть до сих пор,
Как светлые души ровесников гасли
Их юности наперекор?

Я тоже блокадник,
Я тоже оттуда,
Где холод, где голод, где стон...
И жизнь для меня – это вечное чудо,
И я в это чудо влюблён.

ШИКИНА ЛЮДМИЛА / 1932

БАЛЛАДА О ДОМЕ

А дом стоял на берегу
Не речки – луга заливного,
Дубы могучею основой
Его держали
И земля.

Земля,
Пробитая ростками
Травы, цветов, струной дождя
И легкокрылостью снежинки.
Озвученная пеньем птиц,
Громами, жившими над ней
И умиравшими в ней часто,
Литыми пулями
И стрелами,
Направленными в тех,
Кто шёл
Поля возделывать
И строить
Прообраз будущего дома.

О, сколько было этих пуль
И стрел...
Верни земля им силу,
Они б её заполонили.

А дом
Стоял
На той земле,
В которой
Прах отцов и дедов.

Мир праху,
Дому мир и небу!
Земле,
Основе тех дубов,
Что были выбраны за крепость.

А дом
Стоял на берегу
Не речки – луга заливного.
И адрес дома был –
Земля.

Как горько расставаться
С домом,
С селом и с улицей,
И с полем –
Мы знаем.

Слышали из уст,
Читали в письменах
И письмах...
Но как расстаться
С домом
Тем,
Кому он был
Землёй и небом?

Гадали, думали в семье,
Как проводить
Солдата в битву,
В края далёкие страны,
Ему не знамые отроду.

Жена сказала:
«Ты возьми
С собой
Зелёный подорожник,
Он пригодится на войне
И к ране приложить,
И к сердцу –
Когда по дому затоскуешь».

Дочь попросила
Взять перо,
Потерянное белой птицей
В то лето на лугу зелёном.
«Оно как снег,
Как чистый цвет
Черёмухи за нашим домом.
Когда тебе невмоготу
Идти в дыму,
В пожарах будет,
Ты вспомни,
Что лежит перо
В кармане левом гимнастёрки.
Ты только вспомни,
Не забудь!»

Сын попросил:
«Возьми меня,
Я пригожусь тебе на случай,
Когда ты вспомнить не успеешь

О подорожнике зелёном,
О пёрышке в кармане левом».

Мать подошла к солдату близко
И, посмотрев в его глаза,
Сказала неторопко, тихо,
Но так, что слышала жена
И дети слышали,
Сказала:
«Твой дом
Тебе во всём опора.
Иди, мой сын, и защищай
Детей своих купель и зыбку».

О, как хотелось написать
Родным солдату о земле,
Которую любил он свято!
О, как хотелось рассказать
Солдату хоть однажды в жизни
О том,
Как он любил тебя,
Земля, пробитая ростками
Травы, цветов, струной дождя
И легкокрылостью снежинки,
Но всё не находил слова...

Полмира в зареве войны,
Вскипают реки,
И дороги
В слепых воронках ищут след
Солдат,
Ушедших навсегда.

...В тот дом,
По адресу –
Земля,
Пришла бумага,
Где меж слов
«Пал смертью храбрых...»
Слово
«Жил»
Не то чтобы читалось чётко,
А проступало

Как слеза
В глазах печальных материнских.

Жил, был...
И дети будут жить,
И дом его –
Земли опора.

Мама,
Что ты гóришься,
Отведи беду.
Столько света в горнице!
Плакать на виду
Нам с тобой не велено.
Род наш знаменит
Тем, что в завещаниях
Плакать не велит.
Видишь, сохнет деревце
В зареве рябин?
Пусть ему не верится,
Что погиб твой сын.
Напои, пусть думает,
Что вернулся он.
Ты такая добрая,
Ты такая мудрая.
Знаешь:
Скройся зорюшка –
Не убудет горюшко,
Не вернётся он.

НА ИСХОДЕ ГОРЯЧЕГО ЛЕТА

Ты останешься молодым.
Поседевшие братья и сёстры
Ощутят твою молодость остро.
Будет виться над крышами дым,
Будут виться дороги к планетам,
Уходить поезда и друзья.
Твою песню состарить нельзя.
Ты останешься вечно поэтом.

У подножья Пирина* страда.
Ты идёшь по дороге к восходу,
Всё такой же красивый и гордый.
Как тогда,

как тогда,

как тогда...

Телеграф поспешил разнести
Над тобою победу, Вапцаров**.
Это мир непростительно старый
Жаждал счёты с тобою свести.
Уцелели следы на стене
Путь литых.
Обжигающих песню –
Твою смелую Красную Пресню,
Ту, что видел когда-то во сне
И в которую верил ты свято.

...И расскажут,
Расскажут потом,
Как стоял ты
С открытым лицом,
Как дрожала
Рука у солдата.
Цель на стрельбище –
Сердце поэта.
Потому и убить не сумели
Твою песню –
Её уже пели
На исходе горячего лета.

ШИЛЯЕВ АНАТОЛИЙ / 1938–1987

ПАМЯТЬ

Его друзья вернулись по домам
Или в земле лежат на веки вечные,
А он ещё шагает по холмам,
Ему ещё глотать туманы млечные.

* Пирин – горный массив, расположенный на юго-западе Болгарии.

** Н.И. Вапцаров – болгарский поэт и писатель, революционер-антифашист. 04.03.1942 был арестован, подвергся пыткам и 23.07.19 расстрелян.

Никто не скажет – жив или убит,
Ему такая участь в жизни выпала.
А женщина усталая скорбит –
Ещё не всё большое горе выпила.

На голове мерцает седина,
Но нет его, в боях полмира спасшего.
Всё ждёт солдата женщина одна,
Всё ждёт солдата,
Без вести пропавшего.

Гроза сгущается над миром.
Уже вдали грохочет гром.
И плачет женщина о милом,
Который не вернётся в дом.

А может, очень, очень скоро
И ты заплачешь обо мне.
В бою, наткнувшись на осколок,
Я упаду среди камней.

Тебе напишут: «Пал героем...»
Тебе расскажут: «Был бойцом...»
Застанешь ты в бессильном горе
С перекосившимся лицом.

Кому-то просто единица,
Кому-то просто рядовой,
Тебе я долго буду сниться,
До волоска родной и твой.

Тебе я буду всё влюблённым,
Всё буду нежно-молодым.
Но под моим любимым клёном
Развеется мечтаний дым.

И только в памяти печальной
Останусь я с тобой вдвоём,
Да фотокарточкой случайной
В альбоме стареньком твоём.

И жить ты будешь до мгновенья
Желанной встречи у дверей.

Но это будет повторенье
Судьбы отцов и матерей.

Памяти отца

Не вернуться
Без вести пропавшие,
Не увидят сыновья отцов.
Матери
С глазами позапавшими
К ним на грудь не упадут лицом.

Будут ливни,
Будут листья падать
Точно так,
Как много лет назад,
Будет вдов измученная память
Вспоминать
Далёкие глаза.

Будут сны, туманно оседая,
В глубине мерцать,
Как первый снег...
И однажды
Женщина седая
Закричит испуганно во сне.

Ей приснится:
В переплеске молний
Муж её расстрелянный лежит,
А над ним
Зловеще и безмолвно
Чертят небо чёрные стрижи...

ШИНДЯЕВ ГЕННАДИЙ / 1939–2010

ЖМЫХ

Не вези, лошадка, лихо,
Не гони повозку, кучер,
Не оставь ребят без жмыха,
Пусть возьмут из доброй кучи

Жмых подсолнуха и сои,
Пожуют заместо хлеба
Без картошки и без соли
На бегу под мирным небом...
Не шугай кнутовым взмахом –
Или маленьким ты не был,
Или жизнь сладка, как сахар,
Или ешь ты масло с хлебом?
Дай наполнить им карманы,
Пусть за пазуху наложат,
Им досыта б каши манной –
Пусть они хоть жмых погложут.
Не гони так сильно лошадь!..
Встань, недюжая лошадка!
Тпру, касатушка! Постой-ка!
Налетай, чтоб было сладко,
Голодраная прослойка!
Век живите, бесенята!
Запасайсь едою вдоволь!
Может, вам отцы приснятся –
Будут матери не вдовы...

ДЕТИ ВОЙНЫ

«Выручай, Наташа, больше некому,
Запрягай быков, вези воды,
Сколько нас в селе, и все калеки мы,
Пожалей коровьи животы...»
Воду носила из проруби вёдрами
В бочку бездонную в лютый мороз:
Жалко коровушек – видеть их мёртвыми...
Детские рученьки, глазки без слёз.

«Выручай, Алёша, стал ты большеньким,
Запрягай быков, пахать пора.
Будешь самым главным их погонщиком
До захода солнышка... с утра».
Тянет волов, понукая их голосом,
Взмахом и выстрелом из-под кнута,
С детской радостью, взрослою гордостью,
Словно сбылась его жизни мечта.

Выручали оба, время старилось,
Вспоминали с горечью войну,

А недавно одиноки стали вновь:
Схоронила мужа, он – жену.

«Наградила Родина медалями
Нас в тринадцать и пятнадцать лет.
Ведь тогда в тылу врагу не дали мы
Одержать победу из побед...»

ШИПУЛИН АНАТОЛИЙ / 1939

22 ИЮНЯ

Как латунь блестит солома.
Жгут как осы остюки*.
Вдруг далёкий отзвук грома
Тронул дрожью колоски.

А вдали под сизой тучей
Зыбью ходит, гнётся хлеб.
По стерне бежит колючей
Мать ко мне, сжимая серп.

Я реву в колосьях хлеба.
Прижимая горячо,
Прячет мать меня от неба.
Мать – девчоночка ещё.

Потемнел наш полдень синий.
Чёрных туч ползёт орда.
Всё грозней страда России –
Та суровая страда.

День её высок, огромен.
В алых молниях зенит.
Воздух, бронзовый от зёрен,
Руки мамы золотит.

А по небу, как колёса
Танков, катятся грома.
Как народ, шумят колосья,
Глядя, как густеет тьма.

* Остюк (то же, что ость) – щетинистый усик на плевеле каждого зерна колосовых растений.

ТРИ КЛАССА

Светло от ярких глаз ребят
Под сводами амбара:
Три класса перьями скрипят
На трёх скамейках старых.

А за окном не скрип телег,
Не улиц частоколы.
Золой курится острый снег
В руинах бывшей школы.

Звучит учителя рассказ
О Родине, пожарах...
Горят криницы жадных глаз
Из сумрака амбара.

Вот он в военном пиджаке,
Стараясь над строкою,
Нам пишет мелом на доске
Единственной рукою.

Буран за стенкой затрубил,
Завыл в просторах синих...
Три класса открывают мир
На трёх скамейках длинных.

Поёт, пощёлкивая, печь,
На стёклах пальмы тают.
И зёрнами родная речь
Слова в сердца роняет.

В них плеск ручья и дух полей,
Звезда полей над плугом,
В них Русь и хутор наш Лесной,
И облака над лугом.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЁЛКА

Не зелёные иголки,
Не хвои запах снеговой –
Дубок кудрявый вместо ёлки
С задорной рыжею листвой.

Он чудом выжил у окопа,
На нём шершавый крепкий лист.

Его срубил безногий Стёпа.
Наш дядя Стёпа-гармонист.

И вот – Наташи, Маши, Тони,
Визг, игры, дождик каблуков
В пробитом пулями вагоне –
В совхозном клубе тех годов.

Так много радости и смеха
Возникло вдруг вокруг него!
Каким красивым был для всех он,
Дуб – ёлка детства моего.

ШИРОКОВ ВИКТОР / 1945

ДУБОСЕКОВО, ПОЛЕ БРАННОЕ

Поэма. Отрывок

Мы – дети лет послевоенных,
а что мы знаем о войне?
В своих вопросах откровенных
мы понимаемы вполне.
Что нас влечёт, зовёт и мучит?
Понятия добра и зла
не только книжны и научны –
к нам память крови перешла.
Ту память не измерить словом,
она в полуночной тиши
приходит бдением бессонным
вести ночной допрос души.
Живём тревожно, беспокоясь
за поколение своё...
О, наша память – наша совесть,
Мы не свободны от неё!
Единственная несвобода,
что человечеству нужна!
Нам памятнее год от года
Отечественная война.
И мне, ровеснику Победы,
сегодня не заснуть опять.
Спешу по фронтовому следу
в те годы – тех людей понять...

Дубосеково. Разъезд.
Насыпь. Шпалы. Стрелки. Рельсы.
Без конца из дальних мест
здесь в Москву проходят рейсы.
Выйди. Почву тронь ногой.
Зазвенит она, как камень.
Взбудоражена войной
и овеея веками.
Вслушайся: такая тишь!
Простучит состав – и снова
на ушедшее глядишь,
видишь признаки былого.
Наклонись. Земли комок
подержи в руке. Не надо
слёз и клятв. Вдохни дымок
разорвавшихся снарядов.
Проведи рукой – и впрямь
жжёт и режет, как осколки.
Ощути сегодня сам,
сколько пуль и павших сколько!
Сколько и каких людей
надо, чтобы устояла
жизнь под натиском камней
и кипящего металла!
Как походные огни,
перекрещенные строго,
здесь сошлись слова и дни,
люди, судьбы и дороги.
Здесь, на подступах к Москве,
высшею проверкой стали
мужество людей, идей
схватка, бой сердец и стали!

Война пришла кино и книгой,
ещё была «война» – игрой.
Вот так и встретился с Великой
Отечественною войной.
Что я слышал о настоящей
от очевидцев? Мой отец
лишь нынче вспоминает чаще,
как ранило, как жёг свинец,
как пять тяжёлых операций
он перенёс, как на столе
пять раз случалось оказаться...

А всё же ходит по земле.
Молчал. Работал. Сына с дочкой
воспитывал. И сгоряча
порой выбрасывались срочно
лихие пробки пугача.
Ему на жизнь хватило шума,
устал от грома и огня
и поступил, наверно, умно,
что к чтению приучил меня.
Война опять врывалась книгой,
взрывая мозг, лишая сна.
Запоминались просто мигом
героев наших имена.
Дубинин. Кошевой. Матросов.
Панфиловцы... В пятнадцать лет
вставало множество вопросов,
и я на все искал ответ.

ШИТИКОВ АЛЕКСЕЙ / 1939–2016

РАНЫ ВОЙНЫ

Срезал ветер последние листья.
Задержу на рябине свой взгляд –
Как трагически красные кисти
На заснеженном фоне горят!
Впрочем, есть ли трагедия в этом?
Просто, видимо, память больна:
Никакого кровавого цвета
До сих пор не выносит она...
Пережили. Но сердцу легко ли? –
Исстрадалось с мальчиночьих лет:
Рядом с нашей избушкой при школе
Размещался в те дни лазарет.
Ничего, ничего не забыто,
Хоть и был я тогда мелюзгой:
Мать стирала бинты – аж корыто
Багровело от крови людской...
Как синели под кожей вены,
как сползал её чёрный платок,
как срывались в кровавую пену
Голубые слезинки со щёк,
как потом мы бинты относили

На заставленный койками двор,
Где солдаты, от ран обессилев,
Бились, бредили, звали сестёр,
Скрежетали зубами, срывали
С тел повязки, сипели: «Воды-ы-ы!»
В сердце раны утихнут едва ли,
И уже не помогут бинты...

Проводят вдоль деревни под конвоем
Фашистов, взятых нашими в полон.
Почуяв вражий дух, дворняжки с воем
Бросаются на них со всех сторон.

В шинелишках, с укутанными лбами –
Видать, февраль пробрал их до костей, –
Они ползут устало и губами
Хватают снег со скрюченных горстей.

– В расход бы всех – ни дна им, ни крышки! –
Ворчит мой дядя, волоча протез.
– Тра-та-та-та! – татакают мальчишки,
Как ружья, палки взяв наперевес.

Сбежав с крыльца, в фашистов лёд кидаю.
Кричит конвойный: «Мать, уйми мальчика!»
Но лишь одно в тот миг я понимаю:
Они убили моего отца...

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

После Победы, вести о которой
Преобразили каждого из взрослых,
Пришло и к нам, мальчишкам, торжество.

С утра свои землянки покидая,
На большаке мы стайкой собирались
И ждали возвращения отцов.

Не веря в то, что без вести пропал он,
Я ждал отца. Его я видел в каждом,
Но всё меня никто не узнавал.

И вот однажды захлебнулось сердце:
Меня солдат хромой, но сильный-сильный
В степное небо на руках поднял.

Но он меня не целовал, а только
Легко прижал к щеке своей небритой –
И понял я, что это не отец.

Я до землянок проводил соседа,
Где вдовы его скопом окружили,
И вновь заторопился к большаку.

Там с каждым днём нас оставалось меньше,
И всё же нас осталось очень много,
И до сих пор мы горько смотрим вдаль...

ШИХАНОВ МИХАИЛ / 1937–1988

В ПРАЗДНИК

В деревне чествуют Победу,
как всюду по родной стране...
Мальчишка, бить фашистов еду
Я в повторяющемся сне:
грохочет поезд под бомбёжкой,
но все снаряды – невпопад!
И вот варёною картошкой
я щедро потчую солдат.
Мне не везло – никак из дома
я убежать на фронт не мог.
Всё это сверстникам знакомо,
как дома старого порог.
В деревне чествуют Победу,
и рад буквально каждый дом.
Схожу-ка в праздник я к соседу,
поговорим о том о сём.
Он бил врага, как было надо –
себя от смерти не тая,
и видно в праздник по наградам,
что он Россию отстоял,
а с нею вместе – Забайкалье,
где мы, соседствуя, живём.
Бойцы мальцов оберегали,

стояли насмерть под огнём.
Соседа нет, сосед на поле,
он, верно, держит день в узде.
Весна в деревне своеволит,
встречает праздник в борозде.

ОСКОЛКИ

Никак война не гаснет в памяти –
окопы рыли не в полях,
окопы вырыли в сердцах,
и не бывало часа, чтоб
в душе засыпался окоп.
И вот встают ночами пахари,
смолят сигарку у крыльца...
Война ночами в избы просится,
заснёшь – она нет! нет! не спит,
ногой отстёгнутой скрипит,
то атакует снова сны
своим огнём из глубины,
то резанёт осколком по сердцу,
то старой раной заболит.
А то нежданно и негаданно
дружок приснится фронтовой,
зарытый на передовой,
зарытый в маковый июль
под свист трассирующих пуль.
И светят звёзды за оградой
Ракетным светом в час ночной.

ШКАЛИКОВ ВЛАДИМИР / 1943

ПАРАД ПОБЕДЫ

В колонну по три становись
и – шагом марш!
Кто в 21-м начал жизнь,
тот, значит, наш.
В колонну по три, на парад,
на братский пир!
И не являться без наград –
пусть видит мир!
В колонну по три – не впервой.
Равняй носки,

кто в 41-м под Москвой
ходил в штыхы.
Смотрите, праздник на дворе!
Сомкнуть ряды,
кто сталинградской в ноябре
хлебнул воды.
Кто помнит киевский котёл
и крымский ад,
кто видел, как горел Орёл, –
заполнить ряд!
Но тем не место среди нас –
покиньте строй, –
кто малодушно хоть бы раз
оставил бой,
кто, три секунды потеряв,
позднее встал,
когда уже передний ряд
косил металл...
И вот – парад. Идут войска,
примкнув штыхы.
Но что так тихо?
К ряду ряд молчат полки.
Не слышно топота сапог.
Сердца молчат.
Из каждой сотни лишь у трёх
они стучат.
Парад героев и теней...
Как смерть, страшна,
Девятым мая по стране
идёт война.
Колонна по три – от Курил
и до Балкан.
В ней все свои – по взводам, ротам
и полкам.
Мы не стареем и не мрём.
Наш строй – навек.
Нам всем по двадцать.
Не окончен наш разбег...
В колонну по три становись!..

ОТЕЦ

«Спокойной ночи».
Поздний вечер.
В окне – твой заострённый профиль.

Опять не спишь. Меняешь свечи.
И на бумаге сохнут строфы.
Ты электричество не включишь.
Тебе сподручнее при свечке.
Или у раскалённой печки.
Так вроде думается лучше.
«Что пишешь?» – «Строго между нами, –
сказал ты раз вполне серьёзно. –
Приходится писать стихами,
поскольку не даётся проза».
Но и стихи тебе, смотрю я,
не очень-то, старик, даются.
Вон, по утрам сидишь, горяя,
и пепел стряхиваешь в блюде.
«Что пишешь?» Раз, когда все спали,
ты мне сказал: «Хочу о лете...
Как в сорок первом наступали...
Как отступали в сорок третьем...»
«А в сорок первом... было разве?»
«Чтоб наступали?» – «Да. Ведь летом...» –
«Немного – да. Не бой, а праздник!
Да трудно рассказать об этом...
Как реактивные снаряды
над головой летят, ты видел?
Вот так и было. Дали гаду...
И гнали – в самом лучшем виде!» –
«А что потом?» – «Да не хватило
тогда «катюш», вот и бежали.
Да землю рыли, да лежали
в земле... Теперь – закоротило.
Вот дай винтовку, дай лопату –
и окопаюсь в лучшем виде...
Но чтоб стихи писать солдату...» –
«Зачем же ты?..» – «Да я в обиде:
всё о других рассказы слышу –
Бакланов, Бондарев, Нагибин...
А кто товарищей опишет –
моих, которые погибли?
Пишу. И – жгу! Глотаю слёзы.
И засыпаю с петухами...
Я снова перейду на прозу:
не получается стихами...»

ШКЛЯРЕВСКИЙ ИГОРЬ / 1938

Я видел бедные равнины,
поля послевоенных лет.
Я видел чёрные руины,
подвалов сиротливый свет.

Я видел паклю и кресало
в руках у матери больной.
Но только небо потрясало
меня своею глубиной.

Мир окружала тьма ночная,
и небо надо мной текло.
И бился ум, изнемогая,
как бьётся бабочка в стекло...

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСКОМ ДОМЕ

Год 52-й
играет на трубе.
Пот над головой
в сиротской синеве.

Стена и двор пустой,
мелькнул осенней лист.
В окне трубит отбой
детдомовский горнист.

Так журавли трубят,
когда в последний раз
внизу дубы горчат
и бредит жёлтый вяз.

И мы летим во сне.
Летим к себе домой
в сиротской синеве
над отчею землёй.

О, город мой – развалины в садах!
Фонтан и лебеди. Глиняное горло
пробито пулей. Нищенствует гордо

старик с кирпичной пылью на плечах.
Мы победили. Но там, где мы прошли,
не рабство мы оставили, а волю!
Сиротский дым летит из-под земли,
и доброта ломает пайку вдовью.
Ещё она себя не обогрела.
В землянках – чад! В подвалах – теснота.
Но стая птиц весенних прилетела.
И на деревьях – клёнах, тополях, –
куда ни глянь, уже висят скворечни.
О, мой народ... Как чист и нежен вешний
простор! Поют развалины в садах.

ШКОЛЬНИК ЛЕОНИД / 1945–2019

БУХЕНВАЛЬД

Автобус шёл несмело, как слепой.
И вдруг остановился. Тихо стало.
Лишь слышно было, как по мостовой
Капель неугомонная стучала.
Мы вышли из автобуса. Асфальт
Блестел на солнце. Не смеялись дети.
И называлось это – Бухенвальд,
Но печи не дымили на рассвете.
...Я видел фильм, отснятый для «друзей»
Эсэсовскими киношутниками:
Лежали рядом чех, поляк, еврей
Со сжатыми от боли кулаками.
...Я видел на экране малыша
С огромными печальными глазами.
В нём еле-еле теплилась душа,
Раздавленная теми «шутниками».
Но хватит! Я кино не досмотрел.
Я не остался в лагерной неволе.
Стоял февраль. И падала капель.
И сердце было сжато, как от боли.

ШЛЁНСКИЙ ВЛАДИМИР / 1945–1986

ПОСЛЕВОЕННОЕ

У памяти свой и предел есть, и срок.
Останется то, что весомо...
Я помню толкучку.
И пару сапог,
сияющих блеском весёлым.
Толкучка – сестра обнищавшей страны,
разрушенной, послевоенной.
И хилые мы, как птенцы,
пацаны,
повсюду и всенепременно...
Здесь семечки, тряпки, платки, пиджаки,
замки и охотничьи ружья...
Вдова принесла продавать сапоги,
что стали семейству не нужны.
Зеваки стояли и щупали их,
хвалили и цокали. Млели...
Вдруг – два покупателя.
И на двоих
у них две ноги уцелели...
Вдова завернула деньжонки в платок.
Притихла вся наша орава...
Тот, с левой ногою,
взял левый сапог.
А правый сапог –
тот,
что с правой...
Ржаною мукой
жёлтый снег мельтешил
и под ноги падал несмело...
И все торопились.
И каждый спешил
и занят был собственным делом...

НА ПИСКАРЁВСКОМ КЛАДБИЩЕ

Тишина морозного предела
на исходе солнечного дня...
Понял вдруг – в душе не отболела
вся печаль, вошедшая в меня.
Реквием качался над берёзами
и кружил над миром, словно снег.

Видел я – смахнул украдкой слёзы
старый незнакомый человек...
Время здесь переплетает тропы,
и в глаза друг другу смотрим мы.
Братские могилы – как сугробы
той далёкой роковой зимы.
Очередь за хлебом спозаранок.
Как пушинка, девочка легка.
Шрамами бегут следы от санок,
полосуют белые снега.
И над разведёнными мостами
самолётов ошалевших рёв.
Окна перечёркнуты крестами.
Мёртвых хоронили без крестов...
Мы стояли под свинцовым небом,
я – и тот, кто это пережил...
И старик кусок ржаного хлеба
тихо на могилу положил.

ШМАКОВ ГЕННАДИЙ / 1930–2002

САТАНА

То был трёхлетний жеребец,
Хозяин табуна.
Ему за буйство наш кузнец
Дал кличку Сатана.

Так и прозвали Сатаной
Высокого гнедка.
Он был зачислен к строевой,
Клеймён для РККА.

Была военная пора.
В один из этих дней
К нам заявили доктора
Осматривать коней.

А Сатана табун увёл
Через Денисов лог.
А там пихтач, как частокол, –
Ни тропок, ни дорог.

– Недалеко и до греха, –
Ворчал старик Авдей...
Два дня четыре пастуха
Не слазили с коней.

Но Сатана табун в загон
На третий день привёл.
И плетью бил его Антон
И рыжий конюх Фрол.

Тогда он прясло* повалил,
Разгневанно заржал,
От пастухов и от кобыл
Один в луга сбежал.

Клеймённых брали на войну,
На запад, далеко...
За дезертира-сатану
Ушёл служить Серко.

В Покров шумел уныло лес,
Снег выпал до колен...
Пришёл в конюшню наш беглец –
Похоже, сдался в плен.

Дал на себя надеть узду,
Ему простили зло.
Ходить учили в поводу,
А позже – под седло.

Он искупил свою вину.
Да в чём его вина?
Откуда знать ему, коню,
Что в мире шла война?

СТИХИ С ПОКОСА

Я нынче не читаю, не пишу,
Мне некогда, уже в разгаре лето.
Я луговины росные кошу,
Встаю, как все крестьяне, до рассвета.

* Звено, часть изгороди от столба до столба.

И обхожусь пока что без стихов,
А может, завтра сердце их запросит.
Мне по душе вставать до петухов
И ночевать в телеге на покосе.

Покос за речкой Малой Куятрой,
Здесь в тальниках взахлёб трезвонят птахи.
И столько комаров над головой –
Пока что не снимал с плеча рубахи.

Так целый день с литовкой* на лугу.
Не думайте, что я купил корову,
Я выкосить деляну помогу
Израненному Якову Михнову.

Старик уже послал за мной коня,
Я не спешу с михновского покоса.
Свинец в груди он носит за меня,
Он отстоял меня, молокососа.

Он до войны один стога вершил,
Рубил дома, катал на стены брёвна,
Но грудь ему бандеровец прошил
Из вальтера гуцульской ночью тёмной.

Он кашляет, а я легко дышу.
Он воевал, а я не знал бомбёжки.
Вот почему без устали кошу,
А старина пускай плетёт лукошки.

В сером небе казарки**,
У амбаров галдэж...
Нагружали в бестарки***
Трудоденную рожь.

Председатель худющий –
Гимнастёрка в пыли –
Шутит: «Кто отстающий,
Подставляй, брат, кули!»

* Литовка – традиционное название большой русской косы, которой косят, не нагибаясь.

** Род водоплавающих птиц семейства утиных.

*** Бестарка – специальная повозка для перевозки зерна без тары.

С самокруткой махорки
Весел он и лукав,
Под ремень гимнастёрки
Заткнут польый рукав...

Кличет тётку: «Варвара!
Ты по списку идёшь!»
Шесть коней от амбаров
Развозили ту рожь.

Птицы по небу плыли
В тихом свете зари...
Жарко печи топили,
Рожь сгружали в лари.

Был в ней запах полыни,
В ней сорняк зеленел...
То был хлеб – я доныне
Лучше хлеба не ел.

ШОШИН ВЛАДИСЛАВ / 1930–2008

Мёртвому полю под крыльями вёрона
Спать – не поднять головы,
Кожа берёзы осколком разорвана,
Солнце не штопает швы.
Снова погибших – им нет воскресения –
Мать призывает во сне...
Нет, не таким в это утро весеннее,
Край мой, ты видишься мне.
Синих озёр самобранные скатерти,
Синих небес благодать...
Если б из них я умел моей матери
Новое сердце соткать!

Мне военный припомнился лагерь –
Над палатками ветра полёт,
Солнце белкой мелькает на флаге,
Взвод походную песню ведёт.
Я пою – я приручен к порядку,

Да и радость нельзя мне сдержать,
Я не только ведь скатывать скатку* –
Научился себя уважать.
Это право даётся засадой
В полуночного ливня часы,
Это право даётся гранатой
В конце штурмовой полосы.
А потом через лес мы проходим зелёный,
И сдаём старшине автоматы с утра,
И, прощаясь, орём из окошек вагона:
– Капитану Петрову
Ура!

Уже семнадцатой весне
Не знать о памятной войне.
Безоблачен июньский день,
В воронках властвует сирень.
И по траншее муравьи
Плывут сквозь рыжинки хвои.
Здесь кто-то юный пал в бою,
Он заслужил тоску твою.
Но ты глядишь в глаза мои
Глазами солнца и любви.
О как я должен свято жить,
Чтоб это солнце заслужить!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

Отрывок из поэмы

А ты ведь не помнишь об этом:
Как в сумрак был город одет,
Как ночь прорезалась лишь светом
Фашистских висячих ракет.

Военные помнить пожары,
Сегодняшним, вам не дано...
Танцую, безмолвные пары,
Как рыбы, уходят на дно.

Мелодия может быть новой,
А может совсем отмереть...

* Скátка – свёрнутая в кольцо шинель.

Но слушай далёкое слово
Людей, презирающих смерть.

Как юности хрупок росточек!
Как всё ещё ясно в судьбе!
Но песня про синий платочек*
Пускай будет сниться тебе.

ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ / 1937–1974

Городок провинциальный,
Летняя жара.
На площадке танцевальной
Музыка с утра.
Рио-Рита, Рио-Рита** –
Вертится фокстрот.
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц – и не больше –
Кончится война.
Рио-Рита, Рио-Рита –
Вертится фокстрот.
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Городок провинциальный,
Летняя жара.
На площадке танцевальной
Музыка с утра.
Рио-Рита, Рио-Рита,
Соло на трубе.

* См. примечание на стр. 235.

** «Для тебя, Рио-Рита» – пасодобль 1930-х гг. германского композитора испанского происхождения Э. Сантеухини. «Рио-Рита» вошла в репертуар многих исполнителей. Один из них, германский еврей М. Вебер, с приходом к власти нацистов был вынужден эмигрировать в США, там название мелодии он перевёл на английский. Запись в исполнении его оркестра, сделанная без текста, но зато с кастаньетами, в 1937 г. попала в СССР, где снискала огромную популярность (настолько, что Риоритами даже называли дочерей). Она стала одним из символов предвоенной эпохи, часто упоминается в произведениях о том времени, звучит в фильмах и т.п.

Шевелюра не обрита,
Ноги при себе.

Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц – и не больше –
Кончится война.
Рио-Рита, Рио-Рита –
Вертится фокстрот.
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Музыка С. Никитина

Спой ты мне про войну,
Про солдатскую жену,
Я товарищей убитых
Как сумею помяну.

Тебя, Сергей, за Волгой схоронили,
Фанерную поставили звезду,
А мой старший брат убит на Украине
В сорок первом, сорок горестном году.

Спой ты мне про войну
Да про тех, кто был в плену,
Я товарищей погибших
Как сумею, помяну.

Всех без вести, всех без вестей пропавших.
А сколько их пропало за войну!
Всех ребят, ребят – Россию не продавших,
Как сумею, как сумею, помяну.

Спой ты мне про войну,
Про советскую страну.
Много стран на белом свете –
Я ручаюсь за одну.

Она меня мальчишкой растила
На трудный хлеб, на трудные хлеба.

Ты одна, одна на всех, моя Россия,
И защита, и надежда, и судьба.

*Музыка И. Шварца**

ШТУБОВ ВАЛЕНТИН / 1945–2013

СОЛДАТЫ

Они пришли с войны минувшей.
Их окружила детвора.
Я помню: заложило уши
От деревенского «ура-а!..».

Они пришли, кто в громе выжил,
Кто из пожара вынес жизнь.
Я помню: солнце стало ближе
От рук, меня взметнувших ввысь.

Я помню радужные искры
На месте пасмурной беды.
Я помню солнечные избы
На месте горькой лебеды.

До счастья руки были цепки.
Оно росло и там и тут.
И в небеса взлетали щепки,
Как новый радостный салют.

Лес озябший – как туча синий.
А оттуда – багряный свет.
«Видишь, мальчик, какой малинник!»
А ведь это – такой рассвет.

Сколько лет уже соловьиных,
Сколько радостей и утрат...
«Видишь, мальчик, какой малинник?..»
А ведь это – уже закат.

* Песня из к/ф «Рабочий посёлок» по одноимённой повести В.Ф. Пановой (1965, режиссёр В.Я. Венгеров).

ВООБРАЖЕНИЕ

Воображение уносит
Туда, где в хоре строгих сосен
Одна, как лира, запоёт.
Ах, ствол двойной, хмельной, багряный,
О чём звучит напев твой странный,
Давая памяти полёт?..

Быть может, в детство опуститься –
Туда, где ясная водица,
Где в наших лицах облака?
И вспоминается до дрожи,
Что вся река была похожа
На цвет парного молока.

И так же пахло рядом сено.
Но берега-то не кисельны –
Голодны были и страшны.
Мы для еды крапиву рвали.
...Черны обрывов караван –
Как хлеб оставшийся войны.

Да, мы сполна его вкусили
Во глубине сырой России,
И мы порой давились им:
Бежал ко мне Селицкий Вовка,
Но вот споткнулся он неловко,
И вместо Вовки – рваный дым...

О чём ещё? О старой школе.
К ней добираться через поле
Сквозь непроглядный снеговой.
Кололся снег, как шерсть на холке,
Я в школу шёл, за мною – волки.
Но я был всё же порезвей.

Не погубил ни волк, ни случай.
Была судьба ещё покруче,
Но всё же свет она дала.
...Звени-звени, сосна золотая,
Струи, струи, не уставая,
Поющий воздух для крыла.

Куда ещё бы устремиться?
Воображение – как птица.
А я – Телесиком* на ней.
Как далеко... Отстали стаи.
Как высоко... Вся жизнь былая –
Как россыпь гаснущих огней.

Летит грядущее навстречу.
Оно клекочет или щебечет?
Оно спит глаза, как дым!
Молю тебя, воображенье,
Покуда я не стану тенью,
Дай перемолвиться мне с ним.

Кружи меня над миром целым,
Мчи к фантастическим пределам.
И только у родных могил,
Совсем простых, совсем недалгих,
До боли горьких и реальных,
Страхни меня с широких крыл.

ДОТ

Немецкий дот, застывший на опушке,
Колодина** исчезнувших болот.
Его, видать, не взяли наши пушки.
Не взяли пули.
Время – не берёт.

И снова, снова пялится он сдуру
На то, что продолжает петь и жить.
И хочется мне лечь на амбразуру –
Чтоб взгляд его проклятый потушить!

МАТЬ СОЛДАТА

Застыну в кленовом лепете.
Со мной никого нет.
Просто полянка летняя.
Воздух. Цветы. И свет.

Земля моя, мама, Родина,
Зачем не расскажешь, чей

* Телёсик – герой украинской народной сказки, мальчик-рыбак.

** Колёдина – толстый ствол упавшего дерева.

Тот холмик печальной родинкой
На грустном твоём плече?

Вот женщина на скамейку,
Как облачко, проскользнёт
И худенькой телогрейкой
Могилушку обоймёт.

Прошепчет: «Зачем так радужно
И солнышко на тропе?
Тоскую, земляца-матушка!
Ревную сынка к тебе.

Твой сок закипает в древе.
Бессонница. Тяжело:
Ведь то, что носила в чреве,
Во чрево твоё ушло.

Знаю: ты не оставишь
Меня навсегда с бедой
И снова сынка рождаешь
Яблонькою, звездой.

Он – рядом... Но только... где же?
Всё верила и ждала,
Чтобы моя надежда
Надеждой твоей была.

Я с памятью не полажу.
Зажглись в высоте миры.
Тихо травинки глажу,
Словно его вихры.

Шагнёт загорелый, сильный,
И смерти предъявит иск».

Ветер. Могила сына.
Мама – как обелиск.

ШУБНИКОВ ГЕОРГИЙ / 1933

У нас были свои причины.
Спешили мы тогда – втайне,
В двенадцать лет – почти мужчины,
К отцам поближе да к войне.
Снимали нас с простых и скорых
И отправляли в детдома,
В двенадцать лет – уже к которым
Строга была судьба сама.
Глаза припудрены трахомой,
Чесоткой руки сожжены...
Мы всё прошли, нам всё знакомо
В сиротстве грозных дней войны:
Вокзалов стылые плацкарты,
Санпоездов слепых кресты,
Укусы блох, ножи и карты,
В желудках боль до тошноты.
И чей-то крик сквозь ярость ночи,
Базаров встречных шум и брань,
А на ногах – обувка в клочьях,
А на плечах – одежды рвань.
Но не стонали мы, не ныли,
С тоскою в животах пустых.
На фронт – к отцам своим спешили...
А их уж не было в живых.

ШУВАЕВ ВЛАДИМИР / 1946–2014

РОДИНА

Проплывают столетья.
Пронесются даты.
Ты всё та же –
В предутренней дрожи берёз.
Побелён обелиск
Неизвестным солдатам,
Что погибли вот здесь
Без медалей и слёз.

И лежат вдалеке
От житейского блеска
Под простыми корнями
Могильной травы...
Им, должно быть, и там
Будет до смерти тесно
От такой
Разрывающей сердце
Любви.

Обелиск невысок. Небогат.
Две дороги крест-накрест лежат.
Не слышны ни гармонь, ни слова.
Скорбный ряд начинается с А.

Там за списком за этим лежат
Тридцать восемь погибших солдат.
Тридцать восемь...
Теперь тридцать семь.
Ты нашёлся – погиб не совсем!

Сквозь болезни, сквозь наше житьё –
Тридцать лет выходил из боёв.
И вернулся сомкнуть этот строй.
(Тяжело возвращаться домой.)

А потом возвращаться назад,
Где расхожие речи звучат:
Не о том! Как по сердцу кнутом!
Да чего уж... Об этом потом.

Обелиск невысок. Небогат.
Что же сердце стучит, как набат?
Обелиск, как везде, как всегда.
Может, ярче алеет звезда?

И, забыв про обратный билет,
Ты стоишь среди прожитых лет...
Тихо движутся два муравья
Через список от А и до Я.

В магазине лежит.
И раскиданы руки.
А из сумки бежит
Молоко, что для внука.

Жизнь прошла нелегко
И ушла не по планам.
Как бежит молоко
Мимо орденских планок!

Вот и всё. И ушел.
Отгружается тело.
Отмывается пол.
...Долго пуля летела.

ШУЛЬГИН МИКУЛЬ / 1940–2007

Я так горжусь своим отцом –
Охотником и рыболовом!
Он у Невы в сорок втором
Стоял в равнении суровом...

Осталась за спиной тайга,
Но как в тайге, под свист метели,
Отец мой лютого врага
Держал на снайперском прицеле!

Он бил врагов не в бровь, а в глаз,
Как серых белок на охоте, –
Недаром помнят и сейчас
Отца товарищи по роте...

Я не забыл, как в старый чум
Вернулся он из Ленинграда:
Лицо – серьёзное от дум,
И на груди блестят награды.

Он снял шинель и сапоги
И мне сказал: «Сынок, мы снова –

Охотники и рыбаки,
И грех теперь желать иного».

И я горжусь отцом своим –
Не зря, как он, я стал солдатом.
Мы, дети воинов, храним
Наш мир, спасённый в сорок пятом.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я родился под пение вьюги
В предвоенной хантыйской семье,
И всё время

мохнатые руки

Древних кедров тянулись ко мне.
Ты, Россия, склонялась, как мама,
Над простой колыбелью моей,
А потом изучал я упрямо
Речь лесов и язык букварей.
Научив меня думать о главном,
Понапрасну не тратить минут,
Как родного –

хантыйского парня,

Ты меня привела в институт.
...Обниму под Москвою берёзку
И, раздвинув рассветную тьму,
Я земли твоей тёплую горстку
К благодарному сердцу прижму.

1969

Перевод С. Мнацаканяна

ШУМАКОВ НИКОЛАЙ / 1928–2003

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Бугор боронили
Я,
Бабушка,
Дед,
Братишка возился
В заржавленном танке.
Вдруг сторож колхозный,
Безногий сосед,

По небу пальнул
Из старинной берданки.
И, бросивши лямку
Поверх бороны,
На друга мой дед
Посмотрел удивлённо:
– Петрович, ты, может,
Хватил белены?
Иль браги хлебнул ты,
Едрёна-матрёна?
...Петрович ружьишко
Надел, как хомут,
На шею. И крикнул
Пронзительно-тонко:
– Войне проклятущей,
Андреич, капут!
Сыны возвратятся!
Готовь самогонку!..
...Детишек па улице
Словно опят –
Чернявых и русых,
Тихонь и бедовых.
Шумели солдатки,
Улыбкой слепя.
И плакали в голос
Старухи и вдовы...

ШУМЕЙКО МИХАИЛ / 1942

УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

Николаю Николаевичу Коновалову

Ему – солдату Сталинграда, –
Душа, признание открой.
Он все круги земного ада
Прошёл как истинный герой.

Изранен... Взрывами контужен...
Госпиталя... И путь домой.
Он в жизни был великодушен,
Учитель и коллега мой.

Его заслуги мы ценили
И многим ставили в пример.
И светлый образ сохранили
Как гражданина СССР.

На сельском кладбище могила,
Обрёл покой в родных местах.
Но притягательная сила
Живёт в его учениках.

И это вовсе не бравада,
Какая сыщется порой.
Он был солдатом Сталинграда –
Его защитник и герой!

ПАМЯТЬ

*Александре Никитичне Мамочкиной,
ветерану войны и медсестре*

– Шура, Шура! Александра,
На вечерку выходи...
За полями, за лесами –
Юность-молодость, поди.

Что от той поры далёкой
В жизни память сберегла?
Может, свет родимых окон
Довоенного села?

Может, росные дорожки,
Что бежали через луг?
Может, наигрыш гармошки
И страдания подруг?

Всё мне дорого в рассказе:
Он тревожит, как набат.
Где-то значится в приказе
Назначенье в медсанбат.

Городок смоленский Ельня –
За него и первый бой.
И отсюда путь до Эльбы
Станет вашею судьбой.

Здесь прославились «катюши»
Мощью меткого огня.
Закрывали фрицы уши,
Ужас паники храня.

Было это пополудни:
Неожиданно, как гром,
Залп ударил из-за Рудни
За порушенный наш дом.

...Мы сидим за самоваром,
Остывает в чашках чай.
Разговором, как товаром,
Запаслися про случай.

– Ну, а дальше, после Ельни,
Где ещё сражались вы?
– Отошёл наш взвод отдельный
В направлении Москвы.

А потом – формирование,
Спешно, ночью – и на юг,
Где фашистов ликование
Продолжалось не вдруг.

Битва шла за нашу Волгу,
Суший ад был на земле.
И по службе, и по долгу
В аде том пришлось быть мне.

Солнце словно не светило –
Дым окутал Сталинград!
Горы взорваны тротила,
И фугасов, и гранат.

Бой за улицы и скверы,
Бой за каждый метр земли.
Здесь, на Волге, чувство веры
Мы в победу обрели.

И волнений я не скрою,
Видно это по лицу, –
Нелегко быть медсестрою,
Но не легче быть бойцу.

Сколько их в сраженьях ратных
За Отчизну полегло!..
О потерях невозвратных
Даже вспомнить тяжело.

Зрело лето... Сорок третий
Шёл норовисто в зенит.
Время долгое столетий
В нём неумолчно звенит.

Мир следил за Курской битвой,
Слух до боли напрягал.
Кто оружием, кто молитвой,
Кто чем мог нам помогал.

Нервы рвал нам скрежет стали,
И горел огнём металл.
Танки в Прохоровке встали
На гранитный пьедестал.

За отважным ходит слава –
Так в народе говорят.
А потом была Любава,
И всё тот же медсанбат.

А потом – весна Победы,
Соловьиный светлый май...
Возвращались как полпреды
Мы с войны в родимый край.

Двадцать два в ту пору было,
Гимнастёрка – в орденах!
И мечтала, и любила,
И гадала на цветах.

Как на крыльях прилетела
В свой Рогнединский район,
И привычное мне дело
Бросить было не резон.

Из руин мы поднимали
Наше древнее село,
И отлично понимали,
Что на подвиг нас вело:

Радость жизни, восхищенье
Нашей славною страной,
Дел великих воплощенье
С каждой новою весной.

И страницу за страницей
Мы вели день изо дня...
Много связано с больницей
Лет прошедших у меня.

В дождь, распутицу и стужу
Путь поистине тернист.
Шла и знала: трудность сдюжу
Как солдат и коммунист.

Шутка ли – подумать только! –
Каждый день была в пути!
И усталости нисколько
Не успела обрести...

Шура, Шура! Александра,
Вот уже и шестьдесят.
Над полями, над лесами
Зори новые горят.

НА ПРИВАЛЕ

Разговор на привале короток.
Угасает солдатский костёр.
Тридцать звёздочек,
Тридцать пилотов
Загляделись в далёкий простор.

Безмятежно уснули ребята,
Захмелев от настоя тайги,
И разбился вдруг месяц шербатый
О тяжёлые их сапоги.

ШУМИЛИН ВАЛЕРИЙ / 1935–2016

СОЛЁНАЯ КОРОЧКА ХЛЕБА

Зенитками вспорото небо,
Вгрызается залп в темноту.
Солёная корочка хлеба
Лежит сокровенно во рту.

Как вкус её горек и сладок!
Прилипла к щеке неспроста.
Вкусней самого шоколада
Солёная корочка та.

Забита оконная рама
Фанерой. Промозглая жуть.
К постели прикована мама,
Я рядышком тихо сижу.

Она не присядет, не встанет,
Лишь шепчет:
– Сыночек, держись! –
Солёная корочка тает,
А с нею и мамина жизнь.

Как надо и много, и мало,
Чтоб выжить в том страшном бою:
– Возьми! – протянула мне мама
Блокадную пайку свою.

Спустились вдруг ангелы с неба,
Зовут, приглашают в полёт.
Солёная корочка хлеба
Уснуть до сих пор не даёт.

ОЧЕРЕДЬ

Что-то в прошлое тянет...
Да что я, чудака?
Для чего ворошить
время самое страшное?
Но блокадная очередь
строилась так:
каждый цепко держался
за спереди ставшего.

– Кто последний? –
Последний мне локоть суёт:
– Крепче, мальчик, держись! –
И прижмусь я доверчиво.
И обхватит меня тот,
кто сзади встаёт.
Так часами плотнимся.
С утра и до вечера.

А мороз-то – под сорок.
Лютует мороз.
И воробышком прыгает
сердце под рёбрами.
Только мне не упасть –
прочно в очередь врос.
И душа потеплела
под взглядами добрыми.

Мы – едины.
Мы связаны горем одним.
Смерчем вьюга вихрится,
летая по городу.
Пригибаясь, на корточках
молча сидим,
и на плечи соседей
склоняются головы.

Общий вздох, общий выдох,
похожий на стон.
Чувство локтя, на нём-то
и жизнь наша зиждется.
Длинной тенью скользя,
пробиваясь сквозь сон,
черепашьим шагком
наша очередь движется.

Смерть сновала вблизи
и смотрела в упор,
но забрать не осмелилась:
«Много вас очень уж!»

...Как давно это было!
А мне до сих пор
в трудный час, как поддержка,
блокадная очередь.

БЛОКАДНЫЙ ФИЛИППОК

Ранним утром, видит бог,
Из своей парадной
Вышел в школу Филиппок,
Филиппок блокадный.

Сколько было? Ровно шесть,
Первоклашкам – восемь,
Филиппку хотелось есть.
(Это между прочим.)

Шёл он в класс осенним днём
С сумкой. С продуктовой.
(Это мелочь. В основном,
Как у Льва Толстого.)

Дом вослед глядел без стен,
Грудю развалин.
(У Толстого, между тем,
Нет такой детали.)

Это частность, чтоб урок
Был для вас наглядный.
Шёл учиться Филиппок,
Филиппок блокадный.

По асфальту в три ручья
Дождь плясал напевный.
Филиппок, представьте, я.
Осень. Сорок первый:

Школа вроде бы близка,
Но гляжу устало.
(До войны про Филиппка
Мама мне читала.)

Но блокадный Филиппок
Повзрослел немного.

– Стой! Куда ты, колобок? –
Слышу у порога.

– В школу! Ясно же куда! –
Буркнул. Взгляд унылый:
– Ой, ты, горюшко-беда!
Господи, помилуй!

Проходи! – Я прямо в класс:
– Можно? Разрешите? –
На меня десятки глаз
Смотрят. Встал учитель.

Видно, внял моей беде.
Разве голод скроешь?
Лишь спросил: – А мама где?
– Там... окопы роет.

– Ну, садись! – И я присел.
Но сидел немного.
Начался опять обстрел:
– Господи! Тревога!

«МА-ША Е-ЛА КА-ШУ»

Школа в сорок первом.
Нам, ученикам,
Больно бьёт по нервам
Чтение по слогам:

«Ма-ша е-ла ка-шу...»
Непонятно мне,
Где достала Маша
Кашу на войне?

Может быть, солдаты
Дали котелок?
Съёжились ребята.
Бросил в дрожь урок.

Мой сосед из сумки
Вынул свой сухарь.
И, глотая слюнки,
Я гляжу в букварь:

«Ма-ша е-ла ка-шу...» –
Полон каши рот.
Вспоминает каждый
Предвоенный год.

Запах жжёной пшёнки,
Словно током, бьёт.
Голос хрупкий, ломкий,
Как весенний лёд:

«Ма-ша е-ла ка-шу...» –
И со всех сторон
Слышен сильный кашель,
Слышен слабый стон.

Как признаться классу,
Что я глупый был?
Почему-то кашу
Сроду не любил.

В рёв при виде манной
(Да на молоке!).
Причитала мама
С ложкою в руке:

– Вот умница, вот лапушка!
За дедушку! За бабушку!
Теперь за папу ложку!
За нашу Мурку-кошку!

Может, это мнится,
Может, занемог?
На огне дымится
Полный чугунок.

...Школа в сорок первом.
Как хотелось есть!
Всхлипывают перья
«Восемьдесят шесть»*.

Боже, дай нам силы,
Стали льдом чернила.

* См. примечание на стр. 64.

Мы почти не дышим,
Мы в тетрадках пишем:
«Ма-ша е-ла ка-шу».

БУРЖУЙКА

Мороз в декабре стал свирепствовать жутко.
Но здорово нас выручала «буржуйка».
Вселилась, полкомнаты заняв собой,
И в печь упиралась огромной трубой.

Я счастлив, и вот оно – диво:
В буржуйке огонь заметался игриво.
Я рядом присел, чтоб чуток отогреться,
Растаяла сразу ледышка на сердце.

А после глотаю пустой кипяток,
И к жизни меня возвращает глоток.
Буржуйка в трубу, словно в горн, загудела
Взялась, наступая на холод, за дело.
Ремень нам сварила – отличный обед!
И нет ни печали, ни горести нет.

КОНЦЕРТ В ГОСПИТАЛЕ

Пришли ребята в госпиталь.
Концерт даём с утра.
Руками – «Ох ты Господи!» –
Всплеснула медсестра:
– Одни лишь жилы – косточки.
А скулы как свело!
И, как назло, ни корочки,
Ни крошки, как назло!

Мы легче, чем былиночки,
Что гнут к земле ветра.
И в теле ни кровиночки –
Студёная вода.
А мы едва не падали,
Мы спали на ходу,
В сердца поглубже спрятали
Недетскую беду.

Осиротеть успевшие,
Продрогшие, неевшие,
Мороз хлестал, как плеть.

Но были мы артистами,
А значит, надо выстоять,
А значит, будем петь!
Раз, два, взяли!

И на сцену мы вскарабкались гуськом,
Огляделись: «И откуда в зале гром?»
Гром сердца нам жжёт сильнее, чем огонь.
Гром! – Солдат отбил культияпкою ладонь.
Гром! – Гремят аплодисменты, костыли.
Мы артисты, мы концерт давать пришли.

Лёгкий взмах, затем другой, –
Из осипших наших глоток
Песня хлынула рекой.
«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!»
И песня наша – ротная,
Сплочённостью сильна:
«Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!»

Взволнованно, решительно
Подхватывает зал.
И песня оглушительна,
Как орудийный залп.
Подтянутые, строгие,
Поём, слова кипят.
А с мест встают безногие,
И костыли гремят.

ДЕЖУРСТВО

Кромсали небо яростные вспышки.
И днём и ночью город был в огне.
Расстался с детством я совсем мальчишкой,
Досрочно: на войне как на войне!

Сирены вой. Воздушная тревога.
Ночной налёт зениткам не сдержать.
Но у кого проснулась вера в Бога,
Тот не спешил в укрытие бежать.

С молитвою на битву город вышел,
Чтоб разорвать смертельное кольцо.

И я дежурил с мамою на крыше,
И я глядел опасности в лицо.

А в двух шагах от нас рвались фугаски...
И пахло горькой гарью от руин.
Война месила сумрачные краски
На пепле преждевременных седин.

КРЕЩЕНИЕ ОГНЁМ

День угасает в отблеске багряном,
Но только свет в квартире не включён.
И потолок становится экраном,
А память по нему скользит лучом.

И снова жизнь поставлена на карту,
Поскольку в титрах значитса:
«ВОЙНА»,
И оглушают огненные кадры,
Хотя стоит в квартире тишина.

Тревога! От бомбёжки и обстрела
Не скрыться. Разве можно их забыть?
И этот фильм, конечно, чёрно-белый –
Война цветной никак не может быть.

Шёл фильм.
Рвалась всё время кинолента,
То гас, то загорался снова свет.
Стоял июнь. В чаду померкло лето,
А было мне тогда всего шесть лет.

Рассвет над речкой залпами распорот,
В теплушках в страхе дети голосят.
А товарняк спешит доставить в город
На даче оказавшийся детсад.

Каким опасным было возвращенье!
Но вышел эшелон из-под огня.
И, словно воин, принял я крещение,
Хоть не было винтовки у меня.

Шёл фильм.
Душа под бомбами кричала,
Крепчали ветры шквальные, свистя.

Бог мой, я был крещён огнём сначала,
Водой крестился много лет спустя.

Гремит война. И рвётся кинолента.
И нет конца у фильма моего.
Ко мне пришло моё седое лето.
А мне в то лето было шесть всего.

Мне только шесть!
Огнём крещённый, еду,
Чтоб пацаном блокадный крест нести.
Господь помог дожить мне до Победы
И в новый век на склоне лет войти.

ЩАСНАЯ ЛАРИСА / 1939

ДЕТСТВО

Мы были серыми, как соль,
А соль на золото ценилась.
В людских глазах застыла боль.
Земля дрожала и дымилась.

Просили, плача: «Мама, хлеба!»
А мама плакала в ответ.
И смерть обрушивалась с неба,
Раскальвая белый свет.

Да, мало было хлеба, света,
Игрушек, праздников, конфет.
Мы рано выучили это
Безжалостное слово – «Нет!».

Так жили мы, не зная сами,
Чем обделила нас война.
И материнскими глазами
В глаза смотрела нам страна.

Мы были бережно хранимой
Её надеждой в горький час –
И свет, и соль земли родимой,
И золотой её запас.

ЩЕГЛОВ ЛЕВ / 1932–1996

Июль. Четвёртая бомбёжка.
Базар к сиренам не привык.
Смешон, как будто понарошку,
Толпы многоголосый крик.

Нашёл глумящийся блицкриг
Сюда шкодливую дорожку,
Долбаёт город понемножку,
Хоть тот и весь-то невелик.

Разбит фанерный балаган,
Убита древняя старушка.
Как захмелевший хулиган,
В пыли валяется петрушка.

Ещё не ведает страна,
Какая ждёт её война.

ПСИХИ

*Первыми эвакуированы душевнобольные.
Из сводки*

От ужаса зимней блокады,
С безвыходно малой земли,
Со смертных застав Ленинграда
По Ладогe психов везли.

Сходили с ума санитары,
Шофёры сходили с ума.
Защитные синие фары
Гасила безумная тьма.

И были таинственно тихи,
Застыв у промёрзлых бортов,
Вчерашние буйные психи
Со всех сумасшедших домов.

Упорно, упрямо, угрюмо
Сквозь эту кромешную тьму
Ползли и везли полоумных
В какую-то там Кострому.

Под стук метрономов зловещих
Хотелось узнать об одном,
Что нету вокруг сумасшедших,
Чтоб тоже не дрогнуть умом.

ФРОНТОВОЙ ЛЕС

Деревья просто полегли
И грубо,
И пни болели у земли,
Как зубы.
И страшно было пеньё птах
Под пнями,

И что-то дёргалось во пнях
Корнями.
И как последний эшелон –
Подростки,
Сбежались стайкой под уклон
Берёзки.

ЮНОША, НЕ ПОМНЯЩИЙ ВОЙНЫ

Вами, сударь, нынче недовольны все,
Более чем кем-либо досель.
Ваши возмутительные вольности
Тщательно заносятся в досье.
Вы подсудны в качестве ответчика,
Вы, едва родясь, уже должны.
Персонаж поэтов и газетчиков –
Юноша, не помнящий войны.

Вы теперь какие-то особые...
Пьёте, что ли, более отцов?
Или всё пошло от модной обуви?
И вообще – не то у вас лицо!
Зря мы, что ли, вам пахали, сеяли?
Вы б до гроба кланяться должны!
Льёте воду на какую мельницу,
Юноша, не помнящий войны?

Вы меня пошлёте к чёрту, юноша, –
Замолчи, мол, старый демагог.
Но не мне, а вам придётся в будущем
Разбирать сумятицу дорог.
И не мне, а вам греметь набатами
На грядущих форумах страны,
И не будет вам пути обратного,
Юноша, не помнящий войны!

Уж не знаю, хорошо ли, плохо ли
Мы для вас сработали житьё.
Только вам командовать эпохою
И держать ответы за неё.
Только вам и каши все расхлёбывать,
Те, что нами в спешке сварены.
Так что сами уж смотрите в оба вы,
Юноша, не помнящий войны.

Лишь в одно я только верю искренне –
В дни, когда забудется война
И у вас серебряными искрами
На висках проступит седина,
И когда придут другие юные
И наденут новые штаны,
Будут мучить их речами умными
Дедушки, не знавшие войны.

НЕОБХОДИМЫ ФОТОГРАФИИ

Нам необходимы фотографии –
Наших жизней различимый след,
Зримые крупницы биографии
Каждого рождённого на свет.

Вслед нам батальонные фотографы
Через годы с брустверов следят,
Фронтвые бритые биографы
Птичек с объективов не сулят.

Где там было до веселья птичьего?
Жизни до мгновений сократив,
Мы глазами, ко всему привычными,
Словно в ствол, смотрели в объектив.

И летят, летят из треугольников
На руки исплуканных невест
Карточки сержантов и полковников
Как неистребимый благовест.

Ибо было право и уверенность
Будущим сегодня дорожить.
Наши фотографии – уверенность
Нашим сыновьям на право жить.

Переходят наши биографии
В новую историю страны,
Переходят наши фотографии
В памятники прямо со стены.

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Повезло человеку всё же:
Всю войну под обстрелом прожил.
А ведь мог бы в начале самом

К тем, какие не имут сраму.
Но дошёл почти до Берлина,
Фотокарточку выслал сыну,
Генерал в приказе отметил...
Будет вспомнить что
На том свете.

МОНОЛОГ УБИТОГО

Живые сами знают, как им жить.
Живые сами помнят, что им помнить.
Я говорю сегодня как покойник,
Из гроба вставший, чтобы говорить.
Я умирал на всех широтах мира
От рук разноплеменных палачей,
В подвальной стуже и в жаре печей.
Живущие,
Не проходите мимо!
Живущие и не припомнят, может,
Что я убит.
Но я убит.
Убит.
И встал сейчас из-под могильных плит
Затем, чтоб чью-то память потревожить.
Своих убийц и мы простили б, может быть,
Когда б сейчас ещё живыми были.
Увы, убийцы нас уже убили,
И потому их некому простить.

ПОХОРОННАЯ КОМАНДА

Безмолвно ползли за полками
Костлявой старухи бойцы,
В едином строю с мертвяками
И сами почти мертвецы.

Калеки взводов похоронных,
Больные, увечные, и,
Пожалуй, одни лишь вороны
С такими вступали в бои.

Когда они брали лопаты
В угрюмом строю на плечо,
То вслух чертыхались солдаты,
Втихую молясь горячо.

Их тоже порой убивали,
У них сиротили детей,
Но им орденов не давали,
О них не писали статей.

Прошли похоронные деды
По смертной своей полосе...
И только медаль «За победу»
Они получили, как все.

КОРДЕБАЛЕТ СОРОК ШЕСТОГО

Прикарточная система –
Талончики, ордера...
Не думалось мне про сцену,
Но, видно, пришла пора.
Карельская оперетта,
Народный артист Ярон*...
На помощь кордебалету
Созвали со всех сторон.
Пятнадцатилетний парень –
Хоть петь, хоть плясать дано!
Талантлив или бездарен –
По карточкам всё равно.
Черняшки полкилограмма,
Ещё мясо-рыба плюс...
Какая была программа,
Припоминать боюсь.
Быть может, что был там Кальман**,
А может быть, был Легар***...
Ворочать бы надо камни,
А я ногами лягал.
Танцоры по объявлению,
Как стая хромых ворон,
Но выплясал представленье
Народный артист Ярон.
Карельская оперетта,
Послевоенный блеф –
Плохого кордебалета
По карточкам чёрный хлеб.
Искусственное искусство –
Голодный глоток слюны...

* Г.М. Ярон – советский артист оперетты, режиссёр и либреттист.
** И. Кальман – венгерский композитор, автор популярных оперетт.
*** Ф. Легар – венгерский и австрийский композитор, дирижёр.

Но, боже, как было вкусно
Всё это после войны!

МУЖСКАЯ ШКОЛА

В наши классы девчонок тогда не пускали,
Наша школа тогда называлась – «мужская».
Мы, наверно, грубее сегодняшних были,
Мы, наверно, больше друг друга лупили,
Мы курили махорку с четвёртого класса,
Мы носили трофейные битые каски,
Мы осколки снарядов в карманах таскали –
Наша школа тогда называлась – «мужская».
Если б нынче внезапно те годы вернулись,
Мы бы сами, наверно, себе ужаснулись,
Но директор – крикун с неприличною кличкой –
Был, по чести сказать, стариканом отличным.
Он-то видел мальчишек, нас на год постарше,
Уходящих в окопы ускоренным маршем.
И была всех дороже от крыши до пола
Сотни раз от бомбёжек спасённая школа.
Не другими, не кем-то спасённая – нами,
Опалёнными жаром пожаров руками.
Это нас назначали на дежурство ночное,
Это нас обучали рукопашному бою,
Это нас величали нерушимой силой,
Это мы отвечали за устойчивость тыла.
Мы забыли семейные детские сказки,
Мы носили трофейные битые каски.
Головою своей ежечасно рискуя,
Проходили суровую школу мужскую.

НЕМЕЦКОМУ РОВЕСНИКУ

Гансик из гитлерюгенда,
Фаустпатронщик вшивый,
Счастье нам обоюдное –
Оба остались живы.
Я от фашистской бомбы
В тартарары не сверзился,
И фанатичным лбом ты
В танковый лоб не врезался.
Оба по свету шастаем,
Дышим, едим, глядим
И мелюзгу ушастую –
Деток своих – плодим.

Слышишь,
из гитлерюгенда,
Разве сегодня мало
Неба нам обоюдного –
Общего одеяла?
Дёрнешь его за краешек –
И затрещит по швам...
Это хоть понимаешь ли,
Родственник мой по вшам?

ИЮНЬ 41 – МАЙ 45

В году бывает два особых дня,
Когда встают в ружьё погранзаставы,
И вместе с ними в отвесах огня
Встают виденья подвигов и славы.

Ровесники сегодняшних солдат
Не могут постареть ни на мгновенье,
Они правофланговыми стоят,
Чтоб было на кого держать равненье.

Встают они от Бреста до Курил
Присутствовать на наших переключках
Из братских нестареющих могил
В нетленных гимнастёрках пограничных.

Со дня незабываемой беды
До дня непререкаемой Победы
Идут их неотступные следы
Возмездием по вражескому следу.

ЩЕРБАКОВ АЛЕКСАНДР / 1939

КИНОКАРТИНА ПРО ВОЙНУ

– Куда ты?
– В клуб! –
Бросаю книжки –
И напрямик через заплот*.
Какие книжки, если кинщик
Кино военное даёт!
Я знаю, мать вослед грозит мне,

* Забор, деревянная, сплошная ограда из досок или брёвен (*диал.*).

Припав к промёрзшему окну,
Я искупить готов вину,
Но зрелище неотразимо –
Кинокартина про войну.
Шуршит проектор ветром в соснах,
Люд, заворóженный лучом,
Сплочён, как семечки в подсолнухе, –
За рядом ряд, к плечу плечо.
Сидит шалаястый и тулупный,
Мозольный, шрамистый народ,
А за окном в тиши подлунной
С сухой пронзительностью лупит
Движка дрожащий пулемёт.
Сквозь чернолесье частых взрывов
Бегут бойцы по полотну.
Нет, зрелище неотразимо –
Кинокартина про войну.
Неотразимы «уралзисы»*,
Ревущих танков грозный строй,
Но главное – неотразимый
Солдат в пилоточке простой.
Он мнёт врага, он бьёт прикладом,
Он грудью падает на дот.
Клуб сотрясая, «Бей их, гадов!» –
Кричит взволнованный народ.
А если вдруг на гребне боя
Волной смахнёт солдата взрыв,
Весь зал сжимается обоймой,
Прошитый яростью и болью,
И плачут женщины навзрыд.

Я не был там с отцом и дедом,
Где шли жестокие бои,
Но как страдал я за Победу!
Я и товарищи мои...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я этот день подробно помню.
Я не знавал краснее дней.
Горели яркие попоны
На спинах праздничных коней.

* УралЗИС-5В – среднетоннажный грузовик, выпускавшийся Уральским автозаводом с 1944 г.

Гармошки ухали басисто,
И ликовали голоса
Людские. Ветром норовистым
Их выносило за леса.

Качались шторы из бумаги
У нас в избе. Качался дым.
И в кадке ковш на пенной браге
Качался селезнем седым.

В тот день гудела вся округа.
Под сапогами грохал гром,
И пол поскрипывал упруго,
И сотрясался старый дом.

В заслонку ложкой била шало
Варвара – конюха жена.
Мелькали юбки, полушалки,
Стаканы, лица, ордена.

А в стороне на лавке чинно
Курили едкий самосад
Деды и средних лет мужчины
Из тех, кому уж не плясать.

Тот с костылями, тот с протезом
Или с обвислым рукавом.
Их речь размеренно и трезво
Велась в масштабе мировом.

С печи, где валенки сушили,
Украдкой жадно слушал я,
Как вражью силу сокрушили
Соседи, братья и дядя.

И мне казалось, что я знаю
Свою и всех людей судьбу
И что проходит ось земная
Через отцовскую избу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В пилотке, сбитой на затылок,
В шинели длинной нараспах,
Он в дом вошёл. И мать застыла,
Оцепенела в двух шагах.

Потом ко мне метнулась птицей,
Как будто вспомнила о чём,
И помогла мне уместиться
Отцу на левое плечо.

Его мы долго ждали с мамой,
И вот покончил он с войной.
И у виска полоска шрама
Синеет, точно шов сварной.

С благоговеньем ощутил я,
И как сильна его рука,
И как жестка его щетина
И крепок запах табака.

Награды трогал фронтовые,
К ним прикасался, как к мечте,
Дивясь воочию впервые
Отца суровой красоте.

ПАМЯТЬ

В вагоне свет давно притушен
И пассажиры мирно спят.
В окне снарядами «катюши»,
Сверкая, встречные летят.
Седой попутчик мой всех позже
Под одеяло молча влез.
Заснул.
В углу, белея кожей,
Из сапога торчит протез.
Что снится старому солдату?
Сжимая воздух в кулаке,
На полке жёсткой, узковатой
Он взмок, крутясь, как на полке.
Ему, должно быть, очень тяжело:
То бред, то скрип зубов и стон...
Не оросит никто из фляжки
Иссохших губ. Страдает он.

Душа болит, горит пожаром
С тех пор, как вдруг снаряд врага...
В могиле братской под Варшавой
Погребена его нога.

ДЕВЯТОГО МАЯ

Я знаю, что в сегодняшнее утро
Отец проснётся раньше, чем обычно,
Побреется с тройным одеколоном
И, сняв с гвоздя армейский старый китель,
Воинственно медалями блеснёт.
За завтраком нальёт стакан гранёный
Настойки той, что с осени берёт,
И потекут его рассказы-были,
Которыми богата память ран.
Вот партизан, в папахе с лентой красной,
Отец стоит у штаба на дозоре,
И, подходя к калитке, сам Щетинкин*
Ему, как другу, руку подаёт...
А вот отец в Крыму, в степи сожжённой,
Прижав к груди винтовку, как ребёнка,
Ползёт вперёд, до боли стиснув зубы,
Под пересвистом врангелевских** пуль...
А вот его без чувств, едва живого
Под Сталинградом через Волгу-реку
Переправляет незнакомый парень,
Чтобы в ближайший госпиталь отдать...
И, человек суровый и неробкий,
Отец заплачет тягостно и мокро
И станет сокрушённо удивляться
Тому, как смог остаться он в живых.
Потом закурит, по избе пройдётся,
Молодцеваго ус седой подкрутит
И скажет бодро: «Да, несутся годы...
Но только у солдата порох сух.
И если что (не дай тому случиться) –
Ещё трягну, ей-богу, стариной!»

* П.Е. Щетинкин – один из руководителей советского партизанского движения в Енисейской губернии во время Гражданской войны.

** П.Н. Врангель – русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей Белого движения в годы Гражданской войны, главнокомандующий Русской армией в Крыму и Польше (1920).

ЩЕРБАТОВ БОРИС / 1941–2013

КРЕЩЕНЬЕ

Когда в июне сорок первого,
в тот самый день,
тот роковой,
меня крестили русской верою
в церквушке старой под Москвой,
знать не могли ещё родители,
что где-то, падая в пике,
уже крестили истребители
детей на людном большаке.
Знать не могли ни наши матери,
ни поп – седая борода,
что этот день пребудет в памяти
как всенародная беда.

Двадцать второе –
день крещения,
купель войны, купель свинца.
Четыре года до отмщения
и год до гибели отца.

СЛЕД

Когда отца на поле бранном
подмяла дымная броня,
я разминулся с младшим братом,
который мог быть у меня.

Когда над беженцами «мессер»
расходовал боекомплект,
был среди них и мой ровесник,
едва явившийся на свет.

Я замечал в часы авралов,
как обжигало горячо
моё плечо дыханье справа,
но стыло левое плечо.

Пришла пора – и нашим детям
страна вручает паспорта.
А в их рядах гуляет ветер
и глухо воеет пустота...

Где шли бои, трава густая
берёт стремительный разбег.
А этот след,
 не зарастая,
потянется в грядущий век!

Придут далёкие, другие
с такой же метою в судьбе –
и кровь спасителей России
опять напомнит о себе.

ЩИПАХИНА ЛЮДМИЛА / 1933

С ТОЙ ПОРЫ

Это мы – отец и мама,
Это мы – сестра и брат,
Едем долго
И упрямо
В разбомблённый Сталинград.

Что нам в этом пепелище?
Ни родни,
Ни отчий край...
На руинах счастье ищет
Робкий день,
Победный май!

Отхлебни от нашей силы,
Припади к ней жадным ртом!
Сталинград – пока что символ.
Город вырастет потом.

Город вырастет – из муки,
Из героинства,
Из труда,
А пока потребны руки,
Жесть,
Стропила,
Провода.

Может быть, затем стихами
С той поры теснится грудь,

Чтоб горячечным дыханьем
Обогреть его чуть-чуть.

Как его дела богаты!
Как его глаза чисты!
Это мой отец на ватман
Наносил его черты.

Это мама всей любовью,
Что-то городу шепча,
Берегла его здоровье
Нежной чуткостью врача.

...Школа, карточки, заботы.
Пленных немцев жуткий строй.
Развороченные дзоты.
Без обеих ног – герой...

Век двадцатый – бед немало.
Да и наш удел таков:
Крыш и книг недоставало,
Витаминов и белков...

Мы прошли, светло и свято,
Тот рубеж,
Начав разбег...
О, как труден век двадцатый!
Век двадцатый, славный век!

ЩИТОВ АНАТОЛИЙ / 1934–1998

Был дядя Миша. Нет его.
Лишь фото на стене честь честью.
А дом в порядке. Всё на месте,
Как не случилось ничего.
Хозяйка та же. И как нужно,
как он учил, она хоть в ночь,
гостей приветствуя радушно,
готова каждому помочь.
С утра уборка. День обычный.
Хватает у неё забот.

Дойдёт черёд, она привычно
тряпицей фото оботрёт.
(Тут, может, выплывет случайно
какой-то миг издалека...)
Потом на стол поставит чайник,
достанет кринку молока...
Такая жизнь. Скажи на милость –
был дядя Миша. Нет его.
Как не случилось ничего –
всего одна война случилась.

ДЕД САВЕЛИЙ

Всё в порядке. Никакой тревоги.
Бабка на крыльце сидит. В очках.
Марфа закружилась в огороде –
огурцы поспели. Просто страх.
Бригадир подъехал:
– Где Савелий?
Сенокос, поди твою туды!..
...В кедрачах орехи перезрели,
рыжиками хоть пруди пруды.
Сенокос. Извечные заботы.
Бригадиру шевелить умом.
Людям до тайги сейчас охота,
всё поспело. В руки прёт само.
В остальном же никакой тревоги.
Только в невозможной вышине
между звёзд скользят земные боги
да газеты пишут о войне.

ЩУРОВ ГЕННАДИЙ / 1938

ТАК ЖИТЬ!

Отрывок из поэмы

Тут задохнуться б тишиною –
Так тяжек тёмный монумент...
Над покачнувшейся стеною
Взовьётся тлен опавших лет.
И сквозь него на миг проглянет
В границах страдных дней она,
Страна окопов и землянок,

В самом названье стон – в-ой-на!..
Ещё задумана атака,
И золоты погоны ржи,
И в скирдах сена спит, по танку
На мяту хобот положив.
Ещё расстёгнуты карманы,
В которых будут письма к нам.
Солдат, что станут безымянны,
Ещё зовут по именам.
Им давит горло свежий ворот
И холодок стрижёт вихры.
Но лишь скупы на разговоры,
Но лишь на курево щедры.
На самокрутки нетугие
Следы махры друзьям скребут...
Их безымянными другие
Потом уж горько назовут.
За Родину! Ура! — и встали.
И ярость скажет про любовь
К земле, что сбитый с ног оставил,
Но поднялся закрыть собой.
Не отступили. Не поникли!
Прошли, как шквал, и не слышны...
Во имя Родины погибли
И без имён погребены.
А памятники – не награда павшим,
Что в нашу плоть перелились.
Как узелок, живым на память
Из камня вяжут обелиск.
Чтоб с полной мерою ответа
Постичь, у звёздных плит скорбя:
Теперь позор или победа
Зависят только от тебя!
Так жить, как будто миг последний
И ты у Родины – один.
Её защитник и наследник –
Не сводный брат,
Не блудный сын!

ЭДИДОВИЧ МИХАИЛ / 1941–2008

1945 ГОД

Мать погладит клавиши рояля,
Белые на чёрные помножит,
Чтобы чайки в небе закричали,
Чтобы ветер волны растревожил.

Мать согреет клавиши рояля,
Переполнит полсела печалью –
Женщины притихнут на причале,
Зверобои в море не отчалят.

Отпустила мать крыло рояля.
Музыка не выплыла из окон.
Больно сердцу, сердцу одиноко –
Вместо сына в дом пришли медали...

ПАМЯТЬ

Отец смотрел на руки подмастерья
(тот, как патрон, дослал в гнездо челнок)
и вспомнил бой, и пережил потерю
в последний день под городком Сольнок*.

Он был портным. Пришёл с войны солдатом.
Шей, подмастерье, – не прервётся нить.
Обрубки рук запрятав виновато,
смотрел отец, не в силах подсобить.

ЭЗИЗОВ КУРБАННАЗАР / 1940–1975

ДЕТСТВО

Длиннющая очередь...
У взрослых натянуты нервы...
Треугольники писем...
Слеза – по лицу...
У дверей – туфли: размер сорок первый.
И ещё ярочка – в дорогу отцу.

* Город в Венгрии.

Потом опять бесконечная очередь...
Год сорок пятый –
всюду нужда.
Мальчишки похудевшие – не спали ночи ведь!
Хлебная лавка.
На фронт поезда.

Прости меня, детство без игр, без ласки!
Падали груши в садах, как фугаски,
в крестиках птиц военное небо.
И тихие длинные сны
про корочку хлеба...

Детство, прости,
что у лавок хлебных
мы походили на бездумных глупцов
и, дожидаясь уверенно дней победных,
встретили далеко не всех отцов!

Мы все суровой эпохой проверены.
И хотя не нас убивали в бою,
но мы,
мальчишки военного времени,
выиграли тоже
войну свою!

Возле Киева друг его первый упал,
а второй друг – на Одере.
И потому,
зубы сжав, всю Европу солдат прошагал,
и Европа сказала спасибо ему.

В край родимый
с победой вернулся солдат.
Мать-старушка на радостях справила той*.
Ведь солдаты
не только в могилах лежат,
а домой возвращаются
с фронта порой!

* Праздник, пир (туркм.).

Нет покоя вернувшимся!
Этот закон
завещали живым те, кто пал на снегу,
а живые,
уж так повелось испокон,
перед павшими в битвах
в неоплатном долгу.

Перевод В. Цыбина

ЭМИНОВ ОКТЕМ / 1934

БАБУШКА НЭЗИК

– Бабушка Нэзик!
Счастливым час!
Да, конец войне и нашим бедам! –
Как буран, соседка ворвалась,
И Победа в дом шагнула следом.

Бабушка соседку обняла...
Радостная весть под небосводом
Зашумела, флаги подняла
Всех побед,
Одержанных народом!

Одинокая,
Ждала с фронтов
Лишь Победу долгие недели.
Пули, что летели от врагов
В грудь Победы,
Грудь её задели.

Похоронки в самый дальний дом
Ей морщин глубоких прибавляли;
Танки, землю рвущие, с крестом,
Траками ей сердце разрывали.

Половина сердца – для живых,
А для невернувшихся – другая.
В первой – жизнь бушует и шумит,
Во второй же –
Тишина немая...

– Бабушка Нэзик!
Счастливым час!.. –
Некому внимать победным звукам:
Беды взяв, она ушла от нас,
Радости одни
Оставив внукам.

Перевод О. Дмитриева

ЭСКИН АНАТОЛИЙ / 1937–1977

ПУТЬ ОТЦОВ

Ты пройди, товарищ, по Европе, –
Будапешт, Варшава, Волгоград –
Сколько их, у каменных надгробий,
Молчаливых бронзовых солдат!..

Я хочу, чтоб люди услышали,
И кричу я, твёрдо сжав кулак:
– Это же отцы навеки встали
Над местами яростных атак!

И они своим молчаньем грозным
Говорят всё громче, всё слышней:
«Не позволим переплавить в бронзу
Жизни наших юных сыновей!»

Сам я не бывал в боях суровых,
Но и мне услышать довелось,
Как мужей оплакивали вдовы,
Задыхались матери от слёз.

На полях, омытых отчей кровью,
Урожаи мирные взошли.
И как вечный памятник героям
Вырастает песня из земли.

*Перевод Э. Киян
Музыка Г. Сураева-Королёва*

ЭСКИН БОРИС / 1937–2019

ОТЕЦ

Гвардии-капитану Михаилу Эскину

Он родился 9 мая.
И 9 мая отец,
День Победы в Берлине встречая,
День рожденья справлял, наконец.

Понимал ли, что эти мгновенья
Не сотрут ни года, ни века?
Обороны и наступленья
Он прошёл от звонка до звонка.

И награды случались, и раны.
В день Победы над страшной войной
Было гвардии капитану
Тридцать три с сединой.

Опьянели в груди осколки –
Дню рожденья с Победой дружить!..
Он не знал, что война ненадолго
Разрешила себя пережить.

...День Победы и день Печали.
В небе нимб золотистый врезан.
Перезвон орденов и медалей,
Заглушающий скрип протезов.

Распалется медь духовых –
До победного, до конца!
Нет отца на параде живых –
Я в колонне иду за отца.

Плачу я и смеюсь, как солдаты,
Для которых салют весенний.
У меня сегодня, ребята,
День Победы и день Рожденья...

Не сужу, непомерна ли плата,
Чтобы в вечность страна не канула.

Только знаю я: в сорок пятом
Народилась Россия заново...

И не будет отцу забвенья,
Хоть давно поседели сыны.
День Победы, ты – день Рожденья
И отца, и его страны.

09.05.1985–09.05.2010
Севастополь – Нацарет-Илит

СИРЕНА ВОЙНЫ

Июль поджигает ракеты.
Дымы полыхают в окне.
Опять иудейское лето
В чумном задохнулось огне.

Всё было, всё некогда было.
Сирены, котомка в руках...
Мне детство война разбомбила
В ещё не рождённых строках.

И та же стояла погода,
И полдни пылали костром.
Июль сорок первого года.
Сирены войны над Днепром...

Сирены всю жизнь не смолкали
В стихах, в нестареющих снах.
Сирены всю жизнь догоняли,
Догнав в галилейских лесах.

Проносится смерть по соседству
На злобном зелёном коне.
Сирены из дальнего детства
Под старость вернулись ко мне.

ЮДАХИН АЛЕКСАНДР / 1942–2016

УЧИТЕЛЬ

Мой учитель
Сергей Николаевич Марков
на войне и в тюрьме
был всегда одинаков:
сам себя по суровым законам судил,
в людях совесть будил
и за жизнью следил.
Не следил, горемычный её очевидец –
терпеливо любил, дополнял,
как провидец,
знал Завет, изучил
для свободы санскрит.
Про него говорили:
«Когда же он спит?»
Он себя не жалел и болел бесконечно,
и хворает, наверно, в обители вечной,
на траве-мураве, к валуну прислонясь,
через лупу читает славянскую вязь.
Мой учитель
Сергей Николаевич Марков
знал не хуже поляков,
чем славится Краков.
В Костроме не объехать его по кривой,
по Сибири с котомкой своей полевой
походил. Назовите поэта другого,
кто не хуже Брокгауза* и Соловьёва**
мог ответить на самый
дотошный вопрос.
А Сергей Николаич смеялся до слёз.
Он смеялся до слёз, а теперь его нету.
Стосковался Христос
по большому поэту.
Перед ангелом с кружкой
чифира*** стоит
молодой, синеглазый,
лобастый старик.

* Ф.А. Брокгауз – немецкий издатель; в частности, издал энциклопедию, послужившую основой для российского 82-томного «Энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона» (ЭСБЕ)

** В.С. Соловьёв – русский религиозный мыслитель, мистик, философ, поэт, писатель и публицист, литературный критик, преподаватель, автор статей для ЭСБЕ.

*** Чифир – напиток, получаемый вывариванием высококонцентрированной заварки чая.

Война. Призывы: «Родина в опасности!»,
«Вставай, страна!» И – «Родина зовёт!»
Мы знали цену этой страшной гласности –
солдатка-мать, и я, и весь народ.
Воспитанный на общечеловеческой
идее братства, я с начальных лет
узнал, что слово русское «Отечество» –
не только символ и не только свет,
не только радость видеть небо синее,
любить братишку, бабушку и мать,
не только счастье песни петь красивые,
но и решимость это отстоять.
И старшие, и наше поколение
впитали в плоть на много лет вперёд,
впитали в кровь тревожное волнение:
а вдруг объявят: «Родина зовёт!»

Отрядный вожатый привёл пионерский отряд
туда, где солдаты по-братски в могиле лежат.
Ну что ж, посмотрите: тяжёл зеленеющий вал,
солдат не в обиде на этот последний привал.
Пусть двадцать четвёртый, пусть бок упирается в бок,
хотя бы и мёртвый, а всё-таки не одинок!
Вам жить не на тризне, смотрите, ребята, смелей,
учитесь при жизни посмертному братству людей!

Могильщик не стар и не молод,
для бодрости чуточку пьян.
А ну-ка попробуйте в холод
лопатой стучать по камням.

Среди ежедневных страданий
копает могилы подряд.
Его ордена и медали
на кителе старом звенят.

В округе могильщика знают –
работает дядька давно,
на горе чужом не играет,
берёт лишь на хлеб и вино.

Я с ним на помин братана,
не чокаясь, выпил до дна,
и он приоткрылся устало:
«Никак не привыкну, беда!»

Он друга в огне отступленья
в войну не успел схоронить
и трудится во искупленье,
лет тридцать не может забыть.

ЮМАН АНАТОЛИЙ / 1932–2018

СЕЛО МОЕГО ДЕТСТВА

Ялавр*...

Ялавр...

В волнение

Я вспомнил про детства село.
И в памяти зрелой кружение
Меня сюда вновь привело.

И будто в волшебную линзу,
Склонившись как сын пред тобой,
Сквозь времени сумрак я вижу,
Опять молодея душой.

Далёкие-близкие годы...
Вот мама, заботой полна,
И бабушка песню заводит
Под музыку веретена.

Они в деревянном домишке,
В нём пахнувший хлебом уют.
А к бабке приникший мальчишка...
То я ведь!.. Себя узнаю...

Мечтает мальчишка порою –
С ним звёзды в ночи говорят.
Машина ль пройдёт под горою –
Земные дороги манят.

* Елаур (чуваш. Ялавӑр, тат. Алаур) – старинное село в Сенгилеевском р-не Ульяновской обл.

Струятся весёлые воды
По камушкам у родника,
Читает он книгу природы,
Хоть книг не читает пока.

А речка, как Волга, как море,
И щепка на ней – пароход.
Прекрасны родные просторы,
И в мире немало щедрот!

Идиллия детства – Ялавр!
Свидетелем будь, седина!
Но год сорок первый, как траур,
Стал чёрною вехой. Война!

Село содрогнулось от бедствий,
Трудились в нём даже кто мал.
И быстро окончилось детство,
И мир по-иному предстал.

...Ялавр!
 Такое селенье,
Наверно, у каждого есть.
И памяти зрелой круженье
Не может туда не привести.

1958
Перевод А. Деева

ЮНИЦКАЯ МАРИЯ / 1929–2012

БАБЫ

*Советским вдовам, народным
песенницам Брянского края*

Ах, как бабы поют в Дорожово*!
Ах, как бабоньки пляшут – страсть!
«Дорогова,
Свово дорогова –
Ни узреть,

* Дорожово – село в Брянском р-не Брянской обл.

Ни сыскать,
Ни украсть...

Голубика моя,
Голубика,
Речка Угость*, кудря-мурава,
Расскажи, журавель,
Расскажи-ка,
Где над ним проросла сон-трава.

Да молчит журавель. Зацепился
За колодезя ветхий сруб.
И не скажет он, где притомился,
Где уснул мой солдат-однолюб...»

А как в Летошниках**, у орешни
Собираются бабы в круг...
Проплыли в холодах годы вешние,
Серебром наградили подруг.

И поют они, вдовы седые,
Про свою неумолчную грусть...
И слова этой песни литые,
Словно слёзы любви твоей,
Русь.

ТИХОЕ ЛЕТО

Три часа ночи.
Заря уже занялась.
Двадцать второе июня
Сегодня у нас.
Двадцать второе июня...
Сколько ж мне было тогда?
Двадцать второе июня...
Тихо стучат поезда.
Тихо шуршат машины.
Вымыт асфальт шоссе.
Тихо деревьев вершины
Листья купают в росе.
Цифры в часах электронных
Медленно гасит заря.
Тихо в комнатах сонных,

* Угость – река в Клетнянском и Жуковском р-нах Брянской обл., правый приток Десны.
** Летошники – деревня в Жуковском р-не Брянской обл.

И у календаря
Не перевёрнут вчерашний,
Шумом наполненный день.
Тихо растут на пашнях
Юная рожь и ячмень.
Тихо на книжных полках,
Дремлют седые тома.
Спит, зацепившись за колкий
Скошенный луг, туман.

ЮРКОВ ОЛЕГ / 1935

ВОЕННЫМ ПОЭТАМ

Константину Ваншенкину

Военные поэты, вас читая,
Я думаю о зависти своей.
Дружна и многолика ваша стая.
Бескрайний снег и гарь летят с полей.

Роднит вас всех от быта отрешённость,
От денежной и прочей суеты.
Открытых лиц печаль и обнажённость.
Попытка стать с бессмертными на «ты».

Не всем достичь Берлина удаётся,
И раны заживают не легко.
А вечность рядом ходит и смеётся.
А матери и жены – далеко.

Вы им ещё подарите подарки,
Тряхнёте поседевшей головой.
Желтеют треугольники без марки
И цифры – номер почты полевой.

В степной жаре вам хватит кружки кваса,
В окопной мгле вас вьюга напоит.
Не прочный банк за вами, не сберкасса –
Хребтом гранитным Родина стоит.

ПОБЕДНЫЙ ДЕНЬ

Победный день от нас всё дальше
И всё весомей с каждым днём.
В его оценке меньше фальши.
Его принизить не рискнём.

Он – праздник истинно народный,
Почти единственный из всех.
Он и весёлый, и свободный.
Он – слёзы вдов, он – детский смех.

И где бы ни был ты в том мае,
До или после ты рождён,
Он для тебя незабываем,
Двадцатым веком утверждён.

Да, велики его потери,
Невосполнимы и грозны.
В него порой, как в Бога, верим.
Он вечен, как приход весны.

Пройдя все битвы и парады,
Эпоха с нами говорит.
Наденьте, воины, награды!
Отчизна вас благодарит.

Ты вспоминаешь брата, почерк аса,
Когда в краю, где кончен обмолот,
Над мирными дорогами Донбасса
Военный пролетает самолёт.

И на ветру похлопывая плавно,
Над шахтой «Кочегарка»* реет флаг.
Ждёт пашня, опустевшая недавно,
Людской заботы и небесных благ.

За гулом, утонувшим в отдаленье,
Ты вдруг увидишь всадника в седле
И снова ощущаешь единенье
Того, что в небе, с тем, что на земле.

* Известная угольная шахта в г. Горловке Донецкой обл.

На движущейся транспортёрной ленте
Отрадно блещет топливо страны,
И угольный комбайн на постаменте
Напоминает памятник войны.

И ты уже не веришь фразе грубой,
Которую потомок нам простит,
Когда грозой, сверкнувшей над округой,
Ночных небес расколот антрацит.

ПЛАСТИНКА «ТЁМНАЯ НОЧЬ»*

Кружится плавно пластинка
С музыкой огненных лет,
Словно блестящая льдинка
В море потерь и побед.

И, недовольный собою,
Слушаю скорбную весть.
Не повожу головою,
Чтобы название прочесть.

Тусклые гасятся лампы.
Звуками полнится мир.
Круг наш и дружный, и ладный,
Глаз бесконечный пунктир.

Гул над землянкой стихает.
Плавно пластинка поёт.
Тёмная ночь наступает.
Чёрная степь настаёт.

Ветер свинцовый, мгновенный,
Звук не затейлив, не льстив.
Вот он, всегда современный,
Сердце щемящий мотив!

Верьте мелодии, верьте!
Горло слезами свело,
С думой о жизни и смерти
Это родиться могло...

* Лирическая песня, написанная композитором Н.В. Богословским и поэтом В.Г. Агатовым в 1943 г. для фильма «Два бойца».

ЮРЬЕВА ЛИДИЯ / 1942

СОЛДАТАМ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Военкорам

Великой Отечественной войны

Наверно, в яркий, громкий День Победы
Среди гвардейцев, в блеске их наград,
Он скромно выглядел,
Товарищ мой по делу –
Корреспондент, своей страны солдат.
Война окончилась, а служба не кончалась:
Блокнот – в планшете, «лейка»* – на ремне.
И репортажи вся страна читала
Про Суд народов в гулкой тишине.
...Кому-то, может, лишним он казался,
Нескладный, близорукий военкор,
Но он ходил в атаки, не сгибался
От свиста пуль. Быть может, с этих пор
Он уважением особенным отмечен –
Газеты фронтовой испытанный боец,
И понимали все – ему не легче,
А слово бьёт не хуже, чем свинец.
И в информации любой неуловимо –
В ряду имён героев – в стороне
Стоят его фамилия и имя,
А их бы ставить надо наравне.
Егоров и Кантария. Их знают –
Тот снимок обошёл весь шар земной:
...Скелет Рейхстага. Пламенное знамя,
Два знаменосца, посланных страной.
Но был и третий. Был он незаметен:
Он двух героев, торопясь, снимал,
Чтоб в этом историческом моменте
Запечатлеть навек войны финал.
Да, был обычным подвиг фотокора,
Он взял тогда, как снайпер, на прицел
Историю точнейшим, острым взором,
С солдатской деловитостью в лице.
Не знаю даже – благодарность дали
За фото, ведь возможно, что и нет...

* Фотоаппарат производства немецкой компании Leica Camera AG.

Его в редакции как бога ожидали
Несвёрстанные полосы газет.
Но лучшей наградой оказалось
Для военкора, как ни говори,
Когда ему товарищи сказали:
«Удачно точку подобрал, старик!»

И я завидую по-доброму их перьям,
Их старым «лейкам», репортажам их
За то, что временем оправдано доверье,
Что «не испортили ни песню и ни стих»*.

ПРАВНУКАМ ПОБЕДЫ

Беспечно несмышлёное дитя...
Что знают наши дети о Победе?
Как старики военного литья
Сумеют правнукам своим о том поведать?
И сможет ли сегодняшнее племя
Душой понять ту давнюю войну,
То прошлое, безжалостное время,
Чтоб дрогнуло сердечко за страну?
Чтоб гордостью наполнилась душа
За наших предков, грешных и святых,
Которые, всё старое круша,
Умели строить новое. А ты?
Как научить тебя любить семью
И Родину, как мать, неотделимо?
Прекрасную, несчастную свою.
...Она ещё пока непобедима!

ЮСУПОВ ТИМЕР / 1939–2016

Булату Давлетову

Лишь зардеется день над горою,
Оседлайте, джигиты, коней.
Крылья наши, расправив, раскроем,
Понесёмся простором степей.

* Цитата из стихотворения Б. Слуцкого «Голос друга».

Ради бога, седлайте тулпаров*.
Оседлаю Саптара** и я.
Вознесёмся, и с гор наших старых
Мы стремглав полетим на поля.

Дай, о днях наших вспомним горячих,
Удалые вернём времена.
Кто, всё поле заполнив, к нам скачет?
Поглядите, привстав в стременах.

В побелевших в боях плащ-палатках –
Волочится подол по земле –
Возвращаются наши, в порядке...
Или снова привиделось мне?

Пожалейте, утешьте, ребятки,
Припадаю я к вашим ногам:
Облака это, а не палатки,
Не подол это – сизый туман.

Я, дитя безутешное века,
Обманулся и вас обманул.
Обмануть так легко человека,
Отпустите мне эту вину.

Приспустите, джигиты, поводья
И не бейте коней по бокам.
Друг за другом идут иноходью,
Кучевые идут облака.

Друг за другом идут кучевые,
Кучевые идут облака.

1985

* Тулпár – крылатый конь из башкирских мифов.
** Саптáр – кличка коня.

ЮХМА МИШШИ / 1936

ПЕСНЬ МОЕГО СЕРДЦА

Отрывок

1. Мать солдата

Сыночек,
Сыночек,
Кровинка моя,
Сыночек,
Сыночек,
Мечтанье моё!
Чужие моря и чужие края
Легли между нами,
Стенанье моё.

А может быть,
Ты вдалеке заплутал,
И ноженьки
Злая трава оплела,
Или туман непроглядный обстал,
Или ночная
Запутала мгла?

Хоть малую весточку
Дай мне тогда –
И белою лебедью
Я обернусь,
Нет, соколихою быстрой
Помчусь
Через туманы,
Леса
И года!

Дождинка – слезинка –
На губы мои
Упала –
И я встрепенулась огнём:
Не ты ль
Поцелуем сыновней любви
Коснулся меня
На обрыве крутом?
По лугу,

по лугу,
по лугу бегу,
И ноги мои
По колени в росе!
А в доме пустом
Я уже не могу,
Сын,
тебя ожидать...
Извелась я совсем!

Сыночек, сыночек,
Рыданье моё,
Тебя уж не сыщёт
Мой гаснущий взгляд...
Лишь ветер
Во поле ненастном
Поёт
Да старые вётлы
Ветвями
Шумят.

3. Память

Мама, послушай, –
Четверть века прошло!
Все цветы на могиле отца
Стали почвой
И снова зардели весною...
А ты всё выходишь
На росстань дорог за село...
И в такие минуты
Не говоришь ты со мною.

Шаль – подарок разлуки –
Так сжимают твои беспокойные руки,
Словно ждать остаётся
Мгновенье одно!
(Слёзы
остановившиеся...
Время, ставшее ожиданием...
И лицо твоё, белое, как полотно!..)

И дорога твоя
Начинается не от порога –
Даль безответная

Её возвращает сюда.
Ожиданье – дорога!
А время текучее –
Только
 вода...
Только на время ушедшим
В кэрэге за столом оставляется место...
Это место пустует всегда.

Перевод А. Медведева

ЮШКОВ ГЕННАДИЙ / 1932–2009

Сколько в бой уходило солдат!
Лишь десятый вернулся назад,
и лишь несколько звёзд золотых
нам осталось, как память о них,
о погибших...
А кто из нас трус?
Разве плохо дрались мы за Русь?
Нет! Со времён Ермака шли не раз
в бой – а руки кто поднял на нас?
Чтоб наш край отстоять от врага,
встали мы во весь рост – вся тайга!
Лишь немногие ночи прошли –
мчались коми от дома вдали.
И лишь поезд замедлит свой ход –
прямо в бой, из вагонов – вперёд!
Мы – охотники.
Грянет беда –
знаем, как нам стрелять и куда...
Враг силён!
В опьянении злом
бьёт по флангам и прёт напролом.
Можешь – дважды отдай свою жизнь,
дважды душу отдай, но держись!
Но душа-то, душа-то одна,
не вернётся, как птица, она!
И на пажити русской земли
рядом с русскими коми легли...
Записать не успели солдат:

в эти дни было не до наград.
С ними слава зарыта в земле,
и мужчин не осталось в селе.
Но сердца-то у нас для того,
чтобы помнить всех до одного!
Всех, кто умер, но не отступил,
кто изменою жизнь не купил.

ЯВТЫСЫЙ ПРОКОПИЙ / 1932–2005

Что несёт война, я знаю!
Потому-то в эту ночь
я природу заклинаю –
людям всей земли
помочь.

Заклинаю я морозы:
– Заморозьте тех, кто вновь
хочет,
чтоб вскипали слёзы
и текла рекою кровь!

Заклинаю я бураны:
– Заметите злобы вал!
Чтобы в мире жили страны,
чтоб никто не воевал!

Заклинаю я и ветер:
– Затуши войны костёр!
Чтоб он злобно на рассвете
крылья смерти не простёр!

Заклинаю мощь Печоры:
– Половодьем вешним смой
тех,
кто хочет в злобе чёрной
в пепел сжечь
край отчий мой!

Заклинаю я и море:
– Поднимись своей волной,
утопи в пучине
горе,
порождённое войной!..

Встанет солнце на рассвете,
крикну:
– Эй!
Вовсю свети!

Чтобы люди на планете
шли по мирному пути!

Перевод В. Гордеева

У ОБЕЛИСКОВ

У обелисков голову склоняю,
где нет имён,
одни лишь только даты...
Кто здесь лежит?..
Я этого не знаю.
Но знаю я – в бою легли солдаты,
чтоб над Отчизной голубело небо,
чтоб золотились мирные поля,
чтоб у детишек было вдоволь хлеба,
чтоб на земле со всеми
жил и я!

Забвения героям павшим нет.
Как наша память –
эти обелиски.
И на гранит кладу я свой букет –
тем неизвестным воинам,
но близким.

Перевод В. Гордеева

ЕЗДОВЫМ ОЛЕНБАТАЛЬОНОВ

Поправив ушанки,
ремённые пряжки,
привычно взяв в руки хорей*,
вы вновь
поднимали олени упряжки,
спешили на гром батарей.

Вы целыми днями возили снаряды.
Ваш путь –
жизни тонкая нить...
И вновь батарейцы
вам искренне рады:
– Теперь мы дадим прикурить!

* Длинный шест для управления оленьими и собачьими упряжками.

А вам возвращаться...
От пушек – до складов,
чуть-чуть отдохнуть и обратно.
Туда, где просьба одна лишь:
– Снарядов!
Снарядов!!!

Солдатские будни
большого труда.

Бывало и так:
взрыв взметнётся вдруг близко!
Ударит воздушной волной
прямо в грудь!
...И новой фанерной звездой обелиска
отметится воинский путь.

Но
вновь торопить вам усталых оленей:
груз прежний
и прежний маршрут...
И вам
от спасённых в войне поколений
спасибо за воинский труд!

Перевод В. Гордеева

ЖИВЫЕ КАМНИ

Немало их на сопках и в долинах,
камней, что всем и каждому видны, –
их ставят, по обычаям старинным,
солдатам, не вернувшимся с войны.

Вершины их украшены венками,
а у подножий камешки лежат.
Как вечные солдаты, эти камни
покой родного края сторожат.

Их больше, чем домов. И с потаённой
тоской на них сородичи глядят,

но помнят, помнят всех и поимённо
их называют. Как живых солдат.

1973
Перевод А. Преловского

ЯГАН ИВАН / 1934

СОРОК ПЕРВЫЙ

Прошлое болит и беспокоит...
Сорок первый горемычный год.
Что ни месяц – то в селе покойник,
А в полгода – двадцать пять сирот.

Помнится земля от слёз солёной.
Закрома очистил недород.
Ждали и боялись почтальона:
Вдруг да горе в сумке принесёт.

Он входил в деревню, бледный, слабый,
С болью, что не спрятать на лице.
И взывали неутешно бабы –
Не на этом, так на том конце.

Дни текли. Куражились метели.
Но слезам и вьюгам вопреки
На деревне часто песни пели.
Грянет песня вдруг – и никаких!

Поплывёт и растревожит души,
И дружнее спорились дела.
Не одна в Байдановке* Катюша
Верила и письма берегла.

Сквозь метели и морозы злые,
Согревая нас теплом живым,
К нам летели письма фронтовые
Из-под самой матушки-Москвы.

* Байда́новка – деревня (ныне упразднённое) в Таврическом р-не Омской обл.

– Жив-здоров! –
А нам того и надо.
– Враг бежит! –
А мы того и ждём.
И победным гулом канонады
Наполнялся наш дерновый* дом.

Под Москвою выиграна битва!
Не согнулась Курская дуга!
И была у бабушки молитва
В эти дни проклятьем для врага.

К чудом сохранившейся иконе
Встанет бабка к западу лицом
И начнёт отвешивать поклоны
В честь земных сынов и их отцов:

«Слава отцу и сыну!
Дай Бог, им ратного духа.
Накажи ты вражину
За такую разруху.
Сохрани Ты, Господи,
Сидора с Пашей,
Накажи ты Гитлера
За мучения наши.
В каждую печёнку –
Сто ему иголок
За все наши слёзы,
За холод и голод...»

...И, прося врагу у неба смерти,
Ещё крестясь, вдруг крикнет грозно нам:
– Вы снова снегу натащили, черти?!
Вот я сейчас вам, нехристи, задам!

ВСТРЕЧА

Я помню день, пришедший так не скоро.
Он шёл, весь во славе, в радостях, в слезах.
И в честь его над низенькой конторой
Вдруг вспыхнул яркий и огромный флаг.

* Покрытый дёрном – поверхностным слоем почвы, густо заросшим травянистыми растениями, преимущественно луговыми или степными злаками.

О, День Победы! Крестьятся старушки,
Гадалки сыплют карты всех мастей.
А вдовы тихо падают в подушки,
В избу собрав задумчивых детей.

А я тогда учился радость прятать.
И счастье есть, и всё же трудно с ним...
Мальчишки! Дети! Мы ж не виноваты...
Мы вам поможем, мы вам всё дадим!

Придёт отец, он принесёт подарки –
Я все их вам до одного раздам...
Мы ждём отца. И дни тем летом жарким
Семье казались равными годам.

А вот и осень кличут в небе птицы,
Летя к теплу, за высь безвестных гор.
Двумя мешками веяной пшеницы
Явилась осень в безоградный двор.

Придёт зима суровая без спросу,
Ворвётся лешим в улицы буран...
Пока тепло – мать за деревней косит
На топливо уже сухой бурьян.

Сестрёнки в поле. Бабушка – за стиркой.
Я, примостившись тихо у окна,
Сию на лавке и латаю дырку
На вышеупомянутых штанах.

Ура! Я раньше бабушки заметил:
Во двор солдат хозяином вошёл.
Его таким я помню по портрету.
В руках шинель да жёлтый вещмешок.

Всё прожитое помнится легко мне,
И всё запомню – буду жив пока,
Лишь одного – хоть ты убей – не вспомню,
Как очутился на его руках.

Через минуту серым полем прямо,
Вспузырив рубашонку на спине,
Тараня ветер, мчусь с той вестью к маме,
Сбиваю ноги на сухой стерне.

Перехожу на рысь и вижу:
Мама
(Наверно, сердце чуяло её)
Взяла платочек белый из кармана
И уронила на землю косьё...

Тебе сейчас бы взвиться чайкой лёгкой,
Лететь туда, где радость – с океан,
Но ты, смеясь, раскинула верёвку
И принялась накладывать бурьян.

Свела концы и, затянув потуже,
Взяла вязанку на плечи легко.
Идём домой варить для гостя ужин,
А «гость» идёт навстречу прямиком.

Идёт всё той же и не той походкой.
Сошлись...
Я слышал: дрогнула земля.
К ногам упала рыжая пилотка,
За ней – вязанка, горечью пыля.

И вот он, исходивший пол-Европы,
Насквозь пропахший гарью от войны,
Шагает полем по заросшим тропам,
Вязанку сняв со слабых плеч жены.

И лишь теперь, за все четыре года,
Она опять почувствовала вдруг
Восторг и немощь перед этой гордой
Мужскою силой работающих рук.

ЯГАНОВ ВИКТОР / 1942–2000

УЧИТЕЛЬ ФИЗКУЛЬТУРЫ

Мы замирали – что как вдруг сорвётся:
Недоставало пальцев на руке.
Прямой, как спица, наш учитель «солнце»
На зависть всем крутил на турнике.

Потом соскок фиксировал красиво
И, отойдя, украдкою с лица

От боли, от приложенных усилий
Пот смахивал, как капельки свинца.

Он подходил к свисавшему канату,
Массируя калеченую кисть,
Нас вызывал по одному:
«К снаряду! – И говорил: –
Попробуй подтянись!»

Мы к турнику шли медленно и кротко
И выжимали всё из слабых мышц.
А он кричал: «Тяни до подбородка! –
И добавлял обидное: – Мудришь!»

Мы, обессилив, падали, как ядра,
Но, ушибаясь, не таили зла:
Его, мы знали, так же, как к снаряду –
Отчизна в сорок первом позвала...

Он перед боем, расчехляя «сотку»,
Вытаскивая ящики из ниш,
Кричал врагу, надсаживая глотку,
Своё традиционное: «Мудришь!»

И сам себе командовал: «К снаряду!»
И подносил снаряды, подносил.
Но тот, чужой, ударил где-то рядом
И солнце на мгновенье погасил.

Его нашли, но только через сутки.
Средь жёлтых гильз и ящиков пустых
Лежал он, обмороженные руки
Снаряд сжимали крепче рук живых.

Как две луны, покачивались кольца,
«Конь» усмехался на прямых ногах.
Нам было далеко ещё до «солнца»,
Хоть пальцы все имели на руках.

ТЁТЯ НАТАША

Милая, милая
Тётя Наташа,
Мужа, как руку,
Война отняла.

Постной картошкой
Да тыквенной кашей
Всех пятерых
Малышей подняла.

Вот и десяток
Седьмой распечатан,
В убранном доме
Достаток,
И всё ж
По воскресеньям
Тарелку внучатам
С тыквенной кашей
На стол подаёшь.

Отец в сырой земле
Думает обо мне.

Думает, став звездой,
Чтоб мог я идти во мгле.
Думает, став травой,
Чтоб я не остыл на земле.

Думает, став костром,
Чтоб ночь скоротал я легко.
Думает, став пером,
Чтоб совестью был его.

ДОНОР

Сестра в халате, как мадонна.
Игла ужалила, тонка.
Я кровь сдаю – рабочий донор,
Пришедший прямо от станка.

Я за тебя, солдат, воюю,
Теперь уже за жизнь твою.
Не зная, кто ты, я живую
Кровь безвозмездно отдаю.

Ты мстил врагу святою мезтью
В окопе узком, на снегу.
Кровь проливал не безвозмездно –
Неся возмездие врагу.

Я подвиг твой, как правду, помню.
Ты выжил, вышел из огня.
Я кровь твою своей восполню.
Ту, что ты отдал за меня.

СОЛДАТКИ

Откуда женщины узнали –
Пронёсся слух, как будто стон:
По Транссибирской магистрали
Пройдёт военный эшелон.

В душе солдаток затаённо
Надежда вспыхнула звездой:
В том эшелоне задымлённом
А вдруг окажется и мой!

Чтоб деток милых повидали,
В глаза родные заглянуть,
Грудных солдатки пеленали
И собирались в дальний путь.

Обоз тянулся одиноко
В степи без света и тепла.
Казалось, к станции далёкой
Сквозь ад дорога пролегла.

Вдаль устремляя взор бессонный,
Стеная вьюге в унисон,
С грудными стыли на перроне,
Всё ожидая эшелон.

От горя женщины немели
С тоской своей наедине –
Теплушки мимо пролетели
Навстречу вьюге и войне.

Среди солдаток, ожидая
Тот эшелон, судьбу моля,
Меня дыханьем согревая,
Стояла скорбно мать моя.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Кастрюля с пареной пшеницей
На самом краешке стола.
Три детских худеньких десницы –
Как неокрепших три крыла.
А за окном февральский ветер
Напоминает о весне.
И нету, кажется, на свете
Пшеницы пареной вкусней.

А самой старшей только восемь –
Для младших нянька день-деньской.
И если в дом войдут и спросят –
Ответит просто, не впервой:
– А мамка наша на заводе,
На фронте папка (третий год),
Как будто тоже на работе:
Закончит смену – и придёт.

ЯКУШЕНКО АЛЕКСАНДР / 1938–2012

СОРОК ПЯТЫЙ

Уже война пришла к закату
И возвращались мужики.
В тот год, на радости богатый,
Невзгоды были все легки:
И хлеб домашнего помола,
И непослушные плуги.
В землянке тесной жгучий холод,
Обувка с братовой ноги...
Всё это, в общем, забывалось,
Когда дорогой непрямой
И обожжённые металлом
Солдаты шли домой.
Домой!
Я помню, как рыдала мама,
Когда сосед наш, дед Федот,
Сказал однажды:
– Немцу – амба,
Теперь, Агафья, твой придёт...
А писем не было всю зиму,
Гадалок привечала мать.

Кто их вернёт, кто их поднимет,
В каком году?
А на погост уже шагнули
Отец и мать давно.
Сразили их всё те же пули.
Давно всех нет их. Но
Не позабыть мне до кончины,
Как в том году
Ушли из дому все мужчины
Гасить беду.
Теперь их кто-то упрекает,
С ума сойдя.
Родных не помнит только каин.
Но – Бог судья.

ПАМЯТЬ

Мне в это поверить непросто,
Но падали, падали ниц
Отчаянно и краснорездно
Ребята у дальних границ.
И было высоко и немо,
Как знамя, накрывшее их,
Родное пробитое небо
В пылающих звёздах больших.
Ребята, мои одногодки...
Слова тут бессильны, как дым.
И танки родные пилотки
Кромсали железом литым.
Железо мне в детстве гремело,
Хоть был далеко этот бой.
Ну что же,
Ну что же мне сделать
Пред памятью вашей святой?..

ЯРОЦКИЙ БОРИС / 1933

ПОД ПРОХОРОВКОЙ

Под Прохоровкой летом в сорок третьем
Поистине был самый ад войны.
Броня гудела и дышала смертью,
Дышала с той и этой стороны.

Сталь, накаляясь, в пламя превращалась,
В разящий порох превращалась кровь.
Как молнии, здесь сталкивалась ярость
Взаимоисключающих миров.

Во все столетья так ещё не бились –
Вросли в простор две огненных стены!
Но здесь, в аду, светила справедливость
Лишь только с этой, с нашей стороны.

Как при затменье, меркло солнце в небе.
Метались танки, траками пыля...
Как соль на раны, принимала пепел
Измученная русская земля.

1984

СПЕЦОВКА

Сегодня – праздник.
Первый раз
Вернулся сын с работы:
Я, мол, теперь рабочий класс.

Устал, небось?
Да что ты!..
И мать, улыбку затая,
Окрошку наливает.
«Володька, радость ты моя!
Ты – кровь отца живая...»

...И с болью вспомнила она
Июнь в разливе зноя.
В окно врывается война
Ударною волною...

На фронте муж.
Забот не счесть.
Дни кажутся всё горше.
Потом страшнее бомбы весть:
«Погиб в бою под Оршей».

Потом она в цеху.
Потом
Как тополь вырос Вовка.

И навсегда вернулась в дом
Рабочая спецовка.

1961

22 ИЮНЯ

Этот день не забыть.
Этот день навсегда
В нашу память вошёл
Раскалённым осколком.
...Было чудное утро.
Заря, как слюда,
Серебрилась над серым
Пустынным просёлком.

И когда за рекою
Верхушки берёз
Обожгла докрасна
Орудийная вспышка,
Дав России сигнал,
К карабину прирос
Из глубинки тверской
Пограничник-парнишка.

За спиною – страна:
Ширь лесов и болот,
В городах – тишина,
Там ни дыма, ни гари.
Торопился Курчатов*
Ядро расколоть,
Видел звёздные сны
Семилетний Гагарин.

А в секрете
Послушные пальцы бойца,
Торопясь,
В магазин загоняли обойму.
Он собой заслонил
Наши с вами сердца
И упал в задымлённой
Принеманской пойме.

* И.В. Курчатов – советский физик, главный научный руководитель атомной проблемы в СССР, один из основоположников использования ядерной энергии в мирных целях.

И под ним
Обагрились ромашки,
Как мак;
Тонко звякнули
Гильзы пустые.
Но уже по тревоге
Вставала Россия,
Занося для удара
Свинцовый кулак.

Словно рана в груди,
Наша память болит,
Хоть и время летит
Реактивной птицей...
День войны!
Никогда он не будет забыт.
Но важнее –
Не дать повториться.

1961

ХЛЕБ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Нам выпал век большой и напряжённый,
Отмеченный накалом седины.
Нам век оставил, как фонарь зажжённый,
Картину детства времени войны.

...На стенах изморозь, как соль на склепе.
Гуляет ветер, по ногам скользя.
Колдует мама над горбушкой хлеба:
Детей – орава, а горбушка – вся.

Хлеб, чудо-хлеб! Нарезан ровно, мелко.
На нём застыл голодный детский взгляд.
Кусочками лежал он на тарелке,
Как в заграничном фильме шоколад.

Мы, малыши, всё понимали сами:
Что было в доме – было на столе.
А главное, была там с нами мама,
Как солнце на земле.

Нам повезло, что в том жестоком мире
Волшебствовала мамина рука:

То нам найдёт картошину в мундире,
А то, случилось, кружку молока.

И – хлеб. По виду чёрный, был он светел.
Благодаря ему мы не забыли смех.
Кусочек хлеба!
Взрослым я заметил,
Что мамин был кусочек меньше всех.

Он в памяти моей живёт, как вечность.
Остался он запевкою в судьбе.

От мамы начиналась человечность:
Другим – дать больше,
Меньше взять – себе.

1973

ЯРЦЕВ ВЛАДИМИР / 1945–2019

ТЫ СВАРИ ДЛЯ НАС ЩИ

*Сверстникам моим – детям военного
времени – и святым матерям нашим
посвящается*

Мы, пожалуй, немало
Пожили на свете,
Скоро в дальний полёт
В мир сокрытый, иной...
Только кажется мне,
На далёкой планете
Снова встретимся мы
Всей военной семьёй.

Ты посмотришь на нас,
Улыбаясь, устало.
Мы тобой рождены,
Мы тобою полны.
Ты свари для нас щи,
Щи зелёные, Мама,
Как варила в голодные
Годы войны.

Испеки ты нам, Мама,
Ржаные лепёшки,
Молоко от козы
Кипятком разведи.
Ты свари нам горшочек
В мундире картошки,
А потом, как в войну,
По одной раздели.
Засвети ты коптилку
Нам в позднее время,
Золотистой соломой
Прикрой кирпичи,
А, пожалуй, сейчас
Нам никто не поверит,
Что в войну ты нас мыла
В крестьянской печи.
Мы, как в детских мечтах,
Улетаем с порога
На крылатых конях,
Без стремян, без узды.
Подожди ты нас, Мама,
Осталось немного.
Подожди нас у самой
Красивой звезды.

СЕРЫЕ ШИНЕЛИ

(Память детства моего)

В декабре всё помертвело,
Холодов пришла волна,
Стало слышно, как гремела
Под Калинином война.
Утром в школу перелеском
Тянем хрусткие следы,
Лики окон деревенских
Почернели от беды.
Мать сказала: «На пороге
Немца мы не станем ждать!»
И по Бежецкой дороге
Мы решили убежать.
Торопливо, со слезами
Собирался наш отряд:
Баба Таня с образами,
Мама, четверо ребят.

Мы со сборами спешили –
Вдруг прорвётся вражья рать...
Заморозить пчёл решили,
Чтобы мёд в дорогу взять.
Улья в сад перетащили.
Им весной бы здесь стоять.
Крышки домиков открыли...
Почему-то плачет мать.
Что-то странное в природе,
Время свой сменило бег...
Закружился в огороде
Белый яблоневоый снег...
Пчёлы всё понять хотели:
Кто, за что беду принёс?
Укоризненно гудели,
Вылетая на мороз.
Не спасались от метели...
На лету, как на бегу,
Пали серые шинели
И замёрзли на снегу...
Жаль, что поздно мы узнали:
Враг попятился назад
И с тяжёлыми боями
Был в тот день Калинин взят.
После злой, шальной атаки
На приволжских берегах
Расцвели зимою маки
На заснеженных лугах.

Мы давно уж постарели...
Всё короче жизни нить.
Только серые шинели,
Что в снегах взлететь хотели,
Не дают себя забыть.
Ты весной луга послушай,
Где схоронены мечты...
Там солдат штрафные души,
Там солдат родные души,
Там солдат святые души
Прилетают на цветы.

БАЛЛАДА О ПОГИБШЕЙ ЗАСТАВЕ

Когда упали небеса
На отдохавшую заставу
И ясной зорьки полоса
Закрылась заревом кровавым,
Когда смешались явь и сон,
Когда от взрывов глохли уши...
И в саване рубах, кальсон
Взлетели, не проснувшись, души,
Когда под грохот, гул и свист
Всё закрутилось в страшном цикле
И за подмогой особист
Умчал на дымном мотоцикле...
Тогда час истины настал.
Для всех настал, куда деваться?
Для тех, кто громко выступал,
Тех, кто старался от молчаться.
А через поле от реки,
Где огородов не держали,
За танками штурмовики
Почти что весело бежали.
Нас командир не призывал...
Искусанными в кровь губами
Приказы резко отдавал,
В траншеях дрался рядом с нами.
Отбросив страх, забыв про боль,
Стреляла, корчилась, кричала...
Немыслимый творила бой
Обыкновенная заставка,
На три часа сдержав собой
Стрелу внезапного удара.
Мы в суматохе страшных дней
В реестр погибших не попали,
Потерянные на войне,
Мы просто без вести пропали.

Забыты наши голоса...
Родные нас не ждут ночами...
А мы всё держим небеса
Забронзовевшими плечами.

ФОТОГРАФИЯ

В кацавейке, в линялых штанишках,
На носу конопушки видны...
Помни, маленький, ты не из нищих,
Ты из лучшей на свете страны,
Из великой, но послевоенной,
Погоди, и немного спустя
Та страна бросит вызов вселенной.
А пока щеголяет дитя
В домотканой суровой холстине
И слепую ведомо судьбой.
...Грустной выдумкой кажется ныне
Всё, что было не только с тобой.
И не ты оробел с непривычки,
Удивлённо губу прикусив, –
Ожидая несбывшейся птички,
Поколение глядит в объектив.

ЯШЕНКО АЛЕКСЕЙ / 1941–2012

УПАЛ ЧЕЛОВЕК

Крутые ступеньки в аптеке
Истёрты, и ноги скользят.
А много ли сил в человеке,
Когда ему за шестьдесят?

Когда за плечами окопы,
Походы и смерть, наконец?
Он дважды прошёл пол-Европы
И носит у сердца свинец.

Он падал, опять поднимался,
В атаке брал новый разбег.
Металлом на нём расписался
Двадцатый жестокий наш век.

Он нёс эту страшную память
От холода тесных могил,
Он грел эту землю губами
И жизнь для неё сохранил.

Вернулся, чтоб сеять и строить,
В труде, как в бою, впереди.
Солдатское сердце простое
Металл ощущало в груди.

И этот металл, и окопы,
В которых в морозы прожил,
Упрямо заставили, чтобы
В аптеку старик заходил.

Он шёл так спокойно и гордо,
И весел был старческий взгляд.
Ступил на ступеньку нетвёрдо –
Упал не вперёд, а назад.

Упал, и нет силы подняться
Со стёртых ступенек крыльца.
Прохожие будут смеяться,
Не зная у сердца свинца.

Мужчины друг другу кивают:
Понятно, дошёл гражданин,
А женщины зло проклинаят
И водку, и пьяных мужчин.

Забыты тревоги и войны.
Мы приняли мирный разбег.
Как можно бездушно-спокойно
Смотреть, как упал человек?

Ведь им-то гордились когда-то...
Я молод, я прочно стою
И крепкую руку солдата
Упавшим всегда подаю.

1963

ЯШИН ДАНИИЛ / 1929–1988

СПАСИТЕЛЬ

Гляжу суровыми глазами
Я на знакомое лицо.
Со знаменем в руках он замер,
Солдат народа моего.

Стоит величие России
Предупреждением врагам!
Цветы стекаются живые
К его недвижимым ногам.

Солдат, какой дорогой – знаю,
Домой вернулся ты таким...
Я низко голову склоняю
Перед бессмертием твоим.

Перевод Л. Шкавро

ЯШИНА ИНЭЛЬ / 1940–2011

ДОВЕСОК

Сбираюсь в очередь за хлебом,
Платком увяжут – и бегу.
А фиолетовое небо
Лежит на мартовском снегу.

Дед Сиволотыч* хмуро скажет,
Свою поглаживая плешь:
«Смотри же, Боженька накажет,
Коли в пути довесок съешь.

Соображай, сама большая!»
И я шагаю за порог.
Какой он жадный, я решаю,
Какой он злющий, дедов Бог!

* Всеволодович (*искажённое*).

Всё видит, слышит, всё он знает
И вездесущ во всех домах.
Уж вся в него, такая злая,
Нам эта выпала зима!

И в злое, сумрачное утро,
Как в сизом пепле уголёк,
Толпою серою окутан,
Окошком светится ларёк.

– А кто последний? – тоньше писка
Озябший голос прозвенел.
Давали хлеб по твёрдым спискам,
На всю семью отпускают мне.

А что толпа? Ползёт змеёю,
Ползёт, вокруг ларька кружа,
И длинный хвост уже за мною –
Стоим, от холода дрожа.

Знакомых много, все знакомы:
Васянька, Лёлька, Гена-кнут.
И все попутчики до дома,
И все, как я, довеска ждут.

Мы сколько раз – девчонки, парни –
Всегда голодная гурьба,
К районной бегали пекарне,
Как попевали там хлеба.

Войной приученные дети,
Случалось, ждём часов до двух
И, забывая всё на свете,
Вдыхаем тот волшебный дух!

Дошёл черёд. Качнула гири
Буханка, чёрные бока.
Хоть килограмма на четыре,
Но недовешена пока.

Схватились крепко интересы!
Качались чашки. Наконец
Мой долгожданный, мой довесок
Кидает сверху продавец! Пускай накажет Бог, решила,

Я не страшилась кар любых,
До дурноты, до дрожи в жилах
Довесок этот нужен был!

Жевала долго, с наслаждением,
По крошке вкладывала в рот...
Любой пирог на день рожденья
С довеском вровень не идёт!

Но –
 словно жар охватит резко,
Коль память высветит вопрос:
«Что, дочка, не было довеска?»
И стыдно,
 горестно,
 до слёз.

ГОЛУБОЕ ПЛАТЬЕ

Трудоднями зачтён трудов фронт.
Не до платьев и юбок – до дрожи
Кандалакшская непогодь рвёт
Одежонку из чёртовой кожи.
Но однажды пришёл вестовой,
Завтра быть приказал в сельсовете.
Отзывали Наташку домой. На денёк.
И – на фронт на рассвете.
Это завтра. А в бане хмельной
Первый жар! Шпарьте, мыла не жалко!
Шелковистые косы волной,
Словно лёгкая ткань полушалка.
Уходила Наташка на фронт.
Это – завтра. А танцы – с вечера.
Доносился из парка фокстрот,
Трубы медные радостно пели.
Будоражила музыка кровь;
Покружиться бы в танце горячем!
Ясен взгляд и подкручена бровь,
Но во что нарядиться – задача.
Еле выждала Зину домой
(Та в конторе играла на счётах).
– Дай, сестричка, мне платье с каймой,
Поплясать на прощанье охота!
Зина долго смотрела в упор,
Ни понятья в глазах, ни привета.

– Голубое? Каймою узор?
Да оно только раз и надето!
Хочешь серое с длинным плечом?
Поясочком подвяжешь покруче.
Ткань приличная. Знаешь почём?
И не лезь на огвоздья да сучья!
...Подвязала повыше подол,
Кудри вроссыпь. В минуту Наташка,
Словно ветер весенний подул,
Упорхнула, как лёгкая пташка!
Ох, плясала! Держись, каблуки!
Раздербонила лыко в мочало!
А взревели парома гудки –
В самый раз к переключке примчалась...
Что военный описывать год?
Шоферила, была в рукопашной.
Но случится, гармонь запоёт
На привале, и вспомнит Наташа
Сад весенний в душистом цвету,
Щебетливых подружек объятья
И свою голубую мечту –
Голубое с каёмкою платье...
Вновь налёт. И осколок шальной
Распластал её навзничь немую.
Пало небо – покров голубой,
И курчавились тучки каймою...

МЕТЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Твердит манкурт*, что может эта дата
С годами ничего не означать...
Звезда над прахом павшего солдата
От пламени живого горяча!

Живая боль покоится в седилах
У постаревших в молодости вдов.
Живая боль к погоде забродила
В груди, прошитой пулями врагов.

...Окопы в дальних мурманских болотах
Руками наших вырыты девчат.

* Манкурт – согласно роману Чингиза Айтматова «Буранный полустанок» («И долгие века длится день»), взятый в плен человек, превращённый в бездушное рабское создание, полностью подчинённое хозяину и не помнящее ничего из предыдущей жизни. В переносном смысле слово употребляется для обозначения человека, потерявшего связь со своими историческими, национальными корнями, забывшего о своём родстве.

«Болотные солдаты!» – им пехота
Кричала, незлобливо хохоча.

А сколько раз спасёт солдата яма,
Окопчик да траншея у бугра?
Ведь поначалу тихо шепчут «мама»,
А уж потом взрывается «ура!».

...Не потому ли плохо спят ночами
Солдаты, отстоявшие покой,
Что полегли друзья-однополчане
В чужой земле за Одером-рекой?

И умирая, истекая кровью
В немецком аккуратном городке,
Родное вспоминали Заостровье*
Да старую церквушку вдалеке.

И морячок всё гложет, сердцем плача.
В его ушах, вставая, как стена,
Ревёт над полуостровом Рыбачьим
От полюса летящая волна!

Что люди? Вьюги гложли от орудий!
Бойцы до поздней северной зари,
Припав ко льду и камню жаркой грудью,
Дрались на скалах Муста-Тунтури**.

На бой святая ненависть водила
За слёзы вдов, сирот и матерей,
Бивали вы прославленного Дитля***,
Его хвалёных горных егерей!..

Но вновь вояки с памятью короткой
На сборищах своих впадают в раж,
До хрипоты надсаживают глотки
И с будущего требуют реванш.

* В Приморском р-не Архангельской обл.

** Горный хребет Муста-Тунтури (с фин. «чёрная гора») отделяет Средний полуостров (район Кольского полуострова) от материка. Во время Великой Отечественной войны здесь был самый северный участок фронта. После долгих кровопролитных сражений добавился ещё один вариант названия – «Долина смерти». Не имеет равных по количеству павших на 1 кв. м, а также по климатическим и геологическим условиям. Сегодня здесь находится музей под открытым небом, а у подножия – братская могила и памятник.

*** Э.В.К. Дитль – немецкий генерал-полковник (с 1942 г.), участник Первой и Второй мировых войн.

Опять звенят фашистские награды,
Растёт цена на тряпки палача...
А на руках российского солдата –
Немецкая девчущка у плеча*...

Лицо бойца хочу назвать я ликом
(Резцом ли сгладил скульптор ножевым?).
Ты был простым солдатом, стал – великим,
И вечно будешь в памяти живым!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Высота в расплавленном металле,
Гром и чад атаки огневой...
«Где-то там следы отца пропали, –
Нам писали сверстники его.
– А сулился жить годов до тыщи.
Как, бывало, сядем на привал,
Байки точно из-за голенища,
Песни, как из сердца, выдавал.
Не тужите, было не однажды,
Через двадцать, даже тридцать зим
Возвращался без вести пропавший,
Словно кто солдата воскресил».
...Вот прошло и двадцать лет, и тридцать,
Пережито столько бед-кручин...
Всё отец в окошко не стучится.
Ну а вдруг сегодня постучит?

ЯШИНА ЛАРИСА / 1941

Пока к этим склонам
И к братским могилам
Мы ходим с поклоном –
Не зря всё, что было!

Август 1985

* Речь о монументе «Воин-освободитель» в берлинском Трептов-парке.

Мне лишь четыре было в сорок пятом.
Дожди салютов сыпала весна,
И было мне немного непонятно:
В какой же день окончилась война?

Не различали праздников и буден,
Был каждый день и лёгок, и тяжёл.
И возвращались, возвращались люди,
А мой отец... Он так и не пришёл.

Ах, мама, мама! Ранние седины...
И, не умея слез твоих унять,
Про тонкую и горькую рябину
Пыталась я тихонько подпевать.

1963

ПРОВОДЫ

Когда раздался зов страны
И взрывов грозные раскаты,
Примчались враз в военкоматы
Ещё безусые ребята,
Совсем не знавшие войны.

Пришли суровые отцы,
Готовые к защите дома,
И, побывав у военкома,
Пошли дорогою знакомой,
Но в новом звании – бойцы.

Со всех сторон,
Из разных мест,
Под стон и плач
И в клубах пыли,
Оставив жён, детей, невест,
На фронт солдаты уходили.

Колонны шли за горизонт.
Где ты, земляк наш, только не был...

Отсюда начинался фронт.
Отсюда виделась Победа!

1985

МЫ ИЗ ПЕНЗЫ!

По-над сурской волной
Вырос город родной,
И людьми, и делами красивый,
Здесь и мы рождены,
В середине страны,
Возле самого сердца России.

А суровой порой
Город встал тоже в строй,
Хотя был тыловым городишком,
И «катюши» – на фронт,
И снаряды – на фронт,
И на фронт за отцами
Мальчишки.

Ой, родная земля!
Раны, госпиталя,
Люди горе в избытке узнали...
Вот ещё самолёт,
На Берлин танк пойдёт –
Против врага миром восстали.

Ах, салютов огни!
Так похожи они
На горящую в сердце отвагу...
И, как вечности знак,
Начертал наш земляк:
«Мы из Пензы!» –
На стенах рейхстага.

1985

Я по рассказам представляю,
Какой была ты фронтовая...

...Хоть здесь почти бомбёжек не было, –
Шинели всюду, гимнастёрки,

И так народу много бегало
Меж Пенз – От Первой до Четвёртой*!

Пути забиты эшелонами.
Мельчали собственные беды,
И каски виделись ШЕЛОМАМИ,
И тыл работал для ПОБЕДЫ.

1985

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Они обещали когда-то
Прийти непременно домой,
И, верные слову, солдаты
И летом идут, и зимой...

Деревья в поклоне согнутся,
Застынут безмолвно года.
Они обещали вернуться –
Они и вернулись сюда!

Не знали с позором и страхом,
Когда злые вьюги мели.
Они возвратились.
Не прахом,
А частью родимой земли!

Апрель 2000

ПРИВАЛ

Ветеранам 354-й дивизии

Вот что значит привычка!
Фронтовик – он хитёр:
Под дождём с одной спички
Разгорелся костёр.

Что болезни-тираны,
Что тужить о годах?
Собрались ветераны
На Чистых Прудах.

* В Пензе, кроме главного вокзала, есть станции Пенза-2, Пенза-3 и Пенза-4.

Закипает ушница
В прокопчённом котле,
В чай добавим душицы,
От ста грамм веселей.

Можно вдоволь смеяться,
Каждый встрече здесь рад.
Было им по семнадцать
Шестьдесят лет назад.

Но и бодрость, и сила
Сохранились досель.
Их на фронте крестила
Огневая купель.

– Нынче – бедки, не беды, –
Все они говорят, –
Если был День Победы,
Значит, жили не зря!

Сколько песен не спето,
Так теперь под дождём
Мы хотя б по куплету
Всё, что вспомним,
Споём!

01.06.2001

ОТЗОВИТЕСЬ!

Отзовитесь!

Отзовитесь!

Отзовитесь!

Этот крик опять

врывается в газету:

– Где сложил ты буйну голову,

мой витязь? –

Бродит Память поседевшая

по свету.

День сегодняшней

смешался со вчерашним,

Не утихла боль от времени

нисколько.

Столько лет хранили

груз коварный пашни,
До сих пор тревожат
грудь Земли осколки.
До сих пор ещё
кому-то плохо спится.
Ночь – длинной
во всю нелёгкую дорогу...
Если трубный звук
напомнит вдруг тревогу –
Тишина взлетит
встревоженною птицей.
Отзовитесь!
Отзовитесь!
Отзовитесь!
Эхо гулкое гуляет по планете.
Уже внуков
нянчат нынче ваши дети –
Это значит, что вы снова
повторитесь!

1985

ЗОЯ

1.
Что может быть вкусней глотка воды,
Когда от жажды пересохла губы,
Когда бы фляжку,
Хоть на всех одну бы,
И пригоршня – спасенье от беды.

Упасть лицом в звенящий мир ручья,
Ловить губами струи водопада
И, котелком нагретым бренча,
Делить по-братски светлую прохладу.

Узнать особый привкус родника
В замшелости зеленоватой сруба
И жгучий холод доброго глотка
Такой воды, что аж заломит зубы!

И до сих пор мне не хватает сил –
Воспоминанья эти сердце ранят –
Забывать, как там, в Петрищеве,

Татьяне
На просьбу: – Пить! – жёг губы керосин.

1968

2.
Я видела, как к Зоиным ногам
Склонялись люди с нежностью великой,
И к бронзовым солдатским сапогам
Прильнули тихо красные гвоздики.

Как бронзовые эти сапоги
Могла осилить хрупкая девчонка?
А ей сейчас чулок бы тонкий-тонкий
Да по последней моде каблуки!..

Но в этих сапогах смогла пройти
Она не год, не два – десятилетия!
И хочется ей взять гвоздики эти
И маме,
Милой маме принести!

1969

ДЯДЬКА АНИСИМ

А.Д. Артемьеву

Мой дядька Анисим прошёл три войны;
Ходил не за славой в далёкие дали,
А просто, чтоб жили счастливей сыны,
А просто, чтоб люди войны не видали.

И чтоб на пожарищах встали дома,
И чтоб превратились землянки да хаты
Трудом-волшебством в кружева-терема,
Такая была вот мечта у солдата.

На сколько домов сам он крыши надел?
Их так же, как вёрсты в пути, не считали,
Но только всему наступает предел:
И руки устали, и ноги устали.

Солдату не быть у болезни в плену,
И как бы его ни корёжило люто,

Он в праздник Победы подходит к окну
Увидеть и крыши, и звёзды салюта.

1984

ОТЦУ

Повторяются сны,
Повторяются сны,
Только этот не повторился:
Ты вернулся с войны,
Ты вернулся с войны!
Столько лет торопился!

И холодной зимой
Ты приходишь домой
К нам – любимым и близким...
Сон несбыточный мой:
Наш отец – молодой,
Каким был там, под Минском!

Неизвестных солдат
Больше нет, говорят,
Есть у каждого имя.
И пополнился ряд
Чёрных траурных дат,
День последний твой –
С ними!

1973–1997

ПОКЛОН

Поклон всему, чему обязана
Я жизнью, радостью, судьбой:
Дымку над рыжею трубой,
Деревне под седыми вязами,

Ночному мирному молчанию
Поклон, призывному гудку,
Поклон рассветному мычанию,
Парному с пеной молоку.

Поклон краям, где не была ещё,
Друзьям,
Не встретившимся мне.

И мудрой вековой сосне,
Над домом небо подпирающей.

Полям
В прозрачном тёплом мареве,
И выросшей на склонах рва
Тебе поклон, иван-да-марья,
Такая русская трава!

Огням,
Что мы зажгли для вечности,
И горьким перечням имён...
Поклон великой человечности
И человечеству
Поклон!

1975

ДОПОЛНЕНИЯ
К КНИГАМ VI, VII, VIII

АВДЫШЕВ АЛЕКСЕЙ / 1928–1997

Мелодия скорбная глуше,
в тоске оркестровая медь...
Нам в детстве не трогала душу
совсем непонятная смерть.

При случае дружно и звонко,
под отблеск лучистого дня
печальной толпе: «Похоронка!» –
кричала вослед ребятя.

Жизнь, смерть... Близо это соседство.
Когда же в начале войны
бомбёжкой смело наше детство,
весь ужас той, смертной, цены
узнали и мы, пацаны...

АКСЕЛЬРОД ЕЛЕНА / 1932

ЭВАКУАЦИЯ

Эвакуация. Коптилка.
Над нею бабушка бормочет.
Разноязыких бед копилка,
Кобылы обречённой очи...

Старик-казах заносит палку,
Чтоб вызволить меня из драки.
На глиняном полу вповалку
В отрепьях каторжных поляки.

Затихли в памяти арыки,
И шёпот бабушки всё глуше.
Младенца унимаю крики –
Моей раскосенькой Катюши.

О чём, захлёбываясь, плачет
Горчайшими слезами детства?
Ужель и перед ней маячит
Неистребимый призрак бегства?

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

1. На путях

Казахстанская пурга,
Вихрь семипалатинский.
Мы далёко от врага,
Я в платке да в платице.

Маму за руку держу,
Ветер бьёт нещадно.
В байке* реденькой дрожу
И хочу обратно.

Как тянула маму я
В мёрзлый рай теплушки!
Кипятка нальют друзья
В жестяные кружки.

И бежим мы вдоль путей,
Под вагоны лезем
И теплушкою своей,
Словно домом, грезим.

Паровоз уже гудел,
Руки к нам тянули,
И приветливо галдел
Наш печальный улей.

Белый вихрь чернят дымы,
И не видно станции...
Мама, а вернёмся мы
Из эвакуации?

1971

2. Сон

Зелику Аксельроду

Я шла в трясине по колено,
Одна, окружена толпой.
По раскачавшейся вселенной
Куда брели мы вразной?
Какой-то мальчик большеглазый

* Байка – недорогая хлопчатобумажная ткань с невысоким мягким ворсом с обеих сторон и изделия из неё.

Меня нечаянно толкнул,
И я заметила не сразу,
Что в топи вязкой он тонул,
Цепляясь за мою одежду...
А впереди маячил порт,
И пароход, даря надежду,
Белел, как именинный торт.
Мешок свой бросила я на пол
И села, прислонясь к стене.
Ещё не подавали трапа,
И не спеша ты шёл ко мне.
Спокойный и слегка усталый,
Негромко что-то мне сказал,
И с пола шаткого я встала,
И мы оставили вокзал.

И чьи-то вслед неслись проклятья,
Старушка тощим кулачком
Грозилла мне. Но что понять я
Могла? Сквозь гарь, и дым, и гром
Я за тобою шла послушно,
Не сомневаясь и любя.
Да мне и в море будет душно,
Когда не будет там тебя...

Как в белом креме, в пышной пене
Без нас отчалил пароход.
Я шла вперёд без опасений,
Ещё не зная, что нас ждёт,
Тревожного не слышу зова,
И нет ни горя, ни потерь,
Ты отступаешь в свет багровый,
Передо мной – спасеньем – дверь.
Я на пороге оглянулась.
Но где же ты? Простыл твой след.
Ты не проснулся. Я проснулась.

Где спишь ты тридцать с лишним лет?

1974

АЛИЕВА ФАЗУ / 1932–2016

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Ещё совсем девчуркой я была,
Когда тяжёлые чужие сапоги
Через порог страны,
Незванные, шагнули
И в пыль впечаталась
Дорог её горящих
Колёс и гусениц чужая сталь, –
Нагрязнула война...
И снова вижу утро,
Когда на фронт собирался наш сосед:
Всегда весёлый,
Разговорчивый такой,
Стал молчаливым он внезапно.
Молча
Родню заплаканную взглядом он обвёл,
Стоявшую у выхода из сакли,
И, молча наклонясь,
Взял горсточку земли,
И завернул в платок,
И молча спрятал...
Со дня того,
Как он на фронт ушёл,
Частенько я об этом вспоминала
И детским разумом своим
Понять пыталась:
Зачем ему понадобится может
Горсть
Этой тёмной,
Высохшей земли?
Голодным будешь – съесть её нельзя,
Захочешь пить – ни капельки не выжмешь.
Я спрашивала мать свою об этом,
Спросила как-то раз и деда-старика,
И отвечали мне,
Что горсть родной земли
В пути далёком
Людям помогает,
А в трудный час и от беды спасёт!
О детский ум, наивный и пытливый,
Весеннее журчанье ручейка, –

Не мог понять мой ум:
Какую помощь может
Комок земли на фронте оказать?
Его в ружьё
Не вложишь, как патрон,
И сломанную саблю им не склеишь...
Так что ж в виду имеют старики?
Лишь через много лет
Сумела я понять,
О чём в тот грозный день
Мог думать наш сосед,
В сраженье уходя.
Лишь через много лет
Сумела и прочесть
Тот взор его прощальный,
Что в детской памяти моей запечатлелся,
Суровый,
В душу проникавший взор.
Сказал тот взор
Родителям седым:
«С собой в жестокий бой
Беру я эту горстку
Земли заветной,
На которой долго
Вы прожили, родители мои,
Пахали,
Сеяли,
Горячий пот роняли,
Людское уваженье заслужили,
Состарились,
Зато себе на смену –
И буду вам всю жизнь
За это благодарен –
Смогли мужчиной воспитать меня!»
Сказал тот взор
Заплаканной жене:
«С собой в далёкий путь
Беру я эту горстку
Земли любимой,
Где для нас двоих
Весной цвели цветы, зимой снега сверкали,
По глыбам прыгали ручьи,
Звенели птицы,
Тропинки весело сбегали с гор;

Земли чудесной,
На которой счастье
Однажды в облике твоём
Я встретил,
Когда ты шла с кувшином на плече,
Прекрасна и горда,
Как юная орлица, –
Такой тебя в тот миг
Впервые я увидел,
Такою с первого мгновенья полюбил!»
Сказал тот взор
Трёхлетнему мальчонке,
Что возле матери стоял,
Боясь заплакать,
И с удивлением на проводы глядел:
«Запомни, мой сынок,
Беру я эту горстку
Земли родимой,
Чьи живые соки
Поят твою ребяческую жизнь,
Земли прекрасной,
По которой смог ты
Пройти пока лишь несколько шагов,
Но с каждым днём смелей
По ней ты бегать будешь
И скоро станешь маленьким джигитом,
Когда домой с победою вернусь!..»

О горсть земли –
Священная крупинка
Моей страны огромной!
В годы детства,
Живого, звонкого,
Как ручейки в горах,
Понять я не могла:
Зачем в бою с врагами
Или в чужом краю
Понадобиться может
Сухая горсточка земли?
Зато теперь
Я это и умом,
И сердцем понимаю...
Да, если Родина однажды позовёт
И час придёт

В суровый путь собираться,
Я раньше всех вещей необходимых
Возьму с собой
Простую горсть земли –
Земли моих отцов,
Земли родной, заветной,
Неотторжимой от моей судьбы,
Земли,
Которую мы внукам завещаем,
Бессмертной,
Пахнущей и свежими цветами,
И потом пахарей,
И кровью храбрецов.

АРТЮХОВ ЮРИЙ / 1937–1994

ГОРЬКИЙ ТОСТ

*На Брянщине было 27 кавалеров
ордена Славы трёх степеней. Кавалер
трёх орденов Славы Иван Иванович
Поляков жил в Суземском районе.*

Их всё меньше и меньше,
Тех героев побед.
Навсегда отгремевших
Сорок-огненных лет.

Год за годом минули,
Но среди тишины
Настигают их пули
Той минувшей войны.

Кто-то с орденой планкой
Свой дождался черёд
(И ханжа лишь за пьянку
Горький тост тот сочтёт).

Потому их всё меньше,
И редуют ряды
Возвратиться сумевших
С той кровавой страды.

Вот в автобусе тесном
Он протезом скрипит...
Эй, с транзистором! Место
Впереди уступи!

Вот беднягу мотают
В райсобес из села.
Там, как видно, считают,
Что нога отросла.

Был герой Сталинграда
И находчив, и смел.
Только вот бюрократа
Победить не сумел.

Оттого мне так грустно –
Я обязан ему
Этой речкой Неруссой*
И закатом в дыму.

Оттого мне так близки
В летний день голубой
В тишине обелиски
У разливов хлебов...

Да, всё меньше и меньше
Тех друзей боевых...
Мы жалеем умерших.
Пожалейте живых!

АТНАБАЕВ АНГАМ / 1928–1999

ХЛЕБ

Соску с жёванным чёрным хлебом
Мать давала на жниве мне.
Плакал я,
Но голодным не был –
С хлебом можно прожить вполне.

Он не дешёв –
Я знаю это,

* Нерусса – левый приток Десны, протекает по территории Орловской и Брянской обл.

Память детства не коротка.
Мёрзла очередь до рассвета
Ради маленького куска.

Хлеб!
Ведь люди-то в лихолетье,
По сто граммов деля его,
Бились, гибли за граммы эти,
Что – ну, с птичий язык всего!

Забываем про цену хлеба...
Не свалились ли мы с луны?
Нет, никто не свалился с неба –
Чёрным хлебом
Мы возвращены.

А теперь – калачи едим мы.
Но затем, чтоб их суть понять,
В жизни прежде необходимо
Хлеба чёрного вкус познать.

Не забудем же труд упорный
Хлебороба в степной дали,
Не забудем же
Хлеб наш чёрный
Этой чёрной родной земли!

Перевод Н. Милованова

АШЕКО ЛЮДМИЛА / 1945

ЭВАКУАЦИЯ. ИЮНЬ 41-ГО

Июнь год от года упрямо
Приносит тревожные сны.
Я вижу тебя, моя мама.
Девчонка бежит от войны.
Ты в стайке ровесниц похожих
Забилась в товарный вагон
Скрипучий и шаткий. Но всё же
Казался спасением он.
Вы рыли окопы поспешно,
Но танки на город пошли!

И вот по стране безутешной
Колёса тебя понесли.
Ты суток в пути не считала:
Горели леса и дома...
Но поезд дошёл до Урала!
А там лютовала зима.
Фуфайка да бурки в заплатах,
Спасибо, согрели пока.
Была белорусская хата,
Как детство твоё, далека.
Там мать о тебе горевала.
Брела от окраин своих
Сквозь город пешком до вокзала,
Пугаясь мундиров чужих.
И возле огромной воронки,
От лютой беды ослабев,
Над трупом безвестной девчонки
Рыдала всю ночь нараспев...
А ты на заводе сгорала
От стужи, простуды, без сна...
Терпела, надеялась, знала:
Не вечно же будет война!
Тебя и ровесниц похожих
Военная юность вела
По трудным дорогам. Но всё же
Была эта юность. Была!
Любовь была строже и зорче,
А радость светла и скромна.
Вы жили. Держались.
И в корчах,
Скуля, издыхала война!

ВETERAN

А он стоял у обелиска,
Читал фамилии подряд.
И там, за этим скорбным списком,
Он лица различал ребят:

Тот – с ним махоркой поделился,
Тому он рассказал про дом,
Где в девятнадцатом родился,
До снега бегал босиком...

А тот, когда царили звёзды,
И ночи редкие тихи,
Волнуясь, тайно и серьёзно
Читал ему свои стихи...

Как прочно душ соединенье
У края жизни – на войне!
Их дружество – огнём крещение,
И расставание – в огне.

Последний бой. От дыма, пыли,
Казалось, в мире ты – один!
Спасибо, в землю не зарыли.
Он выжил, дожил до седин.

Здесь, на заветном обелиске,
К нему он от победы шёл,
На букву Я – последней в списке –
Свою фамилию прочёл.

И сердце как тисками сжало!
В тумане слёз увидел вмиг:
Себя до боя, до начала,
Среди своих, среди живых.

БАЛТАКИС АЛЬГИМАНТАС / 1930

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ст. Красаускасу

I
Ногам всегда нужна основа
Прочней, чем камень и металл.
Рукам без знамени святого
Не одолеть гремящий шквал.
Нужна уму большая твёрдость,
Чтоб не сворачивать с пути.
Душе нужна любовь и гордость,
Чтоб настоящий путь найти.
Что стоит правда получаса?
Она немногим лучше лжи.
Фальшивой храбрости гримаса
Чем лучше страха, докажи!
А в сердце пульс всего земного
Безостановочно стучит,
И так нужна ему основа
Прочней и твёрже, чем гранит...

II
Ни горные хребты,
Ни бездны моря,
Ни твердь небес,
Ни пламень преисподней,
Ни мощь толпы,
Ни сила одного –
Не одолеют никогда
Меня,
Не одолеют никогда
Тебя.

Любой из нас – пусть малая,
но всё же
Твердыня Брестской крепости.
Мы бьёмся
За величайшую из территорий –
Святую землю собственного сердца.
И нет врага,
Что победил бы нас,
Пока мы не склонили головы

И белого
Не выбросили флага.

Любой из нас – пусть малая,
но всё же
Твердыня Брестской крепости.
Мы бьёмся
За величайшую из территорий –
Святую землю собственного сердца.

1968

Перевод Н. Мальцевой

СОЛДАТЫ БЕЗ ШИНЕЛИ

А мы – солдаты,
Мобилизованные силою идей.
И с совести,
Как будто бы с винтовки,
Мы ржавчину счищаем каждый день.

А мы – солдаты.
Обучены. Построены в полки.
И взглядов наших острия
Сверкают, как штыки.

А мы – солдаты.
Солдаты с первых дней. Наверняка.
Горячая граната – наше сердце,
Всегда взорвать готовое врага.

А мы – солдаты.
Хоть не казармы стали нам судьбой.
Ведь наша доля – фронт.
Передовая.
Ежеминутный бой.

Здесь нет команд.
Об этом ты забудь.
Здесь нет парадов.
Есть
Бесконечный путь.

А мы – солдаты.
Гражданский, озабоченный народ.

Нам выше всех наград –
Уверенность, что фронт
Продвинулся вперёд.

1969

Перевод Р. Рождественского

БЕССОНОВ ВИКТОР / 1940

И нет воспоминаний ярче:
Часы с кукушкой на стене
Откуковали. Светлый зайчик
В кровать пожаловал ко мне.

А в русской печке зрело пламя,
И пахло в комнате дымком.
И был к лицу румянец маме,
Сирень дышала за окном.

И тополь, подбоченясь гордо,
Касался шапкой вышины.
И вдруг запрыгала щеколда –
И мой отец
пришёл с войны.

КАЗАЧЬЯ КРОВЬ

Всходило солнце, как огромный мак,
И ковыли дымились по курганам.
И говорил лихой мой предок так:
«Помрём в бою, коль не побить врага нам.

А отступить и думать не моги!
Ведь мы – заслон, передний край России.
Мы басурманов в гости не просили.
Не посрамим же чести, казаки!»

Храпели кони, и звенела сталь.
Казалось, что сама земля стонала.
И где она казачью кровь впитала,
Там маками сейчас алеет даль.

...Дымился снег, и полз за танком танк –
«Пантеры», «тигры» на Москву спешили.
Но говорил бойцам Доватор* так:
«Товарищи, нас ждут дела большие.

Идём мы в рейд по вражеским тылам,
И надобно фашистов пересилить.
И суждено или погибнуть нам,
Иль подтвердить величие России!»

Храпели кони, и звенела сталь.
Горели танки, и земля стонала,
И где она казачью кровь впитала,
Там маками сейчас алеет даль.

Там и пшеница, и овсы пышней.
Казачья кровь... Я благодарен ей.

Казачья кровь! Она досталась мне
От вас, мои отчаянные предки.
Любой умел не только на войне
Разить врага клинком и пулей меткой.

Любой любил работать и сплясать,
Испить вина. А если приходилось,
Мог даже смертью брата наказать,
Спасая честь, спасая справедливость.

И потому спасибо, предки, вам
За эту кровь, что не даёт покоя,
За то, что верен до конца друзьям,
А с недругом не уклонюсь от боя.

За то, что полон к Родине любви.
Не отступать, как вы, я обещаю.
И если вдруг я сердцем обнищаю –
Восстаньте вы тогда в моей крови.

* Л.М. Доватор (1903–1941) – советский военный деятель, генерал-майор, Герой Советского Союза. Известен успешными операциями по уничтожению войск противника в начале Великой Отечественной войны.

БОЛТАЧЁВ РОМАН / 1928–2010

ТИШИНА 45-ГО ГОДА

Как тихо вокруг! –
Шелестит река,
Нежно кроны чинар шуршат.
Как белые лебеди,
Облака
Над мирной землёй летят.

Наверно,
Доносится даже к ним,
До сказочной высоты,
Что в мире сегодня не гарь,
Не дым, –
Просто пахнут цветы.

И странно глядеть
На сегодняшний мир,
Забыв о вчерашнем быте,
Когда высота –
Ориентир,
Когда глубина –
Укрытие...

1945, Майкоп

ДУБКИ

Умолк войны суровый гром.
Пройдя дороги фронтовые,
Я снова в городе родном –
За много месяцев впервые.
Осыпан рыжею листвой,
Пропахшей сыростью тяжёлой,
Меня встречает город мой,
Измученный и невесёлый.

Здесь шла со скрежетом броня,
Вели орудья злые речи,
И вот – руины на меня
Глядят... совсем по-человечьи.
А там, где был родимый дом,
Стоял я, боль смиряя в сердце:

Живут чужие люди в нём,
Поскольку выбыли владельцы.
Но выбыли они туда,
Где о прописке нету правил,
И к этим людям никогда
Они претензий не предъявят.

Сказал мне с горечью в глазах
Товарищ в тесном горсовете:
– Они расстреляны в Дубках.
Знакомы ли места вам эти?
«Дубки» – по имени цветов –
Не позабудете названья?
– Ну что ж. Спасибо и за то.
Нет. Без машины. До свиданья.

Дождь непрерывно моросил.
С трудом передвигая ноги,
Я глину два часа месил
По ненаезженной дороге.
И вот, когда оборвалась
Дорога, проклятая мною,
Большая насыпь поднялась
С ещё зелёною травой.

Очнувшись от своей тоски,
Почуяв запах горьковатый,
Я узнаю: цветы – дубки –
Лежат на насыпи покатой,
И скромная их пестрота
Полна неизъяснимой силой,
Как кровь, что в битве пролита
Над этой скорбною могилой,
Как пламенеющий салют
Тем, кто фашизмом не запуган.
И кажется – они встают,
Плечом к плечу, держа друг друга.
В свой смертный час они врагам
Страшны как воины России.
...С дождём смешались по щекам
Слезинок угольки скупые.
Ещё мгновенье – как во сне,
Я вижу, кто-то подошёл ко мне:
– К кому вы, дяденька военный?

Таких у нас как будто нет...
Я обернулся удивлённо
(А «дяденьке» – пятнадцать лет,
На нём – суворовца погоны).

Гляжу – девчонка в двух шагах.
– Здесь мать моя. А ты откуда?
– Я сирота. Меня в Дубках
Чужие приютили люди.
А тут – мои отец и брат.
Я их так часто вспоминаю,
Но только где они лежат –
Я и сама того не знаю.
Здесь митинг был вчера большой,
И все решили, чтоб героям
Построить памятник такой,
Какой никто ещё не строил...

Она ушла путём своим,
А я в душе сказал ей следом:
Нет лучше памятника им,
Чем наша светлая победа...

Осенней влагой политы,
Глядят, как будто солнца просят,
Дубки – последние цветы,
Что людям щедро дарит осень.
Но их язык понятен мне:
Ведь выразить нельзя сердечней
Мечты о счастье, о весне,
Любви и жизни бесконечной...

1945

ПО БОЛЬШОМУ СЧЁТУ

Отрывок

Ещё дымился пепел Сталинграда,
И разгоралась Курская дуга,
России разъярённая громада
Всей мощью навалилась на врага.

И всё ещё не верилось планете
В тот поворот внезапный и крутой,

...А Родина подумала о детях
С сердцами, опалёнными войной.

Нас было много, очень-очень много,
И, выполняя Родины наказ,
На пепелищах, фронтовых дорогах
Поодиночке собирали нас.

И тот, кто наши лица видел первым,
Кто нёс нам свет познания и добра,
Наверно, знал – нужны стальные нервы,
А вовсе не в солдатики игра.

Какие люди нас тогда учили!
Им был неведом собственный покой,
Когда в стенах суворовских училищ
Они вели за нашу юность бой.

Не только ритмами фанфарных маршей
Мы мерили насыщенность минут –
Мы были дети, но мы были старше
Ровесников на целую войну.

Рассеивались грозовые тучи,
Отчизна шла дорогою побед.
Да было ль время в нашей жизни лучше
Суворовских невозвратимых лет...

1983, ноябрь

ПАМЯТЬ

Прожитых лет вороша пласты,
Вижу (в который раз!)
Лес предзакатный и в нём костры –
Сорокалетний пласт.

У тихой криницы, как в полусне,
Мальчишка присел на пенёк.
Улитка свой домик несёт на спине,
А он – вещевой мешок.

А партизаны «Землянку»* поют –
Не слушать её без слёз.
...Бой продолжался десять минут
И десять жизней унёс.

Мальчишку щадил свинец и сталь –
Иную познал он боль...
Над Симферополем Штрауса вальс
Все звуки глушил собой.

Немецкий военный оркестр звенел
У банковских строгих колонн,
А мимо людей вели на расстрел
Под труб гармоничный звон.

Вторил ему конвоиров шаг –
Был точен прикладов замах.
Ещё впереди не маячил Рейхстаг
С надписями на стенах.

В себя вобрала моя голова
Не только морскую соль –
Стала историей для большинства
Прошлого боль и боль.

Сквозь горечь утрат и восторг побед
Минуло много лет,
Но часто они вспоминаются мне
На грозной морской волне.

БОРИСОВ СЕРГЕЙ / 1940–2013

СОЛДАТСКАЯ

Уважь, писарь полковой!
Запиши в разряд пехотный,
ибо выпал таковой
мне удел бесповоротный.
Ах, Троянская война!
Бог иль Кесарь – чья вина?

* «В землянке» («Землянка», «Бьётся в тесной печурке огонь...») – советская песня времён Великой Отечественной войны. Музыка Константина Листова, стихи Алексея Суркова.

Уважь, писарь полковой!
Подпиши паёк солдату,
чтоб в шеренге войсковой
не сподобиться ухвату.
Ах, ливонская война!
Бог иль Кесарь – чья вина?

Уважь, писарь полковой!
Пропиши свинец и порох,
дабы в схватке роковой
вражий вскинулся опорок*.
Ах, турецкая война!
Бог иль Кесарь – чья вина?

Уважь, писарь полковой!
Отпиши жене и детям,
что разлуки вековой
горше нет на белом свете.
Ах, японская война!
Бог иль Кесарь – чья вина?

Уважь, писарь полковой!
Опиши в батальной сцене,
как с пробитой головой
рухнул воин на колени.
Ах, германская война!
Бог иль Кесарь – чья вина?

Уважь, писарь полковой!
Напиши в реестр расходный:
«Был-де некогда – живой.
Нынче мёртвый и холодный».
Ах, афганская война...

* Старый, рваный, истоптанный башмак (разг.).

БОЦУ ПАВЕЛ / 1933–1987

РОДНИК

Иссушило фронтовое лето
Местного значения реку.
И приказ был краток: до рассвета
С флягами пробиться к роднику.

Под свистящим, под свинцовым ветром
Дотянуться, добежать, дойти,
Доползти каких-то двести метров
Бесконечно длинного пути.

Двое пали сразу, возле леса,
Третий жил, отчаяньем храним.
Полз среди остывшего железа
И огня, летящего над ним.

Словно в самом затаённом месте,
А не посреди большой беды
Падало похожее на песню
Тихое журчание воды.

Захлебнулся грозный голос грома,
И перед солдатом как во сне
Вдруг возникла яблонька у дома –
С белыми цветами по весне.

Дерево безоблачного детства...
Только смерть не любит красоты.
Вот она – и никуда не деться –
Молния ударила в цветы.

И родник – почудилось сначала –
Должен скрыться в сумрак глубины,
Но вода бежала и бежала
Тихо-тихо посреди войны.

Перевод Д. Самойлова

РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Гляжу на то, что было до войны, –
лишь контуры неясные видны,
там что-то слышится и шевелится:
там чьи-то голоса и чьи-то лица.

Там есть стихами вытканые сказки,
о ненависти что-то и о ласке.
И вдруг всё стало ясно: грянул гром
и небо в землю врезалось крылом...

И мы узрели ясно до предела
убитой липы скрюченное тело.
Увидели зенитные стволы,
как руки, что воздеты для хулы.

И первый раз себя мы разглядели,
когда от грома небеса гудели
над пламенем горящих деревень...
И мы уже не дремлем по сей день.

Перевод Д. Самойлова

БРОН АЛЕКСАНДР / 1937–2009

ПРИЗЫВ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Последнее мамино слово,
Прощальная стопка вина.
И с богом! Восточнее Львова
Гремит жерновами война.
Мелькают стога и опушки,
Такие родные места...
Над окнами каждой теплушки
Поставлена в небе звезда.
Легчает в дороге нестрашной
Припас вещевого мешка.
А там... Говорят, в рукопашной
Тонка у фашистов кишка.
Крути, новобранец, портянки,
Смешные обиды прости –
Тебе через сутки под танки
По мокрому полю ползти.

– Ура!
Или, может, без крика
В бою, где смятенье и ад,
Рванёшь под машиной блицкрига
Последнюю связку гранат.
На шаг – но она не докатит,
На миг – но замедлит прыжок.
А вечером маршал на карте
Чуть-чуть передвинет флажок.
Уходит на фронт пополненье,
Свои занимают места
Солдаты того поколенья,
Где выживут трое из ста.
Прощайте! На юные лица
Неяркая смотрит заря.
У ротного светит в петлице
Малиновых два кубаря*.
Истёртая скатами глина,
Прижатые к ней облака.
Дорога... Кому до Берлина,
Кому – до того бугорка.

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

Там, у края этой драмы
Баржи ржавая щека,
На плакате фюрер драный
Против красного штыка.
Колокольни крик беззвучный,
Заколоченный ларёк.
А кругом народ нескучный,
Тёртый вдоль и поперёк.
Гимнастёрки, телогрейки,
У причала толчея.
Возле стенки – на скамейке
Мы с тобою. Ты и я.
Так отчётливо и крупно –
Эта пристань и баржа.
Ты глядишь по-птичьи кругло,
Целлулоидную куклу
В тонких пальчиках держа.
Ветер улицей покатою

* Кубари, кубики (*жарг.*) – изготовленные из красной меди и покрытые прозрачной красной эмалью квадраты на петлицах, использовавшиеся в качестве знаков различия на форме одежды командного состава военнослужащих РККА по званиям.

Гонит пыльные волчки.
А с плаката, а с плаката
Сумасшедшие зрочки
Так и впились в нашу пристань,
Вылезая из орбит...
Мой отец недавно призван,
Твой под Киевом убит.
Две пылинки, в вихре шалом
Мы кружить обречены
По баракам и вокзалам,
По обочинам войны.
Вот и всё! Качнулись вещи,
Сходни грохнули с борта,
Где клокочет голос вещей
В медном рупоре у рта.
Он командует и правит,
Долетающий с высот.
Пожелает – и оставит,
Пожалеет – и спасёт...
Но уже неотвратима
Полоса воды рябой,
Что встаёт в обрывках дыма
Между мною и тобой.

БАГАТОВА МАРИЯ / 1936

Я УШЁЛ НА ВОЕННУЮ ДОРОГУ

Посвящается не вернувшимся с войны

На военную дорогу становлюсь, моя жена,
Дом родимый в Осьоланге оставляю на тебя.
Сына моего Екора будешь ты теперь одна
В нём растить, моя подруга, за двоих его любя.

Может, молодость, здоровье потеряю я в бою...
Ты запомни это слово – мой тебе святой наказ!
Кровь горячую до капли отдаю тебе свою,
Своё сердце оставляю я тебе, жена, сейчас.

Чтоб другого не искала, если в дом я не вернусь,
Чтоб Екора воспитала возле отчего огня...
Пусть растёт мой сын мужчиной, человеком станет пусть
И пути мои земные дошагает за меня.

Ты отдай тугой мой пояс – он ему придётся впору:
Будет зверя, будет рыбу по-отцовски добывать,
Чтобы в доме в Осьоланге без добычи и с укором
Ни зимой, ни жарким летом не встречала сына мать.

СОЛДАТ ИЗ КАМНЯ

Для солдата из гранита
Стало солнышко костром.
Голубое небо – крыша.
Лес зелёный – это дом.

Кровь, что вытекла из раны,
Приняла земля, как мама.
Дух в себя вобрал народ,
Память в сердце сберегая,
От врагов её спасая,
Пусть в веках солдат живёт!

Хоть из камня он, но всё же
Он весне прийти поможет,
Той, что сам когда-то спас...
Непременно лёд растает

И ручьём весёлым станет,
Зазвенит в урочный час.

В этом звоне, в перекатах,
Слышу я слова солдата,
Несказанные слова:
– Будьте на меня похожи,
Вы ведь все солдаты тоже...
Жизнь прекрасна, жизнь права!

Не жалейте сердца силы
Для земли родной и милой,
Для своих родных людей.
Даже если вас не станет,
Вас земля добром помянет,
Сыновей и дочерей.

Пусть земля залита кровью,
Человек живёт любовью,
В ней бессмертным может стать...
Зацветут цветы, и снова
Жизнь, что кажется суровой,
Будет праздником дышать.

Пусть растут спокойно дети,
Мой народ живёт на свете,
Мне определивший век,
Равный возрасту гранита,
Что стоит, ветрам открытый,
На виду стоит у всех...

Для солдата из гранита
Стало солнышко костром.
Голубое небо – крыша.
Лес зелёный – это дом.
Но под каменной бронёю
Бьётся сердце у него,
Что сияет ярче солнца
Для народа моего.

Перевод А. Кердана

ВАЩЕНКО ОЛЕГ / 1933–1993

СМЕЛИЖ*

*Шумел сурово Брянский лес...
Анатолий Софронов*

К замшелому срубам колодца
Лосиха придёт не одна.
Лосёнок о брёвна потрётся,
Под вечер умолкнет сосна.

А рядом в лесу, за полянкой, –
Цветы и весенняя тишь.
Землянки,
Землянки,
Землянки,
Лесград – партизанский Смелиж.

Быть может, под этой вот кроной
В короткий осенний привал
Поэт Анатолий Софронов
Свой гимн партизанский писал.

Мне радостно то, что с разбега
Вбегаю в черёмушный цвет
И вижу в истории века
Проторенный песнею след.

Моё детство – дым пороха горький,
Моё детство – в огне города.
Зачерстевшая хлеба корка
Мне конфетой была тогда.
Моё детство в снегу и металле,
И в вагонах военных оно...
Вспоминаю те дальние дали –
Кровью брызжет закат на окно.

* Смелиж – деревня партизанской славы в Суземском р-не Брянской обл.

КОМБРИГ

Лежал комбриг, смотрел на стены,
Ему мерещились бои...
А за окном – кусты сирени
Цвели. И пели соловьи.

...Весна несла в палату звуки,
То было эхо прошлых дней.
В огне Джанкой*, бои... разлуки...
Вечерний шелест тополей.

Врачи в халатах суетились,
Врывался в окна яркий свет.
Над ним, как два клинка, скрестились
Две грозных силы: жизнь и смерть.

Лежал комбриг, смотрел на стены,
Всё было молодо вокруг.
А он сгорел, как ветвь сирени
На майском солнце и ветру...

В БИБЛИОТЕКЕ

В читальном зале,
В тишине,
Над книгой наклонясь,
Читает мальчик
О войне
Волнующий
Рассказ.
Как шли в огонь
И дым бойцы
Сквозь пулемётный лай.
...Отцов рубцы –
Твои рубцы,
О том не забывай!..

БРЯНСКИЙ Я

Брянский я...
Я рос в лесном краю,
Где разбег берут Десна

* Город на севере Крыма.

И Снежить*,
Где я встретил раннюю зарю,
Где познал
Цветов весенних свежесть.
Здесь тропинка первая моя
Пролегла в чащобах и болотах
От колыски** и до букваря.
А потом – в траншеях и окопах,
А потом – в степных донских краях
Юность гордо выложила тропы...
В кирзовых солдатских сапогах
Прошагала чуть не пол-Европы.
Брянский я...
Я рос в лесном краю,
Где болот невидимые топи...
Прошлое своё теперь я узнаю
В каждом обвалившемся окопе.

КАЛИТКА

Калитка в сад согнулась, почернела.
Дорожка к ней бурьяном заросла.
Толкнул рукой – калитка заскрипела
И в прошлое с собою повела.

Её мой брат перед войной навесил
И за собой закрыл, идя на фронт.
Я вслед бежал, а надо мною песня
Летела за далёкий горизонт.

...Запомнил я раскаты канонады.
В атаке жизнь его оборвалась.
Вишнёвым соком брызгали закаты,
Месила осень на дорогах грязь.

Я, возмужав, пошёл дорогой брата.
Мой путь лежал и в бурях, и во мгле.
И вот теперь солдатскою лопатой
Залечиваю раны на земле.

* Река в Брянской обл., левый приток Десны.
** Кольска (южн., уст.) – люлька, колыбель.

КАСКА

Металл мы старый собирали
И каску ржавую нашли.
Она годами под ветрами
Торчала прошлым из земли.
Цветы вокруг неё стояли
В объятьях солнца и ветров...
Казалось, лепестки вобрали
Солдата пролитую кровь...

МАМАЁВКА

Здесь осталось два дома, и только.
Куст сирени, берёзка, ветла.
А когда-то она, Мамаёвка*,
Партизанской столицей была.

И лишь теменью тронутся дали,
Ночь свои обретала права,
И на помощь сюда прилетали
Боевые машины По-2**.

Сколько их не вернулось, кто знает!
Сколько здесь партизан полегло!
Только ветер крапиву качает
Там, где было когда-то село.

Только шмель, над татарником*** ловко
Виражируя, грустно жужжит.
Доживает своё Мамаёвка,
Поле взлётное тонет во ржи.

Покосилась замшелая хата.
Жизнь её велика и горька.
И не знаю... Куда-то, куда-то
Проплывают над ней облака...

* Деревня в Мглинском р-не Брянской обл.
** По-2 (Поликарпов-2) – советский многоцелевой биплан, созданный в 1927 г.
*** Татарник – травянистое колючее растение семейства астровых.

ВЕРТИНСКИЙ АНАТОЛИЙ / 1931

РЕКВИЕМ

*В годы минувшей войны погиб
каждый четвёртый белорус.
Из документов*

*Ой, хотела меня мать
За четвёртого отдать!..
Из народной песни*

Пролог

Вы видели лес,
где сплошной просвет?
Скажите,
вы видели бор тот,
где каждой второй сосны уже нет,
по меньшей мере –
четвёртой?
То же было с землёй моей.
В огне и крови прошагала
война беспощадная по ней,
и – прогалы,
прогалы.
Не зарастают они весной,
зияют пустыней мёртвой...
Вы видели лес,
где прогал сквозной?
Скажите,
вы видели бор тот?

Часть первая

Земля моя бой принимала
от стара до мала.
От столетнего Талаша*
до Казея-малыша**.
И падал, распростёртый,
каждый четвёртый.

* В.И. Талаш (1844–1946) – народный герой Беларуси, самый старый участник партизанского движения.

** М.И. Казей (1929–1944) – советский белорусский пионер-герой Беларуси, юный красный партизан-разведчик, Герой Советского Союза (посмертно).

Если б не след падучей звезды,
было бы небо чёрным.
И на земле стыли следы –
каждый четвёртый.

После победы стало светло.
Гремели салюты гордо.
Но не сидел за победным столом
каждый четвёртый.

Долго вдовы ждали мужей,
матери ждали своих сыновей.
Не верилось им, что мёртвый
каждый четвёртый.

Помним потери свои и сейчас,
счёт этот помним несчётный.
О, как нам не хватает вас –
каждый четвёртый!

Часть вторая

Каждый четвёртый был мёртвым –
мир и покой им вечный!
Каждый третий за Одером,
в Неметчине был изувечен.

Каждый второй на теле
имел ожоги и шрамы.
И все как один имели
на душе своей раны.

Зияли воронки, траншеи,
зияли печные устья
раной одной страшной
на теле моей Беларуси.

Часть третья

Считаем: четвёртый каждый.
А может быть, каждый третий?
От голода и жажды
умирали дети.
А мы ещё в счёт не включили
тех, что лечили раны.
Раны не залечили,

рано умирали.
А сколько пропало просто
без похорон и поминок!
А сколько потом подростков
подорвалось на минах!
Считаем: каждый четвёртый.
Но даже мозг электронный
с программой своею твёрдой
не подсчитает урона.

Эпилог

(Урок спряжения)

Не забывается тот урон,
не зарастают прогалы...
Дети,
вы выучили урок?
Дети,
вы проспрягали?

Я иду,
ты идёшь,
а он не идёт – он мёртвый.
Я пою, ты поешь, молчит
каждый четвёртый.
Мы идём,
 идёте вы.
Грунт под ногами твёрдый.
Он не ходит –
 не мнёт травы
каждый четвёртый.
Любим мы, любите вы.
Сколько вокруг
листвы,
 синевы, –
хоть сердце настужь развёртывай.
О, если бы был
 ещё в живых
каждый четвёртый!

1968

ВЕТЕМАА ЭНН / 1936–2017

ВОПРОС О ЛОШАДКЕ-КАЧАЛКЕ

Герр штурмфюрер*! Прошло
после капитуляции
двадцать спокойных лет.
И вот
с лошадкой-качалкой на поводу
иду к вашей совести
вопрос пустяковый выяснить.
Нет!
Не глобальный вопрос
грабительства –
убийства – насилия – зверства.
Детский пустячный вопрос
о деревянной лошадке.

Я ездил не раз
в автомобиле, на самолёте,
на корабле и настоящем коне,
как тот,
что хрустит гладиолусом
в вашем цветущем саду.
Но,
как вам известно с детства,
бывают далёкие страны,
в которые можно добраться
лишь на лошадке-качалке.

В прошлой войне, начавшейся
по вашему произволу,
под рухнувшей кровлей дома
горели права на вождение
моей деревянной лошадки.
О доме давайте забудем –
давно уже выстроен новый,
но прав на вождение лошадки
нигде я достать не могу.

Так что, штурмфюрер в штатском,
не знаю, как нам помириться,

* Звание в военизированных формированиях НСДАП.

если вы мне не вернёте
потерянные права.
Хотя бы годика на два.

1965
Перевод В. Шацкова

ВИЕРУ ГРИГОРЕ / 1935–2009

РУБАХИ

Была война.
Но эхо её
живёт поныне.
Рубахи, старые и поновее, –
память горькая о сыне.
От многих стирок
на рубахах
слиняла вышивка,
ткань посекалась у спин.
Давно не надевал их
сын.
Рубахи, старые и поновее...
Была война.
Но уж который год
приходит мать к ручью,
и с нею
дума тяжкая идёт.
Субботу каждую рубахи
мать перебирает,
несёт в подоле их
и вновь стирает.
Ведь завтра парни
станут в круг,
затеют хору*.
А девушек, как пчёл в цветах,
полно вокруг...
И сын её,
любимый сын,
что он наденет,
если вдруг
вернётся скоро?

* Хора – молдавский народный танец-хоровод.

СТАРЫЙ ДОМ У ДОРОГИ

Время – скорбь и тревога,
Боль свою пересиль.
Старый дом у дороги,
Словно старый бобыль.
Доски накрест в окошках,
У крыльца лебеда,
На заросших дорожках
Не увидишь следа.
Потемневший, остывший,
У черты забытья:
«Где хозяин твой, слышишь?
Где хозяйка твоя?»
Дом помедлил с ответом –
То ли стон, то ли скрип:
«На войне первым летом
Мой хозяин погиб».
И добавил негромко,
Будто выдохнул он:
«Через год похоронку
Вновь принёс почтальон.
Сын... геройски...»
Застыла,
Не смогла дочитать,
Вмиг оставили силы,
Тихо охнула мать...
Окровавленной медью
Пал закат на жнивье,
Схоронили соседи
День на третий её.
...И лежала на почте
Долго-долго потом
Похоронка на дочку
С невручённым письмом.

ВОРОНОВА ОКТЯБРИНА / 1934–1990

ВЬЮГА

Отрывок

Где же ты, Тарасик, где ж ты, пастушок?
Малица* расшитая, выйдешь на лужок,
Тоборки** точёные, загляденье весь –
Так оно, так оно,
так оно и есть.

Не успел с девчонками вдоволь поиграть.
На борьбу с фашистами поднималась рать.
Гимнастёрка ладная, под пилотку – честь,
Так оно, так оно,
так оно и есть.

И ушёл, родимый, не пастух – солдат,
От восхода солнца прямо на закат.
И домой принёс он радостную весть –
Так оно, так оно,
так оно и есть.

За победой – дети, будто счастье вновь:
Колюшка, Егорушка, Тонюшка, Любовь.
Через все разлучины сохранили честь –
Так оно, так оно,
так оно и есть.

Пусть пока не сложено песен и стихов,
Как огнями полнятся окна пастухов.
Имени Тарасову, как совхозу, цвезть.
Так оно, так оно,
так оно и есть!

Перевод В. Смирнова

* У народов Крайнего Севера – верхняя одежда из двух оленьих шкур: мехом внутрь и наружу, в виде рубахи с капюшоном и рукавицами.

** Кожаная обувь в форме сапог, сшитая из плотной оленьей шкуры.

ГАВРИЛЕНКО АНАТОЛИЙ / 1940–2019

КУЗНЕЦ

*Посвящается воину
и кузнецу Д.И. Гавриленко*

Тихий говор не смолкает,
Люд толпится у крыльца –
В путь последний провожает
Вся деревня кузнеца.

Проводить его к погосту
Вышли все: и стар и млад.
Видно, жил кузнец не просто
И не просто воевал.

В праздник пил медóву брагу
И не знал заморских вин,
Хоть в войну он Злату Прагу
Брал чуть позже, чем Берлин.

Был закончен бал кровавый.
Сын страны, боец простой –
За победу орден Славы
Рядом с Красною Звездой.

Вербовали ехать в Питер –
Был кузнец в рассвете сил.
Пот рядом со лба он вытер
И со вздохом пробасил:

«Знаю, трудно жить в разрухе,
Но деревня тож в беде.
И чтоб с голоду не пухли,
Я нужнее борозде».

И ковал он серп из стали,
Борону, косу и плуг,
Чтобы жницы жито жали,
Косари косили луг.

...Похороны, похороны.
Небо грустно сеет рось.
Впереди несут икону,
Как в России повелось.

ГАВРИЛОВ ДМИТРИЙ / 1931–1998

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Лесное чёрное озеро,
Глухое, гиблое озеро.
Оно молнии притягивает,
Оно в омуты затягивает.
А вокруг озера растут журавины*,
А над озером крик журавлиный.
Шилохвость** здесь своих утят не выводит,
Рысь пугливо сторонкой эту чёрную воду обходит.
Даже старый бродяга лось не желает напиться,
Он воды этой чёрной, кричащей боится.
Солнцествольные сосны от чёрной воды отступили.
...Мы пришли с Алексеичем, страх этот шапками пили.
Пахнет страх этот илом, черноспинными окунями
Да оружьем заржавленным, тем, что в войну набросали.

ГАРИПОВ РАМИ / 1932–1977

РУКИ МОЕЙ МАТЕРИ

Был светлый день – светла о прошлом память, –
Траву косили мы с тобой.
Ты помнишь ли тот день, родная мама?
А мне он стал счастливым самым днём.

Гадала где-то дальняя кукушка,
Ты, мама, подточила косу мне,
Рассветным солнцем залило опушку
Дубовой рощи, рядом, на холме.

Косил я поначалу очень робко,
Но ты хвалила, мой порыв ценя,

* Журавина – клюква.

** Один из самых распространённых в мире и многочисленных видов речных уток.

Учила и уменью, и сноровке,
Подбадривала искренне меня:

«Коси не торопясь, бери поуже,
Держи повыше остриё косы».
И радостью светилась, если лучше
Я вёл прокос зелёной полосы.

Как ручеек коса моя сверкала,
И луговые падали цветы.
В их чашечках – и голубых, и алых –
Росинки-слёзы были так чисты!

Довольная, ты радовалась сыну,
Глядела на проложенный прокос:
Сынок подрос, в руках довольно силы,
А у самой в глазах – росинки слёз:

«Отец твой тоже так косил, сыночек,
И не поставит никому в вину –
Не видит он твоих «зелёных строчек»,
Ушёл с врагом сражаться на войну».

Вот с этих «строчек» и берёт начало
Мой путь, которым шёл я, жизнь любя.
И это, мама, верно, означало,
Что руки золотые у тебя.

1953

ГЛОТОВ ЕВГЕНИЙ / 1935–2010

ВСТРЕЧА

Со скаткою шинельною
Отец пришёл домой.
Такой –
Насквозь простреленный,
Измученный, хромой.
Контуженный, простуженный,
Ни дать ни взять – мертвец!..
Готовились мы к ужину,
Когда пришёл отец.

– Ну что, возьмёте?
Золотце? –
Спросил он со смешком. –
Не золотце, а молодца?!
Тогда ведите в дом!.. –
Мать в кофточке с заплатами
Застыла пред отцом.
Она его оплакала
Ещё в сорок втором.
Потом –
В сорок четвёртом...
Не ждали мы чудес.
И вдруг отец из мёртвых
Воистину воскрес.
Минутное смятение
В распахнутом дому...
Прошло оцепенение –
И бросились к нему,
Уткнулись в грудь солдатскую:
– Любимый наш, родной,
Прошёл сквозь муку адскую,
Пришёл домой живой!..
А я вдруг неожиданно
Взлетел под потолок.
– Какой ты, право, жиденький
И лёгонький, сынок!
Теперь, дружище, новая –
Такая жизнь пойдёт!..
Была бы кость здоровая,
А мясо нарастёт... –
Как скатерть самобраную,
Раскрыл он вещмешок,
Тушёную баранину
Оттуда он извлёк.
Подал краюху хлеба мне:
– Держи, сынок, – тебе!.. –
И слаще пира не было
С тех пор в моей судьбе.

ГЛУШКОВ ЮВЕНАЛИЙ / 1934–2013

ЗЕМЛЯНИКА

Земляника – лесная ягода.
Полон солнца сухой лесок,
И спокойно ягоды падают
В берестяный мой тесок.

Я дорогой иду весёлой,
И не знаю я, что гублю...
Распродам я в дачном посёлке
Их стаканами по рублю.

И, в халат завернувшись зябко
И отсчитывая гроши,
Прошипит мне в спину хозяйка:
Кулаки, мол, и торгаши...

И горело лицо, как галстук,
Как пылало моё лицо!
Как блестело на пухлом пальце
Золотое её кольцо!

Этот стыд не пройдёт до гроба:
Как был горек мне белый свет...
Только рубль посильней, чем робость,
Если дома картошки нет...

Откатилась война на запад,
Не вернулся отец домой.
Никогда не забыть мне запах,
Земляники запах лесной.

ГОЛЬД АЛЬФРЕД / 1939–1997

ПАМЯТЬ

Сад сорок пятого года.
Свалка в кустах ирги...
Ходики там – без хода,
Без голенищ сапоги.

Гильзы, подковы, гвозди,
Ржавый пружинный хлам...
Райской сирени гроздя
Так неуместны там!

В дебрях бесцветной травки,
Деятельны, юрки,
Красные с чёрным в прахе –
Траурные жучки.

Серой полыни пена,
Свадьбы зелёных мух...
Запах цветов и тлена –
Мира и скорби дух!

ДРЕВО

В роду моём славяне все – по матери.
И даже нет на ветке той татар.
А вот отцовских родичей каратели
Рядочком уложили в Бабий Яр.

Судьбы моей невнятна речь картавая,
Тревожно там, как в час перед грозой.
По дереву генетики – янтарная
Смола течёт горючею слезой.

ГОНЧАРОВА ОЛЬГА / 1937–2005

Песни свои по лугам
раскидала страда сенокосная.
Утром вышел метать их в стога
конно-пеший бабий отряд.
Мне сегодня доверили быть
запевалою, не подголоском,
а ещё мне доверили вилы –
первобытный трёхрогий снаряд.
Ремесло мне знакомое.
И знакомы мне лица невыспавшиеся.
Но сегодня их будто впервые
вижу –
зреньем иной остроты:

женщины, женщины,
сколько вам выпало
за минуту нелёгкой –
без передышки –
страды!..
Лугом-полем лежала страна,
и не косы звенели зарёю,
не косарь – проходила война,
песню смерти ревел фугас.
Та лихая година
всей огромною горя горою,
всей страдаю страданий
навалилась на вас.
Не высокие речи средь зала –
ваши руки, не знавшие праздности,
поднимали –
худые, корявые –
из-под пепла лицо деревень...
Как ты много мне дал,
день врачующей сопричастности,
переполненный правдой земною,
очень правильно прожитый день!
...Свечерело,
отряд возвращается,
у коровника грузит бидоны,
их раскручивая в белёсый,
глухо стонущий круг.
Успеваю подумать,
засыпая на тряской подводе:
шар земной, видно, тоже вращается
силой женских натруженных рук.

Лицо иконной черноты.
И лишь глаза – два полдня жаркие.
...А было:
дивной красоты
своей
стеснялась ты, Одарка.
Сказал:
«Таких вот в старину
На Серых Волках увозили...»
Сказал
и зашагал в войну,

и где-то лёг в полях России.
На всех заснеженных просёлках
его следы позанесло.
Совсем не сказочные волки
истошно выли за селом...
В неистовость и ярость рук
та горечь вылилась полынная,
а плакать было недосуг:
была работа лошадиная.
Такая, что мужик-крепыш,
с тобой в возок однажды впрягшийся,
солдатский снял ремень:
«Шалишь!
Возьми, не то пупок развяжется».
И пал в траву, с натуги пьян.
...Где сила падала великая,
Одарка – бабий атаман –
ты шла, босая, темноликая.
Как жернова, вращались дни.
прямее плечи обозначивались:
а будь покатее они,
полегче б, может, беды скатывались...
То лихолетье за чертой:
всё пережито и забыто...

Лишь вот – иконной чернотой
лицо прекрасное покрыто.

ГРИГОРЕНКО ГАЛИНА / 1938–2014

Солдат, то со скаткой шинели,
А то с автоматом в руках,
Идёт по весне, по апрелю
На старый, на дедовский шлях.
Какою заботой томимый
Сошёл с пьедестала герой?
Какие немирные дымы
В стране он почуял родной?
И вышла старуха из хаты,
К себе пригласила во двор.
«Куда ж ты, родимый, куда ты?»

А он отвечает:
«В дозор!
Не слишком ли внуки беспечны?
Что так убаюкало их?
Чужие бредовые речи
Медовой им здоровых родных?
Вот мы и идём, как когда-то:
Страны нас пугает разор». –
«Куда ты, родимый, куда ты?»
А он отвечает:
«В дозор!»

ГРИНЧУКОВ ВЛАДИМИР / 1937–2010

ДОБРОТА

Я всё вспоминаю голодное детство военное,
Гремели, наверно, последние залпы войны,
По улице шли под конвоем немецкие пленные,
И были глаза их голодной тоскою полны.
А русские бабы, сквозь ад тот кромешный прошедшие,
И здравому смыслу, и злости людской вопреки,
Теперь уж не бабы, а добрые русские женщины
Совали им, немощным, чёрного хлеба куски.
И сколько б ни жил я, всем буду твердить откровенно я,
Что, долг исполняя на жёстком житейском посту,
Вовек буду помнить голодное детство военное,
Но я не забуду и женскую ту доброту.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

1.
Ещё квартал от выстрелов дрожал,
На улице пылал подбитый танк,
Когда, шатаясь, к нам во двор вбежал
Худой, залитый кровью капитан.

Услышав крик: «А ну, малыш, назад!»,
Я бросился с испугу в коридор.
Два взрыва оглушительных подряд
Внезапно потрясли наш старый двор.

Осела пыль, и не пылал огнём,
Но всё ещё дымил подбитый танк.

И я увидел: под моим окном
Лежал, раскинув руки, капитан.

А на дворе – весна и благодать.
Урчал чуть слышно в небе самолёт.
И я, пацан, никак не мог понять:
Чего военный дядя не встаёт.

Ты, капитан, прости меня, прости,
Я попросту тогда ещё был мал.
Конечно, я не мог тебя спасти:
Я ни черта ещё не понимал.

Порою память
жизнь прокрутит вспять –
И снова вижу я горящий танк,
И всё бежит, бежит меня спасать,
Бежит залитый кровью капитан.

2.
«Ты знаешь, брат, вещь неплохая», –
Сказал мой друг про пьесу о войне.
А утром мать сказала мне, вздыхая,
Что прошлой ночью я кричал во сне.

И я припомнил – нет, не сон вчерашний,
Я вспомнил быль, а сон не мог никак.
Я в ту войну не дрался в рукопашной,
Я в ту войну был попросту сопляк.

Но памятью ещё по-детски чистой
Запомнил я, как с ужасом смотрел,
Когда тащили пьяные фашисты
Соседку тётю Розу на расстрел.

Она не причитала, не просилась,
Лишь как-то горько улыбнулась мне...
Я не припомнил,
что в ту ночь мне снилось,
Но знаю точно: сон был – о войне.

ГУСЕВ АНАТОЛИЙ / 1932–1964

ШКОЛА

Хлестал сентябрь
Дождём по мутным стёклам,
Порывы ветра
Сдерживал едва.
И первая,
От осени поблёклая,
Кружась, летела на землю листва.
От дома к дому
Сторож на ночь глядя
Ходил неторопливо,
Как солдат.
Да не спалось
Измученному радио,
В укрытья прогонявшему ребят.
Потом опять домой.
И всё сначала.
Сирены рёв,
И самолётов вой,
И взрывы бомб у самого вокзала,
И град камней над самой головой.
И не хватало
Тишины на свете.
И думалось:
Была ль она хоть раз?
А после этой ночи на рассвете
Я в школу собирался.
В первый класс.
Единственная радость у мальчишки:
Букварь,
Тетради,
Новенький портфель...
Нет,
Жизнь меня не баловала слишком,
И рад я,
Что не балует теперь!
Когда уже
Звонки десятилетки
Давным-давно остались позади...
И ставит жизнь не в дневнике отметки,
А проверяет всячески в пути...

ГУСИНСКИЙ ЮРИЙ / 1940–1998

С УЛИЦЫ

Мы смотрим фильм «Падение Берлина»*
В десятый раз...
В десятый раз подряд
Герои наши победят картинно!..
Никто ни разу не придёт назад.
Зато пришлют трофейного «Тарзана»**
Как странный и загадочный привет.
И за углом три шкуры за билет
С меня дерут барыги-уркаганы.
Герои дней, лихих и ястребиных,
В кургузых кепках, смятых сапогах,
Они плюют сквозь фиксы*** зло и длинно,
У них ножи и бритвы в рукавах.
Они глядят насмешливо и колко,
Изнанку жизни зная назубок...
Вот-вот и мы приобретём наколки,
Узнаем, что такое «гоп» да «скок».
И время поколений предыдущих
И вслед идущих, нас приняв едва,
Обманет миражами райских кушей
И на крутые бросит жернова.
Мы станем вдруг виною тех и этих
За наш провал и наш порыв шальной,
За то, что на вопросы не ответим
И правды не предложим ни одной.
И всё-таки не убоимся следствий
За то, что свет восприняли во зло, –
Мы были поколением последним
Из тех, что прямо с улицы пришло.
Там наш исток, где всё война спалила.
Полынью на пожарищах взойдя –
Мы лишь к закату стали главной силой,
Тяжёлый груз на плечи громоздя.
Но в наших генах – шпалой или жердью
Лечь под колёса, только бы толкнуть
Мир к правде и свободе. Эта жертва

* Двухсерийный художественный фильм; киноэпопея, поставленная в 1949 г. М.Э. Чиатурели по сценарию П.А. Павленко.

** «Тарзан. Человек-обезьяна» – художественный фильм 1932 г. производства США, режиссёр В.С. Ван Дайк.

*** Зубы, золотые коронки на зубах (жарг.).

Наш объяснит и оправдает путь.
Там наш исток, где солнце жёстко светит
И где победы ветер ледяной
Бьёт нам в лицо. И кто вокруг в ответе
Перед сиротской дерзкою шпаной?

МАТЬ

Дрожали плечи над корытом,
Плескалась мыльная вода...
Ах, мать, не плачь! Всё позабыто.
Он не вернётся никогда.
А мать всё ниже клонит спину,
А мать всё горше слёзы льёт.
Ах, мать, ты спой мне про рябину,
И может, сердце отойдёт.
Ах, мать, зачем себя ты губишь,
Кусая губы до крови?
Ах, мать, зачем его ты любишь –
Шепчу, не знающий любви.
Он жив. Нет в доме похоронки.
Он с фронта не дошёл сюда.
Ах, мать, не пой! К рябине тонкой
Он не вернётся никогда.
Он выбрал место потеплее,
Хоть сердце жрёт ему змея...
Ах, мать! Зачем любовь сильнее,
Чем боль и ненависть твоя?

ДАЕН ЛЕОНИД / 1929

На Алтае, поблизости леса,
В сельском клубе, в немой тишине
Старшеклассники ставили пьесу
В сорок третьем году о войне.
Вдруг суфлёр из-за тонкой завесы
Прошептал, возбуждёньем объят:
– Киев нами, товарищи, взят,
Только что поступило известье! –
Эту фразу восторженным хором
Повторили со сцены актёры.
Все мы с мест сорвались как один.
Что творилось в нетопленном зале!..
Старшеклассников утром призвали.
И они штурмовали Берлин.

БАЛЛАДА ОБ ОСКОЛКЕ В ЯБЛОНЕ

С рассвета дождик сеется,
Гудки приглушены
На улице Осеевской
На пятый день войны.

Как хищник «юнкерс» кружится
Над киевской листвой.
А я под кроной в лужице
Стою себе босой.

Я в яблоньку так веровал,
Что в авианалёт
Укрылся здесь, под деревом, –
Оно не подведёт.

И всё же, тем не менее,
Зловещих полон сил,
В ту лужицу с шипением
Осколок угодил.

Наверно, до последнего
Не позабуду дня:
В одиннадцатилетнего
Он целился – в меня.

Пусть не познал я ужаса,
Что знают на войне, –
Осколок промахнувшийся
С тех пор сидит во мне.

Когда над садом радуга,
А день озонно-чист,
Я в падающем яблоке
Осколка слышу свист.

Ты, яблонька, прости меня,
Что сердце помнит связь:
В твоём невинном имени
Война отозвалась.

ВОСПОМИНАНИЕ О ХЛЕБНОЙ КАРТОЧКЕ

Хлебную карточку я потерял
В сорок голодном в Сибири.
А чтобы взвесить такой капитал,
Не было, видимо, гири.

Десять талонов – четыре кило
Тёмного липкого хлеба.
Сколько воды с той поры утекло,
Более жалким я не был.

Я бедовал, от знакомых тая
Горькую эту потерю,
Будто бы в ней виноваты друзья,
Будто бы им я не верю.

Как-то в один из мучительных дней,
В школу придя на рассвете,
Ломтики хлеба на парте своей
Я, словно чудо, заметил.

Тридцать кусочков.
И тридцать ребят
Было тогда в нашем классе.
День этот, зимнею мглюю объят, –
Как он высок и прекрасен!

В эти часы я постиг до конца:
Главное в жизни богатство –

Соединившее наши сердца
Неодолимое братство.

ДЗЫБА ЭДУАРД / 1945–2003

МАТЕРИ

Идут года,
А всё чего-то мало.
Построить дом?
На месте – не могу.
Прости меня,
Я кругосветный,
А не «домовой».
Моя сберкнижка –
Адресат путёвки
С далёкою дорогой дармовой.
Я вновь уйду в голубизну тумана
В рассветную сияющую рань.
И мне в палатке вдруг приснится мама,
И я, как в детстве,
Крикну звонко:
– Нан!
Я улетаю, мама,
Мне надо в степи
Или же в тайгу.
Такие нынче завелись порядки,
И дети –
Словно птицы из гнезда.
И вместо дома –
Парусник палатки,
И очагом –
Полярная звезда.
И где-то там,
За тысячу вопросов,
Штурмуя огневые рубежи,
Твой младший сын,
Как Александр Матросов,
Накроет дот нелепости и лжи.
Он будет сильным,
Будет настоящим,
Самим собой,
Отцом своим родным,

...Так запомнилось на много-много лет:
В золотой, оранжевой пыли
Голубой летит велосипед,
Больно ковляют костыли.

2. Футбол

У инвалидов привилегии –
Сквозь пеший столпленный народ
Они на «собственных» приехали
И разместились у ворот.
Сидят, безногие, болеют,
А рядом – в нескольких шагах –
Футболки празднично белеют
На быстроногих игроках.
Они в машинах – как в оковах.
Холодные протезы жмут...
Они в машинах, как в окопах,
И, кажется, сигнала ждут.
И вновь сигнальной ракетой
Летит в сквозное небо мяч!
«...Не плачь, родимая, не плачь,
Из всяких бед и неудач
Лишь только стойкий выживает...»

А футболистов награждают,
Оркестры празднично поют,
И – инвалиды побеждают,
Как в том, решительном, бою!

3. Шаги

Ему всё мерещится шорох шагов
В ту лунную ночь –
Два шага от смерти.
Но сегодня он не шагает вновь
И друга могилу шагами не смерит.
...Хлопнул тогда старшина по плечу:
– Что, струсил, сердце в пятки ушло? –
Теперь никто не скажет ему:
«Что, струсил, сердце в пятки ушло?..»
И только уставшие сапоги
Всё ждут в углу быстроногих дорог...
Заплаканный мост. Шаги да шаги.
На мокром асфальте – шагов откровенье.
И только в углу

Молчат сапоги –
Большие,
Разбухшие, как вены...

ДЗЮБА ВИКТОР / 1936–2005

У ОБЕЛИСКА ЗЕМЛЯКАМ

Остановлюсь у обелиска.
Вокруг – цветы и тишина.
Я поклонюсь погибшим низко,
Перечитаю имена.

И вздрогну, словно от ожога:
И дядя,

и отец,

и брат...

Их очень много, слишком много
Для деревеньки в тридцать хат.

А я ведь помню их живыми!
Любого знал из них в лицо.
От каждого – осталось имя.
Остались дети от отцов...

Остались матери и вдовы,
Что помнят даже голоса.
Остался старый сад фруктовый.
Остались пашни и леса.

Мечты остались и заветы,
Свобода мира и труда,
Тот драгоценный свет Победы,
Что не померкнет никогда.

Деревня вся – как на ладони.
Стою с отцом наедине.
...Земля опять от взрывов стонет,
Напоминая о войне.

У БАЛАТОНА*

*Цветёт освобождённая Европа
На косточках железных мужиков.*

В. Кочетков

I
У Балатона всё благоухает,
В садах поют шальные соловьи.
Ничто туристам не напоминает
О том, что здесь когда-то шли бои.

Со дна достали раненую «Хелку»**,
Чтоб сделать не музей, а ресторан.
Не склянки бьют на «Хелке», а тарелки,
И музыка звучит по вечерам.

Котлы с утра урчат в утробе трюма,
Что для иных прекраснее, чем Лист.
Экзотика. И кругленькую сумму
Выкладывает западный турист.

Плывёт валюта – что же тут плохого?
Гони монету – и крути штурвал...
Вот где бы высечь строки Кочеткова,
Чтоб каждый помнил и не забывал.

II
Среди железа, мрамора, бетона,
Где тишина, покой и чистота,
На кладбище, в селе у Балатона,
Увидел я три маленьких креста.

Они стояли скромно у ограды.
Вокруг цвели весенние цветы.
Я прочитал (переводить не надо),
Что это наши – «русские»! – кресты.

И сердце закололо, защемило –
Казалось, что от боли закричу:
Я десять лет отцовскую могилу
По европейским кладбищам ищу...

* Балатон – озеро на западе Венгрии, крупнейшее в Центральной Европе.

** Пассажирское судно, потопленное немцами в 1944 г. Поднято в 1977 г. и переделано в ресторан (из рекламной надписи у входа).

Здесь тоже нет ни имени, ни даты –
Три безымянных серых бугорка.
Но эта надпись: «Русские солдаты» –
Переживёт и мрамор, и века!

...Стоят кресты, как на родных погостах, –
Мне боль свою вовеки не унять.
Склонилась над могилами берёзка,
Как маленькая, сухонькая мать.

Окопов ноющие раны
Заврачевались, заросли.
Остались втянутые шрамы
На теле матери-земли.

Она их все надёжней прячет,
Стремясь изгладить страшный след.
Но вслушаюсь и слышу: плачет
Родник о тех, которых нет.

ДРОБИЗ ГЕРМАН / 1938–2016

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Играй, Адель,
Не знай печали...*
А.С. Пушкин

Дитя не видело отца
ни разу прежде. Жмётся к маме.
Отец не видел молодца
ни разу прежде. Он – руками,
привыкшими держать снаряд,
его убийственную тяжесть, –
берёт с усилием, наугад,
но близко не предвидя даже,
что весит мальчик тыловой,
насколько легче он фугаса...
Мальца взметнул над головой,
тот ойкнул, крикнул, испугался.
Мать всполошилась. «Не убей!» –
сквозь слёзы радости вскричала.

А руки – нету их грубей,
война обтёрхала, стачала,
как наждаком ободрала –
к худому тельцу приникают
и к ощущению тепла
сынка родного привыкают.
Но вот мальчонка водворён
к отцу на жёсткое колено.
Он с грозным дядей общий тон
нащупывает постепенно.
Котёнком трётся у щеки,
вбирая крепкий дух махорки,
и робко трогает кружки
блескучие на гимнастёрке.
Награды он перебирал,
медали звякали, бренчали.
Отец глядел и повторял:
«Играй, сынок, не знай печали».

Я буду петь о лампе керосиновой,
про тёплый свет послевоенных лет,
про обувь и одежду некрасивую,
про старый дом – его в помине нет.

Про тёплый свет, про лавку керосинную,
про череду морозных ясных дней,
про санки со скрипучею корзиною
с пахучей банкой керосина в ней.

Про валяную обувь и резиновую,
чей след простыл, про саночки, чей след
простыл-пропал, про саночки с корзиною,
чей след простыл – его в помине нет.

Ушанка, ватник, валенки с галошами,
и к булочным змеиные хвосты, дрова,
бараки, водовозки, лошади...
Где патефоны? Их и след простыл.

Парады под тяжёлыми знамёнами,
плакаты где? Но их простыл и след,
а на века казались счетверёнными
те четверо в единый силуэт.

День выборов, снег в корках мандариновых,
гремящие над входом рупора,
костёр из флагов, алых и малиновых,
и слава тем, кто шёл к шести утра!

Я буду петь о лампе керосиновой,
про тёплый свет – его в помине нет,
про бесконечный треск машины Зингера*,
кормилицы послевоенных лет.

Про старый дом, где живы мама с бабушкой,
где цвёл пейзаж японский на стене,
а рядом с ним, под светом, косо падавшим,
жил юноша, убитый на войне.

* С 1931 г. швейные машины американской компании «Зингер» производились, в том числе и на Подольском механическом заводе.

ЕРОХИН АЛЕКСАНДР / 1935

Водицы хлебну родниковой,
Вглубь леса неслышно войду.
Под кроной густой и зелёной
Единство с природой найду.

Волшебными строчками ляжет
Богатство лесной тишины.
Поведает лес и расскажет
Печальную повесть войны.

Брусникою алою брызнет
На склоне заросший окоп.
«Куда же ты?» – память окликнет
Вдали от нехоженных троп.

Послышатся грома раскаты
Я вздрогну... и лес оживёт.
И крикнет мне голос солдатский:
«За Родину! С Богом! Вперёд!»

ТРОПКА ПАМЯТИ

По тропке памяти далёкой
Иду мальчишкой в полусне.
Рассвет малиновой каёмкой
Скользит по травам, по стерне.

Литовка радужно мелькает
В руках отцовских: вжик да вжик!
Он о войне ещё не знает,
И слышу я: «Ну как, мужик?»

Отец, по пояс оголённый,
Парит, обрызганный росой,
Ещё войной не опалённый:
«А ну-ка, сын, взмахни косой!»

СНЕГ ПОБЕДЫ

Вьюга кружит и вертит,
За сугробом свивает сугроб.
Налетающий ветер

Надвигает ушанки на лоб.
Вдаль проносятся мимо
В снежном вихре
На фронт поезда –
Души рвутся за ними,
Да мешают мальчишкам года.
Деревянной лопатой
Сброшен снег с колеи полотна.
Здравствуй, год сорок пятый,
Где под снегом победным война.

Кружит с фронта идущих
Снегом яблонь цветущих...

СТРАДА

Это с детства в память вросло:
Мы отцу обед носили,
Мы с отцом траву косили,
Чувствуя спиной село.

А с войны-то мужиков
На село вернулось двое:
Без руки Степан у дома
Водит лошадь без подков.

На покос я угодил,
Ворошу траву в овражке –
Вдаль отец на деревяшке
По покосу уходил.

Догоняю: «Отдохни!»...
Пот с отца бежит ручьями...
А Степан между домами
Месит глину лошаадьми.

Валит с ног и гонит спать
Ветеранов труд артельный –
В снах короткий бой смертельный
Продолжается опять.

ПРО ЛЮБОВЬ ПИСАТЬ НЕПРОСТО

Про любовь писать непросто:
Надо душу обрести.
Лет прожить до девяноста,
А потом слова найти.

Рассказать всё без утайки:
Сколько чувств своих излил
На трёхструнной балалайке,
Как на свете ты любил!

Как тебя в родной сторонке
Дуня милая ждала,
С фронта дважды похоронка
Добиралась до села.

Как встречали день Победы,
Вместе радуясь, скорбя...
Сквозь огонь пройдя и беды,
Испытав не раз себя.

Про любовь писать непросто,
Жизнь – не поле перейти.
Осознаешь на погосте
Безответное «прости!».

ЖАРОВ БОРИС / 1930

ДЕТИ ВОЙНЫ

Отрывок из поэмы

...Мы были зелены и хрупки
В те роковые времена,
Когда корявые зарубки
На нас поставила война.

Мы – что? Воистину досталось
Всем тем, кто стал в солдатский ряд,
И тем, кто был постарше малость
От нас, а, в общем – всем подряд.

Всё было: дикие налёты,
Вокзальных окон чернота,
В крестах чужие самолёты
И смерти близкая черта.

И грохот слившихся разрывов,
Стук сердца «заячий» в груди,
И вой сирен без перерывов,
И неизвестность впереди.

Теплушек десять тесных, грязных
Тащил к востоку эшелон,
Отсчитывал железным лязгом
За перегонном перегон.

Тянулся «с толком, с расстановкой»,
Всем уступая, не спеша...
И к нам пристраивались ловко
Болезни, проголодь и вша.

Эх, ты, уральский, лютый, колкий
Сорокаградусный мороз.
К утру чубы примёрзли к полке –
Не встать, и смех, и боль до слёз.

Эвакуация – то слово
Вполне понятно было нам.

Вот он, причал теперь наш новый:
Сплошная степь по сторонам.

И в Казахстанском Приуралье,
Сквозь зыбь степного ковыля
Нам чудился Донбасс наш дальний,
Отцов и прадедов земля.

И всяк, кто мог, всюду старался
Помочь Отчизне в той войне,
Как говорится «упирался»,
Валился, снова поднимался,
Не оставался в стороне.

Ну, были сволочи, конечно,
Не без того, их совесть – грош.
И нынче, и потом, и вечно,
С таких подонков шиш возьмёшь.

Война людей топила в горе,
Лила из смертного ковша,
В окопах, в поле, в небе, в море,
В тылу, в плену, со смертью споря,
Сражалась русская душа.

Откуда в ней такая сила?
Геройство – выше всех наград!
...А похоронок сколько было?
«...Ваш муж...»,

«Ваш сын...»,

«Ваш брат...»

А дети той поры военной?
«Что дети? – скажет хлюст иной. –
Они всегда обыкновенны,
Как дети, – и в мороз, и в зной».

Ну, нет! Мальцы из грозной дали
Познали тот суровый час.
Все голодали, меньше спали,
В тринадцать у станков стояли.

Пусть в наши годы меньше знали,
Но были как-то старше вас.

1976

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Сорок пятый. Весна. Та великая дата.
Тот победный салют, озаривший века...
А я помню вокзал и слепого солдата,
Что стоял у стены с костылями в руках.

Он смеялся и плакал, шинель – нараспашку.
С виду лет двадцати, в два ряда ордена,
Из-под видевшей виды гвардейской фуражки
Сизой дымкой клубилась вихров седина.

С тех времён пронеслось полстолетия с лишком.
Многолюдный проспект, вновь бушует весна.
Продаются тюльпаны; а рядом парнишка
Промышляет значками. И вдруг – ордена!?..

На лотке среди пошленьких модных блестяшек –
Боевые награды с укором глядят.
Путь героев к ним был нескончаемо тяжек –
Путь пилотов, танкистов, матросов, солдат.

Место этих наград – на груди ветеранов,
На планшетах музеев, на шёлке знамён.
И цена им – не деньги, а жизни и раны...
Ещё память о тех, что лежат без имён.

Человек! Возвратись в те суровые дали,
Доброй памятью сердца назад оглянись!
Возвеличь и спаси ордена и медали,
Отстоявших в сраженьях свободу и жизнь.

ЗЛОБИНА ДИНА / 1936–2003

МАТЬ

Сын без вести пропал...
Сначала ждали все:
Невеста, мать – не верили бумажке.
А время шло и шло...
У старой снег в косе,
И для невесты отцвели ромашки...
Солдат не шёл...
Бессменно на стене
Висит портрет безусого мальчишки.
На полках – недочитанные книжки,
В которых нет ни слова о войне.
Хотя одна война лишь виновата,
Что был прочёсан партизанский лес...
Пятнадцать лет старуха ждёт солдата –
Он не убит! Убитый бы воскрес!

06.05.1959

Дом за снежной лесной поволокой
В непроезжем безлюдном краю.
Дядя Ваня – старик одинокий –
Грустно жизнь доживает свою.

Вся еда его – хлеб да рябина,
Были силы – картошку растил.
А в войну-то дошёл до Берлина
И геройство в боях ощутил!..

Он медали по праздничным датам
Достаёт, вороша свой сундук.
Сколько их раздали солдатам,
А порой – вместо ног, вместо рук!

Чтобы сердце быстрее стучало,
Чтобы помнилась ярче война,
Чтоб жена веселее встречала,
Коль осталась солдату верна.

07.12.1971

СТАРАЯ ЧАСТУШКА

– У Володи в огороде
Расцветает красный мак.
Все ребята поженились,
А Володя ходит так...

Расчудесную частушку
Пел в насмешку детский хор.
А мальчишка ждал подружку,
Да смущался ухажёр.

В речке гордая Маруся
Мыла ноги три часа...
Над селом промчались гуси
За дремучие леса...

Вновь частушки, колобродя,
Прозвучали под струну...
В грозный час ушёл Володя
Защищать свою страну.

Жарким, дымным было лето
И дырявым от свинца...
Полевые зори где-то
Сторожат покой бойца.

По ночам степные гуси
Низко кружатся, кричат...
Стала бабушкой Маруся,
Ждёт на праздники внучат.

Городские внучки просят
Спеть частушки под гармонь.
Тяжесть лет Маруся сбросит –
Не погас ещё огонь!

Пусть с гармошкой при народе
Уползёт из сердца мрак...
Юный вспомнится Володя
И чудесный красный мак.

20.09.1981

Не ходит в лес, травы не косит,
Хоть был косарь он – кровь с огнём,
Своих медалей он не носит,
А костыли всегда при нём.

Он помнит ту грозу июля,
Тот бой, железный тот приказ...
Не думал ветеран, что пуля
Повалит внука в скорбный час.

Гроб из песчаного Афгана
Добрался до родимых мест.
Здесь, в космах рыжего бурьяна,
На кладбище встал свежий крест.

12.08.1983

Дымила печь от дров сырых,
Шёл холод из угла.
Растила мать нас четверых.
А я бы так смогла?..

Держу я карточку, где мать
Ещё лицом светла,
Всё успевает – шить, стирать.
А я бы так смогла?..

Отец с войны не пишет год.
Морщинка залегла,
Но песнь звучит среди забот.
А я бы так смогла?

ЗУМАКУЛОВА ТАНЗИЛЯ / 1934

ОТВЕТ ДРУЗЬЯМ

...Участье в войнах.
Я была мала.
И всё же воевала как могла

Тяжёлою мотыгой и лопатой
С бедою, с голодухою проклятой.

Братишки малые просили есть,
Я, старшая, трудилась что есть мочи...
Профессия? Да их не счесть!
Была и нянькой, и разнорабочей.

Арыки рыла. Сеяла. Ткала.
Грузила. Молотила и полола...
И эти все нелёгкие дела
Мне были среднею и высшей школой.

Упрекают люди иногда:
– Почему в цветущие года
Столько горечи в стихах твоих?
Почему печалится твой стих,
Точно песни бабушек седых?..

Не спешите осуждать, браня...
Я росла в години грозных бед,
В раннем детстве столько раз меня
Громом взрывов пробуждал рассвет!

Для меня война – не чей-то сказ,
Не воспоминания старух:
Страхов навидался детский глаз,
Напитался ужасами слух.
Ощутила я дыханье зла.
Я войне всё детство отдала.

Тот поймёт меня наверняка,
Кто сквозь школу эту же прошёл...
Правду говорят: «У бедняка
И телёнок трудится как вол».

Я братишкам заменяла мать,
А братишек в доме было семь.
Семерым попробуй постирать,
Рубашонки залатать им всем,
Накормить, заштопать им носки...
Дни – они куда как коротки!

В полночь я валилась на кровать.
Думая: уж больше мне не встать!
И вставала... Надо же пойти
В поле, в наш сиротский огород...
Десяти годов иль тридцати
Стоил он – один военный год!

Может, эти трудные года
Смех мой притушили навсегда?

Как война испытывала нас,
Грохоча за нашими дверьми!
Шуток мы не знали и проказ,
Воинами были – не детьми!..

Малолеткой я вступила в строй.
Тяжкий заступ – чем не автомат?
Ковырялась я в земле сухой,
Воевала с нею, как солдат,
Чтоб добыть хоть кроху на обед –
Всей семьи опора в десять лет!

Как солдат, сменяла я посты:
Носом от усталости клюя,
Я за пряткою до темноты
Пряла, точно бабушка моя.

Может, потому на жизнь смотрю,
Точно воин, раненный в бою?
Может, потому звучит мой стих,
Точно песни бабушек седых?..

ИВАНИН НИКОЛАЙ / 1939–1996

Аисты в небе кружились...
И было хоть недосуг,
Всматривались, напряжись,
Бабы, забыв про плуг.

Всматривались с тоскою,
С такую – не пересказать...
И прикрывались рукою –
Крылья слепили глаза.

Виделось всё как прежде,
То, что ушло сполна.
И чиркнуло вдруг надеждой,
Робкой, как тишина.

«Ах, загубели рученьки,
Если ласкали – во сне...
А возле глаз-то – лучики,
А в волосах-то – снег...»

А над землёю талою,
Разбуженною для зерна,
Аисты всё летали,
Словно бы
не война...

ИВАНОВ ВИКТОР / 1941

Война с тупой и злобной силой
Не нас калечила и жгла.
Но мы уже на свете жили,
Когда Победа в мир пришла.

Нас гром победного салюта
Не напугал, не оглушил.
Он лучшей песней в ту минуту,
Он нашей колыбельной был.

Какие дали вдруг открылись,
Как зазвенели тишиной!
А по ночам нам долго снились
Отцы, убитые войной.

В окопах мы играли в прятки
И на кострах патроны жгли.
Мы жили просто, без оглядки,
Как дети всей большой Земли.

Но иногда, душой объемя
Ту боль, что мы могли понять,
Хотелось раненую Землю
Бинтом тесней перевязать.

Я не был на войне ни дня,
Она сама вошла в меня.
Мы с ней ровесники, с войной,
Нельзя расстаться ей со мной.
Я не был там, среди бойцов,
Где смерть была – лицо в лицо.
Через передний край тайком
Не ползал я за языком.
Не попадал под артобстрел.
В гремящем танке не горел.
Не мне, бессильно матерясь,
Сипел комбат охрипший: «Связь!..»
Не я высоты брал без слов
И прорывался из «котлов».
Не мне великая страна
Дарила славы ордена.
Но те, кто падал на войне,
Зачем-то жизнь хранили мне!
Зачем? Я их спросить хочу
И ставлю горькую свечу...
Зачем – уже почти кричу –
Бессонной памятью плачу?!
Молчат погибшие в ответ.
А может быть, ответа нет
И мёртвые всегда правы?
В их городах среди травы,
Цветов, табличек и оград,
Бесстрастно выстроенных в ряд,

Покой и тишина. Уют.
Молчат погибшие. Не лгут.
Страна, в которую они
Так верили в любые дни,
Болеет. Тяжко и давно.
Ей испытанье вновь дано.
В кровавых муках перемен
Страна стремится встать с колен.
Давно уж ни при чём враги...
Мы платим все свои долги.
Ни дня я не был на войне.
Война сама живёт во мне.

1995

ПОСЛЕЮБИЛЕЙНОЕ

Ну вот и День Победы проводили...
А что-то не идёт к душе покой.
Отславословили, парады отходили...
А дальше что? Теперь рубеж какой?

«Никто не позабыт...» – так величаво
Мы начинаем речи о войне.
Тогда скажите – по какому праву
Белеют кости в русской стороне?!

В Мясном Бору, в Синявинских болотах,
В лесах под Ржевом, в поле где-нибудь
Их до сих пор оплакивает кто-то,
Не проводив в последний скорбный путь.

Какой теперь ждём юбилейной даты,
Чтоб праху павших честь воздать сполна?
Пока не обрели покой солдаты,
Не может быть спокойною страна!

Пускай их сотни. Пусть их даже тыщи,
Тем более упрёки нам горьки.
Давайте павших бережно отыщем
И похороним – просто, по-людски.

Отыщем всех, кто долг исполнил ратный.
Всех назовём по именам своим.

Лишь только Неизвестному солдату
Святую неизвестность сохраним.

Пускай к его могиле, что в столице,
Погоревать приходят в тишине
Те, кто хранит родных и близких лица,
Действительно пропавших на войне.

Ах, как мы любим юбилеев даты!
Но среди горьких истин есть одна:
Пока не захоронены солдаты,
До той поры не кончилась война.

1995

Когда забываются войны страной?
Когда их солдат, не вернувшихся с боя,
Не ищет она среди павших героев.
Не ищет. И не тяготится виной.

Когда забываются войны людьми?
Когда на родимой сторонке солдата
Его уже некому ждать, как когда-то, –
Ни старенькой маме, ни милой с детьми.

Простим нашу память, лишённую сна.
Покуда мы живы, живёт и она.
Но права забвения нет у страны,
Солдаты которой в плену у войны.

Апрель 2004 г., г. Заречный

ИВАНОВ ГЕРМАН / 1940

В железной печке пляшут тени,
Огонь разбуженный гудит,
И мать, уставшая смертельно,
На табуреточке сидит.

Работой смята непосильной
В цехах холодных тыловых
За брата, мужа, и за сына,
И за себя – за четверых.

Безвольно руки опустила
В печали бабьей вековой.
И на щеке слеза застыла,
И взгляд – как будто неживой.

Сейчас её никто не видит.
Но утром снова встанет мать
И к нам с лицом спокойным выйдет
Войну и смерть перемогать.

КОЛОСКИ

Серебрят уже года мои виски,
А я помню в чистом поле колоски...
Среди рыжего колючего жнивья
Бродит худенький мальчишка.
Это – я.
Торба серая на узеньком плече,
Куртка старая, подбитая ничем,
Из суконного трофейного гнилья.
Нагибается парнишка.
Это – я.
Подо мною ломко хрумкает стерня,
В алых капельках уколов пятерня.
А за мною вслед – ребята косяком,
Поднимают колосок за колоском.
Это мы –
Войны бедовые мальцы,
Те, которых не увидели отцы,
У которых мать надорвана бедой,
Те, которым хлеб достался с лебедой,
Те, что смерти были с малых лет близки...
Высыпаю я из торбы колоски.
На брезенте поднимается гора
Золотого
Всенародного добра,
Сытным светом в каждом зёрнышке горит.
И учитель молча нас благодарит.
Ни словечка, ни полслова –
Только взгляд.

Нам глаза его о многом говорят...
Поле тянется до сумрачных небес.
Вот и снова набирают сумки вес.
В чистом поле до слепой осенней тьмы
Ходит дружная ватага.
Это – мы.

ИВАНОВА ЕЛЕНА / 1941

ВСТРЕЧА

*«...уроженец Орловской губернии сержант
Иванов Лев Васильевич (...) был убит 16 января 1943 года.
Похоронен высота 3 км северо-восточнее ст. Курсавка».*
Из похоронного извещения

...Летит автобус, точно в гости к маю.
В окошко свежесть – наливай и пей!
Рвёт чёлку ветер! Глаз не отрываю
От гор вдали, предгорий и степей.

К асфальту льнёт молоденькая травка,
Кусты навстречу взапуски бегут...
И вдруг водитель объявил: «Курсавка.
Стоим не больше десяти минут».

Слова, бывает, бьют как будто током!
И так со мной случилось неспроста:
В трёх километрах к северо-востоку
Находится тут где-то высота...

Там, если только верить похоронке,
Отец мой... Там в последний бой он шёл...
...Шаг потому, наверное, тяжёл,
Что рытвины похожи на воронки.

На горизонте очертанья гор
Сквозь дымку далее пасмурно синеют.
Та высота – не этот ли бугор?
Жаль, травы слова молвить не умеют.

«Ну расскажи мне, расскажи, ковыль!» –
Я наклоняюсь над травой степною.

«Я не сбивал с сапог солдатских пыль, –
Ковыль ответил. – Бой гремел зимою».

«Тогда ты, камень, всё мне расскажи.
Ну как ты можешь умолчать об этом?
Тебя, быть может, кто-то положил
На бугорок нарочно, для приметы?..»

Молчит земля, задумавшись о прошлом...
Стою, забыв о том, что я в пути.
И кажется, легла на плечи ноша –
Мне эту ношу до конца нести.

Я УБИТ ПОД ЛУГАНСКОМ...

Я убит подо Ржевом...
А. Твардовский

Ты убит подо Ржевом,
Я убит под Луганском.
Уж насквозь проржавела,
В дырах вся твоя каска.

Через дыры в пространство
Свищет – прямо мне в темя –
Боль сквозная. И ясно:
Не меняется время.

Ну а сами мы – что же?
Зря врагу это мнилось,
Что на вас непохожи
Внуки, – всё изменилось.

Правда, дед мой, ты знаешь,
Мне, потомку солдата,
От компьютерных клавиш
Нелегко – к автомату.

И, признаюсь, непросто
В схватку было бросаться.
На всемирном погосте
Лечь захочешь ли в двадцать?

Страшно: тело живое –
В раскалённое пекло.

Я вернулся б из боя,
Но спеклись мои веки.

Не успел и осмыслить,
Что случилось со мною...
Дед, ты бился с фашистом,
Мне пришлось с ним – по новой.

У вчерашних мальчишек
Грозовая стезя.
Отсидеться в затишке
Можно... Только нельзя!

Видно, русская доля
Неизменна в веках.
Куликово – где поле?
Да всего в двух шагах...

СТИХИ О МАТЕРИ

У неё за плечами война
Да ещё похоронка на мужа.
Нас троих подымала одна,
Всё надеялась: будет получше.
А теперь столько всяких обид,
Год за годом они нарастали.
Всё чадит неустроенный быт,
А ведь сердце её не из стали.
Белкой кружится в том колесе,
Что война навязала, проклятом!
Чем плохая я дочь? Я как все...
Только чувствую, что виновата.
Не пойму: в чём вины этой суть?
Не сказать, что не сеем, не пашем.
Но пройди матерей наших путь
Шаг за шагом – не станет ли страшно?
И вперёд их глазами взгляни:
Мир на грани беды, как ребёнок,
Что играет с огнём... Сохрани!
Упаси его, Боже! Но тонок
Голос матери. В грохоте тонет.
И тревожны закатные дни.

ИНГЕРОВ ВИКТОР / 1944–2007

Мне никуда от прошлого не деться,
Пусть никогда я сам не воевал –
Поможет память долга, память сердца
Мне то понять, чего не испытал.

Стирает время дней минувших меты,
Но и оно не сгладит, ты поверь,
Ни безграничной радости победы,
Ни беспредельной горечи потерь.

Всё больше в общем, меньше о деталях.
Всё реже о боях, всё чаще о войне.
С годами память ценится вдвойне,
Звенящим солнцем вспыхнув на медалях.

Но, словно эхо прошлого, во мне
Живёт вопрос, и боль не утихает:
Быть может, потому друзей нам не хватает,
Что сверстники отцов погибли на войне?

КАПЛИНСКИЙ ЯАН / 1941

Вечером в темноте
детей ведут из детского сада домой
всё в мире выросло городá домá грузовики
такие большие так много их
а они – такие же маленькие
беспомощные как и встарь
в колыбельке в платке у матери за спиной
когда вещи ещё не выросли
не переросли людей
Дети Огненной Земли в челноках на холодном море
Дети Варшавы идущие в газовые камеры
Дети Тарту на тёмной заснеженной улице
мне страшно за всех за вас вы такие маленькие
всё в мире растёт быстрее чем растёте вы
вы спросите и мы должны отвечать
не прощайте нас если солжём хотя и нас
тоже обманывали я верю вам но мне страшно
жизнь должна начинаться с начала с малого
нежного крошечного а кругом грохочут
такие большие машины и подростки жестоко дерутся
и самолёты вверху нет ни сна ни покоя ночь идёт
снежная полная вопросов ночь накануне дня
зимнего солнцеворота

Перевод С. Семененко

КАРИМОВ МАРАТ / 1930

САПОЖНИК

У меня сосед – сапожник.
Вот уже который год
Он кроит и режет кожи,
Сапоги народу шьёт.
Шьёт и прочно, и красиво...
Сам же ходит много лет
Без сапог... Но в этом дива,
Дорогой товарищ, нет.
Слышишь, как он до порога

Трудно делает шаги?
На берёзовые ноги
Не наденешь сапоги...
На военном бездорожье
Пали многие – не счесть.
Мой сосед вернулся всё же,
Но, как видите, не весь...
Он вернулся в дом, невесел,
Снял солдатское сукно,
Низко голову повесил...
А потом из всех ремесёл
Выбрал трудное одно.
Лишь терпению да поту
Покорилось ремесло.
Сапоги его работы
Нынче носит всё село.
Крепко сбиты, ладно сшиты...
И хоть им износу нет,
«Пусть изнасятся», – открыто
Всем желает мой сосед.
По селу, порой усталый,
Он идёт, потупив взгляд.
Деревянные суставы
Об одном всегда скрипят:
«Велика моя потеря,
Тяжелы мои шаги.
Да изнасятся, я верю,
Люди, ваши сапоги!»

Перевод С. Видулова

АУЛ С МЕДНЫМИ ПУГОВИЦАМИ

Смотрю во тьме я на аул родной:
словно, раскинув руки, предо мной
лёг богатырь усталый отдохнуть,
над ним – палаткой звёздной

Млечный Путь.

И на шинели у солдата в ряд,
в ряд пуговицы медные горят.

Читатель, ты не думай про певца,
что это – ради красного словца.
Не пуговицы – это в окнах свет,
а там, где свет горит, безверья нет.

Лишь месяц погостил солдат.
И вот –
 по улице последний раз идёт.
Гудел вечерний ветер в проводах.
Солдата провожали мы селом.
Желты ремни. Обмотки на ногах.
И лишь шинели не было на нём,
а за неё – ведь как-никак нова! –
могли бы дать картошки пуда два!

Зато вокруг из окон всех домов
струился свет – и ярок, и багров.
И нам принёс надежду этот свет.
Он осветил нам мрак военных лет.

Ушёл солдат, исчез солдат вдали.
Но вечерами долго ещё жгли
суконные в коптилках фитили...
Во всех домах цвели огни, огни.
Лишь пуговицы медные одни
остались от шинели дорогой...

...И вот вернулся снова я домой;
опять, раскинув руки, предо мной
лёг богатырь усталый отдохнуть,
над ним – палаткой звёздной

Млечный Путь.

Огни, огни – из окон, из оград,
как пуговицы медные, горят...

1960

Перевод В. Цыбина

НАГРАДЫ

Я вот о чём подумал: у солдат,
прошедших за войну все круги ада,
дышавших горьким дымом Сталинграда,
давным-давно забытыми лежат
награды... Словно это так и надо.
Лежат медали – не на пиджаках,
серебряные, не на гимнастёрках,
и ордена лежат, как на задворках,
в пропахших нафталином сундуках.
Давно не прикасалась к ним рука,
копавшая окопы и землянки,

Страшные поезда...
Обратно, спасаясь от смерти,
Под крики увечных, больных
Голодные грязные дети
Тряслись на подножках судьбы,
Их разбирали, покоя
Свой земляной закуток...

Прошлое, бывшее, злое –
Горького сердца комок.

МАМАЕВ КУРГАН

Стою на кургане
Печальна, легка –
Сквозь Память, сквозь слово
Идут облака...
Весеннее небо,
Завидная высь!..
А как там в «Писаньях»:
С врагом поделись?
Далёкое близко,
Смертельное – вот!
Погибшие снова выходят вперёд...
И Родина-мать
Забывать не даёт:
Пришедший с мечом
От меча и умрёт!..

СТАЛИНГРАД

На Сталинградские границы,
На огневой солдатский путь
Я шла героям поклониться,
Отцову душу помянуть...

Рябина красная светила –
Как слово жаркое цвела...
И я жила,
И я любила,
И я бессмертною была.

КАРМЕЕВ АТАУЛЛА / 1930–2016

Я ТОРОПИЛСЯ ПОДРАСТИ СКОРЕЕ

Я торопился подрасти скорее,
Завидовал подгону тополей,
Бумажному коробчатому змею,
Полёту белокрылых журавлей.

А в сорок первом над страной моею
Рвалась с рассветом в клочья тишина.
Я торопился подрасти скорее,
Но не успел – в том не моя вина.

Завидовал молоденьким солдатам
И бредил их высокою судьбой.
Четырнадцать мне было в сорок пятом –
А я хотел попасть скорее в бой.

Я торопился подрасти скорее,
Тянулся вверх, вставая на носки,
Завидовал тому, кто через Шпрее
И через Одер совершал броски.

Завидовал тому, кто над рейхстагом –
Над чёрным станом – поднял алый флаг.
Три года оставалось, как три шага,
Чтобы и мне рвануться на рейхстаг.

КАСПЕРСКИЙ СТАНИСЛАВ / 1939

Исчезают окопы...
Даже тропки здесь нет,
Где торили подковы
Свой безжалостный след.

Ряд холмов порьжелых
Да осины вдали.
Шорох листьев созрелых,
Горький запах земли.

Замирает и стынет
В сердце боль о былом:
Где-то здесь, на равнине,
Праха отца под холмом.

КОЗЛОВЦЕВА РАИСА / 1938

ПОБЕДА

Её в сердцах лелеяли солдаты,
В землянках, по окопам, блиндажам,
Она к нам приближалась в сорок пятом
По минным развороченным полям.

Она гремела залпами орудий
У псковских, сталинградских рубежей.
Бросали к ней среди военных будней
Кавалеристы взмыленных коней.

Она ползла по партизанским тропам;
Среди болот, в угрюмости лесов.
Она бросалась к раскалённым дотам
Средь остовов пылающих домов.

Смоленщина, Орёл и Приднепровье,
Воронеж, Брест и Курская дуга...
Фронтами, истекающими кровью,
Гнала Победа полчища врага.

И тень войны рассеялась в Берлине,
С последним залпом, где чернел рейхстаг.
Растаял дым над эльбскою стремниной,
Где отразился наш победный флаг.

Победа! Долгожданная Победа!
Мы наконец-то встретились с тобой.
Не мессеры в пике заходят с неба,
А голуби кружат над головой.

Вот более полвека пролетело,
Но в сердце след тот страшный не зарос.
Не отболело, нет, не отболело...
И в радости не скрыть горячих слёз.

После армии всюду прижиться легко.
Много песен неспетых в деревне твоей.
Только мало осталось там изб и людей.

Ах, и кружится там, ах, и падает лист!
Ты идёшь по заводу – отец, коммунист.
Удивленье в цехах: в стенгазете стихи –
В них коровы мычат, в них кричат петухи.
Песня детства – признание тебе в сорок лет:
«Э-э, да ты начинающий, значит, поэт?!..»
Мёртвый свет газосварки хлестнул по лицу.
...Затерялась твоя деревенька в лесу...

КОРОТИЧ ВИТАЛИЙ / 1936

МОЁ СЕЛО

Всё пережили: две мировых войны
и несколько войн, не таких кровавых и трудных.
Случалось, в межах валялись мышинные трупы:
когда нет хлеба,дохнут и грызуны.
Пережили наводнения, топившие и коней,
все, беспощадно терзавшие земли, танки,
и все театры, эпохальные их спектакли
про моё село, про его девчат и парней.
Вроде без подвигов мы на виду веков:
в мире и на миру, как водится, жили-были.
Занимался пожар – тогда уж в набаты били,
а враги приходили – поднимались, били врагов.
Есть ли бóльшее мужество, чем мужество быть собою...
Как сумело село моё к будущему идти,
если в нём с целой улицы – один приходил из боя,
из двенадцати хлопцев двое лишь доживали до тридцати!
Пусть никогда никому и во сне не привидится,
как горькая доля дымно встаёт над светом.
В селе моём было сто пятьдесят Лидице
и сорок восемь Освенцимов,
да никто не знает про это...
Поставьте ему памятник – селу моему бессмертному,
где поле в жёлтых колосьях и бьют из земли ключи.
Поставьте ему памятник – хату с окнами светлыми,
пусть ловит и копит хата солнечные лучи.
А в ней – детей поселите, им в душу вложите знанье

Законов труда, правды.
А ещё вложите – любовь...
Да будет вечным село моё, красное моё знамя!
Живи, святая земля моя,
Мы – вечны, пока с тобой!

1968
Перевод М. Борисовой

КОЧКАРЕНКО ВЛАДИМИР / 1940–1976

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Была война.
А мы пришли потом
по раскалённым, пропылённым шляхам,
по насыпям, шоссе, покрытым шлаком.
Где раньше просто по ромашкам шлялись,
поротно встали в мире молодом.
Осталось дома дружество семей.
И потом наши мускулы покрылись.
И братские могилы нам открылись,
заныли, словно раны на земле.
И к нам пришли погибшие бойцы
и встали так, что некуда нам деться,
вошли в сердца и встали там –
из детства –
нас так и не выдавшие отцы.
Обыденна наука убивать.
Возвышенна отцовская надежда
служить и выжить,
и потом, как прежде,
на улице всё той же проживать.
Они лежат и помнят адреса,
лежат и помнят имена потомков,
но перебиты руки,
и потёмки,
и писем невозможно написать.
Лежите, батьки честные мои,
незлые, ненаглядно-молодые.
Он выстоял, ваш мир, в огне и дыме,
и живы жёны, живы соловьи.
И на заре несокрушимой эры

КРАВЧЕНКО АНАТОЛИЙ / 1937–2020

ПОДСНЕЖНИК

Была весна зимы суровой –
ещё снега лежали в пойме,
а он стоял, зари лиловой,
прижавшись к брошенной обойме.

На стебельке, прямом и тонком,
под ветром он качался – нежный,
как символ жизни,
над воронкой
наш русский маленький подснежник.

И, позабыв про сон, усталость,
мы любовались из окопа
его величием. Нам казалось:
в нём воля тех,
кто спас Европу.

ЭТЮД ИЗ ДЕТСТВА

Мели снега, шумела непогода.
Мороз нас обжигал со всех сторон.
И, съёжившись, тащились мы к породе
На тёплый, в сизой дымке террикон.

И, на гору вскарабкавшись повыше,
Усаживались там меж глыб, дрожа,
И долго-долго слушали, как дышит
Земли окаменевшая душа.

И плыли, плыли облака над нами,
И с ними вместе плыли мы вперёд...
Над чёрными разбитыми копрами
Мели снега, шёл сорок третий год.

ПРИХОДЯТ СНЫ ИЗ ДЕТСТВА МОЕГО

И надо же такому вот присниться!
В короткой рубашонке из ситца,
В брючках из мешочного холста,
С заплечной сумкой, в маминых галошах,
Иду я под неласковой порошей,
И позади уж не одна верста,

В какой-то город, дальний, безымянный,
Где я совсем нежданный, нежеланный,
Нахлебник, лишний, неучтённый рот, –
Там, в лихолетье, с тощею оравой
Живёт мой родич, прежде практик бравый.
(Да и живёт ли?.. Может, и живёт.)
И я – иду. Пути назад мне нету,
И без того я странствовал по свету,
От недосыпа – мрак в моих глазах;
Так, видно, и лунатики кочуют,
Когда где бог дал – под луной – ночуют,
Прах – на ногах, а сами ноги – прах.
Питаюсь чем придётся, что сорвётся
С возка удачи, если подвернётся,
Как рыбаку с добычею блесна...
И движется, скрипя, Земля по кругу;
И люди в ней те – к северу, те – к югу.
Лишь с запада к востоку прёт война.
Но все уж перестали удивляться –
Куда же им, разбросанным, деваться:
И тут, и там война! Земля ж – одна!
И щепкой в том немыслимом потоке
Меня, кружа, несёт, пока в итоге
Не вынесет или не съест волна.
И только одному я удивляюсь
И вижу (крикнуть только не могу):
Вокруг меня – мальчишки и девчонки,
Снежок сечёт их джинсы и дублёнки...
«Не зябко ль вам, как мне сейчас, в снегу?!»

ОТЕЦ, МАТЬ...

Твоя, отец, могила на полмира –
От Волги и до Одера она...
Под каждым деревом смертей ориентиры
Оставила навеки та война.
Под каждым камнем, под волною,
Как под хлебным полем, чистым, большим,
Мне кажется, ты спишь – и не один я
Припадал к тебе горячим лбом.
Иду всю жизнь дорогой той же самой,
Ищу тебя по всей земле большой...
Не дождалась, ушла до срока мама...
Теперь ты с ней, теперь она с тобой.

Я в город детства не вернусь уже,
Хоть он, как прежде, значится на карте, –
Он уничтожен в дьявольском азарте
На розовом июньском рубеже.

Я в город детства не вернусь уже,
Хоть он восстал из пепла и пожараищ,
В нём не живёт мой маленький товарищ
Из сто шестой на третьем этаже.

Нет сто шестой. И нету этажа.
И дома нет. И улицы... Там площадь –
Листвой послевоенною полощет,
И юноши проходят не спеша.

И «Миру – мир!» над нами высоко
Как память наша о когда-то живших
И здесь, по тропам детства, проходивших...
Ты город, есть! Но как ты далеко!

КРАПИВИН ВЛАДИСЛАВ / 1938–2020

ДЕТСТВО

Пятилетнему легко на белом свете,
Даже если в доме хлеба нет порою.
Вьюжный год к концу подходит, сорок третий,
Будет ёлка с довоенной мишурою.

У меня в душе безоблачно и чисто,
Ни сомнения, ни страх меня не точат.
Есть оладьи из картофельных очисток,
Есть письмо, что папа ранен, но не очень.

Непонятно, отчего же мама плачет:
Ведь отец к весне приедет дней на сорок –
Это твёрдо пишет старший военврач ей...
– Мама, можно я пойду кататься с горок?!

...Вечер. Лампа. В окнах сказки снеговые,
На стекле предновогодняя картина.

Чтобы мама не грустила, я впервые
Книжку ей читаю вслух – про Буратино.

26 декабря 2000 г.

Едем мы... Город Сарапул*.
И впечатление блёклое.
Что же вдруг так царапнуло
Памятью детства далёкого?

Лето военное. Папа
С кубиком** в пыльной петлице.
«Я на денёк из Сарапула.
Завтра уже – на позиции...»

Скатка, ремень, обмотки.
«Ну-ка, сынок, взгляни-ка...» –
На полинялой пилотке
Звёздочка-земляника.

Млея от счастья до слёз почти,
Был до полночи без сна я:
Папа отдал мне звёздочку –
Видно, была запасная...

Утром мы шли до вокзала –
Папе на фронт пора.
С папиных плеч не слезал я,
А скатку его нёс брат.

«Смерть фашистскому зверю!» –
Кричал плакат у завода...
Срок до Победы – не мерян.
До Сталинграда – полгода...

Март 2006 г.
Поезд Свердловск – Москва

* Город в Удмуртской Республике России.
** См. примечание на стр. 427.

КУБЕРСКИЙ ИГОРЬ / 1942

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Светят свечи каштанов
В пелене розовой.
В этот раз я не стану
Пререкаться с судьбой.
И как будто бы снова
Начинается счёт
С года сорок второго,
С тех, приволжских высот.

Я, крещённый войною,
На войне не убит.
За отцовской спиною
Моё детство стоит.
Только песни и крики,
Смертный шорох знамён,
Исступлённые лики
Неизжитых времён.
Только радость с бедою
И Победы озноб,
Да отцовской звездою
Поцарапанный лоб.

12.05.2984, Киев

Казалось бы, что там такого,
А память – своё невпопад;
То песни из сорок шестого,
То первый его детский сад.

Жестокие дети без отчеств,
И бедные дни без прикрас,
И время глухих одиночеств,
Пытавших его в тихий час.

Но больше всего – та надсада:
Где мама его, где отец?
И вот он из хмурого сада
Увидел их вдруг наконец.

Он звал их, к ограде железной,
Как пленник, прикинув в тот миг,
Но только, увы, бесполезно –
Родные не слышали крик.

Пустые осенние дали,
Прореженные той войной...
Насилу его оторвали
И не отпустили домой.

Холодные прутья металла,
А воздух так бледен и сир,
Как будто бы небо упало
И трещина шла через мир.

Музыка В. Узланера

КУЗЬКИН СТЕПАН / 1937–2012

По вечерам гармонь рыдала глухо,
И грусть вплеталась в голоса девчат.
У хат на брёвнах древние старухи
Вздыхали и крестились невпопад.

А вести с фронта приходили редко,
Тревожные, как и война сама.
И мать не раз гадала у соседки,
Но от отца всё не было письма.

Не написал. Не довелось солдату –
Упал у Волги и не встал солдат.
И как-то ниже стала наша хата
Среди таких же вросших в землю хат.

Быть может, вспомнив свадьбу под трёхрядку,
Молчала мать. И с ней молчали мы.
И залегли, как рвы, глубоко складки
В тот день на лбу у молодой вдовы.

С тех пор и свет в глазах её притушен,
И свял румянец на её лице –

Больная память о погибшем муже,
О нашем невернувшемся отце.

БАБЫ

Июльский воздух раскалён до звона,
От злого солнца долгий день ослеп,
А тут пришла машина из района
Под первый наш послевоенный хлеб.

И заматались под навесом бабы
У вороха пшеницы на току,
И кладовщик, срывая голос слабый,
Подбадривал, отбросив прочь клюку.

И бережно грузили бабы в кузов
С тугим зерном тяжёлые мешки.
И не было того дороже груза,
И были те мешки для них легки.

Когда же пыль дорожная осела,
Оставив на полыни тёплый след,
На рушниках холщовых, белых-белых,
Раскладывали бабы свой обед.

И вместе все, одной семьёй сидели
На золотой соломе под скирдой,
И вместо хлеба бабы молча ели
Лепёшки из мякины с лебедой.

КУНИЦЫН АЛЕКСАНДР / 1938-?

Вы в битву шли, не думая о славе,
Вы Родину спасали в грозный час.
И нынче не забыт в родной державе
Бессмертный подвиг каждого из вас.
И вспоминаем вас, как самых близких...
Идут года. Иные времена.
Но в городах и сёлах – обелиски
И ваши дорогие имена.

СОЛДАТ

На фронтовых путях врага сметала
Уральская надёжная броня!
Но был покрепче всякого металла
Солдат
Среди военного огня.
За ним стояли Златоуст*
И Сатка**,
Негромкое уральское село,
И ждали писем в Троицке* солдатки,
И гарь войны до Еткуля** несло...
Бойцу такую силу дал
Урал,
Хватило столько воли
И отваги –
Он Волгу защитил,
Рейхстаг он брал,
И спас твоих детишек,
Злата Прага...

ЗАХОЛУСТЬЕ

Дмитрию Ковалёву

От центральных улиц,
Суматошных,
Гулких,
Тянет в закоулки,
В край собак и куриц.

Бабка на завалинке
В пальтецо одета
Да в подшитых валенках,
Несмотря на лето.

Угревает плохо
Солнышко под старость.
Из другой эпохи
Бабка-то осталась.

* Златоуст, Троицк – города в Челябинской обл.
** Сатка, Еткуль – села в Челябинской обл.

Здравствуй, захоlustье!
Ни село,
Ни город.
Лопухи и гуси,
Брёвна у заборов.

Кочет на воротах,
Жестяной
И ржавый.
Дальний околоток.
Тихая держава.

...Не твои ли парни,
Тихая округа,
Под Смоленском пали
И за Южным Бугом?

Помню детство. Быль и небыль.
Лавка. Печка. И шесток.
И бревенчатое небо.
И бревенчатый восток...
Прокопчён за печкой север...
Там полати и тепло.
А на юге нашем – сени,
Двери стужею светло.
Мама дров внесёт охапку.
Чайник шустро засвистит.
...А на фронте где-то
Папка
Пулей фрицевой убит.
...Помню детство.
Корка хлеба
Да картохи чугунок.
Потеплей одёжку мне бы,
Чтобы выйти за порог.
Мне покуда и не снится,
Где, какие есть края.
На кривом заборе птицы –
География моя...
Где смертельный дым клубится –
Неизвестно точно мне,
Только знаю:

Наши фрицев
Бьют как надо на войне!
Резким сиверком* продутый,
День теряется в снегу.
Только слушать репродуктор
Хоть до полночи могу.
Да,

История шагала
С огневого рубежа,
Но и мой безвестный, малый
Закуток не обошла.

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»**

В саду «Прощание славянки»
Играет духовой оркестр.
И чи-то орденские планки
Опять напомнили про Брест,
Про Севастополь,
И Одессу,
И про блокадный Ленинград...
И как в Москве,
Священном месте,
Устроить враг хотел парад.
Как по стране
Военкоматы
Работали и день
И ночь...
И вся Россия,
Став солдатом,
Беду сумела превозмочь.
...Дай бог не жечь чужие танки,
С боями города не брать,
И марш «Прощание славянки»
Вновь на перронах не играть.

* Северок, сивер – ветер (*диал.*).

** «Прощание славянки» – марш, написанный в 1912 году штаб-трубачом 7-го запасного кавалерийского полка, стоявшего в Тамбове, Василием Агапкиным под впечатлением от событий Первой Балканской войны (1912–1913).

ОТЕЦ

А в жизни
Курская дуга
Чертой отца последней стала.
Нет над могилой пьедестала,
Где встретил он огнём врага.
Да и самой могилы нет –
Опять растут весною травы,
Цветы встают,
Горит рассвет,
Где бой кипел святой и правый.

ВОСПОМИНАНИЯ

– А помнишь Ваську?..
– Помнишь, Вовка
Украл у фрицев автомат?..
– А помнишь, Кольку из винтовки
Убил на улице солдат?..
Сидят вдвоём, видать, по случаю,
А может, просто так сошлись,
И вспоминают
Ту горячую
И героическую жизнь.
И наливают вновь по чарке,
Закуска – сало, винегрет.
– А помнишь, фрицы-то с овчаркой
Три дня вынюхивали след?.. –
Тут не история, не память,
А детство,
Тот жестокий быт..
Не замела те годы заметь,
И впрямь никто не позабыт.
И вновь о Ваське,
И о Вовке,
И про немецкий автомат.
– А помнишь, Кольку из винтовки
Убил на улице солдат?..

КУРЗОВ ВАСИЛИЙ / 1936–1999

ВETERАНЫ

Ветераны слёзы вытирали
И сквозь нас глядели на себя,
Трогать разрешали нам медали,
Говорили: такова судьба...
Мы вертелись возле них, героев,
Что вернулись из чужих сторон,
Перед ними становились строем:
Босоногий, в цыпках* батальон.
Ветераны слёзы вытирали:
То ли правда это, то ли быль –
И звенели яркие медали,
И гремел расшатанный костыль.
Ветераны вытирали слёзы,
Ветераны не роняли слёз...
Как сегодня шелестят берёзы,
Как сегодня воздух чист и розов!
А над речкой – лепестки стрекоз...
Ветераны не ушли в обоз.

КУРИЛОВ ГАВРИЛ / 1938

СКОРБЯЩИЕ МАТЕРИ

Вот так озёра тундры молчаливы,
Когда лишь снега и осталось ждать,
И ветер, только он, неторопливо
Темнеющую вспахивает гладь.

Им жить, не замечая ласки летней,
Лишь в ожиданье скорбном довелось.
А ляжет новый снег –
Ещё заметней,
Тоскливей станет
Седина волос.

* См. примечание на стр. 60.

И северными звёздными ночами,
Когда морозы-волки всё лютей,
К созвездьям обращать свои печали:
«Не видите ль
Вы наших лебедей?..
Не видите ль вы, звёзды, те дороги,
Где нынче наши сыновья летят?..»

В ответ – ни звука.
Только свет далёкий,
Холодный свет,
Отсутствующий взгляд.
Они бы правду матерям открыли,
Но как такие отыскать слова,
Чтобы надежды материнской крылья
Не опалить?
Она и так слаба.
– Да, – скажут звёзды, –
Живы ваши дети
В тревожных песнях
Памяти людской! –
Но тем словам,
Плывущим в звёздном свете,
Не сладить с вашей давнею тоской.

Вам сыновья нужны
В горячей плоти –
Не на далёком смутном берегу.
И я всё жду,
Когда вы позовёте
Меня к надежде вашей очагу...

Не заменить мне без вести пропавших,
Нет, вашей мне не воскресить мечты,
Но, может быть, в глазах скорбящих ваших
Я постепенно обрету черты
Тех, что с войны кровавой не вернулись,
В её зловещем сгинули огне.
Поверьте же,
Их золотая юность
Сегодня повторяется во мне!

Вам слов не скажут звёзды ледяные,
Их я скажу,
И повторят друзья
Вослед за мной,
Что мы не кто иные,
Как ваших грёз полночных сыновья...

КУШАК ЮРИЙ / 1936–2016

ИГРА В СОЛДАТИКИ

Аты-баты –
По Арбату,
Аты-баты –
На войну,
Аты-баты –
Шли солдаты
Защищать свою страну.
Не солдатик оловянный,
С оловянную трубой,
А трубач в тиши туманной
Сбор играет боевой.
Стол блестит, как поле боя,
В это утро голубое.
След чернильный – как река.
За окошком облака...
Золочёные мундиры
Нас на флангах обошли.
– Эй, в атаку, кирасиры,
Не зевайте, бомбардиры,
Заряжайте все мортиры,
Мы вам ядра привезли –
Боевые, новые
Косточки вишнёвые!
У чернильной старой башни
Под часами бой кипит –
Бой неравный, рукопашный.
Вот упал капрал бесстрашный,
Вот ещё солдат убит.
Падают солдатики
Возле стен «Грамматики».
Но ликует враг напрасно –
Нас никто не победит!

Вот уже под флагом красным
Наша конница летит.
Всё в дыму, и всё в огне.
Сам Чапаев на коне.
И тачанка с разворота –
Тра-та-та! – из пулемёта.
Всё смешалось, как в кино...
Ночь пришла. Темным-темно.
И тогда, как волчья стая,
Окружили штаб враги.
Я не смог спасти Чапая
Среди волн Урал-реки.
Я над кручею стою,
Я, как дедушка, пою:
«Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой...
Чёрный ворон, я не твой!»
А наутро – снова бой.
Снова бой –
Назад ни шагу,
Не закончена игра!
Это я бегу в атаку,
Это я кричу «ура!».
Воют в небе «мессершмитты»,
Бьют зенитки по врагу...
Это я совсем убитый
Умираю на снегу.
За тебя, родная школа,
И за мир на всей земле!
Вот тогда-то уж, Мешкова,
Ты поплачешь обо мне!
В честь отважного героя
В парке памятник откроют:
А народу, как на матче!
Все друг другу как родня!
– Ах, мой мальчик,
Храбрый мальчик, –
Скажет мама про меня. –
Мало мы его любили:
Даже клюшку не купили!
...Мама в комнату вошла:
– Убирай-ка со стола!
До сих пор ещё не спишь,
Весь зарёванный сидишь!

Аты-баты –
Виноваты,
Аты-баты –
Марш ко сну!
И уходят спать солдаты,
Защитившие страну.

Этот город
 повсюду со мною.
Все, кто любит его, –
 земляки.
Осеняют его сединою
 постаревшие фронтовики.
Уцелевшие чудом в прорывах,
Побывав и у смерти в тисках,
Долго в море глядят молчаливо
С вечной пеной его
 на висках...
Словно кольца кольчуги,
 медали.
Только сколько о том ни жалей –
Тяжелеют медали с годами
И шаги с каждым днём тяжелей...

ЛЕВИНСОН ЛЕВ / 1935–2000?

КАПИТАН РУДАКОВ

*«Капитан Рудаков. 1908–1940».
Надпись на плите заброшенной могилы
в лесу у города Питкяранта**

Кем ты был, капитан Рудаков,
чем ты жил до последних мгновений?
Над тобой ни цветов, ни венков –
только ветви берёзы осенней,
только вросшая в землю плита
да кустарник, склонившийся низко,
да осенних ночей темнота
над звездой твоего обелиска...

Сквозь дороги, ветра и года,
от людей моего поколения
я, случайно зашедший сюда,
пред тобой преклоняю колени.

* Город в Карелии.

Что похожего в нашей судьбе,
как бы мы говорили с тобою?
Тридцать три мне сейчас, как тебе
было в полдень последнего боя.

...Ухожу я сквозь жёлтый прибой,
сквозь кустарник, склонившийся низко,
от негаданной встречи с тобой,
от звезды твоего обелиска.
Только память летит по пятам,
словно отзвук ушедшего лета.
Мы не знаем тебя, капитан.
Если можешь – прости нас за это.

1968

СЕРЖАНТ СМИРНОВ

Я – самый младший из участников войны,
мне тридцать три. Я сплю. Я вижу сны.
На мне шинель по росту. Я в ремне,
и сапоги скрипучие на мне.
Я в прошлое лечу – назад, назад,
в ушедший мир, в далёкий медсанбат...
А в медсанбате есть сержант Смирнов.
Ему лет двадцать, он не видит снов.
В нём скрыто три осколка – дар войны,
как ордена, что людям не видны.
Он белокур, он строен и высок.
Косая прядь упала на висок.
А руки по-крестьянски тяжелы,
как два куска обточенной скалы.
«Отвоевался, парень. В тыл пора, –
твердят ему всё время доктора. –
Ты ранен, парень. Не твоя вина,
что без тебя окончится война».
Но под Смоленском или под Орлом
вошли враги в его крестьянский дом.
И дом горел и догорел во мгле,
и он один остался на земле.
Ни стен, ни крыши, ни родных очей,
лишь груда обгоревших кирпичей,
и в сердце боль – навеки, навсегда,
как в небесах Полярная звезда.
Мне восемь лет. Я маленький комок.

Я трусь, как пёс, возле солдатских ног.
Мой мир велик, беспомощен и нов,
и в этом мире есть сержант Смирнов.
Я сплю в казарме, койка у стены.
Я вижу сны. О чём я вижу сны?
О том, что я большой, что я солдат...
Ушедший мир, далёкий медсанбат.

ЛЕТЮК ЕВГЕНИЙ / 1929–1976

РОДНАЯ СТОРОНА

В бой ли, в большую дорогу собравшись,
Горстку земли забирают с собою,
Чтобы с бедою, с врагом повстречавшись,
Вспомнить свой край и гнездовье родное.

В памяти черпают мужество люди.
Это порой помогает, я знаю...
Я же и так тебя не позабуду,
Славный Донбасс мой, земля дорогая.

Где б я ни странствовал – близко ль, далече, –
Всюду, где доля подарит мне крышу,
Там тебя, Отчина милая, встречу,
Там я тепло твоё снова услышу.

Перевод А. Кравченко

ЛИВИУ ДАМИАН / 1935–1986

Когда герой проходит,
не спрашивай героя,
был ранен или не был
солдат на поле боя.

Когда герой проходит,
не надо бить в литавры,
рядить его, живого,
в желтеющие лавры.

Когда герой проходит,
спросить себя бы строго:
сквозь наши души тоже
прошла его дорога?

Он сильный и отважный,
но совесть неспроста ведь
вам шепчет: хорошо ли
всё на него оставить?..

Когда на склонах рдеют маки,
как рдели долгие века, –
глаза слезами застилая,
ожившая в душе тоска
зовёт в просторы луговые,
где спят, отпетые дождём,
те, кто вовеки не вернуться,
хотя мы их доныне ждём.
И эта горькая минута,
какой бы долгой ни была,
в сравнении с их сном бескрайним
настолько, в сущности, мала...

ЛОГИНОВ ЮРИЙ / 1935–2001

*Отрывок**

Тебя опять как маленький прошу –
А рассказать невмочь
О том, что гложет.
Нет слов таких!.. Я не переносу
Пустой квартиры! –
Даже с шиком лоджий.
Прости...

* Стихотворение автобиографично. Войну Ю. Логинов встретил в детском санатории в Тиберде (Карачаево-Черкесия), куда его как сына красного командира отправили лечить костный туберкулёз. Неожиданно быстро в город вошли фашисты, началась немецкая оккупация. Каждый день кого-то из маленьких пациентов уводили на расстрел. Юрию чудом удалось бежать и спрятаться среди горных валунов. Его нашла и приютила незнакомая черкешенка. Мальчик выжил, но вот его спасительницу казнили.

Он с детства – этот страх – во мне,
Горячий страх сиротства и тротила.
Тогда меня, как щепку на волне,
Влекла война и бешено крутила.

Ещё живой – но мёртвый для родных! –
Кидая в мир беспомощные взоры,
Я – вместо хлеба – грыз украдкой жмых,
В руинах прячась
От фашистской своры.
Среди камней молчи и холодей –
Опять расстрел! Опять могилу роют!
Спасенья нет от нелюдей-людей!
А камни – лучше... может, быть, укроют.

Обломки стен – там копать и зола,
Там тайный склеп – приют моей свободы.
Там – в детстве – душу разорив дотла,
Страх брошенности мучает сквозь годы.

Я выжил, вырос, жизнь благодарю,
А всё равно мне страшно в этом мире!
Прости,
Что я как мальчик говорю:
«Не оставляй меня в пустой квартире!»

ЛУБКОВСКИЙ РОМАН / 1941–2015

БАЛЛАДА О ДВУХ СОРОЧКАХ

Радоваться мне иль плакать?
Беленькую свою сорочку,
Первую вышиванку,
Вышитую терпеливо
Крестиком чёрно-красным,
Увидел я так неожиданно!

«Вышиванка моя, вышиванка!» –
Чуть не крикнул я...
И запнулся:
На левом боку, на левом,
Против самого сердца,

Впились в мою сорочку
Три чёрные буквы: OST*.

Гадина с тройным жалом,
С тройною силою яда
Иль буквы те –
Что
Страшнее?

Переходил я молча
От витрины к витрине
И увидел другую сорочку –
Больше той моей, детской.

Она меня ожидала,
Пока я сделаюсь взрослым,
Она заменить должна была
Ту, что мне мама сшила.
Она облегать моё тело
Должна была, чтоб не смог я,
Не смел я вздохнуть свободно, –
Тюремная та сорочка...

Две сорочки мои, две сорочки
Лежат в музейной витрине.
И лежит ясный мир предо мною,
Лист бумаги чистой лежит,
И с бумаги чёрною болью
Эти чёрные буквы кричат:
Смотрите, лучше смотрите,
Быть может, кто-то увидит
Судьбу свою, что прострочена
Ниткой кровавой и вышита
Крестиком красно-чёрным...

* Нашивка на одежде угнанных на принудительные работы в Германию с территории СССР (нем. Ostarbeiter – работник с Востока). Нашивку с буквой Р имели принудительные работники из Польши. Таким образом отмечалась принадлежность данных категорий принудительных работников славянских национальностей к расе недочеловеков (Untermenschen) по нацистской классификации. На одежде работников из стран Западной Европы (французов, голландцев, датчан) подобных нашивок не было.

МАЛДОНИС АЛЬФОНСАС / 1929–2007

РАЗГОВОР

Ты никогда не слышал,
Как пули свистят,
Как воют бомбы,
Не чувствовал никогда
Удушливой, прыгающей
Пустоты под сердцем.

Между всеми мёртвыми в мире
Нет ни одного,
Которого ты убил,
Нападая
Или обороняясь.

Ты никогда не всматривался
В самую тёмную темень –
В слепоту предстоящего мига.
Ты никогда не видел
Городов, похожих на кладбища,
И кладбищ,
Ставших похожими
На безликие города.
Ты не видел её –
Непрерывной,
Серийной,
Однообразной смерти.

Тебе не понять,
Почему полководцы
О победах толкуют,
А солдаты –
О погибших друзьях
И даже о недругах павших.

Милый мой,
Стонущий
От бесконечной обыденности,
Может быть,
Ты никогда
Не увидишь,
Ты никогда

Не услышишь...
Да пойми же,
Какое счастье
Это житьё-бытьё
Без непомерного лиха,
Разом на всех навалившегося!

Перевод Л. Миля

МАРЛАСОВ АНАТОЛИЙ / 1943–2016

Россия,
Я твой колобок.
Не тот, что пел всегда беспечно.
Тот, в сказке получив урок,
Был съеден чуть ли не из печки.

Беспечно не пою я, нет!
С небес я не хватаю звёзды,
Я из муки военных лет
Голодной матерью был создан.

Я был рождён
В бомбоубежище...
От взрывов пели
Кирпичи,
И мне
Встревоженная беженка
Орала шёпотом: «Кричи!»

И я, от взрывов ошалелый,
Как вспоминают,
Не молчал –
Впервые принялся
За дело
И даже смерть
Перекричал.

Мой отец с войны вернулся
Из Европы напрямиком.
Он разделся и разулся,
И...
Прошёлся босиком!

А потом
Достал с улыбкой
Из солдатского мешка...
Револьвер?
Гранату?
Скрипку!
И зачем-то
два
смычка...

ВОСПОМИНАНИЕ О 1947 ГОДЕ

Родной сестре

Я хочу рассказать о корове.
Гимн корове хочу я пропеть.
Мы желали корове здоровья,
Чтоб от голода не умереть.

Вы бы видели наши лица!
На корову молились мы,
Чтоб смогла она отелиться
После той холодной зимы.

«Тельти мальти» да «тельти мальти» –
Уговаривал я её,
В переводе звучало: «В марте
Покажи нам богатство своё.

Ишь, какая ты справная стала,
Я ж худее со-ло-мин-ки!»
Нам в то время недоставало
Молока и чёрной муки.

Может, Бог улыбнулся маме,
Только помню отчётливо я –

Отелилась корова в марте,
И спаслась наша вся семья..

МАРЦИНКЯВИЧЮС ЮСТИНАС / 1930–2011

КРОВЬ И ПЕПЕЛ

Отрывок

ПРЕЛЮДИЯ

Была деревня – и деревни нет.
Её сожгли живьём – со всеми,
Кто должен жить,
Кто должен умереть,
И с теми, кто на свет
Родиться должен.
Была деревня – и деревни нет.
Неправда!
Есть деревня эта.
Есть!
Она горит и по сей день,
Сегодня, –
И будет до тех пор гореть, пока
Те, кто поджёг деревню эту, живы.
Так расступись, огонь,
Раздайся шире, пламя,
Дай мне взглянуть на тех, которые горят...
Вот парень... Разве он
Мне не сказал однажды:
– Мне эта жизнь нужна затем, чтоб мог я жить... –
Как много он хотел и как немного!
Мой брат, ровесник мой, и почему,
О, почему ты не сказал в тот день:
– Мне эта жизнь нужна, чтобы я мог бороться. –
Как горячо в моей груди!
Что там горит? Быть может, это сердце...
Гори, о сердце! Ты должно гореть,
Чтоб не сжигали никогда людей.
Дзукиец* этот, он пахал в тот день,
Пар под озимые двоил напором плуга.

* Житель Дзукии – исторического региона на юге и юго-востоке Литвы в среднем течении реки Неман.

Его остановили. Борозду
Не дали кончить. Плуг, вонзённый в землю,
Так и остался в ней.
Но не ржавеет он,
Нет, не ржавеет, потому что в поле
Приходит еженощно тот дзукиец,
И, засучив дерюжные штаны,
Крестом он осеняется и пашет.
И протянулась эта борозда
От Пирчюписа к Панеряй,
От Панеряй к Освенциму, в Маутхаузен.
Она, как жизнь, длинна, та борозда,
И, как траншея жизни беспредельной,
Рвам смерти противостоит повсюду.
Пусть никогда не заржавеет плуг.

1961
Перевод А. Межирова

МАХАЛОВ ВАЛЕНТИН / 1933–2010

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТЦА

Ясным полднем
Далёкой весёлой весны
Мой отец возвратился с войны.
Он дубовые двери
Легко распахнул –
За порогом оставил войну.
Он пожитки армейские
Сбросил с плеча.
Он прошёл по избе,
Сапогами стуча.
Я метнулся к небритой
Отцовской щеке –
Билась трепетно жилка
У отца на виске...
Полдеревни людей
К нам в тот день собрались,
Чтоб услышать рассказ
Про военную жизнь.
Про военную жизнь,
Про лихие года.

Было тяжело тогда.
Было горько тогда...
Тихо плакали бабы
О погибших мужьях,
И хмурили бровями
Возле них сыновья.
Ночь плыла над деревнею
В редких огнях –
Где-то зрело начало
Хорошего дня.
С добрым солнцем,
С работой до пота в лице...
Вот и всё,
Что я вспомнил
Сейчас об отце.

РОВЕСНИКАМ

Отцы уходили,
Хмуря лицом.
Деревня им вслед голосила.
И я со своим попрощался отцом
И слёзы сдержал через силу.
Отцы уходили
На голос войны.
Печально скрипели подводы.
И вслед им глядели тревожно сыны
Рожденья тридцатого года.
Родные мальчишки,
Погодки,
Друзья,
Мы рано тогда возмужали.
В те годы в деревне,
Наверно, не зря
Мужчинами нас называли.
Нас слабость душила,
Нас голод качал,
Недетские гнули заботы,
Но вынесли мы
На ребячьих плечах
Большую,
Мужскую работу...
Мы твёрдо ступаем
С тех пор по земле –
Нас верить

Война научила
В двенадцать неполных
Мальчишеских лет
В терпенье, упорство и силу.

ПРЕДВОЕННОЕ УТРО

Затопила мама печь
Рано-рано утречком.
Проплывает по избе
Молодою уточкой.

Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.
Просыпается за речкой
Птичьим щебетом лесок.

На дворе растёт трава,
На траве лежат дрова.
Говорит мне моя мама
Очень добрые слова:

– Петушок пропел давно.
Просыпайся, мой сынок...
Солнце мягкой позолотой
Красит в спальенке окно.

Я гляжу на белый свет –
Мне всего-то восемь лет.
Я впервые понимаю,
Что меня счастливей нет,

Потому что моя мама
На меня светло глядит,
Потому что наши беды
И потери – впереди.

Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.

МИЛАВИН БОРИС / 1936–1998

ИЗ ЦИКЛА «ВОЕННОЕ ДЕТСТВО»

1.
Был мир загадочным и страшным,
Он начинался за избой.
И слушала деревня наша,
Как грохотал недалний бой.
Метался ветер по дорогам
И бился о дверной косяк...
Мне мать наказывала строго,
Чтоб я из дому – ни на шаг.
Мол, остаёшься за старшого,
А в случае, придут враги, –
Без канители и без рёва
Хватай сестрёнку и беги...
Я соглашался с мамой: «Ладно»,
Не в силах многого понять,
И думал с детскою досадой:
«Зачем же из дому бежать?
На крюк закрою плотно двери,
А на коптилку – тёмный круг...»
Я знал тогда: фашисты – звери,
А звери не имеют рук!
Испуг и голод пересилив,
Качая зыбку дотемна,
Я знал, что выстоит Россия,
Я знал, что кончится война.

2.
Помню, тускло дорога стыла
Под летучим светом луны.
Ночь полозьями голосила –
Нас везли на восток страны.
На санях – старики да дети,
Да провизии две сумы.
И казалось, на целом свете –
Лошадь, сани, мороз и мы.
Помню, как старики крестились
И шептались между собой...
Нас везли на восток России,
А отцы шли на запад – в бой!

БАЛЛАДА О КАРТОШКЕ

Картошку чистить – трудное дело.
Легче в ствол загонять патрон.
Голодом заданные пределы
Выдержи точно, микрон в микрон.
Нужны и нервы здесь, и сноровка.
Помню – над нею, как ювелир,
Помню – солдат штыком от винтовки
Вспарывал мёрзлый её мундир.
Руки дрожали. В глазах рябило.
Ноги стыли в портянках сырых.
Но видели б вы, как оскобил он
Четыре картошки на пятерых!
Белые, словно женское тело,
Кожурка – тоненькая слюда...
Картошку чистить – трудное дело.
А я-то думал, что ерунда.

Пускай меня ты в детстве не ласкал,
Был строг со мной, суровый от природы,
Я этого тогда не понимал –
В далёкие ребяческие годы.

Ты редко гладил волосы мои:
В сумятице послевоенных буден
Тебе всё снились страшные бои
И злые залпы вражеских орудий.

Я помню, как кричал ты по ночам:
«Ура-а! За мной!» – и вскакивал с кровати.
Я помню, как хотел позвать врача
И плакал: «Тятя! Ну не надо, тятя...»

Пускай меня ты обижал не раз –
Но никакой не злой ты и не чёрствый...
А просто мамы не было у нас
Все эти годы, все большие вёрсты.

МИЛОВАНОВ НИКОЛАЙ / 1927–1981

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

С войны пришла совсем девчонкой,
Став машинисткой в мирный час...
Звучали букочки так звонко
Тогда под пальцами у вас!..

А я любил подружку вашу
И вам об этом говорил,
И вечерами с вами кашу
На старом примусе варил.

Она была на маргарине,
Была студенческой она.
Её я помню и поныне –
Простую кашу из пшена.

Мы повторяли без печали,
Что миновали холода.
Как звонко букочки звучали
У вас под пальцами тогда!..

Все те листы бумаги чистой
Поисписала жизнь давно.
И с вами ваш супруг речистый
В субботу шествует в кино.

Но помню молодости кашу –
Она была честным-честна!..
Целую тихо руку вашу,
Послевоенная весна.

МИРОНОВ ВАДИМ / 1929–1979

Я С УРАЛА

Я по земле немало колесил
И с затаённой гордостью, бывало,
В далёких городах произносил
Значительную фразу:
– Я с Урала.

И люди крепко руку жали мне,
Смотрели просветлёнными глазами,
Как будто я известен всей стране
Своими необычными делами.

Как будто я –
Не кто-нибудь другой –
Медведя брал рогатиной рисково.
Как будто узловатую рукой
Я разгибал упругую подкову.

Как будто мне
Открыли недра гор
К алмазам потаённые дороги.
Как будто мне,
Когда беру топор,
Покорно сосны кланяются в ноги.

И словно бы не чья-то,
А моя,
За подвиги не требуя награды,
Живая кровь бежала в три ручья
И впитывалась в землю Ленинграда.

Солдаты,
Металлурги,
Горняки –
Они со мной невидимо стояли.
За всё, что совершили земляки,
Мне люди крепко руку пожимали.

И понял я,
Что в наше время жить
С уральской пропиской – очень мало,
Чтоб, глаз не отводя,
Произносить
Ответственную фразу:
– Я с Урала.

1964

МОСИЕНКО АЛЕКСАНДР / 1935

ХЛЕБУШЕК

Маме

Паук и тот тощал на кухне.
Нам крошки хлеба негде взять.
Мы голодали.
Молча пухли,
Стыдась о немощи сказать.
И, голодая, твёрдо знали:
До лета выживем едва ли.
Я помню праздник наш престольный –
Мать принесла кусок жмыха.
Грызём его –
И так довольны,
Обид и жалоб не слышать.
У всех глазёнки заблестели:
Жизнь пробуждалась в хилом теле.
Сидим втроём на печке русской,
А жмых тот слаще леденца.
(Мне и сейчас бывает грустно,
Как вспомню детство без отца.)
О, детство, детство грозовое,
Холодное и горевое!..
Я помню: за Победой вскоре
Мать испекла нам новый хлеб.
Он был из радости и горя
И самый вкусный на земле,
Хрустящий, с корочкой горячей...
Мать подаёт его и плачет:
«Вот и дождались...
Режьте,
Ешьте...»
Был славный сорок пятый год.
«Эх, папка, папка.
Где же, где ж ты?...»
Мы знали: папка не придёт.
Я ж с той поры,
Где ни живу,
Хлеб только хлебушком зову.

МУХИН ВЛАДИМИР / 1940

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Промчалось лет немало,
Но в памяти живёт
Счастливый голос мамин:
«На днях отец придёт!»
Какой он? Я не ведал,
Но знал, что мой, родной,
Идёт домой с ПОБЕДОЙ,
Покончивши с войной.
Всё помню: вечер синий,
Я счастлив, весел, глуп!
И песни над Россией!
И... костыли в углу.

НАЗИН ВЛАДИМИР / 1934–1994

ЯГОДЫ

Красны, что пламенем объяты,
я их название забыл.
Сказал учитель нам:
– Ребята,
они годятся для чернил.
В глазах от голода туманно
и шум в ушах.
И выбрав миг,
мы робко брали из карманов
и так же робко ели их.
Чернила выжаты из ягод,
тетради сшиты из газет.
Нажим пера несмел и мягок,
но ярк букв призывный цвет.
Пустой рукав приткнув за пояс,
потом опробовав мелок,
сказал учитель – дрогнул голос:
– Итак, продолжим наш урок...
И, упершись сначала плотно
локтями в парту, мал и сир,
меж строк
последних сводок с фронта
писал я с красной строчки: «Мир».
Писал о том, что сердцу мило –
светла мальчишества пора.
Писал и слизывал чернила
украдкой с кончика пера.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Он впервые за войну
вышел из окопов,
лёг на землю и уснул,
словно бы на копнах.
На траве – на мураве
отходил от битвы,
по винтовке муравей
ползал деловито.
Было тихо...
Только шмель
с крылышком помятым

нарушал покой земель –
в том не виноватый.
Да несмело соловей
в дымном мелколесье
возвращался ко своей
довоенной песне.
Пробуждение весны
так и не дослушал –
от всемирной тишины
заложило уши.
Спал солдат, как неживой,
словно после пира:
кулаки под головой –
верный признак мира.
Может быть, за все века
никакой угрозы –
и струились со штыка
белые берёзы.

ОЛАДУШКИ

Матушка оладушки пекла,
через две
на третью говорила:
– Сковородка, милые, мала,
а не то бы..
вдвое больше было.
А в маслénке высушило дно,
высушило,
вытерло до блеска
перышко куриное давно
и теперь сворачивалось резко.
Мы втроём толкались у плиты
и, на сказку пламени не глядя,
как птенцы,
не закрывали рты –
испеклась последняя оладья.
Матушка вздыхала, загрустив,
и её глаза устало гасли:
– Вот перо гусиное найти,
плавали оладушки бы в масле. –
В небе
гуси-лебеди кричали,
торопясь уйти за облака.
Немцы кур последних бить кончали

для неба нового грачи.
И мы стояли у берёзы
до той поры,
пока вдали
гудки и вздохи паровоза
уже слышать не могли.
Потом,
как в чём-то виноваты,
пошли по улице одни...
Шептала мама у плакатов:
«Святая Дева, сохрани».
Но рядом в воздухе витала
с извечной просьбой «сохрани»
другая –
с отзвуком металла
и громом гроз:
«Оборони».
С плаката женщина взывала,
прикрыв мальчонку от огня:
«Убей врага!» –
И осеняла
любовь и ненависть меня.

НАПАЛКОВ ВИКТОР / 1938

ПОРТРЕТ

Этот старый снимок
Дорог мне до слёз:
Взгляд знакомый добрый
И широкий нос.
Столько с этим парнем
Сходства нахожу,
Будто не на фото –
В зеркало гляжу.
Спит под обелиском
Молодой боец –
Муж старушки-мамы,
Мой родной отец.
Не стареет батя,
Памятью храним.
Я давно годами
Поравнялся с ним.

Эх, узнал бы нынче
Про моё житьё
Человек,
Чьё имя –
Отчество моё!..

Перевод Н. Малышева

НЕЧАЕВ ЛЕОНИД / 1945–2020

Достал отцовскую неяркую медаль.
Всё не могу унять свою тревогу,
Всё вижу бомбами разбитую дорогу,
Отца, бредущего куда-то вдаль.

В «котле» под Ярцевом сражался он;
Я вижу всех, едва глаза закрою:
И брошенный не танки эскадрон,
И всадника с пустою кобурой.

Винтовка же – одна на пятерых,
Убьют бойца – возьмишь винтовку.
А тут... Тут танки, тут бомбардировки.
Тут окружение, тут ада рык...

И чудом спасшийся кавалерист
К своим шёл незнакомою сторонкой,
Шепча молитвы, обходя воронки
И вслушиваясь в робкий птичий свист.

А впереди – засада, приговор
К расстрелу и – побег по божьей воле,
И доказать потом своим легко ли,
Что плен есть просто плен, а не позор?

...Всё не могу унять свою тревогу,
Всё вижу бомбами разбитую дорогу
И, как из ада, из огней заката
К своим, к своим бредущего солдата...

«ТИГР»

Здесь он судорожно, глухо
Отстрелялся навсегда,
И его, бурля под плугом,
Обежала борозда.

Снял с него трофей однажды
Сашка, сероглазый брат, –
Шарикоподшипник каждый
Шёл на гулкий самокат.

Клюв чугунный чистил ворон
О немецкую броню.
Говорили: «До сих пор вон
Захламляет нам стерню!»

Отнимает танк у поля
Драгоценный уголок...
В переплавку сдать бы, что ли,
Чтоб с него хоть шерсти клок!»

В твоём лице есть что-то детское.
Чуть-чуть наивно вздёрнут нос.
Ты просто маленькая девочка,
Приученная жить всерьёз.

Недосмеялась ты когда-то,
И взрывы прерывали сон.
Махала варежкой солдатам
И провожала эшелон.

Ботинки вымокли, разбухли –
Шёл март, земля была сыра.
Коробясь, сохнули на кухне
Твои ботинки до утра.

Они давно «просили каши»,
Но ты в них бегала – весна!
Тебя душил простудный кашель
И не давала спать война.

В те ночи молоком горячим
Поила мама – и спала.

И только часто, чуть не плача,
Тебя худышечкой звала.

...Бывает, смех и шум, и с полки
Снимаешь для гостей хрусталь,
А глаз горячие осколки
Врезаются в немую даль...

Покрыты ногти алым лаком,
Но пальцы помнят корку ту,
Что, слаще самых сладких лакомств,
Несли к девчоночьему рту.

В твоём лице есть что-то детское.
Припухли губы, вздёрнут нос.
Ты навсегда осталась девочкой,
Приученною жить всерьёз.

ОЗЕРОВ АЛЕКСЕЙ / 1931–1998

НА ПИСКАРЁВСКОМ КЛАДБИЩЕ ЗИМА

Зима над вами, и хоралов
минор застуженный затих...
Под белоснежным покрывалом –
могилы, мрамор, белый стих.

...Не замерзайте, – вас прошу я, –
не уступайте холодам;
когда метели забушуют,
своё вам сердце я отдам.

Оно лишь капля в океане,
а больше дать я не смогу,
но пусть хоть каплей меньше станет
в неисчислимом том долгу.

БЛОКАДА

Тот Новый год был слишком новым
для ленинградской ребятни,
и вместо ёлочных – сурово
коптилок зыбились огни.

Тот Новый год далёк как будто,
но вспоминается опять
сырая пайка хлеба утром,
где к грамму грамм –
сто двадцать пять.

И были санки-водовозы
взамен ребяческих утех,
и были невские морозы,
кровь леденящие у всех.

На санках, слабою верёвкой
привязан немощной рукой,
тропою бед на Пискарёвку
отец уехал на покой.

Война. Кто мог, те в руки брали
винтовку или пистолет

и в ополченьи умирали.
Война. А мне – лишь десять лет.

НАД БУХТАМИ

Севастополь высится над бухтами,
что гудками затемно разбужены,
что полны медузами разбухшими,
а на дне – заржавленным оружием.

Сны морские
властно дома снятся нам,
а проснувшись, можно в ритме песенном
делать физзарядку под трансляцию,
что звенит над палубами крейсера.

Потому соседи и не слишком
во дворе однажды удивляются,
если с глаз исчезнувший парнишка
лейтенантом флотским заявляется.

САМОЛЁТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

На дне пролива тридцать лет,
от мира скрытый в иле,
лежал дюралевый скелет
с ожогами на крыльях.

Он пролежал бы там века,
свою скрывая тайну,
но донной сетью кошелька
был поднят он случайно.

Взглянули молча рыбаки
на свой улов печальный;
тут слов не надо никаких,
мы – шапки снимали.

Был исковеркан фюзеляж,
и был пропеллер скомкан...
Испито много горьких чаш
во имя нас, потомков.

Но был заряжен пулемёт
и был к стрельбе готовым,
как будто снова будет взлёт
и бой начнётся снова.

ПАЛИЛЁНИС ПЯТРАС / 1940

АВТОБИОГРАФИЯ

Я – из той години солнечной,
Погубившей тысячи.
Тихий вечер. Солнце клонится
В дымке снежно-сизой.

Не припомнится никак певец-соловушка.
Лишь слышать, как расколослось утро,
Как неистово заржала лошадь,
Наземь грохнувшись от жути.

Лишь видать: избушки да овины
Вздрагивают, как от мух коровы.
...К лиху вы, собаки, выли –
Не прошло другой дорогой.

Жизнь моя, ты набирала звенья
От Могилы Неизвестного Солдата.
И моё предназначенье –
Помнить, почитая свято.

Перевод В. Коновалова

ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ ВИОЛЕТТА / 1943

ТЮЛЬПАНЫ

Детям, погибшим во время войны

Костры похожи на зарю.
Они погибли рано-рано.
Я вас люблю. Я вам дарю
Багряные поля тюльпанов.

Рыданья роковых минут
Глухое поглотило поле.
Как тихо, тихо, тихо тут...
Покой. Ни жалобы. Ни боли.

Тут скудная растёт трава.
Тут ветер. Тишина в граните.
Придите! Не нужны слова.
Возьмитесь за руки! Придите!

Детьми пребудьте среди нас.
Придите вместе на поляну –
Сюда! Здесь праздник. В добрый час
Возьмите, дети, по тюльпану!

Горят, как раны, лепестки.
Горят. Их обжигает время.
Как фонари и как флажки,
Тюльпаны реют надо всеми.

Придите! Пусть нелёгок путь
Из крематориев, из гетто.
Я детство всем хочу вернуть,
Игрушки, радость, праздник лета.

Костров я разожгу зарю, –
Они погасли слишком рано.
Я вас люблю. Я вам дарю
Багряные поля тюльпанов.

Перевод Л. Озерова

ПАСЬКО ИВАН / 1937

ПАМЯТЬ

Ровеснику

Отсчёт свой ведём мы
От тридцать седьмого –
Теперь уж далёкого.
Предгрозового.
Нам мрачного в детстве
Изрядно досталось.
А светлого – только лишь
Самая малость.
Сквозь всю нашу жизнь,
Словно призрак, проходит

Зловещая тень
Сорок первого года.
... Плач мамы,
Меня и братишку прижавшей,
Родни причитанье,
Отца провожавшей.
Вещало ль им сердце
О том, что отцу
Уже не вернуться
К родному крыльцу?
И что через год
На отцовский порог
Фашистский непрошено
Ступит сапог?
...Померкли от горя
Арзгирские* дали.
Здесь первыми жертвами
Беженцы стали.
Их путь к нам в село
Пролегал с Украины,
А кончился смертью
В Чограйской долине.
Средь сотен убитых –
Курчавый мой сверстник,
С которым в то лето
Мы бегали вместе.
...Полгода в Арзгире
Стояли фашисты.
Оставили память
Работою «чистой».
Амбары крестьянские
Стали пустыми.
Скот, птицу отняли,
Под нож их пустили.
А что не сожрали,
То взяли с собою,
Когда в сорок третьем
Снимались с «постоя».
И чтобы подольше

* Арзгир – село в Ставропольском крае, на берегу реки Чограй. Во время Великой Отечественной на фронт отправилось более двух тысяч арзгирчан, домой вернулось менее 300. Когда Арзгир захватили немцы, селяне организовали партизанский отряд. Около 700 жителей села погибло в период оккупации (лето 1942 – зима 1943 г.).

Их помнить могли –
Районную мельницу
В ночь подожгли,
Уход свой отметив
Гигантским костром,
Кровавейшим заревом
В небе ночном.
...Откуда-то мама
Плакат принесла.
Повесила в хате,
Чуть выше стола.
Там всё до деталей
Припомнить могу:
Солдат. Лазарет.
Пионер на лугу.
«Траву для лекарства
Сорви, патриот!
Воин поправится –
Немца убьёт!»
Не только лекарство
Мы в травах искали.
Весною голодной
Травую питались.
А в зной колоски
Собирали колхозу,
И пот проливая при этом,
И слёзы.
Уж сколько лет минуло,
Но и поныне
Об этом как вспомнится,
Кровь в жилах стынет.

ПАТРАЛОВ ЛЕОНИД / 1938–2016

ВДОВЬИ СТРАДАНИЯ

Помню редкие праздники мамы
за накрытым под вечер столом, –
бабам хочется верить упрямо,
что войны лихолетье в былом...

Как непросто тем гостям взбодриться,
позабыть о сединках в косе, –

этим женщинам шло под тридцать,
но они уже вдовье все.

Лишь усилив печаль и тревогу,
патефон вызывал их на круг:
«Что ты жадно глядишь на дорогу
в стороне от весёлых подруг?»*

Танцевали они чуть не плача,
и пластинка столь грустной была...
Почему же, судьба-неудача,
мимо них ты пройти не могла?

Чарка бражки, пирог с голубикой.
То частушки, то всхлипы слышны...
Вдовьей доле, трагично-великой,
наши мамы остались верны.

И пахали они, и косили,
и растили детей без отцов...
Эти вдовьи страдания, Россия,
оцени же в конце-то концов!

БРИГАДИРОВА УХА

По весне, чуть опала вода,
рыбаки вешалов нарубили,
эти колья в приплёсок вдолбили –
сушат невод на них в два ряда.
Бригадир подзовёт ребятню,
скажет нам, как всегда, без улыбки:
«Вон, ребята, в ячейках-то рыбки
да трава – надо чистить мотню...»
И шепнёт ещё, как на духу:
«Подскажу, только – чур! – не лениться,
поднимите мостки в неводниках –
наберёте и там на уху...»
Мы очистим весь невод опять,
рыбу в лодках возьмём до единой, –
мы малы, но ведём поединок
с голодухой, чтоб всё ж устоять...

* Слова из романа «Тройка», ставшего народным, на стихи Н.А. Некрасова.

Ой, далеко – война и беда,
но уху эту век не забуду, –
как она малолетнему люду
выживать помогала тогда!
И спасибо тебе, бригадир,
что, давая игру и работу,
небогато, но честно платил –
по душевному русскому счёту!

Порожней телегой по мостику гром
проехал за речку и стих за бугром.
И солнышко тучу пробило насквозь –
лишь редкие капельки падают врозь.
Утятя нас дразнят, в осоке дичась.
Плотвицы капризны – клюют через час.
Но даже и в дождь без улова с реки
теперь не уходят мальцы-рыбаки.
Полдня на весу держим каждый свой прут.
Рыбалка – забава? Иль всё-таки труд?
С десяток рыбёшек приносишь домой.
Мать встретит и ахнет: «Кормилец ты мой!»
Голодное время, год сорок седьмой...

ПОМИНАНИЕ

Нет ничего несправедливей
и сердцу матери больней,
чем поминать под скорбной ивой
так рано павших сыновей.
Отца их – тоже молодого:
войну он встретил в сорок лет...
А где-то вновь вражда готова –
ох, нет креста на людях, нет!
Все три далёкие могилы
теперь уж ей не навестить –
совсем стара, не хватит силы...
Очнулась, – Господи, прости!
Она давно уже не плачет,
и слёзы выплаканы все.
Лицо в ладони молча прячет.
Блестит вокруг трава в росе.
Её утешить ива рада:
кладёт ей на руку листок...

А привезла из Ленинграда
на память маленький пруток.
Ещё по горсточке землицы
с родных могилоч привезла.
И вот поют на ветках птицы –
недаром ивушка росла.
Недаром выросла большая,
шумит о прожитом, шумит –
и сердце к жизни воскрешает,
и рвёт его, как динамит...

ЗА СТАРЫМ ПАТЕФОНОМ

За этим старым патефоном
семья, бывало, собиралась.
Под этим фикусом зелёным
за долголетье закалённым,
одна лишь бабушка осталась.

А те пластинки крутят внуки,
частенько в гости забегая.
Полузабытых песен звуки
напомнят вновь войну, разлуки,
грустить бабусе помогая.

Она под песню прослезится,
моргая слабыми глазами,
когда увидятся – как птицы! –
сквозь повлажневшие ресницы
шалльные свадебные сани.

И успокоится не скоро,
припомнив годы, что промчались,
и заведёт «Златые горы»*, –
их муж певал в былые поры! –
и всё сидит, сидит, печалясь.

Потом в пакете из газеты
находит снимок давней свадьбы.
Вздохнёт над ним: «Эх, Ваня, где ты,
и кем в последний миг согретый,

* В фильме 1931 г. «Златые горы» режиссёра С. Юткевича композитор Д. Шостакович, написавший музыку к картине, впервые использовал русскую народную песню «Когда б имел златые горы». Самой известной исполнительницей была Лидия Русланова, записавшая песню на пластинку в 1943 г.

сложил головушку? Узнать бы!»
А тройка, в лентах, снова скачет!
За ней – со сватами вторая...
И внукам странно: что же значит,
что их бабуля молча плачет,
от пыли фикус вытирая?

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Сестре Пете

Нет, наше детство не убито
сиротской долей и войной...
У всякой жизни есть орбита,
судьбе подвластная одной.
Мы голодали, холодали
и сытость видели, и ложь,
но всё же, всё же подрастали
среди бедолаг таких же сплошь.
Не слишком лаской обогреты,
но не замаяны судьбой,
умели делать винегреты
из разнотравья мы с тобой.
С грибов да ягод не пропали,
весной картошку (подлый фриц!)
мы в поле ломом добывали,
да так, что к лому прикипали
ладошки в дырках рукавиц.
Нам не давали спать мозоли,
когда вручную, день за днём,
крапиву с клевером мололи,
чуть сдобрив мусорным зерном.
Ты помнишь, как-то угорели –
сожгли лепёшки на плите,
тогда за нами присмотрели,
спасли нас всё же люди – те,
что были совестью России,
на ком досель она стоит!
А тех, что глаз порой косили,
как говорится, бог простит...

Нет, не одни невзгоды с нами
дружили в детские года –
мы всё же знали радость, знали
хотя бы в играх и тогда.
Наудил рыбы – вот и счастье.

Из тряпки кукла – счастье вновь.
Гостинцы мама хоть нечасто,
а всё ж дарила, как любовь.
Спасибо родине и маме,
реке, лугам, полям, лесам,
спасибо солнцу в зимней раме,
людским отзывчивым сердцам!
Ещё за то, что путь рисковый
нас всё же вывел в эту жизнь,
семье добрейших Большаковых,
как я, сердечно поклонись.
У нас давно с тобою дети...
Пусть им в потоке светлых лет
судьба не уготовит встретить
и малой части наших бед!

ПОЛИШКАРОВ АЛЕКСЕЙ / 1934–2006

Была послевоенная зима –
То слякоть, то мороз, то снова слякоть.
Заиндевели изнутри дома,
В них даже дети разучились плакать.

Мы обнимали печь, она топилась
Час-полтора – и наступала тьма.
А бабушка больная всё молилась:
Скорее б эта кончилась зима.

А есть хотелось – не хватало сил
Молчать и слушать: «Потерпите, дети...»
И старый пёс ласкался, не скулил –
Ему ещё трудней жилось на свете.

ХЛЕБ 1946-ГО

Вдали качалось марево, как дым,
Над ним сорок шестого года солнце.
И зной от пыли делался седым,
И задыхались жалкие колодцы.

А собранные в поле колоски
Под скирды класть – моя была работа,

А день звенел в ушах, давил виски,
И падали на землю капли пота.

Босые ноги исколов до ран,
Казалось, слышал, как пшеничный колос
Шептал: «Держись, страшнее зноя – голод...»
И кто-то повторял: «Держись, пацан...»
Не помню, кто... Запомнился лишь голос.

ВИШНИ

Да, никуда от памяти не деться:
Сороковые годы – крик беды...
Руины, раны, плач – моё там детство
И поиски какой-нибудь еды.

В саду у тётки розовые вишни.
Я и одну глотнуть не смог успеть –
Родная тётка вдруг схватила дышло
И закричала во весь голос: «Гэть!»

А мама: «Тише, не позорься, Мотря,
Продам хусты́ну – дóбрэ заплачу́...»
Она в ответ: «Казав, шо сад посмотрэ,
Гэть, вас обоих видеть не хочу!»

Мы прямо в ливень за ворота вышли,
Ударил град и яркая гроза...
Летели наземь розовые вишни,
Как пропитые тёткины глаза.

РОМАНОВ АЛЕКСАНДР / 1930–1999

СИДИТ СТАРИК НА МЕЛЬНИЦЕ

Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетёт.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.
И сам он – как бывальщина,
С дремучей бородой,
Которую отращивал
С последней мировой.
Вот снова былъ у старого,
Как зайцев загонял
Зимой, бывало, стаями
Во двор, на сеновал.
И, к слову, былъ военная,
Как гнался за вражьём
Под Прагою и Веною
На танке на своём...
И былъ за былью вяжется,
И былям нет конца.
Что прожито – то скажется,
Заденет за сердца.
Ведь было в жизни всякое:
И радость, и беда.
От горя редко плакали,
От радости – всегда.
Полсвета исходили мы
Не ради красных слов.
И веет, веет былями
От прожитых годов.

БАЛЛАДА О БАТЬКЕ ВАСИЛИИ

От нашей деревни Берлин – ого!
Но батько Василий дошёл до него.
Скажут: Висла – с пушкой плыл,
Скажут: Дунай – пушку мыл,
Скажут: Шпрее – мылся сам...
Вернулся с войны – ружья не купил:
Зачем ружьё? Настрелялся там.
«Ну что же, – сказал, – утихла страда,
Но мы нигде не клонились ниц!»
В его биографию навсегда

Европа вошла с десятком столиц.
И вновь, словно старый осколок, вопрос
Его беспокоил, тревожил всерьёз:
Двадцатые годы – землю пластал,
Тридцатые годы – плотником стал,
Не принял артель. Ушёл сгоряча...
Но даже на фронте, в багровых ночах,
Всплывали до слёз дорогие места –
Не тот городок, где прописан был,
А речка и рожь у самой избы...
Солдат на войне светлеет душой.
Останется жив – повсюду пути.
Так что ж ты, герой, до Берлина дошёл,
Ужель столько лет до себя не дойти?
«Ну вот что, – решился, – весна сейчас.
В деревню поедem – здесь нажились...»
В его биографии в первый раз
Две трудных дороги в одну сошлись.
...В осанистом доме живёт давно,
В котором, как годы, к бревну бревно.
Топор у него – остряк, говорун,
Рубанок его – весельчак, певун,
Простая пила – девятнадцать струн!
С работы придёт – и в тихом дому
Откроет окошко и пьёт чай.
И молодые приходят к нему
Поговорить, махрой почадить...
Клубит по Петряеву* вялый туман,
И тёплая ночь наплывает опять.
Пора бы ребятам идти по домам,
На воле, на сене с жёнами спать.
Но медлят: уж больно беседа добра.
Начнут о войне – туманится взгляд,
Начнут о ракетах – лица горят,
О Марсе начнут – не узнать ребят.
О чём ни начнут, то шутя, то всерьёз,
Как в песне припев, упомянут колхоз.
И батько Василий, оставив мёд,
Как будто итожит, рукой махнёт:
«Я думаю так – я много прошёл, –
Что будет везде по-нашему власть...»
В его биографии небольшой

* Петряево – село в Сокольском р-не Вологодской обл.

Размашистость века отозвалась.
Но это ему, старику, невдомёк,
О жизни своей он нигде не писал.
Скажу ему так, он ответит: «Сынок,
Да это же всё ты придумал сам».

РОМАНОВ ИГОРЬ / 1927–2009

ПОЕЗДА СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

В.А. Журавлеву

В хатах, избах – поблёкшие малость
Фото ратной поры «салажат»*,
«Это всё, что от нас и осталось...» –
Молча губы парней говорят.
Захожу в эти избы и хаты.
Надеваю очки и гляжу.
И опять, пригибаясь, солдаты
К роковому бегут рубежу.
Вот сейчас на высотке запляшет,
Тишину расколов, пулемёт,
И цепочку бегущую наших
На цветущей поляне сметёт.
Вот сейчас над окопами вскинут
Взрывы веером бурый песок.
Вот осколки настильные** мины
С визгом в чей-то ударят висок.
Под огнём наползёт, завывая,
Туша танка на бешеный дзот
И крутнётся, круша и ломая,
И на жаркой земле разотрёт.
Вот уронят, пыхтя, бомбовозы
Капли чёрные, цель отыскав,
И обмотки на белой берёзе
Трепыхнутся, лохмотьями став.
И в леске молодом без помехи
Фрицы, наш захватив медсанбат,

* Салажата – производное от «салаги». Сначала так называли юнг, потом военнослужащих нового набора или курсантов первых лет обучения в военных училищах, затем прозвище распространилось на всех молодых и неопытных людей.

** Настильный – идущий параллельно поверхности земли на определённой высоте.

Будут плоским штыком – для утехи –
Добивать безответных ребят.

А с востока, сигнала тревогу,
Эшелоны идут – далеки...
– Вы, ребятки, куда?
– На подмогу!
– Помогите вам Всевышний, сынки.
Так и вижу:
На запад, на запад
Паровозы дымы волокут...
И – теплушек махорочный запах,
И подмеченный песней маршрут.
Как басы проводов в непогоду,
Слышу, горестно рельсы гудят –
Поезда сорок первого года
Навсегда в синеву небосвода
Развесёлых увозят ребят.

МАМА ИСТОВО МОЛИЛАСЬ

Молилась мама молча под лампадой,
Просила божьей милости она.
Совсем немного было маме надо:
Чтоб канула постылая война.

Чтоб муж Степан не сгинул до победы
И – сын, кому в солдаты уходить,
Да выдюжить бы в одиночку беды,
Да огород весною посадить.

А за окном сплошная ночь гуляла
И ухала, и рушила, и жгла –
Который год!
Но всё ей было мало,
И оседала на висках зола.

А Бог молитвы всё-таки услышал:
Мы, поседев, вернулись в старый дом.
И мама, радости не зная выше,
Теперь Творца молила о другом:

Чтоб ночь сплошной беды не воротилась,
Довольно тех несчитанных потерь!..

Да, так, как мама истово молилась,
Никто, видать, не молится теперь.

ОГОРОДЫ

Делянки огородов сорок третьего.
Звон глуховатый сточенных лопат.
И болевой вопрос – не одолеть его! –
А вдруг без нас фашистов победят?

Пробьётся к свету лист картошки бархатный
И кукуруза стеблями стрельнёт,
А мама, воду меряя цыбарками*,
Под каждый куст колодезной плеснёт.

Оттянешь руки вёдрами до вечера,
Устанешь и обмякнешь от жары.
Но твой участок, колышками меченный,
Продёрган и окучен до поры.

Потом из репродуктора картонного
В тиши прогромыкает Левитан,
Что, оставляя города сожжённые,
Враг отступает прочь по всем фронтам.

Не знаю до сих пор я выше гордости,
Не пережил волнения сильней,
Чем в пору ту и радости, и скорбности,
И веры в правоту грядущих дней.

Ровесник сада, старого и хворого,
На лавочке молчание храню.
Белы на горизонте тучи-бороды.
Трава у ног пожухла на корню.

Плывут, как сон, видения давнишние:
Осколок в абрикосовом стволе,
Зенитки громыкание под вишнями.
И – жданная повестка на столе.

* Цыбарка – ведро, бадья.

РОМАНОВА РАЙСА / 1943–2014

СТИХИ НА ГОДОВЩИНУ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Багряные зори зимы взошли...
Большие морозы её сковали.
О белое тело моей земли!
Глубокие снега её печали!

Святые горят над ней купола,
Да тучи невзгоды над ней зависли...
И ради простого ремесла
Должны быть мои неподкупны мысли.

Багровое солнце печёт зарю.
Но помысел мой, как и встарь, отважен:
Большие морозы – календарю –
Большие потери во стане вражьем...

САМЧЕНКО ЕГОР / 1940–1994?

Мороз и солнце. Бьют куранты –
То эхо или звук сердец?
Идёт война. Идут курсанты.
Я старше стал тебя, отец.
Мороз. И в горле воздух горек.
У извещений вечен срок:
– Под Сталинградом есть пригорок.
Огонь невидим, но высок –
Танкист горит. Отец горит.
Стена огня. Равнина снега... –
...Столица мира. Полдень века.
Кремлёвский сдержанный гранит.
Есть у огня и человека
Здесь государственное эхо –
Огонь навтыяжку горит!

Я запомнил ещё,
Как во время войны
Умер брат пятимесячный.
Были ночи темны,
В зимней эвакуации
Речи тихи...
Я не знаю, чем кончатся
Эти стихи.

И холодное тельце –
Бледна и бела –
Через родину
Мать на руках пронесла...
Он уже не узнает,
Как жизнь хороша,
Вертикальный цветок
Под названьем «Душа».

ДЯДЯ ФЕДЯ

Дядя Федя – железный старик.
Он сегодня в лесу. Он грибник.
А над светло-седой головой
Синь да хмарь, да накрап золотой.

Он когда-то ступил на дорогу –
В мае. В мае, восьмого числа,
Руку правую, правую ногу
Оторвала война, унесла –
Только взрыв да стихающий крик...

Дядя Федя – железный старик.
Он на пенсии. Не суетится.
Он, спасибо, на лыжах идёт,
На заре промысловую птицу
Без жестоких подробностей бьёт.

Дядя Федя! Минутка настала –
Мне вчера полдуши оторвало.
Мне что жить, что глаза закрывать –
Неохота мне, друг, дядя Федя!

Закурить бы ещё на рассвете
Да тебя вот разок увидеть –
Я ведь только слышан. А мне бы
Вот под этим распахнутым небом
Поглядеть, «до свиданья» сказать
Да тебя бы всего бы обнять.

ИНТЕРВЬЮ С ПОКРЫШКИНЫМ*

Этот, видимо, очень смел,
Этот самый интервьюер:
«Были трúсы?» Он угадал,
И Покрышкин: «Были» – сказал.

И случилось что-то со взглядом –
Чуть угрюмо, холодновато
Встал внезапно, хоть и стоял!
И стоит у моей строки,
И ей видится из-под руки,
Что стоит, а рука поднимается,
А земля, как Антей, хватается
За таких вот людей
Беззащитной ширью своей.

Всё слезою одной отмечено,
Чуть тяжеле нашей слезе;

* А.И. Покрышкин – советский военачальник, маршал авиации, лётчик-ас, военный лётчик 1-го класса, первый трижды Герой Советского Союза.

К истребителю бомба подвешена
Да ищи наше взлёт-шоссе!

Все, кто с ним и рядом летали,
В этом небе не умирали.

Эти сведения точны,
Как плечо его самолёта:
С лета сорок третьего года
До конца той самой войны
Все, кто с ним и рядом летали,
Повторяю: не умирали.
И ещё хочу повторить!

Нет их там, в воздушной могиле,
Все вернулись домой, все живы –
Дай им бог и ещё пожить.

Дверь стеклянная отворяется,
Он идёт на балкон-крыльцо.
И без кителя не изменяется
Это маршальское лицо.
Да и винт этой славы – я верю –
Не сломать и не изменить!

А об этом интервьюере
Мне не хочется говорить.

СЕМЕНДУЕВА ЗОЯ / 1929–2020

У ОБЕЛИСКА

Он погиб в Подмосковье
В сорок первом году,
И его схоронили
У Москвы на виду.

Ты скажи, ты скажи нам,
Неизвестный солдат:
Чьей грудью ты вскормлен,
Чей ты муж или брат?

Может быть, ты земляк мой
С дагестанских вершин,
Может, степи казацкой
Ты питомец и сын?

Над его обелиском
Вечный пламень горит.
Поклонюсь тебе низко,
Неизвестный джигит.

Возложу я на камень
Зоревые цветы,
Чтоб любовью согрелся
Нашей верною ты.

Перевод Г. Игнатенко

СЛЯДНЕВА ВАЛЕНТИНА / 1940–2013

Над обелиском солнце светит низко.
Холодных плит касается рука.
В полях, в лесах – ни далеко, ни близко –
Плутает одинокая тоска.

Она – и взор, и слух дум материнских,
И безголосый крик: «Ты где, любимый мой?»
Над обелиском солнце светит низко,
А если дождь пойдёт – сплошной стеной.

По всей России ходят обелиски –
Свидетели тех огненных годов.
И светят, словно белые записки –
Со всех бесчеловечных тех фронтов.

Старый воин снова приумолк,
Закурил и вышел за ворота.
Видно, вспомнил боевой свой полк,
От которого осталась только рота.
Он не ведал, что такое страх.
Сгорбился. Глядит на сына снизу...

Во дворе играет внук. В руках
У него отстрелянные гильзы.

ВETERАНСКАЯ

Мы всё реже собираемся вместе,
Чтобы выпить чару общей печали,
Затишают на земле наши песни,
Зарастают наши дни иван-чаем.
Опалённый край опять в прежней силе,
И берёзка поднялась на сугоре*,
И на месте родников, где мы пили,
Полыхают земляничные зори.
По России – ой, по всей России! –
Почтальоны безотцовщину носили,
«На посту погиб» и «Смертью смерть
поправший...»

Или просто: «Без вести пропавший...».
По России – ой, по всей России! –
Ой, как наши мамы, наши жёны голосили!
Никуда себя от боли не денешь!
Наша молодость окутана дымом,
Из былого поднимаются тени
Тех, что в бой ушли молодыми.
Мы всё реже собираемся вместе
Там, где вороны до ночи кричали...
Затишают на земле наши песни,
Зарастают наши дни иван-чаем.

АЭРОДРОМ В БРАНДИСЕ**

*22 июня 1941 года с этого аэродрома
вылетели первые немецкие самолёты
бомбить советские города*

Со свастиками шли, виднелись еле
Те самолёты в чистой синеве,
Под гул и рёв смолкали колыбели
На Буге, на Днестре и на Неве.

С триумфом самолёты возвращались
И смертоносный груз несли туда,

* Сугор (диал.) – холм, пригорок.

** Город в Германии в земле Саксония.

Где не могли пока опомниться минчане,
Где погрузились в темень города.

И вот он, этот Брандис, предо мною!
Ухоженный, почти что как курорт...
А у меня от мысли сердце ноет,
Что он, видать, победами был горд.

В дубовой роще не щебечет птица.
Куда деваться ей от немоты?!
Земля тут красоты своей стыдится
И прячет в травах яркие цветы.

Будто бы хлебнули браги:
Выкусите, нате-ка!
В опрокинутом Рейхстаге
Гомонят солдатики.

И, от радости хмелея,
Женихи да ухари
Бороды поспешно бреют,
Хвалятся сеструхами.

Да и те, кого изрядно
Укатало времечко,
При гармошке при трёхрядной
Пляшут, сыплют семечки.

И немецкие гармошки
Тоже не сторонятся,
Перестроившись немножко,
С гопаком знакомятся.

А земля ещё дымилась...
Нужно было мужество
Принять сразу эту милость –
Плясовую музыку.

Деду чем-то помогали
Степи, тропки отчие...
Выли бабы за стогами:
Матери и дочери.

А отец в сыром окопе,
Не знаком с осечкою,
Всё «рассказывал» Европе
Про лужок над речкою.

У ложбинки в спелой охре
Схоронил товарища...
И не мог вздохнуть и охнуть –
Сердце жгли пожарища.

За Победу было пито,
За окно с геранями...
А земля была разбита,
И душа изранена.

Закурили, сняли шапки
У дощатого крыльца,
Зарумянились солдатки
От забытого словца.
Опрокинули вчерашний
Неподъёмный горький день,
Можно думать и про пашню,
И про сломанный плетень,
И про домик обветшалый,
И про лампу-светунец,
И про то, что на кошаре
И в помине нет овец.
...Можно, отыскав отвагу,
Ледяной покров сломав,
Возвратить, как твёрдость шагу,
Нежность – трепетным словам.

Ничего не забыли мы
И ничего не простили...
Стлалась ночь за окном,
И металась обрывки дорог.
Путь от Волги до Эльбы
Не галькой мы белой мостили!
Где бои прогремели –
Всё кости и чертополох.
Путь от Волги до Эльбы
Ещё под ногами дымится.

Ни тепла, ни жилья!
На столетия он оскудел.
Как печёные яблоки,
Сморщились чёрные лица
Нерожавших солдаток
И старых неласковых дев.

О войне стихи я не пишу
И в слова о смерти не играю –
А с бойцами в бой сама хожу
И не понарошку умираю.
Жизнь поит меня живой водой,
Радует весенним благовестом...
Я лежу под каждой звездой
И под каждым холмиком
Безвестным.
Зацветают каждый год цветы,
Каждый год снега в округе тают...
И стоят солдатские кресты,
А за ними Родина святая.

ПОБЕДЫ ДЕНЬ

Не самолёт врага, а птицы тень
Легко плывёт над мирною равниной...
Как он спешил, спешил Победы день,
Бежал и полз, и падал на руины.
Вот он пришёл, Победы день,
В деревни, города!
Вокруг цветень. Победы день
Желанным был всегда...
Победы день, Победы день...
Мы радуемся солнцу и весне,
Несут ветра все ароматы мая,
А тот, кто выжил, выжил на войне,
Путь боевой сегодня вспоминает.
Земля надела праздничный наряд,
Мы отстояли мирный труд в атаках,
Подолгу мы задерживаем взгляд
На обелисках и цветущих маках.
Теперь и миром, и свободой владей!
Ржавеют где-то гаубицы, мины...
Как он спешил, спешил Победы день,
Бежал и полз, и падал на руины.

Я – огненного времени птенец,
Опять над полем брани пролетаю
И вижу, как рассыпанную стаю
Подкашивает там и тут свинец.
Огонь разлучный гнёзда все спалил,
Обуглил птиц живое оперенье...
Господь, на что мне грустное прозрение? –
Но бог войны всегда неумолим.
О жизнь – всего прекрасного венец!
Победа мне была такой наградой.
Зачем же вновь круги земного ада,
Высвечивает память-светунец?!
Я – огненного времени птенец.
И, над землёю пролетая низко,
Где поднялись кресты и обелиски,
Вновь склёвываю жалящий свинец.

СОЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР / 1937–2008

СОРОК СЕДЬМОЙ

В такую ночь не всякого разбудишь.
Ну разве что пожар или обвал.
А вот меня зимой во тьме, в остуде
С постели дикий голод поднимал.

Ни свечи, ни лучины, ни коптилки,
Лишь щучий глаз луны через окно...
Колотит страх вовсю мои поджилки –
Хочу заплакать, но отвык давно.

А сны какие каждый раз под утро
Терзали душу детскую мою:
Сижу в тепле, на солнышке как будто,
За обе щёки хлебушек жую...

Но мы росли, мы набирали силы,
Мы узнавали жизни едкий пот,
Чтоб никогда он не воскрес – тоскливый
Сорок седьмой послевоенный год.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Они брели устало и понуро,
Вздыхая пыль на шляхе у реки.
– Собачьи дети! – крикнул дядька хмурый,
Сгоняя мух культяпкой со щеки.

В расход, в овраг... Чего с ними возиться!
– Побили наших... Сам – вот оне-е! –
Запричитала женщина-вдовица
Пронзительно поодаль, в стороне.

В моём воображении тогдашнем
Совсем не той казалась немчура.
Смотрел на них – и не было мне страшно,
А ведь страшился как ещё вчера.

Мне даже стало жалко их, угрюмых,
С потухшими глазами, в худобе...
Но много лет пришлось, однако, думать
О месте их потом в моей судьбе.

ПОЙМИТЕ МЕНЯ

На Первом Белорусском в сорок пятом –
От торжества почти что в двух шагах
Упал он, как и следует солдату –
Лицом к врагу, не выпуская флаг.

Пожалуй, всё, что знаю об отце я,
Да и ещё я знаю, видит бог,
Что если бы остался жив и цел он,
От многих бед меня б он уберёг.

Я б не стоял в очередях ночами
За пайкой хлеба и не грыз бы жмых,
И матери моей, моей родимой маме,
Не надрываться б в сменах за троих.

Я музыку любил, люблю и ныне,
И если б жив отец был, то уж он,
Я верю, не, пускай не пианино,
Но всё-таки б купил аккордеон.

Не хнычу я и не прошу участия,
Поймите меня, люди, до конца –

Не знаю, как кому, а мне до счастья
Всё не хватало чуточку отца.

СУЛЕЙМАНОВ БУЛАТ / 1938–1991

МАТЬ

Всё сына ждёт
и отдыха не знает.
Уж сколько лет прошло!
Нет, ожидает.
И на подоле
Траурной одежды –
надежда!
Ничего, кроме надежды...

Перевод А. Гришина

СУЛЕЙМЕНОВ ОЛЖАС / 1936

...Одна война закончилась другой.
Мой дядя, брат отца, ушёл на фронт.
Ушёл он добровольно? Я не помню.
Но помню – от бессонницы ушёл,
От белых окон
и ночных испугов,
От резких тормозов на повороте.
Он шёл с мешком вдоль пыльного арыка,
А я бежал, цеплялся и просил
Взять в плен фашиста,
Если он не сдастся –
Ударить шашкой,
Или так на штык,
Или ногой в живот –
Пусть будет больно,
Порезать руки,
Чтобы кровь хлестала...
Он сбоку поглядел в мои глаза,
Дед хмуρο кашлял и плевал под ноги...
Всё реже в домик приходили письма,

Потом пришло одно.
В нём говорилось:
Мой дядя пал хорошей смертью храбрых.
А я не понял,
И был счастлив я,
Увидев слово «храбрый».
Дед не плакал.
Решил старик, застенчивый, угрюмый,
Проехать полстраны с голодным внуком,
Чтоб разыскать
Могилу сына.
Дед не разрешал
Сынам своим лежать в чужой земле.
Я помню – полустанок, зной, бесхлебье,
Солдаты в пролетающих вагонах,
Разбитая земля, остовы танков,
Голодное ворьё пустых вокзалов,
Сожжённые деревни и коровы,
Разбухшие от порыжелых трав.
Я помню – реки, реки, реки,
Дожди, то морозящие, то ливни,
Стволы осин, дубов заплесневелых
И глина, глина, глина по колено.
Нам показали дядину могилу,
Она была за маленькой деревней,
Едва просохшей после серых ливней.
Над мелкой речкой – глиняный бугор.
Дед помолился, пожевал насвая*,
А я глазел на глиняную землю,
Она была, земля, почти такую,
Как наша,
Только мокрой. Я запомнил.
Вокруг стояли жители деревни,
Одна из них казалась мне красивой,
С худыми, но румяными щеками.
И злая, как соседка. Я запомнил.
Мой дед не обращал на них внимания,
Он снял бешмет** и, обойдя могилу,
Вонзил лопату в глиняный бугор.
И женщины вдруг обступили деда,
Та, что была с румяными щеками,

* Насва́й – вид некурительного табачного изделия, традиционный для Центральной Азии.

** Верхняя одежда у тюркских народностей (в виде кафтана со стоячим воротником).

Сказала. Я запомнил.
– Разве можно...
Здесь восемнадцать человек лежат. –
Мой дед уже чуть понимал по-русски,
Он осторожно вытащил лопату,
Рукой погладил рану в чёрной глине
И вытер руку о сухой сапог.
Мы просидели день у тихой речки.
До темноты следили ребяташки.
Дед, плача, пел арабскую молитву,
А я гонял травинкой муравьёв.

О СВОЕЙ ПЕРВОЙ МАЛЬЧИШЕСКОЙ СТРАСТИ

Нет, мне не было даже двенадцати лет.
Детство, лето, далёкий тыл.
Домик,
Грохот и скрип пароконных* телег,
Зной, сады, погружённые в пыль.
И весёлая женщина в нашем дворе.
Квартирантку звал её дед,
Мои щёки с утра начинали гореть,
Нет, мне было тринадцать лет.
Я смеялся, когда улыбалась она,
Я болтал, когда не было слов,
И когда у ручья умывалась она,
Я мальчишек гонял из кустов.
Всё давно,
Но сейчас вспоминается мне –
Ночь, саманный, без ставень, дом.
Я стоял, прислонившись к белёной стене,
Под весёлым её окном.
Он вернулся с войны –
Это я понимал,
Но она обнималась с ним.
Он, проклятый, её на руках поднимал,
И она целовалась с ним.
Я не знал, почему мои руки дрожат.
За окном тишина,
Темно.
Лёгкий шёпот,
Э-э, как тут себя удержать.
Я ударил камнем в окно.

* Предназначенных для запряжки парой лошадей.

Кто-то выбежал:
– Ты?
Я смотрел ей в глаза.
Как во сне мне хотелось кричать!
И тогда я, мальчишка, впервые сказал:
– А-а, пошла-ка ты, так твою мать!..
И она оттолкнула того:
– Уйди.
Это деда Назара внук... –
И прижала к распахнутой тёплой груди:
– Ах, мой маленький, добрый друг...
Детство, детство забыто.
Да, время летит.
Но мне трудно бывает с тобой,
Когда мальчик соседский на нас поглядит
С непрощающей детской тоской.
Он стоит, прислонившись к белёной стене,
Черноглазый, угрюмый, злой.
Свою первую нежность отдаст он тебе,
Своё детство, сады,
Зной...

СУЛТАНОВ ОМОР / 1935

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

О, девятое мая сорок пятого года!
Я был тогда ещё очень мал
И, радуясь вместе с толпой народа,
Ещё не всё до конца понимал.
По Иссык-Кулю волны летели,
К берегу мчались, плечом к плечу, –
Как будто всё заслужить хотели
Приз за добрую весть – суюнчу.
Народ шумел, будто лес под ветром,
И лес, как народ, шумел, гомонил,
И дождик – он был коротким, но щедрым –
Землю весеннюю напоил.
Но люди дождя почти не заметили,
В слезах, счастливых и горьких, стоя.
Не все своих долгожданных встретили,
Ушедших в огонь великого боя!
Помню: мужчина ко мне нагнулся,

И ласку в глазах его я прочёл...
А мой отец с войны не вернулся,
Вместо него День Победы пришёл.
Я отца никогда не видел,
Я не помню его лица,
Но прекрасным, как День Победы,
Светлым, ясным, как День Победы,
Неоmrачимым, как День Победы,
Я вижу лицо моего отца!

1962

Перевод И. Фoнякова

Биографии авторов
Т-Я

ТАЗОВ ВЛАДИМИР
1938–1995

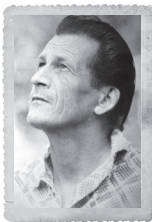

Владимир Иванович Тазов (Владимир Яковлевич Каллистратов, 23.10.1938, д. Вязовенька (ныне мкр. Смоленска) – 08.12.1995, Смоленск) вместе с мамой пережил ужас фашистской оккупации и побывал в немецком концлагере. После школы работал на авторемонтном заводе, учился в техникуме связи. Окончив Литературный институт им. А.М. Горького (1958–1963), вернулся в Смоленск, был сотрудником газеты «Смена», инструктором обкома комсомола. С 1969 г. жил в Москве, заведовал отделом поэзии журнала «Мир книг». В 1971 г. уехал в г. Североморск Мурманской обл. Через год снова вернулся в Смоленск, уже навсегда. Работал в редакциях местных газет, в музее, возглавлял областную писательскую организацию. Стихи впервые опубликовал в 1956 г., печатался в смоленских газетах, альманахах, сборниках. Автор поэтических книг «Родина моя» (1961), «Теорема (1967), «Денница», «Зимородок», «Снежная Скифия» и др. Занимался переводами. В 1966 г. в Киргизии вышла «Поэма о сердце» со стихами А. Токтомушева в переводе В. Тазова. Известен как прозаик и публицист. Похоронен в Смоленске на Братском кладбище.

ТАЙДАКОВ ВИКТОР
1942

Виктор Ильич Тайдаков родился 08.03.1942 в Москве. Журналист с более чем полувековым стажем, автор нескольких поэтических книг, член Союза писателей. Живёт в Москве.

ТАКАЛА РЕЙЁ
1931–1989

Рейё Вяйнович Такала (18.07.1931, Петрозаводск – 19.12.1989), финн по национальности, вырос в русской среде. Отец, Вяйнё, в 1930-е гг. являлся преподавателем педагогического техникума, а до ареста – редактором финно-язычного издательства «Кирия» (его расстреляли как «врага народа», но сын об этом так и не узнал). Мама, Ирья, была актрисой Финского театра, вся труппа которого после войны жила и работала в Олонце. Рейё окончил там восемь классов, потом музыкальное училище в Петрозаводске, работал в музыкальном отделе публичной (ныне национальной) библиотеки. Выпускник Лите-

ратурного института им. А.М. Горького, член Союза писателей (1971). Стихи писал на двух языках – русском и финском, переводил на русский произведения национальных поэтов Карелии. Первая публикация состоялась в 1951 г., первый сборник на русском языке – «Сердце человека» – вышел в свет в 1962-м, затем были «В поисках Сампо» (1966), «Тёплый дождь» (1973), «У твоего причала» (1982). На финском в 1979 г. издана поэтическая книга «Ухутсаари», вторая – «Из весны в осень» – опубликована уже после смерти поэта, в 1990 г. На стихи Р. Такалы писали песни карельские композиторы Г.-Р. Синисало, А.И. Голланд и др.

ТАПХАЕВ ЛОПСОН
1940–2007

Лопсон Дунзынович Тапхаев (22.05.1940, с. Кырен Тункин-ского р-на Бурят-Монгольской АССР – 2007) после окончания Кыренской средней школы был избран секретарём комсомольской организации в родном совхозе. В 1964 г. окончил историко-филологический факультет Бурятского пединститута им. Д. Банзарова. Работал ответственным секретарём, заместителем редактора районной газеты «Саяны», литературным консультантом в Союзе писателей Бурятии, заведующим сектором печати Бурятского обкома КПСС, главным редактором Бурятского книжного издательства. В течение многих лет руководил районным литературным объединением им. Мунко Саридака. Лауреат премии Ленинского комсомола Бурятии, заслуженный работник культуры Бурятии и России, член Союза писателей СССР. Стихи печатались в бурятской и центральной периодике, в сборниках и антологиях, переведены на многие языки, некоторые стали песнями. Автор многих поэтических сборников на бурятском языке. В русском переводе в Москве изданы книги стихов и поэм «Сияние в Саянах» (1976), «Золотой корень» (1981), «Наследство» (1985).

ТАРАСОВ ГЕННАДИЙ
1938

Геннадий Петрович Тарасов родился 01.10.1938 г. в Приморском крае. В начале войны семья была эвакуирована в Сибирь, в Омскую область. Работать начал рано, в 12 лет уже помогал возить зерно на быках с поля на ток. С 1952 г. живёт в пос. Марьяновка Омской обл. В жизни перепробовал массу профессий: был грузчиком, путевым монтером, техником-электриком, журналистом в районной газете. Трудился на нефтепромыслах тюменского Севера. Стихи пишет с юности, впервые их напечатал во время армейской службы, потом публиковался в периодике. Автор трёх поэтических сборников: «Откровение»

(1996), «Лирика. Юмор. Сатира» (1998), «Кодовое слово» (2004). Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. Л. Чашечникова.

Отец, Пётр Алексеевич Тарасов (1906–1980) – кадровый военный. В боях под Москвой командовал стрелковым батальоном в составе 16-й армии Западного фронта. В январе 1942 г. был ранен, долго лечился в госпитале, впоследствии был признан негодным для фронта. Оставаясь на службе в армии, обучал пулемётчиков в Уральском военном округе. Затем командовал 387-м запасным стрелковым полком. Его заслуги перед Отечеством отмечены двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени, медалью «За оборону Москвы».

ТАРБА НЕЛЛИ
1934–2014

Нелли Золотинсковна Тарба (20.11.1934–29.01.2014, Сухум, Абхазия) родилась в семье выходца из с. Дурипш Гудаутского р-на Абхазской АССР Золотинска Тарбы и его жены Веры Чичбы. Нелли было всего три года, когда 20.08.1937 арестовали отца. 04.10.1937 он был расстрелян, но семья ничего об этом не знала и 20 лет надеялась на его возвращение. Мать впоследствии тоже подверглась аресту, и Нелли с сестрой воспитывала бабушка, Кати Гунба. Окончив в Дурипше школу с золотой медалью, Н. Тарба стала студенткой филологического факультета Сухумского пединститута им. А.М. Горького (1954–1959). С 1961 по 1989 г. работала в издательстве «Алашара» на разных должностях – от редактора до заместителя директора. В 1988 г. основала и возглавила Детский фонд Абхазии, который существует по сей день. Стихи начала писать ещё школьницей, печаталась с 1952 г. в областных газетах и журналах, а также в литературном альманахе. В 1955 г. выпустила первую книгу стихов – «Люблю пути-дороги», затем – «Сердце весны» (1958), «Бзыбская повесть» (1961), «Молодость и мечты» (1964) и др. Автор множества произведений разных жанров на русском и абхазском языках для детей и взрослых, в том числе переводов. Несколько её пьес были поставлены в Абхазском драмтеатре.

ТАРУТИН ОЛЕГ
1935–2000

Олег Аркадьевич Тарутин (01.06.1935, Ленинград – 02.09.2000, Санкт-Петербург) родился в семье служащих. Отец, Аркадий Фёдорович Анисимов, – учёный-этнограф. В 1938 г. его арестовали, но вскоре освободили. В начале войны добровольцем ушёл на фронт, был демобилизован по болезни. Мать, Валентина Ивановна Тарутина, – врач. Семья пережила первую

блокадную зиму, эвакуировалась в Омск, а после войны вернулась в родной город. О. Тарутин окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института им. Плеханова (1953–1958), во время учёбы занимался в вузовском лито. Участвовал в трёх антарктических экспедициях, работал в Якутии, в Иране, на Дальнем Востоке. Публиковаться начал с 1956 г. Печатался в различных альманахах, в журналах «Молодая гвардия», «Нева», «Искорка». Автор поэтических книг «Идти и видеть» (1965), «Зеница ока» (фантастические стихи, 1979), «Часовые пояса» (1986), «Синий кит» (1990), «Ледниковый валун» (2000), а также остроумных книжек для детей. Проза: «Сертификатный роман» (1995), «Межледниковье» (1999, мемуары). Произведения в жанре фантастики выходили в сборниках. В последние годы жил крайне скудно в финансовом отношении, работал вахтёром. Умер от рака лёгкого. Похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском кладбище.

ТАРХАНОВ АНДРЕЙ
1936–2017

Андрей Семёнович Тарханов (13.10.1936, д. Аманья Кондинского р-на Остяко-Вогульского национального округа – 14.08.2017, Ханты-Мансийск) родился в семье охотника-манси. После школы окончил Ханты-Мансийское национальное пединститут (1956), Ленинградский пединститут им. А.И. Герцена (1961), Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Союзе кинематографистов СССР (1967) и Высшие литературные курсы Союза писателей России при Литературном институте им. А.М. Горького (1987). Работал учителем в Юмасинской семилетней школе (1956–1957), собкором окружной газеты «Ленинская правда», редактором Ханты-Мансийской студии телевидения, в Доме творчества народов Севера, семь лет возглавлял Угро-Ямальскую писательскую организацию (с 1989 г. – Ханты-Мансийская организация Союза писателей России). Писал на русском языке, первая публикация – стихотворение «Утро» – состоялась в газете «Ленинская правда». Стихи переводились на болгарский, венгерский, чешский, финский языки. Автор более 25 поэтических сборников: «Первая завязь» (1961), «Утренний бор» (1972), «Снежная симфония» (2000), «Когда улыбаются кедр» (2016) и др. Почётный гражданин г. Ханты-Мансийска.

ТАШЛИНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ

1944

Вячеслав Петрович Ташлинский родился в ноябре 1944 г. в Ульяновске, где живёт и сейчас. Учился в СШ № 37, потом устроился на радиоламповый завод, среднее образование и рабочую специальность получил в вечерней школе. В 1964–1967 гг. служил в погранвойсках – в Азербайджане, в Казахстане. После армии вернулся на завод, работал токарем, слесарем. Сотрудничал с заводской многотиражной газетой. Кроме поэзии, увлёкся журналистикой. Писал о людях, которые работали рядом с ним, о фронтовиках. Сочинял также сатирические стихи о различных недостатках на производстве. Посещал занятия лито на автомобильном заводе. Учился в вузе, окончил издательско-полиграфический техникум и продолжал работать на заводе. В середине 70-х готовил материалы на радио, где также выступал в качестве диктора, потом стал корреспондентом молодёжной газеты «Ульяновский комсомолец», а с начала 80-х – областной партийной газеты «Ульяновская правда». Какое-то время был редактором «Районных вестей» в Железнодорожном р-не Ульяновска, работал в областном Доме офицеров, в Центре патриотического воспитания населения Ульяновской обл. Печатался в литературном альманахе «Симбирск», в журнале «Литературный Ульяновск» и других изданиях. Автор девяти сборников стихов, в том числе для детей.

Отец был участником войны, воевал в Крыму. На фронт попал примерно за полгода до рождения сына. Имел два тяжёлых ранения, которые впоследствии негативно сказались на его здоровье. Родной брат отца, Александр Фёдорович Ташлинский, в конце войны попал в плен и оказался в концлагере в Австрии.

ТЕЛЕГИНА ВАЛЕНТИНА

1945–2017

Валентина Фёдоровна Телегина (05.09.1945, Уральск Казахской ССР – 24.10.2017, Пермь) родилась в семье железнодорожника, была вторым ребёнком из девяти. В начале Великой Отечественной войны семья эвакуировалась из Саратовской обл. в Уральск. После окончания школы уехала в Сыктывкар, работала секретарём Верховного суда. В 1972 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького и обосновалась в Перми, была сотрудником газеты Камского речного пароходства «Большая Кама», потом – газеты «Звезда». В ноябре 2013 г. переехала к сыну в г. Березники Пермского края. Стихи впервые напечатала в 13 лет, в 1969 г. выпустила первый сборник – «Полынь», а за ним ещё почти

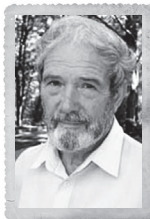
два десятка книг для детей и взрослых. Поэтесса рассказывала: «В нашей семье было четверо фронтовиков, сражавшихся на полях Великой Отечественной. Все они – мои дяди. Степан – брат отца – и трое братьев мамы: Павел, Тимофей, Алексей. Помню, что Павел Гордеевич Штефанов на фронте служил связистом. Был ранен. Награждён орденом Красной Звезды и несколькими медалями. Тимофей Гордеевич Штефанов защищал Одессу от фашистских войск, погиб в уличных боях. Место захоронения долгое время было неизвестно. На городском одесском кладбище есть мемориал в честь погибших защитников города, где установили надгробную плиту с надписью: «Ст. лейтенант Штефанов Т.Г. погиб в боях за Одессу». Алексей Гордеевич Штефанов пошёл воевать в 17 лет, прибавив себе год. Получил ранение. В госпитале познакомился с лётчиком, и тот предложил пехотинцу Алёше написать рапорт о переводе в лётную часть, и в дальнейшем Алексей служил там техником. Был награждён несколькими медалями. После окончания войны жил в Ленинграде, там и похоронен. Степан Фёдорович Телегин был ранен. На фронте нашёл свою любовь по имени Катя, прожил с ней до конца своей жизни в одном из сёл Киргизии...»

ТЕРЁХИН ЛЕОНИД
1930–2001

Леонид Степанович Терёхин (28.07.1930, с. Ново-Никольское Звенигородского р-на (ныне в черте г. Красногорска) Московской обл. – 16.08.2001) был восьмым ребёнком в крестьянской семье. Отец, Степан Васильевич, – участник Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн, погиб 05.12.1941 при освобождении г. Венёв Тульской обл. Леонид с 11 лет работал в колхозе, осенью 1941 г. подвозил подводы с продовольствием к тыловым подразделениям частей Красной армии, оборонявших рубеж Козино-Нефедьево, пережил бомбёжки. Впоследствии был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Более 10 лет трудился на авиазаводах, в 26 лет окончил вечернюю школу, а в 1961 г. – Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался с 1953 г. Автор множества поэтических сборников, стихи переводились на болгарский, молдавский, украинский, финский языки.

ТЕРЕХОВ ВЛАДИМИР
1937–2016

Владимир Павлович Терехов (05.09.1937, с. Катерлез (ныне Войково) под Керчью Крымской АССР – 30.08.2016, Симферополь) родился в семье учителей. Детство провёл в эвакуации, мытарствах, достигшей в чужом краю оккупации... Возвратившись на родину, семья застала родной дом разбитым прямым попаданием бомбы. Окончив школу, В. Терехов поступил в Крымский сельхозинститут, где и увлёкся поэзией. Получив диплом, работал агрономом, почвоведом и геологом. Выпускник заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького. В 1990 г. избран народным депутатом Украины. Работал в Комиссии по вопросам экологии Верховного Совета. Основатель Русской Общины Крыма. Возглавлял Союз русских, украинских и белорусских писателей Автономной Республики Крым. Первая поэтическая подборка появилась в 1961 г. в газете «Крымский комсомолец», затем были публикации в журнале «Крым», в коллективном сборнике «Радуга». Первый сборник стихов – «Здравствуй, поле» (1965). В издательствах Крыма, Киева, Москвы выпустил 15 поэтических книг, писал и прозу, в том числе рассказы для детей.

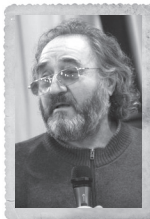
ТЕРЕЩЕНКО ВАЛЕНТИН
1937–2011

Валентин Григорьевич Терещенко (13.03.1937, с. Чайковщина Оржицкого р-на Полтавской обл. УССР – 04.02.2011, Москва) родился в многодетной семье учителя. Отец, Григорий Данилович, погиб на фронте. После войны В. Терещенко воспитывался в детском доме. В конце 50-х получил экономическое образование в Харькове. С 1961 г. жил в Москве и работал в НИИ. Посещал различные столичные литобъединения, в том числе студию при «Московском комсомольце» и знаменитую «Магистраль». Печатался в коллективных сборниках и периодике. Последние прижизненные публикации датированы 1984 г. Во время перестройки, лишённый средств к существованию, с окончательно подорванным здоровьем, обременённый неурядицами личного и семейного характера, постепенно оказался в полном одиночестве и изоляции. Готовые к печати рукописи книг остались в столе. Первая книжка – «Тих мой берег...» – вышла лишь в 2014 г. в серии «Библиотечка поэзии» Союза писателей Москвы.

ТЕР-МАРКАРЬЯН АРШАК

1938

Аршак Арсенович Тер-Маркарьян родился 19.12.1938 в Ростове-на-Дону, там и окончил школу. Несколько лет работал в геологической партии, с ней побывал в Казахстане, на Украине и в Краснодарском крае. В должности инженера-методиста Севастопольского объединения «Атлантика» на океаническом судне «Барограф» обошёл весь земной шар. В 1973 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Избирался членом правления Ростовской областной писательской организации, долгое время работал там литконсультантом. Затем переехал в Москву, с 1991 по 2007 г. заведовал отделом поэзии «Литературной России». Стихи начал сочинять ещё школьником. Первые очерки опубликовал в ростовской областной молодёжной газете «Комсомолец» в начале 60-х гг. Автор более 40 книг стихов и прозы, переводчик. Произведения переведены на разные языки. Лауреат премии Ленинского комсомола, обладатель других наград.

Отец воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Старший брат – Герой Советского Союза, погиб под Севастополем.

ТЕРПУГОВА АЛЕВТИНА

1942

Алевтина Григорьевна Терпугова родилась 22.06.1942. Со стихами дебютировала в 1961 г. в газетах «Советское Зауралье», «Молодой ленинец», «Шадринская правда» и др. Автор множества публикаций в зарубежных и российских журналах и альманахах, 10 поэтических сборников («Судьба моя», «Заветные слова», «Пространство и ветер», «По кругу» и др.), книги «Связь времён» (2014), посвящённой русской поэзии, статей и эссе.

Среди родственников – участники боевых действий и труженики тыла. Отец, Григорий Иванович, и старшая сестра Зоя в годы войны работали на оборонном заводе (ныне ПО «Сигнал»). Отец мужа, Олег Семёнович Терпугов, – участник финской и Великой Отечественной войн, боевой лётчик (штурман), служил в эскадрилье А.И. Покрышкина, совершил более 150 боевых вылетов, защищал Крым, Одессу. Окончил военную академию и многие годы преподавал в высших штурманских училищах. Кавалер многих боевых орденов, участник Парада Победы на Красной площади в июне 1945 г. Почётный гражданин Одесской области, где и похоронен на Аллее Славы авиабазы (ныне, к сожалению, разорённой).

ТИМИН ВЛАДИМИР
1937–2015

Владимир Васильевич Тимин (02.07.1937, с. Пажга Сыктывдинского р-на Коми АССР – 25.11.2015, Сыктывкар) в 1954 г. окончил восемь классов в пос. Железнодорожный, в 1958 г. – Печорский речной техникум. Отслужил в армии. Заочно окончил филологический факультет Коми пединститута. Работал вторым помощником механика, механиком по приборам, инженером по электрооборудованию, учителем, был сотрудником Коми филиала АН СССР, диктором республиканского радио, директором Зеленецкой восьмилетней школы, старшим и главным редактором Сыктывкарской студии телевидения, главным редактором Коми книжного издательства, председателем Госкомиздата Республики Коми, главным редактором журнала «Войвыв кодзув». Автор многих книг поэзии и прозы, переводчик и сценарист. Стихи переведены на русский, украинский, эстонский, венгерский и др. языки. Народный поэт Республики Коми (2006).

ТИХОМИРОВ АЛЕКСАНДР
1941–1981

Александр Борисович Тихомиров (02.02.1941, Москва – 18.01.1981, Москва) родился и вырос на Арбате. Работал редактором в издательстве, заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Публиковался в газетах и журналах, альманахе «День поэзии», газете «Московский литератор», в 1973 г. выпустил сборник «Зимние каникулы». Трагически погиб, возвращаясь из Переделкино в Москву по шпалам. Похоронен на Переделкинском кладбище. Две книги стихов, изданные посмертно, подготовлены вдовой А. Тихомирова, писательницей Лидией Медведниковой: «Белый свет» (1983) и «Добрым людям» (1991); его стихи вошли также в антологию XX века «Строфы века» и сборник рано ушедших из жизни поэтов «Живое слово» (1991). Сын поэта, кинорежиссёр Дмитрий Тихомиров, в 2005 г. снял короткометражный фильм «Зимние каникулы» по одноимённой поэме отца.

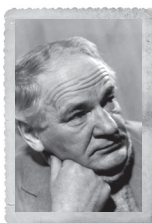
ТИХОНОВ ИГОРЬ
1928–1996

Игорь Васильевич Тихонов (1928–1996) уроженец Ярославской обл. Окончил Вологодский пединститут. В воспоминаниях современников А. Ехалова, В. Белова, И. Королёва предстаёт человеком непоседливым, беспокойным. Исколесил всю страну, изведаль многие специальности. В архиве газеты Вологодского р-на «Маяк» (прежнее название – «Красное знамя») сохранилось

заявление И. Тихонова, написанное в мае 1960 г., с резолюцией редактора: «Принять на работу в качестве литературного сотрудника», а уже ноябрём датировано заявление об увольнении. Автор сборников стихов «Северянка» (М.: «Молодая гвардия», 1959), «Снежный ветер» (Вологодское книжное издательство, 1962), «Дорога на зарю» (Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1964), «Зелёная глубина» (М.: «Молодая гвардия», 1965). В последние годы поэт жил в д. Епифанка Вологодского р-на, публиковался в «Маяке» и других вологодских периодических изданиях. Трагически погиб.

Стихи опубликованы сыном на портале stihi.ru.

ТОБОЛКИН ЗОТ 1935–2014

Зот Корнилович Тоболкин (03.01.1935, д. Хорзово Заводоуковского р-на Омской (ныне Тюменской) обл. – 24.05.2014, Тюмень) был седьмым ребёнком в крестьянской семье. Когда будущему писателю исполнилось четыре месяца, отца сослали на Колыму. Мама воспитывала детей одна. Война унесла старших братьев. Зоту удалось окончить лишь четыре класса дневной школы: с 11 лет он начал работать, перепробовал много профессий – прицепщика, тракториста, электрика, слесаря, каменотёса, кочегара, монтажника, геодезиста. С 1950 г. учился в ремесленном училище в Краснодаре и одновременно в вечерней школе, в 1952–1954 гг. работал слесарем на заводе им. Седина. Служил в армии. В 1959–1964 гг. – студент факультета журналистики Уральского университета им. А.М. Горького. Совмещал учёбу с работой слесаря и кочегара. Потом трудился в газетах, на радио и телевидении Тюмени и Нижневартовска. В 1975 г. окончил Высшие режиссёрские курсы в Москве. В печати дебютировал с рассказами в 1972 г. (журналы «Современник» и «Крестьянка»). В 1977 г. в Средне-Уральском книжном издательстве выпустил сборник пьес «Самый главный народ». Автор более десятка книг прозы, поэзии и драматургии. Член Союза писателей СССР с 1975 г. По произведениям З. Тоболкина ставили спектакли театры Тобольска («Геологи», 1972), Тюмени, Ульяновска, Горького, Армавира, Москвы.

ТОКАРЕВ ВАЛЕРИЙ
1945–2018

Валерий Максимович Токарев (06.06.1945, с. Кувак-Никольское Пензенской обл. – 08.09.2018, Тверь) окончил историко-филологический факультет Пензенского пединститута им. В.Г. Белинского (1968). Работал учителем русского языка и литературы в сельской (Стрневской) 8-летней школе (1973–1974), слесарем на Калининском вагоностроительном заводе (1974–1978), служил в армии, был главным редактором в НПО «Центрпрограммсистем» (1978–1992), исполнительным директором научно-творческого центра «Орфо» (с 1992 г.). Стихи впервые опубликованы в «Комсомольской правде» в 1977 г., первый сборник – «Послевоенные яблоки» – вышел в 1979 г., а потом ещё шесть: «Позднее признание» (1988), «Желанная тревога» (1989), «Память», «Слово», «Реликтовый свет», «Переходные времена».

ТОРОПОВ ИВАН
1928–2011

Иван Григорьевич Торопов (27.08.1928, д. Гурган Койгородской волости Сысольского уезда Коми АО (ныне Койгородского р-на Республики Коми) – 21.04.2011, Сыктывкар) после окончания семилетней школы работал статистиком, десятником и мастером лесопункта, потом колхозником, сплавщиком и лесорубом-сезонником. Отслужил в армии, после демобилизации в 1953 г. стал корреспондентом и редактором Коми республиканского радиокomiteта, заочно учился в Литературном институте им. А.М. Горького. С 1966 г. – литсотрудник и редактор журнала «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). Первая книга прозы – «Девушка пришла в парму» – вышла в 1964 г., потом были «Где ты, город?» (1972), «Вам жить дальше» (1975) и др. По повести «Ну, залётные!» в республиканских театрах поставлены спектакли. Член Союза писателей СССР с 1969 г., народный писатель Республики Коми. Произведения переведены на многие языки. В июле 2006 г., во время празднования 420-летия села Койгородок, в д. Гурган был открыт Музей И.Г. Торопова.

ТОРОПЫГИН ВЛАДИМИР
1928–1980

Владимир Васильевич Торопыгин (20.03.1928, Ленинград – 17.05.1980, Ленинград) осенью 1941 г. вместе со сверстниками был эвакуирован в Ярославскую обл., где школьников в своём имени приютил революционер-народоволец, учёный и поэт Н.А. Морозов. В мае 1945 г. стихотворение «Победная весна» де-

вятиклассника 206-й ленинградской школы В. Торопыгина было опубликовано в журнале «Костёр». В 1951 г. поэт окончил отделение журналистики ЛГУ, после чего работал в молодёжной газете «Смена», а в 1960 г. возглавил «Костёр». В 1972–1977 гг. редактировал журнал «Аврора». Первый из 10 сборников стихов – «День открытых дверей» – выпустил в 1952 г., потом были «Продолжение песни», «Тобой обещанное», «Поколение», «Короткие волны», «Пора признаний» и др. Автор двух книг прозы. Похоронен на Комаровском кладбище.

ТОРШХОЕВ ИБРАГИМ
1942–1996

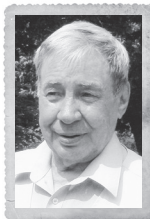
Ибрагим Исмаилович Торшоев (01.05.1942, с. Альтиево Назрановского р-на Чечено-Ингушской АССР – 1996, Нальчик) почти всё детство провёл в Казахстане. Отец погиб на фронте. После возвращения на родину И. Торшоев учился в Чечено-Ингушском педучилище. Окончив педагогические курсы (1961), стал учителем начальных классов и родного языка в Барсукинской восьмилетней школе. Выпускник заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького (1976–1982). Жил в Москве, работал литературным сотрудником журналов «Дружба народов», «Сельская молодёжь». Стихи начал писать с 16 лет, в 1980 г. опубликовал первый сборник на ингушском языке – «Безама гургалаш» («Колокола любви»), а в 1981 г. в издательстве «Современник» выпустил первую поэтическую книгу на русском языке – «Искры очага». Затем были «Седкый лар» (1983), «Путь к себе» (1986), «Дагалоаттам» (1987), «Под буркой» (1988), «Бумеранг» (1991).

ТРЕГУБОВ НИКОЛАЙ
1940

Николай Михайлович Треубов родился 08.01.1940 г. на хуторе Садовый Зимовниковского р-на Ростовской обл. Окончил Омский институт инженеров железнодорожного транспорта (1969) и МВТУ им. Баумана (1978). Работал на радиозаводе им. А.С. Попова, в Омском научно-исследовательском конструкторско-технологическом институте шинной промышленности, на заводе им. Козицкого. Публиковался в омских газетах. Автор шести поэтических книг: «Красный угол» (Новосибирск, 1978), «Калиновый мост» (М.: «Современник», 1979), «Рябины красной горсть» (1989), «Солнечные знаки» (1997), «За окоём» (1997), «Бес-смертник» (2000). Лауреат премии администрации Омской области (1997), руководитель областного литературного объединения им. Я. Журавлёва.

ТРЕТЬЯКОВ АНАТОЛИЙ
1938–2019

Анатолий Иванович Третьяков (08.03.1939, д. Солдатово Минусинского р-на Красноярского края – 15.05.2019, Красноярск) родился в семье художника Ивана Третьякова и агронома, Героя Социалистического Труда Екатерины Третьяковой. Окончил Красноярское речное училище. Служил в армии, работал судовым механиком, помощником машиниста тепловоза, литературным сотрудником в газетах. Учился на сценарном факультете ВГИКа, в Литературном институте им. А.М. Горького. Печатался в журналах и коллективных сборниках. Автор множества поэтических книг, на его стихи композитор О.Л. Проститов написал гимн Красноярска и ораторию «Суриков – сын земли красноярской».

ТРОФИМОВ МИХАИЛ
1936–2019

Михаил Ефимович Трофимов (14.10.1936, д. Снегирёвка Рыбинского р-на Красноярского края – 19.04.2019) после окончания средней школы переехал в Иркутск, трудился на стройках – плотником, каменщиком, монтажником. Занимался парашютным спортом. По комсомольской путёвке поехал в Братск, работал в леспромхозе и геологической партии. Тогда же начал писать стихи. С 1959 по 1963 г. заочно учился в Иркутском сельхозинституте на охотоведческом факультете (ушёл с 4-го курса, так как трудно было совмещать работу с учёбой). Выпускник заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького (1963–1969). В 1964 г. в серии «Бригада» выпустил первую книгу стихов – «Первотроп». Автор многих поэтических сборников, в том числе для детей. Писательскую карьеру всегда совмещал с тяжёлым физическим трудом: был вальщиком леса, слесарем, кочегаром, дворником... В последнее время жил в дачном домике в г. Усолье-Сибирское Иркутской обл., лепил глиняные игрушки и свистульки.

Отец поэта воевал в разведке, закончил войну в Берлине, награждён орденом Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». Воевали и трое родных братьев отца, один из них – Михаил – партизаном в Белоруссии, был командиром отряда, пал смертью храбрых.

ТРЯПША ВАЛЕРИЙ
1939

Валерий Владимирович Тряпша родился 28.12.1939 в Белогорске Амурской обл. В 1957 г. окончил школу в г. Свободный

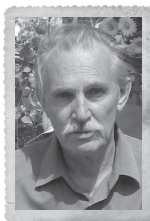
Амурской обл., а затем историко-философский факультет Иркутского университета. На Дальнем Востоке поработал и грузчиком, и охотоведом, и геологоразведчиком. В конце 60-х переехал в Челябинск, был мастером на тракторном, потом на радиозаводе, педагогом-организатором детского литобъединения, инструктором отдела культуры обкома комсомола, редактором газеты «Вечерний Челябинск». В 1988 г. вернулся в Хабаровск, возглавлял Дальневосточное бюро пропаганды художественной литературы. Первая книга стихов – «Две любви» – опубликована в 1971 г. в Челябинске, вторая – «Далёкие плёсы» – в Хабаровске в 1972-м, затем вышли «Дикотравье» (1974), «Светлость – осень» (1976), «Всполох» (1986) и др.

ТУЖИЛИН НИКОЛАЙ
1927–1996

Николай Алексеевич Тужилин (27.11.1927, с. Иванисовка (ныне Городищенского р-на Пензенской обл.) – 19.05.1996, Кузнецк Пензенской обл.) учился в школе с. Лопатино, работал в колхозе, в районной газете пос. Чаадаевка. Участвовал в боевых действиях с Японией, награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». До 1957 г. служил в армии, потом жил в Симферополе, работал в газете «Крымский комсомолец». В 1975 г. переехал в Кузнецк, был редактором районной газеты «Путь к коммунизму». Публиковался в областных и центральных газетах, в журнале «Сура», в коллективных сборниках. Автор книг стихов и прозы для детей и взрослых: «Зёрнышко ржаного колоса» (1965), «Мир вокруг тебя» (1966), «Закон притяжения» (1969), «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...» (1995). Заслуженный работник культуры РФ. В 2005 г. в Пензе опубликована документально-биографическая повесть Н. Тужилина «Месяц падающих звёзд» о завершающих событиях Второй мировой войны – освободительной кампании на Дальнем Востоке.

ТУРБИН МИХАИЛ
1941

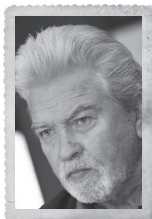
Михаил Леонидович Турбин родился 29.03.1941 в г. Ливны Орловской обл. Окончил исторический факультет Орловского пединститута. Служил в армии, учительствовал, работал в правоохранительных органах, на автотранспорте, на таможне. Публиковался в периодике и альманахах. Автор книг стихов и прозы: «Корни» (1991), «Моя палитра» (1991), «Стихи» (1992), «Стреленный покой» (1994), «Под вечным крылом» (2000), «По знакомой дороге» (2004), «На своём берегу» (2012) и др.

ТУЧКОВ ИВАН
1936–2005

Иван Николаевич Тучков (20.02.1936, д. Грязновка Курской обл. – 23.10.2005, Севастополь) родился в многодетной семье. Отец работал конюхом, был неплохим кузнецом, в годы Великой Отечественной погиб под Берлином. В семье осталось семеро: мать-колхозница, четыре брата и две сестры. После войны, гонимые голодом, они переехали в Крым и поселились рядом с Симферополем, но вскоре умерла мама. Ваня попал в Битякский детдом и начал увлекаться творчеством, писать стихи. В 1952 г. поступил в Симферопольское художественное училище, в 1953-м перевёлся в Керченское ремесленное. В 1955 г. формовщик-литейщик И. Тучков прибыл в Севастополь на судостроительный завод, там и окончил 11-й класс в вечерней школе. Литинститут им. А.М. Горького окончил без отрыва от производства в 1971 г. Автор нескольких поэтических сборников.

ТЮЛЬКОВ БОРИС
1936–2014

Борис Васильевич Тюльков (02.03.1936, Курагинский р-н Красноярского края – 24.10.2014, Омск) в 1961 г. окончил филологический факультет Омского пединститута. Был учителем русского языка и литературы в Омской средней школе № 38. Четыре десятка лет проработал на Омском радио (от корреспондента до заместителя председателя телерадиокомитета). В 1990–1993 гг. – депутат Омского областного Совета народных депутатов, в 1994–1996 гг. – полномочный представитель президента Российской Федерации в Омской области. Дебютировал со стихами в 1951 г. в газете «Бийский рабочий». Публиковался во многих газетах, журналах, коллективных сборниках Омска, Бийска, Норильска. Автор шести книг стихов и прозы, в том числе документальной и юмористической.

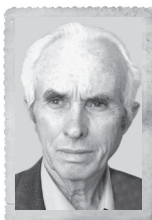
ТЮРИН АРКАДИЙ
1930–1992

Аркадий Антонович Тюрин (1930, Моршанск Тамбовской обл. – 1992, Моршанск) родился в семье известного фотографа. В годы войны участвовал в тимуровской работе, помогая семьям, чьи отцы ушли на фронт, дежурил в эвакуогоспитале и выступал перед ранеными. С ранних лет пристрастился к рисованию, писал стихи. В 45-м А. Тюрину было пятнадцать. А в 46-м он учился мастерству художника вместе с бывшими фронтовиками, слушал их рассказы о войне – страшной, жестокой, кровавой. О погибших товарищах сказал: «Они, даже мёртвые, – с нами и сражают-

ся после войны». В 1951 г. окончил живописно-педагогический факультет Пензенского художественного училища и стал учителем черчения и рисования в школе г. Городище Пензенской обл. В 1956 г. вместе с семьёй переехал в Моршанск, работал по специальности в СШ № 2, в 1967 г. перешёл в детскую художественную школу и был там сначала преподавателем, а затем и директором (до последних своих дней).

ТЯПАЕВ АНАТОЛИЙ
1928

Анатолий Прохорович Тяпаев родился 25.01.1928 в Беднодемьяновске Пензенской обл. в семье служащего. После смерти матери жил в родном селе отца Нагорное Алексово (ныне Паёво) Кадошкинского р-на Мордовии. Здесь окончил начальную школу, до 1945 г. учился в Глушковской средней школе. Во время Великой Отечественной войны работал в колхозе. В 1949 г. был призван в армию, четыре года служил в группе Советских войск в Германии. После демобилизации работал в редакции газеты «Советская Мордовия» переводчиком, с 1957 г. – в редакции газеты «Мокшень правда» вначале литературным сотрудником, затем заведующим отделом культуры и быта, ответственным секретарём. Заочно окончил историческое отделение Мордовского университета (1965). В 1966 г. назначен ответственным секретарём журнала «Мокша», а с 1971 по 1976 г. был его главным редактором. Автор 23 книг стихов и прозы на мокшанском и русском языках. Народный писатель Мордовии.

УВАРОВ ЮРИЙ
1944

Юрий Васильевич Уваров по образованию художник. Родился под бомбёжкой в станице Николаевская Ростовской обл., детство провёл в г. Кстово Нижегородской обл. Служил в армии. Жил в Горьком, в Вологде. Пешком прошёл вдоль Волги от истока до Каспия, а Северный морской путь – на атомоходах. По всей стране оставил свои работы как художник (скульптура, росписи, мозаики). Восемь лет проработал на телевидении. В 1981–1983 гг. учился на Высших литературных курсах (семинар А.П. Межирова). В 1983–1985 гг. – спецкор «Литературной газеты» по Каспийскому бассейну. Был литературным секретарём у О.Ф. Бергольц. Начало публикаций связано с поэтической группой Б.Е. Пильника, молодёжной газетой «Ленинская смена» и журналом «Волга». В советские годы активно печатался в центральных литературных газетах и журналах. Автор четырёх поэтических сборников и 35 переводных книг, а также сценария фильма «Лето Марии Войновой» – дипломной работы А.Н. Сокурова. Живёт и работает в Москве.

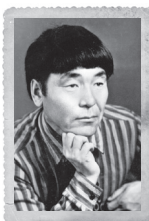
УГРЕНИНОВ ГЕННАДИЙ
1938–2016

Геннадий Николаевич Угренинов (15.03.1938, Свердловск – 28.05.2016, Санкт-Петербург) родился в семье Николая Фёдоровича и Марии Михайловны Угрениновых. Отец – сибирский крестьянин, в войну – сапёр, после войны – строитель. Мать – из семьи сапожника в южно-уральском Троицке. В связи с переменной мест работы отца семья много раз переезжала и в 1951 г. поселилась в Ленинграде. Г. Угренинов в 1956 г. окончил школу с серебряной медалью и поступил в Ленинградский гидрометеорологический институт. С 1961 г. – инженер-гидролог. Работал в Северо-Западном управлении гидрометеослужбы, на гидрологических станциях, в экспедициях (Дальний Восток, Каспий), был преподавателем в ЛГМИ (РГМУ). Кандидат технических наук (1973). Выпускник Литературного института им. А.М. Горького, член Союза писателей СССР (с 1973 г.). Автор четырёх поэтических книг: «Красные окна» (1964), «Свет июля» (1971), «Весы» (1972), «На окраине лета» (1992).

УКАЧИН БОРИС
1936–2003

Борис Укачинович Укачин (18.02.1936, с. Каярлык (ныне Онгудайского р-на Республики Алтай – 25.12.2003, Горно-Алтайск) родился в семье табунщика. В 1956 г. окончил школу, в 1967 г. –

Литературный институт им. А.М. Горького. Работал журналистом в газете «Алтайдып чолмоны» и на радио, в Горно-Алтайском отделении Союза писателей России. Писать стихи начал ещё в школе, первая публикация состоялась в 1956 г. Автор поэтических сборников «Дороги» (1960), «Хорошие люди» (1961), «Кто я?» (1963), «Ветка горного кедра» (1966), «Горные духи» (1971), «Стихи с кулак» (1978–1979) и др. Проза представлена рассказами и повестями. Автобиографическая повесть «Убить бы мне голод» (1979, перевод В. Крупина) – о жизни алтайских детей в послевоенное время. Переводил сочинения К.Д. Ушинского, М.Ю. Лермонтова, И.Е. Ерошина, Л.А. Кассиля, Ч.Т. Айтматова, С.В. Михалкова, А.А. Даржай, Ю.Ш. Кюнзегеш и других русских и советских авторов, а также вьетнамских и японских поэтов. Произведения Б. Укачина переведены на многие иностранные языки. Лауреат премии Ленинского комсомола Алтая (1980), заслуженный работник культуры РФ (1993).

Публикация Амыра Борисовича Укачина.

УЛАХОВИЧ ДМИТРИЙ

1939

Дмитрий Андреевич Улахович родился 26.07.1939 в Ленинграде. Пережил блокаду. Окончив школу, учился в ленинградском техническом училище № 9 при заводе им. Карла Маркса, где затем работал токарем в экспериментальном цехе. С 1958 по 1988 г. служил в Вооружённых силах. В 1972 г. окончил Военную академию связи им. С.М. Будённого. Подполковник, кандидат технических наук, в настоящее время профессор Военной академии связи. Первая публикация – очерк в газете «Смена» в 1957 г., стихи впервые напечатали в газете «Политехник» в 1958 г. Публиковался в газетах, журналах, коллективных сборниках, в том числе за рубежом: в Китае (Шанхай, 2003), в США (Нью-Йорк, 2007). Член Союза писателей России с 1998 г. Автор пяти поэтических сборников и двух книг прозы (романа и сборника повестей и рассказов).

Отец, Андрей Фёдорович Улахович, работал на заводе «Двигатель» (во время войны завод – № 181, Ленинград), погиб на Ленинградском фронте в 1941 г. Отец жены, Сабир Каримович Рахимов, погиб под Москвой в 1941 г.

УЛЗЫТУЕВ ДОНДОК

1936–1972

Дондок Аюшеевич Улзытуев (05.12.1936, улус Шибертуй Бичурского аймака Бурят-Монгольской АССР – 08.11.1972) после окончания Шибертуйской средней школы (1956) работал

в Бурятском книжном издательстве. С 1962 г. – член Союза писателей. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького (1963). Был сотрудником журнала «Байкал». Дебютировал в 1953 г. со стихотворением «Голубка», опубликованном в газете «Буряад-Монголой үнэн», когда учился в восьмом классе. Печатался в журналах «Байкал», «Юность», «Дальний Восток», «Смена», «Огонёк», «Знамя», «Дружба народов», «Сибирские огни». Первый сборник стихов – «Три тайны пера» – вышел в 1957 г. в Улан-Удэ. Произведения переведены на многие языки. Автор ряда поэтических книг на русском и бурятском языках, изданных в Улан-Удэ и Москве. Известен и как поэт-песенник. В начале творческого пути сочинял не только стихи, но и мелодии к ним, одна из его песен – «Дуулыш, инагни» («Пой, милая») – стала народной.

УЛЬЯНОВА ИРАИДА
1934–1976

Ираида Викторовна Ульянова (23.03.1934, Миасс Челябинской обл. – 16.02.1976, Ульяновск) в 1944 г. вместе с семьёй переехала в г. Оргеев Молдавской ССР. Окончила филологический факультет Кишинёвского университета (1950–1955), преподавала русский язык и литературу в Кишинёвском автодорожном техникуме. С 1974 г. жила в Ульяновске. Дебютировала как поэт в 1959 г. Первый сборник стихов – «Песнь о Котовском» – опубликовала в Кишинёве в 1962 г., затем (в Кишинёве и Москве) ещё ряд стихотворных книг для детей и взрослых: «Звёздочка» (1965), «Мой город» (1967), «Озорные зайчики» (1968), «Край земли» (1969), «Апрель» (1970), «Постоянство» (1972), «Чур, не я!» (1972), «Полдень» (1974), «Берёзовый дождь» (1975). Скончалась после тяжёлой продолжительной болезни. В 1979 г. Приволжское издательство выпустило сборник стихов И. Ульяновой ««Есть трава подорожник», большая подборка вошла в книгу «Второе рождение» (М.: «Советская Россия», 1988).

УРУКОВ ВАЛЕНТИН
1935–1978

Валентин Алексеевич Уруков (02.02.1935, с. Шерагул (по другим данным – д. Привольное) Нижне-Удинского района Иркутской обл. – 07.06.1978) был старшим из четверых сыновей в семье коренных сибиряков. Отец, Алексей Николаевич, – секретарь сельсовета, мать, Мария Степановна, – налоговый инспектор. В 1950 г. Уруковы переехали в с. Икей. Там, будучи учеником восьмого класса, Валентин поступил на работу в редакцию газеты «Икейский колхозник» в качестве корректора. С 1953 г. семья

жила в Нижнеудинске, где В. Уруков окончил вечернюю школу. В 1954–1956 гг. учился в Хабаровской школе милиции, с 1956 г. был старшим следователем в г. Зима Иркутской обл., с октября 1961 г. – на той же должности в 3-м отделении милиции г. Братска. В 1964 г. уволился из органов МВД и работал в УССТР Братск-гэсстроя. В 1967 г. уехал в родной Нижнеудинск, с геологическими партиями побывал в Саянах, Тофаларии, прошёл всю Иркутскую область. Стихи начал писать с четвёртого класса, активно публиковался. Первый сборник – «Глоток рассвета» – выпустил в 1970 г. Трагически погиб (утонул в реке Уда). В 2006 г. в Иркутске издана книга его стихов «Верую».

УРУШЕВА ЛИДИЯ
1938–2018?

Лидия Васильевна Урушева родилась в Подольске Московской обл. Училась в Литературном институте им. А.М. Горького. Была редактором Северо-Западного издательства, участвовала в издании книг Н.М. Рубцова. Печаталась в «Юности» (1958). Умерла в Архангельске.

УСТИНОВ ВАЛЕНТИН
1938–2015

Валентин Алексеевич Устинов (20.03.1938, Луга Ленинградской обл. – 20.11.2015, Москва) в четыре месяца потерял мать, отца ещё раньше репрессировали и расстреляли. Воспитывался у родственников в д. Вольная Горка Батецкого р-на Новгородской обл., потом в детдоме. С 1952 г. жил в Ленинграде, учился в ремесленном училище, трудился на Балтийском судостроительном заводе. Отслужив в армии, работал в многотиражной газете «Балтиец» и в Василеостровском райкоме комсомола. В 1965 г. стал собкором «Правды Севера». С 1969 по 1977 г. – заведующий отделом очерка и публицистики, а затем – отделом поэзии журнала «Север». Окончил отделение журналистики филологического факультета ЛГУ им. А.А. Жданова (1972), ВЛК при Литературном институте им. А.М. Горького (1979). С 1977 г. жил в Москве. Был заместителем главного редактора журнала «Наш современник», затем секретарём Московской писательской организации, руководителем издательства «Московский писатель», а в 1998 г. создал и возглавил Академию поэзии. Как поэт дебютировал в 1965 г. в многотиражках «Патриот Севера» и «Балтиец». Первой серьёзной публикацией стала большая подборка

стихов в журнале «Звезда» (1967). Автор двух десятков поэтических книг: «Зелёная песня» (1968), «Талан» (1971), «Живица» (1971), «Ярило» (1983), «Окликание звёзд» (1984), «Песчаный свиток. Пятикнижие» (2009) и др.

УШАКОВ ДМИТРИЙ

1932–2011

Дмитрий Алексеевич Ушаков (15.09.1932, станция Шожма Няндомского р-на Архангельской обл. – 29.01.2011, Москва) после окончания в Архангельске средней школы учился в Ленинградском автотехническом училище, служил в армии, работал в Архангельске. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1957–1962), потом работал в Казахстане корреспондентом газеты «Целинный край». В 1964 г. вернулся в Архангельск. Корреспондентом бороздил на грузовых теплоходах Белое, Баренцево, Карское моря. Во время отпусков матросом перегонял речные суда на Обь, Енисей, Лену, работал на среднем рыболовном траулере. С 1966 по 1973 г. возглавлял Архангельскую областную писательскую организацию. В 1974 г. переехал в Москву, стал членом редколлегии и заведующим отделом поэзии журнала «Наш современник», а затем редактором издательства «Современник». Стихи впервые появились в газетах «Северный комсомолец», «Правда Севера» и альманахе «Литературный Север». Первый сборник – «Иду к тебе» – опубликован в 1959 г. в Архангельске, второй – «Север – любовь моя» – там же в 1964 г., а потом вышло ещё около 20 книг стихов и прозы: «Морошка», «Степень родства», «Север-батюшко», «Беловодье», «Шожемские байки», «У полярных широт» и др.

ФАЙЗУЛЛИН РАВИЛЬ

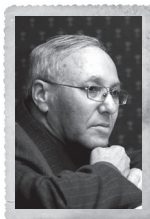
1943

Равиль Габдрахманович Файзуллин родился 04.08.1943 в с. Юлсубино Рыбно-Слободского р-на Татарской АССР в семье председателя колхоза. Окончил филологический факультет Казанского университета (1965 г.), аспирантуру при Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. С 1968 г. – руководитель Альметьевского отделения Союза писателей ТАССР, с 1972 г. – заместитель председателя СП ТАССР, с 1976 г. – профессиональный писатель, с 1989 г. – главный редактор журнала «Казан утлары». В 1990–1995 гг. – народный депутат Верховного Совета Республики Татарстан. Почётный член АН РТ. Автор более 50 книг (на русском, татарском, башкирском и других языках), их общий тираж составляет около миллиона экземпляров. Стихи, поэмы и публицистика Р. Файзуллина переведены на многие языки. Народный поэт Татарстана, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат различных премий.

ФАЙН РОМАН

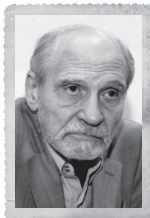
1938

Роман Бенционович Файн родился 02.09.1938 в г. Биробиджане Еврейской АО в семье переселенцев-первостроителей. Окончил Восточно-Сибирский библиотечный институт в Улан-Удэ (ныне ВСГИК) и историко-филологический факультет Хабаровского пединститута. Многие годы работал в Биробиджанском культпросветучилище (ныне Биробиджанский областной колледж культуры) ведущим специалистом библиотечных дисциплин. Преподаватель высшей категории, отличник просвещения РФ. С 2002 г. – глава Пушкинского клуба в Биробиджане, составитель «Школьного пушкинского календаря». Автор поэтического сборника «Воробьиное слово. Рифмы».

ФАЛИКОВ ИЛЬЯ

1942

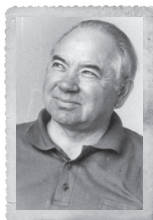

Илья Зиновьевич Фаликов родился 24.06.1942 во Владивостоке. Окончил филологический факультет Дальневосточного университета. Печатается как поэт с 1960 г. Публиковал прозу в журналах «Октябрь» и «Дружба народов», очерки, заметки и обзоры – в журналах «Арион», «Знамя», «Вопросы литературы», выпустил книги эссе о литературе. Стихи, проза, статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов» и др. Переводил поэзию народов СССР. Автор более десятка книг: «Олень» (Дальиздат, 1969, предисловие А.П. Межирова), «Голуби-

ная падь» (М.: «Современник», 1980), «Полоса отчуждения» (2003) и др. Живёт в Москве.

ФАТЕЕВ ГЕННАДИЙ

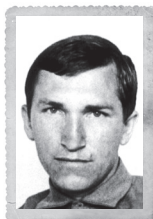
1934–2005

Геннадий Семёнович Фатеев (08.05.1934, с. Молоотовское (ныне Красногвардейское) Ставропольского края – 26.06.2005, Ставрополь) в детстве пережил фашистскую оккупацию. Окончил Красногвардейскую СШ № 1, затем Московский институт культуры. Работал на Крайнем Севере: Чукотка, Магадан... Вернулся на Ставрополье, много лет работал в газетах «Молодой ленинец» и «Ставропольская правда», руководил краевой журналистской организацией, возглавлял краевую писательскую организацию, был главным редактором книжного издательства. Автор 12 книг стихов и прозы: «У ледяных широт России» (1961), «Вечный огонь» (1968), «Вторая высота» (1973), «Корона Ариадны» (1992), «Глядит Россия на Кавказ» (1993) и др., а также слов около 200 песен. Заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин родного села. В Ставрополе на доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

ФЕДАНОВ ВАСИЛИЙ

1939

Василий Степанович Феданов родился 01.10.1939 в с. Сарабалык Новосибирской обл. В 1941 г. вместе с семьёй переехал в г. Киселёвск Кемеровской обл., где учился в школе № 16. После окончания Сибирского технологического института в Красноярске работал мастером на Киселёвской мебельной фабрике, потом заведующим орготделом в Киселёвском горкомсомола, с 1968 г. возглавлял промышленно-транспортный отдел газеты «В бой за уголь» (в этой газете в 1964 г. состоялась первая публикация В. Феданова – фельетон «О “делах” на фабрике»). В 1971 г. стал главным инженером Киселёвской мебельной фабрики, в 1981 г. перевёлся в областное объединение «Кемеровомебель». Рассказы и стихи печатались в областных газетах и журналах «Кузнецкий край», «Кузбасс», «Огни Кузбасса», «День поэзии», в альманахе «Горицвет». Автор поэтических сборников «И тихо плакала погода» (1997), «Веха» (1999), «Барак RU» (2002), «Не ограничивай себя» (2004). Живёт в Кемерово.

ФЕДОРИН ИГОРЬ

1935

Игорь Андреевич Федорин родился 16.01.1935 в г. Елец Липецкой обл. в семье сельских учителей, которая в 1938 г. переехала в Москву. Какое-то время оставался попеременно

то на попечении тётки в Ельце, то у деда в д. Зыбино Залегощенского р-на Орловской обл. Окончив московскую СШ № 114 (1953) и год проработав слесарем на заводе, поступил в Литературный институт им. А.М. Горького, а после его окончания (1959) приехал в Липецкую обл. Работал корреспондентом липецких и елецких, а затем и московских газет, был редактором в издательстве «Советская Россия». Публиковал очерки, стихи, зарисовки в журналах «Смена», «Иностранная литература», «Литературная Россия», «Молодая гвардия». Автор 12 поэтических сборников и книги о малой родине «Узы памяти», известен и как переводчик.

Отец, Андрей Владимирович, был штурманом-политруком войск ВВС на Втором Украинском фронте. Войну окончил в Австрии, попав в госпиталь после тяжёлой контузии.

ФЕДОТОВ СТАНИСЛАВ

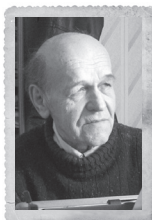
1938

Станислав Петрович Федотов родился 05.03.1938 г. в с. Соколово Зонального р-на Алтайского края. Через годы поэт напишет: «Первое яркое воспоминание раннего детства – проводы отца на фронт в сентябре 41-го. Мама, беременная (в октябре родились братья-близнецы), повисла на шее отца, а я, внизу, обнимаю его ногу в кирзовом сапоге. Потом голодное военное детство в Томске... От отца осталась медаль с оплавленным ударом пули краем. Видно, отец был храбрым солдатом – медаль «За отвагу» за так не давалась. Он, к счастью, не погиб, но к нам не вернулся. Погиб на фронте муж маминой старшей сестры, дядька Леонид...» До войны С. Федотов жил в Красноярском крае, потом, до лета 1945 г., – в Томске. В школу пошёл в с. Белянка Белокатайского р-на Башкирской АССР, десятилетку окончил в Шадринске Курганской обл. и поступил на радиофизический факультет Томского университета. Получив диплом, работал на оборонном заводе, затем в закрытом НИИ. Окончил аспирантуру при Томском институте радиоэлектроники и электронной техники, опубликовал полтора десятка научных статей в СССР и за рубежом, но вместо диссертации выпустил в Западно-Сибирском книжном издательстве, где работал редактором, первый сборник стихов – «Старт» (1965), а за ним (там же) – «Гамма-излучение» (1968), «Плюс-минус единица» (1969), «Оглянись в любви» (1977). В 1986 г. переехал в Благовещенск. Был руководителем областного лито, ответственным секретарём Амурской писательской организации (1991–1996), заведующим литчастью Амурского театра драмы (1988–1996), с 1996 по 2000 г. – журналистом (в газетах «Благовещенск» и «Порубежье»). Автор 13 книг стихов и поэм, художественной и документальной прозы, нескольких пьес. В 2001 г. переехал в Подмоскovie, до 2005 г. ра-

ботал в общероссийской газете «Медицинский вестник». Живёт в пос. Быково Подольского р-на.

ФЁДОРОВ НИКОЛАЙ
1931–2011

Николай Петрович Фёдоров (21.08.1931, Калининская обл. – 19.03.2011, Петрозаводск) более 50 лет отдал карельской «Молодёжной газете». Публиковался в периодике и альманахах; в частности, журнал «Север» напечатал его документальную повесть «Опалённое детство моё». Автор пяти книг стихов и прозы. Заслуженный работник культуры, заслуженный журналист Республики Карелия.

ФИЛАТОВ АЛЕКСАНДР
1943–1988

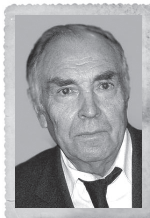
Александр Константинович Филатов (25.03.1943, с. Топлинка Шебекинского р-на Курской (ныне Белгородской) обл. – 25.10.1988, с. Никольское Белгородского р-на) в 16 лет в результате несчастного случая получил травму, из-за которой передвигался в инвалидной коляске. После окончания Белгородского пединститута работал учителем русского языка и литературы в Топлинской средней школе. В 1982 г. с семьёй переехал в Белгород. Литературным творчеством увлёкся ещё в седьмом классе. Стихи, очерки, рассказы публиковались в областных и районных газетах, в сборниках «Тропа» (Воронеж, 1972), «Приметы» (Воронеж, 1975), «Память сердца» (Воронеж, 1985), «Третье поле» (Белгород, 1988). Автор поэтических книг «Цветы и осень» (1976), «Огни зовущие» (1980), «Окно» (Воронеж, 1985). В 1997 г. был издан сборник стихов и прозы «Я воскресну в травах спелых».

ФИЛАТОВ ВЛАДИМИР
1934–2011

Владимир Фёдорович Филатов родился в Рязани. Автор нескольких поэтических книг, в том числе «Причастие» (1991). Скончался в доме престарелых в д. Авдотьянка Шиловского р-на Рязанской обл.

ФИЛИППОВ АЛЕКСАНДР

1932–2011

Александр Павлович Филиппов (07.11.1932, с. Юмагузино Кугарчинского р-на Башкирской АССР – 15.10.2011, Уфа) родился в крестьянской семье. В 1955 г. окончил Башкирский пединститут им. К.А. Тимирязева в Уфе, работал школьным учителем в д. Ишлы Аургазинского р-на Башкортостана, затем корреспондентом Башкирского радио в Кумертау, Салавате. С 1961 г. – в Уфе: редактор молодёжных передач Комитета по телевидению и радиовещанию при Совете Министров БАССР (1961–1968). В 1983–1991 гг. возглавлял Литературный фонд Союза писателей БАССР, был членом Совета по связям с иностранными писателями и правления Литфонда Союза писателей СССР, с 1991 г. – главный редактор газеты «Истоки». Много путешествовал, побывал в Анголе, Конго, Вьетнаме, на Кубе, в Венгрии, ГДР и других странах. Печататься начал в 1950 г. Автор более 30 книг (поэзия, проза, переводы): «Зарницы» (1961), «Журавлиный полёт» (1965), «Горсть земли» (1968), «Пора тополиных вьюг» (1972), «Слог» (1984), «Белая верба» (1992) и др., сборника очерков «Туюсок народных сокровищ», сценариев для документального кино (в 1965 г. фильм «Башкирский мёд» по его сценарию был удостоен премии на Всемирном конкурсе в Бухаресте). Народный поэт Республики Башкортостан. Похоронен в Уфе на Южном кладбище.

ФИЛИППОВ РОСТИСЛАВ

1937–2006

Ростислав Владимирович Филиппов (14.12.1937, д. Семёновка (ныне г. Арсеньев) Приморского края – 18.06.2006, Иркутск) родился в семье военного инженера. Из-за частых переездов несколько раз пришлось менять школу. Десятый класс окончил в Омске. Поступил на факультет журналистики МГУ. После его окончания в 1960 г. приехал в Читу, где в течение семи лет проработал в газете «Забайкальский рабочий», затем был заведующим Читинским филиалом Восточно-Сибирского книжного издательства. С 1977 г. – главный редактор Восточно-Сибирского книжного издательства в Иркутске, в 1984–1986 гг. – главный редактор журнала «Сибирь», в 1984–1993 гг. – ответственный секретарь Иркутского отделения Союза писателей СССР. В 1993 г. стал инициатором создания газеты «Иркутская культура» и заместителем главного редактора. С 1999 по 2005 г. возглавлял областную организацию журналистов. Стихи впервые опубликовал в 1957 г. в сборниках Московского университета «Радуга» и «Открытая земля», первая поэтическая книга – «Завязь» – вышла в 1964 г. в Иркутске, затем ещё восемь. Заслуженный работник культуры РФ.

ФИЛИППОВА ИРИНА
1935–2009

Ирина Ивановна Филиппова родилась в Перми. В 1939 г. вместе с семьёй переехала в г. Тулун Иркутской обл., а в 1949 г. – в Улан-Удэ. Отец работал слесарем-инструментальщиком. Мама занималась домом и детьми: их было восемь, Ирина – младшая. В 9-м классе тяжёлая болезнь навсегда приковала к постели будущую поэтессу, и дома завершить учёбу ей помогли учителя и ученики близлежащей школы. Заочно окончила Московский народный университет им. Н.К. Крупской. Работала на радио, в газетах «Локомотив» и «Молодёжь Бурятии». Открытость, острый ум и горячее сердце собирали вокруг неё множество друзей и поклонников. Для молодых талантов литературно-музыкального объединения «Олимп» она стала внимательным и деликатным редактором. Стихи впервые написала в больнице в 20-летнем возрасте. Произведения печатались в коллективных сборниках «Отчий край», звучали на радио. Автор шести поэтических книг для взрослых и детей: «Пока летит звезда» (1987), «Корни» (1993), «Душа любить не разучилась» (2000), «Мой чарующий край» (2001) и др., а также трёх публицистических книг, посвящённых героям Бурятии (в том числе документальной повести «Прикоснись сердцем к подвигу» о пограничнике Н. Петрове, 1985). Заслуженный работник культуры Республики Бурятия. Автобиографичный сборник стихов «Рябиновый огонь» был задуман при жизни поэтессы, но вышел в свет уже после того, как её не стало. Умерла в январе 2009 г. В декабре 2009 г. в Улан-Удэ на доме 32 по проспекту 50-летия Октября, где И. Филиппова жила с 1985 г., установлена мемориальная доска.

ФИЛЬШТЕЙН МИХАИЛ
1930

Михаил Яковлевич Фильштейн родился 03.12.1930 в Кишинёве, Бессарабия (ныне Молдавия), окончил Кишинёвский пединститут им. Крянге (1953). Работал в редакции газеты «Молодёжь Молдавии, на радио, в издательстве «Книга», вместе с Е.И. Осетровым редактировал «Альманах библиофила». Переводил на русский язык современную молдавскую поэзию. Автор 14 книг стихов и переводов: «Вступление» (1965), «Фреска» (1968), «Преодоление» (1972), «Возраст» (1975), «Равновесие» (1979), «Жребий» (2005) и др., член Союза писателей СССР (1971) и Союза писателей Москвы, литературный редактор журнала «Природа». Живёт в Москве.

ФИЛЮШКИНА СВЕТЛАНА

1936

Светлана Николаевна Филюшкина родилась 19.10.1936 в Воронеже. Окончила филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского университета (1959). Литературовед, литературный критик, публицист, доктор филологических наук (1992). Работала литературным сотрудником газеты «Молодой Коммунар» (1959–1962, псевдоним – С. Николаева), преподавателем кафедры русской и зарубежной литературы ВГУ (1962–1966). С 1969 г. – преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор (1992), заведующая (с 1990 г.) кафедрой зарубежной литературы ВГУ. Стихи публикует с 1950 г., они выходили в местной периодике и коллективных сборниках, в альманахе «Литературный Воронеж», в журналах «Подъём», «Детская литература», «Русская словесность», в «Литературной газете».

ФИРСОВ ВЛАДИМИР

1937–2011

Владимир Иванович Фирсов (26.04.1937, д. Заболотье (ныне Рославльского р-на Смоленской обл.) – 17.11.2011, Москва) родился в крестьянской семье. Во время войны жил в Иркутске. Вернулся в родную деревню, а затем переехал в Люблино (Подмосковье), где окончил среднюю школу. Был постоянным участником лито при газете «Московский комсомолец». Публиковать начал со школьных лет (с благословения А.Т. Твардовского). В 1955 г. его стихи напечатали в «Комсомольской правде», потом они стали регулярно появляться в «Новом мире» и «Огоньке». Первую книгу выпустил в 1959 г., будучи студентом Литературного института им. А.М. Горького. После его окончания в 1960 г. стал редактором отдела поэзии в издательстве «Молодая гвардия», в 1961 г. – членом Союза писателей СССР. В 80-е гг. был редактором советско-болгарского литературного альманаха (позже – журнал «Дружба»), в 90-е – главным редактором журнала «Россияне». Автор более 30 поэтических книг: «Солнечные колодцы» (1969), «Чувство Родины» (1971), «Глазами столетий» (1982), «Два солнца» (1983), «Отечество» (1988) и др. Переводил стихи с болгарского, молдавского, украинского, чувашского и др. языков. Песни на его слова звучали во многих фильмах. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

ФОКИН ВЛАДИМИР
1944–1991

Владимир Павлович Фокин (10.04.1944, с. Знаменка (ныне пгт) Тамбовской обл. – 18.05.1991) после школы поехал по комсомольской путёвке на стройку в Сибирь, затем поступил в Львовское военно-политическое училище Советской Армии, которое успешно окончил в 1965 г., получив специальность военного журналиста. По распределению отправился служить в Закавказский военный округ. Был корреспондентом газет «Красная звезда» в г. Тбилиси, «Ленинское знамя». Вернувшись в родную Знаменку, работал в районной газете «Сельская новь» руководителем отдела писем. Стихи сочинял с детства. Печатался в газетах «Знаменская коммуна», «Комсомольское знамя», «Тамбовская жизнь», в сборниках «Рукопожатие» (1987), «Слово о бойце: стихи невоювавших – о войне» (1990), «Незабываемое» (2000). В апреле 2018 г. вышел сборник стихов В. Фокина «Взлётная полоса», написанных в 60-х гг., когда он был курсантом авиационного военного училища.

ФОКИНА ОЛЬГА
1937

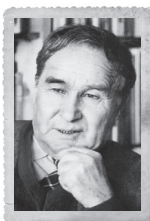
Ольга Александровна Фокина родилась 02.09.1937 в д. Артемьевская Корниловского сельсовета Верхнетоемского р-на Северной обл. (ныне в Двинском сельском поселении Архангельской обл.) в многодетной семье потомственных крестьян. В начале войны отец ушёл на фронт, осенью 1943 г. был демобилизован по болезни (туберкулёз), вернулся домой и в том же году скончался. О. Фокина после семилетки с отличием окончила 1-е Архангельское медучилище. В 1957 г. поступила в Литературный институт им. А.М. Горького, окончила семинар Н.Н. Сидоренко. В 1963 г. переехала в Вологду и стала литсотрудником газеты «Вологодский комсомолец». Автор поэтических сборников «Сыр-бор» (1963), «Реченька» (1965), «Алёнушка» (1967), «Самый светлый дом» (1971), «Маков день» (1974), «Буду стеблем» (1979), «Памятка» (1983), «Матица» (1987), «Разнобережье» (1999), «С ладони на ладонь» (2000) и др. Лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького, Большой литературной премии России и др.

ФОНЯКОВ ИЛЬЯ
1935–2011

Илья Олегович Фояков (17.10.1935, Бодайбо ныне Иркутской обл. – 23.12.2011, Санкт-Петербург) родился в Восточно-Сибирском крае, где в то время работал его отец, Олег Антонинович, главный инженер геологоразведочного управления треста «Лензолото», 31.12.1936 арестованный и 02.02.1938 расстрелянный в Читинском лагере (реабилитирован 12.11.1997). Мать, Наталья Николаевна, филолог, после ареста мужа вернулась с сыном в Ленинград. Эвакуировавшись, с 1942 по 1945 г. они жили в селе (ныне город) Макушино Курганской обл., затем возвратились в Ленинград, где в 1952 г. И. Фояков окончил СШ № 222 и в 1957 г. – отделение журналистики филологического факультета Ленинградского университета. Работал литературным сотрудником газет «Советская Сибирь» (Новосибирск, 1957–1962) и собственным корреспондентом «Литературной газеты»: в 1962–1974 гг. – по Сибири, в 1974–1997 гг. – по Ленинграду. Как поэт дебютировал в 1950 г. со стихотворением «За мир» в газете «Большевистское слово» (г. Пушкин), в 1957 г. выпустил первый сборник – «Именем любви», а затем ещё более 40 книг: стихи, эссеистика, критика, поэтические переводы с языков народов России, ближнего и дальнего зарубежья. Похоронен в Санкт-Петербурге на Комаровском кладбище.

ФОТЬЕВ НИКОЛАЙ
1927–2010

Николай Иванович Фотьев (21.12.1927, д. Малиновка Старобардинского (ныне Красногорского) р-на Алтайского края – 02.04.2010, Благовещенск Амурской обл.) первые годы жизни провёл на таёжной заимке деда, который вскоре был раскулачен, и семья переехала сначала в колхоз «Горный пахарь», а когда Николай учился во втором классе – на прииск Ушпа. Отец, Иван Фёдорович, в начале войны был призван в кавалерию, пал смертью храбрых осенью 1944 г. в Латвии. В том же году по окончании семилетки Н. Фотьев поступил в Томский индустриальный техникум, а через год из-за постоянного недоедания вернулся домой в состоянии дистрофии. В 1948 г. с отличием окончил Бийский сельхозтехникум, а потом и Благовещенский сельхозинститут. С 1955 г. работал главным зоотехником. Тяга к творчеству привела его в журналистику. В 1961 г. учился на курсах журналистики при МГУ. Первые произведения пришли к читателю в 1950-х гг. Автор более 20 книг стихов, басен, рассказов и повестей, напечатанных в Благовещенске, Хабаровске и Москве. Один из основателей Амурской писательской организации (1977).

ХАЙДАР
1945

Хайдар Сулейманович Бедретдинов (литературный псевдоним – Хайдар) родился и живёт в Москве. По профессии военный инженер, связист, в 1981–1982 гг. служил в Афганистане. Награждён медалью «За боевые заслуги». Полковник, ветеран органов государственной безопасности. Стихи пишет с юности. Автор более десятка поэтических сборников, лауреат ряда литературных премий.

ХАЛЗАНОВ БАРАС
1938–1993

Барас Цыретарович Халзанов (01.09.1938, с. Жаргаланта Селенгинского аймака Бурят-Монгольской АССР – 25.11.1993) учился в Бурятском пединституте им. Д. Банзарова на факультете бурятского языка и литературы. После второго курса уехал в Москву поступать во Всесоюзный институт кинематографии, но был призван в армию и четыре года служил на Тихоокеанском флоте. Демобилизовавшись, окончил режиссёрский факультет ВГИКа (1967). Дипломная работа – короткометражный художественный фильм «Белая лошадь», отмеченный медалью на Международном кинофестивале в Ташкенте в 1968 г., затем Б. Халзанов по своему сценарию снял ленту «Последний угон». По распределению уехал работать на Свердловскую киностудию, где выпустил 11 фильмов: «Кочующий фронт», «Открытие», «Горький можжевельник», «В ночь лунного затмения», «Нет чужой земли», «Последний угон» и др. Умер на Чукотке после натуральных съёмок фильма «Сон в начале тумана», в котором исполнил одну из главных ролей, и озвучивать её пришлось другому актёру. Стихи начал писать в школьные годы, печатался в газетах «Красная Селенга», «Буряад-Монголой үнэн». Автор поэтических сборников, изданных в Улан-Удэ, Свердловске, Москве: «Далай дээрэ» («Дорога к морю», 1968), «Голоса травы» (1974), «Амар мэндэ, далай!» («Здравствуй, море!», 1976), «Тоёон хадын һүүдэртэ...» («У подножия горы Тоёон», 1985), «Трава и ветер» (1985), «Младшему брату» (1987), «Хээрын шулуун» («Камень в степи», 1991). Многие произведения переведены на русский язык.

ХАЛОВ ПАВЕЛ
1932–1999

Павел Васильевич Халов (03.09.1932, Ленинград – 19.10.1999, Хабаровск) родился в семье военного инженера, фронтовика, погибшего под Оршей. В годы войны Халовы переехали в Уссурийск, затем в Хабаровск. У будущего писателя было трудное детство с побегами из дома на фронт, с беспризорщиной. А завершилось всё это детской трудовой воспитательной колонией в Амурской области, где он и окончил семилетку. В 1947 г. приехал в Хабаровск и поступил на художественно-графическое отделение педучилища, но не окончил его: снова потянуло к странствиям, к романтике преодоления испытаний. Пытался поступить в военно-морское училище, но не прошёл по зрению. Вернувшись в Хабаровск, окончил среднюю школу и военное училище. С 1953 по 1957 г. работал в уголовном розыске. Стихи пробовал писать ещё в колонии, а в 1957 г. выпустил первую поэтическую книгу – «Юность», потом ещё четыре: «Если я промолчу», «Три огонька», «На краю Азии», «Бессмертник». Известен и как прозаик, автор повестей «Всем, кто меня слышит», «Пеленг-307», романов «Последний циклон», «Иду над океаном».

ХАЛУПОВИЧ ВАДИМ
1932

Вадим Абрамович Халупович родился 12.04.1932 в Ленинграде. В 1937 г. родители были репрессированы (позднее реабилитированы, отец – посмертно), Вадим с мамой как сын врага народа оказался в ссылке. Окончил ЛИИЖТ им. В.Н. Образцова (1954), теплоэнергетик. В 1954–1957 гг. работал дежурным инженером электростанции, с 1957 г. – в НИИ им. И.И. Ползунова: старший инженер, руководитель группы, старший научный сотрудник. Кандидат технических наук. Стихи впервые опубликованы в 1952 г. в газете «Советская Латвия», затем печатались в журналах, альманахах и сборниках «Молодой Ленинград», «22», «Роза ветров» (Израиль), «Родная речь» (Германия), «Время и место» (США), «Звезда», «Нева», «Новый мир», «Москва», «Юность», «Аврора», «Слово писателя» (Израиль), «Ариэль», «День поэзии» (1985), «Петербург юбилейный» (2003) и др. Автор поэтических книг «Двери в рассвет» (1959), «И нет мне отпуска» (1967), «Зимний полдень» (1974), «Урочный час» (1981), «Ответственность» (1986), «Теченье лет» (1990), «Из дальнего города» (1994) и др. С 1992 г. живёт в Хайфе (Израиль).

ХАНЖИН СЕРГЕЙ
1939

Сергей Анатольевич Ханжин – поэт, металлург, общественный деятель, почётный гражданин г. Кушва Свердловской обл. Великая Отечественная война застала Ханжиных на территории Украины, куда незадолго до июня 1941 г. они уехали к родственникам. После объявления всеобщей мобилизации отец сразу же явился в местный военкомат и ушёл на фронт, где был дважды ранен и контужен. Семья после долгих мытарств в попытке отправиться эшелонам на восток оказалась в оккупации. Трое братьев матери погибли в боях, брат отца пропал без вести. Дед Пётр умер в 1943 г., спасая от голода жену. За 24 года работы С. Ханжин на Кушвинском металлургическом заводе прошёл путь от ученика слесаря до начальника доменного цеха. Стихи печатались в газете «Уральский рабочий» и коллективных сборниках «Друза», «Ветка кедра», «Пятнадцать». Автор книг «Струна» (2006), «Откровение», «Броды», «Перелески», «Исповедь» (стихи и автобиографическая повесть «По дороге испытаний и счастья», 2013), «Дороги» (2015).

ХАРАБАРОВ ИВАН
1938–1969

Иван Митрофанович Харабаров (19.01.1938, д. Белый Ключ Черемховского р-на Иркутской обл. – 27.01.1969, Москва) родился в расположенной на берегу речки Камыжи таёжной деревушке, которую в годы Великой Отечественной не обошли стороной голод и разруха. Мужики ушли на фронт, а оставшиеся жители заготавливали дары природы: орехи, ягоды, черемшу. Иван был шестым ребёнком в семье, вскоре после его рождения мать умерла, и будущего поэта воспитывали старшая сестра и приёмная мать. Окончив начальную школу, И. Харабаров переехал к старшим братьям в г. Черемхово, а оттуда к сестре в Иркутск, где получил аттестат, занимался в лито, работал бетонщиком на строительстве Иркутской ГЭС. В 1960 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Стихи и прозу впервые опубликовал в газете «Черемховский рабочий». В 1958 г. в Иркутске выпустил первый сборник стихов – «Туесок», затем в столичных издательствах вышли «Синие камни» (1962), «Утро в Ярославле» (1963), «Зелёное дерево» (1966), «Черемша» (1967). Посмертно изданы поэтические книги «Белый Ключ» (1972) и «Где жил я и рос...» (1975). Композитор Родион Щедрин, создавая ораторию о русской

деревне, взял за основу стихотворение И. Харабарова «Деревни русские».

ХАРИН ИВАН
1942

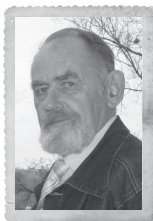
Иван Николаевич Харин родился 22.09.1942 г. в с. Борисовка Добровского р-на Липецкой обл. После окончания семилетки работал помощником забойщика на шахте, с 1965 г. – кузнецом-штамповщиком на Липецком тракторном заводе. Окончил вечернее отделение машиностроительного техникума. Стихи публиковались в областных и районных газетах, в журналах «Подъём», «Петровский мост», в коллективных поэтических сборниках «Слово о бойце», «Час России», «Шёл солдат», в антологии «Час России» издательства «Современник». В 1980 г. в Воронеже вышел первый сборник – «Не оскудет жизнь земная» (1980), затем – книги «Причастность» (1984), «Проталина» (1990), «Сюжеты» (1995), «Возглас», «Стихотворения. 1980–2005» (2005).

ХАРИС РЕНАТ
1941

Ренат Магсумович Харисов (псевдоним – Ренат Харис) родился 06.05.1941 в с. Елховое Озеро Цильнинского р-на Ульяновской обл. в семье учителей. С отличием окончил историко-филологический факультет Казанского пединститута. Работал учителем русского языка и литературы, журналистом, заместителем министра культуры, заведующим идеологическим отделом обкома партии, главным редактором республиканских газет и журналов, заместителем председателя Госсовета Татарстана, депутатом парламента трёх созывов. Художник-график, литературный критик, переводчик, автор около 50 книг (поэзия, проза, драматургия, в том числе для детей) на татарском, русском, английском, белорусском, башкирском, чувашском языках, а также слов множества песен. Некоторые произведения Рената Хариса стали операми, балетами, ораториями, теле- и радиоспектаклями. Лауреат различных премий, в том числе и государственных, народный поэт Татарстана.

ХАРЛАМОВ ЕВГЕНИЙ
1941–2010

Евгений Павлович Харламов (04.08.1941, Чижевский р-н Белостокской обл. (ныне территория Польши) – 28.04.2010) родился в концлагере на оккупированной немцами территории. После освобождения из концлагеря четырёхлетнего Женю вместе с мамой перевели в исправительно-трудовой лагерь в Кемеровскую область. После войны в семье Харламовых появилось ещё трое детей, все девочки. Окончив школу с серебряной медалью, поступил на шахтостроительный факультет Кемеровского горного института. Был бетонщиком, мастером и начальником свайного полигона, занимал инженерные должности. В 1969 г. переехал в Волгоград, где работал в газетах «За технический прогресс», «Казачий круг», «Всё для Вас», «Крестьянская жизнь». Переводил с украинского и польского языков. Автор поэтических книг «О жизни говорить», «Под знаком России», «Чтобы жить», «Вчера я был...» и др.

ХАРЛАНОВ ЕВГЕНИЙ
1942–1993

Евгений Иванович Харланов (29.11.1942, с. Московское Новоусманского р-на Воронежской обл. – 04.04.1993, Тамбов) в 1960 г. окончил среднюю школу в с. Полетаево Токарёвского р-на Тамбовской обл., в 1965 г. – физико-математический факультет Тамбовского пединститута. Работал учителем средней школы в Кирсановском р-не Тамбовской обл., после окончания аспирантуры – преподавателем Тобольского пединститута (с 1968 г.), Тамбовского филиала Московского института культуры (с 1974 г.). Кандидат философских наук. Стихи впервые опубликовал в газете «Народный учитель» Тамбовского пединститута. Печатался в коллективных сборниках, в областных газетах. Автор поэтических сборников «Прикосновение к чуду» (1975), «Зелёная Вселенная» (1983), «У придорожного камня» (1993) и сказки для детей «Брусничный дождь» (в соавторстве с Е.Н. Писаревым).

ХАРЧИКОВ АЛЕКСАНДР
1936–2010

Александр Тихонович Харчиков (01.03.1936, д. Харчиково Орловской обл. – 26.10.2010, Тула) родился в семье членов колхоза «Путь Ленина». Отец, Тихон Трофимович, был молотобойцем в кузне; мать, Степанида Емельяновна, – ударницей на полевых работах. В 1954 г. А. Харчиков окончил Дросковскую среднюю школу, а потом Новомосковский химико-механический техникум. В марте 1958 г. приехал в Тулу, на КМЗ. Был бригадиром электриков доменного цеха, избирался освобождённым секретарём комитета комсомола завода. Работал в газетах «Молодой коммунар», «Коммунар», «Тула вечерняя», «Тульские известия». Как поэт печатался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Подъём». Первую книгу – повесть о металлургах «Лицом к огню» – выпустил в 1965 г. Член Союза писателей СССР с 1971 г. (после публикации в журнале «Октябрь» романа «Среди людей»). Автор 10 книг прозы и двух поэтических сборников: «Под стон людской» (1998) и «Тень крыла» (2004).

ХАТИЛИН ИОСИФ
1936–2017

Иосиф Львович Хатилин (03.11.1936, Смоленск – 26.06.2017, Смоленск) во время войны жил с матерью вначале в Алтайском крае, затем в г. Серов Свердловской обл. Впечатления детских лет остались в памяти навсегда: «В Шумячах (райцентр Смоленщины) погибла вся, от мала до велика, родня отца, среди защитников Брестской крепости был мой дядя, Лев Семёнович Певзнер, по пути в эвакуацию умер в теплушке мой брат-младенец, да и сам я чудом остался жив...» В 1960 г. окончил Смоленский мединститут. Работал врачом на Новгородчине (с. Ильмень), затем – в Смоленске, почти 40 лет проработал психиатром в областной клинической больнице. Автор 10 поэтических сборников, изданных в Смоленске: «Вербный ветер» (1991); «Хрусталь и жимолость в снегу» (1993); «Там совсем недалеко» (1994); «Октаэдр» (1995); «Этой жизни скорый поезд»; «Светец» (1997); «Эс брент» (1999) и др.

ХЕМПЕТТИ ПАВЕЛ
1941–2000

Павел Иванович Хемпетти (Пааво Юхан Хембетти) родился на советской территории в семье финнов, подданных СССР и проживавших недалеко от российско-финской границы. Во время Великой Отечественной мать погибла, отец затерялся на полях сражений, самого Павла бабушка увезла влубь Фин-

ландии, но после войны вышел указ – всех детей, выехавших или вывезенных с территории Советского Союза, вернуть. Павла привезли в СССР, и до 17 лет он жил под Уралом, в Сестрорецком детском доме. В 1960 г. уехал в Сибирь на строительство Братской ГЭС и работал там на расчистке дна будущего моря. Потом жил в Иркутске, был сотрудником газет «Ангарские огни» и «Восточно-Сибирский путь». В Финляндии, как и во всех странах, где прокатилась война, искали потерявшихся детей. Поиск вели журналисты Ханн Холвас и Ерма Поута, плюс независимо – Тимо Лаксо. Павла к тому времени искал и его старший брат Виктор, курировал поиски журнал «Сеура». В 1990-е годы список потерявшихся детей дошёл до Иркутска. Павла Хемпетти там не было, но был похожий по созвучию Паоло Хембетти. Павла пригласили, побеседовали с ним, и всё сошлось – искали именно его. В 1990-е гг. из СССР массово уезжали немцы, греки, евреи, прибалты... Звали и Хемпетти. Съездил, посмотрел, был на приёме у премьер-министра. Вернувшись, сказал друзьям: «Пусть будет у меня две родины, как распорядилась судьба, – обе мне дороги. Там жили мои предки, тут живут сыновья», – и никуда не поехал.

ХОВИВ ЕФИМ
1928–2003

Ефим Григорьевич Ховив (15.09.1928, Витебск Белорусской ССР – 25.12.2003, Челябинск) детство провёл в г. Орша Витебской обл. Война застала его в детском санатории «Барвиха» под Москвой. Детей эвакуировали в Чебаркуль Челябинской обл. Там его отыскала мать. Позже они узнали, что сестру замучили фашисты в Минске, отец вместе с остальными родственниками погиб в оршанском гетто, брат сгорел в танке под Лебедевью Липецкой обл. Зимой 1941–1942 гг. Е. Ховив пошёл работать на оборонном заводе монтером измерительных приборов, успевал и учиться. В это же время был внештатным сотрудником чебаркульской газеты «Южноуралец», в которой впервые напечатали его стихи. Из 7-го класса перешёл сразу в 9-й, а в 10-м учился уже в мужской школе № 50 г. Челябинска, куда в 1943 г. переехал вместе с матерью. Окончил школу в 15 лет и поступил на исторический факультет Челябинского пединститута, а в 1946 г. стал студентом исторического факультета Ленинградского университета. Окончив вуз (1951), вернулся в Челябинск, поступил на работу в редакцию газеты Челябинского тракторного завода «За трудовую доблесть» (ныне – «Всемир!»). Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Автор сборников стихов для взрослых и детей «Доверие» (1964), «Верный друг» (1960), «Весёлые горошинки» (1968), «Какого цвета лето» (1969), один из авторов «Летописи Челябинского тракторного», составитель

книги о Челябинске «Городской романс» (1996), книг-портретов «Михаил Львов. День воспоминаний» и «Людмила Татьяничева. Будьте добры», а также сценариев ряда фильмов о ЧТЗ. Его лента «Встретимся в Берлине» была удостоена первой премии на Всесоюзном молодёжном фестивале в Ереване (1980).

ХОДАРЕВ ВИТИСЛАВ
1939–2013

Витислав Васильевич Ходарев (19.09.1939, станица Зольская Кировского р-на Ставропольского края – 06.10.2013, Ставрополь) детство и юность провёл в станице Лысогорской Георгиевского р-на Ставропольского края. После окончания горно-промышленной школы служил в ракетных войсках, в разные годы трудился забойщиком и проходчиком в шахтах Донбасса, корреспондентом газеты «Ленинская правда» в Георгиевске, художником и секретарём комсомольской организации в колхозе «Советская Россия», помощником капитана противопожарного корабля на Каспии. Побывал на БАМе, написав произведения о жизни таёжников. Окончил юридический факультет Кубанского университета, долгие годы работал в органах МВД СССР. Подполковником в отставке возглавлял бюро пропаганды художественной литературы Ставропольской краевой писательской организации. Терский казак, был инициатором возрождения казачества на Ставрополье, первым председателем созданного для этого организационного комитета. Множество стихов и поэм («Высота Толстова», «Фронтная полоса», «Станица», «Казачий круг», «Казачья любовь», «Казачьи сны» и др.) посвятил казачеству. Автор около двух десятков книг стихов и прозы («Казачий круг», «Терские протоки», «Вера, Надежда, Любовь», «Горсть снега», «Отчизна», «Звезда в окне», «Отчина», «Грани огня», «Путь через века», «Приходите в гости к нам», «Слеза на ветру», «Доброе эхо», «Казачья любовь» и др.), четырёх сборников песен, духовного гимна казачества, как писатель-фольклорист создал единственную в своём роде книгу «Станичные суеверия», известен и как переводчик. Похоронен в Ставрополе на Новом кладбище (Аллея Героев). Имя поэта носит ставропольская библиотека-филиал № 6.

ХОДУНКОВ КОНСТАНТИН

1929

Константин Дмитриевич Ходунков родился 20.05.1929 в с. Орловка Каргатского р-на Новосибирской обл. Во время войны работал наравне со взрослыми – заготавливал в лесу дрова и возил их на быках в село. Попытался с друзьями убежать на фронт, но их быстро сняли с поезда и отправили обратно. Пережил и голод, и холод, приходилось буквально выживать. После семилетки пошёл учиться в ремесленное училище и школу ФЗО, потом трудился на заводе «Сибсельмаш». Отслужил в армии, женился. Окончил Новосибирское культпросветучилище (1957–1960), исторический факультет Новосибирского пединститута (1961–1965), Ростовскую высшую партийную школу при ЦК КПСС (1973). С 1966 г. живёт на Ставрополье. Был заведующим отделом пропаганды и агитации Ипатовского райкома КПСС, вторым секретарём Красногвардейского райкома партии, заместителем председателя краевого объединения «Сельхозтехника», редактором газеты «Родина». Автор более 20 книг стихов и прозы: «Жестокий век» (1994), «Низкие домики» (1997), «Очнитесь, люди» (1999), «Писатель и эпоха» (2001), «Здравствуй, новое тысячелетие» (2001), «На изломе» (2002), «Штрихи времени» (2003), «Земля величия и боли» (2010), «Цена вражды людской и войн» (2013), «Где она, деревенька родная» (2013) и др.

ХОЛОДОВА КЛАВДИЯ

1943–1976

Клавдия Фёдоровна Холодова (14.10.1943, с. Дьяконово Курской обл. – 08.02.1976) родилась в многодетной крестьянской семье. Окончила Курский строительно-монтажный техникум и была распределена в строительную организацию Астрахани. Работая на стройке, писала стихи, которые с 1964 г. начали печатать в астраханской молодёжной газете «Комсомолец Каспия». Стала сотрудником этой газеты, писала для неё статьи, очерки и репортажи, организовала при редакции литературную студию «Подснежник». Публиковалась в газетах и журналах, в коллективном сборнике «Отрада». Её голос звучал в передачах Всесоюзного и Астраханского радио, на волнах радиостанции «Юность», в эфире областного телевидения. Лауреат Премии Ленинского комсомола (1976, посмертно). Автор поэтических сборников «Я верю» (1965), «Голубой олень» (1967), «Лесная река» (1974; кроме лирики, туда вошли поэмы «Память» и «Ворожба», написанные по детским ощущениям военного времени). В 1975 г. подготовила для издательства «Современник» новую книгу стихов («Родниковая кровь»), собранную для вступления в Союз пи-

сателей. Но увидеть её не успела – умерла от осложнения после гриппа. В 1978 г. издан сборник «Буду солнечно жить». Похоронена в Астрахани на Старом кладбище.

ХОМУТОВ ГЕННАДИЙ

1939–2020

Геннадий Фёдорович Хомутов (10.05.1939, с. Кувай Ново-сергиевского р-на Оренбургской обл. – 15.07.2020, Оренбург) работал в совхозе, служил в армии, учился в Литературном институте им. А.М. Горького. С 1964 г. – руководитель лито им. В.И. Даля. Печатался в альманахах «Поэзия» (1982 г.), «День поэзии» (1962, 1970, 1971, 1981), «Подвиг», «Гостиный Двор», «Каменный пояс», «Москва», «Волга», «Урал», «Литературная учёба», «Сельская молодёжь», «Брега Тавриды», в антологиях «Русская поэзия. XX век», «Стихи о войне в двух томах», «Была страна, была война, была любовь», «Библиотека отечественной классики художественной литературы в 100 томах». Автор четырёх стихотворных сборников, лауреат нескольких литературных премий.

ХОРОШАВЦЕВ ГЕННАДИЙ

1942–1996

Геннадий Николаевич Хорошавцев (06.01.1942, Кировская обл. – 15.08.1996, Благовещенск Амурской обл.), потеряв отца-артиллерию на войне, десятилетним мальчишкой надел погоны суворовца, на долгие годы связав свою жизнь с армией. В 1960 г. стал курсантом Московского высшего общевойскового командного училища, по окончании которого служил в войсках, был командиром взвода в знаменитом полку им. Александра Матросова. Затем являлся слушателем Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Служил в военной прокуратуре Читы. После увольнения в запас в звании майора в начале 1980-х приехал в Благовещенск, работал в местных газетах. Стихи публиковались в журналах «Москва», «Юность», «Смена», «Дальний Восток», в альманахе «Приамурье», сборнике «Литературное Приамурье» и др. Автор поэтических сборников «Тревога» (Иркутск, 1975), «Мы из доброй страны» (Таллин, 1983), «Влюблённый гарнизон» (Хабаровск, 1989).

ХОХЛОВ СЕРГЕЙ
1927–2013

Сергей Хохлов (настоящее имя – Семён Никанорович Хохлов; 05.06.1927, д. Мелихово Вяземского уезда Смоленской губернии (ныне Вяземского р-на Смоленской обл.) – 30.09.2013, Краснодар) родился в крестьянской семье. В 1937 г. Хохловы переехали на Кубань, в станицу Васюринскую, где Семён и окончил начальную школу, а в 1940 г. – в пос. Северский (ныне г. Полевской) Свердловской обл., там отец, Никанор Иванович, работал на строительстве металлургического комбината, в начале войны он умер от простуды. Некоторое время семья жила в Омской обл. Семён работал в спецэкспедиции по обмеру железнодорожного полотна на Омской железной дороге, в 1943–1944 гг. ходил учеником штурвального на буксирном пароходе «Крестьянка» по Иртышу, в 1944–1947 гг. был механизатором. С февраля 1947 г. жил в Краснодаре, участвовал в восстановлении разрушенного немцами города, с 1998 г. работал помощником начальника Краснодарского отделения Северо-Кавказской железной дороги. Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «Герой труда Кубани». Окончил Высшие литературные курсы. В 1989–1995 гг. ответственным секретарём Краснодарской организации СП России. Почётный гражданин г. Краснодара. Стихи начал публиковать в 1947 г., в 1957 г. в Краснодарском книжном издательстве выпустил первый сборник – «Весенняя зорька». Автор более 20 поэтических книг, 60 песен, написанных в соавторстве с Г. Плотниченко, Г. Пономаренко, В. Захарченко и многими другими композиторами Кубани и России, гимна Кубани («Кубанские синие ночи»), официального гимна Краснодара («Славься, славься, город величавый»).

ХРАМОВ ЕВГЕНИЙ
1932–2001

Евгений Львович Храмов (настоящая фамилия – Абельман; 21.03.1932, Москва – 04.11.2001, Москва) родился в семье химиков Льва Самуиловича Абельмана и Антонины Петровны Мастеровой. В 1957 г. окончил юридический факультет МГУ. Работал криминалистом, около года провёл в геологической экспедиции. Потом был сотрудником редакций различных журналов, литературной редакции Всесоюзного радио, последнее место работы – заведующий отделом поэзии журнала «Новый мир». Вёл цикл телепередач о русском дворянстве. Переводил стихи и прозу с языков народов СССР, а также с английского, немецкого, французского, польского. Первая книга стихов –

«Перспективы и просёлки» (1963), за ней последовали сборники «Ощущение цвета» (1963), «Любимые люди» (1968), «Осеннее равноденствие» (1973), «Городская жизнь» (1983), «Стихотворения. 1956–1986» (1987) и др. Похоронен в Москве на Введенском кладбище.

ХРИЛЁВ ВАДИМ
1934–1998

Вадим Сазонтович Хрилёв (6.12.1934, д. Горки Мелеховского р-на Витебской обл. Белорусской ССР – 1998, Санкт-Петербург) родился в семье сельского учителя, которая в военные годы переехала в г. Невель Псковской обл., где Вадим окончил среднюю школу. После службы в армии уехал в Ленинград. Заочно учился на факультете журналистики ЛГУ (окончил в 1963 г.). Работал заведующим сельским клубом, литературным сотрудником районной газеты, председателем районного комитета физкультуры и спорта, разнорабочим, тренером, сотрудником газеты Строительного института, многотиражной газеты «За строительные кадры» (писал очерки о тружениках ленинградских предприятий). Всё это время писал стихи – в школе, в армии, в университете, на работе. Печатался в журналах «Нева» (первая публикация состоялась в 1961 г.) и «Звезда», в различных антологиях, в том числе «День поэзии». Писал сказки для детей. Автор поэтических книг «Дикая мята» (1969), «Лебединое кочевье» (1974), «Рябиновые холода» (1979), «Ракитовый вечер» (1986), «Журавлиная почта» (1993), «Метельная одиссея» (сборник поэм, 1995). Посмертно вышли «Рябиновая Русь» (2002) и «Это было на Невельщине» (2005). Трагически погиб. Жил в г. Пушкине (ныне в составе Санкт-Петербурга). В 2002 г. в Невеле организован Литературный фонд Вадима Хрилёва.

ХРОМОВ АЛЕКСАНДР
1936–2004

Александр Михайлович Хромов (17.11.1936, Москва – 2004, Иваново) – сын столяра-краснодеревщика, работавшего на авиазаводе. После гибели отца (1941) семья жила в деревне. Школу А. Хромов окончил в с. Ворша Владимирской обл. Работал штукатуром, был учеником автослесаря. Отслужив в армии, жил в Иваново, работал на механическом заводе. Окончил вечернее отделение ИХТИ (1966). Был лаборантом научно-исследовательской лаборатории, старшим научным сотрудником серпуховского НИИ, инженером Ивановского керамзитового завода, искусствоведом... Выпускник Высших литературных курсов в Москве (1979). Автор семи книг: «Белье

ведра» (1972), «Ополье» (1974), «Тепло земли» (1978), «Бегущий день» (1979) и др. В Музее детской книги 26.04.2007 состоялась презентация его романа «Савва Морозов, или социальный парадокс». Тема меценатства и места неординарной личности в социуме всегда интересовала А. Хромова, он всю свою жизнь работал над этим произведением. Благодаря стараниям родственников писателя (прежде всего дочери – Татьяны) эта книга увидела свет.

ХУДАЙЗАРОВ БЕРДЫНАЗАР
1927–2001

Бердыназар Худайназаров (15.04.1927, с. Гызылсакгал Ашхабадского р-на Туркменской ССР – 16.11.2001, Ашхабад, Туркменистан) рано лишился отца. Во время войны был опорой для семьи, а после Победы работал в газетах и журналах. Литературным творчеством занимался с 1948 г., в 1959 г. окончил высшие курсы Литературного института в Москве. С 1991 г. – председатель Союза писателей Туркменистана. Автор поэтических книг «Туркменский ковёр», «Приглашение в Каракумы», «Материнское молоко» и др., повестей и романов «Каракумское небо», «Глаза следопыта», «Горячая степь», «Кумлы», «Люди песков», «Сыновья чёрных песков», «Сормово-27» и др. Народный писатель Туркмении (1984), удостоен ряда государственных наград.

ЦАКУНОВ ОЛЕГ
1936–2000

Олег Александрович Цакун (09.07.1936, Ленинград – 25.03.2000, Санкт-Петербург) родился в семье служащих. Отец окончил лётное училище, был репрессирован, потом освобождён ввиду отсутствия состава преступления, воевал на Ленинградском фронте; мать – машинистка. О. Цакун вырос в родном городе, пережил блокаду. В 1959 г. окончил Ленинградский горный институт, в 1978–1979 гг. – редакторские курсы при Московском политехническом институте. Работал в составе многих геологических экспедиций. Главный редактор журнала «Костёр». Выпустил пять поэтических книг, опубликованных в Ленинграде: «Голос гранита» (1973), «Зов» (1977), «Ночная радуга» (1980), «Кольцо» (1983), «Дорога жизни» (1986). В 2013 г. в Санкт-Петербурге вышел ещё один сборник – «Поэзию любят красивые люди...» Редактор издательства «Советский писатель», альманаха «День поэзии». Заслуженный работник культуры РФ. Погиб под колёсами автомобиля. Похоронен в Санкт-Петербурге на Кинovieвском кладбище.

ЦАРЁВ ДМИТРИЙ
1928–2018

Дмитрий Иванович Царёв (03.11.1928, д. Ерзовка Ульяновской обл. – 04.05.2018) после окончания геологоразведочного факультета Томского политехнического института (1962), исколесил почти всю страну: побывал в Якутии, Казахстане, Кузнецком Алатау, Западной Сибири, на Урале, в Бурятии. Работал в Рудном Алтае, на Енисейском кряже, в Забайкалье. Был ведущим научным сотрудником Бурятского геологического института Сибирского отделения РАН и по совместительству – профессором, заведующим кафедрой геологии БГУ. Доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки России. Автор поэтических сборников «Костры» (1997), «С синих гор увидел» (2001), «Вечер золота кинул на ветви...» (2014). В 2014 г. издана книга прозы «Бродя».

ЦАРЕГОРОДЦЕВ ВИТАЛИЙ
1935–2009

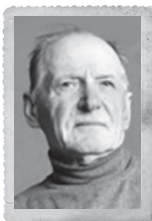
Виталий Дмитриевич Царегородцев (27.12.1935, д. Малый Яснур Пижанского р-на Кировского края (ныне Кировской обл.) – 10.05.2009, г. Назарово Красноярского края) родился в крестьянской семье, в 1948 г. переехавшей в Назарово. Отслужил в армии, вернулся домой и с 1958 г. работал слесарем, помощником машиниста экскаватора на разрезе «Назаров-

ский». В декабре 1987 г. стал одним из инициаторов и организаторов литературного объединения «Эхо Арги». Первое стихотворение опубликовал в газете «Красноярский комсомолец» в 13 лет, а первую подборку – в 23 года в «Советской России». Печатался в центральных и краевых изданиях, в альманахе «Новый Енисейский литератор», в журналах «Енисей», «День и ночь». Автор семи поэтических сборников: «Авель и Каин», «На Чулым-реке», «Козырная карта», «Мои долги», «Краснотал», «Быть добру», «Ожог на сердце». В 2010 г. в Назарово в честь В.Д. Царегородцева установлена мемориальная доска.

ЦВИРКА КАСТУСЬ

1934

Константин Алексеевич Цвирка (Кастусь Цвирка) родился 28.03.1934 в д. Зелёная Дуброва Стародорожского р-на Минской обл. Белорусской ССР. После окончания отделения белорусского языка и литературы филологического факультета БГУ (1958) работал учителем в д. Труханавичи Копыльского р-на Минской обл., литработником районной газеты «Руденская правда», редактором на Белорусском радио. В 1972 г. окончил аспирантуру при Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР и стал научным сотрудником данного института. С 1981 г. – старший редактор издательства «Юнацтва», с 1984 г. – редактор отдела поэзии журнала «Полымя». Писатель, переводчик, этнограф, кандидат исторических наук. Печатается с 1951 г. Автор поэтических сборников «Такие сердца у нас» (1959), «Бегут ручьи» (1962), «Чернозём» (1967), «Дары леса» (1970), «Закон воды» (1978) и др., а также книг стихов и сказок для детей «Как Алесь потерялся в лесу» (1986), «Хорошие соседи» (1988) и др.

ЦЕЛИЩЕВ АЛЕКСАНДР

1941

Александр Александрович Целищев родился 26.06.1941 в деревне неподалёку от г. Галича Костромской обл., когда отец его уже был на фронте, а весной 1942 г. семья получила известие о героической смерти старшего сержанта А.А. Целищева. Младший А. Целищев окончил среднюю школу, затем Костромской сельскохозяйственный институт и заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Работал старшим зоотехником, потом сотрудником в редакции районной газеты «Ветлужский край» в Шарье Костромской обл., редактором в центральных издательствах. Первую книгу стихов – «Тихие омуты» – выпустил в 1969 г. Автор публикаций в периодике,

поэтических сборников «Присягаю огню» (1974), «Со стороны любви моей» (1983) и др. Живёт в Москве.

ЦИРЛИНСОН АЛЕКСАНДР

1935

Александр Матвеевич Цирилинсон родился 22.12.1935 в Запорожье УССР. В начале войны с мамой и маленькой сестрёнкой был эвакуирован в г. Сталинск (ныне Новокузнецк) Кемеровской обл., где и провёл детство и юность. Отслужил в армии, работал электриком, проектировщиком, конструктором в проектном институте, аппаратчиком химического производства на ОХМК, тренером, директором спорткомплекса АО «НЗХС». С 1960 г. живёт в г. Новотроицке Оренбургской обл. В 1966–1985 гг. возглавлял местное литературное объединение. Стихи начал писать в 1965 г., и их сразу стали печатать в городских и областных газетах, в 1973 г. состоялась первая публикация в Москве. Публиковался в альманахах «Гостиный двор» и «Вечерние огни», в коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Осенняя нежность» (опубликована под псевдонимом Александр Матвеев), «Часы благополучья» (1993), «Вечная смута» (1995), «Високосный год» (2000), переводов, а также около 50 песен на музыку новотроицкого композитора В.П. Афанасьева.

ЦИРУЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР

1937

Александр Маркович Цирульников родился 03.09.1937 в Николаеве УССР. В 1941 г. вместе с семьёй был эвакуирован в г. Горький (ныне Нижний Новгород). Окончив школу, а потом историко-филологический факультет Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского (1962), работал на местном телевидении и радио. С 1987 г. был собственным корреспондентом Гостелерадио СССР, РГТРК «Останкино» и Общественного российского телевидения в Горьковской обл., а также собственным корреспондентом радиостанции «Маяк» в Волго-Вятском р-не. С 1998 г. – старший редактор и ведущий программ ГТРК «Нижний Новгород». Автор 20 книг стихов и документально-художественной прозы. Почётный гражданин Нижегородской области, заслуженный работник культуры РСФСР (1984).

ЦЫБИН ВЛАДИМИР

1932–2001

Владимир Дмитриевич Цыбин (11.03.1932, ст. Самсоновская Каменского р-на Фрунзенской обл. (ныне с. Бурулдай, Киргизия) – 25.07.2001, Москва) работал поливальщиком, за-

бойщиком, в геологических партиях. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1953–1958), где спустя годы был преподавателем. Входил в редколлегию журналов «Молодая гвардия» (1961–1966) и «Знамя» (1973–1979). Печатался с 1952 г. Автор книг прозы, сборников стихов «Родительница степь» (1959), «Медовуха» (1960), «Пульс» (1963), «Ау!» (1967), «Глагол» (1970), «Избы» (1971), «Ясь» (1982), «Колокола души» (1985), «Личное время» (1988) и др. Переводил стихи поэтов народов СССР, а также Гёте, Рильке, Рудаки. Одним из первых обратился к изучению литературы русского зарубежья. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

Все его братья ушли на фронт добровольцами. Вернулись из пятерых только двое.

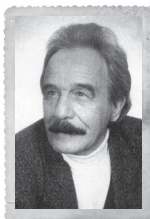

ЧАКЛАЙС МАРИС
1940–2003

Марис Албертович Чаклайс (16.06.1940, г. Салдус, Латвия – 13.02.2003, Рига, Латвия) окончил историко-филологический факультет Латвийского университета. Более 20 лет проработал в рижских газетах и в издательстве «Лиесма». Первый сборник стихов на латышском языке – «Понедельник» (1965), затем были изданы «Пешеход и вечность» (1967), «Голос листка» (1969), «День травы» (1972), «Час пик» (1974), «Человек, вспаханная земля» (1976), «Огонь в ручье» (1978), «На моей лестнице» (1979), «Озеро часов» (1979), «Курземская тетрадь» (1982), «На расстоянии человеческого зова» (1984) и др., многие из них выходили в переводе на русский язык. Автор нескольких книг эссе и стихотворных книг для детей, а также книг на польском, английском, украинском, армянском, узбекском языках. Переводил на латышский язык стихи М. Цветаевой, В. Хлебникова, И. Анненского, Р.М. Рильке, Б. Брехта, П. Целана, М. Радноти, Н. Хикмета, Г. Эмина, П. Севака и других поэтов. Заслуженный деятель культуры Латвийской ССР.

ЧАШЕЧНИКОВ ЛЕОНИД
1933–1999

Леонид Николаевич Чашечников (08.03.1933, д. Воскресенка Седельниковского р-на Омской обл. – 17.12.1999, с. Семёново Сергиево-Посадского р-на Московской обл.) после окончания художественно-оформительского отделения культпросветучилища в г. Тара Омской обл. работал в сельских клубах Тарского, Колосовского и Седельниковского р-нов, в Тарской районной газете «Ленинский путь» (где впервые были опубликованы его стихи), в Омске – слесарем на заводе им. Баранова, в многотиражной газете «Сельский строитель», на освоении целинных земель, на стройках, на оборонном заводе. Без малого два десятилетия отдал журналистике. Некоторое время жил и работал в Астрахани. Уже на пятом десятке окончил в Москве Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Последние годы жизни провёл в подмосковной деревне. Печатался в журналах «Волга», «Москва», «Наш современник» и многих других центральных изданиях. Автор поэтических сборников «Я боюсь тишины», «Россия, женщина, берёза», «Я вновь про это», «Журавлиный зов», «Сроки», «На круги своя», «Время жатвы», «Краски осени», «Русская Голгофа» и др.

ЧЕБЫКИНА НАТАЛЬЯ
1941–1992

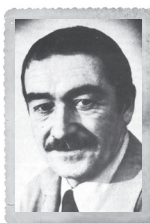
Наталья Владимировна Чебыкина родилась в Перми. Отец её пропал без вести на фронте. После окончания школы работала воспитателем детского сада, учителем, библиотекарем. Выпускница Литературного института им. А.М. Горького (1974). В 1960-е гг. стихи публиковала в пермских сборниках «Молодой человек», «Княженика», «Семицветье». Печаталась в журналах «Смена», «Урал», в газете «Литературная Россия». В 1973 г. в Перми выпустила первую поэтическую книгу стихов – «Время свадеб», в 1979-м – «Сибирский тракт».

ЧЕБЫШЕВА МАРГАРИТА
1932–2014

Маргарита Петровна Чебышева (06.10.1932, с. Лебяжье Горьковского края (ныне пгт Кировской обл. – 10.11.2014, Киров) окончила Кировский пединститут, работала учителем русского языка и литературы в школе, потом редактором на телевидении. В 1977 г. стала членом Союза писателей СССР. В 80-е гг. руководила литературным клубом «Молодость» при редакции областной газеты, областными литературными семинарами. Стихи впервые опубликовала в газете «Комсомольское племя» в 1964 г. Печаталась в газетах, журналах, коллективных сборниках Кирова, Перми, Ижевска, Горького, Москвы. Автор 12 поэтических книг, первая – «Северянка» (1967), последняя – «Дом на песке» (2012). Заслуженный работник культуры РФ.

ЧЕРКАСОВ НИКОЛАЙ
1938–1993

Николай Михайлович Черкасов (19.07.1938, с. Панфилово Калманского р-на Алтайского края – 23.07.1993, Барнаул) родился в большой крестьянской семье, в 1943 г. получившей похоронку на отца, погибшего под Ленинградом. Окончил Барнаульский строительный техникум. В 1957–1960 гг. отбывал срочную службу, после демобилизации работал в Барнауле прессовщиком, молотобойцем, слесарем на радиозаводе, на заводе «Геофизика», потом в краевом архиве. В 1977 г. окончил Высшие литературные курсы в Москве. Стихи впервые напечатал в армейской газете, первый сборник – «Отава» – опубликовал в 1966 г. в Алтайском книжном издательстве. Автор ряда поэтических книг, а также многих популярных песен, созданных в содружестве с барнаульскими композиторами М.Ф. Стариковым, А.Ф. Лобановым, Э.К. Юнкманом. С 2003 г. на родине поэта проходят литературные чтения его

имени, в 2004 г. учреждена краевая литературная премия им. Н.М. Черкасова.

ЧЕРКАШИН ВАЛЕРИЙ

1941–2015

Валерий Григорьевич Черкашин родился в Ставрополе. Мать, Раиса Яковлевна, в 22 года осталась вдовой: отец, старший лейтенант Черкашин Григорий Фёдорович, сторе́л в танке в боях на Днестре. Валерия как сына погибшего офицера зачислили в Ставропольское суворовское училище. Именно здесь он начал писать стихи. Посещал литературную группу при газете «Молодой ленинец». Окончил Ленинградское артиллерийское училище и одновременно заочное отделение факультета журналистики Ростовского университета. Служил в разных уголках Советского Союза и за рубежом, прошёл путь военного журналиста от корреспондента солдатской многотиражки до редактора отдела журнала «Советский воин». Публиковался в краевых газетах, в центральной периодике («Новый мир», «Юность», «Литературная Россия», «Советский воин»), в московском коллективном сборнике «Орбита мужества». Автор поэтических книг «Письмо за горизонт» (1969), «Вдова», «Русское село», «Время Ч», «Провал», «Середина марша» (1978), «Отцовский рубеж», «По обе стороны разлуки» (1981), «Первая память» (1984), «Берег осени» (1987), «Очнись, Россия» (1995) и др. Умер в июле 2015 г.

ЧЕРНОВА ЛИЛИЯ

1941–2016

Лилия Владимировна Чернова (24.02.1941, Орск – 10.03.2016, Орск) окончила Оренбургский текстильный техникум, работала на Орской швейной фабрике, затем библиотекарем, электрофотографом на Орском механическом заводе. С 1980 г. проживала в г. Гай Оренбургской обл., была литературным консультантом детско-юношеской газеты «Ребятунки», членом литературной группы при газете «Гайская новь». Стихи публиковались в газетах «Южный Урал», «Орский рабочий», в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», в сборниках «Я говорю с тобой, мой Гай», «Мы из России XX века». Автор поэтической книги «Верю берёзе белой» (Калуга, 2000).

ЧЕРНОСКУЛОВ АНАТОЛИЙ

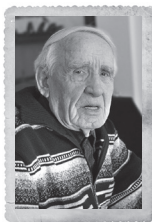
1940–2012

Анатолий Андреевич Черноскулов (псевдоним – Азовский, в честь горы Азов, расположенной в 8 км от г. Полевского Свердловской обл.; 06.12.1940, с. Большое Кабанье Шадрин-

ского р-на Челябинской (с 1943 г. – Курганской) обл. – 12.11.2012) родился в рабочей семье. Отец, Андрей Иванович, и мать, Евдокия Ивановна, работали в ремесленном училище на Полевском криолитовом заводе. В 1956 г. поступил в свердловское строительное училище. Работал на строительстве Белоярской ГРЭС. В 1960–1961 гг. участвовал в возведении космодрома Байконур, где тяжело заболел и был комиссован. В 1962 г. поступил в Свердловский строительный техникум, после его окончания работал в полевской газете «Северский рабочий». В 1966 г. стал студентом заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького. В 1971 г. переехал в станицу Багаевскую Ростовской обл., был корреспондентом газеты «Светлый путь», в 1978–1987 гг. – литературным консультантом в молодежной газете «Комсомолец». В конце декабря 1987 г. вернулся в Полевскую. Как поэт дебютировал в городской газете «Рабочая правда». Автор поэтических сборников, изданных в Москве, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге. Заслуженный работник культуры РФ (2003). Похоронен в Полевском на Южном кладбище. 12.09.2013 Центральной городской библиотеке г. Полевского присвоено имя А.А. Азовского.

ЧЕРНУХИН ИГОРЬ 1930–2017

Игорь Андреевич Чернухин (08.02.1930, пос. Томаровка Центрально-Чернозёмной обл. (ныне Яковлевского р-на Белгородской обл. – 28.04.2017, Белгород) после войны поступил в Харьковский юридический институт. В 1950 г., будучи студентом третьего курса, подвергся политическим репрессиям. Пять с половиной лет находился в спецлагерях (Джезказган), где работал на руднике и стройках. В 1956 г. освобождён и реабилитирован. Вернувшись в Белгород, работал на стройках города. В 1967 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал редактором отдела художественной литературы Белгородского книжного издательства, заведующим отделом писем Белгородской районной газеты «Знамя», директором Дома народного творчества. В 1964 г. стал одним из организаторов Белгородского отделения Союза писателей РСФСР. В 1975 г. при ДК «Строитель» в Белгороде создал литературную студию «Современник» и до 1990 г. был её руководителем. Активно сотрудничал с Белгородским областным драмтеатром им. М.С. Щепкина, создавал тексты песен к спектаклям, долгие годы являлся членом художественного совета театра. Стихи впервые опубликовал в 1957 г. в газете «Белгородская правда», в 1960 г. выпустил первый поэтический сборник – «Лицом к свету». Автор 20 книг стихов и прозы, в том числе «Верность», «Горизонт», «Берег памяти», «Дни»,

«Тёплый снег», «Поющая ветка», «Земное время», «Мозаика века», «Стихотворения, баллады, поэмы», вышедших в Москве, Воронеже, Харькове, Белгороде. Заслуженный работник культуры РФ. Одна из улиц пгт Томаровка носит имя поэта, в 2019 г. в его честь на фасаде здания Томаровского Дома культуры установлена мемориальная доска.

ЧЕРНУХО ВИТАЛИЙ

1930

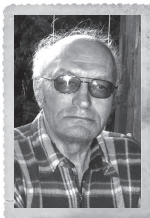
Виталий Семёнович Чернухо родился 19.01.1930 в Брянске в семье военнослужащего. В 1947 г. окончил Ленинградское военно-морское подготовительное училище, в 1951 г. – Высшее военно-морское Краснознамённое орденов Ленина и Ушакова училище им. Фрунзе. Семь лет прослужил на Северном флоте, находясь на научно-исследовательских океанографических судах и занимаясь исследованиями Новой Земли, затем был переведён на Балтийский флот. С 1965 г. служил в системе подготовки офицерских кадров на командной и преподавательской работе, преподавал в Калининградском высшем инженерном морском училище. В 1977 г. в звании капитана 2-го ранга был уволен в запас по возрасту. Живёт в Калининграде. Стихи начал писать в училище. Являлся членом лито, которым руководил В.Б. Азаров. Первое стихотворение – «Разговор морей» – опубликовал в 1951 г. в газете Северного флота «На страже Заполярья». Печатался в газетах «Северная вахта», «Советский флот», «Страж Балтики», в журналах «Советский моряк», «Советский воин», «Балтика», в альманахе «Голос Балтики» (1960), в сборниках «Песня, рождённая морем» (1962), «Эхо войны» (2005), в антологии «Поэзия военных моряков» (СПб., 2008). Автор множества стихотворений и поэм, баллад и рассказов.

ЧЕРНЫШЁВ СТАНИСЛАВ

1934–1998

Станислав Сергеевич Чернышёв (02.01.1934, Воронеж – 18.10.1998, Воронеж) окончил Ленинградское военное суворовское училище (1952), поступил в пограничное училище, до 1958 г. служил в армии. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького (1959). Вёл скитальческую, неустроенную жизнь. Стихи начал писать в 1953 г., публиковался в журнале «Подъём», в газетах «Коммуна», «Молодой коммунар», в коллективных сборниках. Автор поэтических книг «На дорогах России» (1964) и «Обретения» (1991), изданных в Воронеже.

ЧЕРНЯК ВАДИМ
1934–2008

Вадим Григорьевич Черняк (31.12.1934, Харьков – 18.04.2008, Москва) в 1949–1950 гг. работал в геолого-разведочной экспедиции. Посещал литературное объединение «Магистраль», где особенно сдружился с поэтом Ю.В. Смирновым. В 1957 г. окончил строительный техникум в Москве, в 1982 г. – факультет журналистики МГУ. В 1958–1964 гг. работал на строительстве, потом – журналистом: в газете «Московский комсомолец», в журналах «Комсомольская жизнь» и «Сельская молодёжь». С 1990 по 1998 г. был главным редактором альманаха «Подвиг». Печататься начал в 1961 г. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Новый мир», альманахах «День поэзии» и «Поэзия». В печати выступал как под своим именем, так и под коллективным псевдонимом Ефим Самоварщиков; под псевдонимом В. Григорьев и под своим именем вёл шахматный раздел в журнале «Сельская молодёжь». Автор 15 книг, в том числе поэтических: «Мы шагали по свету» (1962), «Поздний поезд» (1989).

ЧЕЧУЛИН АЛЕКСЕЙ
1943–1995

Алексей Иванович Чечулин (09.06.1943, Асбест – 14.02.1995, Асбест) родился в многодетной горняцкой семье. С 15 лет начал трудиться (рабочим-геодезистом, помощником машиниста экскаватора), одновременно учился и писал заметки в городскую газету, куда его взяли на работу в 1962 г. Три года служил в Группе советских войск в Германии, по рекомендации командования части поступил на журфак Казахского университета им. С.М. Кирова в Алма-Ате. Проучившись три семестра на дневном отделении, перевёлся на заочное, перебрался к матери в Асбест. Заведовал промышленным отделом газеты «Асбестовский рабочий», затем работал собкором газеты «Уральский рабочий» в г. Кушва Свердловской обл. Снова вернулся в родной город – уже навсегда. Был редактором «Асбестовского рабочего», руководителем литотой же газеты. Как поэт дебютировал в 1961 г. в газете «На смену». Затем печатался в журналах «Урал», «Уральский следопыт», в сборнике «День поэзии». В 1973 г. опубликовал первую книгу стихов – «Берёзовое солнышко», потом вышли сборники «День прибытия», «Ясногорье», «И сердцем тревожным и взглядом», «На золотой и щедрой половине». В 1999 г. Центральной городской библиотеке г. Асбест было присвоено имя А.И. Чечулина, в 2015 г. в ней открылся музей памяти поэта.

ЧИБИРЕВ ВЛАДИМИР

1940

Владимир Сергеевич Чибирев родился 23.04.1940 в Пензе в семье рабочих. Окончил Мурманское мореходное училище (1965). Был матросом Мурманского тралового флота (1963–1964), корреспондентом радиостанции «Атлантика» (1965–1966), литсотрудником газеты «Молодой ленинец» (1967–1969), корреспондентом Пензенского телевидения (1969–1992), корреспондентом газеты «Доброе утро» (1998–1999), с 1999 г. работает сторожем. Как поэт дебютировал в 1962 г. в газете «Рыбный Мурман». Автор книги стихов «Чёт или нечет» (Пенза, 1999). Печатается также под псевдонимом С. Свободин. Живёт в Пензе.

ЧИКИН ЛЕОНИД

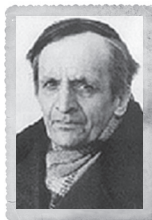
1927–1994

Леонид Андреевич Чикин (13.03.1927, Бийск – 05.04.1994, Новосибирск) родился в семье служащих. С января 1942 по ноябрь 1944 г. Чикины жили в с. Сростки (ныне Бийского р-на Алтайского края). Л. Чикин – участник боёв на Дальнем Востоке в 1945 г. С 1951 г. жил в Новосибирске, избирался руководителем городской писательской организации. Неоднократно путешествовал с отрядами Сибирского отделения Академии наук СССР по Северу и Дальнему Востоку. Впечатления от этих экспедиций легли в основу его прозаических произведений. Печататься начал в 1947 г. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Смена», «Октябрь», «Нева», «Урал», «Дальний Восток», в местной и центральной прессе. Автор поэтических сборников «Стихи» (Новосибирск, 1955), «Соратники» (1960), «Ступень» (1967), «Первопроходцы» (1977), «Время» (1986) и др., а также книг прозы «Лето первых дорог» (1964), «Дважды два» (1984), изданных в Новосибирске и Москве. Заслуженный работник культуры РСФСР.

ЧИКОВ АНАТОЛИЙ

1928–1996

Анатолий Филиппович Чиков (14.06.1928, Мытищи Московской обл. – 20.09.1996, Сергиев Посад Московской обл.) родился в рабочей семье. Рано лишившись родителей, воспитывался в детских домах, откуда неоднократно убежал на фронт. В середине 40-х гг. переехал в г. Сергиев Посад, где окончил художественно-ремесленное училище и школу рабочей молодёжи. Работал реставратором, разнорабочим, сторожем, пожарным. Выпускник заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького. Первое стихотворение – «Сенокос» – опуб-

ликовал в газете «Вперёд» в 1948 г. Печатался в журналах, альманахах, сборниках. Автор восьми поэтических книг, среди них – «Синица» (1962), «Сердце из камня» (1978), «Часы и жизнь» (1983), «Магнит» (1988). Похоронен в с. Благовещенье (ныне в составе Сергиева Посада Московской обл.). В 2008 г. стараниями лито «Свиток» к 80-летию поэта подготовлена книга «Запасная планета», куда вошли его неопубликованные стихи и проза. С 1998 г. на ежегодном районном поэтическом конкурсе «Посадская лира» главный приз – «Памяти А.Ф. Чикова» – вручается за лучшее стихотворение о родном крае. В 2017 г. на доме, в котором жил поэт, открыта мемориальная доска.

ЧИСТЯКОВ ЛЕВ
1938

Лев Константинович Чистяков (04.02.1938, Ленинград – 21.02.2019) окончил мужскую среднюю школу № 622 в Москве, затем военное училище. Служил в составе Группы советских войск в Германии. В 1972 г. стал выпускником очно-заочно-го отделения факультета «Радио и телевидение» Московского электротехнического института связи (ныне МТУСИ). Стихи публиковались в периодике, коллективных сборниках и антологиях. Автор поэтических книг «Я первый день забыть не мог», «Второе дыхание» (2001), «Звездопад» (2018), «На полпути к любви» (2018), «Последний лист» (2020).

ЧИСТЯКОВА ГАЛИНА
1941

Галина Львовна Чистякова-Горевая родилась 31.08.1941 в Уфе. В 1960 г. окончила отделение монументальной живописи Минского художественного училища. Работала художником на Минском художественном производственном комбинате. Участвовала в республиканских выставках молодых художников Белоруссии. Первая персональная выставка состоялась в 1980 г. в Доме искусств в Минске. Работы художницы находятся в частных коллекциях России, США, Германии, Греции. Стихи впервые напечатаны в коллективном сборнике «Знакомство», опубликованном издательством «Молодая гвардия» в 1963 г.

ЧУЕВ ФЕЛИКС
1941–1999

Феликс Иванович Чуев (04.04.1941, г. Свободный Амурской обл. – 02.04.1999, Москва) родился в семье лётчика. После окончания СШ № 9 в Кишинёве поступил в Чугуевское военное авиачулище лётчиков, но вскоре по состоянию здоровья был

комиссован, стал студентом физико-математического факультета Кишинёвского университета, а через год перевёлся на факультет автоматики и вычислительной техники в Московский энергетический институт, который окончил в 1964 г. Печататься начал в 11 лет, в 20 выпустил первую книгу стихов – «Год рождения 41-й», позднее опубликованы сборники «Соколиная песня крыла» (1970), «Отечество» (1972), «Награда» (1985), «Русский пламень» (1990) и др. Определяющей для творчества стала тема авиаторов и судьбы послевоенного поколения. Многие стихи Ф. Чуева положены на музыку известными композиторами. Автор документально-художественных повестей о крупнейшем учёном Б.С. Стечкине и выдающемся авиаконструкторе С.В. Ильющине, книг «Сто сорок бесед с Молотовым» (1991), «Солдаты империи» (1997) и др. Лауреат Государственной премии России, премии Ленинского комсомола и др. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

ЧУПРОВ ОЛЕГ
1939

Олег (настоящее имя – Альберт) **Акимович Чупров** родился 07.03.1939 в с. Объячево Прилузского р-на Республики Коми, детство и юность провёл в с. Усть-Цильма, где окончил среднюю школу и два года работал на строительстве новой школы. В 1959 г. поступил в Ленинградский университет, после третьего курса бросил учёбу из-за материальных затруднений и стал журналистом на радио, впоследствии сотрудничал и в ленинградских газетах. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького (1965–1974). Профессионально писать начал в 1960-е годы, стихи впервые опубликовал в 1966 г. в сборнике «Переключка». Печатался в коллективных сборниках «День поэзии» и др. Издано 10 книг стихотворений и песен, среди них: «Свидание с отцом» (1989), «Золотая карусель» (2004), «Новолуние», «Поющее сердце» (2009). Живёт в Санкт-Петербурге.

Отец, Аким Иванович Чупров, воевал рядовым на Ленинградском фронте, награждён медалью «За отвагу», скончался от ран после Победы.

ЧУХИН СЕРГЕЙ
1945–1985

Сергей Валентинович Чухин (12.10.1945, д. Бабцино Вологодской обл. – 16.10.1985, Вологда) детство провёл в д. Погорелово (ныне Тотемского р-на Вологодской обл.). Отец – учитель физкультуры в сельской школе; воевал, был серьёзно ранен и демобилизован по ранению. Мать – учитель русского языка и литера-

туры. С. Чухин окончил филологический факультет Вологодского пединститута и Литературный институт им. А.М. Горького. Жил в Вологде, работал киномехаником, корреспондентом областного радио и молодёжной газеты, был сотрудником редакции газеты «Вологодский комсомолец». Стихи впервые напечатал в районной газете «Маяк», когда учился в 10-м классе. Кроме стихов, писал очерки, рецензии, воспоминания. Автор поэтических сборников «Горница» (1968), «Дни покоя» (1973), «Дым разлуки» (1974), «Осенний перелёт» (1979), «Ноль часов» (1980), «Стихотворения» (1982). Сборник «Придорожные камни» (1986) вышел через год после трагической гибели поэта. Похоронен рядом с могилой друга, Н.М. Рубцова.

ЧУХНО ОЛЕГ
1937–2009

Олег Иванович Чухно (1937, Ростов-на-Дону – 08.10.2009, станица Северская Краснодарского края) рано потерял родителей. Окончил суворовское военное училище с серебряной медалью (1948–1955). В 1955 г. поступил в Киевское высшее инженерно-радиотехническое училище, но в 1958-м ушёл из него. В 1959–1964 гг. учился на русском отделении филологического факультета МГУ, потом два года преподавал английский язык в школе. С 1969 г. зарабатывал переводами с английского статей по точным наукам, писанием рецензий, литературной правкой чужих романов и повестей. Как поэт дебютировал в журнале «Юный натуралист» (1966, № 10). С 1980 г. изредка публиковался, в 1990-х стали появляться подборки стихов в «Литературной учёбе», «Литературной России», «Книжном обозрении» и др. изданиях. В 1991 г. в издательстве «Современник» готовилась к печати поэтическая книга О. Чухно «Стволы и листья», но вышла она лишь в 2002 г. при поддержке его друга по МГУ, словенского философа Жиги Кнапа (составитель, автор предисловия и критической статьи – Инна Ростовцева). В 2003 г. в Варне (Болгария) выпущен двуязычный сборник стихотворений «На шаг от эшафота». Долгие годы находился в психоневрологическом интернате в станице Северской Краснодарского края, продолжая и там писать стихи. Умер при невыясненных обстоятельствах, похоронен в станице Азовская.

ЧУХОНЦЕВ ОЛЕГ
1938

Олег Григорьевич Чухонцев родился 08.05.1938 в г. Павловский Посад Московской обл. Окончил филологический факультет Московского областного пединститута им. Крупской. В разные годы работал в отделах поэзии журналов «Юность» и «Новый мир». Первая поэтическая публикация состоялась в 1958 г. Составленная в 1960 г. книга стихов «Замысел» издана не была, та же участь постигла и следующую – «Имя». Первый сборник стихотворений – «Из трёх тетрадей» – цензура пропустила лишь в 1976 г., второй – «Слуховое окно» – ещё через семь лет. Свободным от цензурных искажений стал лишь третий – «Ветром и пеплом» (1989), затем вышли сборники «Пробегающий пейзаж» (1997), «Фифиа» (2003), книга избранных произведений «Из сих пределов» (2005), поэма «Однофамилец» (2008). Стихи О. Чухонцева переведены на многие языки мира. Он – лауреат Государственной премии РФ (1993), национальной литературной премии «Поэт» (2007) и др. Живёт в Москве.

ЧУШКОВ ВЛАДИМИР
1940–1971

Сведения отсутствуют. Стихи и фотография взяты из Молодёжного журнала «Странник» (Пенза).

ШАБАНОВ ВАСИЛИЙ
1938–1975

Василий Васильевич Шабанов (13.05.1938, с. Родионовка Краснопартизанского р-на Саратовской обл. – 27.09.1975, Ашхабад) учился на филологическом факультете Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского. С 1961 г. был корреспондентом в областной газете «Заря молодёжи», руководил лито «Молодые голоса». В 1968 г. стал редактором литературно-художественного журнала «Волга». В 1969 г. переехал в Москву, работал инструктором сектора печати отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Автор поэтических книг «Белая запруда» (1969), «Васильковое имя» (1971, 1988), «Близкие вёрсты» (1974). Посмертно изданы книги «Вратари» (1977), «Заката светлая звезда» (1984), «Позовите меня, трубачи» (1984), «Ромашки на асфальте» (2009). Известен и как переводчик. Трагически погиб во время проведения VIII Всесоюзного фестиваля поэтов и прозаиков (машину, в которой он ехал с тремя другими писателями, расстрелял из автомата солдат-дезертир). Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище. В память поэта Саратовской писательской организацией учреждена премия им. В. Шабанова.

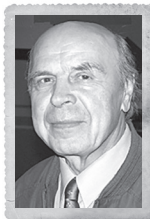
ШАЛЬНЕВ БОРИС
1936–2019

Борис Михайлович Шальнев (23.08.1936, с. Средняя Лукавка Грязинского р-на Воронежской (ныне Липецкой) обл. – 02.10.2019, Липецк) родился в многодетной крестьянской семье, рано лишился отца. В 1956 г. окончил Усманское педучилище, в 1962 г. – филологический факультет Липецкого пединститута (спустя годы там же был преподавателем), а позже аспирантуру Симферопольского университета им. М.В. Фрунзе. Работал литературным сотрудником, заведующим отделом областной молодёжной газеты «Ленинец», корреспондентом, старшим редактором областного комитета по телевидению и радиовещанию. На общественных началах возглавлял Комиссию по правам человека при главе администрации области, был председателем областной комиссии по вопросам помилования. Кандидат филологических наук (1981), председатель Липецкого отделения Союза писателей России (1992–2010), заслуженный работник культуры РФ, почётный гражданин Липецкой области, лауреат множества премий. Стихи впервые опубликовал в 1954 г., затем печатался в областных и центральных периодических изданиях, выпустил более десятка поэтических сборников.

ШАМШУРИН ВАЛЕРИЙ

1939

Валерий Анатольевич Шамшури родился 19.03.1939 в г. Агрыз Татарской АССР. Окончил историко-филологический факультет Нижегородского университета. Работал учителем, директором сельской школы, корреспондентом газет, редактором книжного издательства. Автор книг стихов «Ливни» (1968), «Красный день» (1976), «Светлояр» (1977), «Волжские пристани» (1981), «Часовая гора» (1986), «В серебряный день Покрова» (1995) и др., а также исторической прозы – в частности, трилогии о спасении Отечества народным ополчением Минина и Пожарского («Калёная соль», 1989; «Набат над Волгой», 1991; «Алтарь Отечества», 1992). Многие годы был председателем правления Нижегородской областной организации СП России. Почётный гражданин Нижнего Новгорода.

ШАНБАТУЕВ МИХАИЛ

1938

Михаил Фёдорович Шанбатуев родился 29.01.1938 в с. Толсты Варненского р-на Челябинской обл., в 1949 г. вместе с семьёй переехал в пос. Березинский Чесменского р-на. Окончив семилетку, работал скотником, механизатором в колхозе им. С.М. Кирова. Отучился в Троицком сельскохозяйственном техникуме (1961–1964), работал агрономом. В 1965 г. переехал в Челябинск и стал слесарем на заводе им. С. Орджоникидзе, где трудился около четверти века. Занимался в лито «Металлург» при ДК ЧМЗ. Стихи публиковались во многих газетах, журналах, коллективных сборниках, антологиях. Автор поэтических сборников «Судьба-дорога» (1982), «Узел времени» (1983), «Зерно добра» (1988), «Земля уральская» (1997), «Река доверия» (1998), художественно-документальной повести «Звоните, генерал!», книг очерков «Крестьянская доля» (в соавторстве с Г. И. Петуховым), «Утраченные ориентиры» и др., книг для детей «Сказание о топоре» (1997), «Живые качели» (2001), «Удивительное дело» (2005).

ШАНИН ЕВГЕНИЙ
1933–2014

Евгений Алексеевич Шанин (27.01.1933, д. Хотёново Ярцевского р-на Смоленской обл. – 30.12.2014, Курск) оказался в детдоме в Оптиной пустыни, когда мать и старшего брата арестовали немцы за связь с партизанами. Отец был в плену. Е. Шанин окончил Калининградский университет. В 1967 г. переехал в Курск. С 1976 по 1996 г. – декан историко-педагогического факультета Курского пединститута, а всего проработал в этом вузе 40 лет. Автор поэтических сборников «Разговор с сыном», «Голос из прошлого», «Мир постигая», монографии «В поисках выразительности звучащего слова», а также ряда научных работ по психологии. Заслуженный работник культуры РФ. В 2018 г. издана книга избранных произведений «Смоленский лён».

ШАНТГАЙ ЕКАТЕРИНА
1936

Екатерина Георгиевна Шантгай родилась 13.08.1936 в Ленинграде, перенесла блокаду. Окончила Ленинградский военно-механический техникум. Первая публикация состоялась в 1959 г. С 1974 г. успешно работает в песенном жанре. Автор семи поэтических сборников: «Летающая Дама» (1994), «Импрессио» (1995), «Синяя осень» (1998) «У разведённого моста» (2000), «Крылья» (2001) и др., а также трёх книг прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

ШАПОВАЛОВ МИХАИЛ
1942

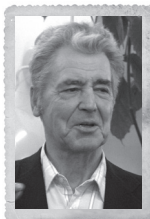
Михаил Анатольевич Шаповалов родился 01.01.1942 в Таганроге Ростовской обл. в семье инженеров. С 1945 по 1962 г. жил в Сталинграде (с 1961 г. – Волгоград). Стихи сочинял с детства. Первый гонорар получил, будучи школьником, по комсомольскому билету, так как паспорта ещё не имел. Первая публикация состоялась в газете «Красный Октябрь». В 20 лет поступил в Литературный институт им. А.М. Горького (окончил в 1967 г.). Печатал стихи, рецензии на книги, статьи в газетах, журналах и альманахах. Автор поэтических сборников «Пора последних холодов» (1977), «Белое с голубым» (1991), «Взгляд» (1993), «Ночная флейта» (2001), «В этот тихий час» (2013) и др., а также литературоведческих книг «Валерий Брюсов» (1992), «Король поэтов. Страницы жизни и творчества Игоря Северянина» (1997), «За пушкинской строкой...» (1999). Работал в музее-усадьбе «Остафьево». Живёт в Подольске Московской обл.

ШАПОШНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ
1935–2012

Вячеслав Иванович Шапошников (01.09.1935, г. Алатырь (ныне Чувашской Республики) – 06.12.2012, Кострома) родился в семье священника, мать погибла в 1937 г. Окончив в 1954 г. среднюю школу, поступил в Новосибирский авиационный техникум, откуда был призван в армию. Работал в Новосибирске и Нарымском крае вальщиком леса, трелёвщиком, окончил Томскую лесотехническую школу. Первые стихи публиковал в периодике Читы, Томска, Новосибирска. В 1959–1964 гг. учился в Красносельском художественном училище Костромской обл., получил специальность художника-гравёра (позднее издал сборник художественных очерков о ювелирах), после чего переехал в Кострому, работал радиокорреспондентом. Тогда же начал печататься в московских изданиях, выпустил первый сборник стихов и поэм – «Романтикам». В 1967 г. поступил на заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (не окончил). После выхода второй поэтической книги – «Китеж» – учился на Высших литературных курсах (1968–1971). Многие годы руководил областным литературным объединением «Кострома», работал редактором Верхне-Волжского издательства, как постоянный рецензент сотрудничал с издательством «Современник». В 1990 г. создал костромскую епархиальную газету «Благовест» и стал её главным редактором. В 1991 г. был рукоположен, служил в храме Преподобного Алексия Человека Божия при Костромской духовной семинарии. Автор поэтических сборников «На ярмарках осени» (1971), «Вечерние холмы» (1973), «Просёлок» (1976), «Ивовый свет» (1982) и др., романов «Вечный путь», «Ефимов кордон», повестей «Угол», «Мешок смеха» и др., некоторые произведения переведены на иностранные языки. В 1999 г. издана книга стихов и поэм «День незабывтый» с рисунками автора. Заслуженный работник культуры РФ.

ШАРАБАРИН ДМИТРИЙ
1937

Дмитрий Иванович Шарабарин родился 07.09.1937 г. в с. Красная Четь Тегульдетского р-на Томской обл., куда в период раскулачивания крестьян была сослана семья деда. После смертной реабилитации деда Шарабарины вернулись на Алтай. В с. Соколово Зонального р-на Дмитрий окончил среднюю школу, в 1957 г. – историко-филологический факультет пединститута в Бийске, с тех пор живёт в этом городе. Работал преподавателем в школе, ПТУ, техникуме, пединституте. Со студенческих лет был членом городского лито «Парус», а с 1983 по 2016 г. возглавлял

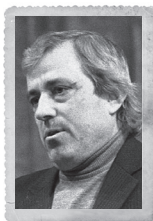
его, в 2013–2017 гг. – руководитель Бийского отделения СП России. Стихи начал писать школьником, впервые их напечатали в районной газете. Автор 19 книг прозы, поэзии, публицистики.

ШАФЕРАН ИГОРЬ
1932–1994

Игорь Давыдович Шаферан (настоящее имя – **Гарольд Давыдович Шаферман**; 13.02.1932, Одесса – 14.03.1994, Москва) механиком плавал на китобойной флотилии «Слава», работал библиотекарем отдела национальной литературы в Российской государственной библиотеке. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1960). Стихи начал писать ещё в школе. Печатался в журналах «Неделя», «Крокодил», «Сельская жизнь» и др. Опубликованы поэтические сборники «Слушай, сердце!» (1971), «Красно солнышко» (1973), «Для тебя» (1985) и др. Автор слов ко многим известным песням (всего более 300), из репертуара самых популярных исполнителей СССР, первую – «Береговые огоньки» – написал ещё студентом вместе с композитором Э.С. Колмановским. Похоронен в Москве на Донском кладбище.

ШЕВЕЛЁВ АЛЕКСАНДР
1934–1993

Александр Александрович Шевелёв (13.07.1934, д. Крисилино Калужской обл. – 30.10.1993, Петербург) родился в крестьянской семье, в годы оккупации она скрывалась в лесных деревнях. Окончил семилетку, потом ремесленное училище в Новомосковске, техникум индустриальной промышленности в Ленинграде, а в 1961 г. – Ленинградский институт точной механики и оптики. Работал в НИИ им. Крылова, на ленинградской студии телевидения и студии документальных фильмов, на радио, заведующим литературной частью Театра драмы им. А.С. Пушкина, в редакции журнала «Аврора». Стихи впервые опубликовал в 1955 г. В 60-е гг. печатался в ленинградской газете «Смена», затем во многих периодических изданиях. Выпускник Высших литературных курсов (1973). Автор поэтических сборников «Август» (с предисловием В.С. Шефнера, 1966), «Гончарный круг» (1969), «Нежность земли» (1970), «До первой звезды» (1975), «Простые вести» (1978), «Мне послышалась свирель» (1981), «Земные радости простые» (1986). Посмертно изданы книги «Последние строки» (1994), «Линия судьбы» (1995), «Где-то песня слышна – то поёт тишина» (1996). На его стихи написано много песен и вокальных циклов. В Санкт-Петербурге на центральном здании студгородка университета (Вяземский пер., д. 5/7) установлена мемориальная доска; ж/д платформа «73-й км» на участке Санкт-Петербург – Выборг,

где в дачном посёлке поэт жил около 30 лет, в его честь названа «Шевелёво».

ШЕВЧЕНКО ГАЛИНА

1939

Галина Александровна Шевченко родилась 01.11.1939 в Пятигорске в рабочей семье. Отец погиб в годы Великой Отечественной, мама работала в госпитале, а потом в санаториях курорта. Г. Шевченко окончила Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии, почти 40 лет отработала по специальности на Северо-Кавказском аэрогеодезическом предприятии. Часто печаталась в периодике, переводила украинских, черкесских и аварских поэтов. Автор нескольких поэтических книг (в том числе для детей): «Всегда в пути» (1995), «Город мой, Пятигорск» (1996), «Рукавички для синички» (2000), «Снежинки тают...» (2002) и др. Окончив курсы экскурсоводов при Пятигорском бюро путешествий и экскурсий, много ездила по Кавказу, водила экскурсии, стала членом краеведческого общества. В 2003 г. опубликовала сборник исторических очерков «На земле предков» (2003), в 2005 г – двухтомник «Благословенный край – Пятигорье». Живёт и трудится в родном городе.

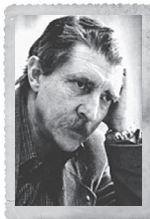
ШЕВЧЕНКО МИХАИЛ

1929–2010

Михаил Петрович Шевченко (28.01.1929, слобода Сагуны Подгоренского р-на Центрально-Чернозёмной (ныне Воронежской) обл. – 29.04.2010, Москва) вырос в крестьянской семье, мальчишкой пережил немецкую оккупацию. Окончил Россошанское педучилище (1948) и Литературный институт им. А.М. Горького (1961). Работал преподавателем пения и музыки в Россошанском педучилище (1948–1949), литературным сотрудником газеты «Тамбовская правда» (1955–1960), редактором, потом главным редактором Тамбовского книжного издательства (1960–1964), старшим редактором Тамбовского отделения Центрально-Чернозёмного книжного издательства (1964–1966). Автор многих книг стихов и прозы (в том числе для детей): «Любовь» (Тамбов, 1961), «Спасибо тебе за цветы» (Воронеж, 1964), «Метельная ночь» (1973), «Моя фамилия» (М., 1975), «Избранное» (М., 1990) и др. По повести «Дорога через руины» (М., 1984) снят фильм (Укртелефильм, 1989). Лауреат премии Ленинского комсомола (1983), почётный гражданин г. Россошь. В 2012 г. в Россошанском педагогическом колледже в память писателя установлена мемориальная доска.

ШЕВЧЕНКО ОЛЕГ
1939–2007

Олег Фёдорович Шевченко (псевдоним – А. Тамбовцев; 26.06.1939, Тамбов – 08.08.2007, Воронеж) в 1951 г. вместе с семьёй переехал в Воронеж. После окончания средней школы трудился на местных заводах учеником резчика, грузчиком, стропальщиком. В 1971 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Много лет проработал в воронежской областной газете «Коммуна». Печатался с 1955 г. в журналах «Подъём», «Молодая гвардия», «Смена» и др., в коллективных сборниках. Автор многих книг стихов: «Молния» (1963), «Песенка о Колумбах» (1966), «Лермонтовский возраст» (1969), «Постижение Родины» (1973), «Любовь моя ходит по тёплой земле» (1978), «Станция Журавлиха» (1981), «Не первый век» (1984), «Участь» (1995), «Винительный падеж» (2006) и др., также известен как переводчик и публицист.

ШЕПЁТКИНА ЗИНАИДА
1940

Зинаида Васильевна Шепёткина родилась 08.11.1940 в д. Петровская Таборинского р-на Свердловской обл. Отец погиб на фронте в 1944 г. Окончила Нижнетагильское педучилище, Московские курсы иностранных языков, биологический факультет Уральского университета, Свердловский институт журналистского мастерства. Её трудовой стаж составляет 41 год: 37 лет педагогической деятельности и четыре года работы в редакции газеты «Арамильские вести». Стихи и прозу пишет с детских лет, опубликовала более 15 книг, в том числе – «Будем помнить» (2005). Живёт в г. Арамиль Свердловской обл.

ШЕСТАЛОВ ЮВАН
1937–2011

Юван Николаевич Шесталов (22.06.1937, д. Камратка Берёзовского р-на Остяко-Вогульского национального округа – 05.11.2011, Ханты-Мансийск) – мансийский поэт и писатель. Сын коммуниста, председателя колхоза, фронтовика, по матери – внук шамана. Рано потерял дедушку, бабушку, мать и с восьмью лет жил в новой семье отца в хантыйском посёлке Теги. Окончив Берёзовскую среднюю школу, поступил на факультет народов Крайнего Севера Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена. Отучившись, работал в Ханты-Мансийске в редакциях газет, на радио и телевидении округа. В 1965 г. окончил филологический факультет Тюменского пединститута. В 1985–1988 гг. был директором Дома народного творчества в Ханты-Мансийске, по-

сле чего переехал в Ленинград. В 1990-е гг. являлся редактором издательства журнала «Стерх» (1991), газеты «Белый журавль». Стихи начал писать в 12 лет на русском языке, впервые напечатал их в 1957 г. в газете ХМАО «Ленинская правда». Первый сборник стихов на мансийском языке – «Макем мат» («Аромат Родины») – вышел в 1958 г. в Тюмени, на русском языке – «Пойте, мои звёзды» – в 1959 г. в Ленинграде, проза впервые опубликована в 1964 г. (повесть «Синий ветер каслания»). Автор 28 произведений для детей, более 150 публицистических и литературоведческих работ, 9 книг на мансийском языке, свыше 60 отдельных изданий, среди них «Радуга в сердце» (1963), «Огонь на огонь» (1966), «Песня последнего лебедя» (1969), «Языческая поэма» (1971), «Огонь исцеления» (1989) и др. Многие произведения переведены на иностранные языки.

ШЕСТИНСКИЙ ОЛЕГ

1929–2009

Олег Николаевич Шестинский (28.01.1929, Баку – 06.07.2009, Москва) в младенчестве вместе с родителями переехал в Ленинград. Всю блокаду провёл в осаждённом городе. Отца призвали в ополчение, мама заведовала терапевтическим отделением в больнице на 27-й линии Васильевского острова и каждый день ходила туда пешком пять километров. В Ленинграде жила и бабушка, А.Н. Шубина, прожившая до 101 года. Все блокадные дни она ежедневно посещала Князь-Владимирский собор. О. Шестинский окончил филологический факультет ЛГУ (1952), специализировался на болгарской литературе. В 1953 г. стажировался в Софийском университете. В течение 15 лет был первым секретарём Ленинградской писательской организации; позже, переехав в Москву, – секретарём Союза писателей СССР. Автор более 50 книг поэзии, прозы и переводов, в том числе: «Друзья навеки» (1955), «Звёзды над крышей» (1964), «Вечное эхо войны» (1972), «Мятежная книга» (2009), «Ангелы гнездятся на земле» (2009). Много переводил с болгарского и других языков. Его произведения переведены на многие языки мира. Награждён орденами и медалями. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище (14-й уч.).

ШИКИНА ЛЮДМИЛА
1932

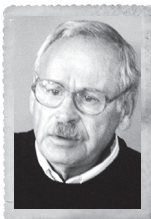
Людмила Васильевна Шикина (Михалкова) родилась 20.1.1932 в с. Ермолаевка Мелеузовского р-на БАССР (ныне Куюргазинского р-на Республики Башкортостан). Окончила Московский заочный пединститут (1958), Литературный институт им. А.М. Горького (1964). С 1949 г. работала учителем Михелёвской начальной школы Куюргазинского р-на. В 1952 г. переехала в Москву, до 1965 г. занималась педагогической деятельностью. Автор 20 поэтических книг: «Ровесница» (1966), «Испытание» (1970), «Степные ковыли» (1973), «Всему начало человек» (1977), «Час солнца» (1982), «Истоки» (1984), «Птицы белые» (1986), «Брат мой» (1992), «Огонь-дорога» (2001) и др. Перевела на русский язык ряд произведений башкирских авторов.

ШИЛЯЕВ АНАТОЛИЙ
1938–1987

Анатолий Степанович Шиляев (06.02.1938, Орёл – 31.08.1987, Орёл) родился в семье рабочих. Отец, Степан Михайлович Шиляев, лейтенант, командир сапёрной роты, погиб в июле 1941 г. Мать, Евдокия Александровна Гусельникова, одна воспитала четверых сыновей. А. Шиляев – выпускник Литературного института им. А.М. Горького (1969), с 1972 г. – глава Бюро пропаганды художественной литературы при Орловской областной писательской организации, один из основателей Фетовского праздника на Орловщине. Стихи впервые опубликовал в газете «Орловский комсомолец» в 1955 г., будучи школьником. Автор книг стихов «Глубина сердца» (1966), «Высокие деревья» (1968), «Русская равнина» (1970), «Движение» (1974), «Зелёный берег» (1975), «Свет Родины» (1983), «Родное гнездо» (1982), «Зелёные владенья» (1989). Погиб в автомобильной катастрофе, похоронен в Орле.

ШИНДЯЕВ ГЕННАДИЙ
1939–2010

Геннадий Петрович Шиндяев (12.02.1939, Оренбург – 08.10.2010, Оренбург) родился в семье рабочих. Окончил Колтубанский строительный техникум (1963), Оренбургский политехнический институт (1976). Служил в армии, работал на стройках Оренбурга мастером, прорабом, главным инженером, заместителем начальника стройуправления, посещал литобъединение им. В.И. Даля. Стихи впервые опубликовал в газете «Комсомольское племя». Печатался в коллективных сборниках «Спасённая весна», «И с песней молодость вернётся», «Они прилетят!», «Пом-

нит мир спасённый», в альманахе «Гостиный двор», в журнале «Оренбургский край». Как поэт и как исполнитель песен (своих, а также созданных на стихи поэтов XIX–XX веков) выступал в самых различных аудиториях: в рабочих клубах, библиотеках, в студенческих и школьных коллективах. С работниками областной библиотеки вместе с поэтом Ю.М. Орябинским объехал с выступлениями все районы Оренбуржья. Автор книги стихов «Острова» (2004) и аудиоальбома песен и романсов.

ШИПУЛИН АНАТОЛИЙ

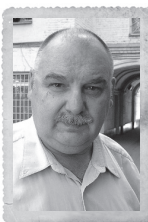
1939

Анатолий Андреевич Шипулин родился 23.11.1939 в пос. Лесной Красногвардейского р-на Адыгейской автономной области (ныне Республики Адыгеи) в крестьянской семье. Учился в Новочеркасском геологоразведочном техникуме, в Усть-Лабинском педучилище, в Литературном институте им. А.М. Горького. Первое стихотворение, написанное в 5-классе в 1953 г., опубликовал ещё в школьные годы (1955) в районной газете «Ленинское знамя», активно печататься в местных газетах начал с 1959 г., затем его стихи появлялись в районных газетах, в журналах «Кубань», «Иртыш», «Молодая гвардия», «Техника молодёжи» и др., в коллективных сборниках «Радуга», «Горизонт», «Родники народные» и др. Автор нескольких поэтических книг, в их числе – «Подкованное месяцем небо» (2012).

ШИРОКОВ ВИКТОР

1945

Виктор Александрович Широков родился 19.04.1945 в г. Молотов (ныне Пермь) в семье врачей. Окончил Пермский мединститут (1967), Литературный институт им. А.М. Горького (1976, заочно) и Университет марксизма-ленинизма (1989). Работал врачом-офтальмологом в Перми и Москве (где проживает с 1974 г.). Как поэт дебютировал в марте 1964 г. в пермской областной комсомольской газете «Молодая гвардия». Первый сборник стихов В. Широкова, вышедший в 1974 г., предваряла статья известного поэта и переводчика П. Антокольского. Был старшим редактором в «Литературной газете» (1977–1981), заведующим редакцией в издательстве «Книга» (1984–1991), главным редактором издательства «Экспресс» (1991–1992), заместителем директора издательства «Культура» (с 1993). С 2001 г. – главный редактор редакции книжных изданий «Литературной газеты». Автор 18 поэтических сборников, шести книг прозы, более 30 книг переводов с английского и языков народов СССР, лауреат многих литературных премий.

ШИТИКОВ АЛЕКСЕЙ
1939–2016

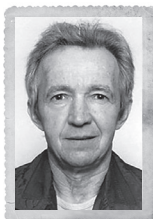
Алексей Федосеевич Шитиков (15.11.1939, с. Становое Золотухинского (ныне Поныровского) р-на Курской обл. – 30.12.2016, Курск) после окончания школы трудился плотником, коচেгааром, слесарем, посещал лито на заводе РТИ, в 1964–1969 гг. учился на заочном отделении литературного факультета Курского пединститута. С 1974 г. работал в Москве (газета «Сельская новь», журнал «Наш современник»), был главным редактором издательства «Столица». В 1994 г. вернулся в Курск. Автор поэтических сборников «Колосья» (1979), «Донные ключи» (1986) и др. Руководил Курским областным литобъединением «Край словынный».

ШИХАНОВ МИХАИЛ
1937–1988

Михаил Михайлович Шиханов (07.11.1937, г. Кяхта Бурят-Монгольской АССР (ныне Республики Бурятия) – 10.05.1988, г. Кяхта) родился в крестьянской семье. Мать поэта, Раиса Степановна, урождённая Унагаева, родом из с. Верхний Мангиртуй, неграмотная; отец, Михаил Иванович, был колхозником из с. Елань Бичурского р-на. М. Шиханов, окончил школу, затем историко-филологический факультет Бурятского пединститута им. Д. Банзарова. Двадцать лет проработал в журналистике: на радио, в газете, в журнале «Байкал». Как переводчик дал новую жизнь произведениям бурятских поэтов на русском языке. Автор поэтических книг «Сарана» (1966), «Первоснежье» (1975), «Моя Сибирь» (1977), «Тоннель» (1981), «Песнь рассвету» (1985), «Красное солнце» (1988) и др. Широкое читательское признание получил сборник рассказов и повестей «Леший камень» (1983), переизданный в 1989 г. в издательстве «Советская Россия» (Москва). В 2003 г. вышел сборник стихов и прозы «Кедровое мо-локо», в 2006 г. – книга для детей «Чудеса под рукой».

ШКАЛИКОВ ВЛАДИМИР
1943

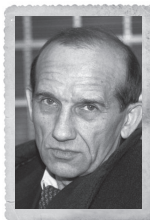

Владимир Владимирович Шка́ликов (29.01.1943, станица Екатериновская Краснодарского края) родился в декабре 1942 г. (в документах другая дата) в зоне боевых действий на Кубани. Получил три высших образования: техническое, социологическое и педагогическое (по специальности «русский язык и литература»). Служил на Черноморском флоте, пловец-подводник. Работал столяром, слесарем, радиомонтажником, строителем, вальщиком леса, мастером профтехучилища, инструктором ГАИ,

журналистом, охранником... Творческую деятельность начал в 1960 г. как журналист. Автор ряда произведений для взрослых и детей (реализм, фантастика, сказки), романа «Гений самосуда» (2011). С 1960 г. живёт в Томске. Работает переплётчиком в Томской областной библиотеке им. А.С. Пушкина.

ШКЛЯРЕВСКИЙ ИГОРЬ

1938

Игорь Иванович Шкляревский родился 25.06.1938 в Бельнич Могилёвской обл. БССР в семье школьных учителей, которая после войны переехала в Могилёв. Из-за тяжёлой длительной болезни отца воспитывался в интернате. Работал литейщиком, токарем, матросом торгового флота, геодезистом, землемером. Учился в Могилёвском пединституте, окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1965). Автор поэтических сборников «Я иду» (1962), «Лодка» (1964), «Похолоданье» (1975), «Брат» (1982) и др., книг и прозы «Тень птицы. Три повести» (1976) и др. Переводил белорусских поэтов. Член комиссии по Государственным премиям при Президенте РФ, председатель комиссии по Пушкинским премиям при Президенте РФ (с 1999). Награждён государственными наградами, премиями РФ и других стран. Живёт в Москве.

ШКОЛЬНИК ЛЕОНИД

1945–2019

Леонид Борисович Школьник (29.09.1945, Кемерово – 21.06.2019, Иерусалим, Израиль) вместе с родителями в 1951 г. переехал в Биробиджан ЕАО. Трудовую деятельность начал рабочим на обувной фабрике. В 1974–1989 гг. работал в газете «Биробиджанер штерн», прошёл путь от корреспондента отдела культуры до заместителя главного редактора. Стихи публиковались в журналах «Дальний Восток», «Советиш Геймланд», в коллективных сборниках «На берегу Виры и Биджана», «Волшебное дерево», в альманахе «Литературный Биробиджан». В 1991 г. покинул СССР, несколько лет был журналистом популярного в Израиле еженедельника «Новости», в последние годы – главным редактором газеты «Форвард» в США. Переводил еврейскую поэзию. Писал по-русски и на идише.

ШЛЁНСКИЙ ВЛАДИМИР

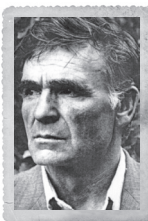
1945–1986

Владимир Николаевич Шлёнский (1945, Москва – 1986, Москва) за свою короткую жизнь успел поработать и слесарем на машиностроительном заводе, и мастером по осветительной технике в кино, и санитаром в больнице. В июне 1986 г., незадолго до смерти, был командирован в Афганистан в качестве военного журналиста. Автор нескольких поэтических сборников, а также текстов многих популярных песен на музыку известных композиторов.

ШМАКОВ ГЕННАДИЙ

1930–2002

Геннадий Тимофеевич Шмаков (24.08.1930, г. Салаир Кемеровской обл. – сентябрь 2002) первую трудовую закалку получил в качестве маркшейдерского рабочего на Салаирском золотом прииске. В 1949 г. с семьёй переехал в Омск, работал в КБ завода транспортного машиностроения, а после армии окончил Омский институт физической культуры, школу тренеров. Получил специальность тренера по боксу. Как поэт печатался в коллективных сборниках, в журналах «Иртыш», «Земля сибирская, дальневосточная», «Литературный Омск», в «Омской правде» и других газетах. Автор стихотворных сборников, изданных в Омске: «За дальней просекой» (1982), «Память моя» (1996), «Медвежий угол» (1996), «Я желаю счастья вам!» (1998), «Стихи. Пародии. Сатира» (Омск, 2001).

ШОШИН ВЛАДИСЛАВ

1930–2008

Владислав Андреевич Шошин (30.05.1930, Ленинград – 21.11.2008, Санкт-Петербург) пережил блокаду, во время войны потерял отца и других близких людей. В 1953 г. окончил филологический факультет ЛГУ, после чего был направлен в аспирантуру Пушкинского Дома. Стихи впервые опубликовал в 1946 г. в газете «Ленинские искры», в конце 50-х гг. печатался в ленинградской городской и областной прессе, в журналах «Огонёк», «Молодая гвардия», «Звезда» и «Нева». Автор поэтических книг «Песни в пути» (1955), «Первый гром» (1962), «Ленинградская симфония» (1983), «Судьба и счастье – Ленинград» (трилогия, 1987). Доктор филологических наук, известен как литературовед и переводчик. На стихи В. Шошина написан ряд песен.

ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ
1937–1974

Геннадий Фёдорович Шпáликов (06.09.1937, г. Сегежа Карельской АССР – 01.11.1974, пос. Переделкино Ленинского р-на Московской обл.) родился в семье служащих, которую в начале войны эвакуировали из Москвы в г. Фрунзе. Отец, Фёдор Григорьевич Шкаликов (во время учёбы в Военно-инженерной академии им. Куйбышева сменил фамилию на более благозвучную – Шпаликов), ушёл на фронт, погиб в 1944 г. при освобождении Польши (по другим сведениям, пропал без вести 29.01.1945 в Германии). Будущего поэта растила мать, Людмила Никифоровна, сестра генерала С.Н. Перевёрткина. После Победы Геннадий, вернувшись из эвакуации, пошёл в школу, а через два года как сын погибшего офицера военкоматом Ленинградского р-на г. Москвы был направлен в Киевское суворовское военное училище (именно там он начал писать рассказы и стихи, впервые их напечатали 26.06.1955 г. в газете «Сталинское племя»), окончил его в 1955 г. В 1956–1961 гг. – студент сценарного факультета ВГИКа. На последнем курсе написал сценарий фильма «Застава Ильича», а в 1962 г. – лирической комедии «Я шагаю по Москве» (1964). В 1966 г. на экраны страны вышла картина «Долгая счастливая жизнь» – единственная режиссёрская работа Г. Шпаликова, а также кинолента «Я родом из детства» по его сценарию. Писал сценарии и для мультфильмов. В 1971 г. в прокате появились два фильма его авторства («Ты и я» и «Пой песню, поэт...»). Г. Шпаликов плохо переносил периоды творческой неустойчивости, злоупотреблял алкоголем. В последние годы жизни работал над романом, завершить его не успел. Ушёл из дома, перебивался временным жильём у друзей и знакомых. Повесился в Доме творчества писателей (по другим сведениям – на одной из дач) в пос. Переделкино. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище, уч. № 34. В 2003 г. в Москве на доме, где в 1956–1960 гг. жил поэт (1-я Тверская-Ямская, д. 13, стр. 1), установлена мемориальная доска, в 2009 г. при входе в здание ВГИКа открыт памятник Г. Шпаликову, А. Тарковскому и В. Шукшину, о Г. Шпаликове изданы книги воспоминаний. Первый сборник стихов – «Избранное» (1979) – опубликован посмертно, позже вышли и другие, в том числе «Я жил как жил» (1998), «Пароход белый-беленький» (1998), «Прощай, Садовое кольцо» (2000).

ШТУБОВ ВАЛЕНТИН
1945–2013

Валентин Николаевич Штубов (21.10.1945, д. Афонино Бельского р-на Великолукской (ныне Тверской) обл. – 30.08.2013, г. Нелидово Тверской обл.) в 1964 г. окончил Бельскую среднюю школу. Отслужил в армии. В 1969–1975 гг. учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Работал техником-технологом Ильичёвского судоремонтного завода Одесской обл., библиотекарем, сотрудником ряда газет, ответственным секретарём районной газеты «Нелидовские известия». Автор 18 поэтических книг: «Время поющих соков» (М.: «Советский писатель», 1981), «Золотые мгновенья поля» (М.: «Современник», 1986), «Двенадцать струн» (Тверь, 1998), «Волшебная лампа» (Тверь, 2003), «Наивные цветы» (Ржев, 2003) и др. В 2014 г. на здании Нелидовской центральной библиотеки в память о поэте открыта мемориальная доска.

ШУБНИКОВ ГЕОРГИЙ
1933

Георгий Шубников родился в октябре 1933 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург). Воспитывался в детском доме, отец погиб на фронте. Ветеран труда машиностроительного завода им. М.И. Калинина.

ШУВАЕВ ВЛАДИМИР
1946–2014

Владимир Павлович Шуваев (06.12.1946, г. Дзауджикау Северо-Осетинской АССР – 21.11.2014, Воронеж) жил на Кавказе, в Сибири, на Черноземье (Воронеж), в Москве. Учился в Воронежском мединституте (1964–1965), затем на отделении журналистики Воронежского университета. Прошёл путь от рабочего геологоразведки до главного режиссёра крупного регионального телевизионного объединения Русской телерадиовещательной компании. Литературную работу начал в 1966 г. Долгое время работал в газетах, на телевидении. Почти всю жизнь провёл в разъездах. Автор поэтических книг «Последняя вера» (1996), «XX век в стихах» (2005). Жил в Москве, скоропостижно умер в Воронеже. В 2015 г. после смерти поэта друзья поэта выпустили третью книгу его стихов («Избранное», 2015), документальный фильм «Атлантида Владимира Шуваева» (2016, режиссёр Л.А. Асташов)

и несколько передач, посвящённых его жизни и творчеству, на телевидении и радио.

ШУЛЬГИН МИКУЛЬ

1940–2007

Микуль (Иван) Иванович Шульгин (01.02.1940, д. Мувхот-Курт (Земляные юрты) Азовского сельского совета Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого национального (ныне автономного) округа – 22.06.2007, с. Горки Шурышкарского р-на ЯНАО) родился в семье председателя одного из первых хантыйских рыболовецких колхозов. Окончил среднюю школу в с. Мужы Ямало-Ненецкого округа, учился на факультете народов Севера Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена (1958–1959). После службы в армии жил в г. Ханты-Мансийске, работал литературным сотрудником окружной газеты «Ленин пант хуват» («Ленинская правда»; именно там в 1960 г. впервые опубликовали его стихи), затем в окружном Доме творчества народов Севера, был научным сотрудником краеведческого музея, перед выходом на пенсию трудился в совхозе «Горьковский» Шурышкарского р-на. В 1962 г. издал первую поэтическую книгу на хантыйском языке – «Мави ас» («Медовая Обь»); в 1975 г. – на русском языке («Благодарность», перевод В. Кузнецова). Автор сборников стихов и сказок «Нельнг Айвой», «Тови ар», «Песня весны», «Жадная мышка». Перевёл на язык ханты «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «Конька-Горбунка» П.П. Ершова, «А кто там идёт» Янки Купалы.

ШУМАКОВ НИКОЛАЙ

1928–2003

Николай Фёдорович Шумаков (18.12.1928, с. Шумаково ныне Солнцевского р-на Курской обл. – 20.02.2003) детство и юность провёл в родном селе. Сначала работал подпаском и косарём на колхозных полях и лугах. Участник Великой Отечественной войны. После Победы по комсомольскому набору шесть лет служил на гвардейском крейсере «Красный Кавказ» Черноморского флота и эскадренном миноносце «Сталин» Северного флота. В 1968 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, перебрался в Москву, работал корреспондентом Всесоюзного радио. Стихи печатались в журналах «Юность», «Смена», «Огонёк», «Сельская молодёжь», «Молодая гвардия», в «Литературной газете», с 1974 г. начали выходить поэтические сборники. Автор 15 книг прозы и стихов, в т.ч. «Эстонский Данко», «Ветрила», «Шаги», ряда переводов с языков народов СССР, а также слов многих популярных песен известных

композиторов и знаменитых исполнителей. Похоронен в Подмосковье на Щербинском кладбище. 18.12.2002 на родине поэта, в с. Шумаково, в память о нём открыт музей.

ШУМЕЙКО МИХАИЛ

1942

Михаил Денисович Шумейко родился 12.02.1942 в д. Козорезовка Почепского р-на Брянской обл. После окончания средней школы учился в техническом училище № 1 Брянска. Работал токарем на заводе «Дормаш». Служил в армии. В 1969 г. окончил факультет русского языка и литературы Новозыбковского пединститута. 25 лет проработал директором школы и 15 лет – учителем русского языка и литературы в с. Вороново Рогнединского р-на Брянской обл., где и живёт в настоящее время. Отличник народного образования, ветеран педагогического труда. Печатался в коллективных сборниках «Знакомство», «И я этой силы частица», в журнале «Десна». Автор поэтических книг «Отцовская земля» (1994), «Михайлов день» (2002), «Русская околица» (2007), «Реки нашего детства» (2008), «Стезя» (2011).

ШУМИЛИН ВАЛЕРИЙ

1935–2016

Валерий Александрович Шумилин (03.07.1935, Ленинград – 03.12.2016, Санкт-Петербург) ребёнком пережил блокаду. Учился на отделении журналистики филологического факультета ЛГУ им. А.А. Жданова (1953–1958). Первая публикация стихов состоялась в 1952 г. Печатался в журналах «Мурзилка», «Весёлые картинки», «Костёр», «Пионер», как поэт-сатирик – в изданиях «Крокодил», «Боевой карандаш». Автор сценариев мультфильмов, телефильмов и пьес, музыкальной композиции «Дневник Тани Савичевой», подготовленной к 68-летию снятия блокады Ленинграда, а также нескольких десятков книг поэзии и прозы для детей и взрослых, в т.ч. «Блокада вчера... а сегодня?» (1999), «Жизнь свою проверяй по блокаде» (2003), «Блокада – судьбы, повороты» (2007), «Ты призадумайся, потомок!» (2010), «Ленинград, блокада, дети...» (2011).

ЩАСНАЯ ЛАРИСА
1939

Лариса Ивановна Щасная (урождённая Богатырёва) родилась 02.08.1939 в пос. Ханжёнково (ныне часть Советского р-на г. Макеевка) Донецкой обл. УССР в семье горного инженера. В 1962 г. окончила Новочеркасский политехнический институт и переехала в Иваново. В 1962–1965 гг. работала инженером-конструктором Ивановского облпроекта, в 1966–1979 гг. – сотрудником редакций газет «Строитель» и «Ленинец» (именно в этой молодёжной газете в 1963 г. дебютировала большой подборкой стихов). С отличием окончила заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (1964–1970). В 1968 г. в Верхне-Волжском книжном издательстве выпустила первый поэтический сборник – «Начало дня», в 1971 г. – второй, «Февральская капель» (оба в 1972 г. отмечены Ивановской областной премией им. Ленинского комсомола), затем – «Вино ярости» (1994) и др. Переводила с лакского и туркменского языков, её произведения переводились на татарский, азербайджанский, молдавский, польский. В 2005 г. стала составителем антологии ивановских поэтов-фронтовиков. В 2008 г. опубликовала лирическую повесть «Танец одинокой рыбы» (под псевдонимом Лариса Богатырёва) и сборник стихов «Черновики, беловики...». Заслуженный работник культуры РФ (2000).

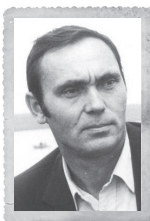
ЩЕГЛОВ ЛЕВ
1932–1996

Лев Сергеевич Щеглов (09.02.1932, Ярославль – 03.01.1996, Москва) родился в семье военнослужащего. Учился в военном училище в г. Калинин Гомельской обл. БССР. В 1971–1978 гг. работал в издательстве «Жазушы» (Алма-Ата). Редактор 20 книг казахстанских поэтов, переводчик. Мастер иронического стиха, печатался на 16-й полосе «Литературной газеты», в журналах «Юность», «Москва», «Молодая гвардия», «Крокодил», «Сибирские огни», «Простор», «Нива». Первая публикация состоялась в 1957 г. в коллективном сборнике. Автор нескольких книг прозы, 11 сборников стихов, в том числе: «Мужская школа» (1966), «Гостеприимство» (1973), «Дар Валдая» (1978), «Ход мысли» (1990).

ЩЕРБАКОВ АЛЕКСАНДР
1939

Александр Илларионович Щербаков родился 03.01.1939 в с. Таскино Каратузского р-на Красноярского края в крестьянской семье, был младшим из 10 детей, с детства трудился в колхозе. Окончил среднюю школу в с. Каратузское, факультет русско-

го языка и литературы Красноярского пединститута, факультет экономики Красноярского аграрного института, факультет журналистики МГУ. Получив педагогическое образование, несколько лет работал учителем в Канской средней школе-интернате, потом перебрался в Красноярск и посвятил себя журналистике: был корреспондентом краевого телевидения и радио, газеты «Красноярский рабочий», редактором краевого книжного издательства, инструктором в секторе печати райкома партии, собственным корреспондентом газеты «Известия» по Красноярскому краю и Туве, возглавлял Красноярское отделение СП России. Печатался во многих журналах. Автор более двух десятков книг для взрослых и детей, в т.ч. прозы («Свет всю ночь» (1980), «Венцы» (2007), «Деревянный всадник» (2007), «Душа мастера» (2008) и др.), поэзии («Живая вода» (1990), «Трубачи весны» (1981), «Глубинка» (1985), «Вербное воскресенье» (1990) и др.). Заслуженный работник культуры РФ.

ЩЕРБАТОВ БОРИС

1941–2013

Борис Николаевич Щербатов (1941, г. Электросталь Московской обл. – 04.06.2013, Москва) детство и школьные годы провёл в с. Михайловское Куркинского р-на Тульской обл. Окончил Тульский политехнический институт. Член Союза писателей СССР и СП России. Автор пяти сборников стихов, первый – «Над Непрядвой-рекой» – вышел в 1983 г. в издательстве «Советский писатель». В четвёртую и пятую книги – «Плач соловьиный» (2006), «Лебединым пером» (2011) – вошли избранные произведения и стихи последних лет.

ЩИПАХИНА ЛЮДМИЛА

1933

Людмила Васильевна Щипахина родилась 26.03.1933 в Свердловске. «Отец, фронтовик, прошёл всю войну, был тяжело ранен, но выжил и благодаря своей профессии строителя был назначен на восстановление Сталинграда, – рассказывает Людмила Васильевна. – Мы с мамой и братом приехали к нему с Урала в 1945 г. Жили в знаменитом Доме Павлова – единственном уцелевшем на многие кварталы. Какие там были руины! И отец встал во главе всего строительства. Воздвиг город – от первого жилого дома до всемирно известного мемориала на Мамаевом кургане. Был потом заместителем председателя горисполкома. Он заслуженный строитель, мой отец, – Василий Васильевич Щипахин. А мама, Нина Михайловна, – заслуженный врач. (...) Я окончила школу в Сталинграде, проучилась два года в пединституте, посла-

ла свои стихи на творческий конкурс в Москву, в Литературный институт и прошла! Училась сначала на заочном, потом на дневном». После окончания вуза (1958) жила в Ленинграде. Изучила испанский язык и многократно бывала в Латинской Америке. Секретарь правления Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов. Стихи писала с детства, многие из них стали песнями на музыку известных композиторов. Первый поэтический сборник – «В дороге» – вышел в 1957 г., потом были «Ожидание» (1962) и др. Автор более 40 книг стихов и переводов. Лауреат многих литературных премий и званий, удостоена государственных наград, в том числе орденов. Заслуженный работник культуры Туркменистана. Живёт в Москве.

ЩИТОВ АНАТОЛИЙ
1934–1998

Анатолий Владимирович Щитов (23.04.1934, г. Кяхта Бурят-Монгольской АССР (ныне Республики Бурятия) – 1998, Улан-Удэ) окончил Омский гидромелиоративный институт, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Работал инженером-гидротехником на мелиоративных стройках Бурятии, заместителем главного редактора, ответственным секретарём журнала «Байкал». Дебютировал в печати в 1960 г. в журнале «Свет над Байкалом», публиковался в периодических изданиях Омска и Улан-Удэ. Автор поэтических сборников «Стихи» (1964), «Стихи для друзей» (1970), «Стихи» (1973), «Баллада о белом потолке» (1975), «Красная осень» (1979), «Признание» (1991); книг рассказов и повестей «Туда, где Люси» (1987), «Дороги кончаются здесь» (1979, соавтор А. Балабаев); пьес «Тайга, тайга», «Крик в тайге», «Ради этой минуты», «Волчий лог» (поставлены на сцене Русского драматического театра им. Н.А. Бестужева). Известен и как переводчик бурятских, монгольских, эвенкийских поэтов.

ЩУРОВ ГЕННАДИЙ
1938

Геннадий Леонидович Щуров родился 12.09.1938 в г. Артёмовске Донецкой обл. УССР. В военные годы с семьёй жил в Ростовской обл., в 1949 г. переехал в Донецк. В 1956 г. окончил школу, в 1959 г. – режиссёрское отделение Донецкого техникума культурно-просветительской работы. Был корреспондентом газет «Комсомолец Донбасса» и «Железнодорожник Донбасса». В 1967 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор поэтических сборников «За всё земное» (1965), «Тысячелистник» (1968), «Наследство» (1971),

«Вечный календарь» (1973), «Клинопись» (1987) и др. Итогом десятилетнего творческого содружества со строителями канала «Днепр – Донбасс» явилась документальная повесть «За живой водой». Переводил на русский язык украинских, бурятских и греческих поэтов. Его произведения печатались в Болгарии, Германии, Монголии и Польше.

ЭДИДОВИЧ МИХАИЛ
1941–2008

Михаил Давидович Эдидович (07.02.1941, Рига Латвийской ССР – 17.01.2008, Рига, Латвия) в 1969 г. окончил факультет журналистики Дальневосточного университета. Был литературным сотрудником районной газеты «Полярник», вёл радиопередачи для моряков и геологов, заведовал отделом районного комитета комсомола, ходил матросом на зверобойной шхуне, метил белых медведей. Жил в пос. Провидения, в г. Анадыре и столице Колымы Магадане. Публиковал статьи и стихи в газетах «Советская Чукотка», «Магаданский комсомолец», «Магаданская правда» и др., в альманахе «На Севере Дальнем», журнале «Дальний Восток». В 1971 г. переехал в с. Лорино Чукотского р-на. Вместе с лоринскими морзверобоями охотился на моржей и китов, потом попробовал на себе нелёгкий труд оленевода. В Магадане вышли книги стихов «Море пахнет льдом» (1975) и «Дыхание зимы» (1981). Переводил стихи с чукотского и эскимосского языков. В 1984 г. вернулся на родину. В 1990–2000-е гг. жил преимущественно в Нью-Йорке. На протяжении более чем 10 лет работал журналистом в газете «Новое русское слово».

ЭЗИЗОВ КУРБАННАЗАР
1940–1975

Курбанназар Эзизов (Гурбаназар; 01.03.1940, селение Безмеин Ашхабадского р-на Ашхабадской обл. Туркменской ССР, – 29.09.1975) родился в семье учителя-фронтовика. После окончания ашхабадской СШ № 29 поступил на филологический факультет Туркменского университета. В 1965 г., завершив учёбу, получил распределение в редакцию издательства «Детская литература», но в тот же год ушёл в армию. Вернувшись, работал заведующим отделом поэзии в местной газете «Литература и искусство». Трагически погиб. Прожив всего 35 лет, стал явлением в туркменской литературе XX века. Автор книг стихов и поэм «Мальчик и море» (1969), «Уверенность» (1971), «Меж землёй и небом» (1973) и др. Народный писатель Туркменистана.

ЭМИНОВ ОКТЕМ
1934

Октем Эминов родился в с. Халач Чарджоуской обл. Туркменской ССР. Окончил Туркменский университет в Ашхабаде. Работал в редакциях областных газет и на телевидении. Автор многих стихов, очерков, детективов. Живёт в Чарджоу (Туркменистан).

ЭСКИН АНАТОЛИЙ
1937–1977

Анатолий Устинович Эскин (10.07.1937, с. Семилей Кочкуровского р-на Мордовской АССР – 25.02.1977) в 1960 г. окончил Мордовский университет. Работал в журнале «Сятко», в Мордовском книжном издательстве, в телерадиокомитете. В 1963 г. издан первый сборник стихов – «Оят-ялгат» («Друзья-товарищи»), затем вышли поэтические книги «Сюкпря» («Поклон», 1966), «Чадыть цецят» («Пора цветения», 1969), «Паро-ёжо» («Хорошее настроение», 1973), «Тундонь пиземе» («Весенний дождь», 1977), «Толгелень раштыця» («Рождающий пламя», 1991).

ЭСКИН БОРИС
1937–2019

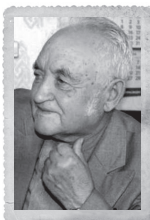
Борис Михайлович Эскин (05.10.1937, Днепропетровск, УССР – 05.12.2019, Нацерет-Илит, Израиль) в начале войны вместе с матерью был эвакуирован на Урал. Отец, гвардии капитан Михаил Моисеевич Эскин (1912–1951), – фронтовик, трижды ранен, после Победы продолжил службу в Германии, где к нему присоединилась вся семья. Б. Эскин окончил индустриальный техникум. Учился в театральной студии у В.И. Ковалевского. В 1960 г. играл в Днепропетровском театре драмы им. Горького, потом переехал в Севастополь, где был принят на работу в Театр Черноморского флота и где прожил более 30 лет. Был театральным актёром, режиссёром, главным редактором Севастопольского телевидения. В 1994 г. уехал в Израиль, несколько лет руководил театром «Элит». Автор двух десятков книг стихов и прозы, пьес, теле- и киносценариев, лауреат международных поэтических конкурсов.

ЮДАХИН АЛЕКСАНДР
1942–2016

Александр Владимирович Юдахин (13.11.1942, Самарканд Узбекской ССР – 05.03.2016, Москва) прожил необыкновенно бурную жизнь и переменял множество профессий: был учителем истории и директором школы в Сибири, литературным секретарём, учеником главного повара эмира бухарского и коком на океанском судне, инструктором милиции по самбо, директором Дома творчества во Внукове, редактором газеты «Московский литератор», заведующим отделом «Литературной газеты» и позже ТАСС. Автор 23 поэтических сборников: «Судовое время» (1975), «Становление» (1983), «Субъективная правда» (1990), «Прохожий» (1990) и др., 16 книг переводов, нескольких книг прозы... и нескольких книг о смерти 20-летнего сына. Эта смерть стала потрясением и личной трагедией поэта.

ЮМАН АНАТОЛИЙ
1932–2018

Анатолий Юман (настоящее имя – Анатолий Фёдорович Ермилов; 12.09.1932, с. Средние Алгаши (ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл.) – 13.11.2018, с. Большое Нагаткино Цильнинского р-на Ульяновской обл.) после окончания школы работал журналистом, затем редактором местных газет, окончил шестимесячные курсы журналистики Казанской высшей партийной школы. В 1963–1989 гг. был сотрудником редакций Богданкинской и Цильнинской районных газет. В 1985 г. стал одним из создателей Ульяновского областного чувашского просветительского общества им. И.Я. Яковлева. Эта организация открыла региональный телеканал на чувашском языке «Еткер» («Наследие»), начала выпускать ульяновскую областную чувашскую газету «Канаш» («Совет»). А. Юман готовил первый номер данного издания, в 1989–1994 гг. работал там заместителем редактора. Автор свыше 40 книг, в том числе поэтических сборников «Чёмпёр чулэ калацать» («Говорит симбирский камень», 1975), «Чёре сёввисем» («Отметины на сердце», 1992), «Марине» (2005) и др.. Заслуженный работник культуры РФ.

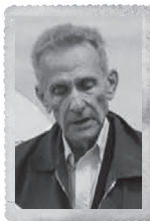
ЮНИЦКАЯ МАРИЯ
1929–2012

Марина Сергеевна Юницкая (26.02.1929, Брянск – 05.08.2012) родилась в простой семье. Отец, Сергей Данилович Кошечев, – танкист, прошёл всю Великую Отечественную. Многие годы, как и брат Константин, работал машинистом на паровозе. Мама, Валентина Дмитриевна, была медсестрой. М. Юницкая

окончила школу в Брянске, а в 1951 г. – редакторский факультет Московского полиграфического института. До 1954 г. работала старшим редактором книжного издательства в г. Грозный, после возвращения в Брянск – в редакции «Брянского комсомольца» (где и состоялся её поэтический дебют, впоследствии она руководила молодёжным литературным объединением «Родник» при этой газете), с 1960 по 1984 г. – редактором общественно-политических, литературно-драматических и молодёжных передач областного телевидения. Печаталась в изданиях Северного Кавказа, Белоруссии, Москвы, Киева, Тулы и Орла, Смоленска, Свердловска и др. городов. Автор стихотворных сборников «Сердце зовёт» (1959), «Встречи, разлуки» (1962), «Ещё о нежности» (1964), «Земное наше притяжение» (1968), «Голубика моя, голубика» (1975), «Тихое лето» (1980), «И только о любви мы будем говорить» (1992), «У каждого своё море, или Длинные записки» (2006), «Февральские метели» (2007). Похоронена в Брянске на Центральном кладбище.

ЮРКОВ ОЛЕГ
1935

Олег Владимирович Юрков (Ладария) родился 11.03.1935 г. в г. Сухуми Абхазской АССР (в составе Грузинской ССР) в семье служащих: отец, В. Юрков, – русский, артист ленинградской эстрады; мать, К. Ладария, – абхазка, врач. После школы поступил в Ленинградский политехнический институт, в 1959 г. окончил его по специальности «инженер-металлург». Работал в проектных и научных организациях, кандидат технических наук. Параллельно окончил факультет повышения квалификации Московского полиграфического института (Ленинградский филиал) по специальности «редактор». Со студенческих лет занимался в ленинградских лито: при ДК им. Первой пятилетки, в мастерской «Вторая книга» при Союзе писателей. Со стихами дебютировал в газете «Политехник» в 1958 г., первый сборник вышел в 1979 г. в издательстве «Советский писатель». Автор 15 поэтических книг: «Высокая радуга» (1979), «Берега мои...» (1987), «Спасательный круг» (1993), «Золотое сечение» (1996) и др., многих эссе и рецензий, критических заметок. Главный редактор альманаха «Рог Борей». Живёт в Санкт-Петербурге.

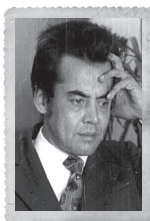
ЮРЬЕВА ЛИДИЯ
1942

Лидия Владимировна Юрьева (Петрякова) родилась 07.09.1942 в Ашхабаде Туркменской ССР. Детство провела в г. Фергане Узбекской ССР, где окончила среднюю школу. По-

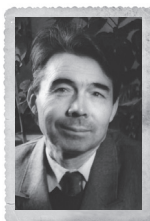
ступила на историко-филологический факультет Тульского пединститута им. Л.Н. Толстого. Окончив учёбу (1964), отработала год по назначению и уехала в г. Усолье-Сибирское Иркутской обл., где живёт по настоящее время. Работала в усольских многотиражах, в городских и районных газетах, была ответственным секретарём газеты «Слово». Пишет стихи, рисует маслом и акварелью. Печаталась в городских газетах, в журнале «Сибирь», в областной газете «Культура», в поэтических сборниках «Усольская лира», «Усольские эскизы», «Иркутские просторы», «Иркутский альманах». Автор поэтических книг «Осенняя песня» (2003), «Кипрей» (2008), «Прозрение» (2009), «И снова я – в бою» (2012).

ЮСУПОВ ТИМЕР
1939–2016

Тимер Юсупович Юсупов (31.05.1938, д. Абсалямово Дуванского р-на Башкирской АССР – 16.03.2016, Уфа) сразу после школы стал сотрудником Кигинской районной газеты. В 1967 г. окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал в школе Бурзянского р-на, затем работал в редакции газеты «Башкортостан пионеры», в правлении Союза писателей республики. Выпускник Высших литературных курсов в Москве. Стихи начал писать в 1960-е годы, первый сборник – «Запах хлеба» – издан в 1968 г., затем вышли поэтические книги «Вереница лет», «Золотая пыль», «Раздумье на скалах» (1988) и др. В 1998 г. за книгу «Поспели ягоды» Т. Юсупову присуждена Государственная премия Республики Башкортостан им. С. Юлаева. Народный поэт Республики Башкортостан (2003).

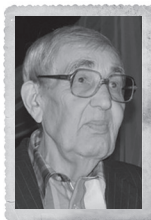
ЮХМА МИШШИ
1936

Мишши Юхма (Михаил Николаевич Юхма, настоящая фамилия – Ильин) родился 10.04.1936 в д. Сугуты Батыревского р-на Чувашской АССР, окончил Чувашский пединститут им. И.Я. Яковлева, Высшие театральные курсы при Московском институте театрального искусства им. А.В. Луначарского. Работал научным сотрудником Чувашского республиканского краеведческого музея, учителем в Чебоксарской СШ № 6, инспектором Совмина Чувашской АССР, редактором Чувашского книжного издательства, главным редактором газеты «Вучах». Печататься начал в 50-е гг. в газете «Авангард» родного района. Автор множества исторических романов и повестей, сборников легенд и рассказов, очерков, драматических и поэтических книг, исследований по древней и средневековой истории, а также по фольклору и мифологии

чувацкого народа. Произведения переведены более чем на 100 языков. На сценах театров многих стран мира (Азербайджана, Литвы, Украины, Казахстана, Австрии, Кореи и др.) поставлено около 30 его пьес. Народный писатель Чувашской Республики (1993).

ЮШКОВ ГЕННАДИЙ
1932–2009

Геннадий Анатольевич Юшков (коми – Толь Гень Юшков; 14.03.1932, д. Красная Сыктывдинского р-на АО Коми (Зырян) – 20.05.2009, Сыктывкар, Республика Коми) сразу после школы стал сотрудником Коми республиканского радиокомитета, тогда же начал пробовать перо. Окончив Литературный институт им. А.М. Горького (1953–1958), работал секретарём редакции журнала «Войвыв кодзув», заместителем председателя правления Союза коми писателей, а в 1978–1992 г. стоял во главе этого союза. Первое стихотворение опубликовал в журнале «Войвыв кодзув» в 1952 г. Автор поэтических сборников «Медводдза сёрни» («Первый разговор», 1959), «Сӱстӱм дӱрӱм» («Чистая рубашка», 1965), «Сьӱлӱм петас» («Всходы сердца», 1967), повестей и романов, а также пьес, неоднократно ставившихся на сцене Коми республиканского драмтеатра. Некоторые стихи Г. Юшкова стали песнями («Марья моль» и «Коми Ань» многие даже считают народными), произведения переведены на русский язык. Лауреат Государственной премии Коми АССР, народный писатель РК (1991), заслуженный работник культуры РФ (2000), почётный гражданин Сыктывкара (2003), почётный гражданин Республики Коми. Похоронен в Сыктывкаре на Краснозатонском кладбище. В 2018 г. на фасаде Дома Печати, где писатель проработал 21 год, установлена мемориальная доска.

ЯВТЫСЫЙ ПРОКОПИЙ
1932–2005

Прокопий Андреевич Явтысый (11.07.1932–23.12.2005, Нарьян-Мар) родился в кочевом чуме в Малоземельской гундре. Рос в многодетной семье без матери, с малых лет пас оленей и тянул тяжёлый невод наравне со взрослыми рыбаками. Окончив Нарьян-Марскую ненецкую школу-интернат, поступил на подготовительное отделение факультета народов Крайнего Севера при Ленинградском институте им. Герцена, после чего стал студентом факультета естествознания того же института, а в 1966 г. там же заочно окончил и факультет физического воспитания. С 1960 г. работал учителем биологии и физкультуры в ненецкой средней школе-интернате в Нарьян-Маре. Первое стихотворение – «Птицы спешат» – опубликовал в окружной газете «Нарьяна вындер» в 1962 г. Автор книг поэзии и прозы «В белой панице земля» (1973), «Бег оленя» (1977), «След аргиша» (1981), «Схватка» (1988), «Зов моршковой земли» (1989), «Праздник оленевода» (1989), «Сотворение мира» (1992), «Время раздумий в полярную ночь» (2004) и др., а также учебного пособия по ненецкому языку «Вытерко». Многие годы активно участвовал в работе лито «Заполярье». В конце 1980-х гг. начал заниматься графикой, выставки его работ проходили в Нарьян-Маре (1991, 1992) и в Норвегии (1993, 1994). Являясь вице-президентом Ассоциации ненецкого народа «Ясавэй», добился организации в Нарьян-Маре первого ненецкого театра «Илебц» («Жизнь»), создал для него репертуарные пьесы, организовал гастрольные поездки в Норвегию и Финляндию. В 1998 г. вместе с А. Пичковым основал детскую литературно-творческую группу «Суюкоця» («Оленёнок») при окружном этнокультурном центре НАО. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1978), бронзовой медалью ВДНХ СССР (1982), лауреат премии Архангельского комсомола в области литературы и искусства (1982).

ЯГАН ИВАН
1934

Иван Павлович Яган родился 30.09.1934 в д. Байдановка Таврического р-на Омской обл. в крестьянской семье. Трудовую деятельность начал мальчишкой в годы войны. С 1948 г. жил в Омске, работал землекопом, кошегаром, каталом на пилораме. В 1952 г. оказался в Молдавии, трудился рабочим консервного завода, матросом на речном теплоходе. В 1954–1958 гг. служил рулевым крейсера «Керчь» на Черноморском флоте. После демобилизации вернулся в Омск, был литературным сотрудником, редактором заводских газет, литконсультантом в Омской писа-

тельской организации. В 1965 г. окончил факультет журналистики Уральского университета им. М. Горького. В 1974 г. переехал в Курган, работал в областной газете, в октябре того же года был избран ответственным секретарём областной писательской организации. В 1993 г. основал литературно-публицистический альманах «Тобол». Стихи начал писать с 13 лет, первая публикация состоялась в 1949 г. в омской газете «Молодой сибиряк». Печатался в газете «Литературная Россия», в журналах «Сибирские огни», «Урал», «Наш современник», «Аврора», «Журналист», «Рабоче-крестьянский корреспондент» и др. Автор более 20 книг стихов и прозы для детей и взрослых: «Матросская лирика» (Киев: «Молодь», 1959), «Я боюсь тишины» (1963), «На улице строительной» (1963), «Как нам сердце велело» (1970), «Когда я был мальчишкой» (1965), «Средь высоких хлебов...» (1968), «Сын завода» (1973), «До завтра, Глаша!» (1975), «Если б не фортуна» (1977), «Перекаты» (1980), «За Сибирью солнце всходит» (1984), «Данилкино утро» (1989), «Чем живу» (2003) и др. Член Союза писателей СССР с 1966 г. Заслуженный работник культуры РСФСР (1984), лауреат многих премий.

ЯГАНОВ ВИКТОР
1942–2000

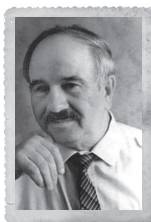

Виктор Александрович Яганов (24.06.1942, Благовещенск Амурской обл. – 08.03.2000) родился в семье учителей, потомственных казаков. Отец, Александр Васильевич, – участник советско-японской войны 1945 г., командир противотанкового орудия. В 1962 г., окончив благовещенскую СШ № 1, В. Яганов ушёл в армию, три года служил в зенитно-артиллерийском дивизионе. После демобилизации вернулся домой, работал на заводе «Амурский металлист», в 1976 г. с отличием окончил вечернее отделение коммунально-строительного техникума. Работал на городских и областных стройках сначала мастером, потом инженером. Стихи начал писать с 12 лет. Печатался в журналах «Наш современник» и «Дальний Восток», в газетах «Амурская правда», «Амурская газета», «Благовещенск», в альманахе «Приамурье моё». Автор поэтических сборников «Встреча» (1990), «Извлечение корня» (1987), «Казачий разъезд» (1993), «Тепло» (1992), «Цветы багульника» (1999), изданных в Благовещенске и Тынде, лауреат премии Амурского комсомола в области литературы и искусства (1981). Песни на его стихи, написанные в содружестве с благовещенскими композиторами Н. Лошмановым, Е. Лыткиным и др., стали основой репертуара Амурского народного хора. Умер от остановки сердца в вагоне поезда «Благовещенск – Свободный» (торопился в пос. Юхта на похороны

молодого солдата, погибшего в Чечне, бывшего ученика своей сестры-учительницы). Похоронен в родном городе. Посмертно издана книга избранных стихов и поэм «Лебеда», подготовленная к печати друзьями поэта.

ЯКУШЕНКО АЛЕКСАНДР

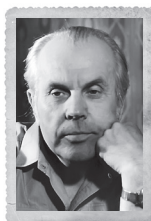
1938–2012

Александр Кириллович Якушенко (05.12.1938, с. Карнатное Климовского р-на Брянской обл. – 2012, Брянск) окончил Истопскую среднюю школу, Стародубское педучилище и Литературный институт им. А.М. Горького. Служил в армии, с 1960 г. был преподавателем Сельцовской школы-интерната, в 1963–1970 гг. – сначала сотрудником, а затем редактором газеты сталелитейного завода. В 1970–1974 гг. – корреспондент «Брянского рабочего», впоследствии – ответственный секретарь областной писательской организации и одновременно редактор, старший редактор Брянского отделения Приокского книжного издательства. Именно в этом издательстве в 1975 г. опубликовал первый стихотворный сборник – «Свет в лицо», затем вышли поэтические книги «Криницы» (1979), «Сопричастность» (1980), «Линия напряжения» (1985), «Среди полей» (1989), «Дыхание» (1997), «Речка снов» (2001), «Светополье» (2005). Произведения переведены на многие языки. Заслуженный работник культуры РФ.

ЯРОЦКИЙ БОРИС

1933

Борис Михайлович Яроцкий родился 25.05.1933 в г. Кремная Донецкой (ныне Луганской обл.) УССР в семье педагогов. Отец почти с первого и до последнего дня был на фронте. Мать с пятью малолетними детьми (Борис – второй ребёнок) пережила все ужасы военного лихолетья: бомбёжки, артобстрелы, оккупацию. Прямым попаданием вражеской бомбы был разрушен дом Яроцких; к счастью, никто не пострадал. Однажды Борис оказался свидетелем расстрела захваченных в плен красноармейцев: фашисты уничтожили их на глазах у горожан. Тогда же, в оккупации, был тяжело ранен старший брат, и Борис до возвращения отца с фронта разделял с матерью все заботы о младших детях. В период немецко-фашистской оккупации входил в молодёжную подпольную организацию. В августе 1942 г. был ранен. Награждён почётным знаком «Партизан Украины». После семилетки в 1948 г. поступил в Лисичанское педучилище. Окончив его по специальности «учитель младших классов», в 1952 г. стал курсантом Ленинградского артучилища им. Красного Октября, выпущен по специальности «командир взвода дивизионной

артиллерии». Служил в Беломорском, Северном, Прикарпатском, Одесском, Белорусском, Московском военных округах. В 1963 г. окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (отделение журналистики) и аспирантуру при этой академии. Работал специальным корреспондентом в окружных и армейских газетах. Преподавал в военных академиях. Доктор философских наук. Воинское звание – полковник. Герой Социалистического Труда. В молодости писал стихи, два стихотворения Александра Пахмутова положила на музыку. Много печатался в коллективных сборниках (впервые – в 1964 г. в сборнике «Моё горнило», выпущенном издательством «Донбасс»). Но, по его словам, «поэтическое количество не перешло в качество». Автор более 30 книг прозы.

ЯРЦЕВ ВЛАДИМИР
1945–2019

Владимир Иванович Ярцев (08.10.1945, с. Пильно Алтайского края – 11.02.2019, Новосибирск) окончил историко-филологический факультет Новосибирского пединститута. Работал учителем истории в школе, корреспондентом, редактором в книжном издательстве. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Мангазея», «Дети Ра» и др. Автор вышедших в Новосибирске поэтических книг «Двое» (в коллективном сборнике «Гнездо поэтов»), «Грустная память» (1992), «Над тёмной водой» (2005) и др.

ЯШЕНКО АЛЕКСЕЙ
1941–2012

Алексей Васильевич Яшенко (23.03.1941, д. Суббовичи Клиновского р-на Брянской обл. – 18.01.2012, Мглин Брянской обл.) был седьмым ребёнком в крестьянской семье. В 1957 г. окончил Лопатенскую среднюю школу и по настоянию отца поступил в Суражское педучилище. Служил в спецчастях ГРУ Генерального штаба СА. Окончил философский факультет МГУ и Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Прожил в г. Мглине 16 лет. Был секретарём обкома ВЛКСМ, председателем райисполкома, главой администрации Мглинского р-на (1987–1997), главным редактором газеты «Мглинские вести» (1997–2003). Перед уходом на пенсию работал в областном управлении по делам печати. Пробовать перо начал ещё школьником, первое стихотворение – «Наш праздник» – опубликовал в 1958 г. в районной газете «Маяк коммуны». Автор поэтических сборников «Игра воображения» (2002) и «Поют во ржи перепела» (2008). После смерти В. Яшенко вышла ещё одна книга его стихотворений – «Печаль моя светла» (2012).

ЯШИН ДАНИИЛ
1929–1988

Даниил Александрович Яшин (24.12.1929, д. Старые Какси Можгинского р-на Вотской автономной обл. (ныне Удмуртской Республики) – 29.11.1988) родился в семье крестьянина. В семилетнем возрасте потерял отца, на войне погибли все его братья (четверо), мать ослепла. Окончил старокаксинскую школу, в 1948 г. – Можгинское педучилище (с отличием), и в этом же году в газете «Советская Удмуртия» было напечатано его первое стихотворение – «Вало возь» («Валинские луга»). В 1952 г. получил диплом Удмуртского пединститута и начал работать преподавателем удмуртской литературы, русского и удмуртского фольклора в Глазовском пединституте им. В.Г. Короленко. С 1959 г. – сотрудник Удмуртского пединститута (ныне Удмуртский университет). В 1962–1965 гг. учился в аспирантуре, в 1967 г. стал кандидатом филологических наук, в 1968 г. – доцентом. В 1965–1988 гг. – преподаватель Удмуртского университета, читал курс удмуртского фольклора и литературы. Автор многих научных статей и учебников (учебное пособие «Удмурт фольклор» выдержало три издания). Отличник народного просвещения РСФСР, награждён медалями, почётными грамотами правительства Удмуртии. Как поэт печатался в республиканской печати с 1948 г., в 1959 г. выпустил первый стихотворный сборник – «Ортчисьтэм егит дыр» («Непроходящая молодость»), а затем ещё десяток поэтических книг, на удмуртском языке – «Если есть друзья» (1963), «Свежий ветер» (1964), «Зарницы» (1972) и др., на русском – «Ожидание» (1968) и «Весеннее разноцветье» (1975). Стихи переводились на языки народов СССР, а также на венгерский, монгольский, испанский.

ЯШИНА ИНЭЛЬ
1940–2011

Инэль Петровна Яшина (25.04.1940, п. Юрино Марийской АССР – 12.10.2011, Котлас Архангельской обл.) выросла в родном посёлке. Стихи сочиняла с детства, первая публикация состоялась в 14 лет в районной газете «Стахановец». После средней школы работала учётчицей леса в лесопункте, заведующей клубом, библиотекарём. Окончила медицинское училище в Москве. Вернулась на родину и четыре года работала медсестрой. По семейным обстоятельствам переехала в Архангельскую обл., сначала в Вельск, а затем в Котлас, где стала серьёзно заниматься поэзией. Печаталась в областной газете «Правда Севера», в местной «Двинской правде». В течение 10 лет вела занятия в городском лито «Двинские зори». В 1979 г. в Северо-Западном издательстве выпустила первый стихотворный сборник – «Гремячий ключ».

В 1981 г. переехала в Архангельск. Работала медсестрой, была избрана председателем профкома областной психиатрической больницы № 1. В 1991–2007 гг. возглавляла областную писательскую организацию. Автор поэтических книг «Чистые глубины» (1983), «Жёнки» (1986), «Любовь моя – печальница» (1992), «Отметины» (2011). Похоронена в Котласе на городском кладбище. На доме, в котором жила поэтесса, установлена мемориальная доска.

ЯШИНА ЛАРИСА

1941

Лариса Ивановна Яшина родилась 28.02.1941 в Пензе в семье служащих. Стихи пишет с третьего класса, а печатается с пятого (первая публикация состоялась в районной газете «За высокий урожай!» Путятинского р-на Рязанской обл. в 1953 г.). С 1956 г. стала внештатным корреспондентом газеты «Молодой ленинец» (г. Пенза) и участвовала в деятельности одного из молодёжных литературных объединений при Пензенской областной организации Союза писателей СССР. Печаталась в областных газетах, в альманахе «Земля родная». В 1958 г. с золотой медалью окончила СШ № 1 им. В.Г. Белинского (г. Пенза), в 1963 г. – Пензенский политехнический институт, затем аспирантуру при кафедре «Материаловедение» этого института, а потом около 20 лет преподавала в нём материаловедение. Руководила студенческой литературной группой «Варяги», была редактором вузовской газеты «За инженерные кадры». В 1986–1999 гг. работала в Пензенской областной филармонии мастером художественного слова. Написала ряд песен для спектаклей Пензенского областного драматического театра и Пензенского кукольного театра «Орлёнок». Печаталась в центральных и пензенских газетах, журналах, альманахах, коллективных поэтических сборниках. После выхода на пенсию работала в Объединении литературных музеев Пензенской области и в Пензенской областной библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. Автор 15 поэтических книг, первая – «Начало» – издана в Саратове в 1974 г.

Отец, Иван Ефимович Яшин (1905–1943), был призван на переподготовку 04.05.1941 и погиб на фронте 24.01.1943. Числился пропавшим без вести. Данные о его гибели получены 25.06.1992 из Центрального архива Минобороны СССР (№ 11/131549).

Дополнения
к книгам VI, VII, VIII

АВДЫШЕВ АЛЕКСЕЙ
1928–1997

Алексей Иванович Авдышев (19.09.1928, Ленинград – 31.12.1997, Петрозаводск) родился в рабочей семье. Во время блокады умер отец, на фронте погиб брат. В 1942 г. Алексей был эвакуирован в Курганскую обл., где окончил восемь классов сельской школы. В 1945–1950 гг. учился в Ленинградском художественно-графическом училище. В 1950–1952 гг. служил в армии – сначала в Заполярье, а потом в Карелии. После демобилизации остался в Петрозаводске, в 1952–1953 гг. работал литературным сотрудником газет «Молодой большевик» и «Патриот Родины, методистом по изобразительному искусству и фольклору в Доме народного творчества. Стихи в 30-х гг. впервые напечатала «Пионерская правда», в 1949 г. они появились в ленинградской газете «Смена» и карельском журнале «На рубеже». В 1956 г. вышел первый сборник – «Северные зори». Удачным сочетанием таланта поэта и художника отмечены выпущенные издательством «Карелия» книги стихов и гравюр: «Край озёрный, край лесной», «Ваалам», «Красные снега», «Заонежье». Отдельными изданиями выходили лучшие гравюры, многие из которых экспонировались на республиканских, всесоюзных и международных выставках. Последней книгой стал поэтический сборник «И свет, и тень» (1997).

АКСЕЛЬРОД ЕЛЕНА
1932

Елена Меэровна (Марковна) Аксельрôд – дочь художника Меера Аксельрода и писательницы Ревекки Рубиной, племянница репрессированного и расстрелянного еврейского поэта, писавшего на идише, Зелика Аксельрода. Родилась 26.03.1932 в Минске Белорусской ССР. В 1954 г. окончила литературный факультет МГПИ. В печати дебютировала в 1955 г. как переводчик, а в 1961 г. – как детский писатель. Переводила поэзию и прозу с идиша, иврита, немецкого, английского, норвежского, датского, румынского и других языков. Член Союза писателей СССР с 1968 г. С 1991 г. живёт в г. Маале Адумим недалеко от Иерусалима (Израиль). Успешно печатается во многих журналах и альманахах в России, США, Израиля и других стран. Стихи включены в российские и американские антологии русской поэзии, переведены на иностранные языки. Автор восьми поэтических сборников: «Окно на север» (1976), «Лодка на снегу» (1986), «Избранное» (2002), «Меж двух пожаров: Стихи разных лет», (2010) и др., более 10 книг для детей, книги-альбома об отце, книги воспоминаний «Двор на Баррикадной» (2008).

АЛИЕВА ФАЗУ
1932–2016

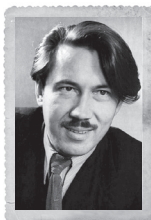
Фазу Гамзатовна Алиева (05.12.1932, с. Гиничутьль Хунзахского р-на Дагестанской АССР – 01.01.2016, Махачкала) в 1950–1954 гг. работала учителем в средней школе, в 1954–1955 гг. училась в Дагестанском женском пединституте. В 1961 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького, с 1962 г. – редактор Дагестанского издательства учебно-педагогической литературы, с 1971 г. – главный редактор журнала «Женщина Дагестана». В течение 15 лет являлась заместителем председателя Верховного совета Дагестана. Писала на аварском и русском языках, стихи впервые опубликованы в 1949 г. в газете «Большевик гор». Автор более сотни книг стихов и прозы, переведённых на 68 языков мира, в том числе поэтических сборников «Родное село», «Закон гор», «Глаза добра», «Весенний ветер», «Радугу раздаю», «Мгновенье». На русский язык стихи переведены в сборниках «Голубая дорога», «Резьба на камне», «Восемнадцатая весна». Лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области литературы. 11.12.2017 в центре Махачкалы открыт памятник Фазу Алиевой.

АРТЮХОВ ЮРИЙ
1937–1994

Юрий Леонидович Артюхов (06.05.1937, пос. Кокоревка Суземского р-на Брянской обл. – 13.05.1994) шестилетним мальчишкой познал, что такое немецкий концлагерь, – каратели угнали его с тётёй в посёлок Локоть, во время оккупации 1941–1943 гг. объявленный городом, откуда собирались отправить в Германию, но, к счастью, не успели: наступали наши войска. После школы окончил Новозыбковский пединститут, вместе с женой учительствовал в Иркутской области. Был секретарём райкома комсомола, журналистом молодёжной газеты. Вернувшись в Кокоревку, работал в библиотеке, в навлинской районке, с 1977 г. – в газете Суземского р-на «Рассвет». Заведовал отделом писем, параллельно вёл кружок любителей поэзии «Нерусса», выпускал литературную страницу, помогал начинающим авторам. Стал членом Союза журналистов, взял псевдоним Юрий Лесной. Печатался в районных газетах, в альманахе, выходившем в Смоленске, в коллективном сборнике брянских авторов «По первопутку» (Тула, 1977), в газетах Смоленска и Брянска, в журналах «Байкал» и «Ангара». В 2016 г. вдова поэта издала книгу стихотворений Ю. Артюхова «Я в лесу остался тишиной...».

АТНАБАЕВ АНГАМ
1928–1999

Ангам Касимович Атнабаев (23.02.1928, Старый Курдым Башкирской АССР – 02.09. 1999, Уфа) родился в крестьянской семье. В 1951 г. переехал в Уфу. Много лет работал в редакции республиканской газеты «Кызыл тан». В 1958 г. вышла первая книга его стихов – «Разговор с сердцем», затем появились сборники «Встреча с молодостью» (1961), «Я к тебе обращаюсь» (1963), «Стихи и поэмы» (1966), «Строки души моей» (1967), «Годы оставляют песни» (1975). Автор пьес «Он вернулся», «Суд матери», «С законным браком», «Песня о любви», «Близнецы», «Дети мои», «Огонь», которые ставились почти всеми театрами Башкирии и Татарии. На русском языке опубликовал поэтические книги «Любовь моя, тоска моя» (1969), «Ты всегда со мной» (1972). Заслуженный деятель искусств РСФСР (1988) и БАССР (1977), народный поэт Башкортостана (1997).

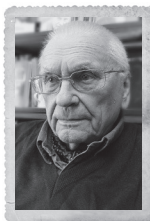
АШЕКО ЛЮДМИЛА
1945

Людмила Станиславовна Ашеко родилась 01.03.1945 на станции Кольцово Свердловской области. С 1947 г. живёт в Брянске. Училась в СШ № 2, занималась в театральной студии и литературном кружке. В 1962 г. перешла в вечернюю школу и начала работать техническим секретарём в обкоме ВЛКСМ. После окончания Брянского культпросветучилища многие годы работала во Дворце пионеров и школьников руководителем детской театральной студии. С 1992 г. вела театральную студию и уроки театра в СШ № 54 с углублённым изучением предметов эстетического цикла. Автор пяти поэтических книг: «Взгляд» (1982), «Так и живу» (2001), «Под вечным небом» (2003), «Дыхание жизни» (2008), «Код жизни» (2015), трёх книг прозы: «Свет месяца» (2002), «Дачный сезон» (2012), «Время цветения» (2013), соавтор четырёх коллективных сборников стихов, прозы, драматургии. Более 10 лет руководила семинаром прозы Брянского областного литературного объединения при Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России.

БАЛТАКИС АЛЬГИМАНТАС

1930

Альгимантас Балтакис родился 15.02.1930 в с. Лялюнай Утенского уезда Литвы. В 1949 г. окончил гимназию в Каунасе, в 1954 г. – Вильнюсский университет по специальности «литовский язык и литература». В 1952–1956 гг. был литературным сотрудником, затем заведующим отделом, потом ответственным секретарём в журнале «Тарибине мотерис» («Советская женщина»). В 1956–1990 гг. (с перерывами) работал в редакции литературного журнала «Пяргале» («Победа»), в 1964–1967 и в 1985–1989 гг. возглавлял его. Член Союза писателей Литвы с 1955 г. Автор более двух десятков поэтических книг, а также статей о литовской поэзии. Стихи переводились на латышский, русский языки. Переводил на литовский язык произведения Блока, Гамзатова, Вацетиса, Пушкина. Живёт в Вильнюсе.

БЕССОНОВ ВИКТОР

1940

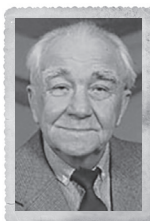

Виктор Сергеевич Бессонов родился 17.01.1940 в станице Подгорной Георгиевского р-на Ставропольского края в казачьей семье. После войны Бессоновы переехала в г. Георгиевск, где будущий поэт в 1958 г. окончил десятилетку, а в 1961 г. – военную школу радиомехаников и специалистов связи в г. Баку. Отслужив в войсках ПВО, вернулся в родной город, с которым связал всю свою жизнь. Работал на арматурном заводе токарем, слесарем, потом был тренером по футболу, педагогом дополнительного образования. Стихи публиковались с 70-х гг. – в краевой периодической печати, в альманахе «Ставрополье», в газетах городов Ростова-на-Дону, Баку, Тбилиси. В Москве подборку стихотворений в 1983 г. напечатал всесоюзный журнал «Родники народные». В том же году в Ставропольском краевом книжном издательстве увидела свет первая поэтическая книга – «Три завета», затем вышли сборники «По правому краю» (2000), «На склоне октября» (2002), «Прощёное воскресенье» (2006), «Пятая сторона» (2011).

БОЛТАЧЁВ РОМАН

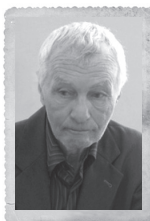
1928–2010

Роман Фёдорович Болтачёв (08.05.1928, Алупка – 02.10.2010, Севастополь) в 1932 г. переехал с семьёй в Симферополь. В период оккупации Крыма фашистами родители были расстреляны. 12-летним мальчишкой Р. Болтачёв стал бойцом партизанского отряда, действовавшего в Зуйских лесах. В августе 1943 г. переправлен на Большую землю – сначала в госпиталь, а затем в Краснодарское суворовское военное училище, после окончания которого

получил направление в Москву, в Военный институт иностранных языков. Окончил факультет иностранных языков пединститута в г. Дзауджикау (ныне Владикавказ, Северная Осетия). Долгое время служил в военно-морском, а затем в рыболовном флоте. В морях и океанах провёл около 27 лет. В совершенстве овладел пятью языками. Писать стихи начал с детства. Печатался с 15 лет. Уже в 1950–1960-х гг. в г. Грозном были изданы его поэмы «Мать» и «Пятигорская быль», стихи постоянно публиковались в газетах, журналах и литературных сборниках. В 2004 г. в Севастополе вышла в свет поэтическая книга «Любовь и море – жизнь моя». В 2010 г. под этим же названием издана вторая её часть, куда вошла поэма «Судьба матери» (более поздняя версия поэмы «Мать») и ранее не опубликованные стихи.

БОРИСОВ СЕРГЕЙ
1940–2013

Сергей Константинович Борисов (22.10.1940, Харьков – 12.08.2013, Челябинск) в 1941 г. оказался в Челябинске, куда была эвакуирована семья, и остался в этом городе навсегда. Окончил политехнический институт, работал инженером в теплотехническом институте, научным сотрудником в ЧПИ, корреспондентом и сотрудником газет «Комсомолец» и «Вечерний Челябинск», режиссёром агитационно-художественных театров, преподавателем сценарного мастерства в ЧГАКИ. Автор 17 поэтических сборников, в том числе «Палые листья», «Небо времени», «Свет вечерний», «Зелёный гражданин», 10 методических пособий по сценарному мастерству, нескольких книг переводов произведений грузинских и татарских поэтов.

БОЦУ ПАВЕЛ
1933–1987

Павел Петрович Бóцу (14.06.1933, с. Чемошир (ныне с. Приозёрное Килийского р-на Одесской обл., Украина – 17.02.1987, близ села Старые Дубоссары Молдавской ССР) родился в многодетной семье, в 14-летнем возрасте потерял отца и стал её главой. С детства проявил талант в литературном творчестве, побеждал в тематических олимпиадах. Окончив педучилище, работал учителем румынского языка и литературы в сельской школе. В 1956 г. окончил Кишинёвский пединститут им. Иона Крянгэ, в 1961 г. вступил в КПСС. Был заместителем редактора газеты «Молдова социалистэ», с 1965 г. до конца жизни – председателем правления Союза писателей Молдавии, с 1967 г. – секретарём СП СССР, в 1980–1985 гг. – председателем Верховного Совета Молдавской ССР. Печататься начал с 1955 г. Автор более десятка книг сти-

хов и прозы (в том числе для детей), среди них – «Земля отцов» (1959), «Вера» (1963), «Дом в Буджаке» (1973), «Журавлиное небо» (1978), «Клятва» (1981). Переводил на молдавский язык стихи русских поэтов, выступал как критик и публицист. Лауреат Государственной премии Молдавской ССР (1974), награждён орденами и медалями. Застрелился на автотрассе из охотничьего ружья.

БРОН АЛЕКСАНДР
1937–2009

Александр Самойлович Брон (03.01.1937, Харьков – 19.09.2009, Брянск) – профессиональный журналист, редактор, литератор. Отец преподавал в институте, о маме ничего неизвестно. Первая запись в трудовой книжке – «ученик токаря». Высшее образование получил на филологическом факультете Таганрогского пединститута. Почти полвека работал на разных должностях в газетах Донбасса и Брянщины. Был корреспондентом городской газеты в Харцызске Донецкой обл. Несколько лет вёл литературную студию «Красная строка» при Дворце культуры Брянского машиностроительного завода, участники этой студии стали авторами коллективного поэтического сборника «Острова».

ВАГАТОВА МАРИЯ
1936

Мария Вагатова (настоящее имя – Мария Кузьминична Волдина; 28.12.1936, д. Юильск Берёзовского (ныне Белоярского) р-на Тюменской обл.) – первая хантыйская поэтесса, сказительница, почётный гражданин ХМАО – Югры. Была старшим ребёнком в семье оленевода, где воспитывалось 12 детей. После окончания Ханты-Мансийского педучилища (1955) преподавала в начальных классах Казымской восьмилетней школы (1956–1965), заведовала интернатом, заочно училась в Ленинградском пединституте им. А.И. Герцена (окончила в 1971 г.). Более 25 лет проработала внештатным диктором и корреспондентом окружного радио «Югория» и продолжает сотрудничать с радио и телевидением. Автор более 10 книг стихов и сказок на хантыйском и русском языках. Живёт в Ханты-Мансийске.

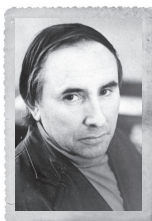
ВАЩЕНКО ОЛЕГ
1933–1993

Олег Николаевич Ващенко (28.08.1933, с. Супонево Брянской обл. – 22.10.1993, Брянск) окончил Кокинский сельхозтехникум. Срочную службу проходил в Венгрии (Южная группа войск). После демобилизации работал в районных газетах. В 1961 г. опубликовал сборник стихов «Калитка», через три года – «Сто метелей». С двумя книжками его приняли на заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Стал работать в Бюро пропаганды художественной литературы Брянской областной писательской организации, позднее – в областном научно-методическом центре народного творчества. В 1968 г. в Приокском книжном издательстве выпустил поэтический сборник «Небо сквозь травы». В 1970 г. получил диплом Литинститута, в 1978 г. издал ещё один сборник – «Поздняя молния» (М., «Современник»). На стихи О. Ващенко брянскими композиторами написаны песни «Партизаны из Брянских лесов», «Дубравы лесные» (музыка Петра Страшнова), «В мой край, на Брянщину» (музыка Михаила Шевердина).

ВЕРТИНСКИЙ АНАТОЛИЙ
1931

Анатолий Ильич Вертинский родился 18.11.1931 в д. Демешково Лепельского р-на Витебской обл. Белорусской ССР в крестьянской семье. Окончив факультет журналистики Белорусского университета им. В.И. Ленина (1956), работал в редакциях ряда газет, в 1962 г., после переезда в Минск, – в редакции газеты «Літаратура і мастацтва», затем в издательстве «Беларусь».

Член Союза писателей БССР с 1964 г., в 1967–1982 гг. был секретарём правления этой организации, в 1986–1990 гг. возглавлял редакцию «Литературы и искусства». В 1989 г. вступил в «ПЕН-центр». Со стихами дебютировал в 1950-х гг. (студенческая газета «Беларускі ўніверсітэт», газета «Чырвоная змена», журнал «Маладосць»). Первая поэма – «Песня о хлебе» (1962). Автор поэтических книг «Три тишины» (1966), «Человеческий знак» (1968), «Избранное» (1973), «Явление» (1975), «Время первых звёзд» (1976), «Ветряная» (1979), «Свет земной» (1981). Переводил на белорусский язык стихи и пьесы испанских, русских, украинских, литовских, латвийских, болгарских, польских, венгерских, кубинских писателей. Лауреат Государственной премии БССР (1988).

ВЕТЕМАА ЭНН
1936–2017

Энн Артурович Ветемаа (20.06.1936, Таллин, Эстония – 28.03.2017, Таллин, Эстония) родился в семье архитектора. С детства писал музыку и стихи. Учился в СШ № 22 г. Таллина, там же в 1959 г. окончил политехнический институт по специальности «инженер-химик». В 1959–1960 гг. работал инженером на Таллинской бумажной фабрике. В 1965 г. стал выпускником Таллинской консерватории. В 1963–1965 гг. сотрудничал в эстоноязычном партийном журнале *Küsimused ja Vastused* («Вопросы и ответы»), в 1965–1969 гг. возглавлял дирекцию литературно-художественных программ на телевидении Эстонской ССР. В 1969–1976 гг. работал в Союзе писателей Эстонской ССР, затем в издательстве Кираг. На литературном поприще дебютировал с рассказом в 1958 г., потом выпустил сборники стихов «Переломный возраст» (1962) и «Игра в снежки» (1966) и др., романы «Монумент» (1965), «Усталость» (1967) и др., пьесы «Ужин на пятерых» (1974), «Снова горе от ума» (1975) и др. Лауреат литературной премии Эстонской ССР им. Ю. Смуула (1973, 1975, 1976). Произведения переведены на многие языки.

ВИЕРУ ГРИГОРЕ
1935–2009

Григорий Павлович Виеру (14.02.1935, с. Перерыта Хотинского уезда Бессарабии, Королевство Румыния – 18.01.2009, Кишинёв, Республика Молдова) был единственным выжившим ребёнком в семье, рано потерял отца. В родном селе окончил семилетку, затем СШ № 2 в г. Липканы. В 1958 г., окончив факультет истории и филологии Кишинёвского пединститута им. Иона Крянгэ, стал редактором газеты «Ленинская искра». Ещё будучи студентом, в 1957 г. дебютировал с книгой стихотворений для детей *Alarmă* («Тревога»). Работал редактором в издатель-

стве «Молдавская книга», опубликовавшем две книги его стихов для детей. В 1968 г. выпустил поэтический сборник на русском языке «Имя твоё», высоко оценённый литературной критикой республики. Затем были книги «Мама» (1975), *Albinița* («Пчёлка», 1980, для дошкольников), *Fiindcă iubesc* («Потому что люблю», 1979). Автор слов многих песен, входивших в репертуар популярных исполнителей. В ночь с 15 на 16 января 2009 г. попал в автомобильную аварию недалеко от с. Дэнчень Яловенского р-на на трассе Басарабьяска – Кишинёв. Умер в больнице скорой помощи г. Кишинёва. 20.01.2009 было объявлено в Молдавии днём траура в связи с гибелью поэта. Похоронен на Центральном (Армянском) кладбище в Кишинёве. В столице Республики Молдова один из проспектов назван именем Григоре Виеру, в парке «Штефан чел Маре» на Аллее Классиков ему установлен бюст. 31.08.2010 открыт бюст и в Страшенах, в том же году памятник поэту появился в парке Херэстрэу Бухареста (Румыния).

ВОРОНОВ ИГОРЬ
1939

Игорь Анатольевич Воронов родился в октябре 1939 г. в д. Хмельники Костромской обл. в крестьянской семье. Отец в 1941-м ушёл на фронт и после войны считался без вести пропавшим. Но в 1946 г. произошло чудо – он неожиданно вернулся в семью, которая к тому времени уже проживала в Иванове. Игорь окончил 35-ю школу, отслужил в армии (воздушно-десантные войска, Литва). После женитьбы 10 лет жил в Баку, на хлопчатобумажном комбинате освоил профессию гравёра. Вернувшись в г. Иваново, долгие годы работал гравёром на комбинате им. Самойлова. Первый сборник стихов – «Моя есенинская верность» выпустил в 1999 г., затем опубликовал ещё около 10 поэтических книг для детей и взрослых, в том числе «Дети войны» (2010).

ВОРОНОВА ОКТЯБРИНА
1934–1990

Октябрина Владимировна Воронова (Матрёхина; 05.10.1934, д. Чальмны-Варрэ Мурманской обл. – 16.06.1990, пос. Ревда Мурманской обл.) – первая саамская поэтесса, писала на саамском и русском языках. Автор первой в России книги поэзии на саамском языке («Жизнь», 1991), один из авторов букваря и учебников на саамском языке. Её мать – из рода известных саамских охотников Матрёхиных, отец – русский, происходил из семьи православных ловозерских священников. О. Воронова – выпускница Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена (1958). Работала учителем (до 1985 г.), параллельно заочно учи-

лась в аспирантуре НИИ национальных школ (окончила в 1980 г.), затем была библиотекарем в пос. Ревда Мурманской обл. (1985–1990). Похоронена в с. Ловозеро. На русском языке изданы поэтические сборники «Снежница» (1986), «Вольная птица» (1987), «Чахкли» (1988). В 1991 г. опубликована книга «Жизнь» на саамском языке в сопровождении русских переводов. В 1995 г. создан Музей саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой, в 2006 г. учреждена премия её имени.

ГАВРИЛЕНКО АНАТОЛИЙ
1940–2019

Анатолий Семёнович Гавриленко (28.03.1940, д. Исаевка Погарского р-на Брянской обл. – 20.12.2019, пос. Белая Берёзка Трубчевского р-на Брянской обл.) родился в крестьянской семье. Работал в родном колхозе, затем продолжительное время – на Селецком деревообрабатывающем комбинате в пос. Белая Берёзка (начал подсобным рабочим и дошёл до заместителя директора). В 1970 г. заочно окончил Трубчевский политехнический техникум, затем Московский лесотехнический институт. Стихи публиковались в трубчевской районной газете, в журналах и альманахах. Издан поэтический сборник «Нектар души».

ГАВРИЛОВ ДМИТРИЙ
1931–1998

Дмитрий Николаевич Гаврилов (25.03.1931, Ленинград – 26.12.1998, Санкт-Петербург) детство провёл в д. Мошино Струго-Красненского р-на Псковской обл. Учился в ремесленном училище, проходил срочную службу на Балтийском флоте. Серьёзно занимался шахматами, но главным делом его жизни являлись стихи. Писать начал в раннем возрасте, однако литературного образования не получил. Несколько лет состоял в Союзе писателей России. Активно печатался в журналах «Звезда» и «Нева», в сборниках «День поэзии». Автор поэтических книг «Заполье» (Ленинград, 1959), «Избранная лирика» (М.: «Молодая гвардия», 1965).

ГАРИПОВ РАМИ
1932–1977

Рами Ягафарович Гарипов (12.02.1932, д. Аркаул Салаватского р-на Башкирской АССР – 19.02.1977, Уфа) родился в крестьянской семье и с детства был её кормильцем вместо отца, погибшего в боях под Сталинградом. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в редакциях республиканских газет и журналов. В последних сборниках поэта – «Песни жаворонка», «Почёт», «Завещание» – чувствуется тяготение к философской лирике. Р. Гарипов – известный в Башкирии переводчик. На русском языке издана его книга «Горицвет» (Уфа, 1969). Скончался от сердечного приступа. Похоронен в Уфе на Мусульманском кладбище.

ГЛОТОВ ЕВГЕНИЙ
1935–2010

Евгений Дмитриевич Глотов (07.11.1935, с. Отскочное Хвостянского р-на Воронежской обл. – 2010, Иваново) родился в крестьянской семье. После обучения в 93-м военно-морском авиационном училище (1955) работал шахтёром на комбинате «Тула-уголь». Окончил факультет иностранных языков Тульского пединститута (1964). Занимался журналистской деятельностью в Сибири, Крыму, Калмыкии. С 1969 г. жил в Иваново. Работал в ивановских газетах «Ленинский путь» (1965–1966), «Рабочий край» (1969–1975). Автор нескольких сборников стихов, в том числе «В пути» (1977), «Верность» (1983), «Осеннее цветение берёз» (1990), «Антарес» (1991), а также повести «Самозванец» (1988).

ГЛУШКОВ ЮВЕНАЛИЙ
1934–2013

Ювеналий Фролович Глушков (01.02.1934, Свердловск – 2013, Екатеринбург) родился в семье рабочего. Окончил Свердловский механический техникум (1985), работал токарем (1950–1958), инженером (1958–1994) на городских предприятиях. Первая публикация состоялась в 1957 г. в газете «На смену». Издано более 10 стихотворных сборников, в том числе «Наследство» (1974), «Цветы на снегу» (1991), «Наброски» (1993), «Стихи» (1995), «Над белой страницей» (1997).

ГОЛЬД АЛЬФРЕД
1939–1997

Альфред Генрихович Гольд (26.05.1939, ст. Буря Хабаровского края – 03.04.1997, Екатеринбург) родился в семье учителя, вырос в Свердловске. Окончил исторический факультет Уральского университета (1964). В 1971–1988 гг. жил и работал в Тюменской области. Был корреспондентом Салехардского радио, заместителем редактора газеты «Трасса». В 1980 г. вместе с поэтом и журналистом А.А. Алексеевым основал литературное объединение «Надым». Дебютировал как поэт в 1961 г. в журнале «Урал». Первая книга стихов – «Мост» (Свердловск, 1969), вторая – «Красная луна» (Свердловск, 1975). Поэтическое и документально-публицистическое творчество А. Гольда связано с проблемами освоения Севера (документальная повесть «Надым», 1982; книги очерков «Полярные встречи», 1984; «Десант на Ямбург», 1987 и др.). Автор поэтических сборников «Дерево тревоги» (1985), «Колесница» (1991), а также сборника очерков «Медвежье: имена и судьбы» (1996). В 1997 г. уже после смерти автора

в Екатеринбурге увидело свет избранное собрание его сочинений из двух томов: «Земные времена» и «Путь к алтарю».

ГОНЧАРОВА ОЛЬГА

1937–2005

Ольга Александровна Гончарова (22.08.1937, с. Дегтярёвка Суражского р-на Брянской обл. – там же, январь 2005) родилась в неполной семье. Мать, Анна Ивановна Полусмак, – рядовая колхозница, окончила церковно-приходскую школу, пела в церковном хоре, читала Псалтирь по усопшим (иногда её заменяла дочь). Во время Великой Отечественной Гончаровы помогали партизанам. В школу Ольга смогла пойти только в 1949 г., продолжила учёбу в горном техникуме на Урале, работала на заводе в Грузии. В 1964 г. окончила факультет журналистики МГУ. До 1975 г. работала редактором в Ярославском Верхне-Волжском книжном издательстве, затем старшим научным сотрудником в Ярославском университете на кафедре философии в лаборатории социологических исследований. Стихи, впервые появившиеся в печати в середине 50-х гг., публиковали «Литературная Россия», «Юность», «Волга», «Работница» и др. издания. Первый поэтический сборник – «Семь камушков» – вышел в 1969 г. в Ярославле, в 1978 г. в журнале «Нева» напечатана повесть «Потревоженный». Последние годы О. Гончарова жила в Брянске, лето вместе с дочерью Наташей проводила в Дегтярёвке, в маленьком родительском доме на берегу реки Ипуть, где и умерла. Похоронена на местном кладбище. В 2002 г. старые друзья Ольги Александровны из Верхне-Волжского книжного издательства выпустили небольшую книгу её стихов «Иная музыка».

ГРИГОРЕНКО ГАЛИНА

1938–2014

Галина Дмитриевна Григоренко родилась 14.05.1938 на руднике Ретивый Самарского р-на Восточно-Казахстанской обл. в семье шахтёра. Отца почти не помнила: когда началась Великая Отечественная, он ушёл на фронт и погиб. Окончив Омский медицинский институт (1969), получила направление в Чаплыгинскую райбольницу и работала там детским врачом до ухода на пенсию. Стихи публиковались в периодике, в коллективных сборниках «Тропа», «С верой, надеждой, любовью», «Навечно в памяти народной», «Православная антология XXI век от Рождества Христова», в ежегоднике «Отчее слово» (2005, 2006), в альманахах «Академии поэзии», «Тула литературная» и «Золотая строфа», в буклете «Художники и поэты Липецкого края». Первая поэтическая книга – «Калиновый жар» (Липецк,

1995), затем вышли сборники «Созвездие «Лебедь» (2003), «Моросили дожди» (2007) и др.

ГРИНЧУКОВ ВЛАДИМИР

1937–2010

Владимир Владимирович Гринчуков (26.10.1937, Ворошиловград (ныне Луганск) УССР – 11.10.2010, Луганск, Украина) родился в семье фотографа. Окончил историко-филологический факультет Сухумского пединститута (1961). Работал в газете «Знамя труда» (1961–1962), преподавателем в техникуме сельского хозяйства (1962–1970), в бюро пропаганды художественной литературы в Киеве (1970–1973), собственным корреспондентом газеты «Донецкий кряж» (1991–1997). Как поэт начал печататься в 1957 г. в Луганской газете «Молодая гвардия». Автор книг стихов «Жажда неба» (1976), «Снежные цветы» (1979), «Прощальный снегопад» (1989), «Атака заката» (1991), «Одиноко» (1995), «Времени река» (1997), «Зарницы любви» (2000), «Звезда полынь» (2002), «Избранное» (2003), «Баллада о человеческом участии» (2008). Один из основателей Межрегионального союза писателей (1993). Лауреат литературных премий, в том числе имени «Молодой гвардии». Похоронен в Луганске на кладбище Острая Могила.

ГУСЕВ АНАТОЛИЙ

1932–1964

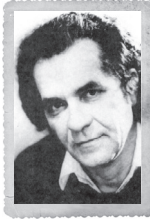

Анатолий Павлович Гусев (08.03.1932, д. Терентьево Устюженского р-на Ленинградской (ныне Вологодской) обл. – 29.04.1964, г. Пестово Новгородской обл.) был старшим сыном в многодетной семье Павла Ивановича и Анисьи Трофимовны Гусевых, которая после войны переехала в Пестово. Окончив школу, А. Гусев поступил в Пярнусское мореходное училище. Был рулевым, командиром катера. Уволившись со службы, сотрудничал в газете «Молодёжь Эстонии» (Таллин). С 1963 г. жил в Вологде, работал в Вологодском книжном издательстве. Автор поэтических сборников «Синий парус» (1960), «Время жить» (1962), «Сигнальный огонь» (1963), «Голубые молнии» (1980).

ГУСИНСКИЙ ЮРИЙ

1940–1998

Юрий Яковлевич Гусинский (03.12.1940, Петропавловск, Казахская ССР – 01.01.1998, Москва) в 17 лет уехал поднимать целину, а в 18 лет оказался самым молодым в СССР первым секретарём райкома комсомола Целинного края. После армии стал

редактором в Петропавловской студии телевидения. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Многие годы работал в столичной печати. В конце 90-х был редактором газет «Оракул» и «Незримая сила». Стихи и поэмы Ю. Гусинского публиковались в альманахе «День поэзии», в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Юность», «Байкал», «Простор», в «Литературной газете». Изданы книги «Ценой любви» (1988), «Бакены лета» (1988), «Путь зерна» (1989), «След ветра» (1989).

ДАЕН ЛЕОНИД
1929

Леонид Абрамович Даен родился в г. Коростень Житомирской обл. УССР. Детство провёл в еврейском колхозе на Днепропетровщине. В эвакуации был в Кузбассе – в таёжном селе на Алтае. В 1952 г. окончил факультет журналистики Киевского университета им. Т.Г. Шевченко. Свыше 40 лет работал корреспондентом, экономическим обозревателем газет «Вечерний Киев» и «Радянська Україна». Автор книг документальной прозы, в том числе повести «Чернобыль – трава горькая», и двух десятков поэтических книг: «Горизонты» (1950), «Второе дыхание» (1967), «Минута пуска» (1976), «Красная строка» (1981), «Сущность» (1985) и др. Заслуженный журналист Украины. С 1994 г. живёт с семьёй в США. В Нью-Йорке издано два сборника его стихов: «Осенние письма» и «Жизнь идёт по кругу».

ДЗЫБА ЭДУАРД
1945–2003

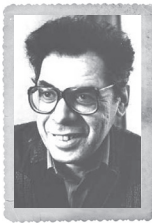
Эдуард Асхадович Дзыба (01.04.1945, Сухум Абхазской АССР – 24.06.2003, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика) отслужил в армии (1964–1966), окончил Сухумский пединститут им. А.М. Горького (1971). Работал корреспондентом газет «Советская Абхазия», «Республика Абхазия», редактором, корреспондентом русской редакции Абхазского радио (1980-е гг.). В 1992–1995 гг. – редактор газеты «Адыге Хасе». Стихи публиковались в периодической печати Абхазии. Переводил на русский язык произведения абхазских поэтов. Внёс весомый вклад в развитие абхазо-абазинских литературных взаимосвязей. Автор поэтических книг «Красная птица» (1976), «Любовь к самолёту» (1979), «Полёт любви» (1982), «Апрель мечты» (1984), «Экслибрис» (1988).

ДЗЮБА ВИКТОР
1936–2004

Виктор Илларионович Дзюба (04.09.1936, хутор Весёлые Горы (ныне село Кролевецкого р-на Сумской обл.) – 06.12.2004, Одесса) в 1959 г. окончил Харьковский мединститут, в 1971 г. – Военно-медицинскую академию им. С.М. Кирова в Ленинграде. Работал военным врачом, с 1987 г. – хирургом в Центральном военном клиническом госпитале в Одессе. С 1994 г. – соучредитель и литературный редактор журнала «Вестник стоматологии». Полковник медицинской службы, автор ряда научных работ по медицине. Как поэт дебютировал 08.03.1962 в журнале «За Отечество». Писал на украинском и русском языках. Автор литературных пародий, эпиграмм. Перевёл

на русский язык отдельные произведения украинских поэтов Л. Костенко, С. Йовенко, Г. Светличной, В. Коротича и др. Некоторые стихотворения В. Дзюбы положены на музыку. В Новосибирске опубликованы поэтические сборники «Излучины» (1978), «Зелёный взрыв» (1983, в соавторстве), «Весёлые горы» (1986), в Одессе – «Сентябрьская тетрадь» (1992), «Приветъ изъ Одессы» (1994), «И смех, и слёзы, и любовь» (1995), «Веселі гори» (1996), «Лунный штурман: поэма-хроника» (1997), «Пародійна суміш» (1998), «Штрихи к портретам» (2000).

ДРОБИЗ ГЕРМАН
1938–2016

Герман Фёдорович Дробиз (04.08.1938, Свердловск – 22.09.2016, Екатеринбург) родился в семье врачей. Мать, Эмилия Борисовна Шарлаш, в годы Великой Отечественной войны была хирургом в госпитале, расположенном в здании Горного института. В 1960 г. Г. Дробиз окончил Уральский политехнический институт, в 1969 г. – Высшие курсы сценаристов и режиссёров. Автор около 20 сборников стихов и прозы. Много писал для эстрады. По его сценариям сняты фильмы на киностудиях Москвы и Свердловска.

ЕРОХИН АЛЕКСАНДР
1935

Александр Тимофеевич Ерохин родился 26.11.1935 на станции Тамала Пензенской обл. Стихи пишет с юности, печатается с 1975 г. Состоялись публикации в журнале «Звезда Востока», в антологии «На поэтическом меридиане» в г. Красноярске и др. изданиях. Автор четырёх сборников стихов, вышедших в Саратове, среди них – «Качели», «Дождик-Небович», «Земляничный рай».

ЖАРОВ БОРИС
1930

Борис Павлович Жаров родился в 1930 году в шахтёрской семье. Окончил Луганский педагогический институт им. Тараса Шевченко. Отличник народного образования Украины. Стихи пишет со школьных лет, его работы опубликованы в авторских и коллективных сборниках, альманахах, периодической печати. Автор трёх книг стихов.

ЗЛОБИНА ДИНА
1936–2003

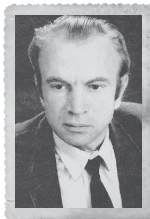
Дина Дмитриевна Злобина (06.12.1936, с. Чернозерье Мокшанского р-на Пензенской обл. – 2003, Пенза) родилась в семье сельского учителя. Окончила техническое училище в городе Калач-на-Дону (специальность – «токарь по металлу»), работала на заводе «Баррикады» в Волгограде, посещала лито. Выпускница Литературного института им. А.М. Горького (1957–1962). Много путешествовала по стране, будучи корреспондентом радиостанции «Юность», побывала на стройках Севера и Сибири, на Алтае, в степях Украины. Позже переехала в Пензу, целые месяцы проводила в родном селе. Стихи сочиняла ещё в школе, печататься начала в заводской многотиражке. Автор более 15 поэтических книг: «Черёмуха у проходной» (1957), «Вёсны» (1959) и др., среди них одна для детей – «На тучках месяц ехал...» (1985). В 1991 г. в издательстве «Советский писатель» выпустила сборник «Воскресение вербное: Стихи разных лет». Член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РФ (1996). 27.12.2003 вышла из дома и не вернулась. Её тело нашли 04.05.2004 в лесной зоне на окраине города. Похоронена в Пензе на Новозападном кладбище. В марте 2005 г. на родине поэтессы открыт мемориальный музей, 01.09.2010 на здании школы, где она училась, установлена мемориальная доска.

ЗУМАКУЛОВА ТАНЗИЛЯ
1934

Танзиля Мустафаевна Зумакулова родилась 18.07.1934 в с. Гирхожан (ныне г. Тырныауз) Кабардино-Балкарской автономной обл. в семье участника Гражданской войны на Северном Кавказе. В 1940–1944 гг. ходила в школу родного села Гирхожан, после депортации балкарского народа пришлось продолжать учёбу в Киргизии. В 1957 г. вместе со своим народом возвратилась на родину. В 1968 г. окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. В 1989 г. была избрана народным депутатом СССР. Писать стихи начала в школьные годы, впервые они появились в печати в 1954 г., в 1959-м вышел первый сборник – «Цветы на скале» («Къаяда гюлле»), а затем ещё более 30. В 2014–2019 гг. в Нальчике издан трёхтомник «Избранное». Пишет на балкарском языке. Народный поэт Кабардино-Балкарской АССР (1982).

ИВАНИН НИКОЛАЙ
1939–1996

Николай Афанасьевич Иванин (10.09.1939, с. Огорь Жиздринского р-на Калужской обл. – 27.04.1996, Брянск) был последним, десятым ребёнком в семье крестьян. Родители, Афанасий Митрофанович и Аксинья Логвиновна, появились на свет в один и тот же день последнего года XIX в. и крещены были тоже в один и тот же день, в одной купели. Н. Иванин окончил семилетку и ремесленное училище в г. Фокино Дятьковского р-на Брянской обл. После службы в армии работал в редакции районной газеты г. Переславль-Залесский Ярославской обл. В 1961 г. поступил на факультет журналистики МГУ. В студенческие годы побывал на целине, позднее – на Мангышлаке. Работал корреспондентом «Брянского рабочего», готовил к выпуску литературную страницу «Боян» и «Наш отдел сатиры» – «НОС». В 1995 г. в группе, возглавляемой тогдашним председателем парламентского комитета по вопросам безопасности и обороны генералом Петром Шишовым, ездил в Чечню. Автор книг «Фокино – город вечного огня» (1973), «Заводская сторона» (1983), «Красное эхо» (1971), «Крона сердца» (1981), «Чернолесье» (1997).

ИВАНОВ ВИКТОР
1941

Виктор Петрович Иванов родился 26.08.1941 в д. Васьково Оленинского р-на Калининской обл. В 1961 г. окончил Серпуховское военно-авиационное техническое училище, в 1971 г. – Пензенский политехнический институт по специальности «радиоинженер». Прослужил в армии 34 года, ушёл в запас в звании полковника. Был на различных руководящих должностях, в том числе заместителем главы администрации г. Заречного Пензенской обл. Стихи напечатаны в коллективных сборниках, изданных в Пензе: «Радуга Заречья» (1994), «Подарите радугу любимым...» (1998), «И русский снег лечил мои печали...» (2000), «Радуга в сердце каждого» (2002). Автор шести книг. Живёт в г. Заречном.

ИВАНОВ ГЕРМАН
1940

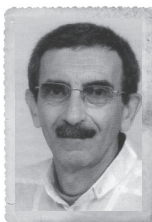
Герман Владимирович Иванов родился г. Ревда Свердловской обл. После окончания строительного училища был столяром, модельщиком, корреспондентом заводской многотиражки. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Работал на Химмаше, заведующим Бюро пропаганды художественной литературы, главным редактором журнала «Уральский следопыт». Автор нескольких сборников стихов. Живёт в Екатеринбурге.

ИВАНОВА ЕЛЕНА
1941

Елена Львовна Иванова родилась 28.11.1941 в п. Ивот Дятьковского р-на Брянской обл. Писать стихи начала ещё школьницей. Первая публикация состоялась в альманахе «Ставрополье». Окончила факультет журналистики МГУ. Будучи студенткой, печаталась в областной молодёжной газете «Брянский комсомолец», работала литсотрудником в редакции газеты «Кавказская здравница», редактором литературно-драматической редакции краевой студии телевидения, а также в газете «Ставропольская правда». Автор более 10 книг: «Кавказские ямбы» (1968), «Мелодия» (1971), «Росток» (1976), «За Десною-рекою» (1977), «Трава не знает» (1985), «Ключи земные» (1991), «Озорная азбука» (1994), «Вечный образ» (2008) и др.

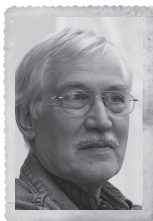
ИНГЕРОВ ВИКТОР
1944–2007

Виктор Владимирович Ингеров (22.01.1944, Новороссийск – 26.04.2007, Севастополь) – поэт и телеведущий, подполковник-инженер. Окончил Черноморское высшее военноморское училище им. П.С. Нахимова (1967). 28 лет отслужил на Черноморском флоте. Первая публикация – в 1968 г. Печатался в коллективных сборниках, в альманахе «Севастополь», в журнале «Чёрное море» и др. Автор книг «Необязательная встреча» (1999), «Точка возврата» (2001), «Глубина резкости» (2005), «Полюса пропускания» (посмертное издание, 2008).

КАПЛИНСКИЙ ЯАН

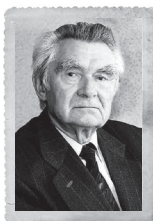
1941

Яан Каплинский родился 21.01.1941 в Тарту в семье польско-го еврея и эстонки. Отец, филолог Ежи Каплинский, был арестован в первый год после присоединения Эстонии к СССР в 1940 г. и пропал в ГУЛАГе во время войны. Мать, Нора Каплински, работала переводчицей французской литературы. Яан вырос в Тарту, летом гостил у родственников в окрестностях Выру. Окончил Треффернеровскую гимназию в Тарту (1947–1958), в 1966 г. получил диплом Тартуского университета по специальности «романская филология». Учился в аспирантуре, работал научным сотрудником. В поэзию пришёл в 1965 г. Настоящим явлением стал его второй сборник стихов «Из пыли и красок» (1967). На русском языке в 1987 г. издана книга «Вечер возвращает всё: стихи» в переводе С. Семененко. Автор более 20 поэтических книг. В 2014 г. выпустил первый сборник стихов, написанных по-русски, – «Белые бабочки ночи», в 2017 г. – второй, «Улыбка Вегенера». Переводил с китайского, английского, французского, испанского, шведского. Его собственные стихи и эссе переведены на английский, французский, голландский, шведский, норвежский, финский, исландский, иврит, венгерский, латышский, литовский, чешский, болгарский, японский и другие языки. Лауреат множества премий. Живёт в Тарту.

КАРИМОВ МАРАТ

1930

Марта Набиевич Каримов (09.01.1930, д. Кугарчи Зианчуринского р-на Башкирской АССР) родился в семье учителя. Окончил Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ и Высшие литературные курсы. Работал в редакциях республиканских газет и журналов. В 1964 г. стал редактором республиканского журнала «Пионер», с 1968 г. – редактор сатирического журнала «Хэнэк». Печатается с 1949 г., первая книга стихов вышла в 1956 г. Автор более 10 книг. На русском языке в Москве и Уфе вышли поэтические сборники «Весенние почки» (1961), «Не вспугни лебедей» (1972) и сборник сатирических рассказов «Министр по делам редиски» (1974). Народный поэт Башкортостана.

КАРИМОВА ЛЮДМИЛА

1937–2016

Людмила Михайловна Каримова (01.08.1937, г. Горький (ныне Нижний Новгород – 05.06.2016, Саратов) родилась в семье рабочих. В первые дни Великой Отечественной отец ушёл на фронт. Погиб при защите Сталинграда. После войны Людми-

ла с матерью переехала в Саратовскую область. Окончила школу, в 1960 г. – Саратовский нефтяной техникум, затем Уфимский горный институт по специальности «геология» (заочно). Работала на нефтепромыслах Татарской ССР, участвовала в геологических экспедициях. С 1965 г. жила в Саратове. Была конструктором в НИИ технического и специального строительного стекла. Стихи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Звезда Востока» и др. Первый поэтический сборник – «Иду к тебе» – появился в 1969 г. (Саратов, Приволжское книжное издательство), затем вышли книги «Избранное» (1997), «Золотой скальпель» (художественно-документальная повесть, 2002), «Бабье лето» (2004).

КАРМЕЕВ АТАУЛЛА

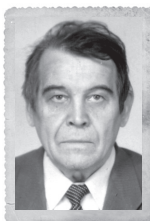
1930–2016

Атаулла Изятулович Кармеев (20.12.1930, г. Новоузенск Саратовской обл. – 2016, Саратов) родился в татарской семье потомственного овощевода. В 1949 г., окончив школу, поступил в Энгельсский машиностроительный техникум, в конце мая 1950 г. был призван в армию. Демобилизовавшись, в 1954 г. экстерном сдал школьные экзамены и поступил на автомеханический факультет ВАДЗИ. Работал на троллейбусном заводе, писал стихи в заводской «Крокодил», печатался в городской, районных и областных газетах, а потом и в общесоюзных изданиях, выступал на саратовском радио и телевидении. Автор 12 книг: «Полынный цвет» (1991), «Лесная тропа» (1992), «Далёкий свет Осавиахи-ма» (1997), «Два Кремля» (1998), «В потоке жизни торопливой...» (1999), «Пусть не буду Героем, может стану поэтом?» (2005) и др. Заслуженный работник культуры РФ.

КАСПЕРСКИЙ СТАНИСЛАВ

1939

Станислав Шакирович Касперский родился 29.05.1939 в Новочеркасске Ростовской обл. в семье офицера Красной армии (выпускника Академии им. Фрунзе), погибшего в боях за Москву. В 1958 г. окончил Каменец-Подольский индустриальный техникум по специальности «горный техник – электромеханик». До поступления в 1962 г. в Саратовский университет работал электромонтажником в Ставропольском крае, Якутии, на Дальнем Востоке, в Заволжье, Казахстане, по окончании вуза – корреспондентом газет «Коммунистический маяк» Шпаковского р-на, «Ставропольская правда», журнала «Советские профсоюзы», начальником отдела пропаганды передового опыта НИС «Нефтегазстройтруд», инструктором орготдела Ставропольского крайсовпрофа, начальником отдела научно-тех-

нической информации Ставропольского краевого комитета по охране природы, редактором газет «Родина», «Ставропольский казачий вестник», «Литературный Юг России», «Казачий Терек». Стихи впервые были напечатаны в газетах, выходили в различных периодических изданиях. Автор книг «Перед завтрашним днём» (1984), «В низине, возле краснотала» (1999), «Стихотворения. Рассказы» (2009) и двухтомника «Сочинения» (2009, 2011). Живёт в Ставрополе.

КОЗЛОВЦЕВА РАИСА

1938

Раиса Георгиевна Козловцева родилась в г. Лебедяни Липецкой обл. Отец с фронта вернулся, но от последствий тяжёлых ранений вскоре умер. Работала токарем, воспитателем в детском саду, тренером по конному спорту, много ездила по стране. Вернулась в Лебедянь, где проживает по сей день. Лебедянцам она также известна по публикациям в районной газете «Лебедянские вести» под псевдонимом Р. Коробкова (фамилия деда, Григория Дмитриевича). Автор нескольких стихотворных сборников, в их числе «Батюшка-Дон», «Дорога в детство», «Свете мой».

КОНСТАНТИНОВ ЕВГЕНИЙ

1936–2000

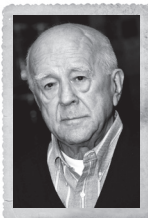

Евгений Иосифович Константинов родился 17.08.1936 в с. Манчаж Артинского р-на Свердловской обл. В семье было пятеро детей. Отец, Иосиф Семёнович, ушёл на фронт. В 1942 г. Евгений попал в детдом. После окончания семилетки окончил курсы трактористов. Трудился на целине, оттуда ушёл в армию, где чуть не погиб. В 1956 г. на его артиллерийскую часть под Винницей напала банда украинских националистов, было убито и ранено много солдат и офицеров. Е. Константинов получил удар ножом в голову... Спасли в госпитале. В 1957 г. был инструктором Сажинского райкома комсомола, потом работал в Свердловске на стройках. Печатался в областных и центральных газетах и журналах. В 1961 г. со второй попытки поступил в Литинститут им. А.М. Горького (год провёл на строительстве Московской окружной железной дороги), в 1965 г. окончил его и был принят на работу в Московскую писательскую организацию. В 1967 г. выпустил первый сборник стихов – «Борозды», в 1970 г. – второй, «Преодоление». К нему в гости приезжал Николай Рубцов. С 1985 г. Евгений Иосифович почти не выходил из психдиспансера. Умер 09.03.2000 года в Брянске. В 2004 г. сестра Е. Константинова, Людмила Змеева-Константинова, издала книгу «Земля

моя...», куда вошли стихи из его сборников, а также неопубликованные при жизни поэта произведения.

КОРОТИЧ ВИТАЛИЙ

1936

Виталий Алексеевич Коротич родился 26.05.1936 в Киеве. В 1953 г. золотой медалист СШ № 92 им. Ивана Франко с преподаванием ряда предметов на английском языке поступил в Киевский мединститут им. академика А.А. Богомольца и в 1959 г. окончил его с отличием. После прохождения интернатуры работал кардиологом в сельской больнице и в Институте клинической медицины им. Стражеско, где вёл научную работу. Окончил аспирантуру. В 1967 г. вступил в КПСС. Выпускник Киевского института иностранных языков. Был главным редактором молодёжного журнала «Ранок», с 1978 г. – редактором журнала «Всесвіт». Занимался переводами. С 1986 г. – главный редактор всесоюзного журнала «Огонёк», в 1991–1998 гг. – профессор Бостонского университета. Помимо США, читал лекции в Австралии, Мексике и Канаде. Неоднократно издавал произведения социально-политического характера: «О, Канада!» (1966), «Ленин, том 54» (1970), «Не стреляйте в пианиста!» (1970), «Кубатура яйца» (1977), «Мост» (1980), «Лицо ненависти» (1983) и др. Лауреат государственных премий СССР (1985) и УССР (1983). Сопредседатель писательского движения «Апрель». Работы переведены на 20 языков мира.

КОЧКАРЕНКО ВЛАДИМИР

1940–1976

Владимир Борисович Кочкаренко (28. 01.1940, г. Актюбинск Казахской ССР – 30.04.1976, Свердловск) после окончания средней школы трудился слесарем на заводах Свердловска, затем отучился в Уральском университете. Отслужив в армии, работал учителем в школах Свердловской области, в Казахстане, на Камчатке. В 1971–1976 гг. был тележурналистом на Комсомольском телевидении в Советском районе ХМАО, стал первым председателем литературного объединения «Кедр» при районной газете «Путь Октября». В 1975 г. в Свердловске вышла в свет книга стихов «Леса поют» – первое и единственное прижизненное издание поэта. Публиковался в альманахах «Под созвездием “Кедра”», «Эринтур», в сборниках «Свидетельство о рождении» (1971), «...Потому что – советские мы» (2003), в хрестоматии тюменских писателей (2015), в газетах «Новости Югры», «Ленинская правда», «Путь Октября», «Весть», «Первая Советская», в журналах «Югра», «Проталина». В 1978 г. издан сборник «Немыслимый сентябрь», в 1988 г. – «Года на память».

КРАВЧЕНКО АНАТОЛИЙ
1937–2020

Анатолий Иванович Кравченко (19.04.1937, г. Орджоникидзе (ныне Енакиево) Донецкой обл. Украинской ССР – 10.10.2020, Донецк) воспитывался в детском доме, потом учился в Енакиевской СШ № 7. Окончив школу, трудился на шахте, с 1956 г. посещал лито при газете «Енакиевский рабочий» (именно в этой газете в 1957 г. его стихи впервые увидели свет). После службы в армии (1957–1960) был сотрудником многотиражки Енакиевского металлургического завода «За металл», учился на заочном отделении Литературного института им. А.М. Горького. В 1965–1972 гг. работал в редакции художественной литературы издательства «Донбасс», в 1972–1974 гг. – ответственным секретарём, а в 1974–1984 гг. – главным редактором журнала «Донбасс». В 1984–2000 гг. возглавлял Донецкую областную организацию Национального союза писателей Украины, с 1991 по 1996 гг. был секретарём Союза писателей Украины. Стихи пишет с детства. Автор более 20 книг стихов, переводов, прозы, среди них «Перед восхождением» (1962), «Горячий берег» (1968), «Третья смена» (1970), «Дни» (1972). Лауреат пяти литературных премий. Почётный гражданин города Енакиева (2012). Многие произведения А. Кравченко переведены на иностранные языки; некоторые стихи стали песнями на музыку известных композиторов.

КРАПИВИН ВЛАДИСЛАВ
1938–2020

Владислав Петрович Крапивин (14.10.1938, Тюмень – 01.09.2020, Екатеринбург) был третьим ребёнком в семье педагогов – Петра Фёдоровича и Ольги Петровны Крапивиных. Отец до переезда в Тюмень из Кирова служил православным священником, но вынужден был оставить сан и место служения, спасаясь от репрессий. Этот эпизод семейной истории оставался тайной для Владислава Петровича до преклонного возраста. В 1956 г. В. Крапивин поступил на факультет журналистики Уральского университета им. А.М. Горького. Будучи студентом, работал в редакции газеты «Вечерний Свердловск», некоторое время занимал должность заведующего отделом газеты «Уральский следопыт», был там литературным работником. Впервые его рассказы и очерки появились в свердловских газетах в 1959 г., первая книга – «Рейс “Ориона”» опубликована в 1962 г. Автор около 200 книг, переведившихся на английский, персидский, испанский и другие языки. По некоторым его произведениям сняты фильмы, выходившие на центральном телевидении. Долгие годы работал в Екатеринбурге,

является почётным гражданином этого города. Как прозаик удостоен множества литературных премий. Стихи взяты из сборника «Синий краб» (2006).

КУБЕРСКИЙ ИГОРЬ

1942

Игорь Юрьевич Куберский родился 12.05.1942 в эвакуации в Ульяновске в семье военнослужащего. Отец – гвардии инженер-полковник Юрий Васильевич Куберский, участник Гражданской войны (воевал в дивизии Чапаева), Сталинградской и Курской битв, закончил Великую Отечественную в Вене. Мать – Куберская (Харчева) Нина Васильевна, до войны преподавала балетные танцы. И. Куберский окончил среднюю школу в Ленинграде в 1959 г. Параллельно занимался в музыкальной школе и музыкальном училище при Петербургской (тогда Ленинградской) консерватории, мечтал стать дирижёром. Отслужил три года срочной службы на Крайнем Севере в войсках ПВО (1961–1964), после чего поступил на филологический факультет Ленинградского университета, который окончил в 1970 г. по специальности «английский язык и литература». Как военный переводчик в 1969–1970 гг. принимал участие в Войне на истощение между Египтом и Израилем. Работал в газетах, издательствах, на киностудии. Писательский дебют состоялся в 1972 г. в журнале «Аврора», тогда же в коллективном ежегодном поэтическом сборнике «День поэзии» впервые напечатал стихи. Публикуется в литературных журналах и коллективных сборниках. Автор книг «Свет на сцену» (1979), «Отблески...» (1987), «Ночь в Мадриде» (1997), «Праздник свиданий» (2000) и др. Переводил Джона Донна, Генри Миллера, Ричарда Баха, Роджера Желязны и других американских и западно-европейских писателей и поэтов. Лауреат и номинант нескольких литературных премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

КУЗЬКИН СТЕПАН

1937–2012

Степан Павлович Кузькин (27.03.1937, д. Потапово Трубчевского р-на Брянской обл. – 27.03.2012, Трубчевск) после семилетней школы в д. Ужа окончил Трубчевское педучилище, затем заочно – факультет русского языка и литературы Новозыбковского пединститута (ныне филиал БГУ). Работал заведующим передвижным отделом Трубчевской районной библиотеки, инспектором районного отдела культуры, учителем русского языка и литературы в Усохской сельской школе, вторым секретарём Трубчевского райкома комсомола, заместителем редактора районной газеты, начальником райотдела культуры. Автор стихо-

творных сборников «Я хлебов не забыл язык» (1993), «Земля Бояна» (1997), «Ожидание» (2003), «Золотая тропка» (2006), «Яблочный спас» (2007). Заслуженный работник культуры РФ, родоначальник праздника народного искусства и поэзии «На земле Бояна» в Трубчевске. В мае 2012 г. на доме, где жил поэт, открыта памятная доска.

КУНИЦЫН АЛЕКСАНДР

1938–?

Александр Васильевич Куницын (26.09.1938, г. Нижний Тагил Свердловской обл. – ?, Челябинск) детство и юность провёл в Троицке Челябинской обл. После окончания школы работал разнорабочим на стройке, слесарем на ЧМЗ, посещал лито «Металлург». В Липецке вёл литературное объединение, работал в Челябинском обкоме ВЛКСМ. Сотрудничал с рядом районных и городских газет Челябинска, а также Свердловской, Калужской областей. Стихи впервые опубликовал в конце 50-х гг. Печатался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Урал» и во многих коллективных сборниках, альманахах. В 1963 г., будучи корреспондентом газеты Увельского района и Южноуральска «Ленинское знамя», организовал лито «Огонёк», ставшее впоследствии литературно-творческим объединением «Ли́ра». Первый сборник стихов – «Влюблённые» – опубликовал в 1964 г. в Челябинске, затем в Москве и Челябинске выпустил книги «Зелёный ливень» (1968), «Огницвет» (1973), «Кладовуха» (1973) и др. Автор 20 поэтических книг. В последние годы жизни бедствовал. Вероятно, умер в доме престарелых.

КУРЗОВ ВАСИЛИЙ

1936–1999

Василий Игнатьевич Курзов (07.11.1936, д. Кулешовка Могилёвской обл., БССР – 25.03.1999, Брянск) окончил Суражский учительский институт. Учительствовал, работал в районной газете, заведовал отделом культуры и быта. Заочно учился в Алма-Атинском университете, а потом в МГУ им. Ломоносова. В пос. Комаричи работал ответственным секретарём районной газеты «Знамя Октября», «Брянский рабочий». Автор книг «Солнечная сторона», «Поющие листья», «Голубые искорки», «Будто в сказку упаду» (издана посмертно).

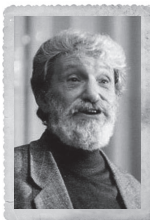
Брат поэта воевал, в феврале 1945 г. пропал без вести. А в 1970-х Василий Игнатьевич во время поездки в Венгрию нашёл его имя на обелиске среди 150 фамилий советских воинов-освободителей, погибших в г. Дебрецен.

КУРИЛОВ ГАВРИЛ
1938

Гаврил Николаевич Курилов (псевдоним – Улуро Адо) – юкагирский поэт, прозаик, публицист, драматург, переводчик и педагог, учёный-лингвист и этнограф, доктор филологических наук, профессор. Брат художника Николая Курилова и писателя и художника Семёна Курилова. Родился 30.04.1938 в Олеринской тундре Нижнеколымского улуса Якутской АССР. В 1962 г. окончил Ленинградский пединститут им. Герцена, затем аспирантуру Института языка, литературы и истории (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН). С 1968 г. – научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. В настоящее время – главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Печататься начал в 1962 г. в республиканских изданиях. В 1965 г. в Якутском книжном издательстве были опубликованы стихи и рассказы «Юкагирские огни», затем вышли поэтические сборники, переведённые на русский язык: «Пока дремлют олени» (М.: «Советская Россия», 1973), «Растопленные снега» (М.: «Современник», 1975). Издано 20 книг на юкагирском, русском, якутском, эстонском языках: «Песня звонких копыт» (1970), «Проталины» (1977), «Гул полярного сияния» (1984) и др.

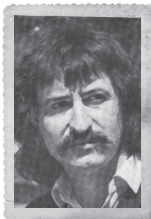
КУШАК ЮРИЙ
1936–2016

Юрий Наумович Кушак (19.04.1936, Москва – 06.03.2016, Москва) родился в семье военного. Окончил 182-ю московскую школу, потом первый курс пединститута (факультет французского языка), был призван в армию – на флот, служил дальномерщиком на эсминце «Иосиф Сталин» (три самых памятных года). После службы остался работать в газете Северного флота «На страже Заполярья». На Севере, таким образом, пробыл около семи лет. Поступил на факультет журналистики МГУ (заочное отделение). Первые стихотворные публикации состоялись в 1955 г. в газетах и журналах Севера, первая столичная публикация – в 1956 г. в газете «Московский комсомолец», где была напечатана большая подборка «взрослых» стихотворений. В 1962 г. в Мурманском издательстве вышла первая книжка стихов – «Пазори» (так на Беломорье называют полярное сияние).

ЛЕВЕНКО ВАЛЕРИЙ

1944

Валерий Яковлевич Левенко родился 27.12.1944 в Керчи, там и живёт. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. До поступления в вуз трудился на Камыш-Бурунском железнодорожном комбинате. По возвращении из Москвы был моряком, журналистом, библиотекарем. Стихи публиковались в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Смена», «Октябрь», в газетах «Литературная Россия», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», в альманахах «Подвиг», «Поэзия», «Родники», «Истоки», в антологиях. Автор 10 поэтических сборников, изданных в Симферополе, Киеве, Москве.

ЛЕВИНСОН ЛЕВ

1935–2000?

Лев Григорьевич Левинсон (18.10.1935, Смоленск – 2000-е, Петрозаводск) в начале войны при эвакуации в тыл отстал от поезда и был подобран солдатами воинского эшелона. Став воспитанником воинской части, преодолел боевой путь от Сталинграда до Польши. После Победы жил в Ленинграде. В 1954 г. окончил школу, в 1960-м – Ленинградский мединститут. По направлению приехал работать в Пудожский р-н Карелии. С 1964 г. жил в Петрозаводске. Первое стихотворение напечатал в 1954 г. в ленинградской газете «Ленинские искры». В Карелии публиковался в периодике, в коллективных сборниках. Первая книга – «Ребята нашего двора» (1967) – была адресована юным читателям. Автор пяти поэтических книг, в их числе «Стук в окно» (1968), «Солнечная полночь» (1974), «Зеркала» (1983), «Завтра и вчера» (1986), переводчик с финского и карельского языков.

ЛЕТЮК ЕВГЕНИЙ

1929–1976

Евгений Николаевич Летюк (13.04.1929, с. Романовка (ныне Глобинского р-на) Полтавской обл. Украинской ССР – 22.09.1976, Донецк) после обучения в Киевском геологоразведочном техникуме работал геологом на шахтах Донбасса. В 1954 г. окончил филологический факультет Киевского университета им. Т. Шевченко. Работал в газетах «Комсомолец Донбасса», «Вечерний Донецк», был секретарём Донецкого отделения Союза писателей Украины. Печатался с 1951 г. Автор около 15 сборников стихов, прозы и публицистики, в их числе «Всегда семнадцать!» (1957) «Кто там звёзды шевелит?» (1960), «Разные бывают цветы» (1962), «Третье весло» (1966), «Равноденствие» (1970),

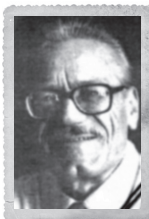
«С полными вёдрами» (1978, книга вышла уже после смерти автора). Писал также для детей: «Валько-хвалько» (1960) и др. Некоторые его стихи стали песнями, отдельные произведения переведены на русский язык. Похоронен в Донецке на Мушкетовском кладбище.

ЛИВИУ ДАМИАН
1935–1986

Дамиан Семёнович Ливиу (13.03.1935, с. Корлэтеня Бельцкого р-на АМ ССР – 20.07.1986, Кишинёв Молдавской ССР) в 1960 г. окончил филологический факультет Кишинёвского университета. В 1976–1986 гг. был заместителем главного редактора журнала «Нистру», главным редактором Государственного комитета по делам печати и секретарь руководящего комитета Союза писателей. Автор более десятка поэтических книг (первая – «Подарок девы», 1963) и сборников эссе. Перевёл на молдавский язык произведения Марцинкявичюса, Солоухина, Неруды, Ритоса, Хикмета и многих других поэтов. Стихи Д. Ливиу переведены на русский, украинский, литовский, латышский, польский и другие языки. Похоронен в родном селе, в 1995 г. в память о выдающемся соотечественнике там был открыт мемориальный дом.

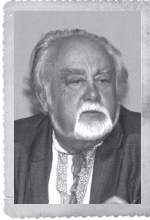
ЛОГИНОВ ЮРИЙ
1935–2001

Юрий Иванович Логинов (13.06.1935, Иркутск – 14.10.2001, Санкт-Петербург) сменил много профессий, начинал с работы в леспромхозе. В 16 лет стал литсотрудником газеты «Апшеронский рабочий». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1961), переехал в Ленинград. Работал литконсультантом в бюро пропаганды художественной литературы, позднее – редактором в журнале «Нева». Вёл творческие семинары, руководил лито. Автор книг «Тайна» (1992), «Крона» (1995), «Светотени» (1998). Трагически погиб вместе с женой, поэтессой Тамарой Никитиной.

ЛУБКОВСКИЙ РОМАН
1941–2015

Роман Марьянович Лубковский (10.08.1941, с. Остривец Тербовлянского р-на Тернопольской обл. УССР – 23.10.2015, Львов, Украина) родился на оккупированной фашистами территории. В 1963 г. окончил филологический факультет Львовского университета им. Франко. Работал заместителем главного редактора литературного журнала «Жовтень». В 1990–1994 гг. – народный депутат Украины. В 1992–1993 гг. – чрезвычайный и пол-

номочный посол Украины в ЧСФР (в 1993–1995 гг. – в Чешской Республике). В 2006–2007 гг. – председатель Комитета по Национальной премии Украины им. Т. Шевченко. Печататься начал в 1958 г. Произведения переведены на английский, белорусский, болгарский, польский, русский, сербский, словацкий, хорватский и чешский языки. Автор 10 сборников стихов: «Зачудовані олені» (1965), «Громове дерево» (1967), «Рамена» (1969), «Смолоскипи» (1975) и др. Похоронен на Лычаковском кладбище Львова.

МАЛДОНИС АЛЬФОНСАС
1929–2007

Альфóнсас Моисеевич Малдóнис (22.08.1929, Науяплента ныне Алитусского р-на Литвы – 06.10.2007, Вильнюс, Литва) родился в семье крестьянина. В 1954 г. окончил историко-филологический факультет Вильнюсского университета. В 1962–1970 гг. – главный редактор издательства «Вага» (Вильнюс). Печатается с 1956 г. Автор сборников стихов «Середина лета» (1958), «Ветер тучу гонит» (1960), «Солнечный ливень» (1962), «Растут деревья» (1965), «Эти года» (1966), «Водяные знаки» (1969), на русском языке опубликованы поэтические книги «Высокие ноты» (1963), «Апрельские разливы» (1971), «Избранное» (1986). Лауреат Государственной премии Литовской ССР (1965, 1981).

МАРЛАСОВ АНАТОЛИЙ
1943–2016

Анатолий Михайлович Марласов (01.08.1943, Пятигорск Ставропольского края – 02.09.2016, Санкт-Петербург) окончил Московский институт культуры, служил в армии. С 1969 г. жил в Тюменской области. Был заведующим отделом культуры Тазовского и Нижневартовского районов, заведующим управлением культуры г. Ханты-Мансийска и Ямало-Ненецкого автономного округа. В 1986 г. – председатель профсоюзного комитета Салехардской нефтеразведочной экспедиции, в 1993–2005 гг. – директор Тюменской областной научной библиотеки им. Д.И. Менделеева. После выхода на пенсию – исполнительный директор общественного фонда «Наследие Сибири», соведущий Е. Долгополовой в литературно-музыкальной гостиной Тюменского университета и президент Тюменской ассоциации литераторов. В 2011 г. переехал в Кисловодск. Писать стихи начал в 10-летнем возрасте, первая публикация (стихотворение «Размышления у памятника Кочубею») состоялась в 1960 г. в газете «Невинномысский рабочий». Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Библиотека», «Веси», «Литературная Тюмень», «Врата Сибири», в альманахе салехардских литераторов, в газетах «Огни Кавминвод», «Кавказская здравница», в альманахе «Литературный Кисловодск» и других изданиях. Работал также в жанрах прозы и драматургии. Автор семи книг: «Белый посох» (1995), «Раздумья» (1998), «Перед светлым именем твоим» (2004) и др. Заслуженный работник культуры РФ.

МАРЦИНКЯВИЧЮС ЮСТИНАС
1930–2011

Юстинас Марцинкявичюс (10.03.1930, д. Ваяткемис Пренайского р-на, Литва – 16.02.2011, Вильнюс, Литва) родился в крестьянской семье. После окончания школы в родной деревне стал студентом историко-филологического факультета Вильнюсского университета (1949–1954). Был секретарём правления Союза писателей Литвы, затем заместителем председателя СПЛ, действительным членом Академии наук Литвы. Первый сборник стихов – «Прошу слова» (1955). В 1956 г. вышла поэма «Двадцатая весна», затем – «Кровь и пепел» (1960), «Публицистическая поэма» (1961, в русском переводе – 1963), «Донелайтис» (1964), «Стена» (1965), «Ленин» (1967), «Миндаугас» (1968), «Собор» (1971) и др. Автор книг стихов «Руки, делящие хлеб» (1963), «Деревянные мосты» (1966), «Горящий куст» (1968), повести «Сосна, которая смеялась» (1961), книг для детей «Скорая помощь», «Война грибов» и др., а также множества переводов на литовский язык, в том числе эстонского эпоса «Калевипоэг» и финского эпоса «Калевала». На русский язык его стихи и поэмы переводили М. Двинский, Г. Ефремов, Ю. Кобрин, А. Межиров, Н. Мальцева, Р. Рождественский, Д. Самойлов. 07.12.2010 Ю. Марцинкявичюс упал на лестничной клетке своего дома, получив черепно-мозговую травму и перелом шейного позвонка, и до самой смерти находился в Вильнюсской университетской больнице скорой помощи. Похоронен на Антакальнисском кладбище. 03.07.2012 во дворе Сарбевия Вильнюсского университета была торжественно открыта мемориальная доска с барельефом поэта.

МАХАЛОВ ВАЛЕНТИН
1933–2010

Валентин Васильевич Махалов (31.07.1933, Горький (ныне Нижний Новгород) – 27.02.2010) окончил фабрично-заводское училище, работал слесарем-водопроводчиком, автосборщиком на Горьковском автозаводе. Затем учился во Владивостокском высшем мореходном училище, а потом на факультете журналистики Ленинградского университета. После окончания ЛГУ приехал в Кемерово, сотрудничал в газете «Кузбасс», позднее был корреспондентом «Строительной газеты» по Западной Сибири. В 1960 г. в Кемеровском книжном издательстве выпустил первый сборник стихов – «Сердце ищет песню». Автор более трёх десятков книг стихов, очерков и прозы, среди них «Ступени к солнцу», «Полюс любви», «Возраст сердца», «Высокая грива», «Тихая родина». Почётный работник культуры Кузбасса.

МИЛАВИН БОРИС
1936–1998

Борис Васильевич Милавин (28.06.1936, с. Чемодановка Бессоновского р-на Пензенской обл. – 02.01.1998, г. Заречный Пензенской обл.) родился в крестьянской семье. Учился в Пензенском техникуме железнодорожного транспорта, работал на стройках в г. Заречном, много лет – на инженерных должностях. В 1971 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Был одним из организаторов литературного объединения «Радуга» в г. Заречном. Стихи начал писать во время службы в армии, впервые их напечатали в 1957 г. в журнале «Советский воин». Публиковался в газетах «Труд», «Пензенская правда», в журнале «Волга». Автор поэтических сборников «Мосты» (1972), «Предчувствие» (1978), «Всё повторяется, не повторяясь» (1994), «Пора сенокоса» (1995), «Наедине с самим собою» (1998), «Истины» (2002), «Возвращение: Стихи разных лет» (2000) и др. В 1998 г. в г. Заречном учрежден ежегодный конкурс юных поэтов и прозаиков имени Бориса Милавина. В 2005 г. на стене дома, где жил поэт, установлена мемориальная доска.

МИЛОВАНОВ НИКОЛАЙ
1927–1981

Николай Евгеньевич Милованов (09.11.1927, г. Нижний Баскунчак Астраханской обл. – 16.09.1981, Саратов) в 1944 г. ушёл добровольцем на фронт. В 1945 г. был демобилизован как инвалид Великой Отечественной войны. В послевоенные годы сотрудничал в газетах «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. С 1960 г. занимался профессиональной литературной деятельностью в области художественного перевода поэзии народов СССР, сочетая её с собственным поэтическим творчеством. Его стихи печатались в периодических изданиях. Автор сборника «Преодоление» (1982).

МИРОНОВ ВАДИМ
1929–1979

Вадим Николаевич Миронов (07.01.1929, Белорецк Башкирской АССР – 20.07.1979, Челябинск) по окончании средней школы поступил в металлургический техникум, начал печататься в газетах. В конце 40-х гг. пришёл в журналистику. Первые стихи появились в журналах «Смена», «Юность», «Урал», «Дружба народов», «Нева», «Октябрь». В период учёбы на ВЛК (1957) при Литературном институте им. А.М. Горького был принят в Союз писателей СССР. Десять лет работал в редакциях районных, городских и республиканских газет. Автор пяти поэтических сборников: «В родном краю» (1952), «В пути» (1956), «Сердце зовёт», «Верю тебе, человек!» (1965), «Рукопожатье» (1976). Трагически погиб.

МОСИЕНКО АЛЕКСАНДР
1935

Александр Алексеевич Мосиенко родился 12.12.1935 в станице Зольская Ставропольского края. Отслужил в армии, окончил филологический факультет Пятигорского пединститута иностранных языков, получив специальность «учитель русского языка, литературы и немецкого языка». Три года был директором сельской школы в Ставропольском крае, в 1966 г. вернулся в Пятигорск. Более 30 лет проработал редактором многотиражной газеты «Учитель», ставшей на одном из российских конкурсов «Газетой года». В 19 лет дебютировал со стихами, затем печатался в краевых и всесоюзных изданиях, в журналах «Дон», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Русская провинция», в альманахе «Ставрополье», в сатирическом журнале «Хенек» («Вилы», Башкирия). В 1995 г. опубликовал два поэтических сборника: «Кто за рулём» (переведён на японский язык) и «Сентябрьская сирень». Автор 11 книг стихов и прозы («Базальт (1997), «Мои рубаи» (2004), «Проза жизни» (2005) и др.), а также пяти пьес. Заслуженный работник культуры РФ.

МУХИН ВЛАДИМИР

1940

Владимир Андреевич Мухин вспоминает: «Я родился 22 июня 1940 года в селе Смолевич Минской области в семье офицера Красной армии. Через год началась война, и получилось так, что мы с матерью остались на оккупированной территории. Когда пришли наши, мне шёл пятый год. Детская память очень цепкая, и я запомнил некоторые «картинки» тех жутких лет. Пошёл в школу в голодном 1947 году. Служил в армии, мотался по новостройкам, исколесил всю страну. Работал в металлургии, в геологоразведке, познал вкус шахтёрского хлеба». Стихи В. Мухина регулярно публикуются в периодике. В 2008 г. в якутском издательстве «Бичик» издан первый поэтический сборник – «Казна души».

НАЗИН ВЛАДИМИР

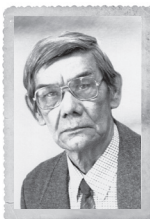
1934–1994

Владимир Иванович Назин (07.10.1934, с. Фёдоровка Мелитопольского р-на Запорожской обл. Украинской ССР – 26.09.1994, Екатеринбург) родился в крестьянской семье. В 1950 г., по окончании семилетней школы, вместе с семьёй переехал в г. Горловку Сталинской (ныне Донецкой) обл., где отец стал работать проходчиком на шахте. В 1954 г. В. Назин окончил Горловский горный техникум им. К.А. Румянцева, позже – Литературный институт им. А.М. Горького (заочно). Автор сборников «Парень из Донбасса» (Сталино, 1961), «Большая Медведица» (Донецк, 1967), «Зов крыла» (1972), «Ветер веков» (1975), «Пятистенка» (1979), «Борозды» (1984), «Колосья» (1987).

НАПАЛКОВ ВИКТОР

1938

Виктор Егорович Напалков родился 29.06.1938 в д. Жежим Усть-Куломского р-на Коми АССР. В 1955 г. окончил Усть-Куломскую среднюю школу, затем Ухтинский лесотехнический техникум. Заочно учился во Всесоюзном юридическом институте. 35 лет проработал в коми журналистике: ответственным секретарём районных газет, журналов «Би кинь» и «Войвыв кодзув», редактором радио и телевидения. Первое стихотворение было опубликовано в Усть-Куломской районной газете в 1956 г., первая повесть – «Подари человеку любовь» – появилась в журнале «Войвыв кодзув» в 1974-м. Автор десятка книг: «Наш дед Филипп» (1975), «Моё дыхание» (1977) и др., а также переводов с русского на коми язык стихотворений С. Есенина, С. Панько, А. Канева, И. Кузнецова, финно-угорских авторов. Почётный гражданин Усть-Куломского р-на, заслуженный работник Республики Коми. В 2013 г. за счёт частных вложений Виктора Егоровича и Натальи Васильевны Напалковых и средств администрации Усть-Куломского р-на в д. Жежим открыта библиотека, куда писателем переданы рукописи произведений, документы, коллекция книг и экспонатов.

НЕЧАЕВ ЛЕОНИД

1945–2020

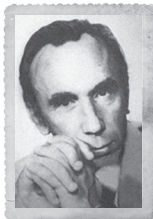
Леонид Евгеньевич Нечаев (1945, селение Каплай, Литва – 10.03.2020, Тверь) в 1966 г. окончил русско-английское отделение филологического факультета Белецкого пединститута (Молдавия). С 1968 г. жил в Калинин (ныне Тверь). Преподавал в Тверском мединституте на кафедре русского языка, в училище культуры и искусства, был старшим научным сотрудником в ре-

ставрационной мастерской, занимался научной и редакторской деятельностью, служил в органах госбезопасности, сотрудничал с областной молодёжной газетой «Смена». Печататься начал в 1962 г. Публиковался в сборниках «Салют, пионерия», «Берег детства», «Ровесники», альманахе «Тверь» и др., в журналах и газетах «Русская провинция», «Смена», «Уральский следопыт», «Пионер». Автор книг стихов и прозы для детей и взрослых «Конь голуб» (1983), «Портрет» (1985), «Ожидание друга, или Признание подростка» (1987, 1989), «Нещечко» (1990), «Ромашка и Черныш» (1988), «Старший брат» (1998), «Донный лёд» (1999), «В некотором царстве...» (2000), «Повесть о преподобном Сергии Радонежском» (2000), «Приснившийся рай» (2006) и «Золотая паутинка» (2014) и др. Член Союза писателей СССР с 1986 г., почётный работник культуры и искусства Тверской области.

ОЗЕРОВ АЛЕКСЕЙ
1931–1998

Алексей Николаевич Озеров (06.02.1931, Ленинград – 1998, Севастополь) подростком пережил блокаду. В 1950 г. окончил Ленинградское военно-морское нахимовское училище, а в 1956 г. – штурманский факультет Североморского высшего военно-морского училища в Архангельске. В дальнейшем его жизнь была связана с Севастополем. 22 года (с 1976 по 1998 г.) руководил городским литературным объединением, носящим теперь его имя. Более 10 лет ходил в море штурманом, старпомом и капитаном на боевых кораблях и гражданских судах. Автор стихотворных сборников «На горизонте весна» (1961), «Про слонёнка-боцманёнка» (1963), «По звёздам выверяя путь» (1966), «Причалы» (1975), «Добрые вести» (1981), «За горизонты» (1985), «Апрельский лёд» (1986), «Верность» (1987), «Северное сияние» (1991). В 1999 г. как дань памяти поэту по инициативе главного редактора альманаха «Севастополь» Валентины Сергеевны Фроловой и при поддержке города издана книга «Избранное».

ПАЛИЛЁНИС ПЯТРАС

1940

Пятрас Палилёнис – поэт, переводчик, эссеист, председатель Каунасского отделения Союза писателей Литвы, автор книг «Отвага» (1972), «Очная ставка» (1977) и др.

ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ ВИОЛЕТТА

1943

Виолетта Стасисовна Пальчинскайте родилась 20.11.1943 в Каунасе (Литва). В 1960–1964 гг. училась в Вильнюсском университете. Печатается с 1958 г. Первый сборник стихотворений – *Žemė kėlė žolę* – выпустила в 1961 г. Автор книг *Akmenys žydi* (1963), *Aikštės* (1965), *Kreidos bokštai* (1969), *Laiptai* (1985) и др. Как драматург дебютировала в 1966 г. со спектаклем *Keistuolio planeta*, впоследствии её пьесы ставились в театрах Литвы, проходили на сценах Киева, Львова, Минска, Москвы, Тбилиси, Хельсинки. Переводила на литовский язык поэзию Вероники Тушновой, с английского языка – произведения для детей английского фольклора и писателей Роальда Даля, Лемони Сникета и др. Лирика В. Пальчинскайте и произведения для детей переводились на английский, русский и другие языки. Лауреат Государственной премии Литовской ССР (1978), премии Правительства Литовской Республики в области культуры и искусства (2018).

ПАСЬКО ИВАН

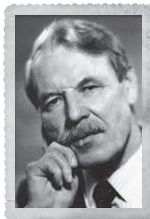
1937

Иван Андреевич Пасько родился 14.01.1937 в с. Арзгир Ставропольского края в крестьянской семье. Детство было трудным: отец не вернулся с фронта, на попечении матери остались двое малолетних детей и родители-старика. Семье довелось пережить и голод, и холод и фашистскую оккупацию. И. Пасько по окончании Арзгирской СШ № 1 в 1954 г. поступил на агрономический факультет Ставропольского сельхозинститута, примерно через год из-за болезни перевёлся на заочное отделение. В 1956 г. стал секретарём комитета комсомола и агрономом крупного арзгирского колхоза «Красный Октябрь». С 1961 по 2000 г. работал в редакциях районных газет Арзгира и Будённовска, пройдя путь от литературного сотрудника до редактора. Публиковался в коллективных сборниках и альманахах. Автор книг стихов и прозы

«Память», «Любовь и боль моя», «Тёплый след», «Полынь-трава», «Акация на ветру», «Откровение», «О чём молчит Чограй?», «Избранное» и др., а также слов около двух десятков песен.

ПАТРАЛОВ ЛЕОНИД
1938–2016

Леонид Михайлович Патралов (11.03.1938, Сокольский р-н Вологодской обл. – 2016, Вологда) окончил целлюлозно-бумажный техникум в г. Соколе и пединститут в Вологде. Был редактором областной газеты «Вологодский комсомолец». Печатался в газетах, журналах, коллективных сборниках, выпустил три поэтические книги: «Надежда» (1968), «Гроза на родине» (1998), «Свет осенней зари» (2006).

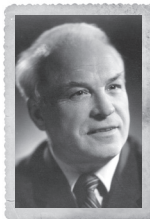
ПОЛИШКАРОВ АЛЕКСЕЙ
1934–2006

Алексей Федотович Полишкар (Олекса Полишкар; 25.03.1934 (по др. данным – Алексей Фёдорович, 25.12.1934), Николаев УССР – 2006, Санкт-Петербург.) – поэт, прозаик, переводчик. В 1948 г. окончил ремесленное училище в Николаеве, а после службы в армии (1961–1964) – Николаевский кораблестроительный институт, работал начальником испытательного стенда. Первая публикация стихов состоялась в 1958 г. Автор 11 поэтических книг: «Хлеб и соль» (1975), «Горлинка» (1979), «Клинопись грозы» (1991), «Огниво» (1999), «Жемчужная заря» (2002), «Возвращение» (2004) и др. Трагически погиб.

РОМАНОВ АЛЕКСАНДР
1930–1999

Александр Александрович Романов (18.06.1930, д. Петряево Сокольского р-на Вологодской обл. – 05.05.1999, Вологда) родился в семье учителя русского языка и литературы. Отец погиб на фронте. А. Романов в 1945 г. после Воробьёвской семилетки уехал в Вологду, окончил педучилище, затем Вологодский пединститут. В 1952 г. по направлению обкома комсомола стал работать в редакции областной молодёжной газеты «Вологодский комсомолец». В 1959 г. был принят в Союз писателей СССР. С 1960 г. обучался на Высших литературных курсах в Москве. Был одним из создателей и ответственным секретарём Вологодской писательской организации. Стихи писал с детства. Первый сборник – «Признание друзьям» – вышел в 1956 г. Автор более 20 книг стихов и прозы: «Семизвездие» (1963), «Посвящение в родню» (1967), «Чёрный хлеб» (1975), «Северные поэмы» (1979), «Дни прозрения» (1985), «Русь уходит в нас» (1987), «Избранное» (1990), «Сторожевой луч» (2000) и др. В последние годы жизни занимался эссеистикой и публицистикой.

РОМАНОВ ИГОРЬ
1927–2009

Игорь Степанович Романов (13.03.1927, г. Ейск – 22.11.2009, Ставрополь) в детстве пережил немецкую оккупацию в Нальчике, куда семья переехала после ареста её главы как «врага народа». В 1944 г. в 17-летнем возрасте отправился на войну с Японией, где служил под командованием генерала Плиева: на грузовике «студебеккер» отвозил на фронт боеприпасы и вывозил раненых. Награждён орденом Отечественной войны II степени и медалями. После демобилизации трудился лепщиком-строителем в Нальчике и одновременно учился в вечерней школе. В 1953 г. поступил на филологический факультет Ставропольского пединститута, по его окончании работал журналистом в газетах «Советская Калмыкия», «Молодой ленинец», затем был ответственным секретарём литературного альманаха «Ставрополье», позже – редактором Ставропольского книжного издательства. Печататься начал как поэт-сатирик. Стихи публиковались в Ставрополе, Элисте, Москве. Член Союза писателей СССР (1973). Автор книг «Корень зла», «Практический вывод», «Открытый вопрос», «Услуга», «Обидный намёк», «Суматошная карусель», «Душа нараспашку», «Чистые следы», «Белое утро», «Чужая беда», «Наступление», «Поздние холода», «Секрет долголетия», «Круговорот», «Круглая поляна» и др. В 2010 г. Ставропольский университет издал двух-

томник стихов И. Романова «Избранные произведения». В апреле 2012 г. на доме, где жил поэт, установлена мемориальная доска.

РОМАНОВА РАИСА
1943–2014

Раиса Александровна Романова (27.01.1943, г. Мензелинск ТАССР – 04.09.2014) выросла в офицерской семье. Первые годы детства провела в Татарии, потом жила в с. Защитном Шигровского р-на Курской обл. и в Курске, где в 1960 г. окончила школу, а в 1961 г. – КТУ № 12. Трудилась на двух заводах, вышла замуж, родила дочь и стала студенткой филологического факультета Курского пединститута. После второго курса поступила в Литературный институт им. А.М. Горького, где обучалась с 1966 по 1971 г., по окончании вуза занималась литературной работой в московских издательствах «Молодая гвардия», «Правда», «Современник», «Советская Россия», «Советский писатель», «Евроросс», «Московский писатель». Первая публикация состоялась 01.01.1960 г. в областной молодёжной газете «Молодая гвардия». Член Союза писателей СССР с 1979 г. Редактор-составитель литературного альманаха «Алтарь» и трёхтомника «Ладанка» (избранные стихотворения русских поэтов последней трети XX в.; М.: «Оберег», 2000). Автор более десятка сборников стихов: «Канва», «Подорожник», «Под утренним лучом», «Два пространства», «Любви во имя», «Душа скорбит о мёртвых и живых», «Цветы и свечи» и др. Переводила с языков народов СССР и с сербско-хорватского.

САМЧЕНКО ЕГОР
1940–1994?

Егор (Георгий) Дмитриевич Самченко – поэт и переводчик. Отец погиб под Сталинградом. Е. Самченко был рабочим, солдатом, студентом. Жил в Солнечногорске Московской обл., работал врачом-психиатром, потом профессионально занимался литературной деятельностью. Последнее место работы – журнал «Смена». Стихи печатались на страницах «Дня поэзии», «Комсомольской правды», «Знамени», «Юности». Автор книг «Жёсткий вагон» (1975), «Помогаю жить» (1987), «Лики свободы» (1989), «В октябре и т.д.» (1994).

СЕМЕНДУЕВА ЗОЯ
1929–2020

Зоя Юноевна Семендуева (фамилия при рождении – Хаимова; 20.10.1929, Дербент Дагестанской АССР – 09.04.2020, Нетания, Израиль) училась в Махачкале. В 1950 г. поступила на работу в Дагкнигоиздат на должность редактора. Со стихами дебютировала в 1960 г. на страницах альманаха «Ватан Советиму» («Советская Родина»), выходявшего на горско-еврейском языке. Печаталась в московских литературных журналах. Автор 10 поэтических книг, первая – «Войгей дуьл» («Веление сердца», 1967), на русском языке – «Народ-победитель» и «Песня, мечта и любовь». В декабре 1992 г. З. Семендуева уехала в Израиль, где в 1998 г. опубликовала сборник стихов «У обелиска», куда вошли произведения поэтессы на горско-еврейском языке и переводы её стихов на русский язык. Жила в Кфар-Йоне.

СЛЯДНЕВА ВАЛЕНТИНА
1940–2013

Валентина Ивановна Сляднева (22.12.1940, с. Надежда Шпаковского р-на Ставропольского края – 08.10.2013, Ставрополь) родилась в семье крестьян. Окончив восьмилетнюю школу в родном селе, трудовую деятельность начала в Ставрополе, одновременно училась в вечерней школе. Поступила в Ставропольский пединститут, по его окончании вышла замуж за военного лётчика, Ивана Дмитриевича Шматко, немало поездила по стране и зарубежью. В течение 13 лет возглавляла Ставропольское краевое отделение Общероссийской общественной организации писателей «Литературный фонд России». Член Союза писателей СССР с 1983 г., переводчик с татарского, карачаевского, черкесского языков. Автор 13 книг поэзии и прозы, в том числе «Перепелиная душа» и «Полоска земли», а также семи компакт-дисков с песнями. Почётный гражданин Ставропольского края. Скоро-

постижно скончалась. Похоронена в родном селе Надежда. Именем В. Слядневой названы одна из улиц Ставрополя и краевая библиотека для молодёжи. СШ № 14, где училась поэтесса, носит её имя. В крае открыто четыре музейные экспозиции, посвящённые памяти Валентины Ивановны. Ежегодно проводятся школьные и научные Слядневские чтения.

СОЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР

1937–2008

Владимир Петрович Соловский (07.02.1937, п. Стрельня Ленинградской обл. – 28.10.2008, п. Белая Берёзка Трубчевского р-на Брянской обл.) перед началом войны переехал с матерью в посёлок деревообработчиков Белая Берёзка. Отец поехать не смог: служил в органах. Далее – оккупация, голодная безотцовщина, похоронка на отца, пришедшая в самом конце войны, скитания по городам и весям (Воркута, Красноярск, Сырдарья, Байкал, Амур)... Учился в Калуге, Кирове и Ленинграде. Стал инженером-технологом, работал на Селецком комбинате. Заочно окончил факультет журналистики. В 1991 г. опубликовал подборку стихов в коллективном сборнике «Напев», а в коллективном сборнике «Струны Бояна» – стихотворный цикл «Звонь». Автор поэтических книг «Песни скитаний» (Брянск, 1994), «Горница» (Клинцы, 2003), «Заветный уголок (2007) и др.

СУЛЕЙМАНОВ БУЛАТ

1938–1991

Булат (Бикбулат) Валикович Сулейманов (28.05.1938, аул Супра Вагайского р-на Тюменской обл. – 05.03.1991, Тюмень) в 1954 г. окончил семилетку. Отучился на курсах трактористов, два года работал в родном колхозе. В 1956 г. переехал в Тобольск, в 1961-м окончил экстерном татарскую среднюю школу. В 1962 г. поступил в на историко-филологический факультет Казанского университета, но по материальным соображениям бросил учёбу. Работал грузчиком в Салехарде, строителем в Омске, библиотекарем, рабочим на нефтяных месторождениях. В 1974 г. заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Как поэт дебютировал в 1962 г. Печатался в «Юности», «Сибирских огнях», в казанских журналах на татарском языке «Казан утлары», «Идель», в еженедельнике «Литературная Россия», в тюменской периодике. В 1976 г. стал лауреатом журнала «Юность». В 1980 г. выпустил первую книгу на татарском языке – поэтический сборник «Таннор фонтаны» («Фонтан зорь»), в 1988 г. в Казани – вторую, «Ак метеор» («Белый метеор»). На русский язык его стихи переводили А. Васильев, Н. Шамсутдинов, П. Черкашин

и др., цикл вольных переводов «Эхо Булата» принадлежит перу А. Гришина. В 1998 г. в Екатеринбурге издан сборник стихов Б. Сулейманова «Мин себер татарымын» («Я – сибирский татарин»). С 1998 г. в память о поэте в Тюмени проводятся региональные научно-практические конференции «Сулеймановские чтения», в 2002 г. его именем названа улица в д. Казарово (ныне мкр. Тюмени).

СУЛЕЙМЕНОВ ОЛЖАС

1936

Олжас Омарович Сулейменов родился 18.05.1936 в Алматы Казахской ССР в семье Омархана Сулейменулы – прямого потомка Олжабай батыра, офицера казахского кавалерийского полка, репрессированного в 1937 г. После школы окончил геологоразведочный факультет Казахского госуниверситета (1954–1959), последние годы учёбы совмещал с работой в геологоразведочных партиях). В 1961 г. поступил в Литературный институт им. А.М. Горького, но в 1961 г. прервал обучение (был отчислен за драку). В 1962–1971 гг. – литературный сотрудник газеты «Казахстанская правда», главный редактор сценарно-редакционной коллегии киностудии «Казахфильм», заведующий отделом журналистики в журнале «Простор». Народный писатель Казахской ССР (1990), общественно-политический деятель Казахстана, дипломат. Пишет на русском языке. Литературной работой занялся в 1955 г., в центральной печати дебютировал со стихами на страницах «Литературной газеты» в 1959 г. Автор поэтических сборников «Аргамачи» (1961), «Солнечные ночи» (1962), «Доброе время восхода» (1964), «Год обезьяны» (1967), «Глиняная книга» (1969) и др., вышедших в том числе во Франции, а также нескольких литературоведческих книг. Произведения переведены на английский, французский, немецкий, испанский, чешский, польский, словацкий, болгарский, венгерский, монгольский и турецкий языки.

СУЛТАНОВ ОМОР

1935

Омор Султанович Султанов родился 06.11.1935 в с. Тосор Джеты-Огузского р-на Иссык-Кульской обл. Киргизской ССР. Член Союза писателей СССР с 1964 г., в 1971–1991 гг. – член правления этой организации. С марта 2007 г. по настоящее время – председатель Национального Союза писателей Кыргызской Республики. Был членом КПСС. В 1986 г. стал инициатором создания Международного комитета по защите Иссык-Куля (почётный председатель организации – Чингиз Айтматов). Автор

десятков популярных книг стихов и прозы: «Мгновение», «Всегда со мной», «Звёздные ночи», «На ветрах Иссык-Куля», «Утро на перевале», «Песни усталости», «Суть», «Предназначение», «Дорога к океану», «Белая дорога, синее небо», «Пираты поневоле», «Зрелость», «Остров Дракона», «Таинственный всадник» и др., киносценариев и переводов. Народный писатель КР, обладатель множества наград, почётный гражданин городов Киров, Норильск, Южно-Сахалинск, Шарлотта (США), села Александровка Московского р-на КР. Произведения переведены на многие языки мира.

МЕЖДУ БУДУЩИМ И ПРОШЛЫМ – ВЕЧНОСТЬ... ПАМЯТИ

Антология посвящена одной из важнейших тем русской литературы XX века – теме Великой Отечественной войны в лирике и эпике поэтов СССР и России.

Эти произведения являются не только ценнейшим поэтическим собранием, но также историческим источником и биографическим документом. В антологии «Война и Мир» – Имена. Здесь – Судьбы. Здесь – Поэты. Одно имя за другим... Их творчество требует своего законного места в памяти потомков и только благодаря этому – филологического анализа.

Знакомые и незнакомые поэты, и каждый – со своим голосом и интонациями стихов. Собрание стихотворений для антологии только первоначально казалась делом несложным. В прежние, советские годы почти каждое пятилетие выходили небольшие книги и многотомные труды, собранные уважаемыми людьми, на профессионализм которых можно смело положиться и сегодня. Жаль, что по-настоящему авторских сборников было немного: большинство книг были переизданиями себе подобных предшественниц с небольшими изменениями в текстовом блоке и в списочном составе поэтов.

Ситуация с почти полным уничтожением в России библиотечного и архивного фонда вынудила нас подходить к формированию авторского состава антологии иначе. Стало понятно, что пройдёт ещё десяток лет – и будущим поколениям будет просто негде достать ещё доступные нам сейчас книги умерших в провинциальной глубинке поэтов-фронтовиков. А значит, будут забыты сотни людей, чья писательская судьба для Родины не может и не должна стать проходящей. Поэтому мы старались дать максимально точную биографическую информацию о каждом включённом в антологию авторе. Парадокс, но в книгах, изданных при жизни поэтов, составители не считали необходимым указывать не только их год рождения, но и отчество.

Через семь десятилетий после Великой Победы и четверть века после исторического катаклизма, вызванного разрушением СССР, взгляд на многие литературные факты и явления того периода (фельетоны, стихи-отклики, частушки, юморески), первоначально считавшиеся сиюминутными, отвлекающими от главного, изменился. Эти «второстепенности» стали теперь картинкой эпохи, которая никогда уже не повторится.

Следует помнить, что фронтовое поколение нельзя считать неким монолитом. Оно не было единым, как любое поколение людей с разными взглядами, чувствами, судьбами, и прежде всего потому, что оно включало в себя несколько (в демографическом смысле) поколений людей, лично формировавшихся в разных исторических условиях. Распространена точка зрения, что принадлежность к поколению победителей определяется не возрастом, а участием в битве за свободу и независимость Отечества на фронте и в тылу. Война в той или иной степени «отметила» всех, кому пришлось её пережить и тем более в ней участво-

вать, какими бы разными ни были эти люди, к какой бы возрастной категории ни принадлежали.

Значимо и другое: спустя столько десятилетий судьба каждого из этих авторов оказалась накрепко спаяна с их произведениями, а что ещё знаменательнее – произведения всех поэтов можно считать одной большой летописью страны и народа. Война не дала «нового Пушкина», а дала «коллективного гения».

У этого «коллективного гения» есть две человеческие составляющие: поэзия мужчин и поэзия женщин. Чуть ли не единственный раз в мировой поэзии получилось ещё полнее выразить тему через составляющие единство части: фактографичность строк авторов-мужчин и сильную эмоциональность стихов женщин. Поэты-мужчины насыщали свои произведения фактами из боевых событий, в которых они участвовали, а творчество женщин представлено в основном фрагментами будничных ситуаций. Фронтная и тыловая лирика поэтов с поразительной, присущей только женскому восприятию чувственностью передаёт личные впечатления и переживания. Их лирические герои не всегда героически выглядят, но героизм души, преобладающий в характерах, превосходит всё внешнее. Женский тон изображаемых событий в военных декорациях придаёт стихотворениям особое своеобразие в раскрытии «неженской» военной тематики.

Нам бы очень хотелось, чтобы стихи о Великой Отечественной войне разбудили самосознание каждого ныне живущего, как когда-то война объединила массы городского и сельского населения в поколение, которое назвали военным. Война поставила каждого человека, не только поэта, в новые отношения с историей и народом. Исключив из антологии того или другого автора, мы бы изъяли неповторимый мемуарный образ Великой Отечественной войны.

Антология русской поэзии XX–XXI веков о Великой Отечественной войне – это мощный вклад в историческую сокровищницу. Тема войны будет продолжена нами, но в последующих томах она вращается корнями в мирное время, обретёт голоса последующих поколений. Ещё и поэтому мы и назвали антологию «Война и Мир».

Борис ЛУКИН,

9 мая 2016 г.

*Печатается в сокращении,
полный вариант читайте в книгах V–VIII.*

ВЕЧНОСТЬ... ПАМЯТИ

Антология русской поэзии XX–XXI веков о Великой Отечественной войне «Война и Мир» продолжена четырьмя новыми книгами проекта в канун празднования 75-летия Великой Победы. Теперь антология вращается своими корнями в мирное время. Книги VI–IX наполнены голосами поэтов, родившихся с 1927 по 1945 год, – поколения детей победителей.

Произведения отцов (авторов первых пяти книг) в первую очередь опирались на опыт военных действий; помимо патриотических чувств, пронизывающих эти стихи, в них сквозит сожаление о потерянных в боях и в тылу товарищах и близких.

Творчество детей войны – это голос особый. В их рядах – и малолетние участники сражений, воевавшие в составе партизанских отрядов и воинских подразделений, и работавшие в тылу и в эвакуации на заводах, в колхозах, есть и те, кто эти грозные годы прожил в оккупации или был вывезен на работы в Германию, оказался узником концлагеря. Впечатления военного детства и послевоенной поры стали основными темами стихов.

Канувшая в Лету советская эпоха во многом помогла в составлении данной антологии. Благодаря планомерной работе Союза писателей СССР у большинства поэтов регулярно выходили книги, которые распространялись по всей стране. Именно эти издания и стали основой материала, представленного в VI–IX книгах нашего собрания.

Низкий поклон краоведам, создавшим музеи на родине выдающихся земляков, всем неравнодушным людям, способствовавшим увековечению памяти писателей, присвоению их имён улицам и библиотекам, учреждению литературных премий.

Архангельск и Мурманск, Севастополь, Вологда, Санкт-Петербург, Кисловодск, Эссентуки, Евпатория, Донецк, Южно-Сахалинск, Брянск, Смоленск, Таганрог, Краснодар, Ижевск... не перечислить здесь всех городов и населённых пунктов, жители которых активно участвовали в подготовке издания.

Новые книги дополнены общим списком монументов, размещённых на обложках. В IX томе (авторы с 1927 по 1945 г.р.) есть раздел «Дополнения», где представлены избранные произведения поэтов, чьи имена не вошли в предыдущие тома. При этом раздел «Дополнения» к первым пяти книгам (авторы по 1927 г.р.) за годы разросся до полноформатного тома, поэтому он будет издан по итогам работы над всем объёмом нашей антологии, содержание которой теперь уже должно составить 15 томов.

Больше тысячи авторов из деревень и городов национальных республик и автономий легендарного СССР смогли отразить особенности переживаний почти каждой социальной группы огромной советской страны.

Память этого поколения наполнена не только трагизмом личной жизни, стихи чаще всего посвящены не военным действиям участников Великой Отечественной, а военной поре в тылу и трудным годам послевоенной жизни. Боль сиротства, долгое ожидание возвращения (вопреки всему) после Победы отцов, сочувствие материнскому вдовству и собственному одиночеству в мире, послевоенный голод, вкус скудного мирного хлеба – ещё одно биографическое дополнение ко всем грозным военным картинам... И это дополнение – неискажённое, непредвзятое, из первых

рук, фактическое, опирающееся на прожитое конкретным поэтом и его окружением. Для авторов последующих поколений такой жизненной точности в стихах достичь будет невозможно.

Этим и важно освоение новым поколением военной темы. Развитие тем фронтовой поэзии за счёт взгляда со стороны гражданского, а не боевого опыта, взгляда человека с абсолютно другим жизненным опытом позволило поэтам вскрыть новые болевые стороны лика войны.

Стихи в четырёх новых книгах позволяют ещё глубже понять, как выдержали советские люди эту беду, как осилили, за счёт каких резервов духа одолели. Стихи ещё раз показали, что этими резервами оказались неожиданные для захватчиков качества победителей: доброта, отзывчивость на чужую боль, бескорыстие, полная самоотдача в труде, беззаветная преданность своей Родине, жалость к поверженному противнику, вера в свой народ и его высшее предназначение, целеустремлённость, глобальное понимание смысла жизни.

Каждый раз, когда беру в руки очередную книгу со стихами о войне, выпущенную другими редакторами, мысленно благодарю собравших её людей. Особенно трепетно открывать издания, вышедшие в самый тяжёлый для страны период, когда враг был только-только отброшен от Москвы. Вот, например, сборник «Родина», опубликованный в ОГИЗ в 1942 году с подзаголовком «Сборник высказываний русских писателей о Родине», в котором представлены не только стихи, но и цитаты из прозы, личной переписки, публицистических статей и очерков авторов. А их состав впечатляет: от безымянного автора «Слова о полку Игореве» до Маяковского.

Прочитал и понял: а ведь наша антология – тоже собрание высказываний русских поэтов о Родине. Потребность в этих стихах с каждым годом будет расти, потому что в них – правда времени, правда прошлого, без которой невозможно будущее.

До сих пор ведётся работа поисковых отрядов на местах боевых действий, впервые со времён окончания войны в Солецком районном суде Новгородской области был признан геноцид советского народа со стороны фашистских захватчиков, издано и обнародовано на специальном сайте 23 тома архивных документов «Без срока давности» из архива Нюрнбергского трибунала, открываются военно-исторические музейные комплексы на местах сражений (мне посчастливилось в 2020 году посетить «Самбекские высоты» в Таганроге), «Осетровский плацдарм» на Дону, Ржевский мемориал советскому солдату в Тверской области, Музейный комплекс Героя Советского Союза Зои Космодемьянской «Зоя» в Петрищеве Московской обл. и лично убедиться в грандиозности возведённых мемориалов)... То есть работа по увековечению памяти о тех событиях возрождается по всей стране. Надеюсь, что наша антология займёт своё место во всенародных трудах по борьбе с откровенной ложью и замалчиванием правды о Великой Отечественной войне.

Читатель может воочию убедиться в значимости изданного в антологии «Война и Мир» материала, который теперь окончательно закреплён в литературном процессе и истории нашей Отчизны.

*Борис ЛУКИН,
14 ноября 2020 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

ТАЗОВ ВЛАДИМИР / 1938–1995	7
ТАЙДАКОВ ВИКТОР / 1942	8
ТАКАЛА РЕЙЁ / 1931–1989.....	10
ТАПХАЕВ ЛОПСОН / 1940–2007.....	11
ТАРАСОВ ГЕННАДИЙ / 1938.....	13
ТАРБА НЕЛЛИ / 1934–2014	15
ТАРУТИН ОЛЕГ / 1935–2000	19
ТАРХАНОВ АНДРЕЙ / 1936–2017.....	20
ТАШЛИНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ / 1944	23
ТЕЛЕГИНА ВАЛЕНТИНА / 1945–2017	25
ТЕРЁХИН ЛЕОНИД / 1930–2001.....	27
ТЕРЕХОВ ВЛАДИМИР / 1937–2016.....	29
ТЕРЕЩЕНКО ВАЛЕНТИН / 1937–2011	30
ТЕР-МАРКАРЬЯН АРШАК / 1938	32
ТЕРПУГОВА АЛЕВТИНА / 1942	35
ТИМИН ВЛАДИМИР / 1937–2015.....	37
ТИХОМИРОВ АЛЕКСАНДР / 1941–1981	38
ТИХОНОВ ИГОРЬ / 1928–1996	39
ТОБОЛКИН ЗОТ / 1935–2014.....	43
ТОКАРЕВ ВАЛЕРИЙ / 1945–2018.....	45
ТОРОПОВ ИВАН / 1928–2011	48
ТОРОПЫГИН ВЛАДИМИР / 1928–1980.....	49
ТОРШХОЕВ ИБРАГИМ / 1942–1996	51
ТРЕГУБОВ НИКОЛАЙ / 1940.....	53
ТРЕТЬЯКОВ АНАТОЛИЙ / 1938–2019	56
ТРОФИМОВ МИХАИЛ / 1936–2019.....	59
ТРЯПША ВАЛЕРИЙ / 1939.....	61
ТУЖИЛИН НИКОЛАЙ / 1927–1996	65
ТУРБИН МИХАИЛ / 1941	66
ТУЧКОВ ИВАН / 1936–2005.....	68
ТЮЛЬКОВ БОРИС / 1936–2014.....	70
ТЮРИН АРКАДИЙ / 1930–1992	71
ТЯПАЕВ АНАТОЛИЙ / 1928.....	72
УВАРОВ ЮРИЙ / 1944	75
УГРЕНИНОВ ГЕННАДИЙ / 1938–2016	80
УКАЧИН БОРИС / 1936–2003.....	82

УЛАХОВИЧ ДМИТРИЙ / 1939	89
УЛЗЫТУЕВ ДОНДОК / 1936–1972	93
УЛЬЯНОВА ИРАИДА / 1934–1976	95
УРУКОВ ВАЛЕНТИН / 1935–1978	97
УРУШЕВА ЛИДИЯ / 1938–2018?	103
УСТИНОВ ВАЛЕНТИН / 1938–2015	104
УШАКОВ ДМИТРИЙ / 1932–2011	106
ФАЙЗУЛЛИН РАВИЛЬ / 1943	109
ФАЙН РОМАН / 1938	110
ФАЛИКОВ ИЛЬЯ / 1942	111
ФАТЕЕВ ГЕННАДИЙ / 1934–2005	113
ФЕДАНОВ ВАСИЛИЙ / 1939	115
ФЕДОРИН ИГОРЬ / 1935	116
ФЕДОТОВ СТАНИСЛАВ / 1938	119
ФЁДОРОВ НИКОЛАЙ / 1931–2011	122
ФИЛАТОВ АЛЕКСАНДР / 1943–1988	123
ФИЛАТОВ ВЛАДИМИР / 1934–2011	126
ФИЛИППОВ АЛЕКСАНДР / 1932–2011	127
ФИЛИППОВ РОСТИСЛАВ / 1937–2006	129
ФИЛИППОВА ИРИНА / 1935–2009	132
ФИЛЬШТЕЙН МИХАИЛ / 1930	133
ФИЛЮШКИНА СВЕТЛАНА / 1936	134
ФИРСОВ ВЛАДИМИР / 1937–2011	134
ФОКИН ВЛАДИМИР / 1944–1991	142
ФОКИНА ОЛЬГА / 1937	143
ФОНЯКОВ ИЛЬЯ / 1935–2011	147
ФОТЬЕВ НИКОЛАЙ / 1927–2010	149
ХАЙДАР / 1945	152
ХАЛЗАНОВ БАРАС / 1938–1993	153
ХАЛОВ ПАВЕЛ / 1932–1999	154
ХАЛУПОВИЧ ВАДИМ / 1932	155
ХАНЖИН СЕРГЕЙ / 1939	156
ХАРАБАРОВ ИВАН / 1938–1969	158
ХАРИН ИВАН / 1942	161
ХАРИС РЕНАТ / 1941	163
ХАРЛАМОВ ЕВГЕНИЙ / 1941–2010	165
ХАРЛАНОВ ЕВГЕНИЙ / 1942–1993	166
ХАРЧИКОВ АЛЕКСАНДР / 1936–2010	169

ХАТИЛИН ИОСИФ / 1936–2017	169
ХЕМПЕТТИ ПАВЕЛ / 1941–2000.....	170
ХОВИВ ЕФИМ / 1928–2003	171
ХОДАРЕВ ВИТИСЛАВ / 1939–2013.....	171
ХОДУНКОВ КОНСТАНТИН / 1929	174
ХОЛОДОВА КЛАВДИЯ / 1943–1976.....	174
ХОМУТОВ ГЕННАДИЙ / 1939–2020.....	176
ХОРОШАВЦЕВ ГЕННАДИЙ / 1942–1996.....	178
ХОХЛОВ СЕРГЕЙ / 1927–2013.....	180
ХРАМОВ ЕВГЕНИЙ / 1932–2001.....	181
ХРИЛЁВ ВАДИМ / 1934–1998	185
ХРОМОВ АЛЕКСАНДР / 1936–2004	186
ХУДАЙЗАРОВ БЕРДЫНАЗАР / 1927–2001	188
ЦАКУНОВ ОЛЕГ / 1936–2000	190
ЦАРЁВ ДМИТРИЙ / 1928–2018.....	191
ЦАРЕГОРОДЦЕВ ВИТАЛИЙ / 1935–2009.....	192
ЦВИРКА КАСТУСЬ / 1934.....	193
ЦЕЛИЩЕВ АЛЕКСАНДР / 1941	193
ЦИРЛИНСОН АЛЕКСАНДР / 1935	196
ЦИРУЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР / 1937.....	199
ЦЫБИН ВЛАДИМИР / 1932–2001.....	200
ЧАКЛАЙС МАРИС / 1940–2003	203
ЧАШЕЧНИКОВ ЛЕОНИД / 1933–1999.....	203
ЧЕБЫКИНА НАТАЛЬЯ / 1941–1992.....	205
ЧЕБЫШЕВА МАРГАРИТА / 1932–2014	206
ЧЕРКАСОВ НИКОЛАЙ / 1938–1993.....	209
ЧЕРКАШИН ВАЛЕРИЙ / 1941–2015.....	212
ЧЕРНОВА ЛИЛИЯ / 1941–2016	213
ЧЕРНОСКУЛОВ АНАТОЛИЙ / 1940–2012	214
ЧЕРНУХИН ИГОРЬ / 1930–2017	215
ЧЕРНУХО ВИТАЛИЙ / 1930.....	220
ЧЕРНЫШЁВ СТАНИСЛАВ / 1934–1998.....	223
ЧЕРНЯК ВАДИМ / 1934–2008.....	224
ЧЕЧУЛИН АЛЕКСЕЙ / 1943–1995.....	226
ЧИБИРЕВ ВЛАДИМИР / 1940.....	228
ЧИКИН ЛЕОНИД / 1927–1994.....	229
ЧИКОВ АНАТОЛИЙ / 1928–1996.....	233
ЧИСТЯКОВ ЛЕВ / 1938	235

ЧИСТЯКОВА ГАЛИНА / 1941.....	236
ЧУЕВ ФЕЛИКС / 1941–1999.....	237
ЧУПРОВ ОЛЕГ / 1939.....	242
ЧУХИН СЕРГЕЙ / 1945–1985.....	245
ЧУХНО ОЛЕГ / 1937–2009.....	246
ЧУХОНЦЕВ ОЛЕГ / 1938.....	248
ЧУШКОВ ВЛАДИМИР / 1940–1971.....	249
ШАБАНОВ ВАСИЛИЙ /1938–1975.....	250
ШАЛЬНЕВ БОРИС / 1936–2019.....	252
ШАМШУРИН ВАЛЕРИЙ / 1939.....	253
ШАНБАТУЕВ МИХАИЛ / 1938.....	254
ШАНИН ЕВГЕНИЙ / 1933–2014.....	255
ШАНТГАЙ ЕКАТЕРИНА / 1936.....	259
ШАПОВАЛОВ МИХАИЛ / 1942.....	260
ШАПОШНИКОВ ВЯЧЕСЛАВ / 1935–2012.....	261
ШАРАБАРИН ДМИТРИЙ / 1937.....	262
ШАФЕРАН ИГОРЬ / 1932–1994.....	265
ШЕВЕЛЁВ АЛЕКСАНДР / 1934–1993.....	265
ШЕВЧЕНКО ГАЛИНА / 1939.....	269
ШЕВЧЕНКО МИХАИЛ / 1929–2010.....	270
ШЕВЧЕНКО ОЛЕГ / 1939–2007.....	271
ШЕПЁТКИНА ЗИНАИДА / 1940.....	272
ШЕСТАЛОВ ЮВАН / 1937–2011.....	273
ШЕСТИНСКИЙ ОЛЕГ / 1929–2009.....	274
ШИКИНА ЛЮДМИЛА / 1932.....	278
ШИЛЯЕВ АНАТОЛИЙ / 1938–1987.....	283
ШИНДЯЕВ ГЕННАДИЙ / 1939–2010.....	285
ШИПУЛИН АНАТОЛИЙ / 1939.....	287
ШИРОКОВ ВИКТОР / 1945.....	289
ШИТИКОВ АЛЕКСЕЙ / 1939–2016.....	291
ШИХАНОВ МИХАИЛ / 1937–1988.....	293
ШКАЛИКОВ ВЛАДИМИР / 1943.....	294
ШКЛЯРЕВСКИЙ ИГОРЬ / 1938.....	297
ШКОЛЬНИК ЛЕОНИД / 1945–2019.....	298
ШЛЁНСКИЙ ВЛАДИМИР / 1945–1986.....	299
ШМАКОВ ГЕННАДИЙ / 1930–2002.....	300
ШОШИН ВЛАДИСЛАВ / 1930–2008.....	303
ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ / 1937–1974.....	305
ШТУБОВ ВАЛЕНТИН / 1945–2013.....	307

ШУБНИКОВ ГЕОРГИЙ / 1933.....	311
ШУВАЕВ ВЛАДИМИР / 1946–2014.....	311
ШУЛЬГИН МИКУЛЬ / 1940–2007.....	313
ШУМАКОВ НИКОЛАЙ / 1928–2003.....	314
ШУМЕЙКО МИХАИЛ / 1942.....	315
ШУМИЛИН ВАЛЕРИЙ / 1935–2016.....	320
ЩАСНАЯ ЛАРИСА / 1939.....	329
ЩЕГЛОВ ЛЕВ / 1932–1996.....	329
ЩЕРБАКОВ АЛЕКСАНДР / 1939.....	336
ЩЕРБАТОВ БОРИС / 1941–2013.....	341
ЩИПАХИНА ЛЮДМИЛА / 1933.....	342
ЩИТОВ АНАТОЛИЙ / 1934–1998.....	343
ЩУРОВ ГЕННАДИЙ / 1938.....	344
ЭДИДОВИЧ МИХАИЛ / 1941–2008.....	346
ЭЗИЗОВ КУРБАННАЗАР / 1940–1975.....	346
ЭМИНОВ ОКТЕМ / 1934.....	348
ЭСКИН АНАТОЛИЙ / 1937–1977.....	349
ЭСКИН БОРИС / 1937–2019.....	350
ЮДАХИН АЛЕКСАНДР / 1942–2016.....	352
ЮМАН АНАТОЛИЙ / 1932–2018.....	354
ЮНИЦКАЯ МАРИЯ / 1929–2012.....	355
ЮРКОВ ОЛЕГ / 1935.....	357
ЮРЬЕВА ЛИДИЯ / 1942.....	360
ЮСУПОВ ТИМЕР / 1939–2016.....	361
ЮХМА МИШШИ / 1936.....	363
ЮШКОВ ГЕННАДИЙ / 1932–2009.....	365
ЯВТЫСЫЙ ПРОКОПИЙ / 1932–2005.....	367
ЯГАН ИВАН / 1934.....	370
ЯГАНОВ ВИКТОР / 1942–2000.....	373
ЯКУШЕНКО АЛЕКСАНДР / 1938–2012.....	377
ЯРОЦКИЙ БОРИС / 1933.....	379
ЯРЦЕВ ВЛАДИМИР / 1945–2019.....	383
ЯШЕНКО АЛЕКСЕЙ / 1941–2012.....	387
ЯШИН ДАНИИЛ / 1929–1988.....	388
ЯШИНА ИНЭЛЬ / 1940–2011.....	389
ЯШИНА ЛАРИСА / 1941.....	394

ДОПОЛНЕНИЯ
К КНИГАМ VI, VII, VIII

АВДЫШЕВ АЛЕКСЕЙ / 1928–1997.....	404
АКСЕЛЬРОД ЕЛЕНА / 1932.....	404
АЛИЕВА ФАЗУ / 1932–2016.....	407
АРТЮХОВ ЮРИЙ / 1937–1994.....	410
АТНАБАЕВ АНГАМ / 1928–1999.....	411
АШЕКО ЛЮДМИЛА / 1945.....	412
БАЛТАКИС АЛЬГИМАНТАС / 1930.....	415
БЕССОНОВ ВИКТОР / 1940.....	417
БОЛТАЧЁВ РОМАН / 1928–2010.....	419
БОРИСОВ СЕРГЕЙ / 1940–2013.....	423
БОЦУ ПАВЕЛ / 1933–1987.....	425
БРОН АЛЕКСАНДР / 1937–2009.....	426
ВАГАТОВА МАРИЯ / 1936.....	429
ВАЩЕНКО ОЛЕГ / 1933–1993.....	431
ВЕРТИНСКИЙ АНАТОЛИЙ / 1931.....	435
ВЕТЕМАА ЭНН / 1936–2017.....	438
ВИЕРУ ГРИГОРЕ / 1935–2009.....	439
ВОРОНОВ ИГОРЬ / 1939.....	440
ВОРОНОВА ОКТЯБРИНА / 1934–1990.....	441
ГАВРИЛЕНКО АНАТОЛИЙ / 1940–2019.....	442
ГАВРИЛОВ ДМИТРИЙ / 1931–1998.....	443
ГАРИПОВ РАМИ / 1932–1977.....	443
ГЛОТОВ ЕВГЕНИЙ / 1935–2010.....	444
ГЛУШКОВ ЮВЕНАЛИЙ / 1934–2013.....	446
ГОЛЬД АЛЬФРЕД / 1939–1997.....	446
ГОНЧАРОВА ОЛЬГА / 1937–2005.....	447
ГРИГОРЕНКО ГАЛИНА / 1938–2014.....	450
ГРИНЧУКОВ ВЛАДИМИР / 1937–2010.....	450
ГУСЕВ АНАТОЛИЙ / 1932–1964.....	452
ГУСИНСКИЙ ЮРИЙ / 1940–1998.....	453
ДАЕН ЛЕОНИД / 1929.....	455
ДЗЫБА ЭДУАРД / 1945–2003.....	457
ДЗЮБА ВИКТОР / 1936–2005.....	458

ДРОБИЗ GERMAH / 1938–2016.....	464
EPOXIN AЛEКСАНДР / 1935.....	467
ЖАРОВ БОРИС / 1930.....	470
ЗЛОБИНА ДИНА / 1936–2003.....	473
ЗУМАКУЛОВА ТАНЗИЛЯ / 1934.....	475
ИВАНИН НИКОЛАЙ / 1939–1996.....	478
ИВАНОВ ВИКТОР / 1941.....	478
ИВАНОВ GERMAH / 1940.....	481
ИВАНОВА ЕЛЕНА / 1941.....	483
ИНГЕРОВ ВИКТОР / 1944–2007.....	486
КАПЛИНСКИЙ ЯАН / 1941.....	487
КАРИМОВ МАРАТ / 1930.....	487
КАРИМОВА ЛЮДМИЛА / 1937–2016.....	491
КАРМЕЕВ АТАУЛЛА / 1930–2016.....	493
КАСПЕРСКИЙ СТАНИСЛАВ / 1939.....	493
КОЗЛОВЦЕВА РАИСА / 1938.....	494
КОНСТАНТИНОВ ЕВГЕНИЙ / 1936–2000.....	495
КОРОТИЧ ВИТАЛИЙ / 1936.....	497
КОЧКАРЕНКО ВЛАДИМИР / 1940–1976.....	498
КРАВЧЕНКО АНАТОЛИЙ / 1937–2020.....	500
КРАПИВИН ВЛАДИСЛАВ / 1938–2020.....	502
КУБЕРСКИЙ ИГОРЬ / 1942.....	504
КУЗЬКИН СТЕПАН / 1937–2012.....	505
КУНИЦЫН АЛЕКСАНДР / 1938–?.....	506
КУРЗОВ ВАСИЛИЙ / 1936–1999.....	510
КУРИЛОВ ГАВРИЛ / 1938.....	511
КУШАК ЮРИЙ / 1936–2016.....	513
ЛЕВЕНКО ВАЛЕРИЙ / 1944.....	516
ЛЕВИНСОН ЛЕВ / 1935–2000?.....	518
ЛЕТЮК ЕВГЕНИЙ / 1929–1976.....	520
ЛИВИУ ДАМИАН / 1935–1986.....	520
ЛОГИНОВ ЮРИЙ / 1935–2001.....	521
ЛУБКИВСКИЙ РОМАН / 1941–2015.....	522

МАЛДОНИС АЛЬФОНСАС / 1929–2007.....	524
МАРЛАСОВ АНАТОЛИЙ / 1943–2016	525
МАРЦИНКЯВИЧЮС ЮСТИНАС / 1930–2011	527
МАХАЛОВ ВАЛЕНТИН / 1933–2010.....	528
МИЛАВИН БОРИС / 1936–1998	531
МИЛОВАНОВ НИКОЛАЙ / 1927–1981.....	533
МИРОНОВ ВАДИМ / 1929–1979	533
МОСИЕНКО АЛЕКСАНДР / 1935	535
МУХИН ВЛАДИМИР / 1940	536
НАЗИН ВЛАДИМИР / 1934–1994	537
НАПАЛКОВ ВИКТОР / 1938.....	540
НЕЧАЕВ ЛЕОНИД / 1945–2020	541
ОЗЕРОВ АЛЕКСЕЙ / 1931–1998.....	544
ПАЛИЛЁНИС ПЯТРАС / 1940	547
ПАЛЬЧИНСКАЙТЕ ВИОЛЕТТА / 1943	547
ПАСЬКО ИВАН / 1937.....	548
ПАТРАЛОВ ЛЕОНИД / 1938–2016	550
ПОЛИШКАРОВ АЛЕКСЕЙ / 1934–2006.....	555
РОМАНОВ АЛЕКСАНДР / 1930–1999	557
РОМАНОВ ИГОРЬ / 1927–2009	559
РОМАНОВА РАЙСА / 1943–2014.....	562
САМЧЕНКО ЕГОР / 1940–1994?.....	563
СЕМЕНДУЕВА ЗОЯ / 1929–2020	565
СЛЯДНЕВА ВАЛЕНТИНА / 1940–2013	566
СОЛОВСКИЙ ВЛАДИМИР / 1937–2008	571
СУЛЕЙМАНОВ БУЛАТ / 1938–1991.....	573
СУЛЕЙМЕНОВ ОЛЖАС / 1936.....	573
СУЛТАНОВ ОМОР / 1935	576

На обложках размещены
МОНУМЕНТЫ МУЖЕСТВА И СЛАВЫ

Книга I
«ВОИН-ОСВОБОДИТЕЛЬ»

Монумент в берлинском Трептов-парке. Скульптор – Е.В. Вучетич, архитектор – Я.Б. Белопольский, художник – А.А. Горпенко. Открыт 8 мая 1949 года. Высота скульптуры – 12 метров. Вес – 70 тонн. Монумент «Воин-освободитель» является символом победы советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войне, а также освобождения народов Европы от нацизма.

Книга II
«РОДИНА-МАТЬ ЗОВЁТ!»

В мае 1959 года под руководством скульптора Е.В. Вучетича на Мамаевом кургане в Волгограде началось сооружение памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы». 15 октября 1967 года состоялось торжественное открытие памятника. Высота статуи – 85 м вместе с мечом, 52 м – без меча.

Книга III
«СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ»

Монумент воина-защитника, собирательный образ которого имеет внешние черты маршала В.И. Чуйкова, командующего 62-й армией. Скульптура находится в городе Волгограде на Мамаевом кургане. Площадь, на которой воздвигнут памятник, символизирует самые тяжёлые моменты Битвы под Сталинградом. У основания – надписи: «За Волгой для нас Земли нет», «Стоять насмерть», «Ни шагу назад!», «Не посрамим священной памяти», «Каждый дом – это крепость». Данные слова стали внутренним убеждением всех защитников Сталинграда.

Книга IV
МОНУМЕНТ ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА

Открыт 9 мая 1975 года к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Авторы – народные художники СССР С.Б. Сперанский, В.А. Каменский и М.К. Анискин. В зале, расположенном под монументом, на площади 1200 квадратных метров размещены документы и экспонаты, связанные с блокадой Ленинграда. Там же демонстрируются два документальных фильма, карта героической Битвы за Ленинград. Зал оформлен двумя мозаичными панно – «Блокада» и «Победа».

Книга V
«РОДИНА-МАТЬ»

Скульптура расположена на Пискаревском мемориальном кладбище (скульпторы – В.В. Исаева и Р.К. Таурит). На месте массовых захоронений жителей блокадного Ленинграда и воинов-защитников города в период с 1945 по 1960 год

по проекту архитекторов А.В. Васильева и Е.А. Левинсона был возведён мемориальный комплекс, его торжественное открытие состоялось 9 мая 1960 года.

Книга VI

«МУЖЕСТВУ, СТОЙКОСТИ, ВЕРНОСТИ КОМСОМОЛЬСКОЙ»

Памятник создан в честь комсомольцев Севастополя. Они не только участвовали в боях в первые годы Великой Отечественной, но и принимали активное участие в восстановлении города после войны. Композицию составляют солдат с оружием в руках, раненый матрос и девушка-санитарка. Их фигуры сделаны из органического стекла, стилизованного под бронзу. При установке в 1963 году у подножия монумента заложили капсулу с посланием будущим поколениям.

Книга VII

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «КЛЯТВА»

Монументальная скульптурная композиция в г. Краснодоне (Украина) находится на площади имени «Молодой гвардии» и является частью мемориального комплекса «Клятва», состоящего из братской могилы и памятника. Он изображает момент клятвы подпольщиков-комсомольцев – членов штаба «Молодой гвардии»: Олег Кошевой, Ульяна Громова, Иван Земнухов, Сергей Тюленин и Любовь Шевцова клянутся бороться с врагом. Комплекс создан ворошиловградскими скульпторами В.И. Агибаловым, В.И. Мухиным, В.Х. Федченко и киевским архитектором А.А. Сидоренко. Монумент торжественно открыт 12 сентября 1954 года.

Книга VIII

«ЗОЕ – БЕССМЕРТНОЙ ГЕРОИНЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА. 1923–1941 гг.»

На 85-м километре Минского шоссе, на пересечении трассы Москва – Минск с Московским Большим кольцом, воздвигнут памятник Зое Космодемьянской – первой женщине, удостоенной посмертно звания Героя Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Скульпторы О. Иконников и В. Фёдоров, архитектор – А. Каминский. Дата установки – 1957 год.

Книга IX

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МОНУМЕНТ «ГЕРОЯМ АДЖИМУШКАЯ» (КЕРЧЬ)

Мемориальный ансамбль сооружён у одного из входов в Центральные Аджимушкайские каменоломни. Он представляет собой двухпилоновую многофигурную композицию. На лицевой стороне пилонов – горельефные многофигурные скульптурные композиции, изображающие защитников каменоломен – советских воинов, партизан и жителей. Авторами монумента, открытого в 1982 г., являются украинские скульптуры Е. Е. Горбань, Б. Е. Климушко, архитекторы С. Н. Миргородский (за эскиз мемориала архитектор был награждён золотой медалью студии им. М. Грекова) и В. Сенцова.

Литературный фонд «Дорога жизни»

ВОЙНА И МИР

АНТОЛОГИЯ:

Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI вв.

В пятнадцати книгах

Книга IX (Дети; Т–Я; дополнения к VI–VIII книгам, авторы с 1927 до 1945 г.р.)

Идея проекта

Мизгулин Дмитрий Александрович

Руководитель проекта

Мизгулин Дмитрий Александрович

Главный редактор, редактор-составитель

Лукин Борис Иванович

Технический редактор, корректор

Денисова Виктория Викторовна

Редактор

Рыбакова Валентина Александровна

Вёрстка

Евменова Анастасия Анатольевна

ISBN 978-5-907344-16-7

9 785907 344167

Подписано в печать 31.12.2020. Формат 60x84/16

Бумага «Колор Файн». Печать офсетная,
гарнитура PT Serif. Печ. л. 46. Тираж 1000 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии «Любавич»

Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9

Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06